

СОВРЕМЕННЫЙ УЧЕНЫЙ

№1, 2025 год

Подписано к публикации: 08.01.2025

*Главный редактор журнала:
доктор педагогических наук,
профессор*

**Солопанова Ольга
Юрьевна**

**«Современный ученый»
включен в список ВАК с
12.02.2019г., Elibrary.ru и в
Международную базу данных
Agris.**

eLIBRARY.RU

Регистрационный номер СМН:
Эл № ФС77-72620 от 04 апреля
2018г. Федеральной службой по
надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых
коммуникаций
(Роскомнадзор)
ISSN 2541-8459 (online)

E-mail: info@su-journal.ru

Сайт: <https://su-journal.ru>

Члены редакционной коллегии:

Абшилава Георгий Валерьянович (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор
Авакян Рубен Осипович (Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор, академик МАНЭБ, академик
Всеармянской Академии проблем национальной безопасности
Айбатов Магомеднаби Магомедмиров (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Ахмедов Герман Ибрагимович (Германия, Кемниц) – доктор филологических наук, профессор
Бабаян Анжела Владиславовна (РФ, г. Пятигорск) – доктор педагогических наук, профессор
Бабкина Екатерина Сергеевна (РФ, г. Хабаровск) – доктор филологических наук, доцент
Балута Анастасия Анатольевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Белоцеркович Денис Валерьевич (РФ, г. Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент
Бирюков Павел Николаевич (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Бурибаева Майнура Абильтаевна (Казахстан, г. Астана) – кандидат филологических наук, доцент
Быстрой Елена Борисовна (РФ, г. Челябинск) – доктор педагогических наук, профессор
Ваджиров Малик Джагалутдинович (РФ, Р. Дагестан) – кандидат филологических наук, доцент
Василевич Григорий Алексеевич (Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Сергей Владимирович (РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Федор Петрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Волошина Людмила Николаевна (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Вохрышева Евгения Валерьевна (РФ, Самара) – доктор филологических наук, профессор
Гасанова Узлипат Усмановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Гребенникова Вероника Михайловна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Громов Владимир Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадирович (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Гуревич Любовь Степановна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Джафаров Тельман Гамзата оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Дулбова Ирина (Словакия, г. Братислава) – PhD
Ежова Татьяна Владимировна (РФ, г. Оренбург) – доктор педагогических наук, доцент
Епифанцева Наталия Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Жамудин Виктор Николаевич (Казахстан, г. Павлодар) – кандидат юридических наук, профессор
Зумбулдзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, Астана) – доктор юридических наук, профессор
Каминская Елена Альбертовна (РФ, г. Москва) – доктор культурологии, кандидат педагогических наук, профессор
Киквидзе Инга Джимшверна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Коваленко Вадим Николаевич (РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор
Кожеников Олег Александрович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, профессор
Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор
Кошарная Светлана Алексеевна (РФ, г. Белгород) – доктор филологических наук, профессор
Кротенко Ираида Абесаломовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Крузе Борис Александрович (РФ, г. Пермь) – доктор педагогических наук, профессор
Кудрявцева Екатерина Львовна (Германия, г. Гюстро) – кандидат педагогических наук, доцент
Лазарева Лариса Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор
Магомедова Тамара Ибрагимовна (РФ, Р. Дагестан) – доктор педагогических наук, профессор
Маларчук Наталья Николаевна (РФ, г. Тюмень) – доктор педагогических наук, доцент
Мамирова Кулаш Нурбергеновна (Казахстан, г. Алматы) – кандидат педагогических наук, доцент
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук
Махов Александр Сергеевич (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Машовец Асия Оксановна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Николай Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Метрели Медия Гивиевна (Грузия, г. Телави) – доктор педагогических наук, профессор
Миняева Татьяна Федоровна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Мирзоев Махмашариф Сайфович (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, профессор
Миронов Анатолий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Михайлова Екатерина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Михальчук Тамара Григорьевна (Белорусия, г. Могилев) – кандидат филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Насипов Ильшат Сахиткуллович (Республика Башкортостан, г. Уфа) – доктор филологических наук, профессор
Небратенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Николайченко Виктор Викторович (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Отанян Татьяна Борисовна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор педагогических наук, доцент
Окорокова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Остапович Игорь Юрьевич (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Панкратова Светлана Анатольевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Правдов Михаил Александрович (РФ, г. Шуя) – доктор педагогических наук, профессор
Ракипина Светлана Владимировна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук
Свечкарёв Виталий Геннадьевич (РФ, г. Майкоп) – доктор педагогических наук, профессор
Сеногоева Наталия Анатольевна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент
Серебренникова Анна Валерьевна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Сирота Елена Владимировна (Молдова, г. Бельцы) – кандидат филологических наук, доцент
Собянин Федор Иванович (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Султанбаева Хадиса Валиевна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Сумачев Алексей Витальевич (РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор
Сухомлина Татьяна Александровна (РФ, г. Самара) – доктор филологических наук, доцент
Фещенко Татьяна Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Хамеди Моголдам Мохсен Али (Иран, г. Тегеран) – кандидат филологических наук
Хван Людмила Борисовна (Узбекистан, г. Нукус) – кандидат педагогических наук, профессор
Числов Александр Иванович (РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Шмачилина-Цибенко Светлана Витальевна (РФ, г. Омск) – доктор педагогических наук, доцент
Шербакова Елена Евгеньевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор педагогических наук, профессор
Эбзеев Мурат Магомедович (РФ, г. Карачаевск) – доктор педагогических наук, профессор
Яковлева Надежда Олеговна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Ямалетдинова Галина Александровна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бозиев А.Т., Дзуганова Р.Х., Дзуганова Л.М., Салбиева В.А., Ошроева К.В. Глаголы движения (перемещения) в художественном тексте на кабардино-черкесском языке и о некоторых особенностях их перевода на русский язык	7-15
Овчаренко Е.Н. Реализация субъективной модальности в дискурсе колумнистики	16-22
Коваленко Н.Ю. Фрейм <i>отказа</i> в медийных текстах на английском языке в бизнес-дискурсе в аспекте их перевода на русский язык	23-35
Чжао Жуньфэн Семантические особенности цветообозначений в русском и финно-угорских языках: сопоставительный аспект	36-40
Дун Синьюй, Лю Цзымин, Ван Линлин Анализ ценности культурной идентичности В. Перелешина на основе концепции третьего пространства	41-48
Аль-Фурайджи Ахмед Адиль Саддам Исследование спутниковых каналов в медиа системе Ирака	49-54
Син Чуньюй Русскоязычные романы постсоветского периода и национальная психология (на примере романа Захара Прилепина «Обитель»)	55-61
Кузнецова В.Ю., Воробьев А.Е. Лексические особенности перевода специальных текстов (на материале текстов авиационной тематики)	62-66
Сюй Фань Языковые ошибки в русском языке. Причины и исправления: анализ частых ошибок и их источников	67-71
Кун Дэлуи Сравнение культурных различий в суевериях между Китаем и Россией	72-79
Шакалов И.И. Медийная траектория поддержки инициатив по реализации молодежной политики	80-87
Колотов М.В. Границы понятия "вторичный текст" в отечественной лингвистике	88-93
Син Чуньюй Фонетика как ключевой элемент в преподавании русского языка: анализ недостатков на китайском рынке	94-100
Тимуршин М.Р. Научные методы исследований рукописей (на примере произведения Мухаммада ал-Булгари «Хазинетуль-улема ва зинетуль-фукаха» (Клад ученых и украшение исламских правоведов)	101-105
Асанова З.А. Лексические единицы, выражающие невербальное проявление удивления (на примере творчества Шамиля Алядина)	106-110

Куликова Е.В., Жэнь Ян Предикаты лексико-семантической группы «исчезновения, утраты, гибели» в «зеркале» китайского языка	111-119
Ахметов А.А. Немецкие концепции дискурса: школы и принципы рассмотрений	120-126
Рогожина А.Н. Роль переводчика как культурного посредника при передаче реалий (на материале персидского языка)	127-133
Ян Пинпин Стратегия продвижения китайских брендов на мировой рынок с помощью инструментов стрим-блогинга	134-139
Балута А.А. Грамматическая реализация категории футуральности в сложноподчиненных предложениях латинского языка при переводе евангельских текстов (в сопоставлении с церковнославянским и русским языками)	140-147
Бу Цюнь Международная повестка "тайваньского вопроса" в китайских и российских СМИ: сходства и различия	148-152
Дробышева М.Н. Современность как важнейший фактор публицистичности эпистолярной Марины Држица	153-158
Плотникова Л.И. Вопросительные конструкции как средство создания языковой образности в литературно-критических статьях Н.Н. Страхова	159-164
Кабакова С.А., Знаменщикова Д.А. Анализ использования стилистических приемов в рекламных текстах с целью привлечения новых клиентов на примере рекламы «Вкусно и точка»	165-170
Матюшенко М.С. Неологизмы в современной французской прессе	171-179
Мухамадуллин С.Р., Газизов Р.Р., Спирчагова Т.А. Особенности научно-популярной тематики как приоритета медиаполитики российских федеральных университетов	180-185
Ху Хан Влияние социальных медиа на потребительское поведение в дистанционных продажах Китая	186-192
Аблялимова Г.Ш. Антонимия во фразеологических единицах крымскотатарского и русского языков	193-196
Яо Сун Сопоставительный анализ на основе лексикографии (на материалах Полного церковнославянского словаря протоиерея Григория Дьяченко и Большого словаря церковнославянского языка нового времени)	197-204
Бирюкова Е.В., Попова Л.Г., Флеенко Д.А. Проблемы адаптации в русском языке немецких слов времен Немецкой слободы	205-212
Омакаева Э.У., Ургадулова А.И., Боваева Г.М., Бураева Т.В., Крылов С.А., Корнеев Г.Б. Цветовые обозначения в калмыцких загадках	213-219

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гордеева В.В., Бирина Е.Р. Особенности формирования навыков саморегуляции у детей в период дошкольного возраста	220-225
Кюрегина А.В. Педагогические составляющие проектов, направленных на популяризацию биоэтического образа жизни	226-232
Со Фан Будущий карьерный рост преподавателей вокальной музыки в китайских педагогических вузах	233-239
Ву Хаодун Критерий повышения педагогической компетенции студента-вокалиста колледжа и вуза Китая	240-246
Малишевская Н.А., Бессарабова О.Н. О перспективах применения системы интервального повторения, прямого и косвенного методов в процессе обучения английскому языку студентов юридических специальностей	247-253
Митрофанова И.П., Алексеева А.С., Хурцидзе М.Х. Мониторинг развития структур высшего образовательного учреждения с позиции модели устойчивого развития EFQM 2020	254-265
Фэн Мэнюань, Козилова Л.В. Влияние цифровизации на академическую мобильность студентов и развитие высшего образования в России и Китае	266-273
Цилицкий В.С., Никитина Е.Ю., Афанасьева О.Ю., Столбова Е.А. Персонифицированная образовательная стратегия поддержки педагогов в профессиональном развитии	274-279
Ларина С.В., Гарбузова Т.Г., Тупицына Е.Г., Кузнецова С.Б., Калинин А.А. Педагогическая экосистема в условиях цифровизации	280-287
Желнин Э.В. Повышение уровня правовой грамотности родителей как одно из главных условий формирования правовой грамотности студентов	288-293
Петренко А.А. Инновационные технологии обучения в контексте новой философии образования	294-299
Рахимкулова Л.А., Гарбузова Т.Г., Кохреидзе М.В., Терентьев Д.Е., Ермолина Л.В. Оптимизация ресурсов в образовании, экономические аспекты	300-307
Мирзоева М.М., Таибова Р.А. Развитие цифровых компетенций при формировании профессиональных компетенций педагога-предметника	308-314
Агарёва Л.А. Динамическая модель организации психолого-педагогических классов: создание среды для развития личностного потенциала	315-321
Лю Ин Аудиовизуальные технологии в музыкальной педагогике как средство эффективности освоения музыки народов мира (на примере освоения народно-песенного творчества Китая)	322-328

Казанцева В.А., Ус О.А.

К вопросу о подготовке будущих педагогов к работе по профилактике
конфликтогенной среды во временном детском коллективе 329-335

**Муллахметова Г.Р., Молостова Е.П., Ибрагимова Э.Р.,
Рахматуллина Д.Э., Сидорова Д.Г., Филиппова Г.Ф.**

Кросс-культурная коммуникация в технической сфере: формирование межкультурной
грамотности инженеров и IT-специалистов, работающих в международной среде 336-341

Сандаков В.Е.

Модель разработки дистанционной педагогической технологии профессиональной
подготовки будущих учителей физической культуры 342-349

Гордеева В.В., Лисина А.Д., Целовальникова О.С.

Развитие творческого воображения у детей старшего дошкольного возраста
в условиях современного образовательного пространства 350-356

Куликова А.С., Сычёва М.В.

Развитие познавательных и интеллектуальных способностей детей дошкольного
возраста посредством использования развивающей предметно-пространственной
среды «Фиолетовый лес» 357-363

Ананьина Л.Н.

Цифровые ресурсы в профессиональной подготовке китайскому языку 364-368

Шиповская А.В.

Использование компьютерных и мобильных приложений, виртуальной реальности
в работе с детьми с расстройствами аутистического спектра (по материалам исследований) 369-374

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лукьянчикова Е.Ф., Ляхова А.И., Алейникова В.А.

К вопросу о проблемах заключения специалиста в уголовном судопроизводстве 375-382

Джаниев В.Б.

Дискуссия о результатах деятельности искусственного интеллекта:
проблема права на результат 383-388

Первых Т.А.

Профилактические и оперативные меры борьбы с преступностью
в годы Великой Отечественной войны: нормативно-правовой аспект 389-395

Проскуряков А.И.

Актуальные вопросы судебной практики по статье 358 Уголовного кодекса РФ «Экоцид» 396-401

Рязанова Е.Н.

Виктимологическая характеристика жертвы краж и хищений,
совершаемых бесконтактным способом 402-409

Кужеков А.Ю., Шестаков А.Г.

Понятие территории опережающего развития 410-414

Мухин Е.А.

К вопросу о повышении государственной пошлины при обращении
в суд и защиты прав владельцев земельных участков 415-419

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.111

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-7-15

Глаголы движения (перемещения) в художественном тексте на кабардино-черкесском языке и о некоторых особенностях их перевода на русский язык

^{1,2} Бозиев А.Т., ³ Дзуганова Р.Х., ² Дзуганова Л.М., ² Салбиева В.А., ² Ошроева К.В.

¹ *Федеральный научный центр Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук,*

² *Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,*

³ *Институт гуманитарных исследований,*

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук

Аннотация: жизнь многогранна, разнообразна и сложна. Обязательным условием существования человека, а шире общества и природы, является нахождение в постоянном движении. Движение обеспечивает жизнеспособность и выживаемость в разнообразных ситуациях и условиях. Движение самым тесным образом связано с пространством и временем, что придаёт ему особую весомость. Вполне естественно, что любой человеческий язык старается отразить факты движения, опираясь на свои культурные, исторические, традиционные и лингвистические принципы. Иногда они совпадают или близки, иногда они отстоят далеко друг от друга – всё зависит от сопоставимости языковых систем и структур.

Совершенно не случайно, что лексико-семантический разряд глаголов движения (перемещения) представлен во всех языках и образует одну из самых многочисленных групп. Следует отметить, что авторы по-разному выделяют эти группы и подгруппы глаголов, но в них всегда присутствует сема движения.

В данной работе анализируются особенности функционирования и перевода на русский язык глаголов движения (перемещения) из художественного произведения на кабардино-черкесском языке. Делаются следующие выводы:

1. Разнообразный инвентарь художественных приёмов и значительное отдаление от оригинала в некоторых случаях делает сравнение текстов или примеров затруднительным, или невозможным.
2. Несмотря на то, что анализируемые языки представляют собой разнотипные и разнотипные языки, маршрут движения в основном маркирован в обоих языках, в кабардино-черкесском языке такими маркерами выступают направительные и локативные превербы, в русском языке – приставки. Событие движения активно ориентировано на фигуру – субъект события.

Ключевые слова: художественный текст, перевод, глаголы движения, русский язык, кабардино-черкесский язык, морфологическая структура, семантическая характеристика

Для цитирования: Бозиев А.Т., Дзуганова Р.Х., Дзуганова Л.М., Салбиева В.А., Ошроева К.В. Глаголы движения (перемещения) в художественном тексте на кабардино-черкесском языке и о некоторых особенностях их перевода на русский язык // Современный ученый. 2025. № 1. С. 7 – 15. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-7-15

Поступила в редакцию: 3 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Verbs of movement in a literary text in the Kabardino-Circassian language and some peculiarities of their translation into Russian

^{1, 2} Boziev A.T., ³ Dzuganova R.Kh., ² Dzuganova L.M., ² Salbieva V.A., ³ Oshroeva K.V.

¹ Federal Scientific Center Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,

² Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov,

⁴ Institute of Humanitarian Research,

Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Abstract: life is multifaceted, diverse and complex. A prerequisite for human existence, and more broadly for society and nature, is being in constant motion. Movement ensures viability and survival in a variety of situations and conditions. Movement is closely connected with space and time, which gives it special weight. It is quite natural that any human language tries to reflect the facts of movement, relying on its cultural, historical, traditional and linguistic principles. Sometimes they coincide or are close, sometimes they are far from each other - everything depends on the comparability of language systems and structures.

It is no coincidence that the lexical-semantic category of verbs of movement (displacement) is presented in all languages and forms one of the most numerous groups. It should be noted that authors distinguish these groups and subgroups of verbs differently, but the sense of movement is always present in them.

This paper analyzes the features of the functioning and translation into Russian of verbs of movement (displacement) from a work of art in the Kabardino-Circassian language. The following conclusions are made:

1. The diverse inventory of artistic means and the significant distance from the original in some cases makes comparison of texts or examples difficult or impossible.

2. Despite the fact that the analyzed languages are languages of different systems and structures, the route of movement is mainly marked in both languages; in the Kabardino-Circassian language such markers are directional and locative preverbs, in the Russian language – prefixes. The event of movement is actively oriented toward the figure – the subject of the event.

Keywords: literary text, translation, verbs of motion, Russian language, Kabardino-Circassian language, morphological structure, semantic characteristics

For citation: Boziev A.T., Dzuganova R.Kh., Dzuganova L.M., Salbieva V.A., Oshroeva K.V. Verbs of movement in a literary text in the Kabardino-Circassian language and some peculiarities of their translation into Russian.

Modern Scientist. 2025. 1. P. 7 – 15. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-7-15

The article was submitted: September 3, 2024; Approved after reviewing: November 5, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Актуальность данного исследования определяется общим лингвистическим интересом к поиску типичного и специфического в языковом мышлении носителей разнотипных языков.

Исследователь Е. Сирота отмечает, анализ глаголов движения представляет собой одну из традиционных проблем русистики [12]. Как отмечает данный исследователь, в лингвистической литературе не наблюдается комплексного подхода к изучению глаголов движения, в связи с этим актуальным представляется исследование этих единиц языка в сопоставительном аспекте [12].

Целью данного исследования является анализ особенностей функционирования глаголов движения (перемещения) в художественном тексте на

кабардино-черкесском языке и их перевода на русский язык.

Все явления, происходящие вокруг человека и окружающие его, естественным образом находят своё отражение в языковых категориях, особенно если речь идёт о вещах, которые являются детерминирующими и необходимыми для поддержания жизнедеятельности человека. Общеизвестно, что объективно существующее пространство и время обязательно находят своё субъективное воплощение в любом языке. Данное представление может различаться у представителей разных народов, что объясняется спецификой восприятия окружающего мира (особой языковой картиной мира) и культурными традициями, но его языковое воплощение обязательно для всех носителей языков с разными структурами и системами.

В один ряд с пространством и временем можно поставить ещё большой ряд базовых категорий, но остановимся только на движении. Роль, которую играет движение в природе (без движения нет жизни), сопоставима с ролью, которые в языке выполняют глаголы движения, реализуя зеркально – отражательную функцию языка.

Глагольный ряд, передающий значение движения, в любом языке довольно обширен. К нему могут быть отнесены даже такие лексемы, как наклониться, упасть, споткнуться и т.д. Поэтому чрезвычайно важно опираться на надёжный инструментарий сужения данного ряда. Представляется, что в этом качестве может быть использовано дефиниционное описание лексемы «движение», содержащееся в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова. Согласно словарю С.И. Ожегова, лексема «движение» имеет 8 лексико-семантических вариантов (ЛСВ) если из этих ЛСВ исключить те, которые описывают движение как форму существования материи, общественную деятельность или переходные состояния, то остальные ЛСВ касаются перемещения кого – либо или чего-либо в определённом заданном направлении [11, с. 136].

С учётом последних ЛСВ и основываясь на них, выработаем рабочее определение, касающееся того, какие глаголы называть глаголами движения. Под глаголами движения мы понимаем глаголы, передающие перемещение кого-либо или чего-либо в пространстве на короткие или длинные расстояния любым способом – наземным, водным и воздушным. Практически все исследователи, занимающиеся изучением данной лексико-семантической группы, прямо или косвенно подразумевают именно такие глаголы. Они называют их базовыми, остальные глаголы, содержащие сему движения, следует считать периферийными.

В современной лингвистике (как отечественной, так и зарубежной) отмечается устойчивый интерес к исследованию данной проблемы. Выполнено огромное количество работ на материале различных языков, разработан теоретический фундамент проведения данных работ. Из зарубежных лингвистов в первую очередь стоит выделить таких специалистов, как Б. Левин, У.З. Вендлер, Ч. Филлмор, Г. Миллер, Ф. Джонсон-Лэрд, М. Мёрфи, С. Стивенсон, Л. Талми и многих других, которые занимались типологической и когнитивной семантикой, в подробностях описывали компоненты события движения.

Так, Л. Талми считает, что событие движения состоит из 4 основных компонентов: фигуры, фона, маршрута, манеры перемещения. Под фигурой понимается движущийся субъект (объект), фон –

объект, относительно которого совершается движение, маршрут – путь, по которому следует фигура, манера – способ перемещения [13].

Л. Талми предлагает в типологических исследованиях обращать особое внимание на то, какие семантические значения передают те или иные поверхностно - формальные элементы, например, корень, приставка или любой другой элемент. Семантически они могут быть связаны со способом движения или маршрутом движения [13, с. 22].

В зависимости от того, каким образом кодифицируется информация о маршруте движения, Л.Талми выделяет языки глагольного типа или сателитного типа. Языки глагольного типа кодифицируют информацию в самом глаголе, а языки сателитного типа – во всевозможных модификаторах – предлогах, префиксах и т. д. Как нам представляется, деление языков на данные два типа является категоричным, поскольку в языках предположительно используются оба эти типа, но с разной степенью распространённости.

Исследователь О.А. Кривенко пишет о том, что семантика глаголов движения по-разному проявляется в зависимости от языковой ситуации, где есть глагол [6].

А.В. Брятцева выделяет 15 основных глагольных групп в английском языке. Самой распространённой семантической группой оказывается группа глаголов, передающая значение движения (21, 3%) [2]. А.В. Брятцева полагает, что у глаголов движения присутствует сема «интенсивности движения», что позволяет ей выделить следующие группы глаголов: глаголы быстрого, нейтрального и медленного темпа движения [2]. Данную группу глаголов можно делить по видам движения, по направлению движения, скорости, цели (например, преследование), циклу движения (от выхода до входа), характеру среды (в воде, в воздухе, по земле).

Российской лингвистической наукой внесён существенный вклад в теоретическое осмысление и исследование семантики глаголов движения (перемещения). Интерес к данной теме не ослабевает вот уже несколько столетий. Внимание уделяется вопросам направленности и кратности русских глаголов, способу и скорости движения (перемещения), подробнейшим образом описаны приставочные глаголы.

В рамках проводимого исследования определённый научный интерес представляют глаголы движения (перемещения) в кабардино-черкесском языке, который характеризуется сложностью грамматического строя и наличием характерных особенностей. Несмотря на то, что выполнено множество работ по исследованию морфологиче-

ских, синтаксических, лексических, семантических особенностей кабардино-черкесского языка, явно ощущается дефицит специализированных работ системного характера.

Проблемы морфемного состава адыгских языков освещены в трудах ученых-кавказоведов, которые внесли большой вклад в исследование строения глагольной парадигматики адыгских языков (Л.Я. Люлье, Л.Г. Лопачинский, Г.Ф. Турчанинов, М.И. Цагов, Н.Ф. Яковлев, М.А. Кумахов, Х.Ш. Урусов, А.К. Шагиров, Г.В. Рогава, З.И. Керашева). В данной работе при разработке поставленной проблемы мы опираемся на их исследования.

Первые попытки научного описания и исследования, связанные с изучением структуры адыгских слов и природы морфем, были предприняты Н.Ф. Яковлевым. Н.Ф. Яковлев различает глагольные префиксы места, префиксы личного направления и отношения. В связи с частым употреблением этих префиксов они вошли в состав изменения глагола по лицам. По его мнению, таких префиксов пять. «Префиксы личного направления кьа- сюда, по направлению от 3-го лица речи ко 2-му или от 3-го и 2-го, по направлению от 1-го лица речи ко 2-му и 3-му или от 2-го к 3-му» [17, с. 97].

В работе «Грамматика кабардино-черкесского литературного языка» Н.Ф. Яковлев выделил одну из особенностей кабардино-черкесского языка – «отношения пространства, времени и др., выражаемые в русском языке служебными словами при именах (т.е. предлогами), в кабардинском языке выражаются префиксами в составе глагольной формы» [18, с. 87].

Исследователи Г.Ф. Турчанинов, М.И. Цагов в своей работе «Грамматика кабардинского языка» рассматривают глагольные префиксы и глагольные суффиксы (семантика, функции, происхождение). Описывая классификацию глаголов в кабардино-черкесском языке, авторы выделяют две группы: переходные и непереходные глаголы, а они, соответственно, делятся на глаголы 1) спрягаемые по субъектному строю; 2) спрягаемые по объектному строю; 3) спрягаемые по субъектно-объектному строю; 4) спрягаемые по именному спряжению. Отнесение глаголов к тому или иному строю не является для них постоянным [14, с. 92].

При описании глаголов направления в кабардино-черкесском языке необходимо учитывать переходность и непереходность глаголов. Авторы «Грамматики кабардино-черкесского литературного языка» отмечают, что «переходные глаголы, как правило, имеют прямой объект, который стоит в именительном падеже: хьыджэбзым джанэр ед – «девушка шьет рубашку» [3, с. 116]. «При непереходных глаголах отсутствует прямой объект,

субъект стоит в именительном падеже: шIалэр макIуэр - «парень идет», т.е. непереходный глагол имеет номинативную конструкцию» [3, с. 116].

Функционирование локальных превербов, участвующих в передаче и локативных, и направительных отношений продолжает осмысляться в работе М.Р. Адышесовой. Опираясь на исследование З.И. Керашевой, автор отмечает, что «приставки места в адыгейском и кабардинском языках функционально не соответствуют предлогам русского языка» [1]. «На самом же деле, направление действия, выражаемые в русском языке приставками и предлогами, в адыгских языках обозначаются флексией основы: псым хидзашъ, псым хидзынушъ. Но флексией основы направления действия выражаются только в глаголах, имеющих префиксы места. При этом флексией основы обозначаются только два направления: "туда, внутрь чего-нибудь" и "оттуда, в обратном, противоположном направлении"[1]. Автор полагает, что префиксы места в адыгейском и кабардино-черкесском языках зависят не от направления, а от флексии основы, с которой связан глагол: ШIалэ цIыклум пщIантIэм топ дедзэ "Мальчик во двор бросает мяч"– ШIалэ цIыклум пщIантIэм топ дедзэ "Мальчик выбрасывает мяч со двора". В этих двух предложениях глаголы выражают противоположные направления, несмотря на это, глагольный префикс остается без изменения, т.к. глаголом как в первом, так и во втором предложении управляет одно и то же лицо [1].

Большой вклад в разработку вопросов словообразования и словоизменения адыгских языков внес М.А. Кумахов. Обобщая результаты своих предшественников, ученых-адыгovedов в области изучения словообразования и словоизменения, он значительно развил и дополнил многие вопросы словообразования и словоизменения. По мнению Кумахова М.А., «широкое развитие в адыгских языках получило префиксальное образование глагола, которое тесно связано с грамматическими категориями данной части речи. В этих языках слабо развито суффиксальное словообразование глагола. Особенно многочисленны и разнообразны по своему составу глагольные превербы» [7, с. 138]. Автор отмечает интересный факт, что глагольный префикс, обладающий лексико-грамматическим временем может становиться средством выражения либо грамматического, либо лексического (словообразовательного) значения [7, с. 138].

Подобного мнения придерживается и А. К. Шагиров. Вслед за М.А. Кумаховым, он обращает особое внимание на тот факт, что префиксация является основным и самым продуктивным спосо-

бом глагольного словообразования. «В абсолютном своем большинстве префиксальный инвентарь представлен локальными провербами» [16, с. 162]. Например, блэ-, выступает в глаголах движения со значением «мимо» блэ-жы-н «бежать, пробежать мимо» (-жын от жэ-н – «бежать»).

Значительный вклад в исследование и описание морфологической структуры слова в адыгских языках внес Х.Ш. Урусов. В своей работе «Морфемика адыгских языков» автор пытается выработать принципы морфемного анализа словоформ кабардино-черкесского языка и делает попытку дифференцировать морфему и ее разновидности.

Автор утверждает, что «посредством префиксов в адыгских языках образуются глагольные основы. Префиксы в них обозначают направление, место, союзность, взаимность и образуют глаголы главным образом от глагольных же основ» [15, с. 212].

Детально описывая префиксальные морфы, он выделяет: 1) префиксы направления; 2) локативные провербы [15, с. 212-213]. В процессе анализа глаголов движения в кабардино-черкесском языке автор отмечает префиксы направления. «Префикс кьэ-, кьла-, кьлы-, кьл-/кьэ, кьа, кьы-, кь-. указывает направление «в сторону говорящего»: кьлэ-сын/кьэ-сын «прибыть, наступать», кьл-и-жын /кь-и-чын «выбежать откуда-л., вытечь». Префикс нэ-, на-, ны-, н- указывает направление от говорящего: нэ-сын «дойти, доехать», на-клуэ «пойдем туда, приходи туда». По продуктивности нэ- уступает своему антониму кьлэ-кьэ-» [15, с. 213-214].

Анализируя продуктивность префиксальных морфов, Х.Ш. Урусов отмечает интересный факт, что «большинство префиксов встречаются как в динамических, так и в статических глаголах. Все деривационные префиксы сочетаются с каким-нибудь динамическим глаголом. Многие локальные провербы не соединяются со статическими глаголами. В частности, префиксы направления кьэ-, нэ- непосредственно с корнем статического глагола не сочетаются» [15, с. 213]. Одни деривационные префиксы (префиксы направления кьлэ-кьэ), а также локативные префиксы гуэ-, дэ-, йы-, пхыры-, хэ- и т.д. характеризуются высокой валентностью [15, с. 213].

Данную точку зрения разделяет и исследователь А.К. Шагиров, который также классифицирует глаголы на статические и динамические и отмечает тот факт, что «корни динамических глаголов, используемые в сочетании с провербами, представлены в большем количестве, причем они могут сочетаться как с локальными, так и направлятельными провербами: блэ-чы-н – «пройти, проходить мимо»; йы-хэ-н – «войти, входить»; нэ-

сы-н- «дойти, доехать, прибыть (туда)»; кьлэ-сы-н – «дойти, доехать, прибыть (сюда)» [16, с.131]. Для статических глаголов направлятельные провербы нехарактерны, но они встречаются и здесь вместе с локальными провербами: кьлы-шгы-с-шэ – «напротив сидит» [16, с. 131].

Материалы и методы исследований

Материалом для данного исследования послужили примеры, взятые из произведения известного писателя и поэта А.П. Кешокова «Корни» (на кабардино-черкесском и русском языках) [4,5]. Примеры выписывались методом сплошной выборки. Было проанализировано свыше 150 страниц. Количество примеров превысило 70. Для удобства анализа примеры были сгруппированы для выявления наиболее типичных случаев. В работе применяется метод семантического и морфологического анализа.

Результаты и обсуждения

Разберём несколько наиболее типичных примеров употребления глаголов движения из художественного произведения на кабардино-черкесском языке (далее КЧЯ) и способов их перевода на русский язык:

Пример 1. **Сыклуэнщи – поеду сыклуэнщи**, (пойду и), где **сы-** личный префикс, показатель 1 лица, **-клуэ-** вариант корневой морфемы «идти», **-н** суффикс инфинитивной формы, **-щ** положительная форма, будущее время **и-** «пойду и...». Следует сразу же обратить внимание, что в кабардино-черкесском языке «идти» может означать и «ехать» – сравни с английским, в котором «to go» может означать любой вид перемещения.

На русский язык переводится глаголом в будущем времени, в котором приставка «по» – имеет направлятельное значение, обычно это начало поступательного движения или движения с места в одном направлении, «ед» – корневая морфема, «у» – показатель будущего действия. В КЧЯ глагол движения не маркирован с точки зрения направленности движения, т.е. маршрут неопределён.

Пример 2. **Зэкълэыклуэрт – завязывались связи; зэкълэыклуэрт** (ходили друг к другу тогда, в то время) – **зэ-** префикс совместности, **кълэы-** локальный проверб со значением «за кем-л.», **-клуэ-** вариант корневой морфемы «идти», **рт** – показатель времени в имперфекте. Если в КЧЯ используется глагол движения, то в переводе используется устойчивое выражение, которое, тем не менее, предполагает двустороннюю направленность действия и предполагает нескольких участников действия, но не делает очевидным движение.

Пример 3. **Къызэпаушлэ нэужь – пересекали море; къызэпаушлэ нэужь** (после того как пере-

секут) – **кьы-** направительный преверб в значении «сюда», **зэ-** префикс взаимности, **п-** локальный преверб, **а** – **уищI-** (пересекать, перерезать) – вариант корневой морфемы **а** – суффикс причастия – основного предиката + **нэужь** (потом, после – зависимый предикат). Если в оригинале употреблено причастие, то в переводе глагол стоит в прошедшем времени с приставкой «пере», несущей семантическую нагрузку, связанной с преодолением расстояния, перемещением, нежели какой-либо её направленности. В КЧЯ чётко обозначено направление движения – сюда.

Пример 4. **Къызэрыдэхти – устремлялись; къызэрыдэхти** – (нести от куда-л. гурьбой тогда), где **кьы-** направительный преверб в значении «оттуда сюда», **зэры-** префикс взаимности, **дэ** – префикс союзности, **-х-** вариант корневой морфемы, **-ти** – имперфект. Если в КЧЯ обозначено направление движения в обе стороны – откуда-то сюда, то в переводе употребляется приставочный глагол, обозначающий направленное действие от чего-либо, удаление.

Пример 5. **Зыхадзэрти – бросались в море; зыхадзэрти** – **зы-** префикс взаимности, **х-** локальный преверб, **а-** мн.ч., **-дзэ-** вариант корневой морфемы, **-рти** – имперфект.

Пример 6. **КъекIуэлIакъым – пришла; къекIуэлIакъым** (не подходил), **къ** – направительный преверб, **е-** 3л. косв. объект, **кIуэ-** корневая морфема, **лI-** глагольный суффикс, **а-** прош.вр., **-къым-** отрицательный суффикс. В отличие от оригинала в переводе глагол движения даётся в положительной форме. В обоих языках глагол содержит сему направленности «сюда». Приставка «при» употребляется со значением достижения цели (места), направление маршрута движения очевидно.

Пример 7. **Сыносри** псори зэхуэсауэ сарохьэлIэ – В больнице собрался врачебный синклит; **сыносри** (дошел до нужного места и...), **сы** – показатель 1 лица ед.ч., **но-** направительный преверб «туда», **с-** вариант корневой морфемы, **-ри** – форма аориста. В переводе данная лексема не нашла эквивалентного отражения – переводчик использовал художественный приём опущение.

Пример 8. Район сьмаджэщхэр кьыщысхуейм деж машинэ **къагъакIуэ, сашэри сыкъашэж** – Бывает, что в районные больницы приходится **выезжать** на сложные случаи; **къагъакIуэ** (присылают) **къ** – направительный преверб, **а-** 3 л., ед.ч., **гъэ-** каузативный префикс, **кIуэ** – корневая морфема, **сашэри** (меня везут и...) **са-** 1л, ед. ч., **шэ** – корневая морфема, **ри** – форма аориста, **сыкъашэж** (меня везут и обратно привозят) **сы-** 1л, ед. ч., **къа-** направительный преверб, **шэ** – корневая

морфема, **-ж** – глагольный суффикс. Буквальный перевод предложения сильно отличается от перевода – «Когда я нужен районной больнице, они присылают за мной машину, привозят и отвозят». Художественное осмысление данного предложения затрудняет его анализ. Примечательно, что в переводе употреблён глагол движения с приставкой «вы», которая означает направленность движения изнутри наружу.

Пример 9. **Къэсащ – приехала; къэсащ** (прибыл) – **къэ-** напр. преверб, **-с-** вариант корневой морфемы, **а-** суффикс прошедшего времени, **-щ** – утвердительная форма. Приставка «при» имеет направительное значение и означает достижение цели.

Пример 10. **Къежэх – катись с горки; къежэх**, где **къе-** напр. преверб, **-жэ-** корневая морфема, **-х** глагольный суффикс со значением движения вниз. Оригинальное слово имеет показатель направленности действия, в переводе употреблена лексема с внутренней семантикой движения.

Пример 11. Си гугъат псори **зэрыщIэхыну** – Я думала, после таких слов все **разбегутся; зэрыщIэхыну** (всем вместе выбежать), где **зэры-** префикс взаимности, **щIэ** – лок. преверб, **-х-** вариант корневой морфемы, **-ну** – суффикс будущего времени. Обе глагольные формы в будущем времени. Приставка «раз» обозначает направления движения из одного места в разные стороны.

Пример 12. Си деж **къыщIэлъэдат** – Однажды **прибежала ко мне; къыщIэлъэдат** (забежала тогда ко мне), где **къы** – напр. преверб, **щIэ** – лок. преверб, **лъэ-** корневая морфема, **-да** глагольный суффикс, **-т** – суффикс имперфекта. В переводе вместо забежала, заскочила, что ближе к оригиналу, даётся прибежала (что менее динамично). Приставка «при» имеет значение направления и достижения цели.

Пример 13. **СыкъыщIыхъатэкъым** – давно я **не заходил; сы** – 1л., ед.ч., **къы-** напр. преверб., **щIы-** лок. преверб. **-хъа** – корневая морфема, **-тэ** – вр. суф. перфект, **-къым** – отр. суф. Приставка «за» означает направленность и завершение действия.

Пример 14. **СыщIохъэри** – при моем появлении; **сы-щI-о-хъэ-ри** (захожу и...) – перевод совершенно другой. Автор использует отглагольное существительное вместо глагола.

Пример 15. **Къытельадэрти – набегал; къытельадэрти** – набегал; **къы-** напр. преверб, **те** – лок. прев., **-лъа-** – корень, **дэ-** гл. суф., **-рти** – вр. аффикс. Приставка «на» указывает **на направленность движения, действия в сторону.**

Исследование показало, что совершенно не случайно лексико-семантический разряд глаголов

движения (перемещения) представлен во всех языках и образует одну из самых многочисленных групп. Следует отметить, что авторы по-разному выделяют эти группы и подгруппы глаголов, но в них всегда присутствует сема движения.

В данной работе анализируются особенности функционирования и перевода на русский язык глаголов движения (перемещения) из художественного произведения на кабардино-черкесском языке. Значительное отдаление от оригинала в некоторых случаях делает сравнение текстов или примеров затруднительным, или невозможным.

Выводы

Проведённый анализ оригинала и перевода позволил сделать следующие выводы:

1. Буквальный перевод предложения сильно отличается от перевода.

2. Переводчик использует:

- большой инвентарь приёмов, что позволяет избежать буквального перевода, в некоторых случаях делая сравнение текстов или примеров затруднительным, или невозможным: одним из них является приём опущение;

- оригинальное слово может иметь показатель

направленности действия, в переводе употреблена лексема с внутренней семантикой движения без указания направления;

-художественный перевод допускает замену глагола движения на метафорическое устойчивое выражение;

-в отличие от отрицательной формы оригинала в переводе допускается глагол движения в положительной форме;

-при переводе оригинального глагола движения в переводе может использоваться эквивалент, не обладающий таким же значением скорости перемещения.

3.Отмечается обращение к широкому глагольному синонимическому ряду.

4.Несмотря на то, что анализируемые языки представляют собой разнотипные и разнотипные языки, маршрут движения в основном маркирован в обоих языках, в КЧЯ такими маркерами выступают направительные и локативные превербы, в русском языке – приставки. Событие движения активно ориентировано на фигуру – субъект события.

Список источников

1. Адышесова М. Р. Локальные превербы в кабардино-черкесском языке: автореф. на соиск. ученой степ. канд. фил. наук: 10.02.09 – кавказские языки. Майкоп, 1999. 24с. URL: <https://www.disscat.com/content/lokalnye-preverby-v-kabardino-cherkesskom-yazyke> (дата обращения: 07.06.2024)

2. Брятева А.В. Глаголы движения в английском языке // Молодой ученый. 2016. № 23 (127). С. 579 – 581. URL: <https://moluch.ru/archive/127/35238/> (дата обращения: 13.06.2024)

3. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка / редкол.: П.М. Багов, Б.Х. Балкаров, Т.Х. Куашева, М.А. Кумахов, Г.В. Рогава. Ч. 1. Фонетика и морфология. М.: Изд-во «Наука», 1970. 217 с.

4.Кешоков А.П. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Корни: Роман; Новеллы. Нальчик: Эльбрус, 2006. 552 с.

5. Кешоков А.П. Корни: Роман: пер. с каб. Л.М. Маремкуловой. Нальчик: Эльбрус, 2009. 288 с.

6. Кривенко О.А. Компоненты ситуации движения с участием глаголов движения в английском языке//Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2021. № 11 (79) URL: <https://scipress.ru/philology/articles/komponenty-situatsii-dvizheniya-s-uchastiem-glagolov-dvizheniya-v-anglijskom-yazyke.html>(дата обращения: 30.06.2024)

7. Кумахов М.А. Морфология адыгских языков: монография. М.: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, Нальчик, 1964. 264 с.

8. Лингвистический энциклопедический словарь под редакцией В.Н. Ярцевой. М: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

9. Люлье Л.Я., Лопатинский Л.Г. Краткая кабардинская грамматика. [Фотокопия]. Тифлис, 1891. 46 с.

10. Люлье Л.Я. Словарь русско-черкесский или адыгский с краткою грамматикой сего последнего. [Фотокопия]. Одесса, 1846. 27 с.

11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1982. 816 с.

12. Сирота Е. Сопоставительный анализ глаголов движения в русском и английском языках: семантика, сочетаемость, функционирование. URL: <http://dspace.usarb.md:8080/xmlui/handle/123456789/1266>, <https://scipress.ru/philology/articles/komponenty-situatsii-dvizheniya-s-uchastiem-glagolov-dvizheniya-v-anglijskom-yazyke.html> (дата обращения: 30.08.2024)

13. Талми Л. Когнитивной семантике: типология и процесс структурирования концептов. Т. 2. Cambridge, MIT Press, 2000. 504 с.

14. Турчанинов Г.Ф., Цагов М.И. Грамматика кабардинского языка, М.-Л., 1940. Ч. 1. 160 с.
15. Урусов Х.Ш. Морфемика адыгских языков: монография. Нальчик: Изд-во Эльбрус, 1980. 402 с.
16. Шагиров А.К. Фонетика и морфология кабардинского языка: монография. Нальчик: Издат. центр «Эль-фа», 2004. 222 с.
17. Яковлев Н.Ф. Краткая грамматика кабардино-черкесского языка. Синтаксис и морфология. Ворошиловск: Орджоникидзевское краевое изд-во, 1938. Вып. 1. 143 с.
18. Яковлев Н.Ф. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 371 с.

References

1. Adyshesova M. R. Local preverbs in the Kabardino-Circassian language: author's abstract for a dissertation on a Ph.D. in Philology: 10.02.09 – Caucasian languages. Maykop, 1999. 24 pages. URL: <https://www.dissercat.com/content/lokalnye-preverby-v-kabardino-cherkesskom-yazyke> (accessed on 07.06.2024)
2. Bryattseva A. V. Verbs of motion in the English language. Young scientist. 2016. No. 23 (127). P. 579 – 581. URL: <https://moluch.ru/archive/127/35238/> (date accessed: 13.06.2024)
3. Grammar of the Kabardino-Circassian literary language.editorial board: P. M. Bagov, B. Kh. Balkarov, T. Kh. Kuasheva, M. A. Kumakhov, G. V. Rogava. Part 1. Phonetics and morphology. Moscow: Nauka Publishing House, 1970. 217 p.
4. Keshokov A. P. Collected Works: in 6 volumes. Vol. 5. Roots: Novel; Novels. Nalchik: Elbrus, 2006. 552 p.
5. Keshokov A. P. Roots: Novel: trans. with cab. L.M. Maremkulova. Nalchik: Elbrus, 2009. 288 p.
6. Krivenko O.A. Components of the situation of motion with the participation of verbs of motion in the English language. Philological aspect: international scientific and practical journal. 2021. No. 11 (79) URL: <https://scipress.ru/philology/articles/komponenty-situatsii-dvizheniya-s-uchastiem-glagolov-dvizheniya-v-anglijskom-yazyke.html> (date of access: 30.06.2024)
7. Kumakhov M.A. Morphology of the Adyghe languages: monograph. Moscow: Kabardino-Balkarian book publishing house, Nalchik, 1964. 264 p.
8. Linguistic encyclopedic dictionary edited by V.N. Yartseva. M: Soviet Encyclopedia, 1990. 685 p.
9. Lyulye L.Ya., Lopatinsky L.G. Brief Kabardian grammar. [Photocopy]. Tiflis, 1891. 46 p.
10. Lyulye L.Ya. A Russian-Circassian or Adyghe dictionary with a brief grammar of the latter. [Photocopy]. Odessa, 1846. 27 p.
11. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. M.: Russian language, 1982. 816 p.
12. Sirota E. Comparative analysis of verbs of motion in Russian and English: semantics, compatibility, functioning. URL: <http://dspace.usarb.md:8080/xmlui/handle/123456789/1266>, <https://scipress.ru/philology/articles/komponenty-situatsii-dvizheniya-s-uchastiem-glagolov-dvizheniya-v-anglijskom-yazyke.html> (date of access: 30.08.2024)
13. Talmi L. Cognitive semantics: typology and process of structuring concepts. T. 2. Cambridge, MIT Press, 2000. 504 p.
14. Turchaninov G.F., Tsagov M.I. Grammar of the Kabardian language, M.-L., 1940. Part 1. 160 p.
15. Urusov H.Sh. Morphemics of the Adyghe languages: monograph. Nalchik: Elbrus Publishing House, 1980. 402 p.
16. Shagirov A.K. Phonetics and morphology of the Kabardian language: monograph. Nalchik: El-fa Publishing Center, 2004. 222 p.
17. Yakovlev N.F. Brief grammar of the Kabardino-Circassian language. Syntax and morphology. Voroshi-lovsk: Ordzhonikidzevskoe Krai Publishing House, 1938. Issue 1. 143 p.
18. Yakovlev N.F. Grammar of the Kabardino-Circassian literary language. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1948. 371 p.

Информация об авторах

Бозиев А.Т., кандидат филологических наук, доцент, Федеральный научный центр Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук; Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, alberdboziev@mail.ru

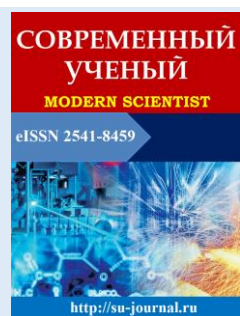
Дзуганова Р.Х., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований, Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук

Дзуганова Л.М., кандидат филологических наук, доцент, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

Салбиева В.А., кандидат филологических наук, доцент, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

Ошроева К.В., кандидат филологических наук, старший преподаватель, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

© Бозиев А.Т., Дзуганова Р.Х., Дзуганова Л.М., Салбиева В.А., Ошроева К.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 81`42

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-16-22

Реализация субъективной модальности в дискурсе колумнистики

¹ Овчаренко Е.Н.

¹ Армавирский государственный педагогический университет

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о репрезентации субъективной модальности в дискурсе русскоязычной колумнистики. Цель исследования заключается в изучении языковых способов реализации субъективной модальности в текстах авторской колонки. В задачи входит рассмотрение основных подходов к пониманию категории модальности и изучение способов репрезентации субъективной модальности в текстах русскоязычной колумнистики. Модальность рассматривается как неотъемлемая часть всех элементов дискурса. Дискурс колумнистики понимается как часть публицистического дискурса и относится к институциональному дискурсу. Отмечается, что модальность медиатекстов связана с персуазивным характером дискурса СМИ. Подчеркивается, что текст авторской колонки является одним из наиболее продуктивных пространств реализации персуазивности с помощью субъективной модальности. Субъективная модальность определяется как ментальная установка и оценка автора текста. Указывается, что в текстах колумнистики преобладает авторская позиция, репрезентируемая средствами субъективной модальности. Делается вывод о том, что для авторской колонки характерна эксплицитная реализация субъективной модальности. Модальность текстов авторской колонки транслирует отношения между адресантом и адресатом информации в пространстве медиадискурса. Текст колумнистики реализует как модальность реальности, так и модальность возможности, представленной авторскими оценочными суждениями.

Ключевые слова: модальность, субъективная модальность, дискурс колумнистики, оценка, оценочность

Для цитирования: Овчаренко Е.Н. Реализация субъективной модальности в дискурсе колумнистики // Современный ученый. 2025. № 1. С. 16 – 22. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-16-22

Поступила в редакцию: 10 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 15 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

The realization of subjective modality in columnistic discourse

¹ Ovcharenko E.N.

¹ Armavir State Pedagogical University

Abstract: the article examines the issue of the representation of subjective modality in the Russian columnistic discourse. The purpose of the study is to study the linguistic ways of implementing subjective modality in the texts of the author's column. The tasks include the consideration of the main approaches to understanding the category of modality and the study of ways to represent subjective modality in the texts of Russian columnistic discourse. Modality is considered as an integral part of all the elements of discourse. The columnistic discourse is understood as a part of journalistic discourse and refers to institutional discourse. It is noted that the modality of media texts is associated with the invasive nature of media discourse. It is emphasized that the text of the author's column is one of the most productive spaces for the realization of persistence using subjective modality. Subjective modality is de-

defined as the mental attitude and assessment of the author of the text. It is indicated that the author's position prevails in the texts of the columnists, represented by means of subjective modality. It is concluded that the author's column is characterized by an explicit realization of a subjective modality. The modality of the texts of the author's column translates the relationship between the addressee and the addressee of information in the space of media discourse. The text of the columnist implements both the modality of reality and the modality of possibility represented by the author's value judgments.

Keywords: modality, subjective modality, columnistic discourse, evaluation, evaluativeness

For citation: Ovcharenko E.N. The realization of subjective modality in columnistic discourse. Modern Scientist. 2025. 1. P. 16 – 22. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-16-22

The article was submitted: October 10, 2024; Approved after reviewing: November 15, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

В пространстве современного русскоязычного медиадискурса активно развивается направление колумнистики. Намечились предпосылки оформления колумнистики в отдельный жанр, включающий в себя особенности таких жанров, как комментарий, эссе, фельетон и т.д. Некоторые исследователи отмечают внежанровость авторской колонки, относя ее к авторской рубрике, наполняемой исключительно в соответствии с личными установками [2].

Несмотря на научные споры о жанровости авторской колонки, общим для различных подходов к пониманию колумнистики является обозначение цели текста авторской колонки: привлечение внимания читателя, побуждение к дискуссии и воздействие на его мировосприятие. В колонке автор выражает свою личную позицию, сближается с читателем и вызывает его доверие на основе сотрудничества и постановки актуальных проблем [13].

С позиции лингвистики становится возможным определить основные языковые характеристики текста колумнистики, что в перспективе, возможно, позволит установить жанровую специфику колумнистики.

Дискурс колумнистики относится к аналитико-публицистическому медиадискурсу и является разновидностью институционального дискурса, для которого характерны субъективность, диалогизм, сценичность, интердискурсивность, идеологичность и аксиологичность [15].

Важнейшей характеристикой колумнистики является доминирование авторской позиции, реализующейся субъективной модальностью. «Субъективная модальность в дискурсе колумнистики актуализирует личность автора, транслирует индивидуальную авторскую картину мира и реализует персуазивную функцию» [15].

В свою очередь, модальность занимает центральную позицию в языке. Соотношение триады

говорящего, высказывания и действительности реализуется практически в каждом тексте, даже если наблюдается нейтральная безоценочная позиция автора, нельзя утверждать об отсутствии модальности.

Анализ модальности текстов авторской колонки позволяет установить отношения между отправителем и получателем информации в парадигме медиадискурса.

Материалы и методы исследований

Для изучения реализации категории модальности в медиадискурсе были выбраны авторские колонки электронного издательства Gazeta.ru. Анализ модальности текстов авторской колонки позволит рассмотреть специфику влияния дискурса СМИ на формирование представлений и ценностей читательской аудитории и описать языковые способы реализации субъективной модальности и персуазивности медиатекста.

В ходе исследования были использованы методы сплошной выборки, дискурсивного анализа, стилистического анализа, когнитивно-прагматического анализа. Материалом послужили медиатексты российских колумнистов в Интернет-издании Газета.ру.

Результаты и обсуждения

Являясь продуктом речевого акта, высказывание также выступает в качестве инструмента для достижения коммуникативной цели. Согласно теории речевых актов высказывание понимается как интегральная составляющая дискурса, которая трактуется как речевая деятельность, включающая в себя как лингвистические, так и экстралингвистические составляющие, выстраивающие прагматическую цепочку «высказывание-речевой акт-дискурс» [4, с. 99].

Таким образом, категория модальности пронизывает все структуры дискурса, поэтому анализ целевых установок высказывания наиболее явно прослеживается благодаря иллюкутивной силе высказывания [3].

Модальность в текстах дискурса СМИ связана с категорией персуазивности. Под персуазивностью понимается попытка воздействия отправителя информация на его получателя с целью трансформации мировоззрения и поведенческих установок реципиента. Текст авторской колонки является ярким примером реализации персуазивного потенциала медиадискурса. С помощью продюцированных высказываний автор колонки может побуждать читателей к совершению определенных действий или отказу от них, к принятию авторских оценки и мнения, манипулируя над ценностными установками и эмоциями получателей информации [14, с. 58].

Модальность является одной из обязательных конституирующих характеристик текста. Если рассматривать текст авторской колонки с иллокутивно-модальной позиции, то наблюдается особая синтаксическая структура речевого продукта, включающая как принцип композициональности, так и непрямую корреляцию элементов текста [1].

Основные подходы к пониманию модальности сводятся к выделению следующих ее типов: объективной, выражающей отношение говорящего к действительности с точки зрения реальности/ирреальности; субъективной, отражающей отношение говорящего к сообщаемой информации: иллокутивной, характеризующейся коммуникативной целью говорящего или высказывания [16].

Субъективная модальность передается значениями, репрезентирующими ментальную установку и оценку отправителя информации. Объективная и иллокутивная модальность грамматически обязательны, но границы между ними не четки [7].

Интерес представляет подход к пониманию модальности, основывающийся на теории речевых актов, представители которого утверждают, что высказывание не только описывает действительность [9, с. 123]. С позиции иллокутивной силы высказывание может быть ассертивным, императивным или вопросительным.

Рассмотрим ассертивные высказывания, целью которых является констатация фактов, описание ситуации, сообщение информации. Утвердительная модальность в текстах авторской колонки реализуется через наличие перформативных формул с грамматической основой «я+перформативный глагол». Например, в колонке Марины Ярдаевой на тему *Сколько должны учиться школьники – 10 или 11 лет?: А я, как водится, не с теми и не с этими. Не вхожу я и в те 12% неопределившихся да сомневающих. Напротив, я со всей уверенностью могу заявить: возможны самые разные варианты, но все зависит от условий воплощения этих*

вариантов в жизнь. Мне близка философия долгого, вдумчивого образования [18].

Таким образом, для авторской колонки характерна эксплицитная реализация субъективной модальности. Получатель информации вовлечен в сообщение, в процесс передачи информации и заинтересован не столько самой информацией, а точкой зрения автора текста. При этом текст не лишен фактивации авторского мнения: *Нынешняя школа – это, наоборот, бешеный бег, дичайшая суeta. При этом спешка совершенно бессмысленна* [18]. Авторское мнение представлено как объективное, истинное знание. Поэтому текст авторской колонки не лишен и имплицитных способов воздействия. Ассертивная модальность исключает возможность дискуссии, способствует принятию адресатом эпистемическую установку.

Побудительные высказывания способствуют привлечению внимания читательской аудитории с помощью установления прямого контакта с аудиторией и призыва к конкретным действиям: *Просто посчитайте, сколько времени уходит на то, чтобы об этом прочитать* [12].

Вопросительные, высказывания достаточно широко используются в текстах авторских колонок. Авторы создают иллюзию диалога. Часто заголовки колонок представлены вопросительными высказываниями: *Куда рожать, если кругом одни студии?* [17]; *Сколько должны учиться школьники – 10 или 11 лет?* [18]; *Почему Трампа дважды попытались убить за одну кампанию?* [11]; *Зачем мы читаем Пелевина каждый год?* [6]. Многие вопросительные высказывания внутри текста сразу получают ответ автора, предлагая обзор сообщения и авторской позиции: *«И каков результат? Очередной приступ тревоги* [12].

Встречаются целые абзацы, состоящие из вопросительных высказываний на которые не даются ответы автора: *Или... или это просто шутка? Стендап, пошедший не по плану? Безумная «Круть» о мести динозавров и скором конце света? Очередная симуляция? Симуляция потери собственного стиля, смысла, уникальности? Симуляция этой симуляции?* [6].

Бесспорным основным признаком колонки является ее авторский характер, значительно отличающийся от текстов иного порядка. В медиапространстве адресат и адресант, как правило, обезличены. Медiateкст выполняет прежде всего информационную функцию, несмотря на языковые приемы автора текста, целью которого становится привлечение внимания к информации текста. Совершенно иное явление наблюдается в тексте авторской колонки. Акцент смещается на имя авто-

ра, которое часто даже структурно размещается до заголовка текста.

Например, в электронном издании Газета.Ru последовательно идут разделы *Политика*, *Бизнес*, *Общество*, *Армия* и затем особым образом выделен раздел *Мнения*, представленный несколькими авторскими колонками. Само название указывает на субъективность содержания последующих текстов раздела. У читателя возникает впечатление, что он со страницы издательства попадает в совершенно иное, личное пространство. Как отмечает Л.Е. Кройчик, современный публицистический текст персонифицируется, автор не только транслирует информацию, но и интерпретирует ее. Интерес представляет не столько сама информация, сколько точка зрения конкретного лица [5]. В то же время, текст колумнистики отличается в этом плане от текстов других публицистических жанров. Автор колонки не воспринимается читателем как источник новости [10]. В этом аспекте текст авторской колонки переходит в группу исследовательско-новостных жанров публицистики [5]. Колонка перестает быть новостью и становится текстом о новости [10]. Значимыми для читателя становятся размышления автора на совершенно разную тематику: от личных вопросов автора до проблем человечества. Например, заголовок текста Марины Ярдаевой *Куда рожать, если кругом одни студии?* без дополнительного комментария не дает полного понимания содержания текста [17]. Речь идет о демографии и рынке недвижимости, больший акцент ставится на экономические проблемы и, как их следствие, сводится к демографическим вопросам и к качеству новостроек. Текст вполне попадает под категорию исследовательско-новостной колонки, так как автор не только интерпретирует информацию, но и приводит конкретные официальные данные по изложенной проблеме: *На квартиры с тремя и более комнатами сейчас приходится всего 11%. Это по всей стране. Пару лет назад таких предложений было 20%. Да и метраж снижается. Средняя площадь квартир в новостройках в 2024 году составляет 49 «квадратов»...* [17]. Отметим, что наряду с фактами автор жонглирует с элементами разговорного стиля и вовлекает читателя в диалог изобилием вопросительных предложений, на которые иногда сам дает ответ или оставляет открытыми: *Жить-то где с оравой детишек? Ну и где развернуться семье с тремя, а то и четырьмя детьми, как мечтается депутатам, детьми? А точно ли всем хватит места, даже если государство начнет массово раздавать землю и лес для строительства? А социальная инфраструктура — школы, поликлиники, досуговые всякие центры,*

— сама по себе образуется на вновь освоенных территориях? А кто все это профинансирует? Ответов опять нет... Зачем строить непременно небоскребы-ульи с бесконечными сотами-студиями? [17].

У автора Анастасии Мироновой встречается текст с заголовком *Не путайте чайлдфри с вынужденной бездетностью* [8]. Само заглавие текста указывает на отсутствие новостного характера информации. Текст нельзя отнести к исследовательско-новостной группе. В статье поднимается вопрос отношения автора к проблеме бездетности. Автор четко обозначила свою позицию: *сама я не чайлдфри, и ребенок у меня есть*; и описывает свой личный опыт [8]. Позиция автора дается в виде постановки вопроса и собственного ответа не нее: *Знаете, среди кого много чайлдфри? Среди мужчин! Я вообще не верю, что мужчина имеет безудержный родительский инстинкт. Чаще это желание иметь социально одобряемую форму семьи или удержать любимую женщину, которая хочет детей* [8]. В приведенном примере конечно содержится информация, но она является не новостной, а оценочной. Создается эффект погружения читателя в диалог с автором, мнение автора становится очевидным и оценочным. Например, *Ну что толку, что у Тепляковых девять детей? Я как-то взялась подсчитать: пока их дети вырастут, государство на них и на родителей потратит куда больше, чем эти дети потом смогут отбить налогами, даже если все станут суперуспешными* [17].

Употребление восклицательных предложений подчеркивает и усиливает субъективность транслируемого сообщения: *А то и хуже! В секунду хенде!* Автор эксплицитен и повествует от первого лица: *Я, например, вообще за всю жизнь встречала из реальных знакомых только одну многодетную семью, где у каждого ребенка была своя комната* [17]. Представляя свою позицию, автор опирается на собственный опыт, наблюдения. С такой позиции можно определить текст исследовательским, так как автор исследует причины демографической проблемы. Акцентирование авторской позиции в тексте колонки подтверждает идею о преобладании интенционального компонента над содержательным, модус доминирует над диктумом [10].

Субъективность представления тех или иных новостных событий основывается на общей аксиологической оценке Хорошо/Плохо, на которой основываются модальные значения реальности текстов авторской колонки [10]. Следует отметить, что оценочные и модальные значения не всегда направлены в одну точку. Оценочность может

быть ориентирована и на пропозицию, и на ее компоненты, в то время, как с позиции реальности/нереальности оценивается исключительно только вся пропозиция.

Например, в колонке Виталия Рюмина представлен текст с заголовком *Почему Трампа дважды попытались убить за одну кампанию?* Содержание сообщения – покушение на жизнь Дональда Трампа. Оценка реальности обозначена четко – *Спустя два месяца с момента громкого покушения на жизнь экс-президента США его опять попытались убить*. Общая оценка ситуации – плохо: *«в последнее время у политика много проблем с безопасностью*. Далее идет субъективная оценка ситуации: *Кто виноват в росте политического насилия в США... Очевидно, что в США царит очень напряженная политическая атмосфера* [11].

Оценочность в тексте колонки Виталия Рюмина реализуется с помощью представления образа Трампа через авторскую трактовку репрезентации политика американскими СМИ: *западные мейнстримные медиа предвзяты, этот факт давно пора перестать подвергать сомнению и следует принять как данность...они разгулялись как никогда сильно* [11]. В тексте присутствует исследовательский аспект, так как автор приводит статистические данные по количеству негативных упоминаний о Трампе в СМИ: *89% упоминаний о Трампе негативны* [11]. Данный пример подтверждает реальность пропозиции. В то же время автор переходит к оценочности прибегая к эпитетам взятым из противоположной точки зрения: *«Медийный Трамп» – это расист, сексист, нарцисс, психопат и просто тупой фрик* [11]. Для характеристики современного американского медиапространства автор использует метафору *американский «зомбоящик»*, тем самым определяет адресата американских СМИ, как слепо верящих во все официальные нарративы без намека на их критическое осмысление. Структурно в тексте выделен подзаголовок ***Нельзя сказать, что американские СМИ совсем не понимают последствий своих действий*** [11], четко определяющий позицию автора.

В то же время в конце текста анализируется противоположная точка зрения, оценка дается самому Трампу: *было бы неправильно говорить, что Трамп – это невинный ягненок свою долю ответственности за происходящее он тоже несет. Экс-президент США довольно эксцентричный человек, который любит провокации и не боится наносить себе неприятности*. Подводя итог своим размышлениям, автор приводит поговорку для характеристики Трампа: *Трамп упорно продолжает гнуть свою линию и злит людей....поговорка про старого пса, которого не научишь новым фокусам, здесь придется как нельзя кстати* [11].

Выводы

Важнейшим смыслообразующим элементом текста являются коммуникативные обстоятельства, которые и определяют модальность сообщения. Участники, условия, языковая организация текста взаимосвязаны. В тексте авторской колонки определяющим фактором восприятия информации является авторское начало, обладающее определенными социальными и лингвистическими характеристиками. Определенный набор стилистических и риторических приемов транслируют позицию автора, его оценку передаваемой информации. В то же время автор сам стремится оправдать ожидание получателя информации, привлечь его внимание, и использует актуальные события, данность которых не оспаривается, но подвергается авторской интерпретации.

В текстах авторских колонок определяется тенденция к манипулятивному речевому воздействию, направленному на изменение восприятие истинности. Большинство коммуникативно-речевых сфер, затрагиваемых в обзорах авторских колонок, могут рассматриваться с позиции категории персуазивности, как субъективно-модального значения.

Таким образом, текст авторской колонки обладает как модальностью реальности, так и модальностью возможности, с обязательной аксиологической составляющей, сводящейся к частнооценочным суждениям.

Список источников

1. Аксенова Т.В. Субъективная модальность в научном и научно-публицистическом дискурсе // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15. № 3. С. 335 – 341.
2. Игнатова И.Б. Трансформация авторской колонки в цифровом дискурсе // Наука и школа. 2022. № 1. С. 54 – 60.
3. Киреева Е.З. К вопросу о содержании и границах субъективной модальности // Вестник ИвГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2020. №2. С. 22 – 27.
4. Красина Е.А. Дискурс, высказывание и речевой акт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 91 – 102.

5. Кройчик Л.Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста. СПб.: Знание. 2000. С 125 – 167.
6. Лукьянов Д. Зачем мы читаем Пелевина каждый год? // Газета.RU. 05.10.2024. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/articles/19849183.shtml>. (дата обращения: 10.10.2024)
7. Мерзлякова К.Б. Особенности реализации модальности в испанском гендерном медиадискурсе (на материале журналов Cosmopolitan и Telva) // Litera. 2018. № 1. С. 10 – 16.
8. Миронова А. Не путайте чайлдфри с вынужденной бездетностью // Газета.RU. 25.09. 2024. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/mironova/19803679.shtml> (дата обращения: 01.10.2024).
9. Остин, Дж. Как производить действия с помощью слов? Избранное: пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М.: 1999. 332 с.
10. Подколзина М.В. Колумнистика как оценочный жанр // Global Media Journal – Russian Edition. ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет». 2019. Т. 1. № 9. С. 1 – 4.
11. Рюмшин В. Почему Трампа дважды попытались убить за одну кампанию? // Газета.RU. 20.09.2024. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/mironova/19803679.shtml> (дата обращения: 01.10.2024)
12. Самойлов Д. Почему осенью нам так тревожно и не хочется работать // Газета.RU. 14.09. 2024. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/articles/19746229.shtml> (дата обращения: 01.10.2024).
13. Славина В.А., Владимирова Т.Н. Проблема идеала в журналистике // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6, № 3. С. 320 – 330; 325 – 326.
14. Соколова Е.В. Колумнистика М. Кучерской: лингвостилистические и структурные особенности // Мир русского слова. 2021. № 2. С. 36 – 44.
15. Хачмафова З.Р., Устинова В.Л. Языковая актуализация авторской модальности в дискурсе колумнистики // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 10 (124). URL: <https://research-journal.org/archive/10-124-2022-october/10.23670/IRJ.2022.124.30> (дата обращения: 17.10.2024)
16. Ширяева О.В. Объективная и субъективная модальность в медиадискурсе: семантика и прагматика // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 1. С. 198 – 206.
17. Ярдаева М. Куда рожать, если кругом одни студии? // Газета.RU. 18.09.2024. URL: <https://www.gazeta.ru/column/yardaeva/19763155.shtml> (дата обращения: 01.10.2024)
18. Ярдаева М. Сколько должны учиться школьники – 10 или 11 лет? // Газета.RU. 02.10.2024. URL: <https://www.gazeta.ru/column/yardaeva/19833823.shtml> (дата обращения: 10.10.2024)

References

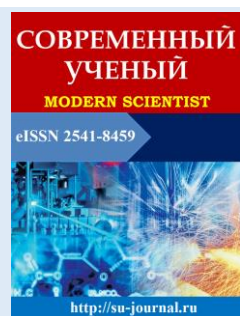
1. Aksenova T.V. Subjective modality in scientific and scientific-journalistic discourse. Bulletin of the Mari State University. 2021. Vol. 15. No. 3. P. 335 – 341.
2. Ignatova I.B. Transformation of the author's column in digital discourse. Science and School. 2022. No. 1. P. 54 – 60.
3. Kireeva E.Z. On the content and boundaries of subjective modality. Bulletin of IvSU. Series: Humanities. 2020. No. 2. P. 22 – 27.
4. Krasina E.A. Discourse, utterance and speech act. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics. 2016. Vol. 20. No. 4. P. 91 – 102.
5. Kroychik L.E. The system of journalistic genres. Fundamentals of creative activity of a journalist. SPb.: Knowledge. 2000. P. 125 – 167.
6. Lukyanov D. Why do we read Pelevin every year? Gazeta.RU. 10/05/2024. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/articles/19849183.shtml>. (date accessed: 10/10/2024)
7. Merzlyakova K.B. Features of the implementation of modality in the Spanish gender media discourse (based on the magazines Cosmopolitan and Telva). Litera. 2018. No. 1. P. 10 – 16.
8. Mironova A. Don't confuse childfree with forced childlessness. Gazeta.RU. 25.09. 2024. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/mironova/19803679.shtml> (accessed: 01.10.2024)
9. Austin, J. How to perform actions with the help of words? Selected: trans. from English by L.B. Makeeva, V.P. Rudneva. Moscow: 1999. 332 p.
10. Podkolzina M.V. Columnistics as an evaluative genre. Global Media Journal – Russian Edition. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Pyatigorsk State University”. 2019. Vol. 1. No. 9. Pp. 1 – 4.
11. Ryumshin V. Why did they try to kill Trump twice during one campaign? Gazeta.RU. 20.09.2024. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/mironova/19803679.shtml> (date of access: 01.10.2024)

12. Samoilov D. Why are we so anxious in the fall and don't want to work. Gazeta.RU. 14.09. 2024. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/articles/19746229.shtml> (date of access: 01.10.2024).
13. Slavina V.A., Vladimirova T.N. The problem of the ideal in journalism. Issues of the theory and practice of journalism. 2017. Vol. 6, No. 3. P. 320 – 330; 325 – 326.
14. Sokolova E.V. M. Kucherskaya's Columns: Linguistic and Structural Features. The World of the Russian Word. 2021. No. 2. Pp. 36–44.
15. Khachmafova Z.R., Ustinova V.L. Linguistic Actualization of the Author's Modality in the Discourse of Columns. International Research Journal. 2022. No. 10 (124). URL: <https://research-journal.org/archive/10-124-2022-october/10.23670/IRJ.2022.124.30> (date accessed: 17.10.2024)
16. Shiryaeva O.V. Objective and subjective modality in media discourse: semantics and pragmatics. Humanities and social sciences. 2013. No. 1. P. 198 – 206.
17. Yardaeva M. Where to give birth if there are only studios around? Gazeta.RU. 18.09.2024. URL: <https://www.gazeta.ru/column/yardaeva/19763155.shtml> (date of access: 01.10.2024)
18. Yardaeva M. How long should schoolchildren study – 10 or 11 years? Gazeta.RU. 02.10.2024. URL: <https://www.gazeta.ru/column/yardaeva/19833823.shtml> (date of access: 10.10.2024)

Информация об авторе

Овчаренко Е.Н., кандидат филологических наук, Армавирский государственный педагогический университет, lenaovcharena@mail.ru

© Овчаренко Е.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'33

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-23-35

Языковая экспликация фрейма *отказа* в медийных текстах на английском языке в бизнес-дискурсе в аспекте их перевода на русский язык

¹ Коваленко Н.Ю.

¹ Государственный университет просвещения

Аннотация: в представленной статье дана экспликация фрейма *отказа* в медийных текстах на английском языке с выделением слотов фрейма: мотива, действия, агента, объекта, ожидания, вовлеченности агентов, с учетом ценностного аспекта, контекста и сложной геополитической ситуации. Проведен корпусный анализ текстов на английском языке для получения и анализа размеченного массива данных с целью их сопоставления, конверсационный анализ медийных текстов с топикальностью «бизнес» на предмет наличия в них особенностей выражения *отказа*, воздействия паттернов *отказа* на деловую коммуникацию и коммуникантов в части изменения интенций. Освещен вопрос конкуренции дискурсов, содержащих фрейм *отказа*. Сделаны выводы о смысловом объеме понятия *отказа* (*отмены*) в английском языке.

Предложены стратегии и тактики перевода медийных текстов с фреймом *отказа* на русский язык. Языковая экспликация фрейма *отказа* проводилась в фокусе лексики и семантики английского языка, аутентичной речи на примере подкаста, вербальных ассоциаций носителей английского языка. Несмотря на мнения некоторых ученых о возможном исчезновении фрейма при его экспликации, была исследована совокупность представлений в бизнес-дискурсе о ситуациях, именуемых *отказ*, на предмет репрезентативности ментальных и вербальных лексических единиц и их переводов на русский язык.

Задача заключалась в экспликации фрейма *отказа* и определении его особенностей в английском языке на основе анализа парадигматических (объединяющих единицы языка в группы, разряды, категории), синтагматических (как совокупности нескольких слов, объединенных по принципу семантико-грамматическо-фонетической сочетаемости) и словообразовательных связей лексем-репрезентантов понятия *отказа* и их дериватов, связей между разговором и социальным контекстом. Предложены стратегии и тактики перевода с целью понижения агрессивности и менасивности высказывания и его перепрофилирования в перформатив с последующим коммуникативным действием, направленным на преодоление дефицитов и негативных последствий поступков *отказа* в ходе межкультурной коммуникации при помощи коммуникативных стратегий и тактик в деловом общении в формах устной и письменной речи.

Ключевые слова: фрейм *отказа*, языковая экспликация фрейма, медийный текст, бизнес-дискурс, стратегия и тактика перевода

Для цитирования: Коваленко Н.Ю. Фрейм *отказа* в медийных текстах на английском языке в бизнес-дискурсе в аспекте их перевода на русский язык // Современный ученый. 2025. № 1. С. 23 – 35. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-23-35

Поступила в редакцию: 7 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 6 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Linguistic explication of the frame of *refusal* in some English media texts in the business discourse in the aspect of their translation into Russian

¹ Kovalenko N.Yu.

¹ Federal State University of Education

Abstract: the presented article explicates the frame of *refusal* in some media texts in English with the identification of the frame slots as follows: motive, action, agent, object, expectation, involvement of agents, taking into account the value aspect, context and complex geopolitical situation. The corpus analysis of texts in English was carried out to obtain and analyze the marked array of data for the purpose of their comparison, convergence analysis of media texts with the topicality 'business' for the availability of the peculiarities of expressing *refusals*, the impact of the *refusal patterns* on business communication and communicators in terms of changing intents. The issue of competition of discourses containing the frame of *refusal* is highlighted. Conclusions are drawn about the semantic scope of the concept of refusal (*cancelling*) in English.

Strategies and tactics of translation of some media texts with the frame of refusal into Russian are proposed. The linguistic explication of the refusal frame was carried out in the focus of lexis and semantics of the English language, authentic speech on the example of a podcast, verbal associations of the native speakers of English. Despite the opinions of some scholars about the possible disappearance of the frame at its explication, the totality of representations in the business discourse about situations called *refusal* was investigated for the representation of mental and verbal lexical units and their translations into Russian.

The task was to explicate the frame of *refusal* and determine its features in English on the basis of analyzing paradigmatic (uniting language units into groups, classes, categories), syntagmatic (as a set of several words united on the principle of semantic-grammatical-phonetic combinability) and word-formation relations of the lexemes representing the concept of refusal and their derivatives, relations between conversation and social context. Strategies and tactics of translation with the purpose of lowering the aggressiveness and menasiveness of the statement and its reprofiling into a performative with the subsequent communicative action aimed at overcoming the deficits and negative consequences of acts of refusal in the course of intercultural communication with the help of communicative strategies and tactics in business communication in the forms of oral and written speech have been proposed.

Keywords: frame of *refusal*, linguistic explication of the frame, media text, business discourse, translation strategy and tactics

For citation: Kovalenko N.Yu. Linguistic explication of the frame of *refusal* in some English media texts in the business discourse in the aspect of their translation into Russian. Modern Scientist. 2025. 1. P. 23 – 35. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-23-35

The article was submitted: September 7, 2024; Approved after reviewing: November 6, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Под языковой экспликацией в лингвистике согласно словарю синонимов [18] понимают определение, описание, объяснение, толкование, интерпретацию, анализ, комментарий, развертывание, уточнение, исследование, прояснение филологического явления, события. Значение слова *фрейм* этот же источник трактует как структуру, рамку, платформу. В результате поиска значения понятия *лингвистический фрейм* находим такие его номинации, как: языковая, семантическая дискурсивная, коммуникативная рамка, т.е. некий конструкт, заполняемый содержимым среды, частью которой он является. По мнению И. Гофмана, «индивид обладает восприятиями (perceptions), упорядочен-

ными, по меньшей мере, в соответствии с последовательностью фреймов» [4] Он отказывает, запрещает, «... и создает иллюзии для самого себя; следуя этим восприятиям, он предпринимает определенные действия, вербальные и двигательные (physical). Значение деятельности для индивида определяется организацией ее фрейма» [4, с. 116] Деятельность индивида в социуме порождает дискурсы, один из которых – бизнес-дискурс – понимают как способ говорения, осуществления речевой деятельности в различных социальных контекстах. В свое время М. Фуко (Foucault, 1972) предложил определение дискурса как социальной структуры, а дискурсивной практики – как помещающей особые события (письма, книги, доку-

менты) с использованием языка в определенную рамку. Дискурс содержит множество скрытых или явных фреймов с организованной последовательностью действий, описания которых содержатся в слотах, образующих фрейм. «Для каждого высказывания определен тип намерения обычно определяется с помощью информации об указании слов...(называемых слотовыми словами), и наоборот, тип намерения решает, что слова определенных категорий должны использоваться для заполнения слотов» (здесь и далее – перевод автора статьи – Н.К.) (англ. «For each utterance, a specific intent type is generally determined with the indication information of words ... (called as slot words), and in reverse the intent type decides that words of certain categories should be used to fill as slots») [13, с. 309]. Объектом исследования автора являются медийные тексты с фреймом *отказа* и соответственным ему слотовым наполнением. Отказ рассматривается как поступок, явление. «Именно через поступок человек вступает в активные отношения с окружающим миром. В зависимости от того, в каком направлении научного знания трактуется поступок (историческом, психологическом, ... социологическом)...», номинация *отказа* наполняется новыми смыслами и оттенками [2, с. 33]. Фрейм, обладая структурой знаний о мире (по словам Н.Н. Болдырева, представляет собой модель «культурно-обусловленного, канонизированного знания» [2, с. 33] Знание связано с сознанием и поведением коммуниканта. «Любой вид человеческой деятельности фреймируется общепринятыми правилами» [1, с. 670], в том числе правилами *отказа*. Рассматриваемое понятие *отказа* и его языковая репрезентация отражают широкое понимание номинации *отказа* бизнес-сообществом. Нами будут рассмотрены случаи *отказа*, закрепленные в языковых единицах (лексемах, синтаксических конструкциях), изучены особенности перевода речевых формул *отказов* с английского языка на русский язык на примере медийных текстов в подвиде бизнес-дискурса-бизнес-медиа.

Фокусом исследования является фреймовый, корпусный и конверсационный анализ.

Актуальность данной проблематики объясняется развитием новых фактологических ориентиров общества и ограничений по причине участвовавших событий *отказов*, главным образом, в экономической жизни, продиктованных ниже следующими факторами:

- сменой геополитической парадигмы;
- преобладанием медийных текстов с нарративом *отказа* больше, чем согласия. В связи с вышеизложенным, требуется корректировка речевого поведения коммуникантов. Так, коммуникация с

топикальностью *отказа* выражается часто в форме опасений, тревог и сценариев неблагоприятного развития событий. Нормы формулы делового общения заставляют находить решения, направленные на смягчение стратегий и тактик коммуникации и перевода в случае межкультурного общения.

Практическая значимость статьи заключается в возможности использования материалов при разработке теоретических и практических курсов по лингвистике, сравнительному языкознанию, семинаров по межкультурной коммуникации и деловому общению. Дополнительно, данные исследования могут быть использованы при обучении на курсах перевода, решению задач дефицитов в коммуникативных ситуациях с доминированием фрейма *отказа* во избежание ущерба деловой репутации и имиджу вовлеченных в коммуникацию сторон.

Предполагается, что осведомленность сторон о современных тенденциях в деловой коммуникации и вызовах при переводе языкового медийного материала, содержащего фрейм *отказа*, позволит вести бизнес-дискурс с закрепленным отношением говорящего к фрагменту реальности и его воздействием на сознание адресата, избегая аггравации высказываний, открывая путь перформативам, действиям, с более положительной коннотацией.

Целью исследования является изучение фрейма *отказа* посредством языковой экспликации, которая подразумевает анализ типологии и дистрибуции лемм *отказа*, вербализующих соответственные действия на примере медийных текстов на английском языке, речевого поведения коммуникантов на предмет выявления ошибок речевых актов и их коррекции для митигации коммуникации, выявление особенностей перевода медийных текстов на английский язык с фреймом *отказа* на русский язык.

В рамках исследования была выдвинута следующая гипотеза: коммуникация в рамках фрейма *отказа* может быть успешной при условии соблюдения ряда требований, предъявляемых к ней. Эти требования можно получить в ходе языковой экспликации фрейма *отказа* в бизнес-дискурсе в процессе изучения медийных текстов на предмет комбинации слотов фрейма *отказа*, их контента, дискурсивных практик, прагматики текста и речевого поведения коммуникантов, отражающего отношения говорящих и пишущих к явлению *отказа*, отбора средств вербализации коммуникативных стратегий и тактик *отказа* и их переводов на русский язык.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужила база данных FrameBank: A Database of Russian Lexical

Constructions, Framenet, Национального корпуса русского языка (НКРЯ. <https://ruscorpora.ru/>) (основной, газетный, устный корпус и параллельный (английский) подкорпус), содержащая в т. ч. номинации и тексты на русском и английском языках объемом до 50 000 единиц, отобранных методом сплошной выборки, English Corpora: COCA. Использовались также данные таких лексикографических источников, как:

- Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Изд-е 4-е, стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1-4;

К исследованию привлекались сведения из онлайн-ресурсов в свободном доступе в сети Интернет:

- Кембриджского международного словаря английского языка (Cambridge Dictionary. <https://dictionary.cambridge.org/ru/>);

- Оксфордского словаря английского языка (Oxford Learner's Dictionaries. <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>);

- базы данных JTW, основу которой составляют массивы данных Британского национального корпуса (JTW. <https://just-the-word.com/>);

- словаря синонимов русского языка (<https://sinonim.org>);

- NOW («News on the Web») и некоторые другие.

Тексты для исследования поступили с сайтов зарубежных средств массовой информации (Deutsche Welle <https://www.dw.de>), подкастов на английском языке (<https://podcasts.apple.com/ru/podcast/down-to-business-english/id366265697?i=1000663234690>), портала выпускников стипендиальных программ DAAD <https://Alumniportal>.

Теоретической базой исследования стали работы по теории коммуникации (Lasswell, 1948), о фреймовом подходе к изучению коммуникативного содержания дискурса (Minsky, 1997), в области теории бизнес-дискурса как подвида делового (Данюшина, 2015; Смирнова, 2023), переводоведению (Гарбовский, Нелюбин, Сахаров), конверсационному анализу (Кибрик, 2022, Сакс, 1974), переводу и коммуникации (Natim and Mason, 1997).

При корпусном анализе наблюдению и исследованию подвергались особенности моделирования фрейма *отказа*. Произведена оценка характеристик понятий, наполняющих слоты в иерархии фрейма *отказа*. Фиксировались его изменения и конкуренция с другими фреймами. Были проанализированы профессиональные тексты СМИ в сфере бизнеса и тексты коммуникации из выше указанных источников. Из англоязычного корпуса

изучены 50 текстов за период 2024 года по настоящее время с количеством слов более 300 000 единиц.

Результаты и обсуждения

Основоположником термина фрейм является М. Мински. В своей работе «Фреймы для представления знаний» М. Мински пишет: «...человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию..., выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ), называемых нами фреймом, с таким расчетом, чтобы путем изменения в ней отдельных деталей сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений и процессов» [3, с. 8]. Фрейм – устойчивая структура знаний и ожиданий, в которой возможны подфреймы, с каждым из которых ассоциирована информация разных видов: одна ее часть указывает, как используется данный фрейм, другая прогнозирует возможные последствия использования данного фрейма, третья запускает процесс замены данного фрейма альтернативным, в случае, если ожидания не подтверждаются. Ситуация отказа для коммуниканта в бизнес-дискурсе новая – ее еще предстоит оценить и осознать как неизбежную.

Фрейм не только влияет на значение, но и на вовлеченность участников коммуникации. «Вовлеченность обязывает к взаимному диалогу» [4, с. 117]. По мнению М. Мински, верхние уровни фрейма образованы понятиями, которые «всегда справедливы по отношению к предполагаемой ситуации...» [3, с. 8]. Таким образом, под фреймом *отказа* можно понимать совокупность информационных данных с заключенным в них значением несогласия или нежелания что-либо делать, принимать, признавать, желанием или необходимостью сказать *нет*. На более низких уровнях фрейма находятся терминалы или «ячейки», заполненные определенными данными. Фрейм *отказа* в бизнес-дискурсе реализуется при соблюдении следующих условий:

- назначении агента и предмета *отказа*;
- вовлечении сторон;
- наличии причин и типов *отказа* (мотивированного и немотивированного);
- реализация процедуры *отказа* в устной или письменной формах речи;
- прогнозировании последствий *отказа* для участников коммуникации;
- влиянии *отказа* на дальнейшее развитие дискурса и его подмену;
- влиянии *отказа* на конкуренцию дискурсов.

С целью оценки структуры фрейма *отказа* рассмотрим *отказ как поступок* на примере решения Сюанны де Лотбиньер-Харвуд, основанном на широко феминистских соображениях, не перево-

доть больше поэтов-мужчин после ее перевода стихотворения рок-музыканта Л. Франчура. Агентом *отказа* является указанное лицо, французская феминистка и поэтесса, объектом – поэтические произведения автора – рок-музыканта по роду занятий, Л. Франчура, процедуру определения типа *отказа* – мотивированного или немотивированного – оставим для социологов и литературоведов, скажем только, что именно С. де Лотбиньер-Харвуд стала получателем ежегодной канадской литературной премии Дж. Гласско за перевод в 1982 г. стихотворения Л. Франчура «Неоны в ночи». С. Де Лотбиньер-Харвуд высказывалась о событии и устно, и письменно, выражая при этом феминистские «*отказные*» настроения и взгляды. Учитывая эту социальную ориентированность субъекта дискурса и, одновременно, агента отказа, а также предмет *отказа* – поэтическое произведение рок-музыканта, можно констатировать дискурсивное заимствование: поэтический дискурс заимствован или эффективно «похищен» (англ. «the discourse being borrowed for a rhetorical purpose») для риторических целей [4, с. 91] при том, что изначально определялся бизнес-дискурс. Результатом отказа становится признание иных отношений между женщинами-литераторами и языком, что само по себе продолжало влиять на дальнейшие переводы С. де Лотбиньер-Харвуд.

Современные геополитические условия глобально изменяют языковую картину мира, которая способствует формированию в обыденном сознании данного языкового коллектива определённого способа понимания действительности: до недавнего времени признаком дискурсивных практик в бизнесе, нацеленных на решение коммуникативных задач, был присущ *дух сотрудничества, согласованности, взаимопомощи и взаимопонимания*. Современные условия все больше закрепляют тенденцию ситуаций *отказа* в бизнес-дискурсе, в особенности, в дискурсе бизнес-медиа, документном и дискурсе профессионального делового общения, каждый из которых является подтипами бизнес-дискурса. Внутри дискурсов складываются практики языковой репрезентации понятия *отказа*. Под языковой репрезентацией *отказа* понимают воспроизведение перцептивного языкового опыта носителем языка, его компетенцию, поэтому в поле нашего зрения попадают как тексты устной, так и письменной речи с топикальностью – *отказы* в бизнесе. Поскольку дискурс – образование надтекстовое, постольку и тексты в качестве примеров являются продуктом социальной практики в ее речевом оформлении: исследуемые тексты получены из подкастов, материалов сети Интернет с релевантной акцентуацией. При этом, «тексты пе-

рестают быть колесами коммуникации и становятся перевозчиками идеологических значений», по выражению авторов The Translator as Communicator (англ. «vehicles of communication and become fully operational carriers of ideological meaning») [16], свидетельства чего мы и наблюдаем в настоящее время. Число примеров высказываний с фреймом *отказа* (выраженным явно или косвенно) в бизнес-дискурсе возрастает, достаточно рассмотреть некоторые медийные заголовки, порождающие в подсознании угрозу в моменте или неблагоприятное развитие ситуации: англ. «... *business eyes India to reduce Chinese dependence*» (русск. «...бизнес смотрит на Индию, чтобы уменьшить зависимость от Китая») (перевод – Коваленко Н.Ю.), англ. «*Fact check: No, NATO presence does not breach German law*» (русск. «Фактчекинг: Нет, присутствие НАТО не нарушает немецкое законодательство») (перевод – Коваленко Н.Ю.), англ. «*As patriarchs of the mostly family-owned companies retire, top positions are left vacant*» (русск. «По мере того как патриархи в основном семейных компаний уходят на пенсию, высшие должности остаются вакантными») (перевод – Коваленко Н.Ю.), англ. «*Calls grow in ... to ban far-right ...*» (русск. «В ... все чаще звучат призывы запретить ... партию...») (перевод – Коваленко Н.Ю.), англ. «*How the arts are a thorn in the side of ...*» (русск. «Как искусство становится занозой в боку ... партии ...») (перевод – Коваленко Н.Ю.), англ. «*As the far-right populist party ... gains popularity in eastern ..., a cultural war looms. Are theaters, museums and youth clubs under threat?*» (русск. «По мере того как ультраправая популистская партия ... набирает популярность в восточной ..., назревает культурная война. Театры, музеи и молодежные клубы под угрозой?») (перевод – Коваленко Н.Ю.), англ. «*... EV market slumps for first time*» (русск. «... рынок электромобилей впервые падает») (перевод – Коваленко Н.Ю.), англ. «*... crisis: How can Europe's car industry survive?*» (русск. «... кризис производителя электромобилей: Как выжить автомобильной отрасли Европы?») (перевод – Коваленко Н.Ю.). При том, что отказ часто выражен не эксплицитно, а имплицитно, модель фрейма *отказа* обнаруживает себя на уровне медийных текстов:

- во множестве тем, заполненных содержанием слотов с релевантными лексемами и контекстом (англ. *reduce dependence, presence does not breach law, positions are left vacant, calls to ban, a cultural war looms, EV market slumps*) (русск.) – курсивом выделены наиболее важные леммы, образующие понятийный аппарат *отказа*;

- в стройности формы через определение таких *агентов отказа*, как: ... бизнес – Индия-Китай,

НАТО, патриархи семейных компаний, ультраправая партия, культурная война, немецкий рынок электромобилей, с одной стороны, и таких объектов отказа, с другой стороны, как: зависимость от Китая, законодательная база Германии, отказывающаяся НАТО, вакантные места, которые молодежь отказывается занимать, молодежные клубы, которым отказывают в праве на дальнейшее присутствие в культурной жизни общества, отказ в лидерстве ... на рынке электромобилей;

- в факте вовлеченности сторон;
- в наличии мотивировок отказа, которые, безусловно, требуют более тщательного рассмотрения, поскольку для понимания мотивации или ее отсутствия в событии формата заголовка недостаточно, но даже формат заголовка позволяет выявить, например, *фатическую конструкцию* с призывным *No*, целью которой является привлечение внимания к доминирующей позиции агента с просматриваемой аргументацией;

- в предполагаемом прогнозируемом результате отказа и его влиянии на коммуникацию и социум.

Добавим, что не всегда отказ ассоциируется с отрицательным результатом. Так, отказы от энергоносителей других стран заставили европейских потребителей обратиться к собственным запасам, осовременить технологии хранения топлива, переоборудоваться, разработать новые алгоритмы с целью повышения эффективности, что будет продемонстрировано ниже.

Такой дуализм во фрейме *отказа* доказывает изменчивость фрейма под воздействием как внешних, так и внутренних факторов. По мере развития события или явления фрейм как носитель смысловой рамки понятия претерпевает изменения: его слоты наполняются новыми леммами и коллокациями, характеризующими топиальность лексически, синтаксически и эмфатически. Сколько бы ни было возможных ситуаций отказа, дискурсивные практики всегда ограничены числом высказываний- набором речевых формул в определенном пространстве и времени, деятельностью и опытом, а также влиянием непосредственно на дискурс и его аудиторию как синтагматически (в части совокупности нескольких языковых единиц, объединённых по принципу семантико-грамматическо-фонетической сочетаемости), так и парадигматически (при выделении и сопоставлении единиц языка). С точки зрения синтагматики языковых единиц в заголовках, можно говорить об их сочетаемости, принадлежности к лексико-семантической группе с семантическим значением *отказа*.

Для выделения единиц языка и их сопоставления рассмотрим медийный текст с фреймом *отка-*

за в языковой экспликации на примере подкаста-эпизода программы Down to Business English: <https://podcasts.apple.com/ru/podcast/down-to-business-english/id366265697?i=1000645701180>, в котором коммуниканты исследуют динамику постепенного *отказа* от экспорта газа и зависимости зарубежных покупателей от них. Постоянное указание на сходства и различия дискурса и текста в русле сравнительно-сопоставительного анализа позволяет вспомнить некоторые общие черты одного и другого. Так, и дискурс, и текст имеют структуру, в которой:

1. определяется намерение (в данном случае, оценивается необходимость принятия решения об актуальной ситуации на рынке энергоносителей). Репрезентация намерения находит выражение в выборе языкового материала – особой лексики в диапазоне от нейтральной до фигур речи – с отсылкой на реальные события встречи глав государств: англ. «even ... chastised ... President ... about it at a ... conference», «a job of weaning itself off of ... gas», (русс. «даже ... укорял президента ... за это на конференции ...», «отучить себя от ... газа») (перевод – Коваленко Н.Ю.). Лексико-семантическая группа с ядром *refuse* прирастает другими лексемами с семой отказа. Так, при текстовом анализе обнаруживаем лемму *chastise*, которая, находясь в регистре общеупотребительных лексем, выполняет еще и эмфатическую функцию дополнительного выделения, поскольку синонимично словам *attack*, *criticise*, *castigate*, *censure*, *condemn*, *damn*, *blame* и некоторым другим (русс. нападать (с критикой), критиковать, сурово осуждать, порицать, проклинать, обвинять и др.). Меназивность высказываний не подлежит сомнению. Стратегия коммуникации, направленная на усугубление важности вопроса, называемая аггравацией, заметна в т.ч. по причине употребления слова *wean* в фигуральном смысле: *wean* обычно употребляется в первом значении – *отучить от груди* (например, ребенка), но в данном случае вошло в бизнес – дискурс на правых периферии в значении «отучить кого-то от практики зависимости от одного единственного поставщика». С точки зрения прагматического подхода к дискурсу, набор лексических единиц как семиотических знаков однозначно определяет отношение участников дискурса к происходящему: они ратуют за прекращение зависимости, т.е. за изменение ситуации и отказ от зарубежных энергоносителей;

2. присутствует завязка – она же легенда или предыстория вопроса. Отказ, будучи в социуме над текстом и над дискурсом, не артикулирован напрямую, участники избегают однозначных формулировок, однако, идея отказа реализуется во

фрейме *отказа* в режиме реального времени вне зависимости от формы порождения – будь то письменная или устная речь. Дополнительно, фрейм *отказа* наполняется слотами мотивации, например: англ. «...we reported that the reason energy prices were so high in ..., it gave ... too much leverage over ...» (русс., «...мы говорили, что цены на энергоносители в ... слишком высоки», «... влияние на ... слишком велико») (перевод – Коваленко Н.Ю.). Вспоминается термин Ю. Лотмана о семиосфере, семиотическом пространстве – «филологически изящных терминах», по выражению Ю.Е. Прохорова [9]. «Каждая языковая единица в процессе своего существования в речевом общении «обрастает» определенной совокупностью ассоциативных связей с другими единицами, т.е. с одними единицами она может создавать такие связи (количество которых устанавливается в ходе ее реализации в различных сферах общения), с другими не может (в каждый конкретный момент; ... состав этих возможных связей может быть различен)» [9, с. 77]. В данном случае, для поддержания фрейма *отказа* создаются устойчивые связи между слотовыми единицами, основанные на общеизвестных реалиях – энергозависимости государств от соседней страны и сложностях ее преодоления, о широкой вовлеченности большого количества стран- потребителей и уникальности донора;

3. имеет место кульминация – результат отказа для обеих сторон коммуникации – донора и реципиента: англ. «most ...countries refused to pay in rubles», «Most countries flat out refused to follow this scheme, They all had stoppages», «...had cut off natural gas exports to ... placed economic sanctions ...», «... no longer imports gas from ...», «... imports of ... gas stood at zero», «...denied the ... gas giant ... access to the SWIFT banking system and froze ... accounts in ... banks», «...pipelines were damaged in a series of mysterious explosions, accusations thrown around») (русс. «большинство ... стран отказались платить в рублях», «Большинство стран наотрез отказались следовать этой схеме. У всех были перебои», «...перекрыла газ ... ввела экономические санкции против ...», «... больше не импортирует газ из ...», «Импорт ... газа ... равен нулю», «...лишила ... газового гиганта ... доступа к банковской системе SWIFT и заморозила... счета в ... банках») (перевод – Коваленко Н.Ю.).

Но динамикой развития отмечен исключительно дискурс, состоящий из фреймов по следующим основаниям:

- он не только указывает на вовлеченность сторон коммуникации в общий процесс взаимодействия, но и достраивается в поисках сторонами альтернатив решения проблем отказа новыми кол-

локатами, свидетельствующими об обоюдном желании сторон договориться и минимизировать негативные последствия отказа для всех: англ. «...they definitely tried to leverage ... reliance on their gas exports», «... customers would be required to open two accounts with ... Bank», «a subsidiary of ... is stipulated. One account would be either a euro or US dollar denominated account, and the other a ruble account», «... could get paid- ... customers could circumvent the sanctions» (русс. «...они определенно пытались использовать зависимость ... от их экспорта газа», «...клиенты должны будут открыть два счета в ... Банке», «предусматривается открытие дочерней компании. Один счет будет открыт в евро или долларах ..., а другой – в рублях», «большинство европейских стран отказались платить в рублях», «...могли бы получить деньги – ... клиенты могли бы обойти санкции») (перевод – Коваленко Н.Ю.);

- он влияет на речевое поведение коммуникантов, когда от менасивных констатаций и речевых практик они переходят к таким этапам, как:

- *аргументация* в виде ненасильственного принуждения, влияющая на мотивированность отказов: англ. «...stopped the certification process», «there are vast quantities of natural gas right next door in ...» (русс. «...остановила процесс сертификации», «огромные запасы природного газа находятся совсем рядом, в ...») (здесь и далее – перевод автора статьи. – Н.К.);

- *консенсусная коммуникация* сторон в общей риторике: «we sincerely do our best to be accurate», (русс. «мы искренне стараемся быть точными») (перевод - Коваленко Н.Ю.);

- он, представляя собой вербализованную речемыслительную деятельность в совокупности процесса и результата с собственным лингвистическим и паралингвистическим планом, подвержен изменениям- слияниям и поглощениям, заимствованиям и зависимости от социума. Так, усматривается пролиферация бизнес-дискурса в политический дискурс: англ. «...pipelines were damaged in a series of mysterious explosions, accusations thrown around» (русс. «...трубопроводы были повреждены в результате серии загадочных взрывов, были брошены обвинения...») (перевод – Коваленко Н.Ю.), и юридический: англ. «...paying for ...gas in roubles, it would not be in line with the sanctions», «... stopped the certification process», «...there have been three independent investigations», «Each of them point to sabotage on someone's part» (русс. «...оплата ...газа в рублях не соответствовала бы санкциям», «... остановила процесс сертификации», «...было проведено три независимых расследования», «Каждое из них указывает на саботаж с

чьей-то стороны», русск.) (перевод – Коваленко Н.Ю.).

Надлежащая для текста когезия внутрифразовых единств и когерентность – связность аргументации и изложения, важны для текста, но недостаточны для коммуникации. Коммуникация в бизнес-дискурсе дает явное представление о фактическом положении дел: англ. «... *gas is still making its way to ... markets, liquefied natural gas via sea shipments*», «*liquefied natural gas imports from ...have surged*» (русск. «...газ продолжает пробиваться на ... рынки», «сжиженный природный газ – морскими перевозками», «импорт сжиженного природного газа из ... резко возрос») (перевод – Коваленко Н.Ю.) и предвосхищает события в будущем.

Дискурс можно рассматривать также с чисто текстолингвистической точки зрения как разговор, с одной стороны, и как предмет корпусной лингвистики, с другой (англ. «...purely...inguistic trend

of analysing discourse would be conversational analysis and work done within corpus linguistics») [12, с. 88]. Возможности корпусной лингвистики позволяют стратифицировать словоформы по частотности употребления в том или ином типе или подтипе дискурса и подвергать дискурс параметрированию: «...зафиксирована многоуровневая структура бизнес-дискурса, обусловленная его фреймовой природой» [7, с. 1490].

Рассмотрим более подробно единицы слоталеммы (словоформы) и словосочетания (коллокации), имеющие отношение к фрейму *отказа* и определим концептообразующее слово, значение которого будет «справедливо», по выражению М. Мински, т.е. понятно всем, при упоминании понятия *отказа*.

Говорить нет – равно как *отказ* – самая распространенная форма понимания концепта отказа в английском языке (рис. 1).

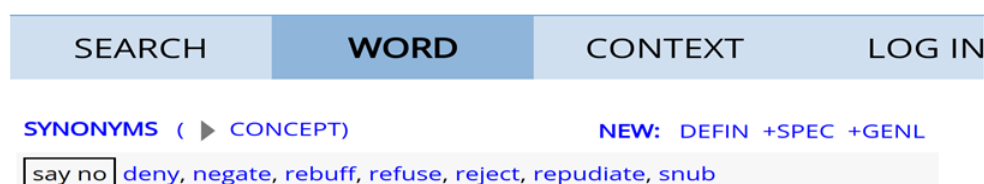

Рис. 1. Say no и другие синонимы слова refuse.

Fig. 1. Say no and other synonyms of the word refuse.

Refuse равно *say no*. Проанализируем часть примеров на предмет частичечной семантизации понятия *отказа* и его релевантности в бизнес-

дискурсе. Сначала рассмотрим толкование понятия так, как представлено на рис. 2.

Рис. 2. Результаты поиска леммы *refuse* (глагола) и ее толкование.

Fig. 2. Search results for the lemma *refuse* (verb) and its interpretation.

Среди возможных синонимов находим сл.:

1. проявлять нежелание по отношению к чему-либо (англ. *show unwillingness towards*);
2. отказывать в принятии чего-либо (англ. *refuse to accept*);
3. уклоняться, вводя в заблуждение (англ. *elude, esp. in a baffling way*).

База данных Framenet
<https://framenet.icsi.berkeley.edu/> леммы *refuse* по-

ясняет ее на примере ситуации, при которой спикер отказывается участвовать в действии, предложенном собеседником: англ. «*A Speaker ... refuses to engage in a Proposed action, proposed by an Interlocutor*».

Синонимы глагола *refuse* представлены на рис. 3.

RE-USE WORDS IN OTHER SEARCHES

★	RANK	FREQ	Word	PoS	Audio	Video
★	1339	71277	refuse	VERB	🔊	📺
★	1477	64887	deny	VERB	🔊	📺
★	2128	41033	reject	VERB	🔊	📺
★	2199	39480	decline	VERB	🔊	📺
★	11703	2825	negate	VERB	🔊	📺
★	15030	1755	repudiate	VERB	🔊	📺
★	17003	1385	rebuff	VERB	🔊	📺
★	19743	1005	snub	VERB	🔊	📺

Рис. 3. Синонимичный ряд леммы *refuse* в качестве глагола.Fig. 3. Synonymous series of the lemma *refuse* as a verb.

Наиболее часто употребляемыми будут леммы *deny*, *reject*, *decline*. Резкое снижение частоты употребления замечено, начиная с леммы *negate*.

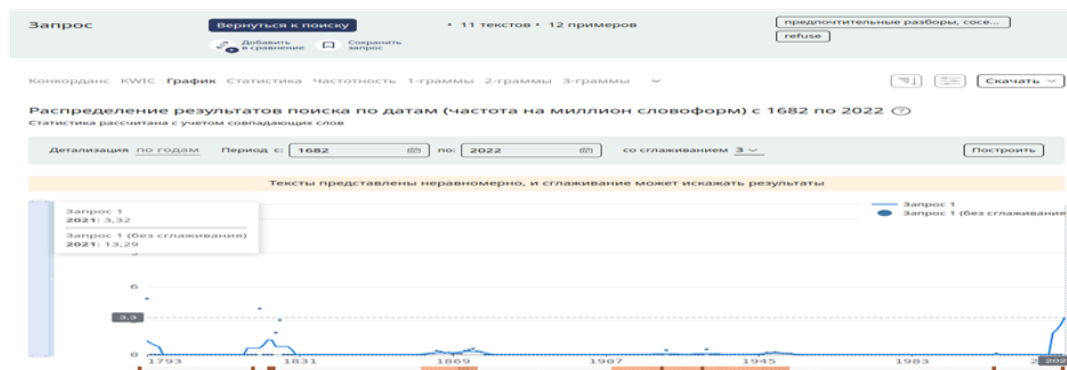
С целью сопоставления данных различных языковых корпусов сравним показатели поиска

леммы отказа в Национальном корпусе русского языка (рис. 4). Показатели сбалансированы, стандартизированы, коррелируют с аутентичными текстами речи или письма из "реального мира" в английском подкорпусе.

Рис. 4. Распределение результатов поиска леммы *refuse* в НКРЯ за период с 1682 по 2022 г.г.Fig. 4. Distribution of search results for the *refuse* lemma in the RNC for the period from 1682 to 2022.

Очевидна тенденция к увеличению числа словоупотреблений леммы *refuse* в сравнении с предыдущими периодами. Более подробно ситуация эксплицируется посредством данных о динамике показателя *ipm* леммы *refuse* на рис. 5, по-

скольку частота *ipm* определяется как количество употреблений слова за дату (например, за год), поделенное на объем корпуса за эту дату и умноженное на 1 миллион.

Рис. 5. Результаты поиска словоформы *refuse* на предмет параметра *ipm*, частоты на миллион словоформ за указанный период.Fig. 5. Results of searching for the word form *refuse* for the parameter *ipm*, frequency per million word forms for the specified period.

Графическая репрезентация свидетельствует об очевидном резком скачке в словоупотреблении словоформы в речи с 2021 г., когда *ipm* равен показателю 3, 32. Это существенно отличается от картины с показателем *ipm* синонимов слова *refuse*, каждый из которых либо стремится к нулю,

либо равен ему. При сопоставлении графических данных глаголов – синонимов *decline*, *reject*, *deny* становится понятным, что в топовой части фрейма может находиться исключительно глагол *refuse* на период 2021-2022 г. г., соответственно. Подтверждением являются данные рис. 6-8 ниже.

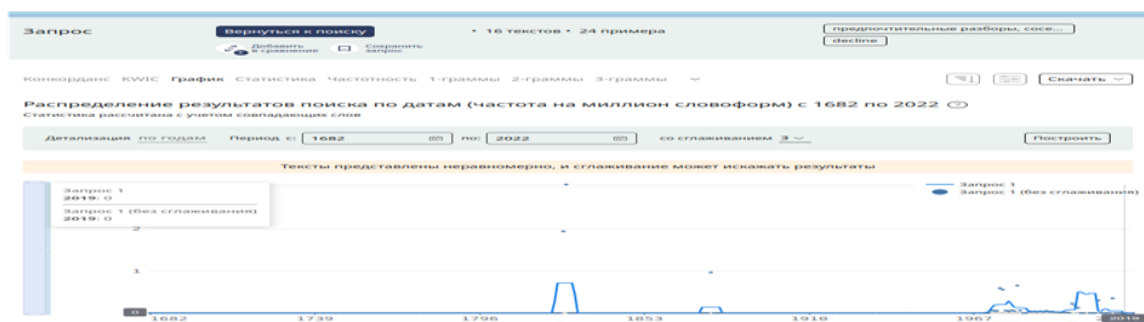

Рис. 6. Нулевой индекс *ipm* синонимичного глагола *decline* в 2019 г.

Fig. 6. Zero index *ipm* of the synonymous verb *decline* in 2019.

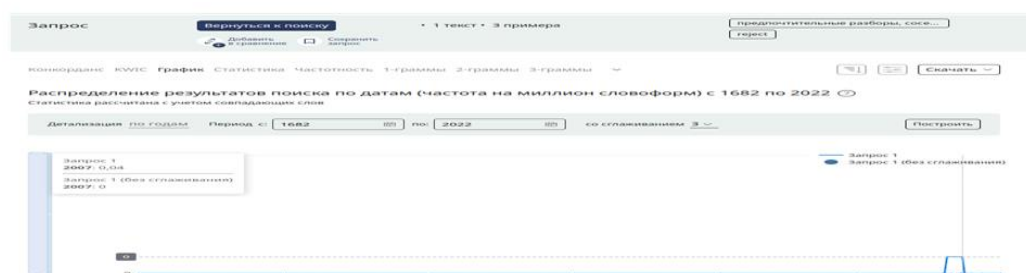

Рис. 7. Низкий показатель индекса *ipm* синонимичного глагола *reject* в 2007 и нулевой показатель в 2022 г.

Fig. 7. Low *ipm* index value of the synonymous verb *reject* in 2007 and zero value in 2022.

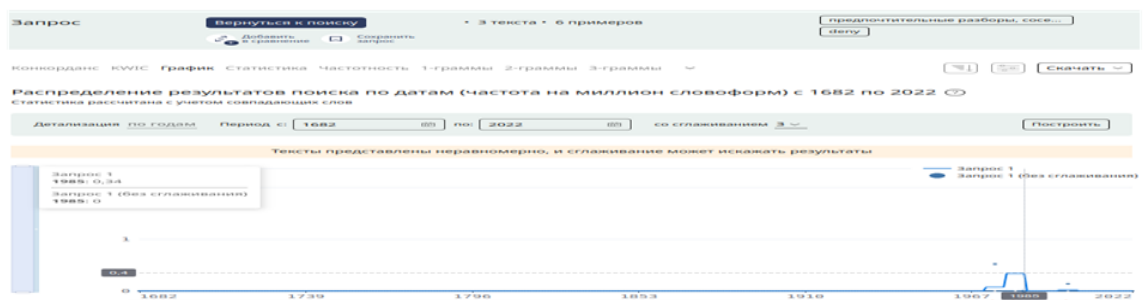

Рис. 8. Показатель индекса *ipm* синонимичного глагола *deny* в 1985 г.

Fig. 8. The *ipm* index of the synonymous verb *deny* in 1985.

Таким образом, находящуюся в топовой структуре фрейма *отказа* лемму *refuse* можно считать ядерной в лексико-семантической группе (ЛСГ) *отказа*.

Картина, полученная при помощи данных корпусной лингвистики, как и в результате анализа фрейма *отказа*, не может быть исчерпывающей в его описании. Текст статичен, неизменен, в то время, как речь в событийном аспекте, именуемая дискурсом, всегда спонтанна, изменчива.

При рассмотрении фрейма *отказа* не учитывался аспект ценностной семантики. И тем не менее, несколько ниже приведенных примеров указывают на то, что бизнес-дискурс ориентирован, в конечном итоге, на достижение всеобщего благополучия, преследует цели обогащения, но не в ущерб общественно-этическим нормам социума и деловой репутации сторон: англ. «...similar to the Unemployment Insurance Fund. However, you also can not unreasonably refuse employment which is

within their capability in this time. Applications can take three months» (русс. «...аналогично Фонду страхования по безработице. Однако, вы также не можете необоснованно отказать в трудоустройстве, которое находится в пределах их возможностей в это время. Заявления могут рассматриваться в течение трех месяцев») (перевод - Коваленко Н. Ю.), или англ. *«It is damaging India's global image, and landlords may refuse to rent their property to needy Indians" noted one individual»* (русс. «Это наносит ущерб мировому имиджу Индии, и арендодатели могут отказаться сдавать свою недвижимость нуждающимся индийцам», – отметил говорящий) (перевод – Коваленко Н.Ю.).

Рассуждение о фрейме отказа в дискурсе неразрывно может быть связано с *кэнселлингом*, когда отменяются не только события, но и люди, компании и даже целые страны: англ. *«he would seek to cancel these deals which he judges to be not adequately beneficial to Malaysia»* (русс. «что он будет стремиться отменить эти сделки, которые он считает недостаточно выгодными для Малайзии») (перевод – Коваленко Н.Ю.), англ. *«media companies under its News Media Bargaining Code have included clauses allowing it to cancel agreements annually. ... agreed to pay an annual sum to...»* (русс. «медиа-компании в соответствии с Кодексом переговоров о новостных медиа включили положения, позволяющие им ежегодно расторгать соглашения. ... согласилась выплачивать ежегодную сумму...») (перевод – Коваленко Н.Ю.), англ. *«the Parties and ordered to attach assets of Honasa in UAE along with refusal to cancel the trading license of Honasa Consumer General Trading LLC»* (русс. «Стороны постановили наложить арест на активы Honasa в ОАЭ, а также отказались аннулировать торговую лицензию Honasa Consumer General Trading LLC») (перевод – Коваленко Н.Ю.). В последнем случае эффект отмены удваивается, поскольку в одном и том же предложении встречается слово *отменить* и *аннулировать*, что свидетельствует о сложившейся риторике между компаниями- партнерами, когда партнерство уже не только предполагает единодушие по многим вопросам, но регулярно возникающие разногласия. Означает ли это, что бизнес-дискурс изменился кардинально в последнее время? Анализ парадигматических сближений (синонимии, ассоциаций), деривационных (словообразовательных) связей, синтагматических свойств (сочетаемости), контекстуальных значений изученных единиц внутри слотов фрейма *отказа*, ассоциативных связей доказывает, что дискурс изменчив, а фрейм как модель его существования – это многомерная двухуровневая структура, в которой концептуаль-

ный уровень превалирует над семантическим, а лексическое значение не просто набор признаков, а комплекс знаний. Фреймовые компоненты-узлы мультиплицируются, достраивают фрейм, изменяют его. Фрейм влияет на окружающую действительность в своей способности формировать новые ЛСГ высокой номинативной плотности с учетом всех основных частеречных классов слов, именующих агентов отказа (англ. *a refusal, a cancelling party*) (русс. «отказ», «отказывающая сторона») (перевод – Коваленко Н.Ю.), их действия (англ. *say no, turn smb down, fail to do smth, deny as a synonym to refuse admission, a permission, an application, an invitation, a request for smth, smb smth, refuse to do smth*) (русс. говорить «нет», отказывать, не делать что-либо, отказывать как синоним отказывать в приеме, разрешении, заявке, приглашении, просьбе о чем-либо, отказывать в чем-либо, отказывать в чем-либо) (перевод - Коваленко Н.Ю.), образа действия (англ. *adamantly, simply, pointedly, steadfastly, point-black, repeatedly, seem churlish to refuse...*) (русс. «непреклонно», «просто», «остро», «упорно», «в упор», «неоднократно», «кажется, нелепо отказываться...») (перевод – Коваленко Н.Ю.). В наибольшей степени реализованы слоты во фрейме *отказа* кому-то в чем-то: *в пропуске куда-либо, в разрешении, заявлении, приглашении, запросе, действии*, слоты с ближайшим контекстуальным окружением лексемами образа действия: *отказывать непреклонно, просто, резко, на постоянной основе, наотрез, неоднократно, нечестно*. В основе явления или события *отказа* лежат не только такие действия, как нежелание делать то, что требуется, но и языковые единицы с ярко выраженной коннотацией осуждения, неодобрения, неприятия: англ. *come under fire, depounce* (русс. «попасть под раздачу», «донос») (перевод – Коваленко Н.Ю.). Такая оценка является отрицательно прототипической, поскольку условием совершения *отказа* скорее всего являются недоверие со стороны объекта действия, отсутствие перспектив, изменения конъюнктуры, утрата доверия, разрыв отношений под влиянием воздействия критических факторов внешней и внутренней природы, по объективным и субъективным причинам, факторы неожиданности, форс-мажора. Значимость поступка *отказа* также высока: *отказ* может изменить стратегически и тактически деятельностный подход в управлении организацией.

При этом, необязательно в результате *отказа* возникнут отрицательные последствия. Часто, наоборот, компании вынуждены принимать решения, которые в перспективе выправят ситуации и окажут эффект оздоровления на ситуацию в це-

лом: *отказы* заставили потребителей ресурсов других стран обратиться к собственным запасам, осовременить технологии хранения топлива, пере-профилироваться и разработать не только новые алгоритмы работы, но и вербальной коммуникации.

Выводы

Установлено, что языковая экспликация фрейма *отказа* является не только инструментом исследования его слотсодержащих компонентов, закрепляющих понятие *отказа* в массовом сознании и его вербальную реализацию в языке, но и инструментом влияния на бизнес-дискурс, к которому он принадлежит. Так, дополнительно внутри структуры фрейма выявлена его аргументационная и консенсусная составляющая, найдены решения по повышению эффективности коммуникации в бизнесе.

Доказано, что изменение фрейма ускоряет диффузию дискурса и дискурсивные заимствования.

Акцентуация фрейма *отказа*, обусловленная уже известным социальным феноменом «отмены культур», или кэнселлинга, позволила развить мысль о необходимости корректировки речевых и дискурсивных практик отмены в плане сдвига с аггревирующего менасива на перформатив-действие позитивной направленности коммуникантов. Выявлены показатели актуализации фрейма *отказа* в социуме, полученные вследствие аналитики корпусных данных.

Разобраны медийные тексты с топиальностью *бизнес* и *отказы в нем* на предмет анализа понятия *отказа* как поступка, его результатов, прогнозов дальнейшего развития событий и явлений.

Выполненные переводы заголовков и фрагментов медийных тестов позволили определить коннотацию *отказов* в бизнес-дискурсе, которая не всегда отрицательная, поскольку является «точкой роста» в речевой деятельности коммуникантов как в части языковой репрезентации, так и в плане смыслового содержания понятия *отказа*.

Список источников

1. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сборник / науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. Ун-та, 2001.
2. Бушуева Л.А. Фреймовая модель нечестных поступков (на материале русского языка) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2019. № 62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/freymovaya-model-nechestnyh-postupkov-na-materiale-russkogo-yazyka>
3. Бушуева Л.А. Языковая экспликация фрейма поступка измена в любви в лексико-семантической системе русского языка // СибСкрипт. 2022. № 6 (94). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-eksplikatsiya-freyma-postupka-izmena-v-lyubvi-v-leksiko-semanticheskoy-sisteme-russkogo-yazyka>. Минск М. Фреймы для представления знаний. Москва. «Энергия». 1979.
4. Гофман И. Нарушение фрейма // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 116 – 151.
5. Дубинина И.И. Corrective communicative behavior in the context of the discourse practice of cancel culture (using the example of public apologies of media personalities) Theory of Language Philology. Theory & Practice 2024. Vol. 17. Issue 10. DOI:10.30853/phil20240501
6. Kibrik A.A., Tenbrink T. Cognitive Discourse Analysis: An introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2020 // Voprosy Jazykoznanija. 2022. № 2. P. 151 – 156. DOI 10.31857/0373-658X.2022.2.151-156
7. Коваленко Н.Ю. Параметрирование содержания коммуникации в бизнес-дискурсе (на материале русского и английского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 5. С. 1490 – 1502. DOI 10.30853/phil20240216.
8. Кочетова Л.А., Ильинова Е.Ю., Клепикова Т.А. Лингвопрагматическое исследование разделительного вопроса в англоязычном межличностном общении: корпусный анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2021. Т. 20. № 5. С. 67 – 86. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.6>
9. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. М.: Флинта: Наука, 2009. 76 с.
10. Смирнова А.А. Методы построения успешной чат-бот-коммуникации в рамках косметологического дискурса // Современное педагогическое образование. 2023. № 5. С. 255 – 262.
11. Язык, сознание, коммуникация. Том Вып. 45. Москва: ООО "МАКС Пресс", 2012. 92 с. ISBN 978-5-317-04330-8
12. Baker M. and Saldanha G. Routledge encyclopedia of translation studies, 2nd edition.
13. Fan J.F., Wang M.L., Li C.L. et al. Intent-Slot Correlation Modeling for Joint Intent Prediction and Slot Filling. J. Comput. Sci. Technol. 2022. 37. P. 309 – 319. <https://doi.org/10.1007/s11390-020-0326-4>
14. Sacks H. A simplest systematic for the organization of turn-taking for conversation // Language. 1974. № 50. P. 696 – 735.

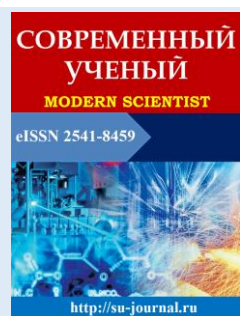
15. Lasswell H.D. The Communication of Ideas: A Series of Addresses / ed. by L. Bryson N.Y.: Institute for Religious and Social Studies, 1948.
16. The Translator as Communicator Basil Hatim and Ian Mason, London and New York 1997.
17. <https://podcasts.apple.com/ru/podcast/ep-25-determined-networking-in-the-face-of-refusal/id1643413701?i=1000610226045>
18. <https://sinonim.org>

References

1. Boldyrev N.N. Concept and meaning of the word. Methodological problems of cognitive linguistics: collection. scientific ed. I.A. Sternin. Voronezh: Publishing house of Voronezh state. University, 2001.
2. Bushueva L.A. Frame model of dishonest acts (based on the Russian language). Vestn. Tom. state. University. Philology. 2019. No. 62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/freymovaya-model-nechestnyh-postupkov-na-materiale-russkogo-yazyka>
3. Bushueva L.A. Linguistic explication of the frame of the act of betrayal in love in the lexical-semantic system of the Russian language. SibScript. 2022. No. 6 (94). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-eksplikatsiya-freyma-postupka-izmena-v-lyubvi-v-leksiko-semanticheskoy-sisteme-russkogo-yazyka>. Minsky M. Frames for representing knowledge. Moscow. "Energy". 1979.
4. Goffman I. Frame violation. Sociological journal. 2003. No. 3. P. 116 – 151.
5. Dubinina I.I. Corrective communicative behavior in the context of the discourse practice of cancel culture (using the example of public apologies of media personalities) Theory of Language Philology. Theo-ry & Practice 2024. Vol. 17. Issue 10. DOI:10.30853/phil20240501
6. Kibrik A.A., Tenbrink T. Cognitive Discourse Analysis: An introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. Voprosy Jazykoznanija. 2022. No. 2. P. 151 – 156. DOI 10.31857/0373-658X.2022.2.151-156
7. Kovalenko N.Yu. Parameterization of the content of communication in business discourse (based on the Russian and English languages). Philological sciences. Questions of theory and practice. 2024. Vol. 17. No. 5. P. 1490 – 1502. DOI 10.30853/phil20240216.
8. Kochetova L.A., Ilinova E.Yu., Klepikova T.A. Lingvopragmatic study of the tag question in English-language interpersonal communication: corpus analysis. Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics. 2021. Vol. 20. No. 5. P. 67 – 86. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.6>
9. Prokhorov Yu.E. In search of a concept. Moscow: Flinta: Nauka, 2009. 76 p.
10. Smirnova A.A. Methods for constructing successful chatbot communication within the framework of cosmetology discourse. Modern pedagogical education. 2023. No. 5. P. 255 – 262.
11. Language, Consciousness, Communication. Vol. Issue. 45. Moscow: ООО "MAX Press", 2012. 92 p. ISBN 978-5-317-04330-8
12. Baker M. and Saldanha G. Routledge encyclopedia of translation studies, 2nd edition.
13. Fan J.F., Wang M.L., Li C.L. et al. Intent-Slot Correlation Modeling for Joint Intent Prediction and Slot Filling. J. Comput. Sci. Technol. 2022. 37. P. 309 – 319. <https://doi.org/10.1007/s11390-020-0326-4>
14. Sacks H. A simplest systematic for the organization of turn-taking for conversation. Language. 1974. No. 50. P. 696 – 735.
15. Lasswell H.D. The Communication of Ideas: A Series of Addresses. ed. by L. Bryson N.Y.: Institute for Religious and Social Studies, 1948.
16. The Translator as Communicator Basil Hatim and Ian Mason, London and New York 1997.
17. <https://podcasts.apple.com/ru/podcast/ep-25-determined-networking-in-the-face-of-refusal/id1643413701?i=1000610226045>
18. <https://sinonim.org>

Информация об авторе

Коваленко Н.Ю., аспирант, Orcid ID: <https://orcid.org/0009-0004-1435-9716>, Государственный университет просвещения, Просвет, 105005, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Басманный, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, seemannsland@rambler.ru

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81-115

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-36-40

Семантические особенности цветообозначений в русском и финно-угорских языках: сопоставительный аспект

¹ Чжао Жуньфэн

¹ Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Аннотация: в статье проводится сопоставительный анализ лексико-семантических полей цветообозначений в русском и финно-угорских языках (на примере удмуртского и коми-зырянского). На основе семантического, этимологического и лингвокультурологического анализа выявляются универсальные и национально-специфические черты в цветовой картине мира русского и финно-угорских народов России. Определяются особенности формирования, развития и функционирования цветообозначений в исследуемых языках, их символическое и культурно-коннотативное значение. Особое внимание уделяется структуре лексико-семантических полей, включающих ядерные и периферийные компоненты, а также этимологии основных цветообозначений. Анализируются культурные коннотации базовых цветов, их роль в традиционной культуре и обрядности исследуемых народов. Детально рассматриваются механизмы цветономинации, способы образования производных цветообозначений и их функционирование в различных сферах языка. Исследуются процессы взаимовлияния языков в области цветовой лексики, особенности заимствований и калькирования цветообозначений. Отдельное внимание уделяется анализу метафорических и символических значений цветообозначений в фольклоре и художественных текстах. Выявлено, что при наличии типологически сходных черт, обусловленных универсальными закономерностями цветообозначения и языковыми контактами, каждый язык демонстрирует национально-специфические особенности в восприятии и категоризации цветового пространства.

Ключевые слова: цветообозначения, лексико-семантическое поле, русский язык, финно-угорские языки, языковая картина мира, лингвокультурология, сопоставительный анализ

Для цитирования: Чжао Жуньфэн Семантические особенности цветообозначений в русском и финно-угорских языках: сопоставительный аспект // Современный ученый. 2025. № 1. С. 36 – 40. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-36-40

Поступила в редакцию: 7 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 7 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Semantic features of color terms in Russian and the Finno-Ugric languages: comparative aspect

¹Zhao Runfeng

¹ National Research University Higher School of Economics

Abstract: the article provides a comparative analysis of lexical-semantic fields of color terms in Russian and Finno-Ugric languages (using the examples of Udmurt and Komi-Zyryan). Based on semantic, etymological, and linguocultural analysis, universal and nationally specific features are revealed in the color worldview of Russian and

Finno-Ugric peoples of Russia. The article determines the peculiarities of formation, development, and functioning of color terms in the studied languages, their symbolic and cultural-connotative meanings. Special attention is paid to the structure of lexical-semantic fields, including core and peripheral components, as well as the etymology of basic color terms. The cultural connotations of basic colors and their role in traditional culture and rituals of the studied peoples are analyzed. The mechanisms of color nomination, ways of forming derivative color terms, and their functioning in various language spheres are examined in detail. The processes of linguistic interference in color vocabulary, features of borrowings, and calquing of color terms are investigated. Particular attention is paid to the analysis of metaphorical and symbolic meanings of color terms in folklore and literary texts. The study reveals that while there are typologically similar features determined by universal patterns of color designation and language contacts, each language demonstrates nationally specific features in the perception and categorization of color space.

Keywords: color terms, lexical-semantic field, the Russian language, Finno-Ugric languages, linguistic worldview, cultural linguistics, comparative analysis

For citation: Zhao Runfeng Semantic features of color terms in Russian and the Finno-Ugric languages: comparative aspect. Modern Scientist. 2025. 1. P. 36 – 40. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-36-40

The article was submitted: September 7, 2024; Approved after reviewing: November 7, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Цвет является одной из фундаментальных категорий культуры, которая отражает особенности восприятия и осмысления мира тем или иным этносом. Система цветообозначений любого языка неразрывно связана с культурно-исторической традицией народа и является важной составляющей его языковой картины мира.

Изучение цветообозначений в разноструктурных языках имеет давнюю традицию в лингвистической науке. Особый интерес представляет сопоставительный анализ цветовой лексики в языках, контактирующих в рамках единого географического и культурно-исторического пространства, к которым относятся русский и финно-угорские языки народов России.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления универсальных закономерностей и национально-культурной специфики цветообозначений в языковой картине мира генетически и типологически различных языков в условиях длительного этнокультурного взаимодействия. Сопоставительное исследование цветовой лексики способствует более глубокому пониманию механизмов отражения действительности в языке, раскрывает особенности категоризации и концептуализации мира разными народами.

Цель статьи заключается в выявлении общего и особенного в лексико-семантических полях цветообозначений русского и финно-угорских языков (на примере удмуртского и коми-зырянского) с учетом их семантики, этимологии и культурных коннотаций.

Материалы и методы исследований

Материалом для анализа послужили данные толковых, этимологических и двуязычных словарей, а также фактический материал, собранный автором в ходе полевых исследований. В работе использовались описательный, сопоставительный, компонентный и этимологический методы, а также элементы концептуального и лингвокультурологического анализа.

Методологической основой исследования послужили труды В.И. Даля, М. Климовой, Н.Л. Чулкиной, А.В. Пухтаевич, Ш. Матназарова, В.С. Картавенко, Н.О. Мелкозеровой, А.А. Шияновой, Н.В. Лучкиной, С.А. Мирзоевой, И.Ю. Проценко, Т.П. Гайковой, Л.А. Миловановой и других отечественных и зарубежных ученых в области лексической семантики, этнолингвистики и лингвокультурологии.

Теоретическую базу работы составляют положения о неразрывной связи языка и культуры, о кумулятивной функции языка, способного фиксировать, хранить и транслировать культурно значимую информацию [1, с. 16]. Важное значение для исследования имеет понятие языковой картины мира, которая понимается как "совокупность представлений народа о действительности, зафиксированных в единицах языка на определенном этапе развития народа" [9, с. 6].

При анализе цветообозначений мы опираемся на понятие лексико-семантического поля – "иерархической структуры множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением" [1, с. 47]. Ядро поля составляют основные цветообозначения, а периферию – неосновные, оттеночные наименования цвета.

Результаты и обсуждения

Сопоставительный анализ цветообозначений в русском, удмуртском и коми-зырянском языках показывает наличие определенного сходства в их лексико-семантической организации и функционировании. Это объясняется как генетическим родством финно-угорских языков, так и длительными контактами с русским языком в рамках единого лингвогеографического пространства.

В каждом из рассматриваемых языков выделяется ядро цветовой лексики, представленное основными цветообозначениями. По данным словарей и полевых материалов, в русском языке это белый, черный, красный, синий, зеленый, желтый [8, с. 172], в удмуртском – тӧды 'белый', съӧд 'черный', горд 'красный', лыз 'синий', вож 'зеленый', чуж 'желтый' [10, с. 168], в коми-зырянском – еджыд 'белый', съӧд 'черный', гӧрд 'красный', лӧз 'синий', турунвиж 'зеленый', виж 'желтый' [3, с. 47].

Основные цветообозначения характеризуются высокой частотностью, стилистической нейтральностью, отсутствием четкой предметной отнесенности и способностью образовывать новые цветообозначения [5, с. 179]. В каждом из исследуемых языков они формируют ядро соответствующего лексико-семантического поля.

Периферийная зона поля представлена неосновными, оттеночными цветообозначениями, которые характеризуются меньшей частотностью и стилистической маркированностью. При этом набор и внутренняя организация периферийных цветообозначений в русском и финно-угорских языках имеет свою специфику, что связано с особенностями восприятия и категоризации цветового пространства разными народами.

Так, например, в удмуртском языке для обозначения оттенков красного цвета используются лексемы жӧрыт-горд ('огненно-красный'), бурой ('темно-красный с коричневым оттенком'), дарали ('красный, цвета крови') и др. [10, с. 168]. В коми-зырянском языке красный цвет передается словами гырды ('насыщенно-красный'), ырды ('ярко-красный'), гӧрдоват ('красноватый') и т.д. [3, с. 49]. Для русского языка характерны такие обозначения оттенков красного как алый, багровый, пурпурный, бордовый и др.

Специфика цветообозначений во многом определяется особенностями их происхождения и развития. В этом отношении русская и финно-угорская цветовая лексика имеет как общие, так и различные черты.

Сходство проявляется в том, что названия основных цветов в исследуемых языках восходят к очень древним пластам лексики и этимологически

связаны с обозначением природных объектов и веществ. Так, например, русское прилагательное желтый является общеславянским по происхождению и соотносится с лит. *geltas* 'желтый' [4, с. 43]. Удмуртское чуж 'желтый' имеет параллели в других финно-угорских языках: ср. мар. *ужар*, морд. *ожо*, ф. *kelta* 'желтый'. Коми виж 'желтый' также считается исконным прилагательным, родственным удм. чуж и общепермскому **vis* – 'желтый' [3, с. 50].

В то же время в русском языке многие неосновные цветообозначения были заимствованы из западноевропейских языков, в частности из французского и немецкого: ср. бордовый <фр. *bordeau*, фиолетовый <нем. *violett*, бежевый <фр. *beige* и т.д. В удмуртском и коми-зырянском языках заимствованных цветообозначений гораздо меньше, большинство из них связано с освоением русской цветовой лексики (ср. удм. *рузовой* 'розовый', коми *розовӧй* 'розовый') [3, с. 51; 10, с. 169].

Важной особенностью функционирования цветообозначений являются их символические и культурные коннотации, которые формируются в языковом сознании народа на основе психофизиологических, исторических, социальных, эстетических и других факторов. Анализ культурных коннотаций цветообозначений позволяет выявить специфику цветовой картины мира разных этносов.

В традиционной культуре русских, удмуртов и коми цвет играет важную роль в ритуальной и бытовой сферах, выступая символическим кодом, отражающим архаическую модель мира. Сопоставление этнокультурной семантики основных цветообозначений в русском и финно-угорских языках показывает наличие как типологически сходных черт, так и национально-специфических различий.

Практически универсальным для всех исследуемых лингвокультур является символическое противопоставление белого и черного цветов как знаков положительного и отрицательного начал, добра и зла, жизни и смерти. У русских, удмуртов и коми белый цвет ассоциируется со светом, чистотой, невинностью, красотой [2, с. 151; 10, с. 170; 8, с. 172]. Черный цвет символизирует тьму, грязь, болезнь, несчастье [2, с. 151; 10, с. 170; 8, с. 172].

При этом в удмуртской и коми традициях белый цвет имеет более выраженную сакральную семантику, связанную с культом верховного божества – Кылдысина и Ена [10, с. 150; 7, с. 1343]. У восточных финно-угров существовал особый обряд жертвоприношения белых животных и птиц

высшим божествам. У русских подобная семантика белого цвета не отмечается.

В символике красного цвета у русских, удмуртов и коми много общего: красный воспринимается как символ жизни, здоровья, энергии, красоты [2, с. 647; 10, с. 168; 8, с. 174]. В удмуртской культуре красный также выступает как обережный цвет, использующийся в ритуально-магической практике и прикладном искусстве. В северорусской традиции красный имел ту же охранительную функцию, что проявлялось в окрашивании в этот цвет элементов одежды, утвари, оберегов [8, с. 175].

Символика синего и зеленого цвета в русской и финно-угорских культурах во многом совпадает: синий связывается с небом, водой, вечностью, зеленый – с растительностью, молодостью, свежестью [10, с. 170]. В удмуртском и коми орнаменте сочетание красного, белого и зеленого символизирует гармонию мироздания и человека [7, с. 1342].

В семантике желтого цвета в исследуемых традициях наблюдаются как сходства, так и различия. У русских желтый имеет амбивалентную символику – он может ассоциироваться как с солнечным светом, теплом, богатством, так и с болезнью, увяданием, изменой [8, с. 170]. В удмуртском и коми языковом сознании желтый цвет в основном оценивается положительно и связывается с солнцем, золотом, спелыми колосьями [10, с. 170]. Отрицательные коннотации желтого в этих культурах практически не отмечены.

Таким образом, сопоставительный анализ русской и финно-угорской цветовой лексики показывает наличие как типологически сходных черт, обусловленных универсальными закономерностями цветообозначения и длительными языковыми контактами, так и национально-специфических особенностей, связанных с культурно-историческими традициями каждого народа.

Выводы

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Лексико-семантические поля цветообозначений в русском и финно-угорских языках имеют сходную структуру, включающую ядро, представ-

ленное основными цветообозначениями, и периферию, в которую входят неосновные, оттеночные наименования цвета. При этом набор и внутренняя организация периферийных цветообозначений в исследуемых языках различаются, что связано с особенностями цветовосприятия и цветообозначения в разных лингвокультурах.

2. Основные цветообозначения в русском, удмуртском и коми-зырянском языках восходят к очень древним пластам лексики и этимологически связаны с обозначением природных объектов и веществ. Многие неосновные цветообозначения в русском языке являются заимствованиями из западноевропейских языков, тогда как в финно-угорских языках число заимствованных цветообозначений невелико.

3. В культурных коннотациях основных цветообозначений в русском и финно-угорских языках наблюдаются как универсальные, так и национально-специфические черты. Типологически сходным является символическое противопоставление белого и черного, положительная семантика красного, синего и зеленого цветов. Различия проявляются в сакральной символике белого в удмуртской и коми традициях, в амбивалентности желтого в русском языковом сознании и его преимущественно положительной оценке в финно-угорских культурах.

4. Сопоставительный анализ цветовой лексики в разнотипных языках, контактирующих в рамках единого лингвогеографического пространства, способствует выявлению универсальных закономерностей цветообозначения, а также раскрытию специфики цветовой картины мира каждого народа, обусловленной его культурно-историческими традициями и межэтническими взаимодействиями.

Перспективы дальнейших исследований связаны с более подробным изучением символики цвета в фольклоре, обрядности и прикладном искусстве русского и финно-угорских народов, а также с рассмотрением влияния русского языка на формирование и развитие цветообозначений в финно-угорских языках России на разных исторических этапах.

Список источников

1. Гайкова Т.П., Милованова Л.А. Современный русский язык: лексика и фразеология: учебное пособие для СПО. Санкт-Петербург: Лань, 2023. 116 с.
2. Даль В.И., Медведев Ю.М. Толковый словарь русского языка в современном написании / сост. В.И. Даль. Москва: АСТ, 2023. 768 с.
3. Картавенко В.С. Цветовые номинации и их особенности в топонимической лексике // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. 2020. № 8. С. 45 – 51.
4. Климова М. Большой этимологический словарь русского языка. Москва: ДСК, 2023. 960 с.

5. Лучкина Н.В., Мирзоева С.А., Проценко И.Ю. Когнитивный подход в исследовании предметных имен // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. 2020. № 1-1. С. 174 – 180.
6. Матназаров Ш. Становление теории семантического поля и изучение названий цветов на этой основе // European Journal of Literature and Linguistics. 2023. № 1. С. 46 – 48. DOI 10.29013/EJLL-23-1-46-48
7. Мелкозерова Н.О. Символика цвета в сопоставительном аспекте (на примере русской и немецкой культуры) // Научные труды студентов Ижевской ГСХА / ФГБОУ ВО Ижевская ГСХА. Ижевск: Ижевская государственная сельскохозяйственная академия, 2021. Т. 1 (12). С. 1342 – 1345.
8. Пухтаевич А.В. Цвет в культуре, моде и фразеологии // Форум молодых ученых. 2023. № 1 (77). С. 170 – 178.
9. Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание. 4-е изд., стереотип. Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. 252 с.
10. Шиянова А.А. Семантическая структура слов, обозначающих цвет в западных диалектах хантыйского языка // Финно-угорский мир в полиэтническом пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сборник статей по материалам VI Всероссийской научной конференции финно-угроведов, Ижевск, 04-07 июня 2019 года. Ижевск: Анны Зелениной, 2019. С. 166 – 170.

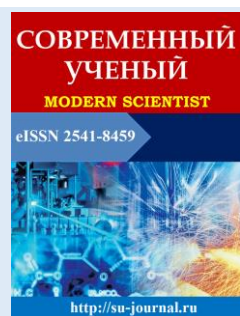
References

1. Gaykova T.P., Milovanova L.A. Modern Russian language: vocabulary and phraseology: a textbook for secondary vocational education. St. Petersburg: Lan, 2023. 116 p.
2. Dal V.I., Medvedev Yu.M. Explanatory dictionary of the Russian language in modern writing. compiled by V.I. Dal. Moscow: AST, 2023. 768 p.
3. Kartavenko V.S. Color nominations and their features in toponymic vocabulary. Onomastics in Smolensk and Vitebsk: problems and prospects of research. 2020. No. 8. P. 45 – 51.
4. Klimova M. Large etymological dictionary of the Russian language. Moscow: DSK, 2023. 960 p.
5. Luchkina N.V., Mirzoeva S.A., Protsenko I.Yu. Cognitive approach in the study of subject names. Language and culture in the era of integration of scientific knowledge and professionalization of education. 2020. No. 1-1. Pp. 174 – 180.
6. Matnazarov Sh. Formation of the theory of the semantic field and the study of color names on this basis. European Journal of Literature and Linguistics. 2023. No. 1. P. 46 – 48. DOI 10.29013. EJLL-23-1-46-48
7. Melkozerova N.O. Color symbolism in a comparative aspect (on the example of Russian and German culture). Scientific works of students of the Izhevsk State Agricultural Academy. FSBEI HE Izhevsk State Agricultural Academy. Izhevsk: Izhevsk State Agricultural Academy, 2021. Vol. 1 (12). P. 1342 – 1345.
8. Pukhtaevich A.V. Color in Culture, Fashion and Phraseology. Forum of Young Scientists. 2023. No. 1 (77). P. 170 – 178.
9. Chulkina N.L. The World of Everyday Life in the Linguistic Consciousness of Russians: A Linguocultural Description. 4th ed., stereotype. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), 2021. 252 p.
10. Shiyanova A.A. Semantic structure of words denoting color in the western dialects of the Khanty language. The Finno-Ugric world in the multiethnic space of Russia: cultural heritage and new challenges: a collection of articles based on the materials of the VI All-Russian scientific conference of Finno-Ugric scholars, Izhevsk, June 4-7, 2019. Izhevsk: Anna Zelenina, 2019. P. 166 – 170.

Информация об авторе

Чжао Жуньфэн, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, runfengzhao1864@gmail.com

© Чжао Жуньфэн, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 821.161.1+821.581+82-1/-9

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-41-48

Анализ ценности культурной идентичности В. Перелешина на основе концепции третьего пространства

¹ Дун Синьюй, ¹ Лю Цзымин, ¹ Ван Линлин

¹ Институт иностранных языков,
Цицикарский университет, Китай

Аннотация: данная статья посвящена исследованию процесса китайской и русской культурной идентичности поэта В. Перелешина на основе концепции «третьего пространства», а также выявлению влияния творчества поэта В. Перелешина на различные культурные идентичности. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) Описать жизни В. Перелешина в Китае и Бразилии; 2) Определить концепцию «третьего пространства» Хоми Бхабхи и его концепцию гибридности; 3) Прояснить понятие культурной идентичности; 4) Проанализировать китайскую и русскую культурную идентичность В. Перелешина; 5) Рассматривать влияния и характеристики китайской и русской культурной идентичности В. Перелешина.

Актуальность данной статьи обусловлена тем, что исследование В. Перелешиним культурной идентичности в контексте концепции «третьего пространства» и гибридности касается проблемы культурной идентичности в контексте глобализации. Следует отметить, что глобализация привела к смешению и обмену культур, что делает конструирование культурной идентичности более сложным и разнообразным. В этом контексте культурная идентичность В. Перелешина может испытывать влияние глобальных культурных тенденций в то же время впитывая и интегрируя элементы других культур и сохраняя собственные культурные традиции. Объектом исследования является культурная идентичность поэта В. Перелешина в перспективе концепции третьего «третьего пространства». предмет данной работы заключается в анализе китайской и русской культурной идентичности В. Перелешина на основе концепции «третьего пространства» при концепции гибридности Хоми Бхабхи, и также выявлении влияния и характеристики культурной идентичности на процессе творчества В. Перелешина. Согласно полученным результатам, культурная идентичность В. Перелешина в перспективе концепции «третьего пространства» представляет собой процесс межкультурные коммуникаций и гибридизации. Благодаря его работам мы можем определить уникальное пространство между китайской и русской культурами, являющееся не только результатом культурного взаимодействия, но и процессом стремления личности к самопозиционированию и идентичности в мультикультурном контексте.

Ключевые слова: культурная идентичность (КИ), В. Перелешин, концепция «третьего пространства», Хоми Бхабха, концепция гибридности

Для цитирования: Дун Синьюй, Лю Цзымин, Ван Линлин Анализ ценности культурной идентичности В. Перелешина на основе концепции третьего пространства // Современный ученый. 2025. № 1. С. 41 – 48. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-41-48

Поступила в редакцию: 10 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 9 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Analysis of the value of cultural identity by V. Pereleshin based on the theory of the third space

¹ Dong Xinyu, ¹ Liu Ziming, ¹ Wang Lingling

¹ Institute of Foreign Languages,
Qiqihar University, China

Abstract: this article is devoted to the study of the peculiarities of the work of memoirs in diaspora literature, in particular the Russian diaspora poet Pereleshin. The relevance of this paper lies in the fact that memories play a key role in the work of Russian diaspora writers, and the study of this medium allows us to clarify the characteristics as well as methods of their creativity. The purpose of this paper is to analyze the creative characteristics of Pereleshin's works. To achieve this goal it is necessary to solve the following tasks: 1) To define the concept of creative memoirs; 2) To clarify the concept of diaspora literature; 3) To reveal and describe the creative path of Pereleshin; 4) To study the social memoirs of marginalized groups; 5) To consider the characteristics of the multidimensional representation of Pereleshin's memoirs.

The relevance of this article is due to the fact that Pereleshin's study of cultural identity in the context of the concept of "third space" and hybridity deals with the problem of cultural identity in the context of globalization. It should be noted that globalization has led to the mixing and exchange of cultures, which makes the construction of cultural identity more complex and diverse. In this context, Pereleshin's cultural identity can be influenced by global cultural trends while absorbing and integrating elements of other cultures and preserving their own cultural traditions. The object of the study is the cultural identity of poet Pereleshin in the perspective of the concept of the third "third space". The subject of this paper is to analyze the Chinese and Russian cultural identity of Pereleshin on the basis of the concept of "third space" under Homi Bhabha's concept of hybridity, and also to reveal the influence and characteristic of cultural identity on the process of Pereleshin's creativity. According to the obtained results, Pereleshin's cultural identity in the perspective of the concept of "third space" is a process of intercultural communication and hybridization. Thanks to his works we can define a unique space between Chinese and Russian cultures, which is not only the result of cultural interaction, but also the process of the individual's aspiration for self-positioning and identity in a multicultural context.

Keywords: cultural identity (CI), V. Pereleshin, theory of "third space", Homi Bhabha, theory of hybridity

For citation: Dong Xinyu, Liu Ziming, Wang Lingling Analysis of the value of cultural identity by V. Pereleshin based on the theory of the third space. Modern Scientist. 2025. 1. P. 41 – 48. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-41-48

The article was submitted: September 10, 2024; Approved after reviewing: November 9, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Перелешин В.Ф. может считаться одним из самых представительных писателей в истории русской эмигрантской литературы в Китае, проведшим всю свою жизнь в скитаниях без определённого места жительства. После Октябрьской революции и во время гражданской войны (1917-1923), чтобы избежать войны и неопределённости ситуации на родине, он уехал из России в Китай вслед за матерью, решив жить в Харбине, а затем в двух странах, Китае и Бразилии.

Родившийся 20 июля 1913 года в Иркутске на берегу Ангары, В. Перелешин вместе с младшим братом в семилетнем возрасте эмигрировал с матерью в Харбин (Китай), когда началась гражданская война. Когда он приехал в Харбин, его мать

снова вышла замуж, и он жил счастливой жизнью, но когда умер отчим, положение семьи ухудшилось, и В. Перелешину с матерью пришлось зарабатывать на жизнь статьями в газетах, чтобы свести концы с концами. В 1932 году Перелешин вступил в Харбинскую молодежную литературную группу, где познакомился с поэтами и писателями литературного мира и обсудил с ними вопросы литературного творчества, заложив основу для последующих творений. В 1935 году он начал изучать китайский язык и заинтересовался китайским языком, культурой и поэзией, а в 1938 году стал монахом. Именно жертвы, принесенные в монастыре, подвергаясь как физическим, так и психическим пыткам, породили больше поэзии. В 1939 году он отправился в Бэйпин (Пекин). Бога-

тая культура древней столицы Бэйпина позволила В. Перелешину выйти из зоны комфорта и начать общаться с местными жителями, посещать достопримечательности и постоянно искать различия между культурами. В 1943 году В. Перелешин приехал в Шанхай из Пекина, что также стало важным периодом в формировании его мировоззрения. За время пребывания в Шанхае его общественная деятельность стала возрастать. Во время пребывания в Шанхае он работал переводчиком в Шанхайском отделении информационного агентства ТАСС, чтобы заработать на жизнь, что способствовало совершенствованию его навыков перевода с китайского языка и знакомству с китайским культурным кругом и творчеством некоторых современных китайских писателей.

После Второй мировой войны, в 1948 году, в качестве эмигранта без китайского гражданства, Перелешин пытался и не смог получить иностранную визу для выезда, и в апреле 1950 года отправился в США. В апреле 1950 года В. Перелешин отправился в США, где во время холодной войны между США и СССР был распространен антикоммунистический маккартизм. Из-за его бывшего советского паспорта, неспособности доказать, что он никогда не был сторонником коммунизма, и его работы в советском информационном агентстве, В. Перелешину отказали во въезде в США и навсегда запретили въезд. В октябре 1950 года он был репатриирован обратно в город Тяньцзинь. Он намеревался вернуться в Шанхай, чтобы продолжить свою жизнь, но его заявление было отклонено из-за подозрений относительно его пятимесячной поездки в США и возвращения в Китай, поэтому он нашел работу преподавателя русского языка в городе Тяньцзинь, а осенью 1952 года получил визу в Бразилию. Он нашел работу преподавателем русского языка в городе Тяньцзинь, а осенью 1952 года с помощью своего брата Виктора получил визу в Бразилию и отправился в эту страну из Гонконга Китая.

В сентябре 1952 года В. Перелешин отправился из Гонконга (Китай) в Бразилию на корабле, прибыв в Рио-де-Жанейро (столица Бразилии до 1960 года) в январе 1953 года. В первые годы после приезда он работал в ювелирном магазине и в офисе мебельной фабрики, чтобы свести концы с концами [5. с. 104]. Он получил бразильское гражданство в 1958 году, в детстве работал в библиотеке британского консульства в Рио-де-Жанейро, а также преподавал русский язык в американской школе и в бразильской военно-морской академии. С момента приезда в Бразилию он молчал как поэт около 20 лет, прежде чем снова начал писать, так что очевидно, что в Бразилии ему жилось неслад-

ко, когда он только приехал и больше не интересовался писательством. Он вернулся к творчеству в 1968 году, опубликовал несколько стихотворений и закончил свою жизнь 7 ноября 1992 года, скончавшись в приюте для актеров под Рио-де-Жанейро, Бразилия.

Материалы и методы исследований

Материалы исследования включают в себя российские и китайские научные статьи по анализу культурной идентичности, концепции третьего пространства Хоми Бхабхи и писателю Перелешину В.Ф., размещенные в Китайской электронной библиотеке Vip (VIP) и Российской научной электронной библиотеке (РИНЦ), из которых было проанализировано и отобрано для исследования данной работы 38 статей.

Методами исследования в данной работе были использованы анализ литературы, описательный метод и сравнительный анализ. На основе указанных методов анализируются концепции третьего пространства Хоми Бхабхи и культурная идентичность, рассматриваемая в данной работе, а также проводится сравнительный анализ китайской и русской культурной идентичности В. Перелешина. Это позволяет выявить влияния, оказываемые на В. Перелешина в его творчестве.

Результаты и обсуждения

Концепция гибридности Хоми Бхабхи основана на концепции гибридизации и «полифонии» Бахтина. Надо отметить, что Хоми Бхабха ввел концепцию гибридности в область культурных исследований. Концепция гибридности пропагандирует тонкий подход к раскрытию противоречий между двумя сторонами и растворение культурного авторитета через разрыв их антагонистических отношений». Обе стороны культуры испытывают раскол в позициях идентичности, возникающий из воображаемых идентичностей между ними, и взгляд Хоми Бхабхи подчеркивает взаимозависимость обеих сторон культуры и взаимное утверждение субъективности друг друга [9. с. 40].

Что касается культурной идентичности (КИ), то в процессе контакта различные культуры влияют друг на друга и проникают друг в друга, а смешение двух культур порождает новую культурную форму, которая не принадлежит ни исключительно исходной культуре, ни культуре другой. Культурные различия, вызванные этим явлением смешения культур, побудили Хоми Бхабха открыть пространство, в котором культурные различия могли бы обсуждаться, в котором культурные различия могли бы быть представлены в равной степени, в котором КИ не была бы однонаправленной, и в котором существовало бы переплетенное состояние смешения и взаимных переговоров между

различными культурами. Это концепция «третьего пространства», предложенная Хоми Бхабха [7. с. 81-82].

Концепция «третьего пространства» в контексте КИ В. Перелешина связана, прежде всего, с теориями постколониального теориста Хоми Бхабхи. Согласно концепции Хоми Бхабхи, «третье пространство» является промежуточным пространством культурных взаимодействий, в котором колонизатор и колонизируемый договариваются о культурной гибридности. Такая культурная гибридность противостоит колониальному угнетению, деконструируя эссенциалистские идентичности и бинарные оппозиции (например, колонизатор и колонизируемый или Восток и Запад) [8. с. 172-173].

В КИ В. Перелешин концепция третьего пространства может быть понята как двусмысленная зона между традицией и современностью, между локальным и глобальным, в которой человек может исследовать и переопределять свою собственную идентичность. Эта идентичность не фиксирована, а текуча и разнообразна, подобно тому, что Бахтин называет диалогической текучей идентичностью. В этом третьем пространстве построение КИ выходит за пределы отдельных культурных границ и формирует новую целостную идентичность, которая включает в себя как оригинальные культурные черты, так и новые культурные элементы [11. с. 2-3].

КИ В. Перелешина в третьем пространстве проявляется как кросс-культурный гибрид и динамическая конструкция. Прожив много лет в Китае, он испытал глубокое влияние китайской культуры, сохранив при этом влияние русской культуры, сформировав уникальный творческий стиль [5. с. 88]. Его работы не только отображают природные ландшафты и гуманитарные науки Китая, но и отражают его глубокое понимание китайской культуры и эмоций.

Привязанность В. Перелешина к китайской культуре и ее распространение нашли отражение в его поэтическом творчестве, которое проявляется в различных аспектах его жизненного опыта, содержания стихов и переводческой деятельности. Прежде всего, В. Перелешин прожил в Китае 32 года, и этот опыт заставил его считать Китай своей второй родиной и испытать глубокое влияние традиционной китайской поэзии. Его стихи находятся под глубоким влиянием китайской культуры, он часто использует китайские элементы для выражения своих чувств и сформировал свой собственный уникальный творческий стиль и настроение. Кроме того, В. Перелешин перевел на русский язык большое количество выдающихся ки-

тайских литературных произведений, таких как «离骚» («Ли Сао»), «道德经» «Дао Дэ Цзин» и древние китайские поэмы, и внес выдающийся вклад в культурные обмены между Россией и Китаем. Следует указать, что его переводческая деятельность не ограничивалась литературными произведениями, он также переводил классическую китайскую поэзию, например, произведения Ли Бая и Ван Вэя, которые вошли в его сборник стихов «Песни Дуаньфан».

В своих стихах В. Перелешин не только касается китайских чувств и сцен, китайских людей и событий, китайских рассуждений и мыслей, но и на его мысли влияет китайская культура, и он часто выражает свои чувства в китайском ключе. В его произведениях много китайских элементов, а долгая история Китая, его достопримечательности и обычаи стали объектами и источниками его поэтического творчества. Переведя большое количество классических китайских стихотворений, В. Перелешин познакомил весь мир с китайской культурой и укрепил понимание китайской культуры и литературы среди народов мира.

В художественном отношении В. Перелешин унаследовал лучшие традиции классической русской поэзии, а также испытал определенное влияние школы акмеизма. Многие из его стихотворений в Китае - плод слияния китайской и русской культур. Его стихи воплощают торжество единства природы и человека, присущее китайской поэзии, и отличаются сильным религиозным чувством. Кроме того, Русский поэт-эмигрант В. Перелешин усовершенствовал сонетную форму в русской поэзии в 1970-х годах. Помимо строгого метра и рифмы он постепенно ввел в русский сонет один редкий прием - цезуру, чтобы усилить ритм и музыкальность стиха. В значительной степени этот прием был заимствован из классической китайской поэзии, с которой поэт был хорошо знаком и которую с увлечением переводил [12. с. 137].

Таким образом, мы можем выделить основные способы, посредством которых В. Перелешина воплощает свою привязанность к китайской культуре и ее распространение в своей КИ, представленные на следующие: 1) **долгое время жил в Китае и испытал глубокое влияние китайской культуры:** Прожив в Китае 32 года, за которые он объездил половину страны, он приобрел глубокие знания и любовь к великим рекам, обычаям, горам и рекам этой страны [6. с.88]. Его поэзия находится под глубоким влиянием китайской культуры, и в его произведениях часто используются уникальные китайские элементы для выражения своих

чувств; 2) **Перевод классической китайской литературы:** перевел большое количество выдающихся китайских литературных произведений, таких как «离骚» («Ли Сао»), «道德经» «Дао Дэ Цзин» и древние китайские поэмы. Его переводческая деятельность не только расширила представление людей о китайской культуре и литературе, но и сделала его посланником, распространившим китайскую культуру по всему миру; 3) **Китайские настроения в его поэзии:** стихи В. Перелешина посвящены китайским людям и предметам, китайским народным обычаям и традициям. Его стихи полны китайских и русских чувств, которые переплетаются, формируя его уникальный стиль; 4) **Глубокое осмысление китайской культуры и кросс-культурная перспектива:** В. Перелешин не только рисует в своих стихах картину Китая, в которой есть отголосок менталитета и ощущение местной самобытности, но и, благодаря опыту перевода китайской литературы и глубокому осмыслению восточной философии, постоянно движется к широкому и открытому культурному видению и признанию культурной ценности духовности всего человечества; 5) **Интеграция китайской и русской культур:** творчество В. Перелешина является плодом слияния китайской и русской культур, а его поэзия принадлежит как Китаю, так и России. В своем творчестве он унаследовал прекрасные традиции русской классической поэзии и в то же время испытал влияние китайской классической поэзии.

Глубокое понимание и любовь В. Перелешина к китайской культуре нашли отражение в его поэзии и в его стремлении познакомиться мир с китайской культурой. Благодаря своей поэзии и переводам В. Перелешин способствовал обмену и взаимопониманию китайской и русской культур, а также расширению знаний и представлений о китайской культуре в мире.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что В. Перелешин является образцом китайско-русского культурного синтеза, а его произведения не только демонстрируют глубокую привязанность к китайской культуре и ее распространение, но и воплощают новую форму межкультурного синтеза. Через его поэзию мы можем ощутить духовный резонанс и культурную идентичность, которая выходит за рамки культур и национальных границ.

Место рождения В. Перелешина и содержание его творчества отражают глубокую приверженность к русской литературе и ее наследию. Несмотря на то, что за границей В. Перелешин жил в двух странах - Китае и Бразилии, его кровь в жи-

лах и душевные позывы всегда были тесно связаны с русской литературой.

Писателям русской диаспоры нелегко удержать КИ своей родины. Они покинули Россию по разным причинам (строительство Ближневосточной железной дороги, начало Русско-японской войны, депо снабжения, гражданская война в России), приехали в Китай, что также означает, что они покинули источник вдохновения для своих творений, хотя экспатрианты живут в других странах, чтобы дать русским писателям больше свободы творчества, лишиться скованности и ограничений, но из-за отъезда из своей страны литературное творчество находится вне почвы, и экспатриантам трудно интегрироваться в основной социокультурный поток, они являются неважно какими. Однако из-за того, что они находятся вне литературной почвы своей родины и с трудом интегрируются в основное общество и культуру принимающей страны, они оказываются в особенно сложной ситуации как в плане своей жизни, так и в плане своего творчества. Но даже в этой непростой ситуации остается немало русских писателей, которые по-прежнему держатся за корни родной литературы, за тот родной город, который существует только в их сердцах и мечтах, но в который они не могут вернуться.

Как один из эмигрантов, живущих в Китае во время третьей волны русской диаспоры в Харбине, В. Перелешин был в растерянности, когда впервые приехал в Китай, и разница в культуре на некоторое время затруднила его адаптацию, но даже в этом случае он продолжал настаивать на своей русской культурной идентичности.

Следует отметить, что В. Перелешин является выдающимся русскоязычным поэтом, в творчестве которого большое количество стихотворений на религиозные темы, особенно православные. Эти стихи отражают не только глубокое понимание и веру поэта в религию, но и его отношение к аскетизму и эскапизму [10. с. 112]. В этих произведениях В. Перелешин ищет духовного утешения в религии, что в определенной степени отражает важность и опору на религию в русской культуре.

Учитывая, что в более широком культурном контексте творчество и жизненный опыт В. Перелешина отражают сложность русской культурной идентичности. Вопрос о русской КИ всегда был в центре внимания русской философии и мысли. Творчество В. Перелешина в определенной степени отражает эту проблему, и его произведения являются не только отражением его личной КИ, но и исследованием и выражением русской КИ [1, 2].

Что касается русской КИ, то творчество В. Перелешина демонстрирует сложные вопросы КИ.

Следует отметить, что его произведения находятся под глубоким влиянием русской литературной традиции и отражают чувство культурной принадлежности к русской диаспоре. Это чувство основано не только на идентификации с русской культурой, но и отражается в его привязанности к русскому литературному опыту. Кроме того, творчество В. Перелешина также демонстрирует кросс-культурный обмен и интеграцию. Жизненный и творческий опыт, полученный во время пребывания в Китае, позволил ему под влиянием китайской культуры выстроить самоидентификацию, преодолев национальные границы. Поэтому такая КИ подразумевает не только признание русской культуры, но и признание культурных ценностей, которые являются общими для всех людей.

Далее мы рассматриваем наследие и влияние классической поэзии В. Перелешина в его русскую КИ следующим образом: 1) **Культурное наследование и интеграция:** Поэтические композиции В. Перелешина испытали глубокое влияние классической русской поэтической традиции, особенно Пушкина и Лермонтова. Кроме того, его поэма «стихи без заглавия» по структуре и стилю подражает пушкинскому «Евгению Онегину», демонстрируя глубокое понимание и уважение к русской литературной традиции. Его произведения унаследовали прекрасные традиции русской классической поэзии; 2) **Эмоциональное самовыражение и КИ:** противоречия между светом и тьмой, отчаянием и верой, самобичеванием и молитвами к богам – основные темы в поэзиях В. Перелешина. Данные темы отражают его идеологические настроения как русского поэта в изгнании и его глубокую идентификацию с русской культурой; 3) **Межкультурные перспективы и универсальность:** творчество В. Перелешина демонстрирует его стремление к «космополитизму» и универсальной человечности, что перекликается с традиционными концепциями русской литературы XIX века. Его поэзия представляет собой совокупность элементов восточной и западной культур, что отражает его глубокое понимание и уважение к обеим культурам [4]; 4) **Личный опыт и КИ:** опыт жизни в Китае позволил Перелешину наблюдать и выражать русскую культуру с уникальной кросс-культурной точки зрения. Его работы отражают

его глубокую привязанность к русской культуре [3, с. 39-40].

Поэзия В. Перелешина на православные темы отражает его глубокое понимание и веру в религию, а также важность и зависимость от нее русской культуры. Кроме того, его творчество еще более углубляет сложность и многообразие русской КИ, демонстрируя межкультурный обмен и слияние, а также понимание культурных ценностей, духовно общих для всего человечества.

Таким образом, В. Перелешин демонстрирует свою глубокую идентификацию с русской культурой и уникальный вклад в нее через свое культурное наследие, эмоциональное выражение, кросс-культурную перспективу и личный опыт в своем поэтическом творчестве. Его произведения являются не только мост между китайскими и российскими культурными обменами, но и важное воплощение русской культуры в контексте глобализации.

Выводы

В процессе культурной идентификации В. Перелешин показывает нам постколониализм через свой собственный диаспоральный опыт. Он продолжает интегрировать свою культурную идентичность в «третье пространство», где нет необходимости беспокоиться о собственной идентичности, где народы находятся в гармонии, взаимозависимы и совместно решают возникающие проблемы. Несомненно то, что концепция третьего пространства Хоми Бхабхи способствует разрушению гегемонистских культур, развитию мультикультурализма, выявлению общих черт в культурных смешениях и открытию новой культурной тенденции.

Таким образом, в творчестве В. Перелешина также отразилось его глубокое осмысление китайской философии и осознание культурных ценностей духовной общности всего человечества, что в дальнейшем способствовало формированию его культурной идентичности в третьем пространстве. Таким образом, мы можем сказать, что культурная идентичность В. Перелешина в третьем пространстве представляет собой межкультурное объединение, сочетающее в себе элементы как русской, так и китайской культур, на основе которых он сформировал уникальную личностную и культурную идентичность.

Список источников

1. Ду Юйпэн Культурное сознание в условиях кризиса идентичности: современный прогресс русской философии культуры // Theory Exploration. 2022. № 6. С. 124 – 131. = 杜宇鹏. 认同危机下的文化觉醒:俄罗斯文化哲学的当代进路[J]. 理论探讨,2022(6):124-131.
2. Ду Юйпэн, Цинь Лидун Проблема преодоления "кризиса идентичности" российской культурной идентичности – теоретическое исследование евразийства // Academic Exchange. 2019. № 11. С. 37 – 45. = 杜宇鹏, 秦立东. 克服俄罗斯文化身份"认同危机"的尝试—欧亚主义的理论探索[J]. 学术交流,2019(11):37-45.
3. Лю Чуньфу Китайская идентичность в произведениях писателей русской диаспоры Перелешина // comparative study of cultural innovation. 2018. № 2 (24). С. 39 – 40. = 刘春富. 俄罗斯侨民作家别列列申作品的中国认同[J]. 文化创新比较研究,2018,2(24):39-40.
4. Цуй Лу Рецепция китайской культуры и отражение идеи "всемирности" в поэзии В.Ф. Перелешина // Соловьевские исследования. 2022. № 4 (76). С. 148 – 161.
5. Чжан Ю. Бразилия в творчестве В. Перелешина // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 2. С. 102 – 116.
6. Чжан Ю. Китай в жизни и творчестве В. Перелешина // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 77 – 91.
7. Bhandari N.B. Homi K. Bhabha's Third Space Theory and Cultural Identity Today: A Critical Review // Prithvi Academic Journal, 2022. № 5 (1). P. 171 – 181.
8. Bhandari N.B. Negotiating Cultural Identities in Diaspora: A Conceptual Review of Third Space // Curriculum Development Journal. 2020. № 42. P. 78 – 89.
9. Cui Lu, Wang Gang From "Responsiveness" to "Commonality": on the Cultural Identity in the "Chinese Text" of the Russian Emigrant V. Pereleshin // Teaching Russian In China. 2022. Vol 41. № 4. P. 39 – 49.
10. Gao Chunyu, Miao Hui The Appreciation of Parelcschin Religious Subjects Poetry // Journal of Qiqihar University (Philosophy & Social Science Edition). 2011. № 4. P. 112 – 114.
11. Kim Y.K. Third Space, New Ethnic Identities, and Possible Selves in the Imagined Communities: A Case of Korean Heritage Language Speakers // Journal of Language, Identity & Education. 2022. № 22 (1). P. 1 – 17.
12. Li Meng On Artistic Characteristics of Pereleshin's Sonnets // Foreign Literatures. 2013. № 4. P. 137 – 145.

References

1. Du Yupeng Cultural Consciousness in the Context of Identity Crisis: Contemporary Progress of Russian Philosophy of Culture. Theory Exploration. 2022. No. 6. P. 124 – 131. = In Russian. Journal of Cultural Consciousness and Identity Crisis: A Theoretical Study of Eurasianism in the Context of Identity Crisis in Russian Culture [J]. Journal of Cultural Consciousness and Identity Crisis, 2022(6):124-131.
2. Du Yupeng, Qin Lidong The Problem of Overcoming the "Identity Crisis" of Russian Cultural Identity - A Theoretical Study of Eurasianism. Academic Exchange. 2019. No. 11. P. 37 – 45. = 杜宇鹏, 秦立东. 克服俄罗斯文化身份"认同危机"的尝试—欧亚主义的理论探索[J]. 学术交流,2019(11):37-45.
3. Liu Chunfu Chinese identity in the works of writers of the Russian diaspora Pereleshin. comparative study of cultural innovation. 2018. No. 2 (24). P. 39 – 40. = 刘春富. [J]. Reception of Chinese Culture and Reflection of the Idea of "University" in the Poetry of V.F. Pereleshin. Soloviev Studies. 2022. No. 4 (76). P. 148 – 161.
5. Zhang Yu. Brazil in the Works of V. Pereleshin. Eurasian Humanitarian Journal. 2021. No. 2. P. 102 – 116.
6. Zhang Yu. China in the Life and Work of V. Pereleshin. Eurasian Humanitarian Journal. 2021. No. 1. P. 77 – 91.
7. Bhandari N.B. Homi K. Bhabha's Third Space Theory and Cultural Identity Today: A Critical Review. Prithvi Academic Journal, 2022. No. 5 (1). P. 171 – 181.
8. Bhandari N.B. Negotiating Cultural Identities in Diaspora: A Conceptual Review of Third Space. Curriculum Development Journal. 2020. No. 42. P. 78 – 89.
9. Cui Lu, Wang Gang From "Responsiveness" to "Commonality": on the Cultural Identity in the "Chinese Text" of the Russian Emigrant V. Pereleshin. Teaching Russian In China. 2022. Vol 41. No. 4. P. 39 – 49.
10. Gao Chunyu, Miao Hui The Appreciation of Parelcschin Religious Subjects Poetry. Journal of Qiqihar University (Philosophy & Social Science Edition). 2011. No. 4. P. 112 – 114.
11. Kim Y.K. Third Space, New Ethnic Identities, and Possible Selves in the Imagined Communities: A Case of Korean Heritage Language Speakers. Journal of Language, Identity & Education. 2022. No. 22 (1). P. 1 – 17.
12. Li Meng On Artistic Characteristics of Pereleshin's Sonnets. Foreign Literatures. 2013. No. 4. P. 137 – 145.

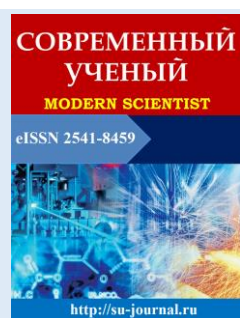
Информация об авторах

Дун Синьюй, Институт иностранных языков Цицикарский университет, Китай, dxy2018082017@163.com

Лю Цзымин, Институт иностранных языков, Цицикарский университет, Китай, 972893737@qq.com

Ван Линлин, профессор, Институт иностранных языков Цицикарский университет, Китай, 672774985@qq.com

© Дун Синьюй, Лю Цзымин, Ван Линлин, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 821.411.21

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-49-54

Исследование спутниковых каналов в медиа системе Ирака

¹ Аль-Фурайджи Ахмед Адиль Саддам

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Аннотация: после падения режима Саддама Хусейна иракские СМИ довольно противоречивы и трудны для понимания. Если раньше они были подчинены постоянному контролю одной правящей партии и правительства, сегодня появляется частное телевидение. С 2003 г. информация, новости, программы, события стали транслироваться прямо и открыто. Рассматривается техническое обеспечение ТВ и Интернет каналов Ирака собственными околоземными спутниками. Иракские СМИ столкнулись с огромными трудностями, учитывая быстрые изменения, произошедшие в этой области. Наличие такого количества средств массовой информации особенно после более чем трех десятилетий авторитарного контроля, цензуры и преследований во времена режима Баас, является для иракцев большим достижением на пути интеграции в мировое сообщество. Однако в своем нынешнем беспорядочном состоянии иракские СМИ в основном служат интересам отдельных лиц, которые, как правило, руководствуются в основном политическими или экономическими мотивами. Одна из проблем заключается в том, что иракское правительство должно заложить основу и законодательную базу для более ответственных и профессиональных СМИ в иракском обществе. Для того чтобы иракские средства массовой информации смогли реализовать свой потенциал, иракским работникам средств массовой информации необходимо предоставить возможность по-настоящему руководить процессом восстановления ответственных и профессиональных средств массовой информации. Проанализирован ряд каналов на повторяемость новости и влияние источников контента. Иракские местные телеканалы и спутниковые каналы, радио, журналы конкурируют сейчас за право трансляции, передачи и сообщения самых последних новостей.

Ключевые слова: спутниковый канал, передача данных, космическая программа Ирака, политические новости, источники контента

Для цитирования: Аль-Фурайджи Ахмед Адиль Саддам Исследование спутниковых каналов в медиа системе Ирака // Современный ученый. 2025. № 1. С. 49 – 54. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-49-54

Поступила в редакцию: 11 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Research of satellite channels in the media system of Iraq

¹ Al-Furaiji Ahmed Adil Saddam

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

Abstract: after the fall of Saddam Hussein's regime, the Iraqi media is quite contradictory and difficult to understand. If earlier they were subject to the constant control of one ruling party and the government, today private television broadcasting appears. Since 2003, information, news, programs, and events have been broadcast directly and openly. The technical support of Iraq's TV and Internet channels with its own near-Earth satellites is being considered. The Iraqi media has faced enormous difficulties, given the rapid changes that have taken place in this area.

Having so many media outlets, especially after more than three decades of authoritarian control, censorship and persecution during the Baath regime, is a great achievement for Iraqis on their way to integration into the world community. However, in its current disorderly state, the Iraqi media mainly serves the interests of individuals, who tend to be guided mainly by political or economic motives. One of the problems is that the Iraqi Government must lay the foundation and legislative framework for a more responsible and professional media in Iraqi society. In order for the Iraqi media to realize their potential, Iraqi media workers must be given the opportunity to truly lead the process of rebuilding responsible and professional media. A number of channels have been analyzed for the repeatability of news and the influence of content sources. Iraqi local TV channels and satellite channels, radio, magazines are now competing for the right to broadcast, broadcast and report the latest news.

Keywords: satellite channel, data transmission, Iraqi space program, political news, content sources

For citation: Al-Furaiji Ahmed Adil Saddam Research of satellite channels in the media system of Iraq. Modern Scientist. 2025. 1. P. 49 – 54. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-49-54

The article was submitted: September 11, 2024; Approved after reviewing: November 10, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Спутники являются ключевыми факторами развития инженерии связи. Развитие антенн, систем распространения радиоволн и обработки сигналов способствовало росту инженерии связи [19]. Кроме того, инновации в области спутниковой передачи данных и модуляции преобразили инженерию связи. В дополнение к этому, орбитальная механика и спутниковая электроника сделали связь более быстрой и дешевой

Спутниковые технологии играют фундаментальную роль в обеспечении глобальной связи, поскольку многие типы спутников обеспечивают сбор данных, исследования, телекоммуникации, безопасность и прогноз погоды, навигацию, бизнес-аналитику, экологический мониторинг и оборону. В космической отрасли наблюдается стремительный рост числа запусков спутников. В последнее время ежегодно запускается около 1000 спутников. В 2021 году было запущено в общей сложности 1400 спутников, и многие организации объявили о запуске своих спутниковых группировок в ближайшие несколько лет [1].

По мере роста международного космического сообщества все новые страны проявляют интерес к космосу и демонстрируют свои возможности в этой области. В начале космической эры в финансировании, опыте и достижениях доминировали США и СССР. Однако постепенно многие другие страны заняли свое собственное место в космическом сообществе, и в настоящее время многие развивающиеся страны, такие как Ирак, стремятся повысить уровень своей космической активности. Несмотря на то, что достаточная политическая поддержка, ограниченность технологий, нехватка опыта, финансовых средств и неразвитых людских ресурсов сделали иракский опыт в области космических технологий в буквальном смысле достой-

ным, в данной статье рассматривается полный обзор иракского опыта в области инициирования и реализации программ в области космических технологий, связанных со строительством спутниковых пусковых установок, космических аппаратов и наземных станций.

Попытки Ирака выйти в космос зародились не сегодня, но в этой области уже был успешный опыт. Ирак вступил во Всемирную организацию спутниковой связи в 1975 году после создания Департамента космической связи в Генеральной организации телеграфа, почты и телефонной связи. Затем, в 1976 году, в Дуджаиле была открыта наземная станция для работы со спутниками. Станция Дуджаил-1 работает со спутниками над Атлантическим океаном (AOR), а станция Дуджаил-2 работает со спутниками над Индийским океаном (IOR). Ирак присоединился к "Интерспутнику" в 1980 году через станцию Дуджаил-3 [2]. Ирак присоединился к Арабской корпорации спутниковой связи (Arabsat) в 1985 году в качестве полноправного члена. Центр космических исследований был создан при Научно-исследовательском совете в 1987 году. Во время работы Международного союза электросвязи (МСЭ) в 1985 и 1988 годах Ираку были предоставлены две орбитальные позиции (65,45E-50E) для размещения на них иракских спутников [3]. Ирак, как и другие соседние страны и другие государства мира, проявляет интерес к использованию космического пространства в мирных целях, а также к глобальным разработкам и деятельности в этой области. Участие в этой области имеет много преимуществ для страны, в том числе [6-8]:

- Усиление безопасности и военного аспекта, достижение суверенитета в защите границ, водных ресурсов и окружающей среды, а также прогнозирование стихийных бедствий с помощью совре-

менных спутниковых изображений.

- Повышение уровня коммуникационных технологий, комплексных информационных услуг, кибербезопасности и защиты информации, важной для государства и людей.

- Развитие инфраструктуры в различных областях, включая образовательную, технологическую, промышленную, сельскохозяйственную и экономическую, с высокой финансовой отдачей, которая будет достигнута.

Материалы и методы исследований

Правительство Ирака инициировало космическую программу в конце 1980-х годов. С 1988 по 1990 год Научно-исследовательский совет Ирака построил исследовательский центр для разработки космических технологий в иракском космическом центре [4]. Проект "Аль-Таир" (Al-Ta'ir) был начат Иракским центром космических исследований (SRC). Это был гражданский экспериментальный спутник, предназначенный главным образом для проведения экспериментов в области связи и определения дальности. Спутник "Аль-Таир" работает в диапазонах частот UHF и ОВЧ. SRC успешно построил два идентичных спутника, которые до сегодняшнего дня хранятся в Министерстве науки и технологий в Багдаде.

На фоне информационной открытости, с которой столкнулся Ирак после 2003 года, что способствовало появлению сетей мобильной связи и созданию более 150 местных спутников, а также радиочастот, транслируемых на арабских и зарубежных спутниках, возник иракский спутниковый проект.

В 2012 году был сформирован расширенный комитет во главе с Министерством связи и представителями государственных министерств (обороны, внутренних дел, высшего образования, науки и технологий, планирования) и органов безопасности из Национальной безопасности и Национальной разведывательной службы для наблюдения за иракским спутником. В 2013 году этот комитет издал совместную рекомендацию о создании иракского космического агентства, а также направил не имеющее обязательной силы приглашение международным компаниям (производителям, операторам, инвесторам) спроектировать и построить иракский спутник.

Количество наземных станций космической связи в настоящее время увеличилось до (4) станций, принадлежащих Генеральной компании связи и информатики Министерства связи. Рекомендации были одобрены Генеральным секретариатом Совета Министров. В то время создание Агентства было отложено, поскольку этот этап не подходил для его вступления в силу из-за финансового по-

ложения страны [5].

Усилия сотрудников Департамента космической связи Генеральной компании связи и информатики Министерства связи по-прежнему направлены на завершение иракского спутникового проекта KufaSat, и необходимо подготовить дорожную карту для этого проекта и приступить к этапам его реализации.

Осуществлялась координация с Комиссией по средствам массовой информации и коммуникации и МСЭ в целях обеспечения прав Ирака на орбиту и частоту, а также взаимодействия с правительственными заинтересованными сторонами и компаниями частного сектора для определения их потребностей в спутниковых услугах и работы по их предоставлению с наименьшими затратами. Кроме того, были подготовлены периодические отчеты о деятельности международных компаний по маркетингу спутниковых услуг и работе, направленной на то, чтобы воспользоваться лучшими предложениями по производству и запуску иракского спутника, посредством связи и координации с международными космическими организациями и компаниями, производящими и эксплуатирующими спутники [6].

Для завершения этих двух проектов был получен кредит от французского правительства после того, как ранее проект создания спутника был надолго остановлен из-за экономических условий в Ираке [7]. Это побудило Министерство связи обратиться к компаниям-инвесторам с просьбой организовать производство и запуск спутника. После того, как Ираку были выделены две орбиты, ведутся работы по запуску двух спутников. Первый предназначен для Интернета и связи, а второй – для спутниковых каналов [7].

Первый этап спутникового проекта был завершен с точки зрения завершения сбора всех заявок для удовлетворения специальных и общих требований проекта, в ходе которого были определены высокие и обоснованные технические требования к проекту. На втором этапе будут изучены предложения, сделанные в сотрудничестве с некоторыми соответствующими министерствами и ведомствами государства, и принято решение о передаче проекта одной из компетентных международных компаний в этом году. Ожидается, что иракский спутник стоимостью до 150 миллионов долларов США увидит свет в течение ближайших трех лет [7].

Результаты и обсуждения

Проанализируем содержание веб-сайтов спутниковых каналов Ирака (Sumeria, Diglah и Al Ittijah) за период с января по март 2021 года. Результаты анализа представлены на рис. 1 и 2.

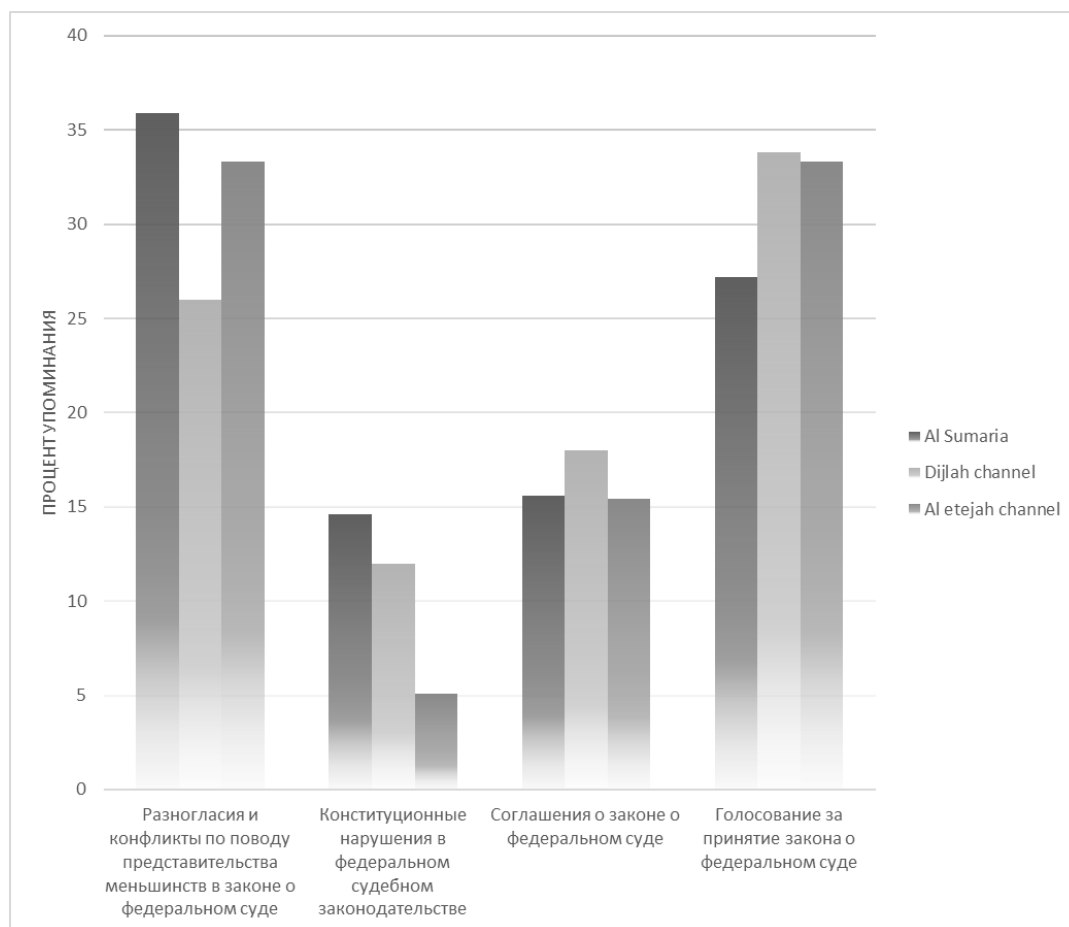

Рис. 1. Политическое содержание (закона о федеральном суде) на сайтах трех каналов.

Fig. 1. Political content (of the Federal Court Act) on the websites of three channels.

Из рис. 1 можно сделать вывод, что веб-сайты спутниковых каналов больше, чем другие группы, заинтересованы в освещении «горячей» информации, поскольку это привлекает внимание общественности. В Обществом интересуют такое вопросы, как как проведение выборов, дублирование полномочий между местными и федеральными органами власти, а также между Багдадом и регионом, между исполнительной и законодательной властью, и толкование статей Конституции. с другой стороны.

Из рис. 2 видно, что веб-сайты трех спутниковых каналов "Шумерия", "Диджла" и "Аль-Иттиджа" зависят от объема политического контента на самом сайте, не зависят от редакторов. Соцсети и пресс-конференции практически не используют «политическое» содержимое. Лидируют по объему политического контента вебсайты, спутниковые ТВ каналы и официальные правительственные источники.

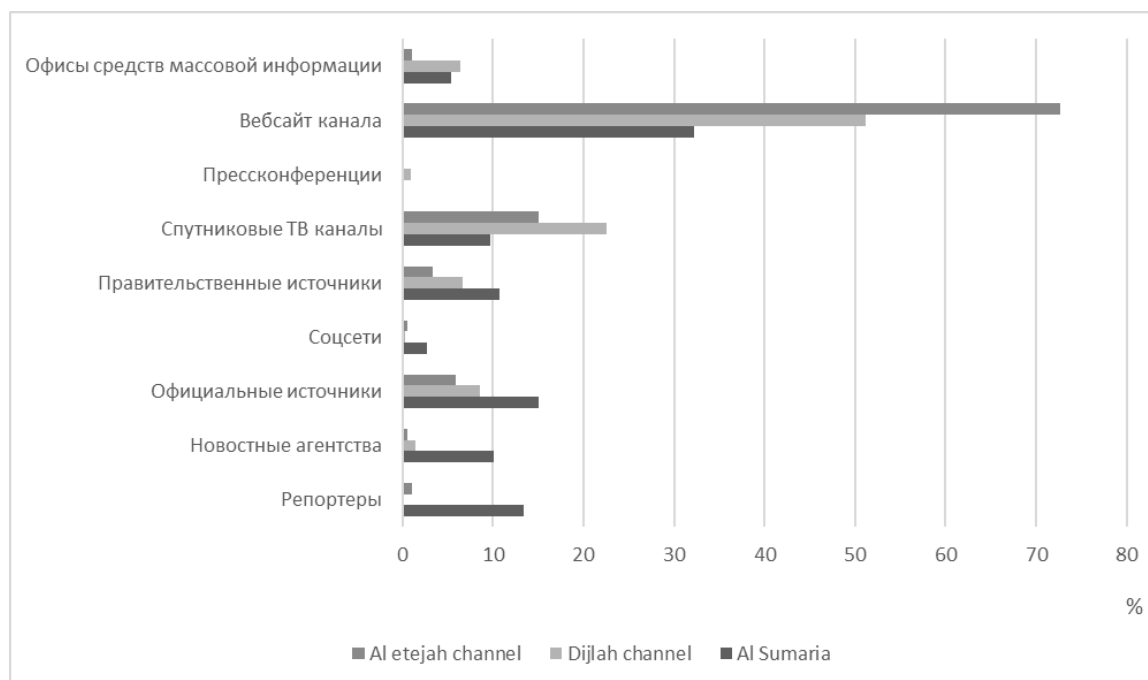

Рис. 2. Источники политического контента, используемые на веб-сайтах трех каналов.

Fig. 2. Sources of political content used on the websites of the three channels.

Появление спутникового телевидения в 1990-х годах и международных вещательных компаний, таких как "Аль-Джазира", нарушило монополию на информацию, которой обладали многие арабские режимы в своих странах. Однако иракцы по-прежнему не могли получить к ним доступ, поскольку при Саддаме Хусейне были запрещены спутниковые антенны. Накануне вторжения коалиционных сил во главе с США в 2003 году три газеты, радиостанция, два телевизионных канала и единственное информационное агентство в Ираке были государственными. Негосударственных СМИ не было. Были доступны радиопередачи "Голоса Америки", Всемирной службы Би-би-си и радио Монте-Карло, но они предоставляли международные новости, которые не всегда соответствовали повседневным заботам иракских слушателей.

Что касается массового распространения, то, несомненно, Ирак после правления Саддама стал свидетелем радикальной трансформации: из страны, где спутниковые антенны были полностью запрещены, он превратился в страну, где они есть почти в каждом доме. К 2011 году в Ираке было 49 бесплатных спутниковых каналов, что является одним из самых высоких показателей в регионе [8]. До 2003 года спутниковые антенны в Ираке были запрещены, и количество национальных

наземных станций было ограничено [8]. После 2003 года продажи спутниковых антенн резко возросли, и на рынке появились бесплатные эфирные каналы [9].

По данным сайта <https://en.satexpat.com/tv/iraq/> на 2024 год насчитывается 62 канала. При этом спутником Nilesat and Eutelsat 7 West A 7° West пользуется подавляющее большинство каналов – 59. Через спутник Eutelsat Hot Bird 13° East ведут вещание два канала: Al Iraqiya News и Al Sharqiya (первый частный спутниковый канал в Ираке). Посредством спутника Arabsat Badr 26° East работает канал MBC Iraq – семейный телеканал, ориентированный на иракскую аудиторию. Большинство каналов носит политический или религиозный характер.

Выводы

Коммуникационные технологии распространились по всему Ираку. Телекоммуникационные компании Ирака осознали необходимость в собственном спутнике для предоставления эффективных услуг. Они поощряют исследователей разрабатывать собственные спутники. Количество каналов растёт, также как и наполнение контента. Однако все еще сильны сдерживающие факторы, такие как национальные традиции и политическое влияние.

Список источников

1. Nguyen J. Overview of existing and future advanced satellite systems // Satellite Systems-Design, Modeling, Simulation and Analysis URL: <https://www.intechopen.com/chapters/72839> (дата обращения: 05.07.2024)
2. Secor A.J., Ehrkamp P., Loyd J.M. The problem of the future in the spacetime of resettlement: Iraqi refugees in the US // Environment and Planning D: Society and Space. 2022. Vol. 40. № 3. P. 508 – 527.
3. Zaeid H.F., Mohammed A.T. Political Contents on the Electronic Websites of Iraqi Satellite Channels // Review of International Geographical Education Online. 2021. Vol. 11. № 12. P. 712 – 720.
4. Zhdanova P. The Development of the Space Sphere in the Middle East // Oriental Courier. 2024. № 1. P. 68 – 77.
5. Назаров А.Д. Достижения, проблемы и перспективы современного этапа освоения космоса // Вопросы политологии. 2021. № 3 (37). С. 651 – 661.
6. Iraq to set a roadmap for the Iraqi Satellite establishment/ URL: <https://shafaq.com/en/Economy/Iraq-to-set-a-roadmap-for-the-Iraqi-Satellite-establishment> (дата обращения: 28.06.2024)
7. Communications Ministry announces specifying two orbits for the Iraqi satellite launch project. URL: <https://ina.iq/eng/20118-communications-ministry-announces-specifying-two-orbits-for-the-iraqi-satellite-launch-project.html> (дата обращения: 28.06.2024).
8. СМИ Ирака десять лет спустя: проблемы, прогресс, перспективы. URL: <https://www.comminit.com/media-development/content/media-iraq-ten-years-problems-progress-prospects> (дата обращения: 28.08.2024)
9. Abass H.A., Ahmed A.K. The Direction of the Caller to Producing Investigative Programs in Iraqi Satellite Channels // International Journal of Psychosocial Rehabilitation. 2020. Vol. 24. № 05. P. 7143 – 7155.
10. Miladi N., Mellor N. (ed.). Routledge handbook on Arab media. London: Routledge, 2021. 78 p.

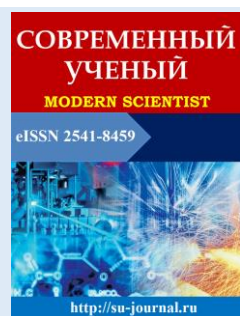
References

1. Nguyen J. Overview of existing and future advanced satellite systems. Satellite Systems-Design, Modeling, Simulation and Analysis URL: <https://www.intechopen.com/chapters/72839> (access date: 07/05/2024)
2. Secor A.J., Ehrkamp P., Loyd J.M. The problem of the future in the spacetime of resettlement: Iraqi refugees in the US. Environment and Planning D: Society and Space. 2022. Vol. 40. No. 3. P. 508 – 527.
3. Zaeid H.F., Mohammed A.T. Political Contents on the Electronic Websites of Iraqi Satellite Channels. Review of International Geographical Education Online. 2021. Vol. 11. No. 12. P. 712 – 720.
4. Zhdanova P. The Development of the Space Sphere in the Middle East. Oriental Courier. 2024. No. 1. P. 68 – 77.
5. Nazarov A.D. Achievements, problems and prospects of the current stage of space exploration. Voprosy politologii. 2021. No. 3 (37). P. 651 – 661.
6. Iraq to set a roadmap for the Iraqi Satellite establishment/ URL: <https://shafaq.com/en/Economy/Iraq-to-set-a-roadmap-for-the-Iraqi-Satellite-establishment> (accessed 28.06.2024)
7. Communications Ministry announces specifying two orbits for the Iraqi satellite launch project. URL: <https://ina.iq/eng/20118-communications-ministry-announces-specifying-two-orbits-for-the-iraqi-satellite-launch-project.html> (accessed: 28.06.2024).
8. Iraqi Media Ten Years Later: Problems, Progress, Prospects. URL: <https://www.comminit.com/media-development/content/media-iraq-ten-years-problems-progress-prospects> (accessed: 28.08.2024)
9. Abass H.A., Ahmed A.K. The Direction of the Caller to Producing Investigative Programs in Iraqi Satellite Channels. International Journal of Psychosocial Rehabilitation. 2020. Vol. 24. No. 05. P. 7143 – 7155.
10. Miladi N., Mellor N. (ed.). Routledge handbook on Arab media. London: Routledge, 2021. 78 p.

Информация об авторе

Аль-Фурайджи Ахмед Адиль Саддам, аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, ahmed.adel.susu@gmail.com

© Аль-Фурайджи Ахмед Адиль Саддам, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 82.161.1

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-55-61

Русскоязычные романы постсоветского периода и национальная психология (на примере романа Захара Прилепина «Обитель»)

¹ Син Чуньюй

¹ Российский государственный университет им. А.И. Герцена

Аннотация: в статье рассматривается отражение национальной психологии в романе Захара Прилепина «Обитель». Устанавливается, что автор произведения в качестве одной из самых характерных черт национальной психологии русского человека обозначает равнодушие к собственной судьбе. Делая эту тему ключевой, писатель приобщает к ней другие мотивы и темы, стремясь раскрыть её как можно шире: тему утраты веры, отказ от духовности, мотив обломовщины. В центре романа – образ осквернённой обители, благодаря которому писателю удаётся расставить верные акценты и репрезентировать главную проблему в исторической перспективе.

Ключевые слова: Прилепин, «Обитель», национальная психология, постсоветская литература, русскоязычный роман, обломовщина, русскоязычная литература, русские романы, романы постсоветского периода, российские писатели

Для цитирования: Син Чуньюй Русскоязычные романы постсоветского периода и национальная психология (на примере романа Захара Прилепина «Обитель») // Современный ученый. 2025. № 1. С. 55 – 61. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-55-61

Поступила в редакцию: 11 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 12 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Russian-language novels of the post-Soviet period and national psychology (based on the example of Zakhar Prilepin's novel "The Monastery")

¹ Chunyu Xing

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia

Abstract: the article examines the reflection of national psychology in Zakhar Prilepin's novel "The Monastery". It is established that the author of the work, as one of the most characteristic features of the national psychology of the Russian person, denotes indifference to his own fate. Making this topic a key one, the writer introduces other motives and themes to it, trying to reveal it as widely as possible: the theme of loss of faith, rejection of spirituality, the motive of Oblomovism. In the center of the novel is the image of a desecrated monastery, thanks to which the writer manages to place the right accents and represent the main problem in a historical perspective.

Keywords: Prilepin, "The Monastery", national psychology, post-Soviet literature, Russian-language novel, Oblomovism, Russian-language literature, Russian novels, novels of the post-Soviet period, Russian writers

For citation: Chunyu Xing Russian-language novels of the post-Soviet period and national psychology (based on the example of Zakhar Prilepin's novel "The Monastery"). Modern Scientist. 2025. 1. P. 55 – 61. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-55-61

The article was submitted: September 11, 2024; Approved after reviewing: November 12, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

В постсоветский период русскоязычная литература претерпела значительные изменения, отражая сложные процессы трансформации общества и национальной идентичности. Это время стало периодом активного поиска новых форм и тем в литературе, а также переосмысления устоявшихся культурных и психологических парадигм. Одним из ярких представителей современной русскоязычной прозы является Захар Прилепин, чьи произведения привлекают внимание как читателей, так и исследователей своим уникальным подходом к изображению постсоветской действительности. Роман «Обитель» заслуживает особого внимания, так как предлагает глубинное погружение в мир человеческой психологии и национального самосознания.

Целью настоящего исследования является анализ русского национального характера и психологических аспектов, отображённых в романе Захара Прилепина «Обитель». Исследование направлено на выявление ключевых элементов, через которые автор передаёт особенности мышления и восприятия постсоветской эпохи, а также на выяснение того, как эти элементы коррелируют с представлениями о национальной психологии в российском культурном контексте.

Научная новизна работы заключается в интеграции литературного и психологического подходов к анализу русскоязычного романа постсоветского периода. Изучение «Обители» позволяет выделить уникальные черты, присущие русской литературе данного этапа, и предлагает свежий взгляд на взаимодействие литературы и национальной психологии. В отличие от предшествующих исследований, фокусирующихся преимущественно на историко-культурных аспектах, данная работа делает акцент на глубинные психологические процессы, актуализируемые в произведении Захара Прилепина.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования служит текст романа Захара Прилепина «Обитель». Для анализа применялись методы литературного анализа, включающие контент-анализ, семантический и типологический анализ текста. Психологический компонент исследования базируется на методах глубинной психологии, что позволяет выявить

скрытые значения и психологические динамики внутри романа. Кроме того, в исследовании используются сравнительные подходы, которые помогают провести параллели между литераторами постсоветского периода и их предшественниками.

Результаты и обсуждения

Русскоязычная литература постсоветского периода претерпела множество изменений, но при этом сохранила глубокие связи с классической литературой XIX века – начала XX века. Е.А. Добреенко, характеризуя русскоязычный постмодернистский роман, утверждает, что его «сегодняшнее разнообразие питается программным отталкиванием от национальных традиций» [1, с. 21]. Нельзя не отметить, что одной из важнейших традиций русской литературы является отражение черт национальной психологии, что ярко прослеживается в произведениях писателей и Золотого, и Серебряного века, советского периода отечественной словесности.

Эти же тенденции наблюдаются и в постсоветском романе, которые можно проследить в романе Захара Прилепина «Обитель», посвящённом лагерной жизни на Соловках. Местом действия романа является огромный монастырь, в советское время превращённый в лагерь. В нём отбывают наказание те, кого советская власть сочла преступниками или неугодными новому строю. Крупным планом показаны судьбы некоторых из них, и каждый из этих героев является носителем какой-либо идеологии. В контексте данной работы очень важным видится тот факт, что герои прилепинского романа – это герои с «русской душой» [7, с. 100].

Следует отметить, что роман Захара Прилепина «Обитель» вызывает большой интерес в современном литературоведении, на что указывают множественные работы, вышедшие в последнее время. Говоря об интертекстуальности романа «Обитель», прежде всего, обозначим его глубокие связи с Библией и русской литературой (в частности, с творчеством Ф.М. Достоевским). Благодаря постоянным отсылкам к Священному Писанию, автор транслирует идею о том, что православная вера является неотъемлемой частью национальной психологии русского человека. С другой стороны, в романе показывается разрушение веры, человека и целого народа, и этот процесс связан не только с

социальным переломом, но и с духовной деградацией человека. Собственно. Захар Прилепин обозначил в качестве основной черты характера русского человека – странное равнодушие к себе, к своей судьбе [5, с. 23]. Несмотря на акцентирование этой проблемы, герои Прилепина не статичны: они рефлексуют, размышляют о своих грехах и одновременно расплачиваются за них. В частности, за предательство собственной души и веры, за свою гордыню.

Не случайно автор выбрал местом действия монастырь на Соловках, и этот образ не просто выполняет хромотопическую функцию, но и несёт в себе символическое значение. В романе подробно показывается процесс превращения ранее святого места в нечестивое, греховное. Несомненно, эта ситуация проецируется на всю страну, и данный художественный приём позволяет передать всю масштабность трагедии русского народа, трагедии России. Критик А.Г. Рудалёв, сравнивая «Обитель» с повестью А.П. Платонова «Котлован», отмечает особенность хромотопа обоих произведений, которая выражается в том, что и в том, и в другом случае ключевой топос имеет одиноковое положение в пространстве, то есть направлены не вверх (как логично было бы ожидать), а вниз [3, с. 36].

Действительно, в романе Захара Прилепина сакральное пространство теряет свойства, присущие ему, и приобретает противоположные. Примером тому служит превращение монастыря в лагерь, в котором бесконечно свершаются грехи и святотатство.

Одним из ярчайших показателей этого процесса является сцена уничтожения монастырского кладбища: «Все понемногу вошли в раж: кресты выламывали с остервенением, если не поддавались – рубили, Сивцев ловко обходился со вверенным ему топором; ограды раскачивали и, если те не рушились, крушили и топтали» [10].

В этом фрагменте отображена характернейшая черта национальной психологии русского человека – предаваться любому делу, неважно, созидательному или разрушительному, с полной отдачей. Более того, в нём точно передана склонность человека к грехопадению и последующее ощущение сладости греха: «Через час всякий памятник уже раскурочивали без почтения и пощады, поднимали с криком, тащили, хрипло матерясь, и бросали как упадёт. Будто бы восторг святотатства отражался порой в лицах» [10, с. 250].

В романе есть герои, которых ужасает происходящее и которые пытаются совершать хотя бы небольшие попытки сопротивления, хотя они и не приносят должного результата: « – Пошто кресты-

то ломать? – спросил Сивцев конвойного, когда дошли. Вообще говорить с конвойными запрещалось – но запрет сплошь и рядом нарушался. – Скотный двор тут будет, – сказал конвойный хмуро; по виду было не понять, шутит или открывает правду. – И так монастырь переделали в скотный двор, по кладбищам пошли теперя, – сказал мужик негромко» [10, с. 250].

И всё же герои не только со временем принимают кошунство, но и начинают активно в нём участвовать. Особенно ярко это передано на примере главного героя Артёма, который в духовном и морально-нравственном плане постепенно деградирует, пытается выжить в тяжелейших лагерных условиях. Таким образом, он и другие герои-заключённые постепенно спускаются в ад – вопреки смыслу, заключённому в названии романа.

Изображая лагерную жизнь, автор показывает читателю различные характеры, различные типы личности, среди которых выделяются герои, ведущие философские разговоры, пытающиеся понять, каким образом они (а вместе с ними, и вся страна) оказались на краю пропасти. В этом отношении Захар Прилепин также продолжает традиции русской литературы – достаточно вспомнить произведения Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.А. Гончарова, А.П. Чехова и других писателей.

В условиях лагерной жизни философская рефлексия становится одним из способов примирения с действительностью и попыток выжить. Очень характерным является тот факт, что философские разговоры касаются религии и веры. Споры на подобную тему часто провоцирует Василий Петрович, который предстаёт в романе как умный, тонкий и интеллигентный человек (хотя и в его личности есть потайное дно, постыдные факты биографии). Он всячески симпатизирует Артёму и пытается ему помочь выжить в условиях лагерной жизни. По мнению этого героя, беды России связаны с потерей веры и утратой духовенства доверия народа: « – Интеллигент возненавидел попа, – перечислял Василий Петрович. – Русский мужик возненавидел попа. Русский поэт – и тот возненавидел попа! Мне стыдно признаться – но и я, Артём, попа возненавидел... И не поймёшь сразу, за что! За то, что русский поп беспробудно пил? Так чего ж ему было делать? Ненавидят ведь не из-за чужой дурноты, а из-за своей пустоты куда чаще...» [10, с. 250-251].

На протяжении всего романа посредством подобных диалогов автор транслирует мысль о том, что отказ от веры погубил человека и, как следствие, подвёл народ к катастрофе. Проблема духовности является здесь первичной, и это не случайно. Духовность всегда была ключевой состав-

ляющей русского народа, отличительной чертой национального характера. В православии человеческая личность рассматривается в двойном разрезе, она содержит в себе и тело, и душу – в соответствии с библейскими словами «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2:7).

В романе Захара Прилепина показывается, как человек целенаправленно убивает в себе эту живую душу, искореняет из себя благодать Божьего дыхания. И причины этого явления следует искать не в лагерной жизни (она лишь усугубляет их), а в более ранних событиях, связанных с отказом от веры.

Посредством образа монастырской обители, парадоксально ставшей подобием Вавилонской башни, автор показывает весь масштаб духовной трагедии и русского человека, и русского человека. Осквернённый монастырь будто мстит людям, заставляя их всё ниже спускаться в ад.

Примечательно, что подобные безбожные периоды в русской истории уже были, о чём, собственно, и упоминает в своей речи Василий Иванович: « – Я тут подумал... отсюда, из Соловков, святость ушла ещё в пору Алексея Михайловича – знаете, Артём, наверняка эту историю, когда в 1666 году монастырь восстал против Никоновой реформы? А спустя десять лет осады его взяли, и бунтовавших монахов, и трудников – всех закидали камнями, чтоб сабли не грязнить и порох не переводить» [10, с. 254].

Таким образом, богоотступничество представлено в романе как черта национальной психологии, и это качество является синонимом равнодушия к собственной судьбе – том самом, о котором говорил автор произведения. Однако отметим, что это не единственные стороны национальной психологии (выше упоминалось также о тенденции к рефлексии), которые получили своё отражение в романе.

В данном контексте обратим внимание на предисловие к роману, в котором автор пишет о том, что к написанию данного произведения его побудила жизнь его недавних предков. Их биография оказалась полна различными событиями, связанными с историей страны, а характеры – своеобразными и противоречивыми.

Здесь прослеживается такая черта национальной психологии, как стремление к сохранению родовой памяти. В семье рассказчика есть даже предмет, символизирующий эту родовую память: «Мы наезжали в родовой дом погостить – и лет, кажется, в шесть мне тоже несколько раз выпадало это счастье: ядрёный, шерстяной, дремучий тулуп

– я помню его дух и поныне. Сам тулуп был как древнее предание – искренне верилось: его носили и не могли износить семь поколений – весь наш род грелся и согревался в этой шерсти» [10].

Образ тулупа позволяет передать идею о преемственности поколений, и он подобран автором очень верно. Для русского человека характерно хранить вещи, принадлежавшие их прадедушкам или прабабушкам и, тем самым, не только создавать память о предках, но и соединять с ними последующие поколения.

Отметим, что на образном уровне обнаруживается ещё один предмет, связанный вопросом отражения национальной психологии в произведении. Речь идёт о шинели, которая служит постелью для заключённых в бараке. Однако разница между ними состоит в том, что шинель, во-первых, обезличена (в отличие от тулупа прадеда, носящего выразительные характеристики и эпитеты); во-вторых, она символизирует одиночество и холод, в отличие от тёплого тулупа, объединяющего всю семью.

Кроме того, эпизод с шинелью позволяет выявить и другие своеобразные указания, связанные с национальной психологией. Так, у Прилепина читаем: «Укладываясь на ещё не остывшую шинель, Артём полупьяными глазами осмотрел трапезную с полутора сотнями спящих заключённых. “Дико! – подумал, зажмуриваясь, испуганно и удивлённо. – Лежит человек, ничего не делает, и так... большую часть... жизни...”».

Слова героя позволяют вспомнить роман И.А. Гончарова «Обломов», в котором он глубоко исследовал явление под названием «обломовщина», сегодня признанное не единичным случаем, а как система; как одно из качеств русского характера. Известно, что Н.А. Добролюбов, один из первых критиков произведения И.А. Гончарова, полагал, что причины обломовщины проистекают из крепостного права. Именно эта система, противоречащая всем нормам гуманного отношения к человеку и его правам, провоцировала, по мнению критика, вялость и неактивность дворянства [2].

Однако в дальнейшем стало очевидно, что обломовщина прочно закрепилась в национальном сознании и вышла за рамки не только исторического периода, который охватывает крепостное право, но и девятнадцатого столетия, проявившись в новых формах и в двадцатом, и в двадцать первом веке. И здесь уже в качестве причин О.В. Загвоскина называет «распространение сети Интернет, виртуальной реальности, компьютерных игр и других информационных технологий» [4, с. 231].

Герой «Обители» также отмечает данную особенность русского человека в окружающих его

людях, как уже было представлено в цитате выше, и это поначалу побуждает его к философским размышлениям. Однако он обобщает это явление, не пытаясь найти его истоки, а просто констатирует факт.

Предположим же, что в романе «Обитель» имплицитное обращение к мотиву обломовщины служит одним из способов реализации идеи, которую писатель представил как основную, а именно – печальное стремление русского человека уничтожить самого себя, быть равнодушным к своей судьбе. И тема отказа от веры, и мотив обломовщины, функционирующие в романе, направлены на осуществление этой цели.

О героя Захара Прилепина часто пишут, что они не меняются [8, с. 4]. Это замечание относится и к герою «Обители», которому не удаётся пережить духовное обновление, перерождение. В этом отношении Прилепин несколько отошёл от традиций русской литературы, лучшие представители которой часто давали шанс своим даже самым, казалось бы, безнадежным и отрицательным героям. Пример тому – Иудушка Головлёв из романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы» или Родион Раскольников из «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского и многие другие.

Захар Прилепин идёт другим путём, не давая своему герою переродиться духовно, признать все свои ошибки и покаяться. С другой стороны, нельзя сказать, что Артём совсем не тянулся к духовному, к Богу. Так, он испытывает тёплые чувства к отцу Иоанну; его душа трепещет иногда при встрече с церковными святынями. Наконец, в особо отчаянные минуты он взывает к Господу, прося Его о защите и помощи. К.Ю. Рылова пишет: «Вопросы веры и безверия, вины и греха, смирения и возрождения становятся ключевыми в рамках заявленной проблематики <...>» [6, с. 1-3].

Очевидно, что Артём не достигнул ни истинной веры, ни покаяния, ни смирения, а его порывы не перешли в целостную систему, он во всём проявляет свою гордыню – даже в эпизодах публичного раскаяния. Гордыня оценивается в православии однозначно – как великий грех, поскольку именно гордыня сделала ангела демоном.

Случай Артёма Горяинова, которая постигла отнюдь не христианская смерть, не единичен, и в бывшей монастырской обители мало кому удалось преодолеть внешние и внутренние препоны, подняться на духовную высоту. Воссоздавая трагедию лагерной жизни, писатель подразумевал более

широкие перспективы, подразумевая под осквернённой обителью Россию. Большей частью он отобразил негативные, деструктивные черты национальной психологии русского человека, ставшие причиной масштабной трагедии страны.

Выводы

В рамках настоящей статьи был проведен анализ того, каким образом роман «Обитель» отражает специфические черты коллективного сознания и психологии, характерные для русскоязычного населения постсоветского периода. Исследование показало, что ключевыми элементами, формирующими национальную психологию, как это отражается в романе, являются память о тоталитарном прошлом, поиск идентичности в условиях культурного и социального перехода, а также осмысление свободы и ответственности в современном обществе.

Прилепин создает многослойный нарратив, где через призму личностей своих героев раскрываются противоречия и сложные чувства, присущие этому историческому периоду. Центрируя повествование вокруг лагеря в 1930-е годы, автор не только воссоздает историческую действительность, но и предлагает читателю размышление о постоянном присутствии прошлого в определении настоящего.

В анализе романа становится очевидным особое внимание к деталям социального взаимодействия, сложным внутренним конфликтам и динамике власти, что в конечном итоге формирует достоверный портрет национальной психологии. Связь между личным и общественным, прошлым и настоящим в произведении Прилепина подчеркивает сложность и многогранность человеческой природы в условиях трансформирующегося общества.

Подводя итоги, можно утверждать, что роман «Обитель» предоставляет богатый материал для исследований в области национальной психологии русскоязычного общества, раскрывая глубокие аспекты человеческого бытия и подчеркивая значимость литературного анализа в понимании культурных и психологических изменений постсоветского пространства. Выявленные в процессе исследования параллели между художественным миром Прилепина и реальными историческими процессами дают ценную информацию для дальнейшего изучения и интерпретации русской литературы как инструмента междисциплинарного исследования.

Список источников

1. Добренко Е.А. Судный день русской литературы. Пост-классический роман: канон и трансгрессия [Электронный ресурс]. URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/14925/1/fkls-2020-03-01.pdf?ysclid=m205191s4485699732> (дата обращения: 09.07.2024)
2. Добролюбов Н.А. Что такое обломовщина [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0022.shtml?ysclid=m24xohdyuq224382146 (дата обращения 09.07.2024)
3. Егоров А.М., Егоров И.А. Правовая культура пограничного региона накануне распада Советского Союза: по материалам работы судебных учреждений Псковской области (историко-правовой аспект) // Социокультурная среда: системная организация, антропологическое измерение, пограничная специфика : Материалы международной заочной научно-практической конференции, Витебск, 16 ноября 2018 года / Витебский государственный университет им. П.М. Машерова. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2018. С. 112 – 115.
4. Захар Прилепин: «Я чувствую живую радость, оттого что опять вызвал бешенство» [Электронный ресурс]. URL: <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/books/zahar-prilepin-russkiy-chelovek-neizmenen-v-etom-zalog-ego-sushchestvovaniya/?ysclid=m250um0ew8683430280> (дата обращения 05.06.2024)
5. Ильина С.А. Символика художественного пространства романа Захара Прилепина «Обитель» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-4 (78). С. 22 – 27.
6. Кочеткова Е.А. Герои с «русской душой» в романе З. Прилепина «Обитель» и Ф.М. Достоевского «Записки из мёртвого дома» [Электронный ресурс]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/40842/1/avfn_2016_62.pdf?ysclid=m20muvcpnr92877250 (дата обращения 05.10. 2024).
7. Попова И.М. Концептуальность интертекста Ф.М. Достоевского в романе З. Прилепина «Обитель» // Гуманитарные науки. Филология. 2016. № 2 (38). С. 94 – 104.
8. Попова И.М., Глазкова М.М. Функциональность библейского интертекста в романе Захара Прилепина «Обитель» // Концепт. 2015. № 12. С. 1 – 5.
9. Прилепин Захар. Обитель [Электронный ресурс]. URL: https://img0.liveinternet.ru/images/attach/d/3/11266/11266172_prilepin_obitel.pdf (дата обращения 05.10. 2024).
10. Рылова К.Ю. Проблема духовного самосохранения в романе З. Прилепина «Обитель» // Филология и культура. 2016. № 4 (46). С. 250 – 254.

References

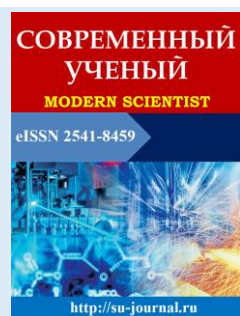
1. Dobrenko E.A. Judgment Day of Russian Literature. Post-classical novel: canon and transgression [Electronic resource]. URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/14925/1/fkls-2020-03-01.pdf?ysclid=m205191s4485699732> (accessed: 07/09/2024)
2. Dobrolyubov N.A. What is Oblomovism [Electronic resource]. URL: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0022.shtml?ysclid=m24xohdyuq224382146 (accessed 07/09/2024)
3. Egorov A.M., Egorov I.A. Legal Culture of the Border Region on the Eve of the Collapse of the Soviet Union: Based on the Work of the Judicial Institutions of the Pskov Region (Historical and Legal Aspect). Sociocultural Environment: Systemic Organization, Anthropological Dimension, Border Specifics: Proceedings of the International Correspondence Scientific and Practical Conference, Vitebsk, November 16, 2018. Vitebsk State University named after P.M. Masharov. Vitebsk: Vitebsk State University named after P.M. Masharov, 2018. P. 112 – 115.
4. Zakhar Prilepin: “I Feel Living Joy Because I Have Again Caused Fury” [Electronic Resource]. URL: <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/books/zahar-prilepin-russkiy-chelovek-neizmenen-v-etom-zalog-ego-sushchestvovaniya/?ysclid=m250um0ew8683430280> (date of access 06/05/2024)
5. Ilyina S.A. Symbolism of the artistic space of Zakhar Prilepin's novel "The Abode". Philological sciences. Questions of theory and practice. 2017. No. 12-4 (78). P. 22 – 27.
6. Kochetkova E.A. Heroes with a "Russian soul" in Z. Prilepin's novel "The Abode" and F.M. Dostoevsky's "Notes from the House of the Dead" [Electronic resource]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/40842/1/avfn_2016_62.pdf?ysclid=m20muvcpnr92877250 (date of access 05.10. 2024).
7. Popova I.M. Conceptuality of the intertext of F.M. Dostoevsky in the novel by Z. Prilepin "The Abode". Humanitarian sciences. Philology. 2016. No. 2 (38). P. 94 – 104.
8. Popova I.M., Glazkova M.M. Functionality of the biblical intertext in the novel by Zakhar Prilepin "The Abode". Concept. 2015. No. 12. P. 1 – 5.

9. Prilepin Zakhar. Abode [Electronic resource]. URL: https://img0.liveinternet.ru/images/attach/d/3/11266/11266172_prilepin_obitel.pdf (date of access 05.10. 2024).
10. Rylova K. Yu. The problem of spiritual self-preservation in Z. Prilepin's novel "Abode". Philology and Culture. 2016. No. 4 (46). P. 250 – 254.

Информация об авторе

Син Чуньюй, Российский государственный университет им. А.И. Герцена, xingchunyu2002@163.com

© Син Чуньюй, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'24

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-62-66

Лексические особенности перевода специальных текстов (на материале текстов авиационной тематики)

¹ Кузнецова В.Ю., ² Воробьев А.Е.

¹ Военный университет,

² Московский государственный лингвистический университет

Аннотация: данная статья посвящена рассмотрению лексических особенностей перевода специальных текстов авиационной тематики. Отмечается, что точность перевода специальных текстов отмеченной направленности в период специальной военной операции является актуальной и значимой задачей. Особое внимание в статье уделяется переводческим решениям, которые позволяют наиболее точно передать специальную лексику и словосочетания в данной области.

Результаты представленного в статье анализа могут быть использованы для развития профессиональных навыков переводчиков, работающих с текстами авиационной тематики, а также для обеспечения безопасности полетов и эффективности военных операций.

Ключевые слова: БПЛА, терминология, перевод, СВО, специальные текст

Для цитирования: Кузнецова В.Ю., Воробьев А.Е. Лексические особенности перевода специальных текстов (на материале текстов авиационной тематики) // Современный ученый. 2025. № 1. С. 62 – 66. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-62-66

Поступила в редакцию: 12 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 13 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Lexical features of translation of specialized texts (based on aviation texts)

¹ Kuznetsova V.Yu., ² Vorobyev A.E.

¹ Military University,

² Moscow State Linguistic University

Abstract: this article is devoted to the consideration of lexical works on writing special texts dedicated to unmanned aerial vehicles. It is noted that the accuracy of translation of special texts of the noted focus during a military operation is relevant and innovative. Particular attention is paid to translation solutions that best ensure the most accurate transfer of vocabulary and phrases in this area.

The results of the analysis presented in the article can be used to develop the professional skills of translators, specialists with aviation-related texts, as well as to ensure flight safety and the effectiveness of international operations.

Key words: UAVs, terminology, translation, SMO, special texts

For citation: Kuznetsova V.Yu., Vorobyev A.E. Lexical features of translation of specialized texts (based on aviation texts). Modern Scientist. 2025. 1. P. 62 – 66. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-62-66

The article was submitted: September 12, 2024; Approved after reviewing: November 13, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Не секрет, что в современном мире авиация играет существенную роль в различных аспектах жизни, включая **специальную военную операцию** (СВО). Беспилотные летательные аппараты (БПЛА) или дроны также привлекают особое внимание в связи с их активным использованием в специальных военных операциях. Эти высокотехнологичные аппараты демонстрируют эффективность на поле боя и являются важным элементом военной стратегии настоящего и будущего.

Развитие беспилотной авиации – важная стратегическая задача для многих стран, включая Россию.

Президент Российской Федерации В.В. Путин утвердил стратегию по развитию беспилотной авиации до 2030 года. Целью стратегии является разработка, производство, сертификация и эксплуатация отечественных беспилотных авиационных систем различных целей и назначений [6]. Это свидетельствует о значительном интересе к развитию данного направления в России.

Помимо разработки новых поколений самолетов и беспилотных летательных аппаратов, страны также активно изучают достижения других государств в данной отрасли, что влечет за собой необходимость перевода специальных текстов по авиационной тематике. Эти тексты включают инструкции, технические характеристики, руководства по эксплуатации, а также другие материалы, связанные с авиацией. Перевод подобных текстов и материалов требует особого внимания к их лексическим особенностям, чтобы передать сложные термины и смысловую нагрузку текста на родном языке. Для обеспечения качественного перевода текстов авиационной тематики требуется подготовка квалифицированных военных переводчиков, специализирующихся в этой области. В процессе подготовки особое внимание необходимо уделять изучению особенностей перевода научно-технических материалов и развитию навыков работы с терминологией.

Материалы и методы исследований

Термины являются важной и неотъемлемой составляющей специальных текстов, посвященных БПЛА. Более того, их использование может быть достаточно интенсивным.

Термины возникают с целью максимально компактной и точной передачи информации. Известное определение термина представлено в работе А.А. Реформатского: «Термины – это слова специальные, ограниченные своим особым назна-

чением; слова, стремящиеся быть однозначными и точно выражать понятия и называть вещи» [7, с. 115]. В толковом переводческом словаре Л.Л. Нелюбина термин (от лат. terminus «граница, предел») определяется как «слово или словосочетание специального (военного, политического, стратегического и т.п.) языка, созданное для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [5, с. 224]. Главное преимущество термина состоит в том, что с его помощью можно четко и кратко передать суть и содержание обозначаемого военного понятия.

В первую категорию специальных слов, вызывающих сложности в процессе их перевода, относятся общенаучные термины, которые широко используются и строятся в соответствии с традиционными моделями словообразования современного английского языка. Эти слова включают известные корни, суффиксы и префиксы. Во внешнем виде они могут быть похожи на общеупотребительные слова, но их контекстные значения могут быть неизвестны или неопределенны, что создает сложности при переводе.

Результаты и обсуждения

Пример 1.

Оригинал: Military drones often have added features based on their **applications** [11, с. 56].

Перевод: Военные беспилотники часто имеют дополнительные функции в зависимости от **сферы их применения**.

В данном примере мы видим термин “*application*”. Это лексическая единица многозначна. В зависимости от сферы она может иметь разные варианты перевода: заявление; заявка; письменное ходатайство суду или судье; наложение; внесение удобрений или ядохимикатов; компресс, примочка; аппликация. В представленном выше фрагменте “*applications*” означает «сферы применения». Несмотря на многозначность данного термина вопросов с его переводом не возникает, т.к. контекст помогает понять, о чем идет речь.

Пример 2.

Оригинал: “Orion” is a Russian **medium-altitude long-duration unmanned aerial vehicle (UAV)** developed by the Kronstadt company [11, с. 67].

Перевод: «Орион» – российский **средневысотный беспилотный летательный аппарат** (БПЛА) большой продолжительности полета, разработанный предприятием «Кронштадт».

В примере 2 особого внимания заслуживает терминологическое словосочетание “*medium-*

altitude long-duration”. Несмотря на то, что в английском варианте мы видим четыре слова, на русский язык данное терминологическое сочетание мы переводим как «*средневысотный*». Очень часто это терминологическое сочетание может быть представлено как аббревиатура – MALE.

Пример 3.

Оригинал: In its current form, ESU TK is a multicomponent **battlefield control complex** with a number of different functions [11, с. 82].

Перевод: В своем нынешнем виде ЕСУ ТЗ представляет собой **многокомпонентный комплекс управления полем боя** с рядом различных функций.

В представленном выше примере мы видим терминологическое словосочетание “*battlefield control complex*”. Контекст помогает определить, что имеется ввиду под данным термином. Самым оптимальным вариантом перевода будет – «*многокомпонентный комплекс управления полем боя*».

Пример 4.

Оригинал: FPV Kamikaze drones are a specialized type of unmanned aerial vehicles designed for **one-way missions**, typically to deliver payloads or carry out targeted strikes with a high level of precision [11, с. 87].

Перевод: ФПВ беспилотные летательные аппараты камикадзе – это специализированный тип БПЛА, предназначенный для **одноразового использования**, обычно для доставки грузов или нанесения высокоточных ударов.

Словосочетание “*one-way missions*” достаточно часто встречается в текстах, посвященных БПЛА. Словари дают следующий вариант перевода данного терминологического сочетания – «*односторонняя миссия*» или «*полет в один конец*». Тем не менее, в представленном примере данные варианты перевода использованы быть не могут. В контексте применения БПЛА терминологическое словосочетание “*one-way missions*” переводится как «*одноразовое использование*».

Как мы видим, выбор подходящих переводных эквивалентов для таких слов не вызовет особых затруднений. В большинстве случаев контекст помогает выбрать оптимальный вариант, кроме того, в русском языке есть устоявшиеся варианты перевода.

Во вторую категорию слов, вызывающих трудности при переводе, входят ложные друзья переводчика. Это слова, которые имеют сходство с русскими словами, но имеют разные значения. При переводе таких слов переводчик должен проявлять осторожность, чтобы избежать искажения смысла предложения или нарушения стилистических норм перевода.

Пример 1.

Оригинал: They **operate by utilizing** First Person View technology, allowing operators to remotely control the drone while observing the target through live video footage transmitted back to the operator's screen or goggles [11, с. 58].

Перевод: Они **работают с помощью** технологии First Person View, позволяя операторам дистанционно управлять дроном, наблюдая за целью по видео, передаваемому на экран или очки оператора.

Слово “*utilize*” зачастую переводят как «*утилизировать*», тем не менее, данный вариант не всегда верен. В военной сфере это слово переводится как «*использовать, применять*». Вариант «*утилизировать*» приведет к искажению исходного сообщения.

Пример 2.

Оригинал: These drones offer a cost-effective and efficient means of killing footsoldiers and destroying vehicles in **scenarios** where traditional aircraft or ground-based forces may be challenged [11, с. 34].

Перевод: Эти дроны предлагают эффективный и экономичный способ уничтожения пехоты и транспортных средств **в ситуациях**, где традиционные ЛА или пехота могут столкнуться с трудностями

Рассмотрим подробнее данный пример. Лексическая единица “*scenarios*” является достаточно частотной. Словари дают следующие варианты ее перевода: сценарий, сценарий фильма; программа мероприятия (особ. детальная); либретто (оперы). Ни одно из этих значений не подходит для представленного фрагмента. В контексте военных операций “*scenarios*” переводится как «*ситуации*».

Пример 3.

Оригинал: Optical payloads are just one example of how **communications** are being improved between space to earth [11, с. 21].

Перевод: Оптическая полезная нагрузка – лишь один пример того, как улучшается **связь** между космосом и землей.

Очень часто начинающие военные переводчики переводят слово “*communications*” как «*коммуникации*», что ошибочно, когда речь идет о малых спутниках дистанционного зондирования. В данном примере самым оптимальным вариантом перевода будет – «*связь*».

Как мы видим, иногда привычные значения слов, которые можно найти в словарях, не всегда подходят для перевода специальных текстов авиационной тематики. Переводчику может потребоваться дополнительное внимание, консультация со

специалистами конкретной сферы для выбора наиболее подходящего варианта перевода.

Выводы

Подводя итоги, еще раз отметим, что перевод специальных текстов требует от переводчика не только великолепного знания языка, но и знания

конкретной сферы, чтобы точно и грамотно перевести такие тексты. Ошибки при их переводе недопустимы. Поэтому переводчику необходимо проявить дополнительные усилия для выбора наиболее точного перевода терминов, учитывая их специфику и контекст.

Список источников

1. Гойхман О.Я. Русский язык и культура речи: учебник. 2-е изд., перераб и доп. / под ред. проф. О.Я. Гойхмана. М.: ИНФРА-М, 2009. 240 с.
2. Степанов С.А., Веретенников А.С., Полубоярова М.В. и др. Краткий учебный англо-русский и русско-английский военный словарь. Английский язык: учебное пособие / под ред. С.А. Степанова. Москва: Белый Ветер, 2024. 112 с.
3. Мисуно Е.А., Батенко И.В., Вдовичев А.В., Игнатова С.А. Письменный перевод специальных текстов: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2013. 256 с.
4. Назаров Д.И. Проблема термина и военной терминологии // Материалы X Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018005368> (дата обращения: 16.07.2024)
5. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд. перераб. М.: Флинта; Наука, 2003. 320 с.
6. Распоряжение Правительства РФ от 21 июня 2023 г. № 1630-р Об утверждении Стратегии развития беспилотной авиации РФ на период до 2030 г. и на перспективу до 2035 г. и плана мероприятий по ее реализации / Документы ленты ПРАЙМ: ГАРАНТ.РУ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407003744/> (дата обращения: 16.07.2024)
7. Реформатский А.А. Введение в языковедение / под ред. В.А. Виноградова. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 1996. 536 с.
8. Солопов В.И. Образование и лексикализация аббревиатур в устной военной коммуникации (на материале русского и английского языков): специальность 10.02.19 «Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика»: автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Военный Краснознаменный институт. Москва, 1989. 23 с.
9. Степанов С.А., Полубоярова М.В., Федотов И.И. Практический курс военного перевода второго иностранного языка. Английский язык : учебник для III-V курсов. Часть 3 (дополненная) / под ред. С.А. Степанова. Москва: Военный университет Минобороны России, 2024. 216 с.
10. Степанов С.А., Веретенников А.С., Полубоярова М.В. и др. Краткий учебный англо-русский и русско-английский военный словарь. Английский язык: учебное пособие. Москва: Белый Ветер, 2024. 112 с.
11. Степанов С.А., Овсянникова М.Н., Полубоярова М.В. Практический курс военного перевода. Английский язык. Беспилотные аппараты: учебное пособие / под ред. С.А. Степанова. Москва: Военный университет Минобороны России, 2024. 190 с.

References

1. Goykhman O. Ya. Russian language and culture of speech: textbook. 2nd ed., revised and enlarged. edited by prof. O. Ya. Goykhman. Moscow: INFRA-M, 2009. 240 p.
2. Stepanov S.A., Veretennikov A.S., Poluboyarova M.V. et al. Brief educational English-Russian and Russian-English military dictionary. English language: textbook. edited by S.A. Stepanov. Moscow: Bely Veter, 2024. 112 p.
3. Misuno E.A., Batsenko I.V., Vdovichev A.V., Ignatova S.A. Written translation of specialized texts: textbook. Moscow: FLINTA, 2013. 256 p.
4. Nazarov D.I. The Problem of the Term and Military Terminology. Proceedings of the X International Student Scientific Conference "Student Scientific Forum" URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018005368> (date of access: 16.07.2024)
5. Nelyubin L.L. Explanatory Translation Dictionary. 3rd revised ed. Moscow: Flinta; Science, 2003. 320 p.

6. Order of the Government of the Russian Federation of June 21, 2023 No. 1630-r On approval of the Strategy for the Development of Unmanned Aviation in the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Perspective Up to 2035 and the Action Plan for its Implementation. Documents of the PRIME feed: GARANT.RU URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407003744/> (date of access: 16.07.2024)

7. Reformatsky A.A. Introduction to linguistics. edited by V.A. Vinogradov. Moscow: Publishing house "Aspect Press", 1996. 536 p.

8. Solopov V.I. Formation and lexicalization of abbreviations in oral military communication (based on the Russian and English languages): specialty 10.02.19 "General linguistics, sociolinguistics, psycholinguistics": author's abstract. dis. ... candidate of philological sciences. Military Red Banner Institute. Moscow, 1989. 23 p.

9. Stepanov S.A., Poluboyarova M.V., Fedotov I.I. Practical course of military translation of the second foreign language. English language: textbook for III-V courses. Part 3 (supplemented). edited by S.A. Stepanov. Moscow: Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 2024. 216 p.

10. Stepanov S.A., Veretennikov A.S., Poluboyarova M.V. et al. Brief educational English-Russian and Russian-English military dictionary. English language: study guide. Moscow: Bely Veter, 2024. 112 p.

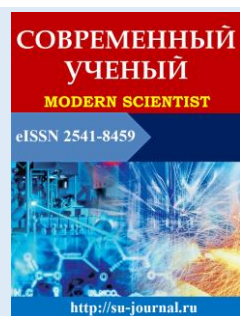
11. Stepanov S.A., Ovsyannikova M.N., Poluboyarova M.V. Practical course of military translation. English language. Unmanned aerial vehicles: study guide. edited by S.A. Stepanov. Moscow: Military University of the Ministry of Defense of Russia, 2024. 190 p.

Информация об авторах

Кузнецова В.Ю., кандидат филологических наук, доцент, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва, Большая Садовая улица, 14, vera087@mail.ru

Воробьев А.Е., кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, улица Остоженка, 38, стр. 1, alexresurs@mail.ru

© Кузнецова В.Ю., Воробьев А.Е., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81.34

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-67-71

Языковые ошибки в русском языке. Причины и исправления: анализ частых ошибок и их источников

¹ Сюй Фань

¹ Российский государственный университет им. А.И. Герцена

Аннотация: в представленной статье рассмотрены вопросы, связанные с возникновением языковых ошибок в русском языке, а также способах и методах их исправления. Целью исследования является проведение анализа частых языковых ошибок, их причин возникновения и методов исправления. Рассмотрены факторы, которые обуславливают необходимость исправления языковых ошибок. Определено понятие «языковая ошибка». Автором изучены основные причины возникновения языковых ошибок в русском языке. Рассмотрены основные виды языковых ошибок. Определены наиболее частые языковые ошибки в русском языке. Рассмотрено определение понятия «исправление ошибок». Автором статьи подчеркивается важность роли педагога в процессе обучения грамотной речи и исправлении возникающих ошибок. Изучена методика работы по предупреждению и исправлению ошибок, а также основные подходы, реализуемые в процессе обучения русскому языку в современных условиях. Изучены основные методы обучения русскому языку. Автор делает вывод о необходимости проведения работы над языковыми ошибками в процессе построения устной и письменной речи, как одного из условий повышения культурного развития общества. Результаты проведенного анализа могут быть использованы в дальнейших исследованиях, а также при построении процесса обучения русскому языку в учебных заведениях.

Ключевые слова: причины, исправления, частые ошибки, анализ, источники, русский язык

Для цитирования: Сюй Фань Языковые ошибки в русском языке. Причины и исправления: анализ частых ошибок и их источников // Современный ученый. 2025. № 1. С. 67 – 71. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-67-71

Поступила в редакцию: 12 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 12 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Language errors in Russian. Causes and corrections: analysis of common errors and their sources

¹ Xu Fan

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia

Abstract: the article discusses issues related to the occurrence of language errors in the Russian language, as well as ways and methods of correcting them. The purpose of the study is to analyze frequent language errors, their causes and methods of correction. The factors that determine the need to correct language errors are considered. The concept of "language error" is defined. The author has studied the main causes of language errors in the Russian language. The main types of language errors are considered. The most common language errors in the Russian

language have been identified. The definition of the concept of "error correction" is considered. The author of the article emphasizes the importance of the teacher's role in the process of teaching literate speech and correcting errors that arise. The methodology of work on the prevention and correction of errors, as well as the main approaches implemented in the process of teaching the Russian language in modern conditions, is studied. The basic methods of teaching the Russian language have been studied. The author concludes that it is necessary to work on language errors in the process of constructing oral and written speech, as one of the conditions for improving the cultural development of society. The results of the analysis can be used in further research, as well as in the construction of the process of teaching the Russian language in educational institutions.

Keywords: causes, corrections, common errors, analysis, sources, the Russian language

For citation: Xu Fan Language errors in Russian: Causes and corrections: analysis of common errors and their sources. Modern Scientist. 2025. 1. P. 67 – 71. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-67-71

The article was submitted: September 12, 2024; Approved after reviewing: November 12, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

В современном обществе важную роль играет умение грамотно владеть русским языком и культурой речи. Поскольку правильно составленные предложения являются основой для построения коммуникаций между различными людьми формой выражения их мыслей, потребностей. Одной из основных проблем при составлении предложения и формировании русской речи является допущение возможных ошибок. Особенно часто это проблема возникает в процессе обучения русскому языку среди иностранных студентов вуза. Следовательно, необходимо направить все усилия на поиск причин ошибок, их анализ и исправление. Это позволит не только совершенствовать знания, умения и навыки речевого общения, но и выйти на новый уровень коммуникаций в обществе [3, с. 87].

Актуальность темы русского языка и необходимости исправления ошибок обусловлена рядом факторов:

- 1) потребность общества в грамотных и образованных людях;
- 2) умение правильно излагать свои мысли и выражения;
- 3) повышение значимости формирования личности обучающегося;
- 4) увеличением количества совершаемых ошибок и необходимостью их исправления и т.д.

Материалы и методы исследований

Основными методами для проведения данного исследования послужили: метод анализа, сравнения, логического рассуждения и другие. Комплексный подход к исследованию с использованием данных методов позволит решить поставленные цели и задачи.

Результаты и обсуждения

Язык является главным средством общения между людьми и основой построения коммуника-

ций. Правильность и корректность изложения мыслей и построения грамотных предложений создает базовую основу для развития общества, формирования его культуры, правил и норм поведения. Важно не только знать правила и языковые средства русского языка, но и уметь их грамотно употреблять, строить речевые конструкции и предложения.

Русский язык является достаточно сложным языком при его изучении. Особенно сложным для понимания он представляется для иностранных обучающихся, которые имеют сложности в построении предложения, произношении слов, использовании грамматических, стиливых и других языковых средств. В следствие этого могут возникать частые языковые ошибки на различных уровнях формирования: пунктуационном, грамматическом, орфографическом и т.д.).

Под языковой ошибкой следует понимать любое отклонение от установленных языковых норм и утвержденных правил.

Основными причинами возникновения языковых ошибок в русском языке является:

- 1) незнание и непонимание значений употребляемых слов;
- 2) неправильное и ошибочное употребление слов, а также построение речевых конструкций;
- 3) непонимание применение определенного стиля в русском языке;
- 4) ошибочность восприятия слов и предложений в русском языке;
- 5) нарушение лексической сочетаемости слов и т.д. [2, с. 18].

Существуют различные виды языковых ошибок в русском языке.

Орфоэпические ошибки возникают при ошибочном произнесении слова или неправильном построении ударения при произношении.

Лексические ошибки (речевые ошибки) связаны с допущением ошибок в нарушении норм и правил употребления слов в русском языке [5, с. 24].

Грамматические ошибки, как правило, возникают в результате нарушения применения грамматических норм и правил при построении предложений.

Морфологические ошибки образуются в практике русского языка при неправильном склонении числительных, а также с проблемами склонения топонимов на -о, -ово, -ино.

Синтаксические ошибки – это ошибки, которые образуются при неправильном построении словосочетаний, а также ошибочном построении простых и сложных предложений в русском языке [7, с. 7].

Текстовые ошибки представляют собой ошибки, допущенные при написании текста, его оформлении. Они в свою очередь подразделяются на логические, фактические и композиционные [9, с. 2].

На рис. 1 наглядным образом представлены основные виды языковых ошибок.

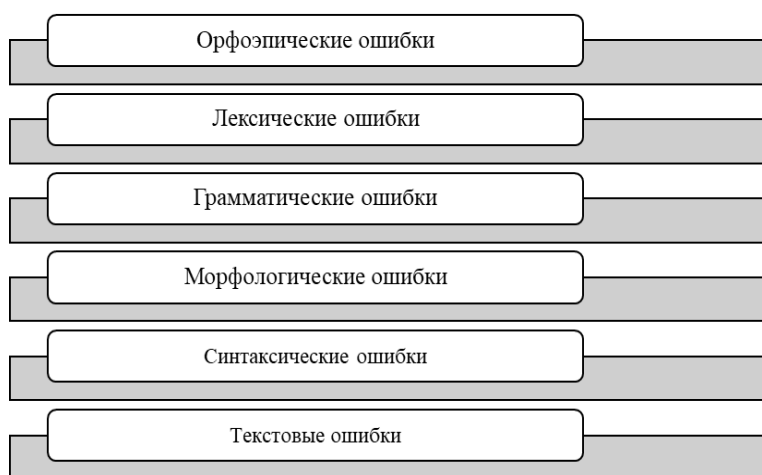

Рис. 1. Виды языковых ошибок в русском языке.
Fig. 1. The main types of language errors in Russian.

Важную роль играет процесс анализа частых ошибок в русском языке и их исправление. Рассмотрим наиболее основные частые ошибки в русском языке, к их числу можно отнести следующие:

1) одной из наиболее частых ошибок, встречающихся в русском языке являются пунктуационные ошибки, которые возникают при ошибочном расставлении знаков препинания в русском языке (точек, запятых, двоеточий и т.д.);

2) ошибки при употреблении глаголов связаны не только их не правильным использованием, но и подбором в предложениях;

3) частые ошибки при употреблении прилагательных возникают при неправильном их склонении и употреблении с существительными в русском языке;

4) ошибки при использовании наречий могут быть связаны с нарушением норм лексической сочетаемости;

5) ошибки при применении местоимений могут быть связаны с неправильным употреблением падежной формы, а также возможными ошибками в определении числа и рода местоимений;

6) ошибки при употреблении времен в предложениях связаны с тем, что в предложениях могут быть использованы глаголы разной временной формы, что вызывает затруднения при их определении и многие другие ошибки [8, с. 8].

Существует объективная необходимость не только в проведении анализа частых совершаемых ошибок в русском языке, но и их исправлении. С этой целью могут быть применены различные методы и подходы.

Считаем, что под процедурой исправления ошибок в русском языке следует понимать процесс выявления и корректировки основных расхождений в написании и речевом произношении слов и предложений в русском языке.

Рассматривая процесс образования можно отметить, что основная ведущая роль в этом процессе принадлежит педагогу, который обладает знаниями, умениями и навыками профессиональной работы в данной области деятельности. Именно педагог является эталонным образцом построения грамотной культуры речи. Поэтому он должен свободно владеть русским языком, красиво стро-

ить предложения и вести межкультурный диалог [4, с. 63].

Работа педагога по выявлению и исправлению языковых ошибок должна быть строго систематизирована.

На первоначальном этапе педагог должен выявить данные ошибки, проанализировать их и систематизировать, а только потом начинать проводить работу по их исправлению. Кроме того, педагог должен внимательно изучить основные причины возникновения частых ошибок у обучающихся в процессе изучения русского языка. Важно отметить, что некоторые ошибки носят случайный характер допущения, например, по причине незнания правил грамматики. Другие причины являются систематическими, они проявляются на одинаковых стадиях процесса обучения. Так, иностранные студенты могут допускать языковые ошибки по причине переноса их из родного языка. И в том, и в другом случае требуется индивидуальный подход в работе над ошибками и их исправлением.

Методика работы по предупреждению и исправлению ошибок включает в себя несколько этапов ее реализации [6, с. 193].

В процессе обучения должна оказываться консультационная поддержка преподавателя всем обучающимся, что позволит не только своевременно выявлять проблемы в русском языке, но и намечать пути их устранения.

В процессе письменного исправления ошибок для удобства могут быть использованы определенные способы их маркировки. То есть, если обучающимся понятны типы ошибок, которые могут встречаться в тексте в случайном порядке, то целесообразно их обозначать с помощью знаков. Такая форма работы предоставляет дополнительные удобства, вносит понятность относительно характера исправления ошибки, их видов и т.д. Письменное исправление ошибок может осуществляться, как самостоятельно обучающимся, так и под контролем педагога в процессе обучения [1, с. 176].

В сфере устной речи процесс исправления ошибок имеет свою специфику. Так, для того чтобы обучающийся мог исправить ошибку речи он должен знать основные правила и нормы речевого общения. Поэтому на занятиях педагог должен уделить особое внимание разбору данных правил, отработке произношения с помощью специальных грамматических упражнений и заданий [10, с.80].

В процессе построения работы исправления ошибок преподавателем могут быть использованы

различные упражнения и задания для закрепления полученного материала и самостоятельной отработки знаний. В современных условиях в большом арсенале учебный материал представлен в виде аудио- и видео записей, что позволяет обучающимся постоянно обращаться к информации и использовать знания на практике. Тренировка позволяет отработать навыки запоминания материала, его усвоения и понимания.

Кроме того, заслуживают внимание методы обучения, используемые педагогом при построении процесса обучения русскому языку. Так, одним из популярных методов является коммуникативно-ориентированный метод. Он позволяет сформировать внутреннюю среду общения ее участников без непосредственного вмешательства педагога. Посредством ведения диалога происходит формирование коммуникативных связей и отработка правильности языковой речи. Педагог является контролирующим лицом и может вмешиваться в процесс в исключительных случаях (когда допускаются языковые ошибки и есть необходимость их исправления).

Еще одним привлекательным методом в процессе обучения русскому языку является метод суггестопедии. Основной целью такого метода является создание стимулирующей атмосферы среди всех участников процесса. Активизации стимулов к процессу познания, стремления к построению правильной и грамотной речи, исправление встречающихся ошибок – есть основная задача процесса обучения.

Такой комплексный подход позволит устранить трудности в процессе изучения русского языка, уменьшить количество допускаемых ошибок, а также сформировать правильную и грамотную речь.

Выводы

Можно сделать вывод, что языковые ошибки нарушают процесс построения предложений и употребления слов в русском языке. Поэтому основной задачей русского языка в современных условиях является поиск, анализ и исправление ошибок. Это позволит, в свою очередь, сделать речь грамотной, точной, ясной и выразительной. Грамотность населения позволит не только повысить уровень развития в целом, но и обеспечить формирование высокой культуры в обществе, достичь поставленных целей и задач социально-экономического развития, сформировать долгосрочную стратегию развития на перспективу в области развития межкультурных коммуникаций.

Список источников

1. Акимова В.В. Случаи нарушения лексических норм в русской речи // Современное педагогическое образование. 2023. № 6. С. 176 – 178.
2. Апаева М.Р. Речевые ошибки и пути их устранения. Саратов: изд-во СНИГУ. 2020. 20 с.
3. Кременецкая Л.С. Ошибки иностранных учащихся на уроках русского языка // Образование. 2021. № 4. С. 87 – 90.
4. Кочеткова М.О. Система работы по исправлению ошибок на уроках русского языка // Вопросы теории и практики. 2021. С. 63 – 67.
5. Линтроп Н.О. Лексические ошибки и пути их исправления // Филологический аспект. 2023. № 11 (103). С. 24 – 30.
6. Матросова Ю.С. Способы коррекции языковых ошибок // Наука. 2022. № 8. С. 193 – 197.
7. Никогосян Л.Г. Речевые ошибки и причины их возникновения // Образование и воспитание. 2020. № 2 (12). С. 7 – 9.
8. Норман Б.Ю. Системная ошибка и ее языковые предпосылки // Филологический класс. 2020. № 2. С. 8 – 18.
9. Помазанов Д.Д. Языковые ошибки в современных текстах // Юный ученый. 2019. № 10 (30). С. 2 – 4.
10. Рябова Л.Г. Языковая норма и речевая ошибка. Иркутск: изд-во ИЮИ. 2020. 160 с.

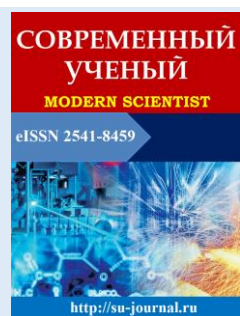
References

1. Akimova V.V. Cases of violation of lexical norms in Russian speech. Modern pedagogical education. 2023. No. 6. P. 176 – 178.
2. Apaeva M.R. Speech errors and ways to eliminate them. Saratov: SNIGU Publishing House. 2020. 20 p.
3. Kremenetskaya L.S. Errors of foreign students in Russian language lessons. Education. 2021. No. 4. P. 87 – 90.
4. Kochetkova M.O. System of work on correcting errors in Russian language lessons. Issues of theory and practice. 2021. P. 63 – 67.
5. Lintrop N.O. Lexical errors and ways to correct them. Philological aspect. 2023. No. 11 (103). P. 24 – 30.
6. Matrosova Yu.S. Methods of Correcting Language Errors. Science. 2022. No. 8. P. 193 – 197.
7. Nikogosyan L.G. Speech Errors and the Reasons for Their Occurrence. Education and Upbringing. 2020. No. 2 (12). P. 7 – 9.
8. Norman B.Yu. Systemic Error and Its Linguistic Prerequisites. Philological Class. 2020. No. 2. P. 8 – 18.
9. Pomazanov D.D. Language Errors in Modern Texts. Young Scientist. 2019. No. 10 (30). P. 2 – 4.
10. Ryabova L.G. Language Norm and Speech Error. Irkutsk: Publishing House of the Institute of Law. 2020. 160 p.

Информация об авторе

Сюй Фань, Российский государственный университет им. А.И. Герцена, xingchunyu2002@163.com

© Сюй Фань, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 398.332.424

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-72-79

Сравнение культурных различий в суевериях между Китаем и Россией

¹ Кун Дэлун

¹ *Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена*

Аннотация: данная статья посвящена комплексному анализу суеверий в китайской и российской культурах с целью выявления их общих черт и национальных особенностей, а также определения роли суеверий в формировании социальных норм и ценностей. Изучение суеверий приобретает особую актуальность в контексте глобализации и культурного взаимопроникновения. С одной стороны, наблюдается тенденция к унификации культурных норм, что может привести к стиранию национальных различий в сфере суеверий. С другой стороны, процесс глобализации сопровождается усилением интереса к национальным корням и традициям, что способствует возрождению и популяризации различных верований. Целью исследования является определение места и роли суеверий в системе культурных ценностей китайского и российского общества и проанализировать их влияние на поведение индивидов. В данной работе были использованы следующие методы исследования: сравнительный анализ и анализ текстовых источников. В результате проведенного исследования были выделены следующие основные группы суеверий: верования, связанные с природными явлениями, социальными отношениями, здоровьем, богатством и успехом. Были проанализированы основные причины возникновения и распространения суеверий. Выявлено, что многие суеверия имеют древние корни и связаны с анимистическими представлениями о мире. Определены основные функции суеверий в современном обществе. Был сделан результирующий вывод о том, что суеверия являются сложным и многогранным феноменом, который требует дальнейшего изучения. Несмотря на свою кажущуюся иррациональность, суеверия играют важную роль в жизни людей, обеспечивая психологическую поддержку и способствуя сохранению культурной идентичности. Изучение суеверий позволяет глубже понять особенности национальной ментальности и особенности функционирования социальных групп.

Ключевые слова: суеверие, предрассудки, табу, суеверия Китая и России, обычаи, традиции

Для цитирования: Кун Дэлун Сравнение культурных различий в суевериях между Китаем и Россией // Современный ученый. 2025. № 1. С. 72 – 79. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-72-79

Поступила в редакцию: 12 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 13 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

A comparison of cultural differences in superstitions between China and Russia

¹ Kong Delong

¹ *Herzen State Pedagogical University of Russia*

Abstract: this article is dedicated to a comprehensive analysis of superstitions in Chinese and Russian cultures with the aim of identifying their common features and national peculiarities, as well as determining the role of superstitions in shaping social norms and values. The study of superstitions is particularly relevant in the context of globalization and cultural interpenetration. On the one hand, there is a tendency towards the unification of cultural norms,

which may lead to the erosion of national differences in the sphere of superstitions. On the other hand, the globalization process is accompanied by a growing interest in national roots and traditions, which contributes to the revival and popularization of various beliefs. The goal of the research is to determine the place and role of superstitions in the system of cultural values of Chinese and Russian society and to analyze their influence on individual behavior. The following research methods were used in this work: comparative analysis and analysis of textual sources. As a result of the conducted research, the following main groups of superstitions were identified: beliefs related to natural phenomena, social relations, health, wealth, and success. The main reasons for the emergence and spread of superstitions were analyzed. It was revealed that many superstitions have ancient roots and are associated with animistic views of the world. The main functions of superstitions in modern society have been determined. A final conclusion was made that superstitions are a complex and multifaceted phenomenon that requires further study. Despite their seeming irrationality, superstitions play an important role in people's lives, providing psychological support and contributing to the preservation of cultural identity. The study of superstitions allows for a deeper understanding of the peculiarities of national mentality and the features of the functioning of social groups.

Keywords: superstition, prejudice, taboo, Chinese and Russian superstitions, customs, traditions

For citation: Kong Delong A comparison of cultural differences in superstitions between China and Russia. Modern Scientist. 2025. 1. P. 72 – 79. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-72-79

The article was submitted: September 12, 2024; Approved after reviewing: November 12, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Суеверия, как феномен, характеризующийся иррациональными верованиями и действиями, традиционно рассматриваются в оппозиции к рациональному мышлению. Несмотря на свою иррациональность, суеверия оказывают заметное влияние на когнитивные процессы и поведение индивидов.

Изучение суеверий приобретает особую актуальность в контексте глобализации и культурного взаимопроникновения. С одной стороны, наблюдается тенденция к унификации культурных норм, что может привести к стиранию национальных различий в сфере суеверий. С другой стороны, процесс глобализации сопровождается усилением интереса к национальным корням и традициям, что способствует возрождению и популяризации различных верований. Целью исследования является определение места и роли суеверий в системе культурных ценностей китайского и российского общества и проанализировать их влияние на поведение индивидов

Материалы и методы исследований

В статье использованы такие методы исследования, как: сравнительный анализ и анализ текстовых источников.

В условиях социальной неопределенности и необходимости психологической защиты, люди склонны прибегать к суевериям. Данное явление можно объяснить стремлением человека упорядочить хаотичный мир, приписывая событиям причинно-следственные связи, которые не всегда имеют объективное основание. Так, М.Ю. Строгальщикова [15] определяет суеверие как когни-

тивную схему, характеризующуюся склонностью к искаженному восприятию реальности, выражающемуся в установлении ложных причинно-следственных связей между событиями.

Сам термин «суеверие» обладает достаточно богатой исторической и культурной семантикой. Его этимология позволяет проследить эволюцию значения этого понятия в различных языках. В славянских языках корень «сue-» соотносится со значением «напрасно», «зря», что указывает на бессмысленность и нерациональность суеверных верований. Таким образом, суеверие противопоставляется рациональному знанию и духовному стремлению.

В латинском языке термин «superstitio» этимологически связан с понятиями «выживший» и «пережиток», что указывает на его происхождение из древних языческих культов. Суеверие в римской культуре воспринималось как архаический элемент религии, сохранившийся в сознании людей [16]. В китайской культуре иероглиф «信» (син), входящий в состав иероглифов, обозначающих «суеверие» и «примета», имеет значение «вера». Это свидетельствует о том, что суеверие в китайской традиции рассматривается как форма веры, хотя и нерациональной [7].

Суеверие представляет собой когнитивный феномен, укорененный в мифологическом типе мышления. В отличие от рационального, основанного на логических связях, мифологическое мышление оперирует ассоциативными связями, часто возникающими на основе пространственной или временной сопряженности событий. Мифологическое мышление характеризуется безоговорочным

принятием существования трансцендентных сущностей и их непосредственного воздействия на эмпирическую реальность. Когнитивная основа данного мировоззрения формируется на базе практического опыта, не поддающегося верификации посредством систематических научных методов.

Мифологическое мышление предполагает антропоцентрическую модель мира, в которой человек наделяется способностью влиять на природные и социальные процессы сверхъестественными средствами. Субъект мифологического сознания убежден в существовании магических связей между своими ментальными и физическими действиями и внешними событиями, не поддающимися рациональному объяснению. Суеверие в данном случае выступает как когнитивная ошибка, заключающаяся в установлении ложных причинно-следственных связей между не связанными между собой событиями. Вместо объективных причинно-следственных зависимостей субъект опирается на временную последовательность событий, интерпретируя ее как доказательство существования причинной связи [12].

Понятийное мышление представляет собой когнитивный процесс, характеризующийся абстракцией, обобщением и логической структурированностью. В противовес мифологическому мышлению, рассматриваемый когнитивный процесс формируется под воздействием конкретных проблем и ориентирован на объективное отражение реальности. Он предполагает выявление глубоких, не всегда очевидных связей и закономерностей, лежащих в основе явлений, посредством абстрагирования и обобщения эмпирических данных. Понятийное мышление опирается на логические аргументы и принципы, позволяющие строить когерентные и обоснованные рассуждения [13].

Важно отметить, что у одного индивида могут сосуществовать оба вида мышления, не противореча друг другу, но выполняя различные функции. Мифологическое мышление, как правило, ориентировано на решение повседневных, конкретных задач и часто связано с эмоциональной сферой личности. Понятийное же мышление нацелено на анализ абстрактных концепций, построение теорий и решение сложных проблем, требующих глубокого понимания предметной области. Таким образом, мифологическое и понятийное мышление представляют собой два взаимодополняющих механизма познания, каждый из которых играет важную роль в адаптации человека к окружающей среде и решении различных жизненных задач.

Феномен устойчивости суеверий может быть объяснен склонностью человеческого когнитивного аппарата к избирательному восприятию инфор-

мации. Случаи, подтверждающие суеверие, запоминаются более ярко и прочно, в то время как противоречащие факты склонны к быстрому забыванию или переинтерпретации. Данный когнитивный механизм, известный как подтверждающее смещение, способствует укреплению верований, даже если они не имеют под собой эмпирической основы.

Мотивацией для сохранения и распространения суеверий является глубоко укорененная человеческая потребность в предсказании будущего и контроле над неопределенностью. Суеверия предлагают иллюзию предвидения неблагоприятных событий и, таким образом, способствуют снижению тревожности.

Суеверия представляют собой упрощенные модели реальности, не требующие логической обоснованности и удовлетворяющие потребность в быстром, интуитивном познании, позволяя людям интерпретировать сложные явления с помощью простых, наглядных образов, не прибегая к абстрактным научным концепциям.

Культурная среда оказывает значительное воздействие на формирование и выражение суеверных убеждений. Аффективный, когнитивный и поведенческий компоненты суеверия тесно взаимосвязаны и обусловлены социокультурными нормами. Использование примет и ритуалов позволяет индивидам удовлетворить потребность в безопасности и контроле над неопределенностью, снижая уровень тревоги, вызванной негативными событиями и их возможными последствиями [17].

Суеверия представляют собой продукт ранних попыток человека объяснить окружающий мир. Не обладая научными знаниями о природных явлениях, первобытные люди приписывали им сверхъестественные причины, что отражало их стремление к осмыслению хаотичной и часто враждебной природной среды. Таким образом, суеверия можно рассматривать как одну из ранних форм мировоззрения, возникшую на заре человеческой истории.

Несмотря на значительные успехи в области науки и техники, приведшие к глубокому пониманию природных явлений, суеверия продолжают существовать в современном обществе.

Данный феномен вызывает необходимость углубленного анализа. Почему за тысячелетия развития человеческой цивилизации суеверия не утратили своей актуальности? Каковы психологические механизмы, поддерживающие веру в суеверия у людей с высоким уровнем образования?

Некоторые исследователи связывают сохранение суеверий с когнитивными ограничениями человека [5]. Невозможность обладать исчерпывающими знаниями о мире порождает потребность в

упрощенных объяснениях и создает благоприятную почву для возникновения суеверий. Кроме того, суеверия рассматриваются как неотъемлемая часть адаптационных механизмов человека, обеспечивающих выживание в условиях неопределенности.

Результаты и обсуждения

Суеверия в научной классификации подразделяются на четыре основные категории. Первая категория связана с космологическими представлениями и мировоззрением, сформированным под влиянием суеверных убеждений. Вторая категория включает традиционные светские суеверия, такие как приметы, связанные с определенными объектами или событиями (например, черная кошка как символ неудачи), а также различные виды гаданий (нумерология, астрология и др.). Третья категория охватывает индивидуальные мистические переживания, выходящие за рамки обыденного опыта и включающие в себя веру в сверхъестественное (например, общение с духами умерших). Четвертая категория представлена личными суевериями, связанными с индивидуальными предпочтениями и привычками (талисманы, счастливые числа и т.п.). Все указанные категории суеверий находятся в тесной взаимосвязи и образуют сложную систему верований [10].

Китай, как одно из древнейших государств с пяти тысячелетней историей, неизбежно сформировал богатый пласт суеверий. Для глубокого анализа этого феномена необходимо уточнить понятие «суеверие» в контексте китайской культуры.

В китайском языке иероглиф 迷信 (míxìn) традиционно переводится как «суеверие». Согласно «Словарю Синьхуа», составляющие его морфемы несут следующие значения: 迷 (mí) – «заблуждение», «неспособность различать», «потеря аналитических способностей»; 信 (xìn) – «вера», «доверие», «убеждение». Таким образом, 迷信 обозначает веру в сверхъестественное, основанную на заблуждении и отсутствии критического мышления [4].

Культурные коды, включая религию, ритуалы, празднества, обычаи и язык, служат уникальными маркерами идентичности любой цивилизации. Историческая изоляция Китая способствовала формированию самобытного комплекса символов и верований, глубоко укоренившихся в народном фольклоре. Мифы и легенды, отражающие эти верования, предоставляют ценный источник для изучения китайской культуры. Традиции, сохраняясь на протяжении тысячелетий, стали неотъемлемой частью повседневной жизни китайцев.

Анализ исторических источников свидетельствует о том, что жители Древнего Китая активно использовали различные амулеты и обряды для защиты от злых сил. Согласно наблюдениям синологов, к числу наиболее распространенных средств отпугивания злых духов относились: световые и звуковые эффекты, растения (персик, ива, полынь), животные (петухи, коты), минералы (яшма), предметы быта (зеркала, мечи) и элементы природного ландшафта (земля, древесный уголь). Многообразие этих средств отражает глубину и сложность системы верований древних китайцев [6].

Китайская цивилизация, обладающая одной из наиболее продолжительных исторических траекторий, прошла через многообразные социально-экономические формации: от рабовладельческого строя до начальных стадий социализма, сохраняя при этом глубокую культурную преемственность. Одним из наиболее ярких и устойчивых элементов этой культуры является культ еды, приобретший в китайском обществе особое значение. Исторически сложившиеся природно-климатические условия, характеризующиеся частыми стихийными бедствиями (землетрясениями, наводнениями, тайфунами), приводили к периодическим голодам, наиболее масштабным из которых стал голод 1960-х годов. Эти факторы существенно повлияли на формирование пищевых предпочтений, кулинарных традиций и ритуалов, а также на социально-экономические отношения в китайском обществе. Последствия этих событий до сих пор ощущаются в некоторых бедных провинциях страны. В результате, питание приобрело в китайском обществе сакральный характер, а приемы пищи обросли многочисленными ритуалами и этическими нормами.

Китайский столовый этикет отличается строгостью и символикой. Одним из фундаментальных табу является постукивание палочками по посуде, ассоциирующееся с нищенством и воспринимаемое как глубокое оскорбление. Аналогично, вертикальное расположение палочек в чашке с рисом, напоминающее о погребальных принадлежностях, считается крайне неуместным и проявлением дурного тона. Использование столовых приборов строго по назначению отражает глубокое уважение к традициям и культуре питания [7].

Правила этикета распространяются и на чайную церемонию. Направление носика чайника в сторону собеседника считается грубым нарушением, символизирующим неприязнь и недоверие, что уходит корнями в исторические представления о дворцовых интригах. Постоянное поддержание

чажки гостя полной является проявлением гостеприимства и уважения к присутствующим.

Следовательно, китайский столовый этикет представляет собой сложную систему правил и символов, отражающих глубокие культурные ценности и исторические традиции. Соблюдение этих правил демонстрирует уважение к хозяевам и гостям, а также способствует созданию гармоничной атмосферы во время трапезы [18].

Таким образом, культ еды в Китае является глубоко укорененным культурным феноменом, сформировавшимся на протяжении тысячелетий под влиянием исторических, социальных и природных факторов. Этикетные нормы, связанные с приемом пищи, отражают ценности китайского общества, такие как уважение к традициям, гостеприимство и социальная гармония. Изучение этих норм позволяет глубже понять особенности китайской культуры и успешно взаимодействовать с представителями этого народа.

Китайская культура богата символикой, которая на протяжении веков формировала мировоззрение ее носителей. Особое внимание уделяется благоприятным знакам, считающимся способствующими достижению успеха и счастья. Данные символы находят отражение в различных аспектах жизни китайцев: в именах, датах, цифрах, а также в образах флоры, фауны и цветовых оттенков.

Использование иероглифа «ю», «нефрит» (玉) в антропонимах женского рода представляет собой интересный лингвокультурный феномен. Семантика данного иероглифа, ассоциируемая с понятиями драгоценности, благородства и чистоты, наделяет женские имена глубоким символическим смыслом. Выбор имен с этим иероглифом может рассматриваться как отражение традиционных ценностей китайской культуры, а также как осознанное стремление родителей подчеркнуть желательные качества будущей женщины: мудрость, добродетель и красоту. Таким образом, анализ антропонимов с иероглифом «ю» позволяет глубже понять взаимосвязь языка, культуры и системы ценностей в китайском обществе [9].

Индивиды, придерживающиеся суеверных убеждений, склонны приписывать определенным явлениям или действиям магическое значение, наделяя их способностью влиять на ход событий. Типичными проявлениями суеверия являются:

1. Магические ритуалы: совершение специфических действий (жестов, произнесение заклинаний) с целью достижения желаемого результата или предотвращения негативных событий.

2. Использование амулетов и талисманов: вера в способность предметов обладать особыми свой-

ствами, приносящими удачу или защищающие от несчастий.

3. Приметы: убеждение в том, что определенные события или совпадения являются предвестниками будущих событий [14].

Суеверия часто возникают в условиях неопределенности и служат способом снизить уровень тревожности, предоставляя индивидам иллюзию контроля над ситуацией. По этой причине изучение суеверий представляет интерес для различных научных дисциплин, таких как психология, антропология и социология.

Приметы и суеверия, глубоко укорененные в культуре многих народов, представляют собой феномен с длительной историей. Их возникновение связывают с древними верованиями, призванными объяснить неопределенность окружающего мира и обеспечить чувство безопасности. Стремление человека контролировать свою судьбу и предвидеть будущие события привело к созданию обширного спектра суеверий, основанных на наблюдении кажущихся совпадений между различными событиями. Повторяемость таких совпадений формировала убеждение в существовании скрытых связей и закономерностей, которые интерпретировались как знаки, влияющие на ход событий.

Суеверия, являясь отражением культурных кодов общества, проявляются в различных формах, включая языческие верования и другие синкретические культы. Они охватывают широкий спектр человеческих отношений, отражая тревоги, ценности и мировоззрение индивида. Суеверные практики, такие как приметы и ритуалы, повсеместно распространены и оказывают существенное влияние на принятие решений, в том числе в ситуациях, несущих значимые социальные и личностные последствия.

Сравнительный анализ китайских и русских примет выявляет как сходства, так и различия. Например, в обеих культурах паук ассоциируется с положительными событиями. В России считается, что увидеть паука – это к какой-то вести, поступлению информации, к письму, а в Китае – к получению хороших новостей и богатству. Интересно отметить, что черная кошка в России является символом неудачи, в то время как в Китае она, напротив, считается оберегом от злых духов [2].

В целом, исторически сложившиеся верования о черных кошках служат ярким примером культурной относительности суеверий. В то время как в России сформировался устойчивый негативный стереотип, связанный с этим животным, в других культурах, таких как английская, черная кошка

ассоциируется с позитивными коннотациями. Корни такого различия уходят в глубину веков и отражают особенности религиозных и культурных представлений различных народов.

В исторический период широкого распространения верований в колдовство, черный кот часто ассоциировался с фигурой ведьмы. Данная ассоциация породила ряд суеверий, наиболее известным из которых является представление о девяти жизнях кошки. Согласно этому поверью, ведьма могла принимать облик кошки до девяти раз, что делало ее практически неуязвимой для физической расправы. Таким образом, миф о девяти жизнях кошки отражает глубоко укоренившийся страх перед магическими способностями ведьм и их способностью к трансформации.

В результате подобных ассоциаций, черный кот во многих культурах, включая русскую, стал символом несчастья и негативных предзнаменований. В российском фольклоре черная кошка часто фигурирует как предвестник неприятностей и неудач.

Интересно отметить, что в других культурах роль негативного предвестника отводится другим животным. Так, в китайской традиции подобные функции часто приписываются вороне. Сравнительный анализ этих культурных особенностей позволяет выявить общие и специфические черты в формировании суеверий, связанных с животным миром [3].

Анализ происхождения и трансформации суеверий позволяет выявить глубокую связь между верованиями и историко-культурным контекстом. Рассмотрим два примера:

1. Примета о просыпанной соли. В прошлом соль была ценным и дефицитным продуктом, игравшим важную роль в питании и консервации. Просыпать соль означало не только материальную потерю, но и нарушение ритуалов гостеприимства и общения. В условиях современной экономики, когда соль доступна и недорога, символическое значение этой приметы значительно утратило свою актуальность. Однако ее сохранение в культурной памяти свидетельствует о том, что суеверия могут передаваться из поколения в поколение, даже если их первоначальный смысл становится менее понятным.

2. Примета о встрече с женщиной с пустыми ведрами. В сельской местности доступ к чистой воде был ограничен и зависел от природных источников. Пустые ведра могли информационно сигнализировать о проблемах с водоснабжением, что несло угрозу для выживания общины. В современном мире с развитой системой водоснабжения данная примета утратила свою практическую значимость. Тем не менее, она сохраняет свою

символическую функцию, отражая древние опасения, связанные с нехваткой жизненно важных ресурсов [1].

Суеверия, представляющие собой совокупность верований, связывающих определенные события или явления с будущими событиями, остаются актуальным феноменом в современном обществе. Несмотря на развитие науки и технологий, значительная часть населения продолжает придерживаться различных примет, наделяя их мистическим или пророческим смыслом.

В российской культуре широко распространены разнообразные суеверия, передаваемые из поколения в поколение. К числу наиболее популярных примет относятся: а) падение ножа на пол связывается с визитом мужчины, вилки – женщины; б) перебежавший дорогу черный кот считается предвестником неудачи; в) девушка, поймавшая свадебный букет, согласно поверью, следующей вступит в брак.

Указанные приметы отражают глубоко укоренившиеся в народном сознании представления о связи между различными событиями и их символическом значении.

Одним из распространенных суеверий в России является ритуал сплунуть три раза через левое плечо и постучать по дереву после произнесения нежелательного высказывания. Данный обычай, призванный предотвратить сбывание негативного предсказания, является примером магического мышления и отражает стремление человека контролировать неопределенность будущего [11].

Суеверия представляют собой систему верований, основанную на ассоциативном и причинно-следственном связывании различных явлений. Они выполняют ряд социальных функций, включая:

1. Объяснение непонятных явлений. Суеверия предлагают упрощенные модели для интерпретации случайных событий и сложных процессов, что способствует снижению тревожности и повышению чувства безопасности.

2. Социальную интеграцию. Общие суеверия укрепляют групповую идентичность и способствуют сплочению сообщества.

3. Контроль над окружающей средой. Выполняя определенные ритуалы, люди стремятся повлиять на ход событий и обеспечить благоприятный исход.

Несмотря на развитие науки и технологий, суеверия продолжают сохранять свою актуальность в современном обществе. Это объясняется рядом факторов:

- Тенденция человека искать подтверждение своим убеждениям и игнорировать противореча-

щую информацию способствует сохранению суеверных верований.

- Суеверия удовлетворяют потребность в надежде, контроле и смысле жизни.

- Суеверия передаются из поколения в поколение, становясь частью культурного наследия.

Выводы

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что суеверия представляют собой сложный феномен, сформировавшийся в процессе эволюции и тесно связанный с психологическими особенностями человека. Их сохранение в современном обществе свидетельствует о необходимости дальнейших междисциплинарных

исследований, направленных на выявление причин и механизмов поддержания суеверных верований.

Анализ приведенных в исследовании примеров демонстрирует, что суеверия являются сложным социально-культурным феноменом, имеющим глубокие корни в истории человечества. Несмотря на свою иррациональность, они продолжают оказывать влияние на поведение людей и мировоззрение. Дальнейшее изучение суеверий позволит глубже понять психологические механизмы, лежащие в основе человеческого поведения, а также особенности культурной динамики формирования и использования суеверных знаний.

Список источников

1. Авдеев А.Г. Поминальная культура, суеверия и старорусская эпиграфика // Православие. Наука. Образование. 2018. № 1. С. 8 – 18.
2. Базилевская Н.Ю., Хренова Н.Ф. Сопоставление примет и суеверий британии и россии как одного из оттенков в обучении межкультурной коммуникации // Иностранные языки и современные тенденции в иноязычном образовании. 2020. С. 340 – 348.
3. Брушкова Л.А., Климова Е.О. Мистика и суеверия в повседневной жизни студентов московских вузов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. Т. 13. № 1. С. 71 – 78.
4. Григорьева Ю.С., Бурцева В.С. Репрезентация концепта «суеверие» в английской и китайской картинах мира // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности. 2022. С. 135 – 144.
5. Грищенко А.С., Хлызова А.М. Влияние суеверий на жизнь китайцев // Международный научно-практический журнал «эпоха науки». 2024. С. 150 – 164.
6. Дань В. Эволюция современных китайских ритуалов и обычаев рождения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 5. С. 5 – 12.
7. Дмитриева О.А., Шуи Ч. Языковое выражение табу на материале китайских суеверий // Modern oriental studies. 2023. Т.5. № 4. С. 34 – 45.
8. Дмитриева О.А., Чжан Ш. Статус суеверий в Китае: лингвистический и экстралингвистический аспекты // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2023. № 2. С. 96 – 103.
9. Иванищева О.Н., Лян М. Русская и китайская примета в языке и в современном речевом употреблении // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Т. 6. № 3. С. 41 – 51.
10. Киржанова Л.В. Психолого-педагогические условия формирования готовности студентов к преодолению суеверий: дис. ... канд. психологич. наук. Челябинск. 2005. 225 с.
11. Коптелова К.В. Приметы и суеверия в жизни русского человека // Vita memoriae: Теории и практики исторических исследований. 2023. С. 190 – 193.
12. Мамедов А.А., Донских К.Ю. Мифологическое мышление в условиях архаического общества // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 14 – 20.
13. Найдыш В.М. Археология мифа (Мифотворчество в его историческом развитии) // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». 2022. № 1. С. 13 – 31.
14. Низких М.Н., Рубченко В.В. Приметы и суеверия в России // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. С. 19 – 26.
15. Строгальщикова М.Ю. Социально-психологические особенности феномена суеверия: дисс ... канд. психол. наук. М. 2012. 156 с.
16. Чергинцев И.А. Смыслопостроение суеверий и предрассудков в английской и русской лингвокультурах: дисс... канд. филологич. наук. Нальчик. 2008. 164 с.

17. Эдильгериева А.В. «Сущность суеверия в православной традиции» // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2021. № 2. С. 154 – 159.
18. Яньвэй С., Ифэй В. Сравнительный анализ этикетных табу в русской и китайской лингвокультурах // Евразия. Диалог культур. 2023. № 1. С. 538 – 546.

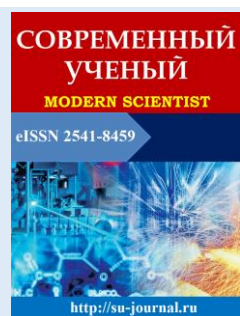
References

1. Avdeev A.G. Funeral culture, superstitions and old Russian epigraphy. Orthodoxy. Science. Education. 2018. No. 1. P. 8 – 18.
2. Bazilevskaya N.Yu., Khrenova N.F. Comparison of signs and superstitions of Britain and Russia as one of the shades in teaching intercultural communication. Foreign languages and modern trends in foreign language education. 2020. P. 340 – 348.
3. Brushkova L.A., Klimova E.O. Mysticism and superstitions in the everyday life of students of Moscow universities. Humanities. Bulletin of the Financial University. 2023. Vol. 13. No. 1. P. 71 – 78.
4. Grigorieva Yu.S., Burtseva V.S. Representation of the concept of "superstition" in the English and Chinese pictures of the world. Challenges of modernity and strategies for the development of society in the context of the new reality. 2022. P. 135 – 144.
5. Grishchenko A.S., Khlyzova A.M. The influence of superstitions on the life of the Chinese. International scientific and practical journal "Epoch of Science". 2024. P. 150 – 164.
6. Dan V. Evolution of modern Chinese rituals and customs of birth. Modern science: current problems of theory and practice. Series: Cognition. 2020. No. 5. P. 5 – 12.
7. Dmitrieva O.A., Shui Ch. Linguistic expression of taboos based on Chinese superstitions. Modern oriental studies. 2023. Vol. 5. № 4. P. 34 – 45.
8. Dmitrieva O.A., Zhang Sh. The status of superstitions in China: linguistic and extralinguistic aspects. Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research. 2023. № 2. P. 96 – 103.
9. Ivanishcheva O.N., Liang M. Russian and Chinese signs in language and in modern speech use. Theoretical and applied linguistics. 2020. Vol. 6. № 3. P. 41 – 51.
10. Kirzhanova L.V. Psychological and pedagogical conditions for the formation of students' readiness to overcome superstitions: dis. ... candidate of psychological sciences. Chelyabinsk. 2005. 225 p.
11. Koptelova K.V. Signs and superstitions in the life of a Russian person. Vita memoriae: Theories and practices of historical research. 2023. P. 190 – 193.
12. Mamedov A.A., Donskikh K.Yu. Mythological thinking in the conditions of an archaic society. Society: philosophy, history, culture. 2022. No. 8. P. 14 – 20.
13. Naidysh V.M. Archeology of myth (Myth-making in its historical development). Mifologos. Series "Philosophy of myth: ontology, axiology, methodology". 2022. No. 1. P. 13 – 31.
14. Nizkikh M.N., Rubchenko V.V. Signs and superstitions in Russia. Modern trends in the development of science and technology. 2016. P. 19 – 26.
15. Strogal'shchikova M.Yu. Social and psychological features of the phenomenon of superstition: diss... Cand. Psychol. Sci. (2012). 156 p.
16. Cherginets I.A. Meaning-making of superstitions and prejudices in English and Russian linguacultures: diss... Cand. Philological Sci. (2008). 164 p.
17. Edil'girieva A.V. "The essence of superstition in the Orthodox tradition". Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary. 2021. No. 2. P. 154 – 159.
18. Yanwei S., Yifei V. Comparative analysis of etiquette taboos in Russian and Chinese linguacultures. Eurasia. Dialogue of Cultures. 2023. No. 1. P. 538 – 546.

Информация об авторе

Кун Дэлуи, Институт русского языка как иностранного, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, delongkong8241@gmail.com

© Кун Дэлуи, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 811.111

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-80-87

Медийная траектория поддержки инициатив по реализации молодежной политики

¹ Шакалов И.И.

¹ Фонд развития Краснодарского края

Аннотация: статья соответствует постоянно углубляющемуся интересу современной коммуникативистики к специфике, формам, приемам, результатам целевого речевого воздействия на адресата, представляющего определенный сегмент массовой аудитории. Объектом исследования является стратегически направленная медиакоммуникация, синхронизирующая хорошо осознанные модальные смыслы, представленная в коммуникативных траекториях, отражающих целенаправленную речевую деятельность в медиа множества субъектов, реализующих общую, синхронизированную коммуникативную стратегию, обусловленную государственной молодежной политикой. Эмпирическая база исследования – медиатексты, сопровождающие публикацию Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации» (2020 г.), подготовку и проведение Первого съезда Российского движения детей и молодежи (18-20 октября 2022 года), репрезентирующие речевые действия, направленные на сообщение сведений, имеющих отношение к одному событию из дискурса о молодежи, но решающие разные коммуникативные задачи, воплощающие разные компоненты специализированной коммуникативной траектории: коммуникативное сопровождение отдельного направления деятельности; коммуникативное сопровождение события/мероприятия; принятие управленческого решения. Основной вывод: процессе разработки специальной коммуникативной траектории должны участвовать профессионалы, способные осознать и конкретизировать стоящие перед субъектом коммуникации цели, презентовать необходимую информацию, выявлять и нейтрализовать допущенные коммуникативные ошибки, сбои, помехи и шумы, преодолевать установку на использование классических информационных медиажанров, ориентацию исключительно на формировавшиеся на рубеже веков западноевропейские образцы. В дальнейшем описанная речевая модель информационного сопровождения молодежной политики при нейтрализации выявленных проблем и недостатков может повлиять на разработку механизма, постоянно поддерживающего политические усилия государства в отношении молодежи.

Ключевые слова: молодежная политика, медиасопровождение, траектория, направление, событие, решение

Для цитирования: Шакалов И.И. Медийная траектория поддержки инициатив по реализации молодежной политики // Современный ученый. 2025. № 1. С. 80 – 87. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-80-87

Поступила в редакцию: 13 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 14 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Media trajectory of support for youth policy initiatives

¹ Shakalov I.I.

¹ *Krasnodar Territory Development Fund*

Abstract: the article corresponds to the ever-deepening interest of modern communication studies in the specifics, forms, techniques, and results of targeted speech impact on the addressee representing a certain segment of the mass audience. The object of the study is strategically directed media communication, synchronizing well-realized modal meanings, presented in communicative trajectories reflecting the purposeful speech activity in the media of a multitude of subjects implementing a common, synchronized communicative strategy conditioned by state youth policy. The empirical basis of the research is the media texts accompanying the publication of the Federal Law "On Youth Policy in the Russian Federation" (2020), the preparation and holding of the First Congress of the Russian Movement of Children and Youth (October 18-20, 2022), representative speech actions aimed at communicating information related to one event from the discourse about youth, but solving different communicative tasks, embodying different components of a specialized communicative trajectory: communicative support of a separate line of activity; communicative support of an event/event; making a managerial decision. The main conclusion: the process of developing a special communicative trajectory should involve professionals who are able to realize and concretize the goals facing the subject of communication, present the necessary information, identify and neutralize the mistakes made in communication, failures, interference and noise, overcome the installation of using classical information media genres, focusing exclusively on Western European patterns formed at the turn of the century. The main conclusion: the process of developing a special communicative trajectory should involve professionals who are able to realize and concretize the goals facing the subject of communication, present the necessary information, identify and neutralize the mistakes made in communication, failures, interference and noise, overcome the installation of using classical information media genres, focusing exclusively on Western European patterns formed at the turn of the century. In the future, the described speech model of information support for youth policy, while neutralizing the identified problems and shortcomings, may affect the development of a mechanism that constantly supports the political efforts of the state in relation to youth.

Keywords: youth policy, media support, trajectory, direction, event, decision

For citation: Shakalov I.I. Media trajectory of support for youth policy initiatives. Modern Scientist. 2025. 1. P. 80 – 87. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-80-87

The article was submitted: September 13, 2024; Approved after reviewing: November 14, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Современная коммуникативистика демонстрирует повышенное внимание к специфике, формам, приемам, результатам целевого речевого воздействия на массовую аудиторию [7, 11]. Объектом исследования специалистов по коммуникативистике, прагматике, лингвопраксиологии все чаще становится стратегически направленная медиакоммуникация, синхронизирующая хорошо осознанные модальные смыслы, представленная в коммуникативных траекториях, отражающих целенаправленную речевую деятельность в медиа множества субъектов, реализующих общую, синхронизированную коммуникативную стратегию [4].

Как следствие, в сегодняшнем научном дискурсе, посвященном изучению медиаречи, происходит переориентация исследовательских интересов – от

линейного медиатекста к мультимедийному гипермедиатексту [3]. Эти поиски надтекстовых единиц берут свое начало в идеях, с одной стороны, макродиалогичности, интертекстуальности, сверхтекста и гипертекстуальности, а с другой стороны, к идеям о поликодовости, креолизации, мультимодальности текстов [5].

Материалы и методы исследований

В прежних работах в качестве такой надтекстовой единицы называли дискурс, информационную волну, гипертекст одной темы. Праксиологический подход, выбранный нами в качестве ключевого, побудил к поиску единицы речеведческого анализа, в которой отражается специфика фрагмента стратегически направленной медиакоммуникации, где синхронизируются модальные смыслы. Введение новой единицы анализа – траектории позволяет фиксировать речевую деятельность в медиа

множества субъектов [2], осуществляющих общую, синхронизированную коммуникативную стратегию, предоставляет возможность:

- увидеть организацию коммуникативной работы, направленной на достижение конкретной цели;
- установить особенности синхронизации коммуникативной работы, осуществляемой разными субъектами на разных площадках: аксиосферу, систему регулятивов и эмоциональные детерминанты в этой работе;
- понаблюдать за тем, какие речевые приемы и способы используются в такой работе.

Траектории демонстрируют, каким образом реализуются цели информационных компаний, сопровождающих государственную политику.

Как любая деятельность, коммуникация характеризуется мотивацией, целью [1] и, по Выготскому, состоит из нескольких этапов – сбора информации, планирования, речевого воплощения и оценки эффективности выполненной работы.

В данной главе будет проанализировано три вида траекторий с применением методик, разработанных в русле лингвопраксиологического подхода:

- коммуникативное сопровождение в медиа отдельного направления деятельности;
- коммуникативное сопровождение события/мероприятия;
- принятие управленческого решения.

Эмпирическая база исследования – медиатексты, созданные в период публикации Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации» (2020 г.), во время подготовки и проведения Первого съезда Российского движения детей и молодежи (18-20 октября 2022 года), репрезентующие речевые действия, направленные на сообщение сведений, имеющих отношение к одному событию из дискурса о молодежи, но решающие разные коммуникативные задачи. Материал для исследования отбирался с применением методов сплошной и репрезентативной выборки.

Результаты и обсуждения

Коммуникативное сопровождение в медиа отдельного направления деятельности. Для анализа траектории коммуникативного сопровождения в медиа развития молодежного и детского (подросткового) парламентаризма как одного из ключевых направлений государственной молодежной политики были отобраны тексты, опубликованные после 22 декабря 2022 года. Это день заседания Государственного совета, посвященного вопросам реализации молодежной политики в современных условиях.

Принято считать, что данное направление ГМП формируется с 90-х годов прошлого столетия. Но

документально оно было закреплено только в 2003 году. Тогда же были опубликованы соответствующие рекомендации Министерства образования РФ (Рекомендации Министерства образования Российской Федерации по развитию молодежного парламентаризма – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901867048> (дата обращения: 19.07.2023), велись публичные дискуссии о нормативно-правовой базе данного направления ГМП (Нормативно-правовая база развития молодежного парламентаризма – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/92921/1/978-5-7996-3078-2_2020_049.pdf. (дата обращения: 19.07.2023)

Основа первого сегмента коммуникативной траектории – тексты, соответствующие коммуникативной установке на сообщение информации о ключевых дискурсивных событиях: создание в 2004 году Палаты молодых законодателей при Совете Федераций РФ, в 2005 году – Центра развития молодежного парламентаризма, в 2008 – Федерального агентства «Росмолодежь», в 2011 – Молодежного парламента при Государственной Думе РФ, программа деятельности которого была определена до 2021 года и предусматривала развитие коммуникативных и организаторских навыков участников молодежного движения. Также СМИ информировали об активизации Комитета Государственной Думы по молодежной политике, который занимался развитием студенческого самоуправления, принимал участие в создании Закона о волонтерстве, в совершенствовании Налогового кодекса РФ и т. д. (См. сайт Комитета Государственной Думы по молодежной политике – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://molpol.km.duma.gov.ru/> (дата обращения: 13.01.2023)

Иницилирующим расширению информационной зоны стал текст К. Журавлева, опубликованный в Газете.RU (22.12.2022). В тексте заседание Госсовета встраивалось в систему мероприятий, направленных на достижение одной коммуникативной цели (проект «Россия – страна возможностей», Первый съезд российского объединения детей и молодежи «Движение первых»), но решающие разные коммуникативные задачи.

В заголовок публикации был вынесен прямой призыв, фиксирующий основной принцип взаимодействия молодежи и власти: **«Дорогу молодым: Владимир Путин обозначил приоритеты молодежной политики».**

В лиде обозначены способы реализации данного принципа: **«возможность влиять на государственную политику, продвигать важные для се-**

бя решения и инициативы, а также находиться в прямом диалоге с властью.

Автор статьи обратил особое внимание на социальное значение достигнутых результатов государственной молодежной политики, *которые уже изменили жизнь страны и продолжают менять ее в будущем*: наиболее значимые волонтерские и образовательные проекты, заботу государства при рождении детей и приобретении жилья молодыми семьями.

В то же время в статье отмечается, *президент признал, что не все инициативы в области молодежной политики удалось успешно реализовать, однако призвал к поиску путей решения имеющихся проблем и сложностей*. В подтексте этого замечания – обращение к оппозиции, указание на открывающиеся возможности для сотрудничества.

Автор использует как мощный воздействующее средство – статистику, предоставленную наиболее авторитетным государственным источником.

Одним из вариантов дальнейшего расширения информационной зоны стали интервью организаторов события. Пример – видеointerview руководителя одного из круглых столов, губернатора Самарской области Д. Азарова, участника *подготовительного мозгового штурма* (Азаров Д. Интервью – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.com/video-150841265_456240703 (дата обращения: 12.07.2023)). Основное содержание интервью – уточнение цели коммуникативной траектории, презентующей в медийном пространстве, данное направление ГМП.

Коммуникативная задача формирования общественного отношения к этому направлению решалась координацией усилий по пропаганде его особого социального статуса, который закрепляется в разных вариантах, например, в разрабатываемой и продвигаемой СМИ концепции «Жизненный путь студента» (В Москве представили обновленные принципы развития молодежной политики и воспитательной деятельности в вузах – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27485/4694814/> (дата обращения: 18.07.2023))

Коммуникативное сопровождение проекта/мероприятия. Данный тип коммуникативной траектории разрабатывается в медиа особенно активно. Мы представляем анализ текстов, которые также подчиняются стереотипным технологическим требованиям к отработке политической деятельности в молодежной среде, но непременно обнаруживают свою специфику. Во-первых, коммуникативная траектория, продвигающая федеральный проект «Практическая Академия» для студентов средних профессиональных учебных

заведений, развертывался во времени практически линейно. Установочные публикации были посвящены первому этапу проекта. В этих публикациях определялись статус и цель проекта; задачи, стоящие перед его участниками; способы достижения зафиксированной в тексте цели.

Особое внимание уделялось описанию полезных результатов, специфика речевой формы которого определялось активным использованием восклицательных предложений, передающих эмоциональное отношение, выраженное формально, синтаксическим способом.

Второй сегмент коммуникативной траектории предполагал поддерживающие установочное сообщение о федеральном проекте смысловые повторы, подготавливающие введение уточняющей информации. Сообщение о полезных результатах становится доминирующим оценочно-когнитивным текстовым компонентом. Сильная позиция конца текста – призыв, обращенный к потенциальным участникам.

Интертекстовыми компонентами, формально обеспечивающими включенность публикаций в один гипертекст, становятся хэштеги: #РДДМ #ДвижениеПервых.

На следующем этапе продвижения проекта генерируются оценочные высказывания участников в интересах создателей проекта. Разнотипные оценочные суждения, как правило, направлены на формирование позитивного общественного отношения к проекту, на форматирование интереса целевой аудитории, мотивирующего возможность участия.

Коммуникативное сопровождение принятия управленческого решения. Стратегический подход, естественно, потребовал продвижения системы последовательных управленческих решений, направленных на достижение поставленных целей, которое невозможно без системного воздействия на «модель мира, систему ценностей, поведение» адресата, т.е. в данном случае молодежной аудитории. Соответствующую коммуникативную траекторию составили статья Е. Лазаревой «В России кардинально изменили подход к работе с молодежью» (URA.NEWS), А. Винокурова «Пионеры» поспорили с «Первыми» (Коммерсантъ. Политика), Е. Ламовой «Как прошел первый съезд всероссийского детского движения» (Общество), публикациям РБК, Википедии, на «Официальном портале правовой информации России», на «Сайте Комитета Государственной Думы по молодежной политике», на Ульяновском сайте ОФ «Безформата», посвященные подготовке и проведению Первого съезда Российского движения детей и молодежи.

Открытием реального стратегического статуса коммуникативной траектории стал диалог президента РФ с севастопольской шестиклассницей Дианой Красовской во время заседания наблюдательного совета проекта *«Россия-страна возможностей»*, состоявшегося в апреле 2022 года. По сути, этот диалог обозначил первый этап подготовки съезда ДДМ, молодежного движения, формирование которого к этому моменту уже обсуждалось в СМИ, как принципиально нового события. В интернете сразу же были размещено документальное подтверждение – видеозапись диалога школьницы с президентом. В подтекст данных информационных текстов уведена установка на убеждение адресанта в том, что движение инициировано «снизу», вызвано самыми настоятельными жизненными потребностями. В этом отношении особое значение имеют биографические уточнения: школьница восемь лет назад переехала в Крым из Луганска, активно общается со своими сверстниками, участвуя во всероссийском проекте. Широко освещавшийся во всех СМИ диалог стал стартом принципиально нового организационного этапа стратегической коммуникации, доминантным субъектом которой признаны представители молодежного движения, инициировавшие проведение учредительного съезда.

Судя по обнаруженной на сайте движения хронологии, событие развивалось стремительно, новостная плотность, охват публичного коммуникативного пространства постоянно наращивались:

- «Всероссийский слет детских общественных организаций «Первый в двадцать первом» (июнь);
- издание Закона «О российском движении детей и молодежи» (июль);
- учредительное собрание в «Артеке» (июль);
- в сентябре состоялись заседание Наблюдательного совета при поддержке В.В. Путина, конкурс соавторов, по России отправился «Поезд мечты», стартовал проект «Мы вместе, дети!».

Публикации, презентующие эти события, были в значительной степени нацелены на формирование отношения к ним, нового эмоционального состояния адресата [6]. Рассмотрим два типичных оценочных текста, авторы которых решают принципиально разные коммуникативные задачи. Первый принадлежит одному из разработчиков Закона «О российском движении детей и молодежи», чиновнику со значительным бюрократическим опытом, первому заместителю председателя Комитета ФС РФ по законодательству и государственному строительству Л. Глебовой, заявившей, что *«законопроект лишь оформляет уже сложившиеся общественные отношения, он не приносит ничего нового, лишь закрепляет намерения государства*

реализовать заботу о детстве» (В ОП РФ продолжается обсуждение проекта федерального закона «О российском движении детей и молодежи «Большая перемена» – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://opuo.ru/blog/2022/06/07/v-op-rf-prodolzhaetsya-obsuzhdenie-proekta-federalnogo-zakona-o-rossijskom-dvizhenii-detej-i-molodezhi-bolshaya-peremena/> (дата обращения: 18.07.2023). По сути, это высказывание можно расценивать как коммуникативную ошибку, спровоцированную намерением автора высказывания дискредитировать возможные критические оценки текста Закона.

Противоположное мнение было выражено Ю. Сарановой, председателем Комитета ГД РФ по молодежной политике, которая говорила о заложенных в законопроект основаниях для делового партнерства государства и НКО, о том, что законопроект подталкивает все заинтересованные стороны перейти от коммуникации к сотрудничеству. Стратегически важные высказывания Ю. Сарановой, широко растиражированные СМИ, вызвали острую дискуссию в Общественной палате РФ. Прозвучавшие во время дискуссии оценки сложившегося положения дел позволили участникам диалога сформулировать основные побудительные мотивы современного молодежного движения – добровольчество и патриотическое воспитание [9].

Кроме того, дискуссия была направлена на уточнение миссии молодежного движения, на идентификацию субъекта новой коммуникативной траектории. По сути, установочное осведомление было сосредоточено на убеждение адресата в том, что в новых условиях субъектом СК становятся сами дети и поддерживавший их инициативу, обладающий огромным кредитом всеобщего доверия, президент. В развитие этого участка информационной траектории многочисленные традиционные СМИ использовали следующие статистические данные: в работе съезда принимали участие представители всех 89 российских регионов – 16 делегатов из каждого региона (13 детей, 2 педагога-наставника и председатель).

Второй этап подготовки съезда оказался этапом вовлечения массовой аудитории в обсуждение названия нового молодежного движения – это оценочно-аналитическая фаза СК, направленная на поиск ответа на вопрос о конкретных задачах нового движения, его уникальности. Дискуссионность создаваемой коммуникативной траектории обеспечил чат-бот «ВКонтакте». Участники предложили несколько вариантов: *Пионеры, Юная Россия, Будущее России, Большая перемена*. В процессе обсуждения звучало предложение присвоить детскому движению имя *Ю.А. Гагарина*, которое

могло восприниматься не только как указание на историческую преемственность, но и на миссию новой организации. Как известно, название события является одним из ключевых средств презентации сверхзадачи (целевой установки). В данном случае целевая установка – в ассоциативном поле согласованного названия «*Движение Первых*».

Кульминационная коммуникативная линия – информационное сопровождение съезда, ставшего основным инструментом СК. Стереотипные сообщения о проведении съезда транслировались по всем российским медийным каналам. В телевизионных новостных блоках соответствующие информационные сообщения занимали сильные начальные позиции. Для предупреждения коммуникативных неудач предусматривались многочисленные повторы, жанровая вариативность формы осведомления (от информационных сообщений до репортажей и мини-интервью с участниками события) и многоканальность отправки сообщений (от радиальных каналов до самых популярных интернет-площадок в социальных сетях). Установочная информация о съезде заставляла воспринимать это событие как коммуникативное пространство поиска решения тех задач государственной молодежной политики, которые были обозначены в Законе 1920 года, но так и не реализовались как раз из-за отсутствия стратегического планирования.

Кодирование миссии события было предложено в видеообращении к съезду президентом В.В. Путиным. Причем, в обращении была представлена очевидная и характерная для СК ориентация на временной фактор. С одной стороны, вполне традиционные задачи молодежного движения вводятся в современный контекст. С другой, для решения этой задачи используется в качестве основной семантической опоры константное для национальной культуры понятие «*справедливость*».

На заключительном этапе работы съезда миссия РДЦМ бала определена как 5 «*быть*» (*быть с Россией, быть человеком, быть вместе, быть в движении, быть первыми*) и названы 11 базовых ценностей: *жизнь и достоинство, патриотизм, дружба, добро, справедливость, мечта, созидательный труд, взаимопомощь и взаимоуважение, единство народов России, историческая память, служение Отечеству, крепкая семья*. По сути, это эффективный речевой формат декларации, на основании которой по завершении форума развитие коммуникативной траектории должно быть направлено на выработку и принятие конкретных управленческих решений.

Анализируя коммуникативную траекторию, мы обнаружили интенсивное формирование «шумовых помех», многие из которых способны коррек-

тировать уже сложившееся представление и о субъекте стратегической коммуникации, и о предмете. Проанализированный материал позволяет говорить о том, что медийное представление Первого съезда Российского движения детей было представлено в СМИ как коммуникативная траектория продвижения управленческого решения, реализующего государственную молодежную политику РФ. Развитие данной инициативы конкретизировалось вегетативно – в появлении новых событийных коммуникативных траекторий, направленных на решение конкретных задач.

Выводы

Очевидно, что создаваемые в процессе СК коммуникативные траектории, которые реализуются в медийном пространстве, направлены на интерпретацию продвигаемого направления деятельности, события, управленческого решения в трех основных аспектах: передача цели, информирование массовой аудитории о релевантных фактах; придание оценочного содержания; поддержка и развитие инициативы организаторов.

Также отметим следующее. Современная российская молодежь сталкивается с разнообразными вызовами, нами отмечены лишь некоторые из них. Задача медиадискурса молодежной политики – помочь государству ответить на эти вызовы, превратить молодежь в «активного субъекта преобразования общества, драйвера развития и лидерства страны». Информационное сопровождение должно способствовать формированию устойчивой системы новых ценностей, которая неизбежно будет влиять и на систему национальных интересов – важнейшая цель стратегической коммуникации [8].

В основу стратегической коммуникации ложатся сформулированные в данной главе представления о заложенных в государственных правовых актах ценностях молодежной политики, так как стратегическая коммуникация не может быть состоятельной без презентации национальных и государственных ценностей, сформулированных в правовых документах. Базовыми ценностными координатами являются представления, зафиксированные в концептах *труд, взаимопомощь, патриотизм*,

Разработанная и действующая коммуникативная траектория по реализации цели и задач государственной молодежной политики в соответствии с теорией СК характеризуется фазовостью. Каждая фаза в развитии коммуникативной траектории имеет классические доминирующие модусные характеристики: первая – осведомительная, предполагает внедрение в массовое сознание информации о событии (осведомление массовой аудитории); на

второй появляются – оценочные тексты и суждения, направленные прежде всего на анализ ситуации, на осознание уже допущенных просчетов и ошибок, на их нейтрализацию; третья – вербализация процесса выработки модели действия, позволяющей реализовать поставленные, откорректированные и принятые адресатом цели и задачи. Основным каналом презентации государственной молодежной политики являются молодежные СМИ.

Наконец, наш материал показывает, что в процессе разработки специальной коммуникативной траектории должны участвовать профессионалы, способные презентовать необходимую информацию, выявлять и нейтрализовать допущенные коммуникативные ошибки, сбои, помехи и шумы

[10]. Эффективность СК в значительной степени определяется реализацией научного подхода к процессу создания специальной коммуникативной траектории, предполагающего учет всех обозначенных выше обстоятельств, преодоление установок на использование классических информационных медиажанров, ориентации исключительно на формировавшиеся на рубеже веков западноевропейские образцы.

Описанная в данной главе речевая модель информационного сопровождения молодежной политики при нейтрализации выявленных проблем и недостатков может и должна стать механизмом, поддерживающим политические усилия государства в отношении молодежи.

Список источников

1. Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. М.: Индрик, 2003. С. 386 – 396.
2. Васильева В.В., Дускаева Л.Р., Иванова Л.Ю. Личность адресата в массовой коммуникации // Личность в координатах массмедиа. СПб, Алетейя, 2020. С. 187 – 218.
3. Медиалингвистика в терминах и понятиях. Словарь-справочник. М.: Флинта, 2018. 440 с.
4. Дускаева Л.Р. Векторы праксиологического анализа в медиалингвистике // Медиалингвистика. 2019. Т. 6. №1. С. 4 – 18.
5. Дускаева Л.Р. Лингвистические координаты медиадискурса // Медиалингвистика в славянских странах. М.: Флинта, 2020. С. 223 – 250.
6. Трыщинская М. Кинематографический дискурс об эмоциях на примере детского анимационного фильма «Головоломка» Пита Доктера // Медиалингвистика. 2022. Т. 9. № 1. С. 15 – 31.
7. Хофман И. Стратегии информирования о журналистских наградах и стипендиях в Польше (1989-2018) // Медиалингвистика. 2019. Т. 6. № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://medialing.ru/vektory-praksiologicheskogo-analiza-v-medialingvistike/> (дата обращения 12.01.2023)
8. Цветова Н.С. Ментальное пространство России в медийном измерении // Филологические науки. Научные доклады высшей школы, 2021, № 5. С. 3 – 12.
9. Цветова Н.С. Актуальные медиаконцепты: динамика ценностных смыслов // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 4. С. 107 – 116.
10. Цветова Н.С. Критика медиаречи как вектор развития медиалингвистики // Медиалингвистика. 2020. Т. 7. № 3. С. 280 – 292.
11. Циманов-Сосин К., Циманов П. Чехановский М. Реклама как пример медиальной персуазии с использованием современных типов нарративов // Медиалингвистика. 2022. Т. 9. № 2. С. 126 – 139. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://medialing.ru/vektory-praksiologicheskogo-analiza-v-medialingvistike/> (дата обращения 12.01.2023)

References

1. Arutyunova N.D. Target language. Logical analysis of language. Favorites. 1988-1995. M.: Indrik, 2003. P. 386 – 396.
2. Vasilyeva V.V., Duskaeva L.R., Ivanova L.Yu. Personality of the addressee in mass communication. Personality in mass media coordinates. St. Petersburg, Aletheia, 2020. P. 187 – 218.
3. Media linguistics in terms and concepts. Dictionary-reference book. M.: Flinta, 2018. 440 p.
4. Duskaeva L.R. Vectors of praxeological analysis in medialogistics. Medialogistics. 2019. T. 6. No. 1. P. 4 – 18.
5. Duskaeva L.R. Linguistic coordinates of media discourse. Medialogistics in Slavic countries. Moscow: Flinta, 2020. P. 223 – 250.
6. Tryshchinskaya M. Cinematographic discourse on emotions using the example of the children's animated film "Inside Out" by Pete Doctor. Medialogistics. 2022. Vol. 9. No. 1. P. 15 – 31.

7. Hoffman I. Strategies for Informing about Journalistic Awards and Scholarships in Poland (1989-2018). Medialinguistics. 2019. Vol. 6. No. 4. [Electronic resource]. Access mode: <https://medialing.ru/vektory-praksiologicheskogo-analiza-v-medialingvistike/> (date of access 12.01.2023)

8. Tsvetova N.S. Mental space of Russia in the media dimension. Philological sciences. Scientific reports of higher education. 2021. No. 5. P. 3 – 12.

9. Tsvetova N.S. Current media concepts: the dynamics of value meanings. Humanitarian vector. 2021. Vol. 16. No. 4. P. 107 – 116.

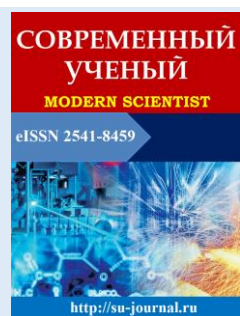
10. Tsvetova N.S. Criticism of media speech as a vector of development of media linguistics. Medialinguistics. 2020. Vol. 7. No. 3. P. 280 – 292.

11. Tsimanov-Sosin K., Tsimanov P. Chekhanovsky M. Advertising as an example of medial persuasion using modern types of narratives. Medialinguistics. 2022. Vol. 9. No. 2. P. 126 – 139. [Electronic resource]. Access mode: <https://medialing.ru/vektory-praksiologicheskogo-analiza-v-medialingvistike/> (date of access 12.01.2023)

Информация об авторе

Шакалов И.И., кандидат социологических наук, доцент, генеральный директор, Фонд развития Краснодарского края, 350911, г. Краснодар, ул. Трамвайная 2/6, shakalov_ilya1@mail.ru

© Шакалов И.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 808.5

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-88-93

Границы понятия "вторичный текст" в отечественной лингвистике

^{1, 2} Колотов М.В.

¹ Глазовский государственный инженерно-педагогический университет,

² Пермский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация: в данной статье тщательно исследуется вопрос о том, как определяется термин «вторичный текст» в рамках различных подходов. Выделяются ключевые подходы к изучению границ этого понятия, проводя детальный анализ разнообразных мнений авторов по данной теме. Внимание уделено обзору научно-практических исследований, что позволяет получить более глубокое понимание дискуссионности понятия. При анализе работ становится ясно, что термин «вторичный текст» при своем появлении имел скорее литературоведческую семантику, которая по мере роста исследований по данной теме становилась более узкой и языковедческой. Статья завершается выводами, в которых автор стремится синтезировать общее определение понятия «вторичный текст», подчеркивая его многогранность и значимость в контексте современных филологических исследований. Этот анализ может послужить ориентиром для будущих исследований, открывая новые горизонты для понимания сложных текстовых структур.

Ключевые слова: вторичный текст, материал, лингвистика, источник, первоисточник

Для цитирования: Колотов М.В. Границы понятия "вторичный текст" в отечественной лингвистике // Современный ученый. 2025. № 1. С. 88 – 93. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-88-93

Поступила в редакцию: 14 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 14 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

The boundaries of the concept of "secondary text" in Russian linguistics

^{1, 2} Kolotov M.V.

¹ Glazovsky State Engineering and Pedagogical University,

² Perm State National Research University

Abstract: this article carefully examines the issue of how the term “secondary text” is defined within the framework of various approaches. Key approaches to studying the boundaries of this concept are highlighted, conducting a detailed analysis of various opinions of authors on this topic. Attention is paid to the review of scientific and practical research, which allows for a deeper understanding of the controversial nature of the concept. When analyzing the works, it becomes clear that the term “secondary text” when it appeared had rather literary semantics, which, as research on this topic grew, became narrower and more linguistic. The article ends with conclusions in which the author seeks to synthesize a general definition of the concept of “secondary text”, emphasizing its versatility and significance in the context of modern philological research. This analysis can serve as a guide for future research, opening up new horizons for understanding complex text structures.

Keywords: secondary text, material, linguistics, source, primary source

For citation: Kolotov M.V. The boundaries of the concept of "secondary text" in Russian linguistics . Modern Scientist. 2025. 1. P. 88 – 93. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-88-93

The article was submitted: September 14, 2024; Approved after reviewing: November 14, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

На современном этапе в лингвистических суждениях часто употребляются понятия "первичный" и "вторичный" тексты (далее ВТ), что значительно отличается от ситуации двадцать лет назад. Тогда исследований, затрагивающих вопрос о вторичности текстов, практически не существовало, а сам термин "ВТ" использовался больше для описания информационных материалов типа аннотаций или рефератов, причем в фокусе внимания были научные и технические документы. В текущем столетии количество работ в области лингвистики, литературоведения и культурологии, затрагивающих вопросы вторичности, значительно увеличилось, что свидетельствует о растущем интересе к данной тематике. Основываясь на понимании того, что вторичность присуща материалам в качестве фундаментального свойства, можно утверждать о существовании данного явления как главной текстовой категории. Идея о том, что каждое авторское примечание включает в себя повторное использование уже известных мотивов и сюжетов, была впервые систематизирована А.Н. Веселовским более века назад через его концепцию о «миграции сюжетов». Это положило начало пониманию интертекстуальности и вторичности набора предложений. Веселовский подчеркивал, что уникальность текста определяется не новизной мотивов, а способностью автора творчески их переосмысливать и сочетать. Ц. Тодоров также акцентировал внимание на вторичности, подчеркивая ее значение как универсальной категории, отмечая, что важно не только откуда берутся элементы текста, сколько как они обрабатываются и представляются заново [13].

Целью исследования является определение границ понятия «ВТ» в отечественной лингвистике.

Материалы и методы исследований

Анализ научно-практической литературы, синтез мнений, обобщение, описательный метод, сравнение. В эпоху цифровых технологий, ВТ, созданные на основе первоначальных данных, играют первостепенную роль. Чтобы погрузиться в изучение первоисточника, читателю предварительно нужно определить, какой материал будет ему наиболее интересным и актуальным. В этом процессе он зачастую опирается на упрощенные версии документов, которые фильтруют и конден-

сируют основную информацию из оригинала. Это приводит к возрастающему спросу на контент, который был переработан и адаптирован для удобства восприятия [7].

Результаты и обсуждения

Определение "ВТ" относится к широко используемой концепции в областях научных исследований, официальной документации, юриспруденции, а также в других сферах общения. Это понятие имеет разностороннее толкование. С одной стороны, оно включает в себя разнообразие форм: начиная от аннотаций заканчивая библиографическими данными, перечнями участников и аннотационными комментариями.

Во-первых, понятие "ВТ" можно понимать как любое произведение, которое было создано на основании другого, первоначального текста. Это может быть любая работа, интерпретирующая, анализирующая или иным образом основывающаяся на первичном материале. Согласно Исенбаевой, это обозначает любую лингвистическую структуру, которая воплощает в себе усилия человека по пониманию и анализу оригинала через собственную речевую и мыслительную активность. Таким образом, данная категория включает в себя широчайший спектр различных текстов. Однако некоторые ученые предпочитают сужать рамки понятия "ВТ", привнося в его определение определенные ограничения [6].

Герар Женетт ввел термин и понятие "паратексты", которые служат своего рода мостом между произведением литературы и его пониманием в реальном мире, подобно рамке, задающей направление интерпретации материала. Эти элементы, располагаясь на границе между литературным творением и его внешним восприятием, объединяют в себе как визуальные аспекты оформления (например, обложка, название, аннотация), так и внешние промо-материалы, включая интервью с автором. Они функционируют как указания к прочтению, отражая намерения автора и издателя, и являются своего рода "маргинальными" подсказками для толкования текста [5].

Определение и выделение границ понятия "ВТ" представляет собой сложную задачу. Это обусловлено тем, что оно воспринимается по-разному в различных областях, таких как литературная критика, теория информации, лингвистика и изучение литературы. Исследование ВТ, рассматриваемых

через призму лингвистического анализа, насчитывает более пятидесяти лет и связывает в себе элементы, на первый взгляд не сопоставимые между собой: с одной стороны, это включает теорию информации, обработку данных, составление аннотаций и рефератов, с другой – литературное творчество и филологический анализ текстов. Важный вклад в развитие понимания теории деятельности, связанной с ВТ, внесли научные труды А.И. Новикова и его последователей. Ученые полагают, что создание наборов предложений, как первичных, так и вторичных, зависит от определенных процессов, требующих разнообразных стимулов для активации. В основе инициации первоначального текста лежит концепция, которая развивается из первоначальной идеи. Она представляет собой потенциальную основу для многочисленных материалов, но именно уникальный замысел создателя придает этой идее определенную форму и направление развития [1].

Концепция, предложенная М.В. Вербицкой, решила многие вопросы в определении текстов, создаваемых на базе уже имеющихся материалов, но она ограничена рамками лишь литературоведческого применения, в то время как область осмысления вторичности текстов неизмеримо шире. Соответственно, нельзя утверждать, что Вербицкая создала общую «теорию вторичных текстов» [9].

В рамках другого, деривационного подхода в лингвистике происходит революция в понимании того, что считается первичными и вторичными текстами. К объектам изучения относят переработки исходных текстов, включая римейки, переводы, пародии, подражания, стилизации, перепевы, переложения и творческие вариации. Этот подход отмечает начало новой эры в изучении текстов, где границы между исходным и производным материалом стираются, предоставляя богатую почву для анализа и интерпретации. Все упомянутые формы текстов, включая отредактированные версии, аннотации к законодательным документам, черновики, религиозные обращения, прямые цитаты, устные заметки, схемы, определенные типы отчетов, репортажи, а также другие подобные материалы, не возникают сами по себе. Они производятся только после оценки и интерпретации исходного материала, который служит фундаментом. Таким образом, каждый текст, который не является исходным материалом, может в определенных обстоятельствах стать основой для создания новых текстовых форм, превращаясь из производного в источник информации [14].

Н.Д. Голев подчеркивает значение анализа первоисточников через призму дериватологии,

утверждая, что процесс порождения текста из существующего включает в себя деривационный элемент, где начальный материал не только претерпевает изменения по определённым правилам, но и продолжает влиять на новообразованный текст, играя ключевую роль в его структуре. Таким образом, Голев приходит к мнению, что новый текст является не просто переработкой, а логическим продолжением и развитием исходного, выполняя его функции и расширяя горизонты его значения. В дискуссиях о деривационном методе анализа текстов, который рассматривает его как продукт преобразований, специалисты не пришли к общему мнению по вопросу, какие аспекты набора предложений должны подлежать трансформации. Н.Д. Голев в своей широкой трактовке процесса деривации, подчеркивает, что изменения могут касаться множества элементов текста, включая его форму, смысл и назначение [3].

А.А. Дьякова предлагает уникальный взгляд на процесс трансформации текста, заостряя внимание на том, что его переосмысление происходит через его вторичное языковое отображение. Таким образом, материал, прошедший через процесс трансформации, предстает не просто как альтерация его первоначальной структуры, а как новая языковая конструкция, заново интерпретирующая изначальные идеи. Это предполагает, что вместо прямой трансляции основных мыслей, используются инструменты языка, позволяющие представить знакомую информацию в новой форме, тем самым обогащая текст новым содержанием и смыслом. Эти предложения не претерпевают каких-либо модернизаций в своей поверхностной структуре; их структура складывается таким образом из-за своих особых функций, не связанных напрямую с исходным материалом. В этом контексте, взгляды А.А. Дьяковой, подчеркивающие важность передачи концептуального содержания оригинального текста в адаптированном толковании, отражают функциональный аспект создания текста, отличного от источника [4].

С другой стороны, Л.Г. Буданова ограничивает свое исследование изменениями в исходном тексте, касающимися лексики, семантики, морфологии, синтаксиса, структуры и текстовой композиции, сосредотачиваясь на морфемных и словообразовательных изменениях, возникающих в процессе трансформации [2].

В методике, известной как интерпретационный подход, ключевой фокус лежит на механизме толкования при создании текстов, которые не являются оригиналами. Этот способ выделяется тем, что в его основе лежит стремление разгадать загадку, не затронутую в рамках производных тео-

рий - каким образом формируются подобные тексты. Определяющими чертами данных материалов являются их зависимость от первичного понимания оригинала, проявляющегося через кратчайшее изложение его сути, зарождающееся в мыслительном процессе, и их отсутствие полной функциональной, смысловой и структурной независимости.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к пониманию, что, когда содержание одного текста находит свое отражение в другом, последний следует рассматривать как производное от первого, олицетворяющее понимание оригинала. Опыт восприятия и интерпретации предложения, как подчеркивают исследователи, приводит к трансформации его сущности в уникальное умственное образование, которое может быть охарактеризовано различным образом, включая термины «тема текста» (упомянутые А.И. Новиковым и Н.Л. Сунцовой), «смысловой сгусток» (по Н.Д. Голеву), или «концепт текста» (согласно Т.Н. Коржу). Это образование представляет собой переработку мыслей автора читателем, который трансформирует его в свой личный конструкт, отражающий реальность, но уже преобразованную через призму интеллектуального процесса [10].

Исследования в данной области подчеркивают, что создание текста, не имеющего прямого источника, основывается на ментальном процессе. Он включает в себя разворачивание центральной идеи, из которой, в зависимости от подхода, может проистекать не только один уникальный текст, но и серия подобных материалов. Эти ВТ, хотя и различаются формой и в некоторой степени содержанием, сохраняют между собой существенную схожесть как в смысловом, так и в структурном плане [8, 10, 12].

Анализируя то, как мы понимаем написанное автором, А.А. Леонтьев приходит к выводу, что это можно сравнить с преобразованием значения данного материала в другой вид его фиксации. Эта идея, рассматривающая понимание как процесс преобразования (или переформулирования), находит свое происхождение в работах семиотика Ч. Пирса. Пирс аргументирует, что смысл любого символа может быть переведен через его толкование с использованием другого символа. Следовательно, с точки зрения Пирса, интерпретация влечет за собой переформулирование с использованием другого семиотического материала, который не обязан быть исключительно языковым [11].

В области изучения языковых процессов, Р. Якобсон, наследуя идеи Ч. Пирса, утверждает, что для понимания любого лингвистического феномена необходимо анализировать его через преобра-

зование существующих знаков в другие знаки, будь то в рамках одной языковой системы или с переходом в другую систему символов. Такое утверждение подчеркивает семиотический метод в интерпретации языковых явлений, предложенный Якобсоном и Пирсом. В своих работах, особенно в статье о лингвистических аспектах перевода, Якобсон выделяет три главных способа интерпретации: переименование, представляющее собой перевод внутри одного языка; межъязыковой перевод, когда интерпретация осуществляется через призму другого языка; и трансмутацию, означающую перевод вербальных знаков средствами невербальной коммуникации [15].

Выводы

Таким образом, важно подчеркнуть, что создание нового текста изначально требует тщательного анализа и понимания исходного материала, вне зависимости от его формы. Качество переработанного ВТ напрямую зависит от глубины и правильности интерпретации первичного источника. Поэтому, для того чтобы ВТ мог адекватно выполнять свои функции, необходим строгий подход к анализу исходного текста, отказ от случайного и непродуманного восприятия. Это подразумевает, что успех в создании ВТ заключается в предварительном глубоком понимании оригинального контента.

На наш взгляд ВТ может истолковываться различными способами. В действительности, мы подтверждаем, что многообразие интерпретаций есть неотъемлемая часть текстового содержания. Однако, возможность разных толкований напрямую связана с тем, насколько материал способен эффективно выполнять свою роль, задуманную создателем. Это означает, что разные понимания ВТ имеют свою значимость и влияние на читателя, что является ключевым для достижения целей, заложенных в нем.

На основе вышесказанного была сформулирована концепция ВТ, исходя из анализа взглядов на этот вопрос, как лингвистов, так и специалистов в области текстологии, упомянутых в статье. ВТ представляет собой лингвистическую структуру, основная задача которой заключается в посреднической коммуникации, а не в прямой передаче информации. Источник сведений для такого вида текста – это уже существующий семантический контент. Вторичный текст является самостоятельным образованием, которое не ограничивается границами текущего материала, и его изменения определяются не только языковыми нормами, сменой точки зрения, авторства и авторского замысла, но и знаниями читателя о мире за пределами ВТ.

Список источников

1. Атлас А. Вторичный текст: вариативность использования элементов повествования текста-источника // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2015. № 175. С. 5 – 16.
2. Буданова С.Г. Текст диктанта как вторичный текст: особенности трансформации первоисточника на деривационном уровне // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12 (90). С. 274 – 277.
3. Голев Н.Д., Сайкова Н.В. К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов // Алтайские лингвистические страницы. Барнаул. 2008. Режим доступа: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z89.html> (дата обращения: 05.09.2019)
4. Дьякова А.А. Интердискурсивная адаптация текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 20 с.
5. Заика В.И., Яшина Д.С. Учебный вторичный текст: к вопросу о содержании понятия // Ученые записки НовГУ. 2023. № 6 (51). С. 729 – 743. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51)
6. Исенбаева Г.И. Методология порождения вторичного текста: когнитивный аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2010. С. 38.
7. Касимова С.В. Содержание и границы понятия "вторичный текст" // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 2. С. 28 – 31.
8. Корж Т.Н. Концептуальная модель порождения вторичного текста // Психология, педагогика, образование: актуальные и приоритетные направления исследований: материалы конференции. 23 ноября 2017 г. Омск. С. 168 – 171.
9. Маркина-Гурджи М.Г. Основные подходы к описанию вторичных ("неисходных") текстов // Филологический аспект. 2019. № 10 (54). С. 126 – 140.
10. Нестерова Н.М., Попова Ю.К. О проблеме дифференциации первичных и вторичных текстов // Вестник Пермского национально исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 4. С. 52 – 61.
11. Леонтьев А.А. Предисловие // Всесоюзная научно-практическая конференция «Психолого-педагогические проблемы обучения технике чтения, смысловому восприятию и пониманию текста»: материалы конференции. М. 1989. 185 с.
12. Пешкова Н.П. Понимание и порождение: алгоритмы продуцирования вторичного текста // Доклады Башкирского университета. 2017. Т. 2. № 4. С. 665 – 559.
13. Попова Ю.К. Межтекстовые отношения и их трансляция (на материале англоязычных постмодернистских художественных текстов и их переводов): дис. ... канд. филол. наук / Место защиты: Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2016. 210 с.
14. Чувакин А.А., Бровкина Ю.Ю., Волкова Н.А., Никонова Т.Н. К проблеме деривационной текстологии // Человек – коммуникация – текст / Под ред. А.А. Чувакина. Том Выпуск 4. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2000. С. 5 – 28.
15. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Избранные работы. М.: «Прогресс». 1985. С. 361 – 369.

References

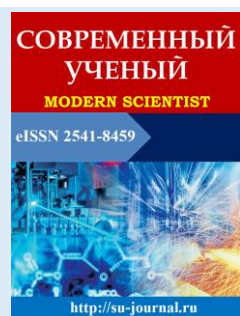
1. Atlas A. Secondary text: variability of using narrative elements of the source text. Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 2015. No. 175. P. 5 – 16.
2. Budanova S.G. Dictation text as a secondary text: features of the transformation of the primary source at the derivational level. Philological sciences. Theoretical and practical issues. 2018. No. 12 (90). P. 274 – 277.
3. Golev N.D., Saykova N.V. On the basis of derivational interpretation of secondary texts. Altai linguistic pages. Barnaul. 2008. Access mode: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z89.html> (date accessed: 05.09.2019)
4. Dyakova A.A. Interdiscursive adaptation of the text: author's abstract. dis. ... candidate of philological sciences. Volgograd, 2009. 20 p.
5. Zaika V.I., Yashina D.S. Educational secondary text: on the content of the concept. Scientific notes of Novgorod State University. 2023. No. 6 (51). P. 729 – 743. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51)
6. Isenbaeva G.I. Methodology of secondary text generation: cognitive aspect: author's abstract. dis. ... doctor of philological sciences. Ufa, 2010. P. 38.
7. Kasimova S.V. Content and boundaries of the concept "secondary text". Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2010. No. 2. P. 28 – 31.

8. Korzh T.N. Conceptual model of secondary text generation. Psychology, pedagogy, education: current and priority research areas: conference materials. November 23, 2017 Omsk. P. 168 – 171.
9. Markina-Gurji M.G. Basic approaches to the description of secondary ("non-source") texts. Philological aspect. 2019. No. 10 (54). P. 126 – 140.
10. Nesterova N.M., Popova Yu.K. On the Problem of Differentiation of Primary and Secondary Texts. Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Problems of Linguistics and Pedagogy. 2017. No. 4. P. 52 – 61.
11. Leontiev A.A. Preface. All-Union Scientific and Practical Conference "Psychological and Pedagogical Problems of Teaching Reading Techniques, Semantic Perception and Understanding of the Text": Conference Proceedings. Moscow, 1989. 185 p.
12. Peshkova N.P. Understanding and Generation: Algorithms for Producing a Secondary Text. Reports of the Bashkir University. 2017. Vol. 2. No. 4. P. 665 – 559.
13. Popova Yu.K. Intertextual relations and their translation (based on English-language postmodernist fiction texts and their translations): diss. ... Cand. of Philological Sciences. Place of protection: Perm State National Research University. Perm, 2016. 210 p.
14. Chuvakin A.A., Brovkina Yu.Yu., Volkova N.A., Nikonova T.N. On the problem of derivational textology. Man – communication – text. Ed. A.A. Chuvakin. Volume Issue 4. Barnaul: Altai State University, 2000. P. 5 – 28.
15. Jacobson R. On the linguistic aspects of translation. Selected works. Moscow: "Progress". 1985. P. 361 – 369.

Информация об авторе

Колотов М.В., ассистент, Глазовский государственный инженерно-педагогический университет; аспирант, Пермский государственный национальный исследовательский университет

© Колотов М.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81.34

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-94-100

Фонетика как ключевой элемент в преподавании русского языка: анализ недостатков на китайском рынке

¹ Син Чуньюй

¹ Российский государственный университет им. А.И. Герцена

Аннотация: в статье рассматривается проблема преподавания фонетики как ключевого элемента в преподавании русского языка в контексте выявления недостатков на китайском рынке. Статья посвящена проблемам преподавания фонетики русского языка китайским студентам, изучающим русский язык. Основное внимание уделено сложности, связанной с фонетическими различиями между китайским и русским языками, которые оказывают значительное влияние на процесс обучения. Особые трудности вызывают звуки, отсутствующие в китайском, такие как [р], [ж], [з], а также проблемы с ударением, что затрудняет понимание и интерпретацию речи. В статье подчёркивается, что правильное произношение является ключевым элементом для успешного усвоения языка. Автор описывает, что китайские преподаватели часто используют наработки российских учёных, таких как В. И. Чернышев и Е. А. Брызгунова, чьи исследования интонации и фонетики оказались крайне важными для преподавания. В процессе исследования была установлена двоякая ситуация: с одной стороны, недостаточное количество пособий и методик, созданных китайскими авторами; с другой стороны, очевидный всплеск научных и методических изысканий, целью которых является заполнение существующей ниши. В статье предлагаются рекомендации по обучению: акцент на правильное произношение, изучение интонации и использование методов сопоставления, что помогает китайским студентам избежать акцента. Подчёркивается важность работы преподавателей над развитием собственных профессиональных навыков и умением адаптировать обучение под специфические фонетические трудности китайских учащихся.

Ключевые слова: русская фонетика, китайская аудитория, преподавание, русский язык, китайский язык

Для цитирования: Син Чуньюй Фонетика как ключевой элемент в преподавании русского языка: анализ недостатков на китайском рынке // Современный ученый. 2025. № 1. С. 94 – 100. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-94-100

Поступила в редакцию: 14 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 14 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Phonetics as a key element in teaching Russian: an analysis of shortcomings in the Chinese market

¹ Xing Chunyu

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia

Abstract: the article examines the problem of teaching phonetics as a key element in teaching Russian in the context of identifying shortcomings in the Chinese market. The article is devoted to the problems of teaching Russian

phonetics to Chinese students studying Russian. The main attention is paid to the complexity associated with the phonetic differences between Chinese and Russian, which have a significant impact on the learning process. Particular difficulties are caused by sounds that are absent in Chinese, such as [r], [zh], [z], as well as problems with stress, which complicates understanding and interpreting speech. The article emphasizes that correct pronunciation is a key element for successful language acquisition. The author describes that Chinese teachers often use the work of Russian scientists such as V. I. Chernyshev and E. A. Bryzgunova, whose studies of intonation and phonetics turned out to be extremely important for teaching. In the course of the study, a dual situation was established: on the one hand, an insufficient number of manuals and methods created by Chinese authors; on the other hand, there is an obvious surge in scientific and methodological research aimed at filling the existing niche. The article offers recommendations for teaching: an emphasis on correct pronunciation, the study of intonation and the use of matching methods, which helps Chinese students avoid an accent. The importance of teachers' work on developing their own professional skills and the ability to adapt teaching to the specific phonetic difficulties of Chinese students is emphasized.

Keywords: Russian phonetics, Chinese audience, teaching, the Russian language, the Chinese language

For citation: Xing Chunyu Phonetics as a key element in teaching Russian: an analysis of shortcomings in the Chinese market. Modern Scientist. 2025. 1. P. 94 – 100. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-94-100

The article was submitted: September 14, 2024; Approved after reviewing: November 14, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Фонетика русского языка представляет значительную трудность для китайских студентов, приступивших к его изучению. В первую очередь, сложность состоит в большой разнице между русским и китайским языком на всех уровнях, в том числе, и на фонетическом. Между тем, игнорировать фонетику при изучении языка невозможно, так как от успешного освоения именно этой области зависит эффективность и результат процесса в целом.

Практика подтверждает, что основная трудность для китайских студентов – это фонетика. Некоторые звуки в русском языке, такие как [p], [ж], [з] и другие, не встречаются в китайском, поэтому в начале обучения важно обратить внимание на правильное произношение этих звуков. Если есть проблемы с произношением, то возникнут трудности с усвоением лексики, смысл не будет понят, а текст будет неверно интерпретирован/ Камнем преткновения может стать и ударение. Китайские студенты часто отмечают, что им сложно перечитывать русские слова, что также связано с особенностями китайского языка.

Ван Дэндэн пишет: «Произношение настолько важно, что в общении нарушение звучания слов и их произносительной структуры, включающей в себя произношение звуков, ритмику слова и интонацию, приводит к непониманию, даже если нет ошибок грамматических или лексических» [1, с. 76].

Отметим, что в настоящее время интерес китайских граждан к русскому языку и русской культуре будет растёт в результате постепенного

укрепления российско-китайского сотрудничества в области науки, техники и гуманитарного взаимодействия, и тесных отношений между Китаем и Россией.

Однако, несмотря на этот факт, на китайском рынке практически отсутствуют учебники и пособия по русской фонетике. Известно, что китайские преподаватели пользуются наработками и материалами российских исследователей и педагогов – как классическими, так и современными.

Материалы и методы исследований

Основу исследования составили труды ведущих российских лингвистов, таких как В.И. Чернышев, Д.Н. Ушаков, Р.И. Аванесов и Е. А. Брызгунова, а также анализ методик и публикаций китайских авторов, включая Ван Минъюя, Ван Сяньжуна и Чжан Цзиньпина.

Методологическая часть исследования включала сравнительный анализ русских и китайских фонологических систем для выявления ключевых отличий, создающих трудности у китайских студентов. Применялся метод сопоставления, который позволил исследовать специфику произносительных ошибок и фонетических особенностей, возникающих при изучении русского языка. Были использованы эмпирические данные, полученные из педагогической практики крупных китайских вузов, таких как Хэйлунцзянский университет и Пекинский университет, а также результаты наблюдений за обучающимися.

Кроме того, для оценки эффективности существующих методик обучения и определения оптимальных путей их совершенствования применялись методы опросов и интервью, что позволило

уточнить основные препятствия и успешные практики в обучении фонетике.

Результаты и обсуждения

В то же время, наблюдается, что китайские исследователи стремятся решить эту проблему и даже создают свои методики. Об интересе китайской лингвистики и педагогики к русской фонетике и её преподаванию свидетельствуют труды таких авторов, как Ван Минъюя [2], Ван Сяньжуна [3], Вэня Суя [4], Ма Фуцзюя [5], Чжан Цзиньпина [7], Чжоу Хайян [8], Чжу Юй Фу [9].

Примечательно, что в преподавании русского языка, в целом, и фонетики, в частности, китайские педагоги обращаются к традициям российской педагогической науки. На это обстоятельство делает акцент Чжоу Хайян, которая пишет о том, что в китайские преподаватели используют учёных XX века – например, В.И. Чернышева («Правильность и чистота русской речи»), Д.Н. Ушакова («Произношение русского языка», «Русская орфоэпия и её задачи»). Одним из наиболее влиятельных является филолог Р.И. Аванесов, в работах которого основное внимание уделяется фонологическим фактам, приоритет отдается акустическим аспектам системы гласных («Литература и диалект», «Русская. Фонетика», «Русское литературное произношение» и др.) [8, с. 80].

Чжоу Хайян указывает, что в 1970-е годы развитие этого вопроса становится всё более обширным, благодаря исследованиям фонетиста Е.А. Брызгуновой, которая занималась преподаванием русского языка как иностранного и разработала полноценную теорию русской интонации, которую она заключила в своей работе по фонетике «Звуки и интонация русской речи». В своей фонологической работе «Звуки и интонация речи» он свел русскую интонацию к семи режимам, приняв во внимание большое количество акустических экспериментов, режим-1 обычно используется в декларативных предложениях, обозначая конец предложения. Тон-2 используется в вопросительных предложениях с вопросительным словом, а также иногда в декларативных и восклицательных предложениях [8, с. 81].

На важность для китайской педагогики трудов Е.А. Брызгуновой указывает в своём исследовании «Интонационные предубеждения в преподавании фонетики русского языка в Китае. Экспериментальное исследование» и Чжан Цзиньпин [7, с. 18]. Особенно её интересует вопрос интонации в обучении русской фонетики китайской аудитории. Чжан Цзиньпин сообщает, что с появлением в Китае теории интонации Е. А. Брызгунова китайские учёные стали больше изучать теорию русской ин-

тонации и проблему усвоения русского языка китайскими студентами [7, с. 24].

Известно, что для китайских студентов обучение фонетики является начальным этапом изучения русского языка (и, следовательно, ключевым), и из-за различий между китайским и русским фонологическими уровнями одной из самых больших проблем для них остаётся проблема китайского акцента. Поэтому всё больше преподавателей и учёных проводят исследования этой проблемы в процессе обучения русскому языку и дают свои методические указания [7, с. 26].

В процессе своего исследования автор приходит к выводу о том, что независимо от того, идёт ли речь о преподавании русского языка на начальном этапе или на продвинутом, следует уделять особое внимание обучению русской интонации, причем обучение разговорному русскому языку не должно оставаться только на начальном этапе, а должно осуществляться на протяжении всего процесса обучения русскому языку. На среднем и продвинутом этапах изучения русского языка учащимся не следует позволять имитировать интонацию русской речи по своему усмотрению, а необходимо дать им более детальное понимание интонации русского языка.

Говоря о среднем и продвинутом этапах обучения русскому языку, автор полагает, что студентам не следует позволять подражать русской интонации по своему усмотрению, а следует больше учить теории и принципам интонационного производства, чтобы они могли знать, что это такое, и, что более важно, почему это так, и с точки зрения русско-китайской сопоставительной фонетики педагог может помочь студентам активно избегать китайского акцента и выработать правильные произносительные привычки русского языка.

Таким образом, собрав большое количество фонетических данных, автор проанализировала и обобщила типы ошибок, которые часто допускают китайские студенты при изучении русской интонации, и сформулировала оптимальные методы обучения этим ошибкам, которые могут быть применены в преподавании русской интонации и, тем самым, помочь студентам целенаправленно сформировать стандартизированный способ произношения и мышления на русском языке. По мнению автора, значительной проблемой, ухудшающей ситуацию, является недостаточная подготовленность преподавателей, позволяющих студентам оставлять китайскую интонацию в русской речи.

Исследовав причины типичных ошибок в усвоении русской интонации китайскими студентами,

на основе существующей модели обучения русской интонации автор предлагает следующее:

- 1) укреплять понятия основных терминов и понятий;
- 2) усилить преподавание понятия тонального центра;
- 3) обучать произносительным характеристикам словесного ударения в речевом потоке;
- 4) использовать метод русско-китайского сопоставления при обучении русской интонации;
- 5) усилить обучение правилам использования русских тональных образцов;
- 6) постоянно обозначать контраст между русской и китайской вокализацией, чтобы напомнить студентам о необходимости избегать китайского акцента

Автор подчёркивает, что русская интонация – очень важная часть русской фонологии, а также важный объект изучения. С точки зрения русско-китайской сопоставительной фонетики, использование передового акустического экспериментального анализа может помочь более целенаправленно ставить проблемы и находить решения [7, с. 90-94].

Кроме того, всё вышеизложенное свидетельствует о том, что в Китае пока недостаточно собственных наработок по преподаванию фонетики, однако работа в этом направлении идёт. Доказательством тому служат данные, полученные Ван Миньюе и, Мэнем Ся, которые отмечают, что преподавание русского языка в таких учебных заведениях, как Хэйлунцзянский университет, Пекинский университет, Колледж иностранных языков и других крупных вузах, вышло на очень высокий уровень. Под влиянием этих школ за последние десять лет в Китае значительно улучшились преподавание и исследования русского языка, а также уровень преподавателей русского языка [2].

В сентябре 2000 года в Хэйлунцзянском университете, являющемся важной базой для подготовки русскоязычных кадров, в программу средней общеобразовательной школы был включен Центр изучения русского языка и литературы, утвержденный Министерством образования [2, с. 2]. И везде утверждается, что фонетика является первичным аспектом в изучении русского языка.

Среди достижений китайской педагогики следует назвать метод по системе Пань, который описывает в своём исследовании Вэнь Суя [4]. Автор сообщает, что применение данной методике позволяет на высоком уровне преподавателей по русской фонетике. Выводы данного исследования могут послужить ориентиром для молодых педагогов по русской фонетике в их деятельности, а также способствовать дальнейшему совершенствованию

системы обучения русской речи, повышению профессионального уровня и качества преподавателей, а также улучшению качества преподавания русской фонетики в Китае в целом.

Из данного труда следует, что преподаватели русской фонетики должны обладать развитыми вербальными навыками и умением оценивать ситуацию. Этого требует первая ступень метода. Вторая ступень выдвигает более высокие качества и требования к преподавателям русской фонетики. Так, они должны обладать развитыми навыками вербального выражения и суждения, иметь прочные теоретические знания, такие как знания о потоке речевых глав, знания, связанные с прагматической семантикой, теорией приобретения билингвизма и т.д.

Кроме того, учителя должны обладать определёнными диагностическими способностями, не только уметь выслушивать фонологические проблемы учеников и давать им рекомендации, но и иметь определённый опыт преподавания, понимать законы приобретения и обучения фонологии, хорошо понимать цели и принципы обучения на этапе неявных фонологических навыков, чтобы систематизировать их.

В данной системе активно применяется чтение стихов вслух, которое не только устраняет монофонические ошибки учащихся, но и позволяет им накопить богатый арсенал языковых средств выражения, что открывает путь к следующему этапу обучения. На втором этапе обучения учащиеся прослушивают большое количество материала, и в то же время создатель системы даёт им свою собственную аудиомодель, чтобы они могли обращаться к ней и сравнивать с ней, и постепенно добиваться имплицитности фонологических навыков путем постоянной практики.

На третьем этапе учащиеся могут использовать свои фонологические навыки в полном объёме и реализовывать публичные монологи. В процессе преподавания ученикам предлагается слушать определённые телепередачи, менять темп преподавания в зависимости от их особенностей и способностей. Имеет большое значение и отношения между студентами и преподавателями, в котором всё направлено на достижение цели обучения, чтобы ученики могли продолжать получать знания и постепенно продвигаться к имплицитизации фонологических навыков [4].

Активно используются и информационные технологии и мультимедийные технологии для обучения русской фонетики. С наступлением эры Интернета и бурным развитием мультимедийных технологий преподавание иностранных языков в Китае вступило в новую эру технологической ре-

волюции. Например, Интернет позволяет иметь контакт с новейшими материалами по иностранным языкам на расстоянии.

По системе Пэня, обязателен так называемый «Класс чтения газет» на русском языке. Вместо того чтобы давать ученикам читать старые газеты и новости, как это было раньше, преподаватели могут напрямую загружать газетные материалы из Интернета, что значительно повышает интерес учеников к чтению. Благодаря интерактивному обучению, сочетающему в себе множество средств массовой информации, мультимедийное обучение как преимущественный вид обучения, мультимедийное обучение как вспомогательное средство обучения начало использоваться в китайском преподавании иностранных языков [4].

Анализ ситуации по преподаванию курса русского языка в Китае показывает, что в каждой методике обязательно отводится место для устных ответов по предметам. Устные ответы – один из основных и самых простых способов проверки знаний учащихся по фонетике. Развёрнутый ответ студента должен быть логичным и последовательным изложением заданной темы, демонстрирующим его умение применять конкретные правила и знания в конкретной ситуации. При оценке ответов учащихся необходимо учитывать следующие критерии:

- 1) полнота и правильность ответа;
- 2) степень знания и понимания изученного;
- 3) организация и представление языка.

Очевидно, что сформировалась целостная система со своими особенностями, которая является источником вдохновения для преподавания языка на этапе обязательного образования и преподавания русской фонетики на этапе высшего образования в Китае.

Отметим также, что высокие требования предъявляются к учебным материалам, которые являются неотъемлемой и важной частью учебного процесса, и их выбор оказывает непосредственное влияние на преподавание учителя и обучение студентов [4].

Выделим и другую важную тенденцию: на китайских платформах, посвящённых изучению русского языка, размещаются материалы, разработанные российскими педагогами. Примером тому служит «Базовый курс фонетики русского языка как иностранного для студентов-носителей китайского языка», выложенный на китайском учебном сайте. Он был разработан Южно-Уральским государственным университетом в сотрудничестве с Российским государственным институтом русистики имени А.С. Пушкина [6].

Представленный курс предназначен для иностранных студентов, не знакомых с русской фонетикой и не владеющих русским языком. Курс состоит из шести частей. Каждый раздел содержит пять видеоуроков, обучающих правильному произношению русских букв, буквосочетаний, простых слов и предложений. Видеоуроки сопровождаются субтитрами с русским и китайским переводом.

Для тренировки русского произношения к урокам присоединяется виртуальный помощник, который действует как учитель – определяет правильное произношение букв алфавита на слух, запоминает все выполненные упражнения и выставляет оценки. В конце каждого раздела ученикам предлагается пройти тест. Курс завершается итоговым тестом [6].

Обозначим тот факт, что этот курс создан российскими педагогами, а не китайскими, что не является редкостью. Более того, многие исследователи отмечают, что китайская педагогика сознательно стремится к тому, чтобы пользоваться наработками российской науки [2].

Современная ситуация с преподаванием русского языка на уровне основного общего образования в России может быть использована в качестве примера для преподавания китайского языка как родного в средней школе и на университетском уровне в Китае, – пишет Ван Минъюй [2, с. 6]. Она также может служить ориентиром для преподавания китайского языка как родного на уровне средней школы и преподавания русского языка как специальности в высших учебных заведениях Китая [2, с. 6].

Понять китайских педагогов можно, поскольку российская система обучения фонетике формировалась в течение долгого времени. По окончании курса студенты смогут приобрести следующие навыки:

- Правильно произносить и распознавать звуки русского языка, в том числе произносить трудные для учащихся буквы. Например: [Р] [Л] [Ы] Для носителей китайского языка эти буквы очень сложны для произношения, а также различать четкие и слабые согласные.
- Научиться правильному произношению многосложных слов и ритму русских слов;
- Научиться различать интонацию русского языка.
- Понимать смысл фраз, произнесенных с разной интонацией [О].

Выводы

Таким образом, можно сделать следующие выводы. На фоне активного изучения русского языка китайской аудиторией возникает двоякая ситуа-

ция. С одной стороны, существует множество пособий, учебников, курсов по изучению русской фонетики для изучения китайскими студентами, но, однако их большая часть является результатом деятельности российских педагогов, методистов и учёных.

С другой стороны, в последнее время в Китае нарастает тенденция к созданию собственных наработок по изучению русской фонетики. Но и здесь мы можем констатировать недостатки:

- опора на российские традиции преподавания, в которых не может в полной мере учитываться специфика китайской аудитории;

- недостаток учебников и пособий, написанных именно китайскими авторами;

- недостаток квалифицированных преподавателей, которые бы в совершенстве знали бы русскую фонетику и владели методиками преподавания;

- педагогические ошибки – такие, как отсутствие внимания к различиям между китайской и русской вокализацией, интонацией.

Таким образом, проблем в данной области существует достаточно, но нельзя не сказать о том, что на современном этапе появилось множество предпосылок для их успешного решения.

Список источников

1. Ван Дэндэн, Ли Сыюй Анализ материалов по обучению китайских студентов фонетической природе русского языка: произношение, ритмика, ударение // Педагогическое образование в России. 2021. № 4. 2021. С. 74 – 83.
2. Ван Миньюй, Мэн Ся История, современная ситуация и стратегии развития преподавания русского языка в Китае. Пекин: Секретариат Китайской ассоциации по изучению преподавания русского языка // Russian Language and Literature Studies. 2005. № 3. С. 1 – 13.
3. Ван Сяньжун Китайский акцент при говорении русского языка // Обучение русскому языку в Китае (Пекин). 1982. № 5. С. 56 – 63.
4. Вэнь Суя Исследование практических знаний опытных преподавателей РКИ на предмет обучения фонетике (на основании опыта обучения в вузе КНР)
5. Ма Фуцзюй Фонологическая система древнерусского языка // Russian Language Literature and Culture Studies. 2017. № 1. С. 27 – 33.
6. Основы фонетики русского языка как иностранного для носителей китайского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://pushkin.susu.ru/ch/192-2/> (дата обращения: 01.07.2024)
7. Чжан Цзиньпин Интонационные предубеждения в преподавании фонетики русского языка в Китае. Экспериментальное исследование. Сычуань: Сычуаньский университет иностранных языков, 2021. 96 с.
8. Чжоу Хайян Обзор текущей ситуации с преподаванием русского языка на этапе основного общего образования в России // Russian Language Literature and Culture Studies. 2008. № 2. С. 78 – 87.
9. Чжу Юй Фу, Вань Цзин Цзин Сопоставительное исследование фонетики русского языка и шаньдунского диалекта китайского языка в аспекте методики преподавания РКИ // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Т. 2. № 2. С. 24 – 34.

References

1. Wang Dengdeng, Li Siyu Analysis of materials on teaching Chinese students the phonetic nature of the Russian language: pronunciation, rhythm, stress. Pedagogical education in Russia. 2021. No. 4. 2021. P. 74 – 83.
2. Wang Mingyu, Meng Xia History, current situation and development strategies for teaching Russian in China. Beijing: Secretariat of the Chinese Association for the Study of Russian Language Teaching. Russian Language and Literature Studies. 2005. No. 3. P. 1 – 13.
3. Wang Xianrong Chinese accent when speaking Russian. Teaching Russian in China (Beijing). 1982. No. 5. P. 56 – 63.
4. Wen Suya A Study of Experienced Russian Foreign Language Teachers' Practical Knowledge in Teaching Phonetics (Based on the Experience of Teaching at a Chinese University)
5. Ma Fujun Phonological System of the Old Russian Language. Russian Language Literature and Culture Studies. 2017. No. 1. P. 27 – 33.
6. Fundamentals of Phonetics of Russian as a Foreign Language for Native Chinese Speakers [Electronic resource]. URL: <https://pushkin.susu.ru/ch/192-2/> (accessed: 01.07.2024)
7. Zhang Jinping Intonational Prejudices in Teaching Russian Language Phonetics in China. An Experimental Study. Sichuan: Sichuan University of Foreign Studies, 2021. 96 p.

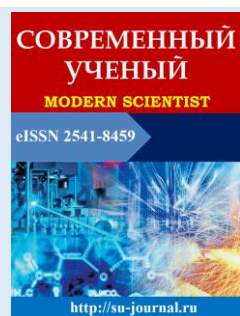
8. Zhou Haiyan. Review of the current situation with teaching Russian at the stage of basic general education in Russia. Russian Language Literature and Culture Studies. 2008. No. 2. P. 78 – 87.

9. Zhu Yu Fu, Wan Jing Jing. Comparative study of the phonetics of the Russian language and the Shandong dialect of the Chinese language in the aspect of the methodology of teaching Russian as a foreign language. Bulletin of Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanitates. 2016. Vol. 2. No. 2. P. 24 – 34.

Информация об авторе

Син Чуньюй, Российский государственный университет им. А.И. Герцена, xingchunyu2002@163.com

© Син Чуньюй, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 82.0

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-101-105

Научные методы исследований рукописей (на примере произведения Мухаммада ал-Булгари «Хазинетуль-улема ва зинетуль-фукаха» (Клад ученых и украшение исламских правоведов))

^{1, 2} Тимуршин М.Р.

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет,

² Болгарская исламская академия

Аннотация: статья посвящена исследованию труда «Хазинат ал-уляма ва зинат ал-фукаха» (Сокровищница учёных и украшение правоведов) золотоордынского богослова XIV века Мухаммада ал-Булгари (ум. 1418). В данной статье хотелось бы рассмотреть практическое применение методов научных исследований на примере изучения рукописи Мухаммеда ал-Булгари. Были рассмотрены такие методы научных исследований как: Текстологический анализ включает в себя изучение текста рукописи с целью выявления его подлинности, а также определения различных вариантов и редакций. В этом контексте исследователи сравнивают разные манускрипты, чтобы установить их взаимосвязь и проследить эволюцию текста. Этот метод также включает в себя критический анализ источников, который позволяет определить оригинальную версию текстов и их изменений на протяжении времени. Лингвистический анализ: Изучение языка и стиля, используемого в рукописи, что может помочь в определении времени и места её создания. Историко-культурный контекст. Филологический подход. Филологический подход предполагает изучение языка, стиля и структуры текста. Это может включать такой метод как семантический анализ, который включает в себя исследование значений слов и фраз в контексте их использования.

Структурный анализ, который изучение композиции текста, его логики и аргументации.

Ключевые слова: труд «Хазинат ал-уляма ва зинат ал-фукаха» (Сокровищница учёных и украшение правоведов), Мухаммад ал-Булгари, текстологический анализ, критический анализ источников, лингвистический анализ, семантический анализ, методы научного исследования рукописей

Для цитирования: Тимуршин М.Р. Научные методы исследований рукописей (на примере произведения Мухаммада ал-Булгари «Хазинетуль-улема ва зинетуль-фукаха» (Клад ученых и украшение исламских правоведов)) // Современный ученый. 2025. № 1. С. 101 – 105. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-101-105

Поступила в редакцию: 14 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 15 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Scientific methods of research of manuscripts (based on the example of the work of Muhammad al-Bulgari “Hazinetul-ulema wa zinetul-fuqaha” (Treasure of scientists and decoration of Islamic jurists))

^{1, 2} Timurshin M.R.

¹ Kazan (Volga Region) Federal University,

² Bulgarian Islamic Academy

Abstract: the article is devoted to the study of the work ‘Hazinat al-ulama wa zinat al-fuqaha’ (Treasury of scholars and decoration of jurists) by the Golden Horde theologian of the XIV century Muhammad al-Bulgari (d. 1418). In this article we would like to consider the practical application of scientific research methods on the example of studying the manuscript of Muhammad al-Bulgari. Such methods of scientific research as: Textological analysis includes the study of the text of the manuscript in order to identify its authenticity, as well as to determine the various variants and editions. In this context, researchers compare different manuscripts to establish their relationship and trace the evolution of the text. This method also includes critical analysis of the sources to determine the original version of the texts and their changes over time. Linguistic analysis: The study of the language and style used in a manuscript, which can help in determining the time and place of its creation. Historical and cultural context. Philological approach. A philological approach involves the study of the language, style and structure of the text. This may include such method as semantic analysis, which involves the study of the meanings of words and phrases in the context of their use.

Structural analysis which is the study of the composition of the text, its logic and argumentation.

Keywords: work ‘Hazinat al-ulama wa zinat al-fuqaha’ (Treasury of scholars and decoration of jurists), Muhammad al-Bulgari, textual analysis, critical analysis of sources, linguistic analysis, semantic analysis, methods of scientific research of manuscripts

For citation: Timurshin M.R. Scientific methods of research of manuscripts (based on the example of the work of Muhammad al-Bulgari “Hazinetul-ulema wa zinetul-fuqaha” (Treasure of scientists and decoration of Islamic jurists)). Modern Scientist. 2025. 1. P. 101 – 105. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-101-105

The article was submitted: September 14, 2024; Approved after reviewing: November 15, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Исследование богословских рукописей представляет собой многогранный процесс, который требует применения различных научных методов. Эти методы помогают не только в интерпретации текстов, но и в понимании исторического и культурного контекста, в котором они были созданы. В данной статье мы рассмотрим основные подходы и методы, используемые в исследовании богословских рукописей.

В данной статье хотелось бы рассмотреть практическое применение методов научных исследований на примере изучения рукописи Мухаммеда ал-Булгари «Хазинетуль-улема ва зинетуль-фукаха» (Клад ученых и украшение исламских правоведов).

Материалы и методы исследований

Начальный этап изучения рукописи предполагаем использование метода текстологического анализа.

1. Текстологический анализ включает в себя изучение текста рукописи с целью выявления его подлинности, а также определения различных вариантов и редакций. В этом контексте исследователи сравнивают разные манускрипты, чтобы установить их взаимосвязь и проследить эволюцию текста. Этот метод также включает в себя:

Критический анализ источников: Определение оригинальных версий текстов и их изменений на протяжении времени.

Лингвистический анализ: Изучение языка и стиля, используемого в рукописи, что может помочь в определении времени и места её создания.

Мы установили, что в Турции имеются следующие экземпляры рукописи: 1. Библиотека «Сулеймания», количество листов: 87 2. Библиотека «Сулеймания» количество листов: 106. 3. Районная публичная библиотека Кютахья Тавшанлы Зейтиноглу, количество листов: 202- 237, почерк: насх; 4. Библиотека факультета теологии университета «9 Сентября», количество листов: 124/45.

Общий каталог рукописей Турции, библиотека Байезид в Амасье. Еще один экземпляр рукописи находится в Македонии: Библиотека Гази Хусрев Бегова-Сараево, количество листов: 78.

Из указанных экземпляров мы взяли за основу рукописи из библиотеки «Сулеймания». Вместе с тем мы исследовали рукописи из библиотеки

университета «9 Сентября» и библиотеки Кютахья Тавшанлы Зейтиноглу.

2. Историко-культурный контекст. Для глубокого понимания богословских рукописей необходимо учитывать исторический и культурный контекст их создания. Это включает в себя:

Социокультурный анализ: Изучение общества, в котором была создана рукопись, его религиозных практик, традиций и обычаев.

Историческая критика: Оценка исторических событий, влияющих на содержание рукописи, а также на её авторов и аудиторию.

В контексте данного научного метода можно сказать, что Мухаммед ал-Булгари, о жизни которого сохранилось мало сведений, умер в 821 г. хиджры (1418 г. н.э.). Он был из мусульманских тюрок-булгар, которые жили на территории между Волгой и Камой. Мухаммед ал-Булгари был последователем учения Абу Ханифы, одной из школ в суннитском правоведении. При исследовании его рукописи «Хазинатуль-улема ва зинатуль-фукаха» становится ясно, что он был шейхом религиозного учения. В источниках о Булгари, кроме имени, названия рукописи и даты смерти, еще отмечается, что он был «человеком высокой морали. Рукопись Мухаммеда ал-Булгари «Хазинетуль-улема ва зинетуль-фукаха» (Клад ученых и украшение исламских правоведов) является одной из немногих сохранившихся до наших дней работ булгар-мусульман. В ней рассматриваются основополагающие исламские принципы совершения молитвы, приводятся аяты и хадисы, касающиеся этого вопроса, а также высказывания сахабов – лиц, удостоившихся видеть пророка Мухаммеда и других видных религиозных деятелей.

3. Филологический подход. Филологический подход предполагает изучение языка, стиля и структуры текста.

Результаты и обсуждения

Изучая структуру текста, важно отметить, что рукопись состоит из введения, заключения и 19 глав. Каждая глава раскрывает свою тематику.

Во введение автор текста перечисляет всех ученых, слова которых он цитирует в своей рукописи, тем самым подчёркивая важность высказывание.

Араб:

وقال مجد الرحمن. عفوا! وقال مجد. الرحمن بأهل الدنيا، والرحيم

بأهل العقبة، وقال يحيى بن معاذ الرازي الرحمن بمصالح معاشهم والرحيم بما صالح؟ معادهم. وقال أبو بكر بن عبد الم. وزني الرحمن. بنعيم الدنيا والرحيم بنعيم الدين، وقال الحارث ابن أسد. ومن هذه؟ رحمه الله، وإحى أظن إم أبرح من بنعمة النفوس، والرحيم بنعمة القلوب، وقال أبو بكر الإلواقي. أيضا رائحة، أظن رحمه الله الرحمن بن عما أو الرحيم بال آلاء. ف النعماء ما أعطى. منال عطايا والآلاء ما صرف من البلاء، وقال محمد الترميذي رحمه الله الرحمن بال أن بالانقياد من النيران والرحيم. ب الأوصال في الجنان، وقال السري السقطي رحمه الله كشف الكعوب والرحيم بغفران الذنوب. وقال عبيد بن الجراح والرحمن بتبين الطريق، والرحيم بالعصمة والتوفيق. وقال عبد الله بن عباس رحمة الله. عبد الرحمن ال عاطف على البر والفاجر بالرزق عامة، والرحيم بالمؤمنين خاصة، وقال مقاتل بن سليمان الرحمن العطوف على كل عباده بفضل، والرحيم بأهل طاعة، لو لم يكفهم مالا يطيقون وأوجب لهم.

Рус.:

Маджд: «Ар-Рахман – для людей мира, а Ар-Рахим – для людей Акабы». Яхья бин Муадх ар-Рази: «Ар-Рахман – ради их средств к существованию, а Ар-Рахим – ради их вечности».

Аль-Харит ибн Асад: «Кто это? Бог милостив к нему».

Абу Бакр ибн Абдульм: «Я думаю, он милостив к благословениям душ и милостив к благословениям сердец».

Абу Бакр ибн Эльваки: «Я также чувствую запах, я думаю, он милостив к нему».

Мухаммад ат-Тирмиди: «Да смилуется Аллах над рахманом и да смилуется Аллах над рахимом».

Ас-Сари ас-Сакати, да смилуется над ним Аллах, сказал, что он – тот, кто открывает пятки, и тот, кто прощает грехи.

Убайд ибн аль-Джаррах: «Рахман указывает путь, а рахим – непогрешимость и примирение».

Абдуллах ибн Аббас, да смилуется над ним Аллах: «Ар-Рахман добр к праведным и нечестивым в целом и милостив к верующим в частности». Муватиль ибн Сулейман: «Ар-Рахман добр ко всем своим рабам и милостив к людям покорным, если он не берет с них больше, чем они могут вынести, и не обязывает их».

Филологический подход включает в себя:

Семантический анализ: Исследование значений слов и фраз в контексте их использования.

Структурный анализ: Изучение композиции текста, его логики и аргументации.

Как пример применения данного метода можно проанализировать вводную часть рукописи.

Рукопись Мухаммеда ал-Булгари, известная как "Клад ученых и украшение исламских правоведов", является значительным вкладом в исламское богословие и право. Этот труд охватывает широкий спектр тем, включая основы исламской теологии, моральные принципы и правовые нормы. В первой главе автор подробно рассматривает два

ключевых атрибута Аллаха – «Рахман» и «Рахим», которые имеют центральное значение в понимании божественной природы и отношения Бога к человечеству. Для понимания атрибутов «Рахман» и «Рахим» дадим общее понимание этих понятий.

Определение понятий:

«Рахман» (الرحمن) – это термин, который переводится как "Милостивый" или "Сострадательный". Этот атрибут подчеркивает всеобъемлющую милость Аллаха, которая распространяется на все его творения. Исламская традиция учит, что Рахман охватывает всех людей, животных и даже неживую природу. Это понятие отражает безусловную любовь и заботу Бога о своих созданиях.

«Рахим» (الرحيم) – этот термин переводится как "Милосердный" и указывает на более специфическую милость, которая проявляется к верующим. Рахим подразумевает личное, близкое отношение Аллаха к тем, кто следует Его путям. Это атрибут, который подчеркивает взаимосвязь между Богом и Его рабами, особенно теми, кто искренне стремится к праведной жизни.

Важность употребления в речи «рахман» и «рахим» Мухаммед ал-Булгари разъясняет во введении к первой главе.

Араб:

في بيان فضل التسمية ما جاء فيه من الأخبار والروايات والآيات والحكايات، قال العبد رضي الله عنه معنا عن متصل، إلى أنس بن مالك رضي الله عنه. قال قال رسول الله صلى الله عليه وسلم لو أن أشجار الأرض أقلام، والبحار، مدلو، واجتمعت الجن والإنس والملائكة، وكتبوا كلهم معاني بسم الله الرحمن الرحيم ألفاً، ألفاً سنة ما قدروا على عشر عشرة

Рус:

Раб, да будет доволен им Аллах, сказал: «Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «Если бы у всех деревьев земли были руки, а моря разлились, и встретились джинны, люди и ангелы, и все они записали бы значения «Бисмиллах ар-Рахман ар-Рахим», то прошло бы тысяча и тысяча лет».

Араб:

وفي حديث آخر عن النبي عليه السلام قال أن في الجنة جبلا يقاله جبل الرحمة، وعليه قصر يقاله قصر الإسلام وفي القصر بيت يقال له بيت الجلال، وللقصر 12,000 مصراع من أسكفة الباب، إلى آخره مسيرة خمسة عام لا يفتح تلك الأبواب إلا لقائل بسم الله الرحمن الرحيم.

Рус:

В другом хадисе Пророк (мир ему и благословение) сказал, что в Раю есть гора, называемая Горой Милосердия, и на ней стоит дворец, называемый Дворцом Ислама, а во дворце есть дом, называемый Домом Величия, и во дворце есть 12 000 затворов от лесов двери до ее конца, расстояние в пять лет, и эти двери не открываются, кроме того, кто произносит «Бисмиллах ар-Рахман ар-Рахим».

Араб:

قال العبد اعلم أن للعبد ثلاثة أحوال حال طلب الحاجة وحال الفقر وحال وقوعه في المعصية وأعطى المؤمنين ثلاثة أسماء من أسمائه، فكأنه قال يا عبدي إذا كنت محتاج فإن الله قاضي حوائجك وإن كنت مسترزقا، فإن الرحمن رزقك، وإن كنت عاصيا، فإن الرحيم غافرك إن الله عنى اعتراض الوسواس.

Рус:

Раб сказал: «Знай, что у раба есть три состояния: состояние нужды, состояние бедности и состояние послушания, и он дал верующим три своих имени, как бы говоря: „О мой раб, если ты нуждаешься, то Аллах – судья твоих нужд, если ты благоденствуешь, то рахман обеспечил тебя, а если ты ослушался, то рахим простил тебя».

Выводы

Среди богословов золотоордынского периода Мухаммаде ал-Булгари – известно только то, что он является автором небольшой книги наставлений и проповедей «Хазинат ал-‘улама ва зинат ал-фукаха», содержащий хадисы и предания. Однако важно отметить, что богословы и их труды представляют собой огромный пласт неизученного булгаро-татарского письменного наследия.

Список источников

1. Абдеев А.А. Возрождение трудов классиков ханафитского мазхаба в контексте духовного просвещения мусульманской молодежи: на примере исследования труда «Халаби кабир» // Материалы II Международного форума «Богословское наследие мусульман России»: II том: сборник научных докладов конференций, г. Болгар, 25-30 октября 2020 г. С. 180 – 184.
2. Ахмет Унсал Рукопись Мухаммеда ал-Булгари "Хизинетуль-улема ва зинетуль-фукаха" (Клад ученых и украшение исламских правоведов). Научный журнал: Гасырлар авазы – Эхо веков, 2007 г. С. 132 – 136.
3. Адыгамов Р.К. Источниковая база первого тома «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» Ш. Марджани // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 4. С. 674 – 686. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.674-686
4. ал-Джами А. Нафахат ал-унс мин хадарат ал-кудс. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-‘илмийа, 2003. Т. 2. С. 845 с. 3. Ахмадуллин С.З. «Талфик ал-ахбар...» ("Свод сведений...") Мурада Рамзи как источник по истории башкир. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2018. 68 с.

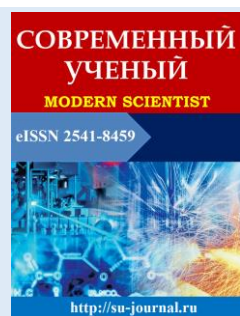
5. Госманов М.А. Шихабетдин Мәржани һәм тарихи чыганақларны өйрәнү // Мәржани: тарих һәм хәзерге заман. Мәкаләләр жыйнтыгы. Казан: Мастер Лайн, 1998. 17 б.
6. Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар. Казань, 1900. Т. 1. 264 с.
7. Миргалеев И.М. Ш. Мәржанинең Алтын Урда тарихына карашы // Шихабетдин Мәржани: Мирасы һәм хәзерге заман / Шигабутдин Марджани: наследие и современность. Казан: «Алма-Лит», 2008. Б. 102 – 109.
8. Миргалеев И.М. Шихабетдин Мәржани мирасыннан // Эхо веков Гасырлар авазы. 2008. № 1. С. 179 – 195.
9. Миргалеев И.М., Абызова Р.Р. Шихабетдин Марджани о Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 1. С. 181 – 198. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.181-198
10. Хубиева З.А. Духовно-нравственные ценности и их влияние на формирование современной личности: дис... канд. филос. наук. Ставрополь, 2006. 144 с.
11. Ахмет Унсал. Рукопись Мухаммеда ал-Булгари "Хизинетуль-улема ва зинетуль-фукаха" (Клад ученых и украшение исламских правоведов) // Научный журнал: Гасырлар авазы – Эхо веков, 2007 г. С. 132 – 136.
12. Библиотека «Сулеймания», раздел: Юсуф Ага, ряд: № 108636, регистр: № 108636, разряд: № 297.8, количество листов: 106, почерк: та'лик

References

1. Abdeev A.A. Revival of the works of the classics of the Hanafi madhhab in the context of spiritual education of Muslim youth: on the example of the study of the work "Halabi Kabir". Proceedings of the II International Forum "Theological Heritage of Muslims of Russia": Volume II: collection of scientific reports from conferences, Bolgar, October 25-30, 2020. P. 180 – 184.
2. Akhmet Unsal Manuscript of Muhammad al-Bulgari "Hizinetul-ulema va zinetul-fukaha" (Treasure of scholars and decoration of Islamic jurists). Scientific journal: Gasyrlar avazy – Echo of centuries, 2007. P. 132 – 136.
3. Adygamov R.K. The source base of the first volume of "Mustafad al-akhbar fi ahvali Kazan va Bulgar" by Sh. Marjani. Golden Horde Review. 2019. Vol. 7. No. 4. P. 674 – 686. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.674-686
4. al-Jami A. Nafahat al-uns min hadarat al-quds. Beirut: Dar al-kutub al-'ilmiya, 2003. Vol. 2. P. 845 p. 3. Akhmadullin S.Z. "Talfiq al-akhbar..." ("Code of information...") by Murad Ramzi as a source on the history of the Bashkirs. Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. M., 2018. 68 p.
5. Gosmanov M.A. Shihhabetdin Mərjani һәм tarihi chыganaklarnы өyrәнү. Мәржани: тарих һәм һәзерге заман. Мәкаләләр жыйнтыгы. Казан: Master Line, 1998. 17 b.
6. Marjani Sh. Mustafad al-akhbar fi ahvali Kazan va Bulgar. Kazan, 1900. Т. 1. 264 p.
7. Mirgaleev I.M. Sh. Mərnanin Altyn Urda тарихина карашы. Shikhabetdin Mərjani: Mira-sy һәм khazerge zaman. Shigabutdin Marjani: heritage and modernity. Kazan: "Alma-Lit", 2008. Б. 102 – 109.
8. Mirgaleev I.M. Shikhabetdin Mərjani mirasynnan. Echo of centuries of Gasyrlar Avaza. 2008. No. 1. P. 179 – 195.
9. Mirgaleev I.M., Abyzova R.R. Shikhabetdin Mardzhani about the Golden Horde. Golden Horde Review. 2018. Vol. 6. No. 1. P. 181 – 198. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.181-198
10. Khubieva Z.A. Spiritual and moral values and their influence on the formation of a modern personality: diss... Cand. Philosophical Sciences. Stavropol, 2006. 144 p.
11. Akhmet Unsal. The manuscript of Muhammad al-Bulgari "Khizinetul-ulema wa zinetul-fuqaha" (Treasure of scientists and decoration of Islamic jurists). Scientific journal: Gasyrlar avazy – Echo of centuries, 2007. P. 132 – 136.
12. Library "Sulaymaniyah", section: Yusuf Agha, row: No. 108636, register: No. 108636, category: No. 297.8, number of sheets: 106, handwriting: ta'liq

Информация об авторе

Тимуршин М.Р., аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет: начальник управления по науке, Болгарская исламская академия, ул. Кул Гали 1А, Болгар, atb-999@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81'42:81-25:811.512.1

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-106-110

Лексические единицы, выражающие невербальное проявление удивления (на примере творчества Шамиля Алядина)

¹ Асанова З.А.

¹ Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

Аннотация: в статье проводится анализ лексических единиц, выражающих невербальное проявление эмоции «удивление», на примере крымскотатарских художественных произведений Ш. Алядина. Описание ощущаемых персонажем эмоций является отчасти показателем мастерства писателя, а также позволяет глубже изучить лексические единицы крымскотатарского языка, при помощи которых описывается невербальное проявление удивления.

В результате исследования выявлено, что эмоциональная реакция «удивление» персонажа на неожиданность, несовпадения ожидаемого и реального может быть вызвана как положительными, так и отрицательными событиями. Отмечается, что мимика играет ключевую роль при выражении данной эмоции. В крымскотатарском языке, в частности в произведениях Шамиля Алядина, эмоция «удивление» передается целым рядом лексических единиц. Нами было выделено не менее 15 неоднословных лексических единиц, выражающих данную эмоцию.

Предметом данного исследования являются тексты крымскотатарского писателя Шамиля Алядина, включающие разнообразные лексические единицы, а также невербальные средства, участвующие в репрезентации эмоции удивление.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, лексические единицы, невербальное общение, удивление, мимика, художественные произведения

Для цитирования: Асанова З.А. Лексические единицы, выражающие невербальное проявление удивления (на примере творчества Шамиля Алядина) // Современный ученый. 2025. № 1. С. 106 – 110. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-106-110

Поступила в редакцию: 15 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Lexical units expressing non-verbal manifestation of surprise (based on the example of Shamil Alyadin's works)

¹ Asanova Z.A.

¹ Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

Abstract: the article analyzes lexical units expressing non-verbal manifestation of the emotion “surprise”, using the example of Crimean Tatar works of art by Sh. Alyadin. Descriptions of the emotions felt by the character are partly an indicator of the writer's skill, and also allow for a deeper study of the lexical units of the Crimean Tatar language, with the help of which the non-verbal manifestation of surprise is described.

As a result of the study, the character's emotional reaction to surprise, the discrepancy between the expected and the real, can be caused by both positive and negative events. It has been noted that facial expressions play a key role in expressing this emotion. In the Crimean Tatar language, in particular in the works of Shamil Alyadin, the emotion of "surprise" is conveyed by a number of lexical units. We have identified at least 15 multi-word lexical units expressing this emotion.

The subject of this study is the texts of the Crimean Tatar writer Shamil Alyadin, which include various lexical units, as well as non-verbal means involved in the representation of the emotion of surprise.

Keywords: the Crimean Tatar language, lexical units, non-verbal communication, surprise, facial expressions, works of art

For citation: Asanova Z.A. Lexical units expressing non-verbal manifestation of surprise (based on the example of Shamil Alyadin's works). Modern Scientist. 2025. 1. P. 106 – 110. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-106-110

The article was submitted: September 15, 2024; Approved after reviewing: November 16, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Невербальная коммуникация – это визуализация эмоций человека, которые он испытывает в связи с событиями, происходящими в его жизни.

Ученых часто интересует вопрос выражения эмоций посредством мимики и жестов. Е.М. Верещагиным, В.Г. Костомаровым [7], П.А. Абдулкаримовой [1], Ю.В. Дмитриевой [8], И.В. Деевой [9], Е.А. Михайловой [10] и другими изучаются средства невербальной коммуникации и выражение с их помощью эмоционального состояния. Изучение лексических единиц, выражающих невербальное проявление эмоций, в языкознании остается востребованным и малоизученным вопросом. Для крымскотатарского языкознания исследования в данной области являются актуальными.

Цель статьи – проанализировать лексические единицы, выражающие невербальное проявление эмоционального состояния удивление в художественных произведениях Шамиля Алядина.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования стало свыше 200 языковых единиц, отобранных методом сплошной выборки из крымскотатарских художественных произведений Шамиля Алядина.

Методологической основой исследования являются работы Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Ю.В. Дмитриевой, Е.А. Михайловой и других учёных. При написании работы были использованы описательный метод, как основной метод лингвистического исследования.

Результаты и обсуждения

Удивление – одна из шести основных человеческих эмоций, она же самая недолгая, кратковременная. Данная эмоция длится несколько секунд, иногда полсекунды.

Универсальные триггеры для удивления – внезапные, неожиданные, непредвиденные события,

такие как громкие звуки, резкие движения, а также любые события, которые хотя бы немного отличаются от стандартных.

Эмоция удивление очень ярко отражается в позе, мимике, жестах и речи человека.

Одним из основных невербальных средств выражения удивления является мимика (приподнятые и изогнутые брови, горизонтальные морщины на лбу, широко открытые глаза, нижняя челюсть опускается, напряженный / приоткрытый рот и другие движения).

По мнению исследователей, удивление – это эмоциональная реакция человека на неожиданные действия. Эмоция, возникающая от неожиданного, внезапного, впечатляющего события, считается самой сложной, поскольку удивление вызывают как положительные, так и отрицательные события:

- Изумление / удивление, связанное с положительными неожиданными событиями: *Бала енъи адамгъа тааджипленип бакъты-бакъты... ниает, кулюмсиреди. Таныды оны* (Мальчик удивленно посмотрел на нового мужчину... наконец, улыбнулся. Он узнал его) [6];

- Проявление эмоции «удивление» в результате отрицательных неожиданных событий: – *Араба къапынынъ кучюк къанаты яваштан ачылды, Усние кедерли бир алда ичери кирди. Сание онынъ юзю дивар киби агъаргъаныны эслеп, айретте къалды* (Маленькая створка дверцы повозки медленно отворилась, и вошла Усние в печали. Сание удивилась, увидев, что её лицо было белым, как стена) [6]; *Павел Тарасович къапунынъ тарс этип къапалгъаныны эшитип, башыны котерди. Огюнде ябаний адамы корип, айретте къалды* (Павел Тарасович услышав, как хлопнула дверь, поднял глаза. Он был удивлен, увидев перед собой незнакомца) [6].

Для выражения эмоций используются разные способы: фонетические, морфологические, син-

таксические и др. Лексический способ является наиболее распространенным. Лексические средства языка делятся на две категории: 1) слова, выражающие эмоции; 2) лексемы, описывающие невербальные проявления эмоций.

Художественные произведения Шамиля Алядина богаты лексическими единицами, выражающими различные эмоции [2, 3], в том числе можно выделить целый ряд лексических единиц, выражающих эмоциональное состояние удивления: *айретленмек* (удивляться), *айретте кьалмакъ* (изумляться), *айретке кельмек* (поражаться), *шашип кьалмакъ* (ошеломиться) и др.

Примеры: *Адамлар айретленип, башларыны саллады ве Рашиднинъ омузыны таптан: «Машалла! Машалла!» дедилер* (Люди, удивляясь, покачали головами и, постучав Рашида по плечу, сказали: «Молодец! Молодец!») [6]; *Эв терен дере четинде тургъаныны корип, айретте кьалдым* (Увидев, что дом стоит в глубине горной долины, я изумился) [6]; *Дюльгер, аяткъа даима айыныкъ алда козетмеге бильген кьызкярдашынынъ юзюнде аджизлик корип, айретке кельди* (Столяр поразился, увидев на лице сестренки, которая всегда могла смотреть на жизнь трезво, беспомощность) [5].

Проанализировав лексические единицы, выражающие невербальное проявление удивления, можно разделить их на две большие группы: невербальное проявление удивления мимическими движениями, невербальное проявление удивления жестами.

А) невербальное проявление удивления мимическими движениями;

1) *агъызыны ачмакъ* (ченге асылып кьалды, агъызы ачып кьалмакъ) (разинув рот (челюсть отвисла, стоять разинув рот)): *Кимге? Манъамы? Ёкъса ташнынъ этрафында агъызларыны ачып кьалгъан адамларгъамы?* (Кому? Мне? Или людям, которые остались с открытыми ртами вокруг камня?) [6];

2) *къашиларыны котермек* (поднять брови): *О Серверни севе. Шемснурнынъ айткъанына коре, олар къач йыллар эвельси бири-бирине сёз беришкенлер. Чаушнынъ къашилары тёнеге тиклендилер* (Она любит Сервера. По словам Шемснур, они дали друг другу обещание несколько лет назад. Брови Чауша взлетели вверх) [4];

3) *козьлерини буюклетмек, тёгереклештирмек, кень ачмакъ* (кьоркьунчлы, дёрткоше, шашкьын козьлер) (увеличить, округлить, широко раскрыть глаза (страшные, квадратные, растерянные глаза)): *Шефикъа еринден кьыбырдамады. Амма козьлери яваши-яваши кеньлеше берди. О, тааджиплене башлады* (Шефика не двинулась с места. Но её

глаза медленно расширились. Она начала удивляться) [4]; *Шабшал тааджипленип, козьлерини липильдетти* (Шабшал удивляясь, заморгал глазами) [6]; *Кишилер Усеин оджаны корьген сонъ, айретле козьлерини котерди, элесленип онъа бакътылар* (Когда люди увидели Усеина учителя, они удивленно подняли глаза и посмотрели на него с подозрением) [6];

4) *бакъып кьалмакъ* (девамлы бакъыш) (смотреть изумленно (длительный взгляд)): *Оджа тонунунъ джебинден талебе дефтерлери дестесини чыкъарып, оларны эки элинен кокюси узерине баскъаны алда, кьарысына айретле козетип турды* (Учитель вынул из кармана пальто стопку ученических тетрадей, прижимая их обеими руками к груди, он с изумлением посмотрел на жену) [6];

5) *козь чырпмакъ, тааджипленип бакъмакъ* (глаз дергается, смотреть удивленно): – *Не себептен? – деп сорады о, тааджипленип, козь къапакъларыны сыкъ-сыкъ ойнатты* (По какой причине? – спросил он, удивляясь, стал часто моргать) [5];

6) *козь яшларынынъ пейда олувы* (появление слёз): *Усеин оджанынъ козьлеринде яшлар йылтырайлар. Элиндеки кьалын саплы, кучюк япракълы, кьырмызы бедерли чичеклерге юзюни эгильте, олардан чыкъкъан кунеш, ель... чёль къокъусы кьальбини охшай. – Буларны кьайдан узьдинъиз? – деп сорай оджа, тааджипленип. – Кеч мевсимде, бу кьургъакъ йылда?* (В глазах Усеина учителя блестят слёзы. Он склоняет лицо к толстостебельным, мелколистным, краснотелым цветам в своих руках, и солнце, ветер... запах пустыни от них трогает его сердце. «Где ты это взял?» – удивленно спрашивает учитель. В конце сезона, в этот засушливый год?) [6].

Далее рассмотрим жесты, которые сопровождают речь при проявлении эмоционального состояния удивление. Жесты играют важную роль в речевом процессе. Их можно использовать параллельно с речью. Некоторые жесты передают эмоции лучше, чем слова.

Б) невербальное проявление удивления жестами:

1) *къолны / къолларны багърына кьоймакъ* (коkjоске хачламакъ) / *юрегине басмакъ* (руку / руки положить на грудь (скрестить на груди), положить на сердце): – *Эй, Аллаыйм! – деди о, эллерини кокюси устюнде хачлап* («Боже мой!» – сказала она, скрестив руки на груди) [5];

2) *къолларыны башына / бетине кьоймакъ* (положить руки (схватиться) на (за) голову / приложить руку к лицу): *Чауш эллеринен самайларыны сыкъты* (Чауш зажал виски руками) [4];

3) *кьолларыны ачмакъ / кьолларыны салламакъ* (руки вскинуть): *Абибуллары корьгенинен, кьолларыны эки якъкъа керерек* (Увидев Абибулла, он поднял руки в обе стороны) [5];

4) *омузларны сыкъмакъ / боюнны кьысып алмакъ* (пожимание плеч / втягивание шеи): *Джемаледин ве Эбу-Бекир, эв саибининъ джанбаз муамелесине тааджипленип, бири-бирлерине козетти, боюнларыны кьысып алдылар* (Джемаледин и Эбу-Бекир, удивленные враждебным обращением помещика, переглянулись и втянули шеи) [6]; *Тамагъына ярчык ъсанчылгъан киби, боюныны огге созып, тааджипленди, юткъунды: «Аджерге не олды, аджеба?»* (Он вытянул шею вперед, как будто в его горле образовалась ранка, и сглотнул от удивления: «Что случилось с Аджером?») [6];

5) *токътап кьалмакъ, кьатып кьалмакъ* (остановиться, застыть): *Сакъаллы тааджипленип, токъталды* (Бородатый мужчина от удивления остановился) [6]; *Лейля айреттен еринден атылып турды* (Лейла вскочила от удивления) [5].

Вышеприведенные примеры позволяют увидеть национально-культурную специфику, которая ярко представлена описанием невербального проявления эмоции «удивление». Можно обратить внимание на универсальность психофизиологиче-

ских реакций персонажей при переживании эмоции удивления и внешних проявлений такого состояния.

Выводы

В ходе исследования выявлено, что реализация эмоции «удивление» невербальными средствами определяется этнокультурной спецификой, которую способен передать автор посредством языка. Причиной удивления могут стать как положительные, так и отрицательные события, поэтому удивление считается сложной эмоцией.

Невербальные средства играют немаловажную роль в процессе коммуникации, они позволяют передавать или получать информацию с помощью языка тела: мимики, жестов, позы и др.

Для выражения эмоционального состояния «удивление» выделили следующие лексические единицы: *агъызыны ачмакъ* ‘открыть рот (от удивления)’, *къашиларны котерьмек* ‘поднять брови’, *козьлерни кенъ ачмакъ* ‘окрыть глаза широко’, *токътап кьалмакъ* ‘замереть / остановиться’ и др. Такие лексические единицы помогают передать особенности невербального общения крымских татар, отображают богатство крымскотатарского языка.

Список источников

1. Абдулкаримова П.А. Вербальные и невербальные средства эмоциональных реализаций // Инновационная наука. 2021. № 4. С. 123 – 125.
2. Асанова З.А. Лексические единицы, выражающие молчание, в произведениях Шамиля Алядина // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 1 (37). URL: <https://rulb.org/archive/1-37-2023-january/10.18454/RULB.2023.37.22>. DOI: 10.18454/RULB.2023.37.22
3. Асанова З.А., Аблямитова Г.Р. Лексические единицы, выражающие эмоцию «радость» (на примере крымскотатарских художественных произведений) // Современный ученый. 2023. № 6. С. 120 – 123.
4. Алядин Ш. Сайлама эсерлер [Избранные произведения]. Ташкент, 1976. Т. 2. 311 с.
5. Алядин Ш. Сайлама эсерлер [Избранные произведения]. Ташкент, 1987. 560 с.
6. Алядин Ш. Эгер севсенъ [Если любишь]. Ташкент, 1962. 442 с.
7. Верещагин Е.М. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 36 – 47.
8. Дмитриева Ю.В. Аспекты невербального поведения с точки зрения языкового выражения // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2019. С.168 – 174.
9. Деева И.В. Невербальные средства воздействия на аудиторию // International Journal of Humanities and Natural Sciences. № 4-2 (55). 2021. С. 39 – 43.
10. Михайлова Е.А. Средства невербального выражения удивления в русской разговорной речи // Молодой ученый. 2010. № 10 (21). С. 150 – 153.

References

1. Abdulkarimova P.A. Verbal and non-verbal means of emotional realizations. Innovative science. 2021. No. 4. P. 123 - 125.
2. Asanova Z.A. Lexical units expressing silence in the works of Shamil Alyadin. Russian Linguistic Bulletin. 2023. No. 1 (37). URL: <https://rulb.org/archive/1-37-2023-january/10.18454/RULB.2023.37.22>. DOI: 10.18454/RULB.2023.37.22
3. Asanova Z.A., Ablyamitova G.R. Lexical units expressing the emotion of "joy" (on the example of Crimean Tatar works of art). Modern scientist. 2023. No. 6. P. 120 – 123.

4. Alyadin Sh. Saylama eserler [Selected Works]. Tashkent, 1976. Vol. 2. 311 p.
5. Alyadin Sh. Saylama eserler [Selected Works]. Tashkent, 1987. 560 p.
6. Alyadin Sh. Eger sevsen' [If you love]. Tashkent, 1962. 442 p.
7. Vereshchagin E.M. On the peculiarities of reflection of facial expressions and gestures by verbal means (based on the Russian language). Problems of Linguistics. 1981. No. 1. P. 36 – 47.
8. Dmitrieva Yu.V. Aspects of non-verbal behavior from the point of view of linguistic expression. Izvestiya VSPU. Philological sciences. 2019. P. 168 – 174.
9. Deeva I.V. Non-verbal means of influencing the audience. International Journal of Humanities and Natural Sciences. No. 4-2 (55). 2021. P.39 – 43.
10. Mikhailova E.A. Means of non-verbal expression of surprise in Russian colloquial speech. Young scientist. 2010. No. 10 (21). P.150 – 153.

Информация об авторе

Асанова З.А., кандидат филологических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9114-5595>, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, zera_asan@mail.ru

© Асанова З.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'366.542

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-111-119

Предикаты лексико-семантической группы «исчезновения, утраты, гибели» в «зеркале» китайского языка

¹ Куликова Е.В., ² Жэнь Ян

¹ Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Китай,

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация: данная статья посвящена теме преподавания русского языка в иностранной аудитории, а именно в китайской, на продвинутом этапе обучения. Потребность анализа предикатов заявленного типа возникла при обсуждении темы «Стихийные бедствия и катастрофы» на уроках русского языка в группе магистрантов-географов первого года обучения. Такие важные темы, как экология, забота об окружающей среде и реакция последней на деятельность человека, привели к необходимости обсуждения данных тем на занятиях по русскому языку с будущими учёными-географами. Реальность такова, что антропогенный фактор, влияющий на нашу природу и окружающий нас мир, к сожалению, в большинстве случаев вызывает **гибель, утрату, смерть**, а порой и полное **исчезновение** некоторых видов животных и растений, **разрушение** ландшафтов и природных зон. Изучая тексты перечисленной тематики, выяснилось, что разные оттенки значений, выраженные в исследуемых предикатах в русском языке, имеют далеко не однозначные эквиваленты в китайском. И это привело к необходимости провести сопоставительный анализ определённого языкового материала с китайским языком.

Важно было найти области наибольшего несоответствия в значениях рассматриваемого в данной статье языкового материала в русском и китайском языках, провести подробный анализ сходств и различий, спрогнозировать возможные трудности и сделать методические выводы о путях преодоления ошибок в этой сфере, оставив для методистов задачу определить место, время и способ введения указанного материала в ходе учебного процесса.

Ключевые слова: предикаты исчезновения, гибели, утраты, иностранные учащиеся, продвинутый этап обучения, сравнительный анализ, методика РКИ

Для цитирования: Куликова Е.В., Жэнь Ян Предикаты лексико-семантической группы «исчезновения, утраты, гибели» в «зеркале» китайского языка // Современный ученый. 2025. № 1. С. 111 – 119. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-111-119

Поступила в редакцию: 16 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 17 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Predicates of the lexical-semantic group “disappearance, loss, death” in the «mirror» of the Chinese language

¹ Kulikova E.V., ² Zhen Yang

¹ Shenzhen MSU-BIT University, China,

² Moscow State University by Lomonosov name

Abstract: this article is devoted to the topic of teaching Russian in a foreign audience, namely in Chinese, at an advanced stage of learning. The need to analyze predicates of the declared type arose when discussing the topic "Natural disasters and catastrophes" in Russian language lessons in a group of master students-geographers of the first year of study. Such important topics as ecology, environmental care and the latter's reaction to human activity have led to the need to discuss these topics in Russian language classes with future geographers. The reality is that the anthropogenic factor affecting our nature and the world around us, unfortunately, in most cases causes death, loss, death, and sometimes the complete disappearance of some species of animals and plants, the destruction of landscapes and natural areas. Studying the texts of the listed topics, it turned out that the different shades of meanings expressed in the studied predicates in Russian have far from unambiguous equivalents in Chinese. And this led to the need to conduct a comparative analysis of certain language material with the Chinese language.

It was important to find the areas of greatest discrepancy in the meanings of the linguistic material considered in this article in Russian and Chinese, conduct a detailed analysis of similarities and differences, predict possible difficulties and draw methodological conclusions about ways to overcome mistakes in this area, leaving for methodologists the task of determining the place, time and method of introducing this material during the educational process.

Keywords: predicates of disappearance, death, loss, foreign students, advanced training stage, comparative analysis, the methodology of the Russian language as a foreign language

For citation: Kulikova E.V., Zhen Yang Predicates of the lexical-semantic group “disappearance, loss, death” in the «mirror» of the Chinese language. Modern Scientist. 2025. 1. P. 111 – 119. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-111-119

The article was submitted: September 16, 2024; Approved after reviewing: November 17, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

В данной статье авторы снова возвращаются к теме преподавания русского языка в иностранной аудитории, в нашем случае китайской, на продвинутом этапе обучения [4]. Потребность анализа предикатов заявленного типа возникла при обсуждении темы «Стихийные бедствия и катастрофы» на уроках русского языка в группе магистрантов-географов первого года обучения. Такие важные темы, как экология, в том числе и узкие её направления, например, экология города, труда, человека и т.п., забота об окружающей среде и реакция последней на деятельность человека, привели к необходимости обсуждения данных тем на занятиях по русскому языку с будущими учёными-географами. Реальность такова, что антропогенный фактор, влияющий на нашу природу и окружающий нас мир, к сожалению, в большинстве случаев вызывает *гибель, утрату, смерть*, а порой и полное *исчезновение* некоторых видов животных и растений, *разрушение* ландшафтов и

природных зон. Изучая тексты перечисленной тематики, выяснилось, что разные оттенки значений, выраженные в исследуемых предикатах в русском языке, имеют далеко не однозначные эквиваленты в китайском. И это привело нас к необходимости провести сопоставительный анализ определённого языкового материала с китайским языком.

«Сравнение фактов одного языка с фактами другого языка необходимо прежде всего для устранения возможностей давления родного языка» [8, с. 10]. Важно было найти области наибольшего несоответствия в значениях рассматриваемого в данной статье языкового материала в русском и китайском языках, провести подробный анализ сходств и различий, спрогнозировать возможные трудности и сделать методические выводы о путях преодоления ошибок в этой сфере, оставив для методистов задачу определить место, время и способ введения указанного материала в ходе учебного процесса [1, 2].

Материалы и методы исследований

Главным методом исследования является метод сопоставительного анализа русского и китайского языков, а также метод интерпретации, языковой трансформации, исследования словарной статьи.

Литературный обзор

Язык специальности (ЯС) – один из сложнейших уровней в преподавании русского языка в иностранной аудитории. Студенты, прошедшие подготовительный курс по русскому языку ещё до начала основного обучения, далее попадают в мир науки, излагаемой совершенно другими конструкциями и моделями нежели те, с которыми они уже познакомились в повседневном общении [5, 6].

Научный текст строится немного по другим законам и принципам, чем бытовая речь. Здесь учащемуся необходимо безошибочно вычленять субъекты или их отсутствие, предикаты, набор которых стандартен и несколько ограничен, объекты и всевозможные взаимоотношения между ними. В таких текстах, внимание направлено, как правило, на объект исследования, а не на субъект его изучающий. Зачастую это работает не так, как в обычном разговорном языке, который несомненно представляет собой отдельную трудность и нуждается в особом внимании [9, 10].

Если в русском языке оттенки значений заключены в сам глагол, то в китайском они могут быть выражены другими средствами и на помощь здесь приходят описательные предикаты [3]. Подробное их изучение и сопоставление может сильно облегчить понимание сложных научных текстов китайскими студентами. В учебной деятельности, иностранцам нужно не только читать и понимать научную литературу на русском языке, что является репродуктивным видом речевой деятельности [6], но и продуцировать свои собственные тексты, такие, например, как реферат, аннотация, выступление на семинаре или конференции, письменное и устное общение с научным руководителем, дипломная или курсовая работы, научные статьи. Чтобы справиться с такой задачей, необходимо научить иностранца работать с текстами учебников по специальности [7].

Результаты и обсуждения

Шаг №1. Поиск словарных эквивалентов в китайском языке для исследуемых глаголов.

Факт исчезновения, уничтожения, гибели чего-либо или кого-либо в русском языке обозначается: **1) переходными глаголами; 2) глаголами самопроизвольного действия**

уничтожать – уничтожить 消灭, 消除 (уничтожить безработицу 消灭失业; уничтожить сомнения 消除怀疑; уничтожать врагов 消灭敌人)

исчезать – исчезнуть 消失 (страх исчез 恐惧心消失了; кошелек исчез 钱包消失了; Улыбка никогда не исчезает с его лица. 他脸上的笑容从未消失过。)

разрушать – разрушить 破坏 (разрушать национальное единство 破坏民族团结; разрушать природу 破坏自然; Разрушите отношения 破坏关系)

разрушаться – разрушиться 倒塌 (старый дом разрушился 一所老房子倒塌了;)

взрывать – взорвать 爆炸 (взрывать мину 使地雷爆炸)

взрываться – взорваться 爆炸 (снаряд не взорвался - 炮弹没有爆炸)

губить – погубить 危害, 毁坏 (губить здоровье 危害健康; губить лес 毁坏森林; губить дело революции 危害革命事业)

погибать – погибнуть 阵亡, 失事 (Самолёт погиб. 飞机失事; погибнуть на фронте 在前线阵亡)

сжигать – сжечь 烧毁, (сжечь письмо 把信烧毁; сжигать мусор 焚烧垃圾; сжигать калории 燃烧卡路里)

сгорать – сгореть 烧掉, 烧完 (свеча сгорела - 蜡烛烧完了; дом сгорел - 房子烧掉了; Это топливо сгорает медленно. 这种燃料烧得慢。)

топить – утопить 沉没, 淹没 (Вода топит берега 水淹没了两岸; топить камни в реке 把一些石头沉在河里)

тонуть – утонуть 沉, 沉没 (дерево не тонет в воде 木头在水里不沉; тонуть в снегу 陷入雪里)

убивать – убить 打死, 消灭 (убить медведя 打死狗熊; убить надежды 使希望破灭)

умирать – умереть 逝世, 死亡 (умереть от болезни 因病逝世; умереть за Родину 为祖国献身)

истреблять – истребить 消灭, 灭绝 (истреблять вредных насекомых 消灭害虫;

истреблять леса 伐尽树林)

пропадать – пропасть 不见, 遗失, 消失 (ключи пропали 钥匙不见了; ребёнок пропал 小孩不见了; запах пропал 气味没有了)

терять – потерять 遗失, 丧失 (терять зрение 失明; терять ключи 丢失钥匙)

теряться– потеряться 失去, 浪费, 迷路 (Ребёнок потерялся в толпе 孩子在人群中迷路了; Мои ключи где-то потерялись 我的钥匙丢了).

ликвидировать 结束, 消灭, 消除 (ликвидировать дело 结束事务; ликвидировать задолженность 消除负债; ликвидировать последствия наводнения 消除水灾的后果)

Проиллюстрируем функционирование выше перечисленных глаголов в предложениях и представим их корреляты в китайском языке.

Примеры:

Эти бумаги не нужны, их можно сжечь.
这些文件是不需要的, 它们可以被烧毁。

(буквально: Эти бумаги **быть** не нужны, их можно (показатель пассива **被动**) сжечь.)

Колорадский жук погубил часть урожая картофеля.

科罗拉多甲虫 毁坏了部分的马铃薯作物

Она утопила свои часы в реке.

她把 (ba) 自己的手表 掉进 河里 了. («把»

(ba) — в китайском языке **ba**-предложения используются для обозначения конкретного действия, выполненного субъектом или объектом, и имеют следующий вид «А **把** (ba) В + V ...». Такие предложения, как правило, выражают действие субъекта, где А — это агенс, а В — пациенс. И А, и В должны быть определены и хорошо известны говорящему и слушающему. Если в предложении присутствует отрицательное наречие или модальный глагол, в структуре предложения они должны предшествовать **把** (ba): Он избил меня. 他 **把我** 打了.

= 他 打了我. Пожалуйста, дай мне кофе. 请 **把** 咖啡 给我. = 请 给我 咖啡. Мама очень чисто прибрала в комнате. 妈妈把房间打扫得很干净.)

Его отец погиб в автомобильной катастрофе, когда ему было 5 лет.

他的父亲 在他5岁时 死于 车祸. (букв.: Его отец, когда ему было 5 лет, погиб в автомобильной катастрофе.)

Озеро мелкое, в нём невозможно утонуть.

湖水 很浅, 不可能 淹没 其中. (букв.: Озеро очень мелкое, невозможно утонуть в нём.)

Лес на этой территории сгорел летом 1994 года.

这个地区 的 森林 在1994年 夏天 被 烧毁. (букв.: На этой территории **的** (de-показатель родительного падежа) Лес в 1994 году летом был сгорел.) (Следует отметить, что категории местонахождения и принадлежности в китайском и русском языках не совпадают и требуют особого внимания и изучения. Так, например, русскому предложению Лес на этой территории сгорел летом 1994 года, в китайском языке соответствует

предложение Лес этой территории в 1994 году летом сгорел (буквально: сгорелся – в китайском языке здесь пассив). Если для русского языка важно, что лес находится на этой территории, то в китайском языке лес, принадлежит данной территории, является её неотъемлемой частью. Эта тема последующих исследований).

Обращаем внимание на то, что некоторые из перечисленных глаголов самопроизвольного действия в русском языке не имеют частицы -СЯ.

Глаголы *исчезать*, *пропадать* антонимичны глаголу *появляться*.

Например, Он появлялся так же неожиданно, как и исчезал (пропадал).

Глагол *пропадать* чаще употребляется в разговорной речи, при упоминании в предложении субъекта состояния: У меня пропала тетрадь, пропало сомнение, желание и т.п.

Приведённый выше словарный перевод русских слов на китайский язык показывает, что некоторые русские слова, взятые в отдельности, в китайском языке имеют одинаковое значение. Это говорит о том, что недостаточно просто перевода отдельно взятых слов без контекста в китайской аудитории. Если для носителя русского языка, даже словарного толкования часто достаточно для понимания всех нюансов данных слов, то для китайских студентов такая лексическая группа требует определённой работы и особого представления исследуемого материала в учебной аудитории. Выработка конкретного алгоритма работы с такой лексикой может стать универсалией для введения подобных групп глаголов, например, глаголы со значением возникновения/ появления, наличия/ отсутствия, бытия и т.д.

В данной статье излагается возможный вариант введения таких лексических групп в китайской аудитории, а именно алгоритм, последовательность работы с предикатами со значением «исчезновения, утраты, гибели».

Итак, шаг №1, предполагающий изучение словарных статей, также необходим. После знакомства с толкованием изучаемых слов, китайский студент уже мотивирован, разобраться в нюансах увиденного и прочитанного.

В качестве переходного этапа к шагу №2 можно представить текст или отдельно взятые предложения, демонстрирующие функционирование исследуемых слов и попытаться их перевести. Например:

В результате извержения Везувия три города исчезли с лица земли.

Город был полностью разрушен землетрясением.

Пожар уничтожил все деревянные дома в городе.

Храм Христа-Спасителя был взорван в 1931 году.

Из библиотеки пропали ценные книги.

Засуха погубила урожай.

Шаг №2. Трансформационный потенциал предикатов исследуемой лексико-семантической группы в русском языке и его возможные эквиваленты в китайском.

1) Глаголы данной лексико-семантической группы в предложении могут свободно функционировать как в активных (неопределённо-личных) предложениях, так и в пассивных, трансформируясь для этого в краткие пассивные причастия.

Примеры:

Неисправность электропроводки быстро ликвидировали. – Неисправность электропроводки была быстро ликвидирована.

故障线路 很快 被 排除。 -故障线路 很快 被 排除。(букв.: Неисправность электропроводки быстро была ликвидирована. – Неисправность электропроводки быстро была ликвидирована.)

Старый мост взорвали. – Старый мост был взорван.

老桥 被 炸毁了。 -老桥 被 炸毁了。(букв.: Старый мост был взорван. – Старый мост был взорван.)

Старые дома разрушили и на их месте построили новые. – Старые дома были разрушены и на их месте построили новые.

老房子 被 拆除, 新房子 建 在他们的地方。 -老房子 被 拆除, 新房子 建 在他们的地方。(букв.: Старые дома были разрушены, новые построили на их месте. – Старые дома были разрушены, новые построили на их месте.)

Дикого зверя убили на охоте. – Дикий зверь был убит на охоте.

一只野生动物 在狩猎时 被 杀死。 -一只野生动物 在狩猎时 被 杀死。(букв.: Дикий зверь на охоте был убит – Дикий зверь на охоте был убит.)

Фермеры истребили всех грызунов, портящих урожай. – Все грызуны, портящие урожай были истреблены.

农民 消灭了 所有破坏收成的啮齿动物。 -所有破坏收成的啮齿动物都被消灭了。(букв.: Фермеры истребили всех портящих урожай грызунов – Все портящие урожай грызуны все были истреблены.)

Град уничтожил весь урожай. – Урожай был уничтожен градом.

冰雹摧毁了整个庄稼。 -庄稼被冰雹摧毁了。(букв.: Град уничтожил весь урожай. – Урожай был градом уничтожил.)

Старые вещи сожгли. – Старые вещи были сожжены.

旧的东西被 烧毁了。 -旧的东西被 烧毁了。(букв.: Старые вещи были сожгли. – Старые вещи были сожгли.)

Данный сопоставительный анализ показывает, что русским неопределённо-личным предложениям и пассивным предложениям с краткими пассивными причастиями соответствуют пассивные структуры в китайском языке.

Пожар уничтожил несколько гектаров леса. – Несколько гектаров леса было уничтожено пожаром.

火灾 烧毁了 几公顷 的 森林。 -几公顷的森林 被 (показатель пассива 被动) 大火 烧毁。(букв.: Пожар уничтожил несколько гектаров леса. – Несколько гектаров леса пожаром было уничтожено.)

Важно отметить и то, что в структуре китайского пассивного предложения логический субъект, соответствующий творительному падежу в русском предложении, должен следовать сразу за объектом, над которым он совершает действие, а потом уже само действие с показателем пассивности.

Как только в русском предложении появляется субъект и неопределённо-личное предложение становится полным двусоставным, в китайском языке ему соответствует такое же двусоставное полное с вполне фиксированным порядком слов: субъект, предикат, определение объекта, объект.

Фермеры истребили всех грызунов, портящих урожай. – Все грызуны, портящие урожай были истреблены.

农民 消灭了 所有破坏收成的啮齿动物。 -所有破坏收成的啮齿动物都被消灭了。(букв.: Фермеры истребили всех портящих урожай грызунов – Все портящие урожай грызуны все были истреблены.)

2) Соответствующие исследуемым глаголам описательные предикаты и их корреляты в китайском языке.

Примеры:

Склад сгорел. – На складе произошёл пожар.(更官方)

仓库 被 烧毁了。 在仓库里 发生了 火灾。(букв.: Склад был сгорел. – На складе произошёл пожар.)

Важные документы потеряли. – Произошла потеря (утеря) важных документов.

重要 文件 丢失了。 -发生了 重要文件 丢失的情况。(букв.: Важные документы потеряли (потерянные). – Произошла важных документов потеря ситуация.)

На полигоне уничтожили боеприпасы времён Второй мировой войны. – Произвели плановое уничтожение боеприпасов Второй мировой войны.

Вторая мировая война. – Второй мировой войны боеприпасы На полигоне были уничтожены. – Как и планировалось, кто-то уничтожил времен Второй мировой войны боеприпасы.)

Спасатели ликвидируют последствия аварии. – Спасатели производят ликвидацию последствий аварии.

Спасатели ликвидируют последствия аварии. – Спасатели ликвидируют последствия аварии. (букв.: Спасатели ликвидируют последствия аварии. – Спасатели ликвидируют последствия аварии.)

Старый мост взорвали. – Сапёры произвели взрыв старого моста.

Старый мост были взорвали. – Сапёры взорвали старый мост.)

Некоторые дома затопило после наводнения. – В результате наводнения произошло затопление некоторых домов.

После наводнения, некоторые дома были затоплены. – В результате наводнения некоторые дома были затоплены.)

Дождь затопил некоторые дома. – В результате сильного дождя произошло затопление домов.

Дождь затопил некоторые дома. – В результате сильного дождя некоторые дома были затоплены.)

Строители разрушили старый дом. – В результате строительных работ произошло разрушение старого дома. Строители разрушили старый дом. (букв.: Строители разрушили старый дом. – В результате работ старый дом был разрушен.)

Строители разрушили старый дом. – В результате работ старый дом был разрушен.)

В результате загрязнения водоёмов погибло много рыбы. – Гибель рыбы произошла в результате загрязнения водоёмов.

В результате загрязнения водоёмов много рыбы погибло. – Гибель рыбы вызвана (стала причиной) загрязнением водоёмов.)

Преступник совершил убийство и скрылся с места преступления.

Преступник совершил убийство и скрылся с места преступления.

Показательно, что в случае с описательными предикатами, как правило со сословом «произошло», в китайском языке их можно разделить на два типа: 1) описательные предикаты, в которых существительное в китайском языке образовано не от глагола произошёл пожар, произошло убийство, произошла смерть/гибель, произошла потеря/утра (ситуация исчезновения); 2) описательные предикаты, в которых существительные коррелируют с глаголом произошло уничтожение, произошло разрушение, произошёл взрыв.

Предикаты первого типа будут образовывать простые двусоставные предложения (субъект + предикат): На складе произошёл пожар. В библиотеке произошла потеря (утра) важных документов. Произошла гибель рыбы в результате загрязнения водоёма. Произошло разрушение старого моста.

Предикаты второго типа будут снова функционировать в пассивных конструкциях (объект + показатель пассива + предикат): В результате сильного дождя произошло затопление домов. Из-за сильного дождя произошло затопление домов. Из-за сильного дождя произошло затопление домов.

В тех случаях, когда в предложении появляется субъект, а предикат так и выражен описательным предикатом, в китайском предложении на его месте появляется обычный глагол, равный нашему предикату: Спасатели производят ликвидацию последствий аварии. Спасатели производят ликвидацию последствий аварии. Спасатели производят ликвидацию последствий аварии. Спасатели производят ликвидацию последствий аварии.

Таким образом, можно говорить о важности в китайском языке природы существительного, образовано оно от глагола или изначально является существительным, этот факт оказывает влияние на его функционирование на синтаксическом уровне.

3) Функционирование соответствующих отглагольных существительных и их эквиваленты в китайском языке.

Практически от всех исследуемых нами глаголов образуются отглагольные существительные по разным словообразовательным моделям, а некоторым глаголам соответствуют существительные с другим корнем.

уничтожать – уничтожение уничтожение (уничтожение противоположности между городом и деревней – уничтожение городов и деревень)

разрушать – разрушение разрушение (Землетрясение произвело грандиозные разрушения. Землетрясение произвело грандиозные разрушения.)

истреблять – истребление истребление (истребление крыс истребление крыс)

взрывать – взрыв 爆炸 (ядерный взрыв – 核爆炸)
пропадать – пропажа 遗失 (пропажа денег – 遗失钱)

губить – гибель 灭亡 (обрекать кого-либо на гибель – 使...注定灭亡)

сжигать – поджог/ пожар 火灾 (тушить пожар – 灭火)

топить – затопление 淹没 (затопление судна 沉船)

убивать – убийство 杀人 (убийство из-за угла – 暗杀)

потерять – потеря 丧失 (потеря трудоспособности – 丧失劳动能力)

ликвидировать – ликвидация 消灭, 清除 (ликвидация брака 清除废品)

умирать – умирание (процесс) смерть 结果 (умереть от раны – 受伤而死; он умер смертью героя – 他死得很有英雄气概; смерть растения 植物死亡; скоростная смерть 猝死, 暴卒)

Данные существительные в составе описательных предикатов и в сочетании с другими предикатами (например, предикативными наречиями: необходимо уничтожение) активно употребляются в научном, научно-популярном и публицистическом стилях речи.

Сильные дожди привели к затоплению приусадебных участков.

大雨 导致 宅基地 被淹没。(букв.: Сильные дожди привели приусадебные участки были затоплены.)

Уничтожение лесов приводит к гибели многих животных.

森林的破坏 导致 许多动物死亡。(букв.: Лесов уничтожение приводит многих животных к гибели.)

Истребление некоторых видов насекомых необходимо для повышения урожая.

为了提高产量,必须消灭一些昆虫。(букв.: Для повышения урожая, необходимо истреблять некоторых видов насекомых.)

Ликвидация последствий пожара длилась 5 часов.

消除 火灾的后果 持续了 5 个小时。(букв.: Ликвидация последствий пожара длилась 5 часов.)

Разрушение древнего города было вызвано извержением вулкана.

古城的破坏 是 由火山爆发 造成的。(букв.: Древнего города разрушение было извержением вулкана вызвано.)

Пожар привёл к гибели многих животных в лесах Австралии.

火灾 导致 澳大利亚森林中许多动物死亡。(букв.: Пожар привёл в лесах Австралии многих

животных к гибели.)

Смерть многих людей является результатом болезней сердца.

许多人的死亡 是 心脏病的结果。(букв.: Многие людей смерть является результатом болезней сердца.)

В данной группе примеров, мы видим, что в китайском языке также существует описательный предикат приводит к смерти/ гибели/ существованию. И если в русском языке причина, приводящая к исчезновению объекта, уже так или иначе указывается в самом слове смерть – естественное исчезновение, гибель – в результате каких-то внешних причин, то в китайском языке пояснение причины выражается в разного рода обстоятельствах. Это говорит о том, что для китайского сознания первичен сам факт бытия/ небытия объекта, его существования/ исчезновения, а уж потом, указывается каким образом это произошло. Например, в русских предложениях: Старый дом разрушился. – Произошло разрушение старого дома; подразумевается, что дом постепенно приходил в негодность и в конце концов перестал существовать. В китайском эквиваленте акцент делается именно на итоге события, буквально означает Старый дом рухнул. – Произошло обрушение старого дома. Требуются дополнительные средства выражения, чтобы указать причину этого обрушения, например, от старости, по причине старения.

老房子 倒塌了。 - 发生了老房子的倒塌 (由于地点)

Дом рухнул от старости. 房子因年久失修而倒塌。

Выводы

Выше приведённый анализ предикатов со значением «исчезновения, утраты, гибели», говорит о том, что для введения их в китайской аудитории, следует придерживаться, как минимум следующих принципов:

1) Неопределённо-личным русским предложениям и предложениям с пассивными краткими причастиями соответствуют пассивные предложения в китайском языке.

2) В китайском языке описательные предикаты по-разному ведут себя на синтаксическом уровне в зависимости от природы входящего в них существительного: является ли оно отглагольным или существует в языке изначально как существительное.

3) Категория бытия в китайском языке является главенствующей, поэтому важно обращать внимание на то, перестал ли объект существовать вообще и потом указывать на причины это вызвавшие или же объект ещё существует, но посте-

пенно приходит в негодность.

4) Возможно, предложения с исследуемыми предикатами следует презентовать в два этапа: 1) что перестало существовать; 2) что послужило этому причиной.

5) Следует обратить внимание на разницу в представлении объектов, с которыми происходят действия, если в русском языке объект может характеризоваться через местоположение его на какой-то территории *лес на этой территории* в ки-

тайском языке через его принадлежность данной территории *лес этой территории*.

Соблюдение этих принципов значительно облегчит понимание китайскими студентами текстов определённой направленности и поможет избежать ошибок в будущем. Представляется необходимым дальнейший подробный анализ предикатов и других тематических групп, таких как «возникновение», «существование», «рост» и т.д. Это темы последующих работ.

Список источников

1. Богданова Н.А., Солнцева Е.Г. Основные типы лексических значений в китайском языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 11. С. 110 – 112.
2. Всеволодова М.В., Дементьева О.Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений. М., 1997.
3. Дементьева О.Ю., Чжан Синь Русские описательные предикаты, включающие глаголы движения без приставок, в «зеркале» китайского языка // Мир науки, культуры и образования. 2024. № 2 (105). С. 44 – 47.
4. Карпека Д.А. Глагол и грамматические категории предикатов в современном китайском языке. СПб.: Восточный экспресс, 2017. 385 с.
5. Куликова Е.В. Алгоритм работы с текстами по языку специальности (ЯС) в иностранной аудитории // Вестник филологических наук. 2024. № 5. С. 222 – 228.
6. Куликова Е.В. Словосочетания в коммуникативно-синтаксической организации предложения (актуальное членение (АЧ)) / Образование и право. 2024. № 7. С. 357 – 363.
7. Люй Сыци Пути повышения результативности современных научных исследований / Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна». 2022. С. 124 – 128.
8. Серебренников Б.А. Всякое ли сопоставление полезно? // Русский язык в национальной школе. 1957. № 2. С. 10 – 15.
9. Юй Лу Семантическая парадигма предложений с экспрессивно-образными описательными предикатами (на материале экспрессивнообразных ОП со значением «плакать») на фоне китайского языка // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки №5-2, 2022. С. 186 – 193.
10. 郭淑芬 俄语描写述谓的基本类型和功能语体特点[J], 《中国俄语教学》, 2007年第4期, 26 – 30页 / Го Шуфэн Основные типы и функционально-стилистические характеристики описательных предикатов в русском языке // Русский язык в Китае. 2007. № 4. С. 26 – 30.

References

1. Bogdanova N.A., Solntseva E.G. The main types of lexical meanings in the Chinese language. Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities. 2022. No. 11. P. 110 – 112.
2. Vsevolodova M.V., Dementeva O.Yu. Problems of syntactic paradigmatics: communicative paradigm of sentences. Moscow, 1997.
3. Dementeva O.Yu., Zhang Xin Russian descriptive predicates including verbs of motion without prefixes in the "mirror" of the Chinese language. The world of science, culture and education. 2024. No. 2 (105). P. 44 – 47.
4. Karpeka D.A. Verb and grammatical categories of predicates in modern Chinese. SPb.: Vostochny Express, 2017. 385 p.
5. Kulikova E.V. Algorithm for working with texts on the language of the specialty (LS) in a foreign audience. Bulletin of philological sciences. 2024. No. 5. P. 222 – 228.
6. Kulikova E.V. Word combinations in the communicative-syntactic organization of a sentence (actual division (AD)). Education and Law. 2024. No. 7. P. 357 – 363.
7. Lyu Siqi Ways to improve the effectiveness of modern scientific research. Limited Liability Company "Aeterna". 2022. P. 124 – 128.
8. Serebrennikov B.A. Is every comparison useful? Russian language in the national school. 1957. No. 2. P. 10 – 15.

9. Yu Lu Semantic paradigm of sentences with expressive-figurative descriptive predicates (based on expressive-figurative OP with the meaning “to cry”) against the background of the Chinese language. Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities No. 5-2, 2022. P. 186 – 193.

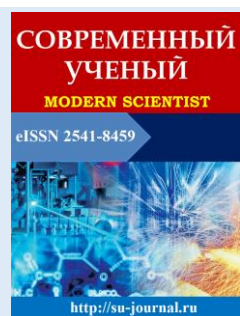
10. 郭淑芬俄语描写述谓的基本类型和功能语体特点[J], 《中国俄语教学》·2007年第4期, 26 - 30页
. Guo Shufen Basic types and functional-stylistic characteristics of descriptive predicates in the Russian language. Russian language in China. 2007. No. 4. P. 26 – 30.

Информация об авторах

Куликова Е.В., кандидат филологических наук, старший преподаватель, Центр русского языка, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Китай, katyaku@mail.ru

Жэнь Ян, аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, reny@my.msu.ru

© Куликова Е.В., Жэнь Ян, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81`42

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-120-126

Немецкие концепции дискурса: школы и принципы рассмотрений

¹ Ахметов А.А.

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: за последние несколько лет анализ дискурса стал ключевым направлением, как в теории, так и в практике немецкоязычной лингвистики. С лингвистической точки зрения дискурс-анализ можно рассматривать как подход к анализу звучащей речи, так и принцип рассмотрения текстов с точки зрения двойственности. В рамках немецкой языковой традиции критический дискурс-анализ представлен различными школами, такими как Дуйсбургская, Гейдельбергская/Мангеймская группа, Франкфуртская школа и другие, каждая из которых имеет свои акценты. Например, Дуйсбургская школа, связанная с фигурами Зигфрида Йегера и Юргена Линка, исследует политические дискурсы, затрагивая темы неонацизма и расизма. Линк развивает концепцию «Syscoll», которая рассматривает дискурс как сеть культурных символов, объединяющую различные дискурсивные поля. Мы постарались детально изложить немецкоязычные концепции и методы различных направлений в области критического анализа дискурса, что позволяет лучше понять их значимость и применение в социальных науках. Эти различные подходы критикуют отношения власти и социальное угнетение, исследуя, как дискурс формирует и преобразует социальные реалии. Разнообразие методов и фокусов позволяет исследователям под разными углами рассматривать сложные социальные феномены, выявляя механизмы оспаривания доминирующих дискурсов и предлагая стратегии для социальных изменений.

Ключевые слова: немецкоязычная лингвистика, концепции дискурс-анализа, немецкоязычные школы дискурс-анализа, перспективы дискурс-анализа

Для цитирования: Ахметов А.А. Немецкие концепции дискурса: школы и принципы рассмотрений // Современный ученый. 2025. № 1. С. 120 – 126. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-120-126

Поступила в редакцию: 16 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 18 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

German concepts of discourse: schools and principles of consideration

¹ Akhmetov A.A.

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: over the last few years, discourse analysis has become a key trend in both the theory and practice of German-language linguistics. From a linguistic point of view, discourse analysis can be seen both as an approach to speech analysis and as a principle of examining texts from a duality perspective. Within the German linguistic tradition, critical discourse analysis is represented by various schools such as the Duisburg School, the Heidelberg/Mannheim group, the Frankfurt School and others, each with its own features. For example, the Duisburg School, associated with the figures of Siegfried Jäger and Jürgen Link, explores political discourses, touching on themes of neo-fascism and racism. Link develops the concept of «Syscoll», which views discourse as a network of

cultural symbols that connects different discursive fields. We have endeavoured to outline in detail the German-language concepts and methods of various strands in the field of critical discourse analysis, which allows for a better understanding of their relevance and application in the social sciences. These different approaches criticize power relations and social oppression by exploring how discourse shapes and transforms social realities. The diversity of methods and focuses allows researchers to examine complex social phenomena from different angles, revealing mechanisms for challenging dominant discourses and suggesting strategies for social change.

Keywords: German-language linguistics, concepts of discourse analysis, German-language schools of discourse analysis, prospects of discourse analysis

For citation: Akhmetov A.A. German concepts of discourse: schools and principles of consideration. Modern Scientist. 2025. 1. P. 120 – 126. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-120-126

The article was submitted: September 16, 2024; Approved after reviewing: November 18, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Актуальность данного исследования составляет обзорное исследование подходов немецких исследователей дискурса, а также выявление особенностей основных немецких школ дискурс-анализа. Выбор темы исследования – немецкоязычные особенности дискурс-анализа – связан, прежде всего, с тем, что анализ подходов данных школ может быть использован в качестве базы для более объективного рассмотрения сходств и различий в подходах к дискурс-анализу отечественных школ и исследователей.

Российская школа лингвистики текста, которая первоначально занималась исследованием письменных текстов (Гальперин, 1982; Тураева, 1986; Реферовская, 1983; Филиппов, 1989; и др.) включает в себя рассмотрение вопросов соотношения текста и предложения, текста и сверхфразового единства (Серкова, 1978), текстовой когерентности и когезии (Гальперин, 1982; Реферовская, 1983), спецификой различных жанров (Бахтанов, 1940-е – 1970-е гг.; Топоров, 1970), теории текстовой организации (Гальперин, 1981; Тураева, 1986), контекстуальные аспекты (Реферовская, 1983; Печенкина, 1990), влияния на прикладные науки (Зализняк, 1980-е – 1990-е гг.; Эпштейн, 1980).

Опираясь на два ключевых современных подхода к пониманию дискурса в отечественной лингвистике, следует отметить, что дискурс рассматривается как текст, то есть «текст в его текстовой данности» [2, с. 670]. Одновременно дискурс трактуется как множество текстов, например, медиадискурс включает все медиатексты. Также к дискурсу можно приравнять цепочки речевых актов [1, с. 22]; это понимание опирается на теорию речевых актов и их классификацию на типы: асертивы, директивы, декларативы, комиссивы, эмотивы [3, с. 18]. Таким образом, дискурс может иметь любую структуру, начиная от двух и более связанных высказываний (речевых актов) до цель-

ных текстов и совокупностей текстов, из которых, например, состоит медиадискурс.

В немецкоязычной научной литературе по отношению к дискурс-исследованиям часто используется критический подход.

Материалы и методы исследований

В данной статье для исследования поставленной проблемы была использована комплексная методология, в рамках которой применялись следующие методы: обзор, изучение и анализ существующих публикаций в области дискурс-анализа, как отечественных, так и зарубежных, с особым акцентом на немецкоязычные научные традиции.

Первоначально был проведён систематический обзор литературы, включающий как эмпирические, так и теоретические исследования, что позволило сформулировать обоснованный подход к анализируемой проблематике. В результате данного этапа исследования были выделены ключевые немецкоязычные школы, специализирующиеся на дискурс-анализе, и определены их основные концептуальные идеи и методологические инструменты.

На следующем этапе был осуществлён качественный анализ с целью сопоставления немецких подходов друг с другом, а также с существующими отечественными методологиями в области дискурс-анализа. Данный сопоставительный анализ позволяет выявить как общие тенденции в исследованиях, так и специфические различия, что значительно обогатило теоретическую базу исследования и позволило глубже понять развитие дискурс-аналитических методов в различных научных контекстах.

Таким образом, комплексный подход, включающий обзор литературы, систематизацию и сопоставление, способствует более полному пониманию дискурс-аналитических практик и их применения в современных научных исследованиях.

Критический дискурс-анализ

Критический дискурс-анализ схож с другими подходами в том, что он рассматривает устные и письменные тексты синхронно и диахронно, выявляя тематическую связь между ними. Он анализирует форму и содержание текстов с целью понимания дискурсивных отсылок за их пределами.

Критический дискурс-анализ следует традиции критической теории социальной философии, включая работы Маркса, Хоркхаймера, Адорно, Маркузе, Хабермаса и других. Он рассматривает устную и письменную речь как социальную практику, конструирующую и отражающую социальные условия. Этот подход стремится найти связь между языковыми средствами и действиями в дискурсе, а также между дискурсивной практикой и политической, социальной и институциональной реальностью.

Критический дискурс-анализ также объединяет теорию и эмпирический анализ с социально-практическими действиями в стремлении выявить формы власти, лингвистические манипуляции и стратегии исключения. Этот подход разрабатывает связь между дискурсами и социальной реальностью, придавая особое значение власти над дискурсом и власти в дискурсе.

Помимо традиционных аспектов теории и истории науки, упомянутых ранее, критический анализ дискурса следует рассматривать, как критический в его стремлении соединить теорию дискурса с эмпирическим исследованием и социально значимыми действиями. Это можно воспринимать в двух аспектах: с одной стороны, он нацелен на сокрытие и дискурсивное закрепление форм власти, а также на выявление лингвистических манипуляций и стратегий исключения; с другой стороны, он открыто противостоит анализируемым практикам, стремясь найти произвольную этико-моральную основу [9, с. 19]. Несмотря на общие теоретические предпосылки и критическое самосознание, парадигма критического дискурс-анализа в немецкоязычном научном пространстве не является однородной. Подробнее остановимся на основных подходах и направлениях немецких языковедов по отношению к критическому дискурс-анализу, а именно: Дуйсбургская школа, Гейдельбергская/Мангеймская группа и «Венский критический анализ дискурса».

Дуйсбургская школа в первую очередь ассоциируется с именем Зигфрида Йегера, на которого значительное влияние оказал Юрген Линк, особенно в контексте восприятия работ Фуко. Как для Йегера, так и для Линка основным объектом исследования являются современные политические дискурсы и их роль в легитимации власти в бур-

жуазно-капиталистическом обществе [9, с. 151]. Особое внимание уделяется темам неофашизма, расизма и другим связанным дискурсам. Ключевым предложением Линка является концепция «Sysykoll» – синхронной системы коллективных символов (Synchrones System von Kollektivsymbolen), которая рассматривает дискурсы как сеть, объединяющую интердискурс и общее культурное знание, извлеченное из различных специализированных дискурсов, в тотализирующих и интегрирующих формах речи [9, с. 152–163]. Йегер основывается на этом, выделяя факторы связности, охватывающие предложения, тексты и дискурсы.

В своем теоретико-дискурсивном подходе Йегер объединяет качественные социальные исследования и лингвистику с целью создания дискурсивно-аналитического метода для систематического изучения взаимосвязи между действиями, мыслями и речью людей в конкретных социальных и исторических контекстах. С точки зрения дискурс-технологической теории крайне важно рассматривать тексты не как результаты индивидуальной деятельности, а как составные части надличностного, социально-исторического дискурса [9, с. 142]. Это означает, что тексты являются элементами дискурса, которые отсылают к социальным процессам и могут как стабилизировать, так и изменять их [9, с. 12]. Конечный набор таких фрагментов дискурса или последовательность тематически однородных фрагментов формируют дискурс. Эти нити взаимосвязаны между собой через междискурсивные тематические узлы, дискурсивные узлы и общепринятые коллективные символы, соединяя их, чтобы создать единый дискурс для всего общества.

Йегер представил свою уникальную методологию для «распутывания» этой часто запутанной дискурсивной ситуации, что открывает ему возможность использовать дискурс-анализ в двойственном аспекте в контексте социального анализа. С одной стороны, как археология, этот подход должен дать возможность рассмотреть историю человечества, а с другой — как прогноз, он должен помочь разработать реалистичные сценарии будущих дискурсивных процессов. В этот момент дискурсивные вмешательства способны изменить отношение, что открывает шанс победить в борьбе против власти доминирующих дискурсов и тех форм социального угнетения, которые они порождают.

«Венский критический анализ дискурса» позиционирует себя в контексте традиций Франкфуртской школы и исследований социолингвистики Бернштейна. Он разрабатывался австрийской исследовательской группой под руководством Рут

Водак с 1990-х годов в рамках многочисленных проектов, посвященных дискурсивному конструированию различий (например, в вопросах антисемитизма, расизма, сексизма, а также в контексте румынских беженцев и нацистского прошлого). В отличие от этого, исследование, посвященное дискурсивному формированию национальной идентичности, опубликованное в 1998 году, сосредотачивается на лингвистическом конструировании равенства. В основе данного анализа лежит различие между тремя взаимосвязанными аспектами: содержательным измерением, измерением аргументационных стратегий и языковыми средствами реализации на уровне слов, предложений и текстов.

Дискурсно-исторический метод венского критического анализа дискурса направлен на систематическое использование всей доступной справочной информации при анализе устных и письменных текстов с разной степенью публичности. Эта методология предназначена, прежде всего, для выявления скрытой дискриминации, выраженной в аллюзиях, метафорах, пресуппозициях и других элементах, поэтому ее основная сфера применения заключается в исследовании предрассудков.

Норман Фэрклоу преследует иную цель. В центре его исследовательских интересов находится связь между изменениями в дискурсе и социокультурными трансформациями. Дискурсивные изменения начинают проявляться для текстоаналитика в виде наложения различных дискурсов и жанров в текстах, что со временем изменяет отношения между различными дискурсивными практиками как внутри отдельных институтов, так и между ними, вызывая сдвиги в границах порядков дискурса [8, с. 265].

По мнению Фэрклоу, текстовый анализ невозможно разделить на изучение формы и содержание, так как эти два аспекта тесно связаны. В анализе текста используются два взаимодополняющих метода: с одной стороны, лингвистический анализ, а с другой — интертекстуальный анализ. Лингвистический анализ исследует выбор, осуществленный из лексического запаса для создания текста, в то время как интертекстуальный анализ фокусируется на выборе из доступных порядков дискурса, то есть из набора конвенциональных практик, таких как жанры, дискурсы и нарративы.

Для реализации теоретической идеи о социальной конструктивности текстов и дискурсов Фэрклоу выделяет три области, сформированные дискурсивно: системы знаний и убеждений, социальные отношения и идентичность, как социальная, так и личная. Кроме того, опираясь на теорию многофункционального языка Халлидея, он раз-

личает идеальные, межличностные и текстовые функции языка. На сегодняшний день, помимо текстовой, каждое языковое высказывание также включает идеальную функцию, способствующую формированию знаний, и межличностную функцию, которая играет роль в установлении социальных отношений и идентичностей, т.е. в закреплении всех трех аспектов общества [7].

Если у Фэрклоу порядки дискурса выступают в качестве связующего звена между текстом и обществом, тогда как в голландском дискурс-анализе Тёна ван Дейка структуры индивидуальных и социальных знаний служат посредниками между языковой и социальной практикой. Он утверждает, что нельзя устанавливать прямые связи между типичными социальными макроструктурами, такими как доминирование, институциональная власть и социальное неравенство, и типичными микро-структурами, такими как текст, речь или коммуникативное взаимодействие. Для устранения этого теоретического пробела необходимо принять социокогнитивный подход, который станет связующим звеном между языковыми и социальными структурами или между дискурсом и доминированием [13, с. 251]. Таким образом, связь между дискурсивными структурами и ментальными репрезентациями социальных явлений требует интеграции психологии с теорией дискурса для систематического изучения лингвистической практики социального познания [12, с. 104]. Социальное познание, с одной стороны, существует в индивидуальном опыте, но с другой стороны, оно разделяется и воспринимается членами группы, что делает его социально закрепленным, и таким образом оно может служить посредником между социальными микро- и макроуровнями, между дискурсом и действием, а также между индивидуумом и группой (там же). Основная задача критического анализа дискурса заключается в том, чтобы точно описать, объяснить и критически оценить, как доминирующие дискурсы формируют общие социальные знания, нормы, ценности, отношения и идеологии через создание ментальных моделей [12, с. 258].

В то же время, признание того, что дискурсивное воспроизводство властных отношений не ограничивается нисходящими процессами, эмпирическая работа в основном сосредоточена на изучении дискурсивных практик доминирующих групп. Важно учитывать, что просвещения не только происходит посредством интеллектуального вмешательства «сверху» и направлено на «верхние» уровни — т.е. горизонтально — но должно также учитывать и неясное, механизмы подчинения, стабилизирующие консенсус.

Гейдельбергская/Мангеймская группа

Одной из основных школ дискурс-анализа является Гуйдельбургская/Мангеймская группа, которая ориентируется на историческую семантику. Она имеет свои корни в истории концепций и рассматривается как дополнение и альтернатива ей. История концепций направлена на понимание и объяснение изменений восприятия реальности через описание содержания понятий. В этом процессе применяются традиционные интеллектуально-исторические методы, а также акцентируется внимание на высокой литературе, которая, по мнению критиков, лишь создает историю научно-философского сознания. В противовес этому, Дитрих Буссе и Фриц Германнс предлагают программу «всеобъемлющей истории сознания в исторические времена» [5, с. 11] и «историю языка как историю менталитета» [10].

В то время как история концептов фокусируется на значении отдельных слов и в конечном итоге ориентируется на их словоформы, представители гейдельбергско-мангеймской группы привлекает богатство семантики. Эта семантика, исходя из ситуации и контекста их языкового использования, включает в свою объяснительную модель разнообразие коммуникационных значений языковых знаков. Семантика дискурса представляет собой подходящий метод для объяснения всего, что касается значения или понимания [5, с. 12 и с. 251]. В своей работе представители этой разновидности дискурс-анализа в значительной степени опираются на идеи Фуко, но, в отличие от него, не стремятся к идеологической критике, а действуют в рамках дескриптивно-аналитической работы. Существует два основных аспекта их познавательных целей: с одной стороны, описание концептуальной структуры реальности, с другой – выявление глубоких смысловых структур (например, в контексте исторического априори Фуко), которые принимаются за очевидные в текстах и, соответственно, остаются невысказанными.

Определение репрезентативности корпуса вызывает больше сложностей, чем оценка важности текста. В лексикографии репрезентативность, по сути, представляет собой статистическую задачу, тогда как в семантике дискурса она возникает только как результат акта интерпретации. Поскольку корпус уже сформирован тематически и содержательно в соответствии с интересами исследователя, его репрезентативность может быть достигнута лишь через понимание текстов виртуального корпуса, которые он многократно пересматривал [6, с. 14]. В связи с этим Германнс отмечает, что дискурсивно-историческая семантика осуществляется герменевтически уже на этапе вы-

бора источника [10, с. 90]. В определенных случаях, когда речь идет о качестве исследуемых объектов, при создании корпуса важно также учитывать однородность. Например, при изучении изменения значения слов в идеологической лексике следует следить за тем, чтобы тексты в корпусе были идеологически однородны. Подобные действия позволяют временно отфильтровывать текущие политические тенденции для дальнейшего более качественного их анализа. Также целесообразно формировать однородные подкорпусы, относительно которых можно будет позже оценивать современные политические тренды. Критерий однородности для создания корпуса предполагает, что такие тексты должны быть связаны между собой или явно выражать подлинность. Кроме того, корпус становится однородным, когда включает функционально схожие тексты [11, с. 190].

Согласно взглядам членов Гейдельбергской/Мангеймской группы, анализ дискурса использует, с одной стороны, описательную методологию семантики слова, предложения и текста. Исследование ключевых понятий и терминов, а также их формирование в концептуальные системы на уровне слов с учетом текстового контекста, а также реконструкция утверждений и их систем на уровне предложений могут помочь выявить конкурирующие концептуальные и высказывательные структуры в дискурсе [6, с. 22]. Семантические предпосылки, значения и условия действия языковых знаков должны быть проанализированы через призму аргументации [6, с. 23].

На практике представители Гейдельбергско-Мангеймской группы в основном фокусируются на изучении отдельных ключевых понятий или слов, классифицируя их в концептуальные структуры (Hermanns, 1991; Teubert, 1998). В то же время анализ определенных семантических основных фигур, независимо от словоформы, встречается реже (Busse, 1997). В последнее время некоторые члены группы начали обращаться к когнитивной семантике и пытаются найти социально-психологические основы для своих концепций (Hermanns, 1995).

Результаты и обсуждения

В результате проведенного исследования было установлено, что представленные в данной статье школы имеют как точки соприкосновения, так и различия в подходах проведения дискурс-анализа. Первое на что следует обратить внимание – опора на идеи Мишеля Фуко, как это видно по работе Дуйсбургской школы и Гейдельбергской/Мангеймской группы анализа дискурса. Если основным объектом исследования Дуйсбургской школы являются современные политические дис-

курсы и их роль в легитимации власти в буржуазно-капиталистическом обществе, с акцентом на такие темы, как неофашизм и расизм, то представители Гейдельбургской/Мангеймской группы в своей работе также во многом опираются на идеи Фуко, но, в отличие от него, не стремятся к идеологической критике, а сосредотачиваются на дескриптивно-аналитической деятельности. Они преследуют две основные познавательные цели: с одной стороны, описать концептуальную структуру реальности, а с другой – выявить глубинные смысловые структуры (например, в контексте исторического априори Фуко), которые принимаются как само собой разумеющиеся в текстах и зачастую остаются невысказанными. Юрген Линк, представитель Дуйсбургской школы и один из главных последователей идей Фуко, предложил концепцию, которая рассматривает дискурсы как сеть, объединяющую различные культурные и специализированные знания. Зигфрид Йегер, в свою очередь, как главный последователь Дуйсбургской школы, опираясь на работы Юргена Линка, разработал свою уникальную методологию для анализа сложных и запутанных дискурсивных ситуаций, что позволяет ему применять дискурс-анализ в двойственном ключе в рамках социального анализа. С одной стороны, этот подход предоставляет возможность изучить историю человечества, а с другой стороны, он служит инструментом для разработки реалистичных сценариев будущих дискурсивных процессов.

Исследования членов группы «Венского критического дискурс-анализа» охватывают дискриминационные дискурсы, включая антисемитизм, расизм и сексизм, а также вопросы, связанные с румынскими беженцами и нацистским прошлым.

В 1998 году было проведено исследование, сосредоточенное на дискурсивном формировании национальной идентичности, акцентируя внимание на лингвистическом конструировании равенства. Анализ основывается на трёх взаимосвязанных аспектах: содержательном измерении, аргументационных стратегиях и языковых средствах.

Дискурсно-исторический метод венского группы фокусируется на систематическом использовании всех доступных справочных материалов для анализа устных и письменных текстов различной публичности, что позволяет выявить скрытую дискриминацию, проявляющиеся через литературные приемы, которые в первую очередь используются для исследования предрассудков.

В какой-то степени похожую концепцию проведения анализа имеют и члены Гейдельбургской/Мангеймской группы, которые считают, что

анализ дискурса опирается на описательную методологию семантики, охватывающую слова, предложения и тексты. Исследование ключевых понятий и терминов, а также их формирование в концептуальные системы на уровне слов с учётом текстового контекста, наряду с реконструкцией утверждений на уровне предложений, что по их мнению может помочь выявить конкурирующие концептуальные и высказывательные структуры в дискурсе, которые остаются невысказанными в текстах. Анализ семантических предпосылок, значений и условий действия языковых знаков происходит через призму аргументации.

На практике, представители этой группы в основном сосредоточены на исследовании отдельных ключевых понятий или слов и их классификации в концептуальные структуры. В то же время анализ конкретных семантических фигур, независимо от словоформ, осуществляется реже. В последнее время некоторые члены группы начали использовать когнитивную семантику, стремясь найти социально-психологические основания для своих концепций.

Выводы

В заключение следует отметить, что немецкие школы в стремлении детального анализа дискурса разработали собственную методику, основанную на поуровневом анализе с опорой на текст. Текст выступает своего рода медиатором между автором и реципиентом сообщения, а процесс декодирования связан с глубинным пониманием текстовых структур. Вслед за известными англоязычными исследователями дискурса представители немецких школ традиционно выделяют Дуйсбургскую школу, Гейдельбургскую/Мангеймскую группу и «Венский критический анализ дискурса». По сути немецкие исследователи углубляются в исследование элементов, составляющих дискурс, скрупулезно анализируют соотношение отдельных элементов и приходят к логическому выводу о многообразии параметров исследования дискурса с разных ракурсов. Представляется, однако, необходимым отметить, что задача исследователя заключается не только в изучении отдельных компонентов, но и в выделении общих принципов анализа дискурса, к которым немецкие исследователи относят взаимосвязь между контекстом и содержанием, связность текста, а также использование риторических стратегий, что вызывает некоторые вопросы по сравнению с подходами к дискурс-анализу отечественных лингвистов. Поэтому представляется целесообразным изучить зарубежные и отечественные школы и подходы в сопоставлении.

Список источников

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 905 с.
2. Степанов Ю.С. Между системой и текстом – дискурс // Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 655 – 688.
3. Austin J.L. How to Do Things with Words. London: Oxford University Press, 1971. 167 p.
4. Bluhm C., Deissler D., Scharloth J., Stukenbrock A. Linguistische Diskursanalyse: Überblick, Probleme, Perspektiven. Sprache und Literatur. 2000. № 31 (2). P. 3 – 19. <https://doi.org/10.30965/25890859-031-02-90000003>
5. Busse D. Historische Semantik: Analyse eines Programms. Stuttgart, Klett-Cotta, 1987. 334 p. (Sprache und Geschichte).
6. Busse D., Teubert W. Ist Diskurs ein sprachwissenschaftliches Objekt? Zur Methodenfrage der historischen Semantik. In: Busse, Hermanns, Teubert (Hg.), 1994. P. 10 – 28.
7. Fairclough N. Discourse and social change. Cambridge: Polity, 1992. P. vii + 259.
8. Fairclough Norman; Wodak, Ruth 1997: Critical Discourse Analysis. An Overview. In: Teun A. van Dijk (Hg.): Discourse as Social Interaction. A Multidisciplinary Introduction. Vol. 2. London, Thousand Oaks, New Delhi. P. 258 – 284.
9. Filk C., Jäger S. Kritische Diskursanalyse: Eine Einführung. In: medienwissenschaft: rezensionen, Jg. 11 (1994), Nr. 3. P. 370 – 371. DOI: <https://doi.org/10.17192/ep1994.3.4818>.
10. Hermanns, Fritz 1995a: Sprachgeschichte als Mentalitätsgeschichte. Überlegungen zu Sinn und Form und Gegenstand historischer Semantik. In: Andreas Gardt, Klaus Mattheier, Oskar Reichmann (Hg.): Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen. Gegenstände, Methoden, Theorien. Tübingen. P. 69 – 101.
11. Teubert, Wolfgang 1998b: Korpus und Neologie. In: Wolfgang Teubert (Hg.): Neologie und Korpus. Tübingen. P. 129 – 170.
12. van Dijk, Teun A. 1992: Rassismus-Leugnung im Diskurs. In: Jäger, Janussek (Hg.), P. 103 – 129.
13. van Dijk, Teun A. 1993: Principles of Critical Discourse Analysis. In: DISCOURSE & SOCIETY 4. P. 249 – 283.

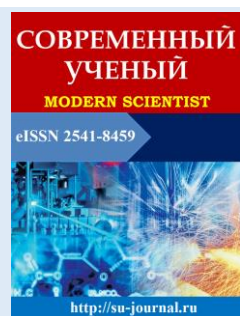
References

1. Arutyunova N.D. Language and the World of Man. Moscow: Languages of Russian Culture, 1999. 905 p.
2. Stepanov Yu.S. Between System and Text – Discourse. Language and Method. Toward a Modern Philosophy of Language. Moscow: Languages of Russian Culture, 1998. P. 655 – 688.
3. Austin J.L. How to Do Things with Words. London: Oxford University Press, 1971. 167 p.
4. Bluhm C., Deissler D., Scharloth J., Stukenbrock A. Linguistische Diskursanalyse: Overview, Problems, Perspectives. Sprache und Literatur. 2000. No. 31 (2). P. 3 – 19. <https://doi.org/10.30965/25890859-031-02-90000003>
5. Busse D. Historische Semantik: Analyse eines Programms. Stuttgart, Klett-Cotta, 1987. 334 p. (Sprache und Geschichte).
6. Busse D., Teubert W. Ist Diskurs ein sprachwissenschaftliches Objekt? Zur Methodenfrage der historischen Semantik. In: Busse, Hermanns, Teubert (Hg.), 1994. P. 10 – 28.
7. Fairclough N. Discourse and social change. Cambridge: Polity, 1992. P. vii + 259.
8. Fairclough Norman; Wodak, Ruth 1997: Critical Discourse Analysis. An Overview. In: Teun A. van Dijk (Hg.): Discourse as Social Interaction. A Multidisciplinary Introduction. Vol. 2. London, Thousand Oaks, New Delhi. P. 258 – 284.
9. Filk C., Jäger S. Kritische Diskursanalyse: Eine Einführung. In: medienwissenschaft: rezensionen, Jg. 11 (1994), Nr. 3. P. 370 – 371. DOI: <https://doi.org/10.17192/ep1994.3.4818>.
10. Hermanns, Fritz 1995a: Sprachgeschichte als Mentalitätsgeschichte. Überlegungen zu Sinn und Form und Gegenstand historischer Semantik. In: Andreas Gardt, Klaus Mattheier, Oskar Reichmann (Hg.): Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen. Gegenstände, Methoden, Theorien. Tübingen. P. 69 – 101.
11. Teubert, Wolfgang 1998b: Korpus und Neologie. In: Wolfgang Teubert (Hg.): Neologie und Korpus. Tübingen. P. 129 – 170.
12. van Dijk, Teun A. 1992: Rassismus-Leugnung im Diskurs. In: Jäger, Janussek (Hg.), P. 103 – 129.
13. van Dijk, Teun A. 1993: Principles of Critical Discourse Analysis. In: DISCOURSE & SOCIETY 4. P. 249 – 283.

Информация об авторе

Ахметов А.А., аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ahmetov.aynur97@gmail.com

© Ахметов А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'44

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-127-133

Роль переводчика как культурного посредника при передаче реалий (на материале персидского языка)

¹ Рогожина А.Н.

¹ Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация: цель исследования – определить роль переводчика как культурного посредника в процессе передачи реалий. К такой концепции переводчика обратились в конце XX века, когда назрела необходимость переосмыслить роль культуры в процессе перевода, включая передачу культурных контекстов и реалий. Значимость культуры в процессе перевода можно увидеть на материале персидского и русского языков, систематизированном согласно классификации реалий Ю. Найды. Научная новизна работы заключается в рассмотрении переводчика как культурного посредника с точки зрения гипотезы лингвистической относительности, известной как гипотеза Сепира-Уорфа. Результатом исследования стало определение роли переводчика как культурного посредника и выявление тех навыков, которые необходимы переводчику для того, чтобы качественно обеспечивать межкультурный диалог.

Ключевые слова: переводчик как культурный посредник, гипотеза Сепира-Уорфа, навыки переводчика, культурные реалии, персидские реалии, передача реалий

Для цитирования: Рогожина А.Н. Роль переводчика как культурного посредника при передаче реалий (на материале персидского языка) // Современный ученый. 2025. № 1. С. 127 – 133. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-127-133

Поступила в редакцию: 17 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 18 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

The role of the translator as a cultural mediator in the translation of realias (based on the Persian language)

¹ Rogozhina A.N.

¹ Military University named after Prince Alexander Nevsky Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract: the purpose of the study is to determine the role of a translator as a cultural mediator in the process of realia's translation. This concept of a translator was considered at the end of the 20th century, when there was a need to rethink the role of culture in the translation process, including the translation of cultural contexts and realias. The importance of culture in the translation can be seen in the material of the Persian and Russian languages, systematized according to the classification of realias by E. Nida. The scientific novelty of the work lies in considering a translator as a cultural mediator from the point of view of the linguistic relativity hypothesis, known as the Sapir-Whorf hypothesis. The result of the study was the definition of the role of a translator as a cultural mediator and the identification of those skills that a translator needs in order to effectively ensure intercultural interaction.

Keywords: translator as a cultural mediator, translator skills, Sapir-Whorf hypothesis, cultural realias, Persian realias, translation of realias

For citation: Rogozhina A.N. The role of the translator as a cultural mediator in the translation of realias (based on the Persian language). Modern Scientist. 2025. 1. P. 127 – 133. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-127-133

The article was submitted: September 17, 2024; Approved after reviewing: November 18, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Человеческие сообщества, говорящие на разных языках, нуждаются в постоянном общении и взаимодействии друг с другом. Для того, чтобы это взаимодействие было максимально эффективным, необходимо привлечение переводчика, в задачи которого входит не только передача общего смысла исходного текста, но и передача множества культурных и эмоциональных оттенков. Качественный перевод может сблизить разные языковые сообщества в культурном отношении, а культурная близость может стать основой более крепких отношений между сообществами. Многие исследователи считают, что процветание науки и знаний также связано с переводом, поскольку с его помощью можно ознакомиться с научной деятельностью других обществ и впоследствии использовать новшества в отечественной науке.

В современных научных публикациях часто встречается такой термин как «культурный посредник» или «медиатор» [1, 4]. Эти термины подчеркивают важную роль переводчика не только как специалиста по языку, но и как специалиста, способного учесть и объяснить культурные различия.

Культурный посредник выступает мостом между двумя культурами, обеспечивая не только точный перевод слов, но и его интерпретацию в соответствии с культурными особенностями целевой аудитории. В том числе речь идет и о реалиях, среди которых могут встретиться исторические, этнографические, географические, социальные реалии и т.д.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в условиях глобализации и увеличения миграционных потоков определение роли переводчика как культурного посредника становится особенно важным. Переводчики помогают преодолевать языковые и культурные барьеры, обеспечивая взаимопонимание между людьми из разных стран. Работа переводчика в области бизнеса, международных отношений, медицины, образования требует не только лингвистических знаний, но и экстралингвистических.

Если переводчик не обратит внимание на специфическую культуру рассматриваемой страны, то

при переводе может возникнуть множество проблем или недоразумений. Одним из важнейших аспектов перевода становится адаптация исходного значения посредством языка в рамках конкретной культуры. Переводчик постоянно должен связывать исходный текст, содержащий собственный культурный контекст, с культурным контекстом целевого языка. Уважение и сохранение культурных особенностей в текстах является одной из задач переводчика.

Данная статья представляет собой исследование, направленное на определение роли переводчика как культурного посредника в процессе передачи реалий. Согласно цели исследования, предлагается решить следующие задачи: 1) рассмотреть концепцию «переводчик как культурный посредник» в соответствии с гипотезой Сепира-Уорфа; 2) провести сравнительно-сопоставительный анализ реалий персидского языка и русского, опираясь на классификацию Найды (1964); 3) выявить навыки, которыми должен обладать переводчик как культурный посредник.

Материалы и методы исследований

Источником материала явились персидские реалии и специально отобранные персидские и русские реалии в рамках классификации реалий Ю. Найды (1964).

При решении задач, определенных в работе, использовались следующие методы исследования: метод классификации для систематизации материала и распределения его по группам согласно определенным свойствам, метод контролируемого отбора (согласно классификации Ю. Найды), применимый для поиска и выделения реалий, сравнительно-сопоставительный анализ, используемый при сравнении персидских и русских лексических единиц.

Теоретической базой данного исследования послужили труды Н.А. Суховой [4] и А.С. Киндеркнехта [2], разъясняющие термин «культурный посредник» или «медиатор» и его применения в современных научных исследованиях по переводу. Кроме того, важное значение имеют работы Э. Сепира [3] и Б. Уорфа [5], исследующие взаимосвязь языка и культуры. В контексте перевода реалий значительный вклад внесли исследования,

рассматривающие влияние культуры на перевод и переводчика как культурного посредника, такие как работы С. Бохнера [8], Р. Тафта [15], А. Махмуда [6, 7], П. Хуанга [10]. Дополнительно, были использованы классические труды по теории перевода Ю. Найды [12] и рассмотрены различные подходы к изучению языка и перевода, представленные в трудах А. Пима [13] и Дж. Стайнера [14].

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы при разработке теоретических курсов, лекционных материалов и учебных пособий по переводу, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

Результаты и обсуждения

Термин «культурный посредник» или «медиатор» впервые был употреблен психологом Стивеном Бохнером [8]. Однако к этой теории уже обращались другие ученые, например, Дж. Стайнер отмечает, что «переводчик является двуязычным посредником между людьми, которые живут и хотя бы живут в двух разных языковых сообществах» [14, с. 145]. Тем не менее в этом определении, касаемом роли переводчика, подчеркивается только лингвистический аспект посредника, в то время как культурный аспект роли переводчика намного шире, чем просто интерпретация. Подобного мнения придерживается и исследователь Р. Тафт: «культурный посредник – это человек, который работает над облегчением общения, взаимопонимания и действий между людьми и группами, которые различаются в языковом и культурном отношении; он должен иметь возможность максимально участвовать в обеих культурах» [15, с. 53]. При этом переводчик не должен выходить за рамки своей прямой обязанности – перевода, и выражать свое собственное мнение или отождествлять себя с одной из сторон и соответственно действовать в их интересах.

Носители разных языков по-разному воспринимают действительность, имеющую непосредственную связь с культурой. Для того чтобы понять взаимосвязь между языком и культурой, обратимся к мнениям известных антропологов, таких как Э. Сепир и Б. Уорф, которые в первой половине XX века провели глубокие исследования по пониманию языка и восприятию культурной реальности.

Э. Сепир говорил о важности социального происхождения и культурного контекста в понимании языка, утверждая, что даже билингвы с одинаковыми языками по-разному воспринимают реальность. Антрополог ищет ключ к культурной реальности в совокупности языковой лексики. С точки зрения ученого, язык подобен ящику с мар-

кированными или названными словами, за которыми скрывается реальность, отличная от видимой [3]. Каждый ярлык имеет свое культурное значение, а некоторые ярлыки создаются для определенных культурных потребностей на определенном языке, которые могут не существовать в другой языковой реальности.

В разных культурах и языках тип классификации и количество ярлыков для классификации могут различаться. Например, ковер – это классификация предметов интерьера, связанная с культурными традициями и стилями. В персидском языке количество слов, обозначающих ковер и его виды, гораздо больше, чем в других языках. Например, جاجيم jājīm «толстый ковер в полоску, может использоваться с обеих сторон», قالی qālī «ковер, который можно использовать только с одной стороны», فرش farš «все, что расстелено на земле», گبه gābe «небольшой коврик-подкладка, используемый кочевниками», پلاس palās «подкладка из козьей или верблюжьей шерсти», گليم gelīm «безворсовый настольный коврик», پادری pādri «небольшой коврик, который обычно расстилают перед дверью». Наличие такого разнообразия в наименованиях можно объяснить тем, что ковер – неотъемлемая часть культуры Ирана, имеющая для иранцев особое значение. Работа переводчика как культурного посредника — понять и объяснить разницу между этими двумя культурными отношениями.

Б. Уорф понимал взаимосвязь между языком и культурой по-другому. Он считал, что на эти отношения больше влияют неявные закономерности и особенно грамматика языка, т.е. именно грамматическая система определяет возможности каждого языка создавать значения в большей степени, чем словарный запас [5]. Одним из лучших примеров, способных подтвердить теорию Уорфа, являются проблемы, существующие при переводе рекламных текстов. Во многих рекламных предложениях, для которых характерна краткость, даже при использовании аналогичного эквивалента в целевом языке, добиться такого же эффекта, как в исходном языке, не представляется возможным в силу культурного барьера. Например, реклама одного иранского бренда молочных продуктов звучит так: شیر واقعی را تجربه کنید (šīr-e vā'ey rā tajrobe konid) — «Попробуйте вкус настоящего молока». Дело в том, что слово شیر (šīr) в персидском языке имеет сразу три значения, не связанных друг с другом: 1. Молоко; 2. Лев; 3. Кран. На картинке помимо бутылки молока изображен лев с окраской коровы. Исходя из такой рекламы становится ясно, что производитель сыграл на первых двух значениях слова شیر (šīr). Возможно, производитель

молока, используя изображение льва с окраской коровы, стремится создать ассоциацию с силой и могуществом льва как «Царя зверей», но при этом сохранить связь с молоком, за счет образа коровы, тем самым демонстрируя то, что его товар является лучшим из лучших.

Исследования Э. Сепира подчеркивают, что переводчик как культурный посредник влияет на восприятие «чужой» реальности через лексику, которая выступает как набор ярлыков, отражающих уникальные культурные значения. В то же время Б. Уорф акцентирует внимание на передаче грамматической системы языка, поскольку именно она определяет возможности создания значений и влияет на восприятие, что особенно заметно при переводе, где культурные различия могут затруднять передачу оригинального смысла.

Следовательно, в межкультурной коммуникации, где существуют две или более культур, переводчик может столкнуться с некоторыми ограничениями, которые затрудняют процесс понимания целевого текста [11]. Одним из таких ограничений являются реалии – «слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [2].

Перевод реалий – сложная задача, поскольку эти элементы содержат определенные значения и импликации, принадлежащие исключительно языку и культуре, из которых они возникли. Фактически именно переводчикам приходится принимать решения о том, как сделать реалии более понятными для целевой аудитории и как использовать наиболее подходящий стиль и структуру, чтобы передать как значение, так и форму исходного культурного элемента [9].

В целом перевод понимается как «общая деятельность по коммуникации между культурными группами» [13, с. 143], поэтому переводчики работают не только со словами, но и с культурой целевого языка, поскольку «культура неотделима от языка и изучения языка» [10, с. 90].

Возможность перевода зависит от цели и того, насколько глубоко исходный текст связан с исходной культурой [6], чем глубже связь с культурой, тем сложнее переводчику осуществить перевод. Несмотря на задачу передать, как смысл, так и форму исходного элемента, приоритетом все же будет являться смысл [7].

Если переводчик не знаком с реалией, это может привести к полному удалению культурного элемента в целевом тексте, или культурный элемент может потерять свой первоначальный смысл и эффект. Более того, переводчики могут даже не

иметь возможности идентифицировать реалию в исходном тексте.

Значимость экстралингвистических знаний становится очевидна тогда, когда из-за буквального перевода переводчик теряет первоначальный смысл высказывания. Например, при буквальном переводе следующей персидской пословицы: کس نگوید که دوغ من ترش است kas naguayad ke duq-e man torš āst – «Никто не скажет: мой дуг – кислый». Дуг – традиционный иранский кисло-молочный напиток, с которым навряд ли знакома русская аудитория. В то время как русским аналогом хорошо известной пословицы станет: «Всяк кулик свое болото хвалит».

Рассмотрим персидские реалии в классификации Ю. Найда, который выделяет 5 тематических групп [12, с. 196]:

материальные отсылки, к которым относятся предметы ежедневного пользования;

экологические отсылки, к которым относятся различия в местности и погоде;

социальные отсылки, к которым относятся реалии общественного уклада жизни и их художественные проявления в искусстве;

религиозные отсылки;

лингвистические отсылки как инструмент для выражения выше перечисленных культурных отсылок.

Материальная культура представляет значительные трудности для переводчиков, особенно когда речь идет о понятиях, связанных с повседневной жизнью. Слово نان nān – «хлеб», формирует разные ассоциации у тех, кто его произносит или слышит. Для иранцев نان nān – это прежде всего лаваш, причем он может быть самых разных видов: تابه tābe, سنگگ sangak, بربری barbari, каждый из которых имеет свои уникальные характеристики и традиции употребления. В то время как для русских хлеб – это черный хлеб прямоугольной формы, поскольку для белого хлеба характерно другое название – батон.

Некоторые блюда иранцы готовят только в преддверии какого-либо праздника. Например: سمنو samanu «пудинг из пророщенных зерен пшеницы», который обязательно присутствует на столе у иранцев как часть هفت سین haft sin «семь съедобных предметов» для встречи نوروز nowruz «иранского нового года». Навряд ли все эти реалии будут поняты читателями, обладающими другим культурным фоном.

Иран славится своими ручными ремеслами. С древних времен иранские мастера-ремесленники создавали удивительные изделия и предметы искусства, используя техники, передающиеся из поколения в поколение. Например, میناکاری minākāri

«минакари» – техника украшения металла и керамики тончайшей росписью в голубых оттенках. В то время как в России существует похожий народный промысел под названием гжель.

Географические и природные элементы могут быть связаны с национально-культурными особенностями. Например, Иран – страна с засушливым климатом, в которой безусловно присутствуют пустыни. Так, в персидском языке есть: بیابان *bīyābān* «засушливая земля», صحرا *sahrā* «регион с благоприятным климатом и пригодной для с/х земель», کویر *kavīr* «илистая земля, полная солей и непригодная для земледелия», в то время как на русский язык все эти слова переводятся как пустыня.

Присущий иранской культуре коллективизм нашел свое отражение даже в такой категории как семейные отношения. Тетя и дядя по отцу будут звучать как عمه *'ammē* и عمو *'amū*, а тетя и дядя по матери — خاله *xālē* и دایی *dāyī*.

Для обозначения богатого класса в некоторых провинциях Ирана принято использовать следующее выражение: مردم بالای شهر *mardom-e bālā-ye šahr*, что переводится как люди верхней части города. Дело в том, что исторически так сложилось, что в верхней, т.е. северной части города проживает более богатое население Ирана из-за более чистого воздуха, что и делает недвижимость в этих районах чрезмерно дорогой.

События, животные или растения также могут иметь тесную связь с культурой и восприниматься ее носителями по-разному. В Иране لاله *lāle*, т.е. тюльпан, присутствует на национальном гербе и символизирует мученическую смерть за родную страну и веру. В России тюльпан является символом прихода весны, который дарят представительницам женского пола 8 марта.

Частые извинения являются нормой для иранской культуры. Например, иранец, сидящий на переднем сидении автомобиля, должен попросить прощения у тех, кто сидит сзади: گل پشت و رو نداره *gol pošt va ru nadāre* – «У цветка нет спины и лица», а в ответ он услышит следующее: تاپو پشت و رو نداره *tāpū pošt va ru nadāre* – «У тапу (глиняный горшок) нет спины и лица».

Еще один пример, отражающий культуру иранцев, фраза صبر آمد! *sabr āmad!* – «Потерпи», произнесенная в адрес того, кто чихнул. Если тот, к кому она была обращена, выполнял или намеревался выполнять определенную задачу, ему следует тут же прекратить ее выполнение.

Все реалии, каким-либо образом относящиеся к религии, также являются культурно-специфическими. Сопоставим такие реалии как молитва и نماز *namāz*. В православии молитва

означает духовную практику обращения к Богу посредством установленного текста. В исламской культуре نماز *namāz* представляет собой религиозную практику, включающую омовение и обязательное пятиразовое чтение молитвы. Заменить نماز *namāz* молитвой или наоборот не представляется возможным.

Имена собственные являются неотъемлемой частью лингвокультуры и могут содержать ассоциативные значения. Особенно это характерно для литературных текстов. Например, رستم *Rostam* и سهراب *Sohrāb* (имена легендарных героев знаменитого произведения персидской литературы «Шахнаме»); Леший и Баба-Яга (персонажи русского фольклора); حسین *Huseyn* и علی *'Aālī* (почитаемые религиозные фигуры в исламе шиитского толка); Онегин и Раскольников (фамилии известных персонажей произведений русской литературы). Подобные имена собственные навряд ли будут иметь те же значения для представителей другой культуры. В таких случаях переводчики могут воспользоваться информативными примечаниями в виде сноски, в которой переводчик дает необходимые данные для пояснения той или иной лексической единицы.

Рассмотрев реалии в соответствии с классификацией Ю. Найды, мы сделали вывод о том, что помимо экстралингвистических знаний (знание истории, культуры коренных народов, традиций, обычаев, ценностей и табу, естественной географии, а также выдающихся людей этого общества), переводчик должен обладать следующими навыками:

1) Коммуникативными навыками для успешного налаживания двусторонних отношений (если перевод устный);

2) Социальными навыками: совокупностью знаний об обществе и способах взаимодействия с окружающими людьми, являющимися частью конкретного социума.

Эти навыки позволят переводчику не только понимать культурный контекст, в котором была употреблена реалия, но и передать его в соответствии с особенностями целевой аудитории.

Выводы

Концепция «переводчик как культурный посредник» в контексте гипотезы Сепира-Уорфа подчеркивает важность роли переводчика как связующего звена не только между языками, но и между культурными реальностями. Переводчику необходимо учитывать не только лексические и грамматические аспекты языка, но и культурные значения, поскольку каждое слово или выражение несет в себе культурные коннотации, которые могут отсутствовать в другом языке, т.е. результат

рассмотрения концепции переводчика как культурного посредника в свете гипотезы Сепира-Уорфа подчеркивает необходимость интеграции языковых и культурных знаний для успешной коммуникации между различными культурами.

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ персидских реалий и русских реалий на основе классификации Найды (1964) показал, насколько сильна взаимосвязь и влияние культурных контекстов на язык, что необходимо учитывать при изучении языков и их переводе.

В этой связи на первый план выходит такой вопрос, как формирование навыков компетентного переводчика, в которые входят не только экстралингвистические знания, но и коммуникативная и социальная компетентность.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что роль переводчика как культурного посредника в процессе передачи реалий заключается в адаптации культурно-специфической лексики для целевой аудитории, в объяснении культурных различий и нюансов, в гибкости и отслеживании новых культурных тенденций и их изменений, и, конечно, в обеспечении культурного взаимопонимания между двумя языками.

К перспективам дальнейшего исследования можно отнести следующие направления: изучение функций переводчика как культурного посредника, анализ стратегий при передаче и адаптации культурных реалий, а также возможность использования современных технологий для перевода реалий.

Список источников

1. Киндеркнехт А.С., Колада В.В. Термин медиация в современных научных исследованиях по переводу // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 6. С. 30 – 49. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-30-49
2. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003, 320 с.
3. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. 656 с.
4. Сухова Н.А., Глазун М.А., Яхьяева К.М. Подходы к обучению медиаторов-переводчиков // Вестник ТвГУ. Серия: Педагогика и психология. 2023. № 2. С. 147 – 158. ISSN 1999-4133
5. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. М., 1960. С. 135 – 198.
6. Afrouz Mahmoud & Shahi Mohammad Translation after Wittgenstein // Perspectives. 2020. № 28 (1). P. 159 – 161. DOI: <https://doi.org/10.1080/0907676X.2019.1634881>
7. Afrouz Mahmoud Culture and Translation: The Case of English and Persian Languages // Cadernos de Tradução. 2022. № 42 (1). P. 1 – 20. DOI: <https://doi.org/10.5007/2175-7968.2022.e80896>
8. Bochner Stephen The Mediating person: Bridges between cultures Cambridge: Schenkman, 1981. 323 p.
9. Hosseini Maasoum S.M., Davtalab H. An Analysis of Culture-specific Items in the Persian Translation of “Dub-liners” Based on Newmark’s Model // Theory and Practice in Language Studies. 2011. № 1 (12). P. 1767 – 1779.
10. Huang P. Textbook interaction: A study of the language and cultural contextualization of English learning textbooks // Learning, Culture, and Social Interaction. 2019. № 21. P. 87 – 99.
11. Malmkjaer K., Serban A., Louwagie F. (Eds). Key Cultural Text in Translation. Philadelphia, USA: John Benjamins Publishing Company, 2018. 320 p.
12. Nida Eugene Towards a Science of Translating with Special Reference to Principles and Procedure Involved in Bible Translating, Leiden: E.J. Brill, 1964. 352 p.
13. Pym A. Exploring translation studies. London and New York: Routledge, 2010. 190 p.
14. Steiner George After Babel: Aspects of Language and Translation, 3rd. ed. London; Oxford: Oxford University Press, 1975. 504 p.
15. Taft R. The Role and Personality of the Mediator // S. Bochner (ed.) The Mediating Person: Bridges between Cultures. Cambridge, Schenkman, 1981. P. 53 – 88.

References

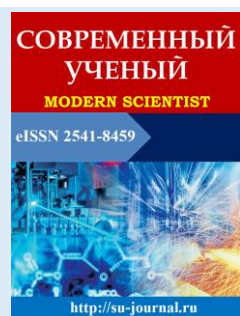
1. Kinderknecht A.S., Kolada V.V. The term mediation in modern scientific research on translation. Scientific dialogue. 2022. T. 11. No. 6. P. 30 – 49. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-30-49
2. Nelyubin L.L. Explanatory translation dictionary, 3rd ed., revised. M.: Flinta: Nauka, 2003, 320 p.
3. Sapir E. Selected works on linguistics and cultural studies. M., 1993. 656 p.
4. Sukhova N.A., Glazun M.A., Yakhyayeva K.M. Approaches to training mediators-translators. Bulletin of TvGU. Series: Pedagogy and Psychology. 2023. No. 2. P. 147 – 158. ISSN 1999-4133
5. Whorf B. The relationship of norms of behavior and thinking to language. Science and linguistics. Linguistics and logic. New in linguistics. M., 1960. P. 135 – 198.

6. Afrouz Mahmoud & Shahi Mohammad Translation after Wittgenstein. Perspectives. 2020. No. 28 (1). P. 159 – 161. DOI: <https://doi.org/10.1080/0907676X.2019.1634881>
7. Afrouz Mahmoud Culture and Translation: The Case of English and Persian Languages. Cadernos de Tradução. 2022. No. 42 (1). P. 1 – 20. DOI: <https://doi.org/10.5007/2175-7968.2022.e80896>
8. Bochner Stephen The Mediating person: Bridges between cultures Cambridge: Schenkman, 1981. 323 p.
9. Hosseini Maasoum S.M., Davtalab H. An Analysis of Culture-specific Items in the Persian Translation of “Dub-liners” Based on Newmark’s Model. Theory and Practice in Language Studies. 2011. No. 1 (12). P. 1767 – 1779.
10. Huang P. Textbook interaction: A study of the language and cultural contextualization of English learning textbooks. Learning, Culture, and Social Interaction. 2019. No. 21. P. 87 – 99.
11. Malmkjaer K., Serban A., Louwagie F. (Eds). Key Cultural Text in Translation. Philadelphia, USA: John Benjamins Publishing Company, 2018. 320 p.
12. Nida Eugene Towards a Science of Translating with Special Reference to Principles and Procedure Involved in Bible Translating, Leiden: E.J. Brill, 1964. 352 p.
13. Pym A. Exploring translation studies. London and New York: Routledge, 2010. 190 p.
14. Steiner George After Babel: Aspects of Language and Translation, 3rd. ed. London; Oxford: Oxford University Press, 1975. 504 p.
15. Taft R. The Role and Personality of the Mediator. S. Bochner (ed.) The Mediating Person: Bridges between Cultures. Cambridge, Schenkman, 1981. P. 53 – 88.

Информация об авторе

Рогожина А.Н., преподаватель, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-8071-7697>, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, rogozhina-alina@mail.ru

© Рогожина А.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 659.187

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-134-139

Стратегия продвижения китайских брендов на мировой рынок с помощью инструментов стрим-блогинга

¹ Ян Пинпин

¹ *Институт Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций,
Санкт-Петербургский государственный университет*

Аннотация: статья посвящена исследованию особенностей стратегий продвижения китайских брендов на мировой рынок с помощью инструментов стрим-блогинга. Отмечается, что стратегия продвижения китайских брендов на мировой рынок с помощью инструментов стрим-блогинга предполагает целый ряд действий и этапов, которые позволяют эффективно использовать потенциал новых медийных платформ. Автор анализирует актуальные тенденции в стрим-блогинге, выделяет влияние стрим-блогинга на стратегию продвижения брендов. Отдельное внимание уделено таким аспектам, как создание сообщества вокруг бренда, адаптация под конкретные культурные особенности, привлечение известных блогеров, анализируется китайская «культура покупок» и связанные с этой культурой регулярные распродажи и «черные пятницы». В рамках исследования проводится анализ успешных практик ведущих китайских брендов в области стрим-блогинга для продвижения бренда. Автор делает вывод о том, что использование этого инструмента для создания интерактивного контента позволяет не только повысить осведомленность о бренде, но и установить доверительные отношения с потребителями. Успешная реализация стратегии требует тщательной подготовки и анализа, однако в условиях цифровой экономики такая инвестиция может принести значительные дивиденды.

Ключевые слова: стратегия, китайские бренды, мировой рынок, стрим-блогинг, инфлюенсеры, экспансия, аналитика, адаптация

Для цитирования: Ян Пинпин Стратегия продвижения китайских брендов на мировой рынок с помощью инструментов стрим-блогинга // Современный ученый. 2025. № 1. С. 134 – 139. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-134-139

Поступила в редакцию: 19 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

A strategy for promoting Chinese brands to the global market using streaming blogging tools

¹ Yang Pingping

¹ *Institute Higher School of Journalism and Mass Communications,
St. Petersburg State University*

Abstract: the article is devoted to the study of the features of strategies for promoting Chinese brands to the world market using streaming blogging tools. It is noted that the strategy of promoting Chinese brands to the global mar-

ket using streaming blogging tools involves a number of actions and stages that will allow effective use of the potential of new media platforms. The author analyzes current trends in stream blogging, highlights the influence of stream blogging on brand promotion strategy. Special attention is paid to such aspects as creating a community around the brand, adapting to specific cultural characteristics, attracting well-known bloggers, analyzing the Chinese "shopping culture" and regular sales and Black Fridays associated with this culture. The research analyzes the successful practices of leading Chinese brands in the field of stream blogging for brand promotion. The author concludes that using this tool to create interactive content allows not only to increase brand awareness, but also to establish trusting relationships with consumers. Successful implementation of the strategy requires careful preparation and analysis, but in a digital economy, such an investment can bring significant dividends.

Keywords: strategy, Chinese brands, global market, stream blogging, influencers, expansion, analytics, adaptation

For citation: Yang Pingping A strategy for promoting Chinese brands to the global market using streaming blogging tools. Modern Scientist. 2025. 1. P. 134 – 139. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-134-139

The article was submitted: September 19, 2024; Approved after reviewing: November 20, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Цель исследования – установить особенности продвижения китайских брендов на мировой рынок с помощью инструментов стрим-блогинга. Проблема исследования состоит в том, что в последние десятилетия китайские бренды значительно усилили свои позиции на мировом рынке. Однако, для многих из них остаётся актуальной задача увеличения узнаваемости и лояльности за пределами Китая. В этом контексте стрим-блогинг, как мощный инструмент маркетинга, становится всё более популярным и эффективным способом продвижения товаров и услуг. Методология исследования включает в себя анализ отечественной и китайской научной литературы, изучение опыта китайских брендов.

Стрим-блогинг – это форма цифрового контента, в которой блогеры или инфлюенсеры ведут прямые трансляции, общаясь со своей аудиторией в реальном времени. Эти трансляции могут включать обзоры продуктов, демонстрацию их использования, а также интерактивные обсуждения с подписчиками. Стрим-блогинг стал особенно популярным в Китае, однако его возможности всё больше находят применение и за пределами страны [3].

Перед началом стрим-блогинга китайские бренды должны тщательно изучить свою целевую аудиторию. Это включает в себя определение демографических характеристик, интересов и покупательских привычек. Понимание аудитории поможет адаптировать контент и выбрать правильных блогеров для сотрудничества. Существует множество платформ для стрим-блогинга, такие как Douyin (китайский аналог TikTok), Kuaishou и международные сервисы – Twitch, YouTube. Выбор платформы зависит от целевой аудитории: молодёжь скорее будет привыкать к TikTok, в то

время как более взрослая аудитория может предпочитать YouTube. Контент стрим-блогинга должен быть интерактивным и привлекательным. Это можно достичь через создание живых демонстраций продуктов, конкурсов, вопросов и ответов (Q&A), а также специальных предложений для зрителей в реальном времени. Чем более интересным и занимательным будет контент, тем выше уровень вовлеченности аудитории [2].

Материалы и методы исследований

Стратегия продвижения китайских брендов на мировой рынок с помощью инструментов стрим-блогинга предполагает целый ряд действий и этапов, которые позволят эффективно использовать потенциал новых медийных платформ. Одним из главных принципов такой стратегии является выбор подходящих стримеров и блогеров, которые будут сотрудничать с брендом. Важно, чтобы они имели большую аудиторию, были популярными и имели репутацию доверенных мнениями. Далее, необходима разработка контентной стратегии, которая будет соответствовать целям бренда и потребностям аудитории. Китайские бренды могут использовать стримы для демонстрации продуктов, проведения онлайн-мероприятий, общения с покупателями и проведения конкурсов и акций. Главное – сделать контент интересным, увлекательным и полезным для зрителей [4].

Важным шагом в продвижении китайских брендов на мировом рынке с помощью стрим-блогинга является работа с инфлюэнсерами. Инфлюэнсер-маркетинг стал одним из наиболее эффективных инструментов привлечения внимания к бренду, поэтому сотрудничество с популярными стримерами и блогерами может значительно усилить рекламную кампанию и увеличить узнаваемость бренда. Качественный и интересный контент – ключевой элемент успешной стратегии

продвижения. Китайские бренды должны стремиться создавать контент, который будет занимательным и привлекательным для зрителей, а также информативным и познавательным. Полезные советы, эксклюзивные уроки, захватывающие трансляции – все это может привлечь новую аудиторию и сделать бренд популярным.

Важным элементом стратегии продвижения китайских брендов на мировой рынок с помощью стрим-блогинга является анализ результатов. Брендам необходимо постоянно оценивать эффективность своих маркетинговых кампаний, изучать реакцию аудитории, анализировать отзывы и комментарии зрителей. Это поможет найти слабые места в стратегии и сделать корректировки, чтобы улучшить результаты продвижения[5].

Результаты и обсуждения

Как Китай использует стрим-блогинг для продвижения брендов?

1. Платформы и кросс-промоция: В Китае есть множество платформ для стриминга, таких как Douyin (китайский TikTok), Kuaishou, Taobao Live и другие. Эти платформы позволяют брендам не только транслировать свою продукцию, но и привлекать внимание аудитории через увлекательные форматы, такие как конкурсы, отзывы и специальные мероприятия.

2. Инфлюенсеры и доверие: В Китае культурная значимость инфлюенсеров высока. Бренды сотрудничают с известными стримерами, которые уже имеют лояльную аудиторию. Поскольку зрители доверяют этим личностям, рекомендации от них имеют гораздо больший вес, чем традиционная реклама. Инфлюенсеры помогают брендам установить эмоциональную связь с потребителями.

3. Интерактивность и вовлеченность: Стрим-блогинг предоставляет отличные возможности для взаимодействия с аудиторией. Зрители могут задавать вопросы, оставлять комментарии и участвовать в опросах, что способствует созданию ощущения сообщества. Это взаимодействие позволяет брендам собирать обратную связь и быстро адаптироваться к запросам клиентов [1].

4. Глобальная экспансия: Китайские бренды используют стрим-блогинг не только на внутреннем рынке, но и для выхода на международные платформы, такие как Instagram и Facebook. Благодаря стримам они могут обращаться к аудиториям разных стран, что открывает новые горизонты для продаж и узнаваемости.

5. Создание контента в реальном времени: Стрим-блогинг позволяет брендам создавать контент на месте. Это может быть показ производства, путешествия по фабрикам или даже прямые

трансляции с мероприятий. Такие живые трансляции делают бренд более прозрачным и доступным для потребителей, что способствует повышению доверия [6].

Одной из ключевых стратегий, позволяющих им успешно конкурировать на международной арене, является адаптация контента под местные реалии. Эта стратегия становится особенно важной в контексте стрим-блогинга – одного из самых динамичных и эффективных инструментов современных маркетинговых коммуникаций. Адаптация контента подразумевает не только перевод текстов и видео на язык целевой аудитории, но и глубокое понимание культурных, социальных и экономических особенностей региона. Каждая страна имеет свои традиции, обычаи и предпочтения, и успешное продвижение бренда часто зависит от того, насколько хорошо он понимает и уважает эти различия. Например, такая известная китайская компания, как Xiaomi, в процессе выхода на зарубежные рынки адаптировала свои маркетинговые кампании, учитывая местные праздники, особенности потребительского поведения и популярные способы взаимодействия с аудиторией. С подобным подходом китайские бренды могут установить эмоциональную связь с клиентами, что значительно повышает их шансы на успех.

Китайские бренды, такие как Huawei и Alibaba, активно используют стрим-блогинг для продвижения своих товаров за границей. Например, во время запуска нового смартфона Huawei в Европе, компания организовала стрим-мероприятие с участием известных блогеров. Блогеры продемонстрировали устройство, обсудили его характеристики и ответили на вопросы зрителей, что создало позитивный имидж бренда и повысило интерес к продукту. Alibaba, в свою очередь, использует стрим-блогинг для продвижения своих торговых платформ, организуя трансляции с участием популярных личностей, что помогает привлекать внимание к новым предложениям и акциям [7].

Создание сообщества вокруг бренда позволяет формировать лояльные отношения между компанией и потребителями. Сообщество становится площадкой для обмена мнениями, обсуждения новостей и активного взаимодействия. Потребители, вовлеченные в общество, чувствуют свою значимость, что в свою очередь влияет на их решение о покупке. Стрим-блогинг, как форма контента, идеально подходит для создания и поддержания такого сообщества. Благодаря живому общению с аудиторией, бренды могут быстро реагировать на запросы потребителей, получать обратную связь и демонстрировать свою прозрачность. Кроме того, китайские бренды активно используют аналитику

и данные о потребительских предпочтениях для адаптации своих стратегий. Платформы стриминга предоставляют разнообразные инструменты для анализа поведения пользователей, что позволяет брендам точно настроить свои предложения и контент под запросы аудитории. Такой подход позволяет не только увеличить конверсию, но и создать более индивидуализированный опыт для клиентов.

Китайская культура покупок активно использует акционные механизмы, такие как «однодневные распродажи» и «черная пятница». В контексте стрим-блогинга это означает, что компании активно проводят специальные стрим-сессии, где предлагают уникальные товары по сниженным ценам. Эти акционные мероприятия привлекают большое количество зрителей и стимулируют продажи, что особенно эффективно для выхода на международный рынок. Интенсивные акции и распродажи — это стратегии, направленные на стимулирование спроса с помощью краткосрочных скидок и специальных предложений. Они могут быть организованы в рамках праздников, годовщин или как часть маркетинговых кампаний. Важно отметить, что такие акции часто сочетаются с созданием чувства срочности, мотивируя потребителей совершать покупки быстрее [8].

Китайские бренды успешно используют стрим-блогинг для продвижения своих акций и распродаж. Вот несколько ключевых аспектов:

1. Живой контакт и взаимодействие: Стрим-блогеры могут в реальном времени отвечать на вопросы зрителей, демонстрируя товары и объясняя их преимущества. Это создает доверие и увеличивает вероятность покупки.

2. Эмоциональное вовлечение: Успешные стрим-блогеры могут создать атмосферу праздника и ожидания. Они могут организовывать конкурсы, розыгрыши и другие активности, что подстегивает интерес и побуждает к покупке.

3. Мгновенные продажи: Платформы стрим-блогинга позволяют интегрировать кнопку «Купить» прямо в трансляции. Это дает возможность пользователю мгновенно совершить покупку, не покидая стрима.

4. Глобальный охват: Китайские бренды могут легко выйти на международный рынок благодаря стрим-блогингу. С контентом на английском языке или других языках они могут привлечь внимание зрителей из разных стран, что увеличивает их потенциальную аудиторию.

5. Аналитика и обратная связь: Платформы стрим-блогинга предоставляют брендам данные о взаимодействии зрителей с контентом, что позво-

ляет адаптировать стратегии и предлагать продукты, наиболее интересные их аудитории[9].

Основные преимущества стрим-блогинга для китайских брендов:

1. Прямой контакт с потребителем

Стрим-блогинг позволяет брендам взаимодействовать с аудиторией в реальном времени. Это создает возможность для прямого общения, оперативного ответа на вопросы и получения обратной связи от потребителей. Китайские бренды могут использовать этот формат для того, чтобы лучше понять запросы и предпочтения своей аудитории в разных странах, что способствует более точному таргетированию своих продуктов и услуг.

2. Доступ к международным рынкам

С помощью стрим-блогинга китайские бренды могут быстро и эффективно выходить на глобальную арену. Платформы, такие как YouTube, Facebook, Instagram и TikTok, имеют огромную аудиторию по всему миру, что позволяет привлекать внимание к продуктам и услугам, предлагая их носителям разных культур и ценностей.

3. Уникальный контент и креативные стратегии

Стрим-блогеры часто создают уникальный контент, который выделяет бренд среди конкурентов. Креативные подходы к ведению стрима, включая художественное оформление, игривый стиль общения и взаимодействие с подписчиками, могут значительно повысить интерес к продукту и улучшить его имидж. Для китайских брендов это может быть особенно актуально в контексте необходимости адаптации под вкусы и предпочтения западной аудитории [10].

4. Эффективные продажи

Стрим-блогинг часто включает элементы электронной коммерции. Ведущие стримов могут представлять товары в прямом эфире, демонстрируя их в действии, что помогает увеличить уровень доверия потребителей. Стрим-блогеры могут использовать специальные предложения, скидки или временные акции, побуждая зрителей к немедленным покупкам. Это создает эффект срочности и повышает вероятность продаж.

5. Повышение узнаваемости бренда

Регулярные эфиры и стримы способствуют созданию устойчивого имиджа бренда. Постоянное появление на экранах клиентов помогает укрепить узнаваемость компании и формирует ее репутацию. Для китайских брендов, стремящихся завоевать доверие международных потребителей, это особенно важно. С помощью стрим-блогинга они могут не только продвигать продукты, но и рассказывать о своих ценностях, принципах работы и социальной ответственности.

6. Адаптация к культурным различиям

Ведущие стримов могут адаптировать свои презентации с учетом культурных особенностей разных стран. Это помогает избежать недопонимания и необоснованных ожиданий со стороны потребителей. Китайские бренды могут выбрать локальных стрим-блогеров, которые лучше понимают свою аудиторию и могут адаптировать контент так, чтобы он был более релевантным и привлекательным [11].

Выводы

Таким образом, стрим-блогинг предлагает китайским брендам уникальные возможности для выхода на международный рынок. Использование этого инструмента для создания интерактивного контента позволяет не только повысить осведом-

ленность о бренде, но и установить доверительные отношения с потребителями. Успешная реализация стратегии требует тщательной подготовки и анализа, однако в условиях цифровой экономики такая инвестиция может принести значительные дивиденды. В процессе его развития китайские бренды смогут занять достойное место на мировой арене, продемонстрировав качество и инновационность своей продукции. Стратегия продвижения китайских брендов на мировом рынке с помощью инструментов стрим-блогинга имеет ряд ключевых шагов, которые позволяют увеличить узнаваемость бренда, привлечь новых потребителей и укрепить позиции на рынке.

Список источников

1. Черентаева С.В. Китайский интернет-маркетинг: инструменты и платформы для продвижения в современных условиях // Молодой ученый. 2023. № 9 (456). С. 124 – 128. URL: <https://moluch.ru/archive/456/100493/> (дата обращения: 07.08.2024)
2. Олесик Т.А., Терновская А.Д. Рынок электронной торговли Китая // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. №4-1. С. 112 – 114.
3. Ян П. Преимущества стрим-блогинга перед остальными механизмами продвижения брендов (на примере китайской продукции) // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 6 (144). URL: <https://research-journal.org/archive/6-144-2024-june/10.60797/IRJ.2024.144.18> (дата обращения: 08.08.2024). DOI: 10.60797/IRJ.2024.144.18
4. Бондарович Н. Основные понятия бренд-маркетинга и его роль в управлении брендом // Форум молодых ученых. 2018. № 6-1 (22). С. 526 – 528.
5. Лозовая А.А. Соотношение коллективизма и индивидуализма в медиадискурсе Китая // Научные междисциплинарные исследования. 2021. № 3. С. 508 – 511.
6. Хаиров Б.Г., Бердов А.А., Куничкин А.М. Анализ зарубежного опыта продвижения товаров и/или услуг на внешние рынки (на примере Китая и США) // Фундаментальные исследования. 2020. № 12. С. 234 – 239. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42939> (дата обращения: 08.08.2024)
7. Герасимов К.Б. Технологии управления продвижением продукции // Актуальные тренды регионального и местного развития. 2015. № 2. С. 187 – 193.
8. Королева Л.А., Матина В.С. Актуальность использования интернет-технологий в разработке малобюджетных стратегий продвижения бренда // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11-6. С. 1149 – 1153. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=10742> (дата обращения: 08.08.2024)
9. Сотников О.Н., Ивасенко А.Г. Стратегия продвижения нового бренда: особенности разработки // KANT. 2014. № 1 (10). С. 167.
10. Морозов А.П., Дмитриенко С.В. Способы продвижения нового бренда // Новый университет. Серия «Экономика и право». 2013. № 11 (33). С. 86 – 88.
11. Матузенко Е.В., Колесникова Е.В., Трунова С.Е. Продвижение в социальных сетях: особенности и эффективность // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2018. № 6 (73). С. 300 – 311.

References

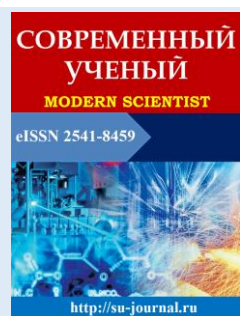
1. Cherentaeva S.V. Chinese Internet Marketing: Tools and Platforms for Promotion in Modern Conditions. Young Scientist. 2023. No. 9 (456). P. 124 – 128. URL: <https://moluch.ru/archive/456/100493/> (accessed: 08/07/2024)
2. Olesik T.A., Ternovskaya A.D. China's E-Commerce Market. Economy and Business: Theory and Practice. 2017. No. 4-1. P. 112 – 114.

3. Yan P. Advantages of Stream Blogging Over Other Brand Promotion Mechanisms (using Chinese Products as an Example). International Research Journal. 2024. No. 6 (144). URL: <https://research-journal.org/archive/6-144-2024-june/10.60797/IRJ.2024.144.18> (date accessed: 08.08.2024). DOI: 10.60797/IRJ.2024.144.18
4. Bondarovich N. Basic concepts of brand marketing and its role in brand management. Forum of young scientists. 2018. No. 6-1 (22). P. 526 – 528.
5. Lozovaya A.A. The relationship between collectivism and individualism in the media discourse of China. Scientific interdisciplinary research. 2021. No. 3. P. 508 – 511.
6. Khairov B.G., Berdov A.A., Kunichkin A.M. Analysis of foreign experience in promoting goods and/or services on foreign markets (using China and the USA as an example). Fundamental research. 2020. No. 12. P. 234 – 239. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42939> (accessed: 08/08/2024)
7. Gerasimov K.B. Product promotion management technologies. Current trends in regional and local development. 2015. No. 2. P. 187 – 193.
8. Koroleva L.A., Matina V.S. Relevance of using Internet technologies in developing low-budget brand promotion strategies. International journal of applied and fundamental research. 2016. No. 11-6. P. 1149 – 1153. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=10742> (date of access: 08.08.2024)
9. Sotnikov O.N., Ivasenko A.G. Strategy for promoting a new brand: development features. KANT. 2014. No. 1 (10). P. 167.
10. Morozov A.P., Dmitrienko S.V. Ways to promote a new brand. New University. Series "Economics and Law". 2013. No. 11 (33). P. 86 – 88.
11. Matuzenko E.V., Kolesnikova E.V., Trunova S.E. Promotion in social networks: features and efficiency. Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. 2018. No. 6 (73). P. 300 – 311.

Информация об авторе

Ян Пинпин, аспирант, Институт Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет, st094093@student.spbu.ru

© Ян Пинпин, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'367.625.41

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-140-147

Грамматическая реализация категории футуральности в сложноподчиненных предложениях латинского языка при переводе евангельских текстов (в сопоставлении с церковнославянским и русским языками)

¹ Балута А.А.

¹ Государственный университет просвещения

Аннотация: в данной статье исследуются грамматические средства реализации категории футуральности в сложноподчиненных предложениях латинского языка при переводе текста Канонических Евангелий с греческого койне на латынь и проводится сопоставление с церковнославянским и русским переводами. По результатам проведенного сравнительно-сопоставительного анализа можно сделать следующие выводы. Категория футуральности реализуется преимущественно через употребление видовременных форм глагола, а также через систему глагольных наклонений, однако, само соотношение видовременных форм и форм наклонений в каждом языке имеет ряд особенностей, непосредственно связанных с историей языка и влиянием на данный язык переводных сакральных текстов. Кроме того, для выражения футуральности также могут быть использованы дополнительные лексические маркеры, которые особенно хорошо реализуют себя в системе сложного предложения, определяя общий модальный план и семантику текста. Переводчики греческого текста на латынь часто и вполне закономерно осуществляли замену форм греческих причастий на спрягаемые формы глагола. Кроме того, нужно учитывать и то обстоятельство, что исследуемые фрагменты взяты именно из Евангелия от Матфея, которое было изначально написано на древнееврейском языке, а уже потом переведено на греческий, хоть и дошло до нас в более позднем греческом переводе. Таким образом, принимая во внимание этот факт, можно предположить, что латинский переводчик мог использовать более древнюю версию греческого текста или просто интерпретировал добавочное действие как полноценное, а более поздние переводчики учитывали и латинскую версию.

Ключевые слова: категория футуральности, сложноподчиненные предложения, Евангелия, латинский язык, церковнославянский язык, современный русский язык

Для цитирования: Балута А.А. Грамматическая реализация категории футуральности в сложноподчиненных предложениях латинского языка при переводе евангельских текстов (в сопоставлении с церковнославянским и русским языками) // Современный ученый. 2025. № 1. С. 140 – 147. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-140-147

Поступила в редакцию: 19 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 21 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Grammatical realization of the category of futurity in complex sentences of the Latin language in the translation of Gospel texts (in comparison with Church Slavonic and Russian)

¹ Baluta A.A.

¹ Federal State University of Education

Abstract: this article examines the grammatical means of implementing the category of futurity in complex sentences of the Latin language when translating the text of the Canonical Gospels from Koine Greek into Latin, and compares it with Church Slavonic and Russian translations. Based on the results of the comparative analysis, the following conclusions can be drawn. The category of futurity is realized mainly through the use of modern forms of the verb, as well as through the system of verbal moods, however, the very ratio of modern forms and forms of moods in each language has a number of features directly related to the history of the language and the influence of translated sacred texts on this language. In addition, additional lexical markers can also be used to express futurity, which realize themselves especially well in the system of a complex sentence, defining the general modal plan and semantics of the text. Translators of the Greek text into Latin often and quite naturally replaced the forms of Greek participles with conjugated verb forms. In addition, it is necessary to take into account the fact that the fragments under study are taken from the Gospel of Matthew, which was originally written in Hebrew, and only then translated into Greek, although it came to us in a later Greek translation. Thus, taking into account this fact, it can be assumed that the Latin translator could to use an older version of the Greek text, or simply interpreted the additional action as a full-fledged one, and later translators took into account the Latin version.

Keywords: the category of futurity, complex sentences, the Gospels, Latin, Church Slavonic, modern Russian

For citation: Baluta A.A. Grammatical realization of the category of futurity in complex sentences of the Latin language in the translation of Gospel texts (in comparison with Church Slavonic and Russian). Modern Scientist. 2025. 1. P. 140 – 147. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-140-147

The article was submitted: September 19, 2024; Approved after reviewing: November 21, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Выбор темы статьи мотивирован непреходящим интересом в отечественной и зарубежной лингвистике к многоплановому исследованию категории футуральности, особенно в сравнительно-сопоставительном аспекте. Категория футуральности в индоевропейских языках, благодаря базовой трёхуровневой системе временных форм индоевропейского глагола, представлена довольно широко и обладает большим набором грамматических средств для своего выражения в тексте. По большей части, конечно, эта категория реализуется через употребление видовременных форм глагола, а также через систему глагольных наклонений [7, с. 118], однако, само соотношение видовременных форм и форм наклонений в каждом языке имеет ряд особенностей, непосредственно связанных с историей языка и влиянием на данный язык переводных сакральных текстов. Кроме того, для выражения футуральности также могут быть использованы дополнительные лексические маркеры, которые особенно хорошо реализуют себя в системе сложного предложения, определяя общий

модальный план и семантику текста. Все эти лексические и грамматические средства, несомненно, эволюционируют в ходе исторического процесса любого индоевропейского языка [11, с. 127]. Именно поэтому необходимо изучать грамматические средства категории футуральности не только в синхронии, но и в диахронии, с привлечением материала сравнительно-сопоставительного анализа текста, что подтверждает *актуальность и научную новизну* данного исследования. Обращение к переводному материалу латинского языка в данной области представляет особый интерес, в силу того что этот древний язык, несомненно, обладающий многими чертами языкового синтетизма, представлял линейную систему мышления [2, с. 40], которая непосредственно реализовывалась в системе сложноподчиненного предложения.

Цель статьи – охарактеризовать основные грамматические средства реализации категории футуральности в латинском языке на материале переводных Евангельских текстов и провести сравнительно-сопоставительный анализ с текстом на греческом койне, церковнославянским и рус-

ским переводами. Сравнительно-сопоставительный анализ проводится на материале условных сложноподчиненных предложений с потенциально-футуральной семантикой. Определение типа конструкции ориентировано на греческий текст Евангелия, поскольку именно он исторически признается языком первоисточника текста Канонических Евангелий [2, с. 354; 6].

В данной статье мы рассматриваем грамматические средства категории футуральности на материале сложноподчиненных условных предложений, которые из-за специфики своей структурной организации и большой семантической слитности главной и придаточной частей принято называть условными периодами [3, с. 61]. Придаточная часть таких конструкций задает условие, и поэтому практически занимает место главной части, преимущественно находясь в препозиции. По традиции грамматики древнегреческого языка придаточная часть условных периодов называется «протасис», а главная – «аподосис». Эти термины мы и будем использовать в дальнейшем процессе работы применительно к частям условных периодов.

Среди общей классификации сложноподчиненных условных предложений выделяются два основных типа, в которых категория футуральности проявляет себя особенно хорошо, это условные футуральные (*casus futuralis*) и условные потенциальные (*casus potentialis*). Однако в традиционной грамматике латинского языка футуральные условные периоды не дифференцируются в особый подвид, а реализация категории футуральности осуществляется в основном в потенциальных и реальных конструкциях. Это отчасти можно объяснить особенностями происхождения форм будущего времени глагола, суффиксы которых периодически совпадают с суффиксами сослагательного наклонения, в результате чего возникает грамматическая омонимия. Например, форма будущего времени изъявительного наклонения глаголов 3 и 4 спряжений в 1 лице единственного числа имеет суффикс “-a”, такой же, как у формы 1 лица единственного числа *conjunctivi praesentis*, при этом формы будущего времени 3 и 4 спряжений с единофонемными суффиксами признаются историками языка более древними, чем формы будущего времени глаголов 1 и 2 спряжения, в которых с течением времени старый формообразующий суффикс был заменен суффиксом “-b” в сочетании с тематическим гласным [9, с. 99]. Аналогичное явление грамматический омонимии можно наблюдать в классической и поздней латыни и в формах *Futurum secundum/Perfectum conjunctivi*, где единый суффикс “-erī” подчас не позволяет точно

определить форму времени и наклонения глагола, что создает определенные трудности при переводе и классификации условного периода как реально-го, потенциального или ирреального [15].

В истории русского языка при существовании трех форм будущего времени, одна из них непосредственно связана с настоящим временем, эту синтетическую форму в грамматиках принято называть «настоящее/будущее» время. Такое смешение понятий обусловлено наложением значений категории вида русского глагола на категорию времени, при этом категория вида, как наиболее древняя, считается превалирующей. Именно поэтому многие глаголы современного русского, древнерусского (аналогично церковнославянского и старославянского языков) имеют почти омонимичные формы несовершенного вида настоящего времени и несовершенного вида будущего времени: «делаю/сделаю». Кроме того, не стоит забывать, что в современном русском языке, как и в языках более древних, в латыни и греческом, наблюдаются случаи употребления одной формы времени в значении другой. В грамматиках русского языка такое нестандартное употребление времен называется «переносным» [10, с. 331] или «факультативным». Например, настоящее время может употребляться факультативно в значении намеченного или воображаемого действия, то есть в значении будущего: «Завтра я иду в театр». «Представляешь,ходишь ты в дом, а там он». Также можно отметить грамматическую омонимию форм будущего времени и императива некоторых глаголов. А в сложных предложениях в истории языка вообще можно увидеть не только смешение сочинительной и подчинительной связи, но и несогласованность временных планов: «А часа того Обрам толмач отделаецца, и мы его тогда к тебе отпустили» [8, с. 318].

В древнегреческом языке к сложноподчиненным условным предложениям с футуральной семантикой относились два вида: *casus futuralis* и *casus potentialis*, при этом первый вид использовался, когда говорящий предполагал более вероятное исполнение условия в будущем, а второй – когда реализация задуманного не мыслилась как обязательная. Поскольку именно в потенциальных условных периодах греческого языка изначально использовалось желательное наклонение «оптатив», то со временем вместе с утратой форм этого наклонения в более позднем греческом койне, на котором и написаны тексты Канонических Евангелий [12, с. 145], произошло постепенное слияние потенциального и реального условного периодов, и превалирующим оказался именно футуральный тип. Именно по этой причине перевод греческого

Евангельского текста на латинский язык в области категории футуральности сложноподчиненных предложений подчас представляет собой ряд смысловых и грамматических трудностей, изучению которых и посвящена данная статья. И при этом также необходимо в целом обращать внимание на особенность интерпретации смысла Евангельского текста.

Вообще специфика Евангельского текста, на наш взгляд, и заключается в том, чтобы показать слушателю (а потом и читателю) реальность или возможность исполнения многих аспектов, которые ранее считались невозможными или нереальными. Именно поэтому сама семантика условного периода, даже при наличии в одной из частей форм сослагательного наклонения, задает ориентир исполнения задуманного в ближайшем будущем, что и становится видно из последующего контекста. Определяющим фактором этой семантики является главная мысль: если человек будет верить в Бога, воля и могущество которого воплощается в этом мире через Христа, нет ничего невозможного. Поэтому так велико частотность употребления в греческих текстах Евангелий потенциально-футуральных условных периодов, а латинские переводы этих конструкций чаще передаются именно посредством футуральных, более близких к воплощению, а не потенциальных (возможных) форм. Аналогичный случай мы сможем увидеть на примере сравнительно-сопоставительного анализа Евангельских текстов и их переводов.

Материалы и методы исследований

В работе использованы следующие методы лингвистического исследования. Метод сравнительно-сопоставительного анализа текста Евангелия на греческом койне и его переводов на древние и новые индоевропейские языки. Метод семантико-грамматического анализа, позволяющий провести комплексное сопоставление лексических значений отдельных слов в составе определенных грамматических конструкций и их интерпретация при переводе. Метод сравнительно-исторического анализа текста, который является базовым для изучения определенного грамматического явления в синхронии и диахронии. Для изучения взаимоотношения языковых единиц использованы методы дистрибутивного и трансформационного анализа, а также интроспективный метод.

Результаты и обсуждения

В практической части исследования был проведен сравнительно-сопоставительный анализ сложноподчиненных условных предложений с футуральной семантикой из текста Четвероевангелия

на греческом койне и его латинского, церковнославянского и русского переводов.

Мф.: 8, 2

καὶ ἰδοὺ λεπρὸς ἐλθὼν προσεκύνη αὐτῷ λέγων· Κύριε, ἐὰν θέλης δύνασαι με καθαρίσαι [14, p. 20]

et ecce leprosus veniens, adorabat eum, dicens: Domine, si vis, potes me mundare [13]

И# сЕ, прокажень пришедъ кланзшесз єЗмУ, глаголз: гДи, їще х0щеши, м0жеши мS нчстити [4].

И вот подошел прокаженный и, кланяясь Ему, сказал: Господи! если хочешь, можешь меня очистить [5].

В протасисе греческого текста данного фрагмента употребляется конъюнктив настоящего времени в сочетании с индикативом вспомогательного глагола в аподосисе. Вводится условный период модальным союзом “ἐάν”, что, несомненно, позволяет дифференцировать его как потенциально-футуральный. Семантика будущности, а если сказать точнее, возможности совершения действия задается семантикой модальных глаголов “θέλης” «хочешь» и “δύνασαι” «можешь» в главной и придаточной частях конструкции. В латинском переводе данного фрагмента модальный план будущности определяется лишь семантически, так как оба модальных глагола “vis” «хочешь» и “potes” «можешь» имеют форму индикатива. Поэтому в данном случае основная модальная нагрузка конструкции сконцентрирована в области семантики. Подобную ситуацию мы видим и в церковнославянском, и в русском переводах.

Мф.: 9, 21

ἔλεγεν γὰρ ἐν ἑαυτῇ, Ἐὰν μόνον ἄψωμαι τοῦ ἱματίου αὐτοῦ, σωθήσομαι [14, p. 23]

Dicebat enim intra se: Si tetigero tantum vestimentum ejus, salva ero [13]

глаголаше бо въ себѣ: їще т0кмw прикоснузъ при1зэ єЗгw2, сп7сена буду. [4]

ибо она говорила сама в себе: если только прикоснусь к одежде Его, выздоровею. [5]

В протасисе потенциально-футурального условного периода традиционно употребляется аорист конъюктива в сочетании с будущим временем пассивного залога в аподосисе. Пассив сказуемого, который хорошо передан в латинском и церковнославянском переводах, показывает, что сила, которая исцелит больную женщину, придет именно извне, по вере ее. Латинский перевод передает греческие формы классической структурой согласования времен: Futurum II в протасисе (предшествование) и Futurum I в аподосисе (обусловленное первой частью действие). Русский переводчик почему-то не передал первое значение греческого глагола “σωθήσομαι” «буду спасена»

(как это сделали латинский и церковнославянский переводчики, а употребил более простую и самостоятельную с позиций семантики форму «выздоровею». На наш взгляд, русский перевод в данном случае не передает всего глубинного смысла конструкции, хотя неточным его можно назвать только с позиций текстологии Библии, но не с позиций грамматики. Возможно, здесь был использован иной греческий источник. Для выяснения данного обстоятельства следует подробно рассмотреть переводы данного фрагмента и аналогичных ему конструкций поэтапно, в текстах каждого века, с X по XIX, что не входит в рамки данной работы и представляет собой перспективу настоящего исследования.

Мф.: 12, 29

ἢ πῶς δύναται τις εἰσελθεῖν εἰς τὴν οἰκίαν τοῦ ἰσχυροῦ καὶ τὰ σκεύη αὐτοῦ ἀρπάσαι, ἐὰν μὴ πρῶτον δῇσῃ τὸν ἰσχυρόν; καὶ τότε τὴν οἰκίαν αὐτοῦ διαρπάσει [14, p. 30].

Aut quomodo potest quisquam intrare in domum fortis, et vasa ejus diripere, nisi prius alligaverit fortem? et tunc domum illius diripiet [13].

И#ли2 какw м0жетъ кто2 вни1ти въ д0мъ крѣпкагw и3 сосуды є3гw2 расхи1тити, ꙗ́че не первѣе свсжетъ крѣпкаго, и3 тогда д0мъ є3гw2 расхи1титъ [4];

Или, как может кто войти в дом сильного и расхитить вещи его, если прежде не свяжет сильного? и тогда расхитит дом его [5].

Данный пример представляет интерес для сравнительно-сопоставительного анализа, так как условный период осложнен вопросительной конструкцией со значением обстоятельства образа действия “ἢ πῶς δύναται τις εἰσελθεῖν εἰς τὴν οἰκίαν τοῦ ἰσχυροῦ καὶ τὰ σκεύη αὐτοῦ ἀρπάσαι” «как может кто войти в дом сильного и расхитить вещи его», которое вводится союзным словом “πῶς” «как», в структурном отношении является аподосисом условного периода, а грамматический компонент сказуемого этой части “δύναται” «может» стоит в форме индикатива. Таким образом, в данном фрагменте смысловая нагрузка сконцентрирована в аподосисе условного периода, поэтому именно аподосис инверсионно находится в препозиции. Протасис традиционно вводится союзом “ἐὰν”, а сказуемое при нем “δῇσῃ” стоит в форме аориста конъюнктива, что и позволяет охарактеризовать этот период как потенциально-футуральный. В латинском переводе данного фрагмента аподосис также содержит вопросительное слово “quomodo” с глаголом в изъявительном наклонении и стоит в препозиции. Сказуемое протасиса “alligaverit” можно классифицировать как перфект конъюнктива, так что в структурном и

модальном плане латинский перевод вполне соответствует греческому тексту. Единственным различием можно считать латинский отрицательный условный союз “nisi” «если не», в то время как модальное отрицание греческого койне “μὴ” в состав союза не входит. В церковнославянском и русском переводах данного фрагмента основной смысловой и модальный акцент сконцентрирован в семантике вопросительного слова и препозиции придаточного, так как наклонение глаголов-сказуемых главной и придаточной частей формально изъявительное. Если же рассматривать наклонение данной конструкции с позиций семантического синтаксиса, то оно, несомненно, будет условным, что и позволяет классифицировать и текст, и переводы представленного фрагмента как потенциально-футуральный условный период.

Конструкции подобного типа в текстах Евангелий имели достаточно высокую частотность употребления, свидетельством чему может служить и следующий пример.

Мф.: 16, 26

τί γὰρ ὠφελεῖται ἄνθρωπος, ἐὰν τὸν κόσμον ὅλον κερδήσῃ, τὴν δὲ ψυχὴν αὐτοῦ ζημιωθῇ; ἢ τί δώσει ἄνθρωπος ἀντάλλαγμα τῆς ψυχῆς αὐτοῦ; [14, p. 41]

Quid enim prodest homini, si mundum universum lucretur, animae vero suae detrimentum patiatur? aut quam dabit homo commutationem pro anima sua? [13]

kaz бо польза человекy, ꙗ́че мјръ весь пріwбрсщеть, душу же свою2 ѣтщети1тъ; и3ли2 что2 дастъ человекъ и3змѣну за душу свою2; [4]

какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою [5]?

В греческом тексте примера, аналогично предыдущему случаю, аподосис условного периода стоит в препозиции и представляет собой вопросительную конструкцию, вводимую союзным словом “τί” «что», которое контекстуально можно переводить «какая». В структурном и модальном плане конструкция в тексте и его переводах аналогична предыдущей, так что ее тоже можно классифицировать как потенциально-футуральный условный период. Следует отметить, что с позиций семантики такие конструкции представляют собой риторические вопросы, характерные для строения и замысла Евангельского текста. Они не требуют немедленного и конкретного ответа, а обращают все мысли собеседника к будущему, стимулируя его сделать правильный выбор в пользу новой веры, основанной на предпочтении небесных сокровищ земным благам. Часто употребляемый в Евангельских текстах каскад подобных примеров, организованный ступенчато и кон-

центрически, позволяет достичь определенной риторической цели.

Мф.: 18, 3

Ἀμὴν λέγω ὑμῖν, ἐὰν μὴ στραφῆτε καὶ γένησθε ὡς τὰ παιδιά, οὐ μὴ εἰσέλθετε εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν [14, p. 43]

et dixit: Amen dico vobis, nisi conversi fueritis, et efficiamini sicut parvuli, non intrabitis in regnum caelorum [13]

из речЕ: гми1нь глю вамъ, ꙗже не ѡбратитесз из будете hkw дѣти, не вни1дете въ цгтво нбсное [4]:

и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное [5];

А этот пример представляет собой уже утверждение истины, он и начинается со слова “Ἀμὴν” «истинно». Такие конструкции в Евангелиях часто следуют за каскадом риторических вопросов и помогают слушающему сделать необходимые выводы, если он еще не сделал их сам. Поэтому конструкция, следующая за утверждением истины высказывания, представляет собой потенциально-футуральный условный период, с протасисом в препозиции. Однако следует отметить то обстоятельство, что в греческом тексте данного примера сказуемое аподосиса “εἰσέλθετε”, равно как и сказуемые протасиса “στραφῆτε” и “γένεσθε”, употребляется в форме аориста конъюнктива. В латинском переводе данного фрагмента представлено согласование времен Futurum II (протасис) и Futurum I (аподосис). Чтобы разрешить это противоречие, нужно напомнить о большой модальной и семантической близости форм конъюнктива и будущего времени в латинском языке, которое, скорее всего, также имело место и в греческом койне. Тем более, что форма аориста могла, как уже было сказано выше, передавать в греческом семантику совершенного вида, что хорошо отмечено в церковнославянском и русском переводах. Однако появление конъюнктива в аподосисе греческого текста может также служить средством дополнительного усиления потенциальности, обусловленности второго действия первым.

Если рассматривать этот и аналогичные ему фрагменты с позиций нейролингвистики, такие конструкции можно классифицировать как средство достижения моноидеи, которое обязательно происходит после установления рапорта и достижения реципиентом особого состояния сознания и при классической гипнотизации, которая, в отличие от приемов Эриксоновского гипноза, осуществляется достаточно жестко. Такое построение фразы вполне соответствует замыслу исследуемого текста.

Мф.: 18, 12

Τί ὑμῖν δοκεῖ; ἐὰν γένηται τινὶ ἀνθρώπῳ ἑκατὸν πρόβατα καὶ πλανηθῇ ἓν ἐξ αὐτῶν, οὐχὶ ἀφεῖς τὰ ἐνεσθῆκοντα ἐννέα ἐπὶ τὰ ὄρη πορευθεὶς ζητεῖ τὸ πλανώμενον [14, p. 43];

Quid vobis videtur? si fuerint alicui centum oves, et erravit una ex eis: nonne relinquit nonaginta novem in montibus, et vadit quaerere eam quae erravit [13]?

Что2 вамъ мни1тсз; ꙗже будетъ нѣкоему чело-вѣку сто2 пвецъ, из заблудить єзди1на t ни1хъ: не ѡставить ли девзтьдесзтъ из девзть въ горахъ из шедъ и4щеть заблудшiиз [4];

Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся [5]?

Данный пример потенциально-футурального условного периода интересен для анализа по двум причинам. Во-первых, в греческом тексте в протасисе традиционно употребляется аорист конъюнктива, но в аподосисе ирреальный модальный план дополнен вводящим главную часть отрицанием “οὐχὶ” «неужели не», которое является усиленной формой отрицания “οὐ” «не» и употребляется в вопросах, когда предполагается утвердительный ответ. Во-вторых, вместо первого глагола аподосиса употреблена форма аористного причастия “ἀφεῖς”, так что буквально этот фрагмент можно было бы перевести так «то неужели не ищет он заблудившуюся, оставив девяносто девять в горах?». В латинском, церковнославянском и русском переводах вместо причастия прошедшего времени или деепричастия совершенного вида (которое может передавать значение причастия прошедшего времени греческого койне, латинского и многих других индоевропейских языков, в которых отсутствует форма деепричастия) использована форма будущего времени (в русском и церковнославянском переводах совершенного вида, а в латыни форма простого будущего времени, которое могло передавать значение как совершенного, так и несовершенного вида в зависимости от контекста). Форма второго сказуемого аподосиса в греческом тексте стоит в настоящем времени, что отражено в латинском и церковнославянском переводах, а в русском скорректирована на будущее совершенного вида.

Выводы

По результатам проведенного в статье сравнительно-сопоставительного анализа сложноподчиненных условных предложений с семантикой будущности в греческом койне и их переводов на латинский, церковнославянский и русский языки можно сделать следующие выводы. Категория футуральности реализуется преимущественно через

употребление видовременных форм глагола, а также через систему глагольных наклонений, однако, само соотношение видовременных форм и форм наклонений в каждом языке имеет ряд особенностей, непосредственно связанных с историей языка и влиянием на данный язык переводных сакральных текстов. Кроме того, для выражения футуральности также могут быть использованы дополнительные лексические маркеры, которые особенно хорошо реализуют себя в системе сложного предложения, определяя общий модальный план и семантику текста.

Следует отметить, что переводчики греческого текста часто и вполне закономерно осуществляли замену форм греческих причастий на спрягаемые формы глагола. Аорист и в древнегреческом языке, и в греческом койне довольно часто использовался для передачи значения будущего времени или совершенного вида. Кроме того, нужно учи-

тывать и то обстоятельство, что исследуемые фрагменты взяты именно из Евангелия от Матфея. А оно, согласно многим исследованиям и свидетельствам историков, было изначально написано на древнееврейском языке, а уже потом переведено на греческий, хоть и дошло до нас в более позднем греческом переводе. В библейском иврите, как и во многих древних семитских языках, по сути, не существовало спрягаемой формы настоящего времени глагола (что мы можем также видеть в современном иврите). Вместо нее употреблялась форма причастия настоящего времени. То есть, не «я сижу», а «я сидящий». Таким образом, принимая во внимание этот факт, можно предположить, что латинский переводчик мог использовать более древнюю версию греческого текста или просто интерпретировал добавочное действие как полноценное, а более поздние переводчики учитывали и латинскую версию.

Список источников

1. Балута А.А. Особенности исторического развития грамматических форм глагола в индоевропейских и семитских языках (на материале глагольных имен): Монография. М.: МГОУ, 2015. 375 с.
2. Балута А.А. Эволюция средств выражения ирреальной модальности в сложноподчиненных предложениях русского языка (на материале текстов Евангелий): монография. М.: МГОУ, 2021. 398 с.
3. Балута А.А., Елифанцева Н.Г., Михайлов М.К. Структурно-функциональная эволюция различных типов условных сложноподчиненных предложений в романских языках (на материале народной латыни) // Modern humanities success. 2021. № 9. С. 59 – 64. URL: <https://mhsjournal.ru/wpcontent/uploads/2021/07/mhs9.pdf?ysclid=lhjcbgu1sl369866913> (дата обращения: 13.02.2024)
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. М.: РБО, 2012. #ахнї с.
5. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета Канонические, в русском переводе. СПб.: Христианское общество «Библия для всех», 1997. 297 с. (русский Синодальный перевод 2-й половины XIX века).
6. Десницкий А.С. Сорок вопросов о Библии. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Andrej_Desnickij/sorok-voprosov-o-biblii (дата обращения: 24.01.2024)
7. Егизарян П.Э. Лексико-грамматические средства выражения будущего в пиренейском варианте современного португальского языка: на материале печатных СМИ: дис. ... канд. филолог. наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 2019. 257 с.
8. Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка: монография. М.: Издательство Московского Университета, 1956. 596 с. URL: Ломтев, Тимофей Петрович – Очерки по историческому синтаксису русского языка: учебное пособие для государственных университетов. Search RSL (дата обращения: 13.02.2024)
9. Соболевский С.И. Грамматика латинского языка. Теоретическая часть. Морфология и синтаксис. СПб.: Изд-во «Алетейя», 1998. 432 с.
10. Современный русский литературный язык: учебник / Под ред. П.А. Леканта 5-е изд., стер. М., 2001. 462 с.
11. Солнцева А.В. Романские языки: история формирования и проблемы классификации // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 124 – 133.
12. Уткина А.Ф. Сложноподчиненные предложения в переводных рукописях Евангелия от Луки // Modern Humanities Success. 2023. № 9. С. 144 – 149.
13. Biblia Sacra juxta vulgatum versionem. – Stuttgart: Deutsche Biebelgesellschaft, 1994. 1980 p.

14. KAINI ΔΙΑΘΗΚΗ. Κατα την εκδοσιν του οικουμενικου πατριαρχειου. Αποστολικη διακονια της εκκλησιας της Ελλαδος εν Αθηναις. Εκδοσις 1993. 518 σ.
15. Wood, Jim, and Raffaella Zanuttini. 2023. The Syntax of Presentatives: Evidence from English and Italian (In progress). URL: Project MUSE – The syntax of English presentatives (jhu.edu). (дата обращения: 13.02.2024)

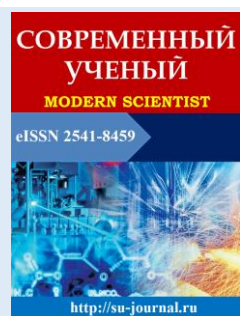
References

1. Baluta A.A. Features of the historical development of grammatical forms of the verb in Indo-European and Semitic languages (based on verb nouns): Monograph. Moscow: Moscow State University, 2015. 375 p.
2. Baluta A.A. Evolution of means of expressing unreal modality in complex sentences of the Russian language (based on the texts of the Gospels): monograph. Moscow: Moscow State University, 2021. 398 p.
3. Baluta A.A., Epifantseva N.G., Mikhailov M.K. Structural and functional evolution of various types of conditional complex sentences in Romance languages (based on Vulgar Latin). Modern humanities success. 2021 No. 9. P. 59 – 64. URL: <https://mhsjournal.ru/wpcontent/uploads/2021/07/mhs9.pdf?ysclid=lhjcbgu1sl369866913> (date accessed: 13.02.2024)
4. The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments in Church Slavonic with parallel passages. Moscow: RBO, 2012. Original text.
5. The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments Canonical, in Russian translation. St. Petersburg: Christian Society "Bible for All", 1997. 297 p. (Russian Synodal translation of the 2nd half of the 19th century).
6. Desnitsky A.S. Forty questions about the Bible. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Andrej_Desnickij/sorok-voprosov-o-biblii (date of access: 24.01.2024)
7. Egizaryan P.E. Lexical and grammatical means of expressing the future in the Iberian version of the modern Portuguese language: based on the printed media: dis. ... Cand. of Philology. Sciences. Moscow State University named after M.V. Lomonosov. Moscow, 2019. 257 p.
8. Lomtev T.P. Essays on the historical syntax of the Russian language: monograph. Moscow: Publishing House of Moscow University, 1956. 596 p. URL: Lomtev, Timofey Petrovich – Essays on the historical syntax of the Russian language: a teaching aid for state universities. Search RSL (date accessed: 13.02.2024)
9. Sobolevsky S.I. Latin Grammar. Theoretical part. Morphology and syntax. SPb: Aletheia Publishing House, 1998. 432 p.
10. Modern Russian Literary Language: Textbook. Ed. P.A. Lekant 5th ed., reprinted. M., 2001. 462 p.
11. Solntseva A.V. Romance Languages: History of Formation and Problems of Classification. Upper Volga Philological Bulletin. 2020. No. 3 (22). P. 124 – 133.
12. Utkina A.F. Complex Sentences in Translated Manuscripts of the Gospel of Luke. Modern Humanities Success. 2023. No. 9. P. 144 – 149.
13. Biblia Sacra juxta vulgatum versionem. – Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1994. 1980 p.
14. KAINI ΔΙΑΘΗΚΗ. Κατα την εκδοσιν του οικουμενικου πατριαρχειου. Αποστολικη διακονια της εκκλησιας της Ελλαδος εν Αθηναις. Εκδοσις 1993. 518 σ.
15. Wood, Jim, and Raffaella Zanuttini. 2023. The Syntax of Presentatives: Evidence from English and Italian (In progress). URL: Project MUSE – The syntax of English presentatives (jhu.edu). (date of access: 02/13/2024)

Информация об авторе

Балута А.А., доктор филологических наук, профессор, Государственный университет просвещения

© Балута А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 327.5(510)(470)

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-148-152

Международная повестка "тайваньского вопроса" в китайских и российских СМИ: сходства и различия

¹ Ву Цюн

¹ Российский университет дружбы народов

Аннотация: в данной статье анализируется международная повестка "тайваньского вопроса" в контексте освещения в китайских и российских СМИ. Актуальность исследования обусловлена значимостью вопроса для международных отношений в Восточной Азии и влиянием на глобальную дипломатию. Цель работы — провести сравнительный анализ медийных подходов к "тайваньскому вопросу" и выявить их сходства и различия. Для достижения этой цели использованы методы контент-анализа и кейс-стадии, что позволило оценить частоту и характер публикаций. Результаты показывают, что китайские СМИ акцентируют внимание на идеологии "одного Китая", тогда как российские источники предлагают более нейтральные и разнообразные подходы, подчеркивая необходимость диалога и мирного разрешения конфликта. Заключение подчеркивает важность медийных нарративов в формировании общественного мнения и их влияние на международные отношения.

Ключевые слова: Тайвань, СМИ, международные отношения, контент-анализ, Китай, Россия

Для цитирования: Ву Цюн Международная повестка "тайваньского вопроса" в китайских и российских СМИ: сходства и различия // Современный ученый. 2025. № 1. С. 148 – 152. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-148-152

Поступила в редакцию: 25 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 26 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

International agenda of the "Taiwan issue" in Chinese and Russian media: similarities and differences

¹ Wu Qiong

¹ Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: this article analyzes the international agenda of the "Taiwan issue" in the context of its coverage in Chinese and Russian media. The relevance of the study is determined by the significance of the issue for international relations in East Asia and its impact on global diplomacy. The aim of the work is to conduct a comparative analysis of media approaches to the "Taiwan issue" and identify their similarities and differences. To achieve this goal, methods of content analysis and case studies were employed, allowing for the assessment of the frequency and nature of publications. The results show that Chinese media emphasize the ideology of "one China," while Russian sources offer more neutral and diverse approaches, highlighting the necessity of dialogue and peaceful conflict resolution. The conclusion emphasizes the importance of media narratives in shaping public opinion and their influence on international relations.

Keywords: Taiwan, mass media, international relations, content analysis, China, Russia

For citation: Wu Qiong International agenda of the "Taiwan issue" in Chinese and Russian media: similarities and differences. Modern Scientist. 2025. 1. P. 148 – 152. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-148-152

The article was submitted: September 25, 2024; Approved after reviewing: November 26, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

В последние десятилетия вопрос о Тайване стал одной из ключевых тем в международных отношениях, обладая значительным влиянием на дипломатические отношения как в Восточной Азии, так и за её пределами. Тайвань, имеющий статус частично признанного государства, вызывает острые дискуссии среди стран Азиатско-Тихоокеанского региона и на глобальной арене [1]. Исторически Тайвань стал предметом споров между Китаем и другими государствами, особенно Соединёнными Штатами, что привело к сложной динамике в международной политике. В этом контексте особенно важно понимать, как данный вопрос освещается в средствах массовой информации, поскольку они играют решающую роль в формировании общественного мнения и представлении политических позиций.

Китайская политика в отношении Тайваня основывается на принципе "одного Китая", предполагающем, что Тайвань является неотъемлемой частью Китая. Пекин активно использует различные платформы для распространения своей позиции и укрепления легитимности своих требований к Тайваню. В то же время российская политика в отношении Тайваня носит более прагматичный характер, отражая интересы в укреплении двусторонних отношений с Китаем и поддержании многосторонних позиций на международной арене [2]. В условиях глобальных изменений и возрастающего влияния медиа необходимо исследовать, как китайские и российские СМИ освещают "тайваньский вопрос", выявляя сходства и различия в подходах к его трактовке.

Цель данного исследования заключается в сравнительном анализе освещения "тайваньского вопроса" в китайских и российских СМИ. Это позволит не только выявить общие черты в медийных подходах, но и понять, как культурные, политические и экономические факторы влияют на формирование медийного контекста. Значимость данного исследования обусловлена необходимостью осознания влияния медиа на международные отношения, особенно в контексте конфликтных ситуаций, таких как "тайваньский вопрос". Анализ медийного освещения позволит глубже понять, как информация о международной политике формируется и воспринимается в разных

странах, а также как это влияет на общественное мнение и политические решения.

Материалы и методы исследований

Для достижения поставленных целей в исследовании применяются методы контент-анализа и кейс-стадий. Контент-анализ позволит систематически оценить частоту, тематику и характер публикаций, связанных с "тайваньским вопросом", в китайских и российских СМИ. Кейс-стадии помогут глубже проанализировать конкретные примеры освещения вопроса, выявляя ключевые тенденции и различия в подходах к его освещению. В результате данного исследования будет сформулирован комплексный подход к пониманию того, как средства массовой информации формируют международные нарративы и каким образом они могут влиять на восприятие международных вопросов обществом.

Результаты и обсуждения

Медийная среда в Китае и России представляет собой сложную и многогранную систему, в которой значительное влияние оказывают государственные структуры и их политика в области информации. В Китае средства массовой информации находятся под строгим контролем государства, что проявляется в жестких ограничениях на свободу слова и цензуре контента. Все основные СМИ в стране, включая телевизионные каналы, печатные издания и интернет-платформы, действуют в рамках государственной идеологии, что определяет их информационную повестку [3]. Официальная политика Китая направлена на поддержание стабильности и гармонии, что выражается в необходимости соответствия публикуемых материалов требованиям цензуры. В результате, китайские СМИ часто выступают в роли пропагандистов государственной политики, представляя информацию в выгодном свете для центрального правительства и игнорируя критические или негативные аспекты.

В России медийная среда также подвергается значительному государственному контролю, хотя степень этого контроля может варьироваться. После ряда политических событий, таких как аннексия Крыма и конфликты на востоке Украины, российские власти усилили контроль над СМИ и интернет-пространством. Государственные и близкие к государству медиакомпании доминируют на информационном рынке, что ограничивает при-

существование независимых и оппозиционных голосов. Несмотря на наличие законодательства, защищающего свободу слова, многие журналисты и редакторы сталкиваются с давлением, что вынуждает их следовать установленным правилам и избегать критики властей [4]. Однако в отличие от Китая, в России существует определённое количество независимых новостных источников, которые стараются освещать события с различных углов, хотя их доступность и влияние часто ограничены.

Исторически обе страны имеют свои особенности в отношении международных новостей. В Китае, на фоне роста экономической мощи и усиления влияния на международной арене, медийная политика ориентирована на формирование позитивного имиджа страны, что также касается и освещения международных конфликтов, включая "тайваньский вопрос". Китайские СМИ активно подчеркивают свои достижения и стремятся продемонстрировать свою роль как ответственного глобального игрока. В свою очередь, российские СМИ, особенно в условиях международной изоляции, акцентируют внимание на западной критике и освещают события с точки зрения защиты национальных интересов, что также отражает стремление представить Россию как противостоящую агрессии.

Современное состояние международных новостей в обеих странах характеризуется динамикой, зависящей от глобальных политических изменений. Китай активно развивает свои международные медийные проекты, такие как CCTV и Xinhua, нацеленные на распространение китайской точки зрения за рубежом. Россия также стремится увеличить своё присутствие на международной арене, что проявляется в создании таких каналов, как RT и Sputnik, которые предлагают альтернативный взгляд на мировые события. Однако, несмотря на различия в подходах, обе страны используют свои медиа как инструменты для формирования общественного мнения и влияния на международные отношения, что подчеркивает значимость медийного контекста в изучении вопросов международной политики.

Освещение "тайваньского вопроса" в китайских СМИ характеризуется четко выраженной государственной идеологией, которая акцентирует внимание на принципе "одного Китая". Используемый язык в публикациях зачастую эмоционален и патриотичен, подчеркивая единство страны и необходимость воссоединения с Тайванем. Частота публикаций на данную тему возрастает в моменты обострения политической ситуации, особенно когда происходят важные события, такие как выборы на Тайване или действия США, связанные с

поддержкой Тайваня [5]. Например, в 2020 году, во время выборов на Тайване, китайские СМИ значительно увеличили количество материалов, в которых подчеркивалась важность территориальной целостности и необходимость недопущения независимости Тайваня. Публикации активно ссылаются на исторические факты и международные нормы, чтобы обосновать позицию Китая, при этом игнорируя или минимизируя альтернативные точки зрения.

Примеры значимых публикаций, отражающих правительственную позицию, можно найти в материалах агентства "Синьхуа", которое в своих статьях акцентирует внимание на негативных последствиях для стабильности в регионе в случае поддержки независимости Тайваня. В одной из статей, опубликованной в 2022 году, утверждалось, что поддержка США тайваньских властей является "грубым вмешательством во внутренние дела Китая", что наглядно иллюстрирует подход китайских СМИ к освещению внешних угроз. Общественное мнение также формируется через активное использование социальных медиа, где часто размещаются патриотические видео и посты, подчеркивающие единство народа вокруг идеи воссоединения с Тайванем.

В российских СМИ освещение "тайваньского вопроса" отличается по своему подходу и стилю. Несмотря на то, что российские СМИ, в отличие от китайских, допускают определённую степень независимости в подаче информации, они все же часто отражают государственные интересы и внешнюю политику. Язык публикаций часто нейтральный, но может содержать элементы критики в адрес Запада, подчеркивающей опасность вмешательства в дела Китая [6]. Частота публикаций на эту тему увеличивается в контексте международной политики, особенно в свете обострения отношений между Китаем и США.

Примером может служить статья на сайте RT, опубликованная в 2021 году, в которой анализировалось поведение США в отношении Тайваня. В ней подчеркивалось, что "Вашингтон подогревает конфликт, предоставляя поддержку Тайваню", что свидетельствует о стремлении России представить себя как союзника Китая в борьбе против западного вмешательства. Также в российских новостных источниках периодически упоминается о необходимости мирного разрешения конфликта, что соответствует более прагматичной позиции России в отношении тайваньского вопроса.

Таким образом, освещение "тайваньского вопроса" в китайских и российских СМИ отражает как внутренние, так и внешние политические интересы. В китайских медиа акцент делается на

единстве и легитимности требований к Тайваню, в то время как российские СМИ стремятся подчеркнуть угрозы, исходящие от западной политики, при этом подчеркивая необходимость сотрудничества и стабильности в регионе. Эти различия в подходах к освещению подчеркивают сложность международной политической динамики и важность медийных нарративов в формировании общественного мнения.

Сходства в освещении "тайваньского вопроса" в китайских и российских СМИ проявляются в акценте на суверенитете и территориальной целостности, что является общей характеристикой подходов обеих стран к данному вопросу. В обоих случаях наблюдается стремление представить свои позиции как легитимные и обоснованные с точки зрения международного права. В китайских СМИ этот акцент выражается через постоянное напоминание о принципе "одного Китая", где Тайвань рассматривается как неотъемлемая часть китайской территории. Российские СМИ, хотя и не придерживаются такой жесткой позиции, также подчеркивают важность уважения к суверенитету государств и противостоят вмешательству извне [7]. Например, в материалах обеих стран часто встречаются ссылки на необходимость соблюдения международных норм и противодействие внешнему давлению, что позволяет создать единую нарративную линию, акцентирующую внимание на общей угрозе для национальных интересов.

Однако различия в освещении "тайваньского вопроса" также имеют значительное значение. В то время как китайские СМИ описывают Тайвань в контексте неизбежного воссоединения с материковым Китаем, российские СМИ часто подходят к вопросу более нейтрально, подчеркивая необходимость диалога и мирного разрешения конфликта. Например, в российской прессе могут быть представлены мнения экспертов, призывающих к учету интересов всех сторон, включая самих тайваньцев, что отличает их подход от более одностороннего освещения в китайских источниках. Кроме того, восприятие США в контексте тайваньского вопроса также различается: в китайских СМИ США представлены как основные провокаторы конфликта, что подтверждается множеством статей, которые подчеркивают негативное влияние американской политики на стабильность в регионе. В то же время в российских СМИ критика США часто оборачивается противодействием их вмешательству, но не всегда имеет такой же акцент на прямую агрессию, что создает более многослойное представление о роли внешних акторов [8].

Причины этих различий коренятся в культурных, политических и экономических факторах.

Китай, обладая четко установленной политической системой и жестким контролем над СМИ, создает однозначный нарратив, поддерживающий государственную идеологию. Россия, хотя и испытывает значительное влияние государства на медиа, всё же позволяет некоторую свободу выражения мнений, что приводит к многообразию представленных точек зрения. Политические интересы также играют ключевую роль: для Китая вопрос о Тайване – это вопрос национального единства, тогда как для России – это больше вопрос геополитической стратегии и баланса сил. Экономические аспекты, такие как сотрудничество с Китаем и влияние на Азиатско-Тихоокеанский регион, также влияют на позицию России, что отражается в более прагматичном освещении вопросов, связанных с Тайванем. Таким образом, исследование сходств и различий в освещении "тайваньского вопроса" в китайских и российских СМИ позволяет глубже понять, как медиа формируют и отражают политические нарративы, а также как они влияют на восприятие международных отношений.

Выводы

В результате проведенного исследования было выявлено, что освещение "тайваньского вопроса" в китайских и российских СМИ демонстрирует как значительные сходства, так и различия. Оба типа медиа акцентируют внимание на вопросах суверенитета и территориальной целостности, что обусловлено политическими интересами обеих стран. В то время как китайские СМИ активно продвигают идею единства Китая и воссоединения с Тайванем, российские источники предлагают более разнообразные и нейтральные подходы, часто подчеркивая необходимость мирного разрешения конфликта и уважения интересов всех сторон. Различия в подходах к освещению "тайваньского вопроса" также отражают разные культурные и политические контексты, в которых действуют медиа обеих стран.

Учитывая результаты данного исследования, можно рекомендовать дальнейшее углублённое исследование, которое сосредоточится на кросс-культурном анализе медиа, освещающих международные конфликты. Такой подход позволит более полно охватить разнообразие медийных нарративов и их влияние на формирование общественного мнения. Также будет полезно изучить, как изменения в международной политике и глобальные события могут влиять на подходы к освещению аналогичных вопросов в разных странах, что даст возможность выявить новые тенденции в медиа.

Практическое значение данного исследования заключается в его вкладе в понимание формиро-

вания международного мнения и влияния медиа на внешнюю политику. В условиях глобализации и быстрого распространения информации средства массовой информации становятся важным инструментом, формирующим общественное восприятие международных вопросов и конфликтов.

Понимание того, как различные страны и их медиа представляют такие сложные темы, как "тайваньский вопрос", позволяет лучше осознать динамику международных отношений и может служить основой для дальнейшего анализа политических стратегий на глобальной арене.

Список источников

1. Андрианов В.Л. Укрепление позиций Китая в АТР: потенциал и пределы // Вестник Московского университета. Серия 25, Международные отношения и мировая политика. 2012. № 3. С. 49 – 71.
2. Ин Ш. Роль президента РФ Б.Н. Ельцина в развитии китайско-российских отношений (по материалам китайских исследователей) // История и современное мировоззрение. 2019. № 4. С. 115 – 125.
3. Люлина А.Г., Ефименко Е.С. Интернет-цензура в современном Китае: жесткий контроль и гибкая система урегулирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 2. С. 175 – 188.
4. Панкеев И.А., Тимофеев А.А. Тенденции государственного регулирования российских СМИ: правовой аспект // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9. № 2. С. 231 – 246.
5. Арцевич Ж.А. Теоретические и практические подходы в политике «мягкой силы» США и Китая (на примере тайваньской проблемы): магистерская диссертация по направлению подготовки 46.04.01 – История. 2018.
6. Шавров Д.А. Аналитические жанры в обеспечении конструктивного диалога с аудиторией / БГУ, факультет журналистики, кафедра медиалогии; науч. рук. О.М. Самусевич. Минск, 2020.
7. Смолина Е. С. Контент-анализ российских и тайваньских СМИ в аспекте эффективности образования, науки и международного сотрудничества // Поволжский торгово-экономический журнал. 2014. № 6. С. 118 – 123.
8. Цяньнань Г. Репрезентация визита Н. Пелоси на Тайвань в американских, белорусских и китайских медиа // Журналистика – медиалогия – наставничество: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. Б.В. Стрельцова, Минск, 1 марта 2023 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е.Р. Хмель (гл. ред.) и др. Минск : БГУ, 2023. С. 48 – 51.

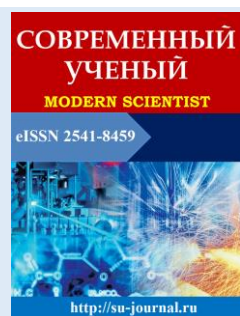
References

1. Andrianov V.L. Strengthening China's Position in the Asia-Pacific Region: Potential and Limits. Bulletin of Moscow University. Series 25, International Relations and World Politics. 2012. No. 3. P. 49 – 71.
2. In Sh. The Role of Russian President B.N. Yeltsin in the Development of Sino-Russian Relations (Based on Materials of Chinese Researchers). History and Modern Worldview. 2019. No. 4. P. 115 – 125.
3. Lyulina A.G., Efimenko E.S. Internet Censorship in Modern China: Tight Control and Flexible Regulation System. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: General History. 2022. Vol. 14. No. 2. P. 175 – 188.
4. Pankeev I.A., Timofeev A.A. Trends in state regulation of Russian media: legal aspect. Issues of theory and practice of journalism. 2020. Vol. 9. No. 2. P. 231 – 246.
5. Artsemovich Zh.A. Theoretical and practical approaches to the soft power policy of the USA and China (on the example of the Taiwan problem): master's thesis in the direction of training 46.04.01 – History. 2018.
6. Shavrov D.A. Analytical genres in ensuring constructive dialogue with the audience. BSU, Faculty of Journalism, Department of Media Studies; scientific director O.M. Samusevich. Minsk, 2020.
7. Smolina E.S. Content analysis of Russian and Taiwanese media in terms of the effectiveness of education, science and international cooperation. Volga Region Trade and Economic Journal. 2014. No. 6. Pp. 118 – 123.
8. Qiannan G. Representation of N. Pelosi's visit to Taiwan in American, Belarusian and Chinese media. Journalism – media studies – mentoring: materials of the international. scientific and practical. conf., dedicated to the memory of prof. B.V. Streltsov, Minsk, March 1, 2023. Belarusian state university; editorial board: E.R. Khmel (editor-in-chief) and others. Minsk: BSU, 2023. P. 48 – 51.

Информация об авторе

Бу Цюн, аспирант, Российский университет дружбы народов, wuqiong123@mail.ru

© Бу Цюн, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 82.65

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-153-158

Современность как важнейший фактор публицистичности эпистолярной Марины Држича

¹ Дробышева М.Н.

¹ Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

Аннотация: настоящее исследование посвящено малоизученной теме развития эпистолярной публицистики в творчестве Марины Држича периода середины XVI века, когда возникает возрожденческая литература Дубровницкой Республики. Письма М. Држича, обращенные к Козимо I Медичи и его сыну, впервые рассматриваются в отечественном литературоведении, раскрывают процессы, происходящие в обществе и в человеке эпохи Ренессанса в Далматинско-Дубровницком регионе. В эпистолярной М. Држича освещаются проблемы государства, судопроизводства, деятельности церкви, социального положения местного населения. Впервые рассматриваются два издания писем М. Држича, выполненных в переводе с итальянского на родной язык писателя. Одно издание было опубликовано в XX веке в Белграде в 1963 году, а второе – в XXI веке в Загребе в 2011 году. В последнем анализируются вновь найденные письма в 2006 году в Государственном архиве Флоренции, из содержания которых становится ясно, что Држич получал ответы на свои послания, хотя ранее считалось, что они были проигнорированы адресатом. Процессы судопроизводства, анализируемые в письмах М. Држича, освещаются в его пьесах «Скупой» и «Аркулин». Одна из тем, затрагиваемых писателем в письмах, – обличение скупости дубровницких властителей и утраты ими моральных ценностей. Их эмоциональная наполненность раскрывает новые грани личности писателя, способствующие пониманию его творчества. Таким образом, благодаря этим письмам исследуются процессы формирования публицистики М. Држичем, выясняется степень их изученности и выявляются новые содержательные смыслы с учётом теоретических достижений современного литературоведения.

Ключевые слова: публицистика, эпистолярный жанр, литература, государство, судопроизводство, политика, Возрождение, корреспонденция, контекст

Для цитирования: Дробышева М.Н. Современность как важнейший фактор публицистичности эпистолярной Марины Држича // Современный ученый. 2025. № 1. С. 153 – 158. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-153-158

Поступила в редакцию: 26 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 26 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Modernity as the most important factor of publicity of epistolary by Marin Držić

¹ Drobysheva M.N.

¹ Pushkin Leningrad State University

Abstract: the present study is devoted to the little-studied topic of the development of epistolary journalism in the work of Marin Držić in the mid-16th century, when the Renaissance literature of the Dubrovnik Republic emerged. M. Držić's letters addressed to Cosimo I Medici and his son are considered for the first time in domestic literary

studies, revealing the processes occurring in society and in man of the Renaissance in the Dalmatian-Dubrovnik region. M. Držić's epistolary covers the problems of the state, judicial procedure, church activity, and the social status of the local population. Two editions of M. Držić's letters, translated from Italian into the writer's native language, are considered for the first time. One edition was published in the twentieth century in Belgrade in 1963, and the other in the twenty-first century in Zagreb in 2011. The latter analyzes newly found letters in 2006 in the State Archive of Florence, from the contents of which it becomes clear that Držić received replies to his messages, although it was previously thought that they were ignored by the addressee. The judicial processes analyzed in Držić's letters are covered in his plays *The Miser* and *Arkulin*. One of the themes addressed by the writer in his letters is the denunciation of the Dubrovnik rulers' avarice and their loss of moral values. Their emotional content reveals new facets of the writer's personality, contributing to the understanding of his work. Thus, thanks to these letters, the processes of the formation of M. Držić's journalism are investigated, the degree of their study is clarified, and new content meanings are revealed, taking into account the theoretical achievements of modern literary studies.

Keywords: journalism, epistolary genre, literature, state, legal proceedings, politics, Renaissance, correspondence, context

For citation: Drobysheva M.N. Modernity as the most important factor of publicity of epistolary by Marin Držić. *Modern Scientist*. 2025. 1. P. 153 – 158. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-153-158

The article was submitted: September 26, 2024; Approved after reviewing: November 26, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

В XVI веке эпистолярный жанр находится на пересечении традиций книжно-славянской литературы, публицистики и деловой прозы, что наблюдается в письмах Ивана Грозного и Андрея Курбского [2]. Итальянский медиевист Дж. Броджи-Беркофф в своих исследованиях называет виды эпистолярных: религиозно-идеологические, светские, документально-деловые, освещающие политические проблемы [7]. При анализе произведений эпистолярного жанра в них обнаруживается наличие исповедального и проповеднического начал, что свидетельствует о зарождении публицистичности [3].

Статья посвящена малоизученной теме – развитию эпистолярной публицистики в творчестве Марина Држича в период эпохи Возрождения в Дубровницкой Республике.

Предметом нашего исследования стали письма Марина Држича к Козимо I Медичи и его сыну, представителям боковой линии флорентийского рода, написанные в период от 2 июля до 28 августа 1566 года. До наших дней дошли многочисленные трактаты современников писателя, но их эпистолярное наследие не было обнаружено, в то время как в Государственном архиве Флоренции в XX веке (в 1930 году) были найдены письма М. Држича и сразу же были опубликованы Хорватской академией наук и искусств в одномомном собрании его сочинений.

Актуальность исследования состоит в том, что в статье рассматривается публицистическое начало эпистолярных М. Држича.

Научная новизна работы раскрывает новые аспекты формирования публицистики в хорватской литературе Далматинско-Дубровницкого региона.

Цель исследования – проанализировать процессы, происходящие в жизни дубровницкого общества.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили труды отечественных и зарубежных учёных, таких как А.В. Торопова, М.И. Микешин, Д.В. Попов, М.В. Леонидова, Т.В. Рубаник, Дж. Броджи-Беркофф, Р. Богишич, Й. Тадич, М. Решетар, С. Новак [7-10, 11, 16, 17, 19], а также исторические документы середины XVI века Государственного архива Дубровника.

В нашей работе мы используем культурно-исторический, описательный и сравнительно-исторический методы. Методология исследования включает дискурсивный анализ.

Результаты и обсуждения

Письма М. Држича к Козимо I Медичи от 2, 3, 23 июля и 28 августа 1566 года, очень значимы для исследования далматинской публицистики. «Письмо относится к древнему виду письменных сообщений, которыми обмениваются коммуниканты, лишённые непосредственного контакта» [4, с. 107]. Благодаря его слову складывается впечатление об обществе и человеке эпохи Ренессанса Дубровника. В письмах Марина Држича воссоздаются злободневные и актуальные события того времени.

Одна из важнейших особенностей его публицистики – обращение к проблемам государства, су-

допроизводства, деятельности церкви, флоту, положению иностранных граждан. Одной из отличительных черт эпистолярного жанра является то, что «вся информация, представленная в письме, отображает внутренний мир автора. Такие письма обязательно содержат размышления автора, его переживания, чувства, проявления различных эмоций, надежды и мечты» [1, с. 477]. Первое издание, в котором были опубликованы письма М. Држича на итальянском языке, появилось в 1930 году в одномтомном собрании сочинений писателя под редакцией Милана Решетара [17]. А в переводе с итальянского языка на сербохорватский, сделанном Сржданом Мусичем, письма Држича были изданы в 1963 году под редакцией академика Мирослава Панчича [12, с. 371-388]. «Избранные сочинения Марина Држича» вышло в двух томах в известном издательстве «Матица Хрватска» в Загребе в 2011 году. Перевод на хорватский осуществили Наташа Милас, Тревор Лауренсе Эскитс и Паве Брауло (под редакцией Слободана Новака). Письма М. Држича представляют официальные отношения между автором и адресатом – Козимо I Медичи. Автор обращается к герцогу Козимо Медичи, называя его «Пресветлым, Высокопочитаемым господином, герцогом Флоренции и Сиены» (All'illustrissimo et Eccellentissimo Signor Principe di Fiorenza e di Siena! Presvijetlome i preuzvišenome gospodinu princu Ferenze i Sijene). В конце письма автор подписывается: «Вашего Превосходительства покорный слуга Марин Држич, дубровчанин» (Di Vostra Eccellenza umilissimo servitore Marino Darsa Raguseo. Vaše Preuzvišenosti preponizni sluga Marin Držić Dubrovčanin [14, с. 264-307]). Как мы видим, письма М. Држича, обращенные к Козимо Медичи, писались, основываясь на канонах эпистолярного жанра, которые были изложены в трактате «Искусство сочинения писем» (“Ars dictaminis” или “Artes dictandi”), состоявшем из пяти частей: заглавие, начало, повествование, прошение и заключение).

Как отмечает А.В. Торопова, уже в Средние века авторы идеально соблюдали структуру письма, как она была предусмотрена в “Ars dictaminis”. Тема развивается чётко и последовательно [10, с. 29].

Држич в своих письмах касается проблемы несправедливого суда, деятельность которого драматург проиллюстрировал рядом примеров, так как ему приходилось участвовать в судебных процессах. Необходимо отметить, что упоминание судопроизводства встречается в его комедиях «Скупой» и «Аркулин» [15, с. 180-181]. Он приводит рассказ о нечистой на руку служанке дубровницкого судовладельца, обоглавшей священника, которому она

будто бы отдала на хранение 600 золотых венгерских цекинов. «Суд стал требовать, чтобы священник вернул деньги, но он все отрицал – тогда, – повествует М. Држич, – они замучили невинного, и он умер. Служанка, испытывая муки совести, под действием страха на исповеди призналась в содеянном, стало известно, что «священнику она не давала денег, а закопала их в городском доме. Так как деньги нашлись, и тяжба была прекращена, правда восторжествовала, а ей дали всего лишь месяц тюремного заключения – вот какое было наказание» [14, с. 272]. А с другой стороны, желая подтвердить в письме к Козимо Медичи, насколько бывают беспощадными, бесчеловечными деяния судопроизводителей, Држич приводит конкретный пример о заточении одного обанкротившегося левантийского купца, которого суд приговорил к пожизненному заключению. Несчастный был обречен находиться в четырех стенах, без света, закованный в кандалы. Суровость наказания была вызвана тем, что брат этого купца во имя спасения родственника обратился в мусульманство (этот процесс был характерен для времени завоевания турками Балкан; среди населения южных славян было немало потурченцев). После скоропостижной кончины брата дубровницкие власти ужесточили наказание, хотя заключенный осудил поступок потурченца. «Узник продолжает терпеливо ждать, когда Господь осудит такое великое безбожие» [14, с. 274].

Письма М. Држича представляют собой своеобразные публицистические размышления, которые ярко и достоверно воссоздают повседневную жизнь Дубровника и его современников, отражают городскую культуру и историю южных славян. В каждом письме Држичем даётся яркая трактовка описываемого события. Как справедливо отмечает Т. В. Рубаник, «в эпоху Возрождения не было чёткой грани между бытовым письмом и письмом – литературным творением» [9, с. 467].

Множество документов, повествующих о подобных судебных разбирательствах, сегодня хранится в Государственном архиве Дубровника. Они выглядят, с одной стороны, наивными и нелепыми – как например, описание различных уличных скандалов: одна горожанка разбила у другой кувшин с оливковым маслом; мясник ударил костью прохожего; дети играли в мяч и выбили стекло у соседей.

Любимым занятием Држича в детстве была игра в мяч (лапту). Доказательство тому, что дети ее любили, мы встречаем в высказываниях автора в комедии «Дундо Марое» [13]. В Архиве Дубровника также хранятся многочисленные свидетельства популярности лапты в XVI в. [18, с. 101]

Особенно М. Држича волновало отношение правительства Дубровницкой Республики к Францисканскому монастырю, основанному в XIII в., где жили нищенствующие монахи. М. Држич указывает на несправедливые действия властителей, которые под влиянием монахов-аристократов без всякого решения суда прогнали из монастыря четырех монахов-простолюдинов, проповедников, образцовых старцев, отличавшихся своим отношением к духовной жизни от иных представителей духовенства [14, с. 276].

Особое внимание Држич обращает на поразительное стремление властителей к обогащению. В связи с этим власти Дубровника не выделяют средств на укрепление города, на его оборонительно-фортификационные сооружения, состоящие из мощных крепостных стен и башен [14, с. 276]. Исследуя подробно этот вопрос, Држич показывает, что накопительство, полная сосредоточенность на материальных проблемах ведёт к утрате моральных ценностей.

Одна из важнейших особенностей публицистики – обращение к актуальному материалу, именно этим отличаются письма Марина Држича, которые были обращены к самым актуальным проблемам современности.

Писатель, как мы видим, посредством создания в комедиях своих персонажей затрагивает разные грани скупости. Так, например, говоря о жадности Дундо Марое, Бокчило употребляет следующую фразу: «О дукатах ты плачешь, а дукаты ржавеют в кубышке» [15, р. 20]. Подобное выражение переходит из пьесы в пьесу М. Држича: «Аркулин» («Arkulin»), «Скупой» («Skup»), «Джуха Крпета» («Džuha Krpeta»).

Држич стремится показать своему адресату бесправное положение иностранных граждан в Дубровнике. Этот город космополитичен, в нём живут люди разных национальностей – итальянцы, евреи, испанцы, французы, англичане, немцы приезжают из Западной Европы, а с востока прибывают турки, албанцы, греки, армяне и цыгане. Подтверждение тому мы находим в текстах произведений писателя. При этом каждый житель выражает свое отношение к современной жизни города. Так, албанец, персонаж комедии «Аркулин», критикует современное общество, высказываясь о том, что мир утратил милосердие, люди только едят, пьют, рожают детей, дерутся, забывая о душе.

М. Држич разрабатывает галерею персонажей в своих комедиях, обращаясь к портретным характеристикам своих современников (выделяет черты наиболее репрезентативные, социальные, коме-

дийные), с одной стороны, а с другой – создавая о современниках обобщенное представление.

В этих письмах предстаёт народное мировосприятие дубровчан. «Народное самосознание открывается через единство социального и персонального: т.е. через интернациональность, инструментальность, интерсубъективность и т.п. конкретно – через самоидентификацию» [5, 6].

Основной пафос корреспонденции Држича заключался в представлении о том, что значили для него политические идеалы. Држич был противником всяческой тирании, а его представления о жизни общества основывались на принципах социального равенства. Писатель симпатизировал Козимо Медичи и поэтому надеялся, что тот примет его предложение об участии в политическом перевороте. Долгое время считалось, что письма Држича остались без внимания высокопоставленного адресата. Только в 2006 году в Государственном архиве Флоренции были обнаружены два новых послания М. Држича, обращенные к Козимо Медичи и его секретарю Бартоломео Концино, от 16 и 27 июля 1566 года, из содержания которых стало ясно, что М. Држич получал ответы на свои послания. В российском литературоведении об этом до сих пор не упоминалось.

Письма раскрывают новые грани личности писателя. Его политические идеалы М. Држича не были связаны с тиранией, а основывались на принципах социального равенства. Раздумья драматурга о политике были созвучны взглядам многих итальянских гуманистов, которые также критично были настроены по отношению к существующим порядкам в Италии.

Држич прекрасно ориентировался в политической ситуации на Балканах. В этом ему особенно помог приобретённый опыт в период службы у графа Кристофа Августа Рогендорфа.

Марин Држич не мог не коснуться проблемы, связанной с тем, как Венеция и Турция – ближайшие соседи – воспримут захват власти в Дубровнике. В этом письме он обращается Козимо Медичи с тремя вопросами и сам на них отвечает. М. Држич выражает беспокойство, пришлет ли правитель Флоренции полк солдат или только его часть.. (“) [14, с. 302]. Второй вопрос касается стратегии: как малыми силами можно свергнуть власть в государстве, которое в мире не считается слабым и может постоять за себя [14, с. 302].

В-третьих, он пытается убедить Медичи в том, что венецианцы и турки ему не опасны. «Что будет, если побежденные властители обратятся за помощью к венецианцам и туркам, и как можно поддержать новую власть в таком случае?» [14, с. 302]. М. Држич подчеркивает, что «дубровчане

никогда не обратятся за помощью к венецианским и турецким силам, так как все они без исключения ненавидят как одних, так и других, и поэтому имели бы больше убытков, чем пользы. Новая власть сможет обуздать разнузданность дубровнических властителей, так как они трусливы и пугливы, их нрав таков, что, когда им принадлежит власть, они высокомерны, надменны, а когда не имеют власти, — принижены и покорны». М. Држич призывает доверять его компетентному мнению [14, с. 302-304].

Выводы

В статье показано, как в творчестве крупней-

шего писателя Далматинско-Дубровницкого Возрождения Марина Држича сформировались основы национальной публицистики. Эти письма стали уникальным источником понимания эпохи, в которой жил и творил писатель. Држича-публициста характеризовало то, что он был ярко современен в освещении актуальных проблем дубровницкого общества.

В письмах Држича проявляется понимание генезиса литературных явлений, происходящих в хорватской литературе и публицистике в Далмации и Дубровнике в XVI веке.

Список источников

1. Вольникова Е.А., Яшина М.А. Особенности эпистолярного жанра английской литературы // Человек, общество и государство в современном мире. Сборник трудов конференции: в 2-х т. Т. 1. Пенза: Пензенский государственный технологический университет, 2016. С. 477 – 481.
2. Голенищев-Кутузов И.Н. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV-XVI веков. М.: АН СССР, 1963. 416 с.
3. Кузин И.В. Маски субъекта: Стратегии социальной идентификации. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. 308 с.
4. Леонидова М.В. Эпистолярный жанр – из прошлого к настоящему // Журналистика. Филология. Культура. История. 2013. № 1-2. С. 107 – 108.
5. Пигров К.С. Российское народное самосознание: национальная культура и массовая цивилизация // Философские исследования. 2018. Т. 7. № 1 (13). С. 37 – 56.
6. Пигров К.С. Социальная философия. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. 296 с.
7. Попов Д.В. Автобиографическое начало в эпистолярных сочинениях XVI в. // Scientific-Methodological Electronic Journal «Foreign Languages in Uzbekistan». 2020. № 1 (30). С. 41 – 49.
8. Попов Д.В. Стиль «Плетение словес» в посланиях Ивана Грозного. М.: Перо, 2021. 143 с.
9. Рубаник Т.В. Причины варьирования стиля эпистолярного жанра в Италии: от Античности до Возрождения. Минск: БДУ, 2023. С. 463 – 468.
10. Топорова А.В. Эпистолярный жанр в итальянской средневековой литературе // Известия РАН. Серия литература и языка. 2018. Т. 76. № 4. С. 26 – 33.
11. Bogišić R. O hrvatskim starim pjesnicima. Zagreb: Matica Hrvatska, 1968. 374 с.
12. Држић М. Изабрана дела. Београд: Народна књига, 1963. 468 с.
13. Držić M. Dundo Maroje. Dubrovnik: Matica hrvatska, 2008. 174 с.
14. Držić M. Izabrana djela I. Urotnička pisma. Zagreb: Matica Hrvatska, 2011. 329 с.
15. Držić M. Izabrana djela II. Zagreb: Matica Hrvatska, 2015. 256 с.
16. Novak P.S. Planeta Držić. Pogledi o vlasti. Zagreb: Puljko, 1984. S. 141 – 154.
17. Rešetar M. Uvod // Djela Marina Držića. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umetnosti, 1930. 552 с.
18. Stojan S. Slast tartare: Marin Držić u svakodnevici renessansnog Dubrovnika. Zagreb; Dubrovnik: Hrvatska akademija znanpsti i umjetnosti. 2007. 286 с.
19. Тадић Ј. Дубровачки портрети. Београд: Задужна књга, 1948. 345 с.

References

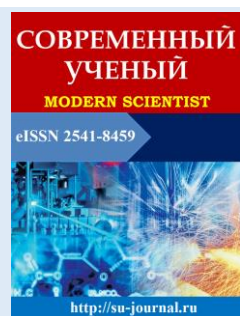
1. Volnikova E.A., Yashina M.A. Features of the epistolary genre of English literature. Man, society and state in the modern world. Collection of conference papers: in 2 volumes. Vol. 1. Penza: Penza State Technological University, 2016. P. 477 – 481.
2. Golenishchev-Kutuzov I.N. Italian Renaissance and Slavic literatures of the 15th-16th centuries. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1963. 416 p.
3. Kuzin I.V. Masks of the subject: Strategies of social identification. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2004. 308 p.

4. Leonidova M.V. Epistolary genre – from the past to the present. Journalism. Philology. Culture. History. 2013. No. 1-2. P. 107 – 108.
5. Pigrov K.S. Russian national identity: national culture and mass civilization. Philosophical studies. 2018. Vol. 7. No. 1 (13). P. 37 – 56.
6. Pigrov K.S. Social philosophy. SPb.: Publishing house of St. Petersburg. University, 2005. 296 p.
7. Popov D.V. Autobiographical beginning in epistolary works of the 16th century. Scientific-Methodological Electronic Journal «Foreign Languages in Uzbekistan». 2020. No. 1 (30). P. 41 – 49.
8. Popov D.V. Style “Weaving of words” in the messages of Ivan the Terrible. M.: Pero, 2021. 143 p.
9. Rubanik T.V. Reasons for the Variation of the Style of the Epistolary Genre in Italy: from Antiquity to the Renaissance. Minsk: BDU, 2023. P. 463 – 468.
10. Toporova A.V. Epistolary Genre in Italian Medieval Literature. Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series: Literature and Language. 2018. Vol. 76. No. 4. P. 26 – 33.
11. Bogišić R. O hrvatskim starim pjesnicima. Zagreb: Matica Hrvatska, 1968. 374 p.
12. Držić M. Selected Works. Beograd: Narodna knjiga, 1963. 468 p.
13. Držić M. Dundo Maroje. Dubrovnik: Matica hrvatska, 2008. 174 p.
14. Držić M. Izabrana djela I. Urotnička pisma. Zagreb: Matica Hrvatska, 2011. 329 p.
15. Držić M. Izabrana djela II. Zagreb: Matica Hrvatska, 2015. 256 p.
16. Novak P.S. Planeta Držić. Pogledi o vlasti. Zagreb: Puljko, 1984. S. 141 – 154.
17. Rešetar M. Uvod. Djela Marina Držića. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1930. 552 p.
18. Stojan S. Slast tartare: Marin Držić u svakodnevici renessansnog Dubrovnika. Zagreb; Dubrovnik: Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti. 2007. 286 p.
19. Tadić J. Dubrovachka portraits. Beograd: Zaduzhna kniga, 1948. 345 p.

Информация об авторе

Дробышева М.Н., кандидат искусствоведения, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, drob.55@mail

© Дробышева М.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81-11

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-159-164

Вопросительные конструкции как средство создания языковой образности в литературно-критических статьях Н.Н. Страхова

¹ Плотникова Л.И.

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация: в данной статье анализируются вопросительные предложения как одно из средств реализации образности, отмеченные в литературно-критических статьях Н.Н. Страхова – яркого литературного критика, известного русского философа-почвенника, члена-корреспондента Петербургской академии наук. Уделяется особое внимание определению базовых понятий *образ*, *языковая образность*, определяются основные языковые особенности жанра литературной критики, на конкретном языковом материале описываются основные средства языковой образности. Обращается внимание на то, что характер образа определяет характер языковых средств. Это обнаруживается и в системе словесных значений, и в построении экспрессивных синтаксических конструкций: автор подбирает именно те языковые средства, которые позволяют ему передать самые существенные свойства создаваемого образа. Это находит проявление в особых построениях, их эмоциональной окраске, своеобразии тропов, которые в совокупности составляют особую систему изобразительно-выразительных средств. Важными оказываются характеристики публицистического стиля, для которого свойственны декларирование авторского начала, экспрессивность и особая воздействующая функция. Среди наиболее ярких и частотных образных средств в данной работе выделяются вопросительные предложения, высокая концентрация которых позволяет наиболее точно передать авторское миропонимание, оказать воздействие на читателя и вызвать определённый эмоциональный отклик. Риторические вопросы, вопросно-ответные комплексы отличаются информативностью, экспрессией, акцентируют внимание на ключевых моментах, усиливают эмоциональное воздействие на читателя.

Ключевые слова: образ, образные средства, вопросительные конструкции, литературная критика

Для цитирования: Плотникова Л.И. Вопросительные конструкции как средство создания языковой образности в литературно-критических статьях Н.Н. Страхова // Современный ученый. 2025. № 1. С. 159 – 164. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-159-164

Поступила в редакцию: 30 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 29 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Interrogative constructions as a means of creating language imagery in literary-critical articles by N.N. Strakhov

¹ Plotnikova L.I.

¹ Belgorod State National Research University

Abstract: this article analyzes interrogative sentences as one of the means of realizing imagery, noted in literary and critical articles by N.N. Strakhov is a bright literary critic, a well-known Russian soil philosopher, a corre-

sponding member of the St. Petersburg Academy of Sciences. Particular attention is paid to the definition of the basic concepts of image, linguistic imagery, the main linguistic features of the genre of literary criticism are determined, the main means of linguistic imagery are described on a specific language material. Attention is drawn to the fact that the nature of the image determines the nature of the language means. This is found both in the system of verbal meanings and in the construction of syntactic constructions: the author selects exactly those language means that allow him to convey the most significant properties of the created image. This is manifested in special constructions, their emotional coloring, the originality of the paths, which together make up a special system of pictorial and expressive means. The characteristics of the journalistic style, for which the declaration of the author's principle, expressiveness and a special influencing function are characteristic, are important. Among the brightest and most frequent figurative means in this work, interrogative sentences stand out, the high concentration of which allows you to most accurately convey the author's worldview, influence the reader and cause a certain emotional response. Rhetorical questions, question-response complexes are distinguished by informativity, expression, focus on key points, and increase the emotional impact on the reader.

Keywords: image, figurative means, interrogative constructions, literary criticism

For citation: Plotnikova L.I. Interrogative constructions as a means of creating language imagery in literary-critical articles by N.N. Strakhov. Modern Scientist. 2025. 1. P. 159 – 164. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-159-164

The article was submitted: September 30, 2024; Approved after reviewing: November 29, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Обзор имеющегося опыта в изучении наследия Н.Н. Страхова позволяет заключить, что наиболее глубоко и последовательно изучена его философская деятельность, однако анализ специфики языка литературно-критических статей автора, их образной составляющей до настоящего времени не получил должного освещения и продолжает представлять актуальную задачу. В связи с этим основная цель настоящей работы – определить специфику дискурсивной образности вопросительных конструкций в литературно-критических статьях Н.Н. Страхова. Данная цель обусловила круг исследовательских задач: представить различные подходы к определению базовых понятий *образ*, *языковая образность* в научной литературе; определить основные языковые особенности жанра литературной критики; представить вопросительные конструкции как одно из средств создания языковой образности в литературно-критических статьях Н.Н. Страхова и определить их функциональную предназначенность.

Проблема образности в разное время составляла объект исследования таких учёных, как В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, О.И. Блинова, А. Вежбицкая, А.А. Зализняк, С.М. Мезенин, В.Н. Телия, А.П. Чудинов и др., работы которых демонстрируют многообразие аспектов осмысления данного явления в отечественной лингвистике.

Понятия *образ* и *образность* составляют особые объекты изучения таких наук, как лингвистика, литературоведение, психология, философия, причём каждая из наук предлагает своё определе-

ние. Так, в философии образ определяется как результат отражения объекта в сознании человека [10, с. 446]. Однако общим для перечисленных наук является то, что образность рассматривается как *способ постижения мира*. Важным необходимо признать положение Н.Ф. Алефиренко о том, что «<...> все речемыслительные процессы осуществляются в коре головного мозга человека, выражаются в субъективном переживании объектов его внешнего и внутреннего мира, входящих в состав коммуникативно значимого события. Такие субъективные переживания, выражающиеся в самоотчетах об этих событиях, сопряжены со связанной с речью функцией мозга. Они образуют тот загадочный феномен, который называется «сознание», благодаря которому человек наделён способностью осознавать себя и окружающий мир в прошлом и настоящем» [1, с. 59].

Порождение *языковых образов* обусловлено лингвокреативным мышлением, способствующим созданию новых единиц языка. Как отмечает Б.М. Гаспаров, языковые образы представляют собой ответную реакцию на определённый языковой материал: это «перцептивная реакция не на предметы как таковые, но на их языковое воплощение – на те выражения, которые наличествуют в языковом опыте говорящего субъекта» [5, с. 255]. Исследователь считает, что языковой образ отличают такие свойства, как целостность, одномоментность и непосредственность. Языковой образ, по определению Н.Ф. Алефиренко, представляет собой «вербализованное зрительное восприятие предметного мира, фиксирующее форму, цвет, свет, объём и положение в пространстве поименованно-

го предмета» [2, с. 18-19]. Необходимо отметить, что однозначно описать образные представления невозможно, так как они имеют индивидуальный характер, «окрашиваются в интимно личностные тона, неотделимые от жизненного опыта и всего строя личности именно этого субъекта» [2, с. 18]. Данное положение обуславливает одну из главных задач настоящей работы – выявить те средства языковой образности, которые способствуют реализации идейно-эстетических установок Н.Н. Страхова – оригинального мыслителя, яркой языковой личности.

В одной из своих работ – «Воспоминания о Фёдоре Михайловиче Достоевском» – Н.Н. Страхов писал: «Что касается до взглядов на искусство, на задачи художников, то тогда, в начале моего знакомства с литературным миром, меня не могло не удивлять господство узкой теории, требовавшей служения минуте. Сам я держался обыкновенно немецкой теории свободы художника» [9, с. 380]. Критик вполне справедливо считал, что литература и искусство должны отрешиться от служения минуте и посвятить себя служению вечности. Этой эстетической установке Н.Н. Страхов следовал и в теории, и в своей критической практике. Особенности мировосприятия и идейно-эстетических установок критика нашли воплощение в языке его литературно-критических работ.

Материалы и методы исследований

Материалом настоящего исследования послужили тексты литературно-критических статей Н.Н. Страхова. Их анализ нацелен на изучение ряда проблем, таких, как исследование особенностей литературно-критического дискурса; специфика взаимообусловленности языкового образа и образного средства; приёмы декларирования авторского начала в литературно-критическом тексте.

Методологическую основу данной работы составили принципы гносеологии, так как особой функцией литературного критика в первую очередь является познание; принцип антропоцентризма, который состоит в познавательной деятельности субъекта познания; деятельностный принцип, так как деятельность – это универсальная форма существования человека в мире, при этом познавательная деятельность нацелена на получение объективных знаний о сущности предметов и явлений действительности.

В качестве основных **методов**, нацеленных на реализацию поставленных задач, в работе выступают: 1) описательный метод, позволяющий более полно представить литературно-критическое пространство Н.Н. Страхова, с учётом таких приёмов, как наблюдение, интерпретация, обобщение; 2)

дискурсивно-интерпретационный метод, способствующий выявлению текстообразующей предназначенности доминантных языковых средств литературной критики Н.Н. Страхова; 3) метод контекстуального анализа, способствующий выявлению специфики образных средств в литературно-критическом дискурсе.

Результаты и обсуждения

Главенствующую роль в порождении образных средств играет ключевое понятие *образ*. Образ – это отражение внешнего мира в сознании человека. Данное понятие связано и с чувственным, и с понятийным отражением, что обуславливает деление образов на чувственные и концептуальные [7, с. 48]. Однако образность считают абстрактной категорией, связанной с такими понятиями, как выразительность, оценочность, экспрессивность.

Образные единицы выявляют особое этическое мировидение через набор различных образных средств. Исследуя когнитивную природу образности, исследователи говорят о том, что «образ действует как когнитивная схема – структура знаний, содержащая в свёрнутом виде опыт взаимодействия человека с окружающим миром» [3, с. 25].

Характер образа определяет характер языковых средств. Это обнаруживается прежде всего в системе словесных значений: писатель подбирает именно те слова, при помощи которых он может закрепить представляющиеся ему существенными свойства образа. Характер образа находит проявление и в синтаксических построениях, их эмоциональной окраске, и в своеобразии тропов, которые в совокупности представляют особую систему изобразительно-выразительных средств.

Литературно-критический текст отличается синтезом научности, публицистичности и художественности. Это обуславливает соответствующие требования – требования точности, конкретности, открытой оценочности, экспрессивности, поэтому язык критики отличается своими художественно-эстетическими качествами. Каждое выбранное автором слово, каждая созданная конструкция подчинены общей идее литературно-критического произведения, отражают авторское мировидение, индивидуальный опыт взаимодействия человека с окружающим миром.

Специфика литературной критики XIX века обусловлена разными причинами. В первую очередь это определяется особенностями языка данной эпохи. Кроме того, важными оказываются характеристики публицистического стиля, для которого свойственны декларирование авторского начала, экспрессивность и особая воздействующая функция.

Синтез свойств художественного и научного текстов, характеризующий литературно-критический текст, обуславливает широкое применение различного рода выразительных средств, которые свидетельствуют о лингвокреативных способностях автора. Специфику образных средств, подчинённых задаче эмоционального воздействия на читателя, можно представить на примере литературно-критических статей Н.Н. Страхова, каждая из которых может составить объект отдельного лингвистического исследования. Анализ их языкового своеобразия позволяет говорить о дискурсивной образности, при этом «дискурсивные тропы и фигуры, синтезирующие дистанционно расположенные в тексте образы, используются в целях создания чувственных, зрительных представлений об описываемых явлениях и структурной организации целостного литературного пространства» [4, с. 7]. Так, статья Н.Н. Страхова «Нигилизм. Причины его происхождения и силы» из раздела «Бедность нашей литературы» буквально пронизана искренними переживаниями и раздумьями критика о состоянии современной литературы, поэтому работа отличается насыщенностью образными языковыми средствами, выражающими особую экспрессию и авторскую оценку исследуемого явления. Причём в каждом из средств угадывается не просто критик, но мастер художественного слова, оригинальная языковая личность. Анализируя систему образных средств отдельно взятой литературно-критической статьи, необходимо учитывать, что она, с одной стороны, является лишь частью единого литературно-критического пространства Н.Н. Страхова, а с другой – это определённая замкнутая система образов, подчинённых основной цели и идейным задачам отдельного авторского текста.

Анализ языкового материала свидетельствует, что одним из выразительных средств, широко представленных в критических статьях Н.Н. Страхова, являются вопросительные конструкции. Они представляют особый интерес, так как в них проявляется определённая система знаний и лингвокреативное мышление автора. Подобного рода структуры демонстрируют личный опыт, знание мира, ценностные установки автора. Кроме того, они представляют результаты речемыслительной деятельности критика, соотносятся с его личностными характеристиками. Так, рассуждая о том, «справедливо ли судить о каком бы то ни было факте умственной жизни по одним его безобразным проявлениям», критик использует ряды вопросительных предложений. Призывая читателя обратить внимание на важные проблемы, он создаёт особые экспрессивные конструкции, в кото-

рых явно прослеживается его позиция: *«Справедливо ли судить о каком бы то ни было факте умственной жизни по одним его безобразным проявлениям? Самые безобразия ... не свидетельствуют ли только о силе источника, из которого они происходят, не представляют ли очевидно крайностей, до которых неизбежно должно вырождаться в иных последователях настроение, глубоко проникающее в умы?»* [8, с. 75].

Проведённый анализ позволяет говорить, что вопросительные конструкции в литературно-критических статьях Н.Н. Страхова – это важное выразительное средство, которое, наряду со словесными средствами, придаёт высказыванию особую экспрессию. С помощью вопроса автор приглашает читателя к размышлению о насущных проблемах. Нанизывание вопросительных предложений создаёт цельный структурно-семантический блок, для которого характерна единая смысловая направленность и структурная целостность.

Необходимо отметить, что собеседник в публицистике – особенный, он представлен широкой читательской аудиторией. «Однонаправленность» выступления состоит в том, что в коммуникативном акте участвует только автор. Это объясняет тот факт, что вопросительные конструкции редко носят характер прямого вопроса, рассчитанного на ответ, они, как правило, единичны: «Вы, г. публицист, что вам мешает обновить нашу публицистику?» [8, с. 153]. Как особенность отметим, что вопросительные конструкции довольно часто сопровождаются ответными репликами самого автора, это создаёт эффект непосредственной беседы с читателем. Подобного рода вопросно-ответные комплексы в отдельных случаях включают своеобразные ответы-вопросы, с помощью которых автор как бы направляет мысль читателя, ср.: *«Бедна наша литература, но какого рода эта бедность? Бедность ли это старика, которого все труды были бесплодны, или бедность юноши, ещё мало успевшего испробовать свои силы? Бедность ли это внутренняя, то есть скудость духовного содержания, которая может сочетаться с довольно блестящим внешним обилием, или же это бедность внешняя, под которой скрываются богатые и глубокие задатки?»* [8, с. 51]. Ответы также могут быть представлены вопросительными конструкциями, с помощью которых автор мастерски подводит читателя к осознанию того или иного явления, предлагает читателю выбрать определённую точку зрения, выявить свою позицию в решении актуального вопроса.

Довольно частотны цепочки вопросов, которые подчёркивают единую смысловую направленность

и сопровождаются повторами: «А помните ли вы эти «вопросы»? Помните ли?..»; «Какие вопросы мы решили? Какие прочные основы положили?» [8, с. 73]. В подобных конструкциях повторы, параллельные структуры усиливают эмоциональное воздействие, достигают высокой степени экспрессии.

Особой экспрессией обладают вопросно-ответные комплексы, наполненные глубокой смысловой и эстетической информацией, представленные автором ответы раскрывают особенности его миропонимания, в них прослеживается приглашение автора к со-переживанию, активизируется творческое воображение читателя: «За Ломоносовым следует Державин. И что же? В новом поэте восторг не только не умаляется, а делается живее, определённое, ярче» [8, с. 300].

Обращает на себя внимание, что в отдельных случаях вопрос служит особым структурообразующим средством: в данном случае с помощью вопроса критик переходит к новой теме или к заключительной части. Функциональная предназначённость вопросительных предложений расширяется также за счёт таких функций, как введение цитаты, смягчение утверждений, активизация внимания читателя, создание особой динамики изложения.

Особым выразительным средством, активно применяемым в литературно-критических статьях Н.Н. Страхова, можно считать анафору – повторение идентичных элементов в начальной позиции каждой фразы, например: *Кто хочет, тот и теперь преклоняться перед католицизмом... Кто хочет, может и теперь следовать эклектической философии Кузена... Кто хочет, тот может и теперь следовать правой гегелевской школе...* [8, с. 77]. Функциональная предназначённость таких конструкций состоит в усилении воздействия и акцентировании категоричности высказывания критика. Такого рода построения свидетельствуют о явной неудовлетворённости критика положением дел, в них прослеживаются раздражение и одновременно – категорическое утверждение своих принципов, своей позиции. Кроме того, синтаксическая анафора позволяет выделить ключевую мысль и выполняет функцию объединения фраз в единое целое. Данная функция усиливается особой фигурой речи: наряду с анафорой зачастую используется синтаксический параллелизм. Зафиксированные вопросительные конструкции включают анафорические местоимения *кто*, *что*, выступающие в роли вопросительных слов, напри-

мер: «И до чего же дошли мы? **Кто** скажет в настоящую минуту, что мы поравнялись с своими учителями? **Кто** с радостным сердцем предложит тост за них, как за себе равных?»; «**Кто** видел Базаровых? **Кто** из нас Базаров?» [8, с. 128]. В данном случае сами конструкции демонстрируют авторский ответ на вопрос: *никто не скажет..., никто не предложит..., никто не видел...* Подобного рода фразы «являются аналогами повествовательных предложений, но представляют сообщение в особой, экспрессивно-вопросительной форме; вопросительность формы при отсутствии вопросительного содержания является риторическим приёмом, позволяющим расценивать риторическое высказывание как субъективно-экспрессивную единицу речи» [6, с. 121].

Выводы

Создание литературно-критического текста – сложный процесс познания, осмысления литературных фактов, погружения в сущность изображаемого, определения собственной позиции в определении той или иной проблемы. В смысловой структуре текстов данного жанра отражается познавательная деятельность автора, характер его речемыслительной деятельности, творческих установок, а также стремление акцентировать внимание на ключевых моментах критического материала.

Язык литературно-критического текста отличается своими художественно-эстетическими качествами. Тщательный отбор языковых средств направлен на максимально точное выражение авторской мысли, обусловлен позицией критика, особенностями его миропонимания и стремлением донести свои знания до читателя.

Анализ языковой специфики статей Н.Н. Страхова позволяет сделать вывод о том, что одним из средств создания языковой образности можно считать вопросительные конструкции. Исследование данных экспрессивных средств, определение их функциональной предназначённости позволяют осмыслить проблемы формирования литературно-критического текста с позиций его творца, выявить специфику языковой личности автора и особенности его образного мышления.

Перспектива видится в дальнейшем исследовании образных средств литературно-критического дискурса с когнитивно-дискурсивных позиций, которое позволит более глубоко раскрыть его характер, в полной мере раскрыть уникальность автора-критика как языковой личности.

Список источников

1. Alefirenko N.F., Nurtazina M. Metaphorical Discourse: in Search for the Essence of Speech Imagery // Cuadernos de Rusística Española. 2018. № 14. P. 49 – 65.
2. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. Москва: Академия, 2002. 394 с.
3. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 21 – 34.
4. Беззубикова М.В. Дискурсивная образность слова (на материале рассказов и повестей русских писателей XX века): автореф. дис. ... канд. филол. н. Астрахань. 2010. 25 с.
5. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. Москва: Новое лит. обозрение, 1996. 351 с.
6. Канафьева А.В. Релевантные признаки риторического высказывания // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2010. 894 с.
7. Мезенин С.М. Образность как лингвистическая категория // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 48 – 57.
8. Страхов Н.Н. Литературная критика. Москва: Современник, 1984. 431 с.
9. Страхов Н.Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Достоевский в воспоминаниях современников. Москва: Художественная литература, 1990. Т. 2. С. 375 – 532.
10. Философский энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

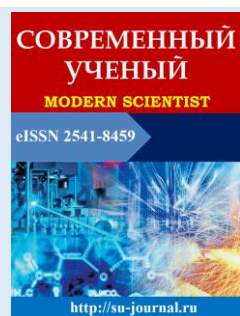
References

1. Alefirenko N.F., Nurtazina M. Metaphorical Discourse: in Search for the Essence of Speech Imagery. Cuadernos de Rusística Española. 2018. No. 14. P. 49 – 65.
2. Alefirenko N.F. Poetic Energy of the Word. Synergetics of Language, Consciousness and Culture. Moscow: Academia, 2002. 394 p.
3. Baranov A.N., Dobrovolsky D.O. Principles of Semantic Description of Phraseology. Voprosy yazykoznanija. 2009. No. 6. P. 21 – 34.
4. Bezzubikova M.V. Discursive Imagery of the Word (Based on Stories and Novels by Russian Writers of the 20th Century): Abstract of Cand. Sci. (Philology). Astrakhan. 2010. 25 p.
5. Gasparov B.M. Language, Memory, Image: Linguistics of Language Existence. Moscow: Novoye Lit. Obozrenie, 1996. 351 p.
6. Kanafyeva A.V. Relevant Features of Rhetorical Statements. Russian Language: Historical Fates and Modernity: IV International Congress of Russian Language Researchers. Works and Materials. Moscow: Publishing House of Moscow University, 2010. 894 p.
7. Mezenin S.M. Imagery as a Linguistic Category. Voprosy Linguistica. 1983. No. 6. Pp. 48 – 57.
8. Strakhov N.N. Literary Criticism. Moscow: Sovremennik, 1984. 431 p.
9. Strakhov N.N. Memories of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky. Dostoevsky in the Memories of His Contemporaries. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1990. Vol. 2. P. 375 – 532.
10. Philosophical Encyclopedic Dictionary. Moscow: Sovetskaya Encyclopediya, 1983. 840 p.

Информация об авторе

Плотникова Л.И., доктор филологических наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Luks.p.58@mail.ru

© Плотникова Л.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 808.55

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-165-170

Анализ использования стилистических приемов в рекламных текстах с целью привлечения новых клиентов на примере рекламы «Вкусно и точка»

¹ Кабакова С.А., ¹ Знаменщикова Д.А.

¹ Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова,
филиал Тюменского государственного университета

Аннотация: согласно данным Росстата за последние десятилетия экономика России развивалась достаточно, чтобы предлагать покупателям самые разнообразные товары и услуги. В настоящее время не клиент подстраивается под рыночное предложение, а производители стремятся захватить и удержать его внимание. С развитием общества потребителей стала актуальной проблема осознанного использования существующих ресурсов. Первым шагом на пути к ее решению является понимание техник и приемов, используемых производителями для привлечения клиентов. Такими методами выступают не только красочная рекламная кампания, но и речевые обороты, средства выразительности. Прямо или косвенно они воздействуют на психику человека и побуждают его купить продукт, в котором он может и не нуждаться.

Основная проблема заключается в недооцененности роли стилистических приемов в процессе формирования намерения приобрести тот или иной товар. Целью данной статьи является рассмотрение данной закономерности на практике. В работе рассматриваются особенности публицистического стиля, специфика стилистических приемов в рекламных текстах. Данные приемы разбираются на конкретном примере рекламы ресторанов быстрого питания «Вкусно и точка». В статье доказана зависимость резкого роста популярности сети ресторанов и грамотно выстроенной рекламной кампании. Это подтверждает значимость стилистики в психологии потребителей и формировании лояльности к новому продукту.

Ключевые слова: функциональные разновидности языка, стилистический прием, рекламный текст, средства выразительности, публицистический стиль, потребление

Для цитирования: Кабакова С.А., Знаменщикова Д.А. Анализ использования стилистических приемов в рекламных текстах с целью привлечения новых клиентов на примере рекламы «Вкусно и точка» // Современный ученый. 2025. № 1. С. 165 – 170. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-165-170

Поступила в редакцию: 2 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 1 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Analyzing the use of stylistic techniques in advertising texts in order to attract new customers on the example of advertising «Tasty and Dot»

¹ Kabakova S.A., ¹ Znamenshchikova D.A.

¹ *Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of University of Tyumen*

Abstract: according to Rosstat the Russian economy has developed sufficiently in recent decades to offer customers a wide variety of goods and services. Nowadays, it is not the customer who adjusts to the market offer, but producers strive to capture and retain his attention. With the development of consumer society, the problem of conscious use of existing resources has become relevant. The first step towards its solution is to understand the techniques and methods used by manufacturers to attract customers. Such methods are not only a colorful advertising campaign, but also speech turns, means of expression. Directly or indirectly they affect the person's psyche and encourage him to buy a product that he may not need.

The main problem is the lack of appreciation of the role of stylistic techniques in the process of creating the intention to purchase particular goods. The purpose of this article is to consider this regularity in practice. The paper considers the peculiarities of publicistic style, the specificity of stylistic devices in advertising texts. These techniques are analyzed on the specific example of advertising of fast food restaurants «Tasty and Dot». The article proves the dependence of a sharp increase in the popularity of the restaurant chain and a competently built advertising campaign. This confirms the importance of stylistics in the psychology of consumers and the formation of loyalty to a new product.

Keywords: functional varieties of language, stylistic technique, advertising text, means of expression, journalistic style, consumption

For citation: Kabakova S.A., Znamenshchikova D.A. Analyzing the use of stylistic techniques in advertising texts to attract new customers on the example of advertising «Tasty and Dot». Modern Scientist. Modern Scientist. 2025. 1. P. 165 – 170. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-165-170

The article was submitted: October 2, 2024; Approved after reviewing: December 1, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

На данный момент русский язык располагает пятью функциональными разновидностями языка: художественным, публицистическим, научным, разговорным и официально-деловым стилями. Каждый из них выполняет свою особую функцию. Художественный стиль участвует в создании образов в различных жанрах литературного произведения, развитии сюжетной линии. Научный отражает исследования ученых и их результаты, структурирует имеющуюся систему знаний в учебниках и упрощает поиск новых. Официально-деловой используется в составлении отчетов и документации, законов и постановлений. Он может применяться в деловом общении в рамках работы или официального мероприятия. Разговорный стиль, включающий многочисленные жаргонизмы, диалекты, неологизмы и другие лексические группы, встречается в повседневной жизни человека [9].

Публицистический стиль носит свое название по причине ярко выраженной публичной направ-

ленности. Согласно В.И. Конькову, «публицистичность предстает перед нами в виде совокупности таких качеств произведения, как обращенность к актуальным проблемам современности, широкое и долговременное общественное звучание, ярко выраженное авторское “я”, установка на демонстрацию речевого мастерства, полемичность, “воздейственность”» [4, с. 52]. Так, публицистический стиль, как правило, выражает актуальные общественные вопросы и проблемы, нацелен на побуждение читателей к каким-либо действиям. Авторы публицистических текстов оперируют разнообразными средствами выразительности для привлечения аудитории. Они, как правило, свободно выражают свое мнение и дают происходящим событиям оценку. Данный стиль речи является уникальным, так как в силу широких общественных интересов может сочетать в себе черты остальных стилей и успешно комбинировать их с разговорной речью [8].

Материалы и методы исследований

Теоретической опорой научного исследования стали труды современных исследователей в сфере языкознания: Е.С. Морозовой, В.И. Конькова, В.В. Славкина и многих других. С помощью метода лингвистического наблюдения в исследовании были выделены основные средства выразительности, влияющие на привлекательность рекламного текста для потребителей. Ведущими методами исследования является анализ и описание. С их помощью удалось выявить взаимосвязь между использованием стилистических приемов в рекламе и увеличением продаж. Метод анализа позволил также рассмотреть основные стилистические приемы в рекламном тексте ресторанов общественного питания «Вкусно и точка». Выводы в исследовании были получены с помощью научного метода индукции.

Результаты и обсуждения

Публицистический стиль первоначально делится на устные и письменные жанры. Устный жанр представлен ситуациями общения, требующими публичного выступления и демонстрации ораторского мастерства. Сюда входят презентация работы на конференции, агитационная речь, поздравления за праздничным столом. Существует особое ответвление – коммуникативный жанр, направленный на достижение договоренностей. В него входят разноуровневые переговоры, встречи сторон в неформальной обстановке. Письменные жанры дифференцируются между собой в соответствии с источником их публикации и целями, которые они преследуют. В силу того, что большинство текстов, находящихся в информационном поле, являются публицистическими, их классификация крайне сложна. Они могут быть условно разделены на газетный, телевизионный и рекламный жанры. Газетный жанр представляют очерки, рецензии, журнальные статьи и заметки, освещающие злободневные общественные вопросы. По мере развития информационных технологий большую популярность приобрели телевизионные жанры: телепередачи, прямые включения, срочные оповещения [3].

Основным представителем рекламного жанра является текст, нацеленный на увеличение спроса на товар или услугу. В статье Е. С. Морозовой отмечается, что «рекламный текст – это современная малоформатная единица языка» [7, с. 65]. Такое определение объясняется его емкостью, отсутствием больших описаний и определений. Все имеющиеся в тексте стилистические средства оправданны и целесообразны, стремятся удержать

внимание целевой аудитории производителя. Как правило, рекламные тексты имеют видео- и аудиосопровождение, что усиливает их психологическое воздействие на человека [10].

Наиболее яркой особенностью рекламы является ее броскость. В современных реалиях внимание клиента можно завоевать с помощью наиболее ярких лозунгов: большую роль в этом процессе играет новое клиповое мышление. Потребитель не успевает проанализировать свое финансовое состояние, необходимость какой-либо покупки, посмотреть критически на предлагаемые описания, и совершает необдуманные траты. Именно поэтому большие тексты не пользуются высоким спросом. Так, главная цель производителя – уместить основную суть рекламы в нескольких словах, сделать интригующее название [1-2]. Для достижения своей цели в его пользовании находятся самые разнообразные средства выразительности.

Эпитеты позволяют привлекательно рассказать о товаре, акцентировать внимание зрителей на его сильных качествах. Примером могут служить слова «нежный», «сочный», «бархатный», «изумительный», «незабываемый» в описании торта с новой начинкой. Задача сравнения – сформировать устойчивую ассоциацию с чем-то приятным и позволить людям придумать его финальный образ в своем воображении. Так, если крем сравнивают с нежностью шелка, то создается впечатление, что он, вероятно, ляжет на кожу лучше остальных. Антитеза позволяет добиться того же эффекта, но через противопоставление и усиление пользы предложения, на фоне проигрывающего ему варианта. Гипербола работает более ярко, чем другие приемы. С ее помощью вокруг товара или услуги создается «образ неповторимости». Фразы «зубная паста, меняющая представление о чистоте полости рта», «открывайте для себя новые стороны вкусовых впечатлений вместе с новым набором специй» вызывает ощущение уникальности и необходимости. Прием олицетворения применяется для обращения к так называемым «болям» потребителя. Если у целевой аудитории товара есть проблема ежедневной длительной приборки на кухне, то для рекламы очистительного средства подошел бы лозунг: «Очищу жир и уберу загрязнение после готовки за минуту!». Метафора, как и эпитет, позволяет красивым языком описать ассортимент, но отличается более яркой образностью. Например, цветочные духи не просто ароматные, но «вдохновение ярчайших оранжевых». В рекламе активно используются эвфемизмы, чтобы не нагружать текст отрицательной оценкой каких-либо явлений.

Примером тактичного использования выражений будет являться «устаревший пиджак», «волосы, лишенные питания», «неприятный запах». Положительный эффект приносят и различные эксперименты с названием, интересная рифмовка также дает компании преимущество в привлечении потребителей [5].

Одним из синтаксических средств, используемых в рекламе, является намеренное повторное употребление определенного слова или конструкции. Оно позволяет сосредоточить на себе внимание потенциальных клиентов и сделать товар более запоминающимся. Например: «Кофе «Золотой» вчера. Кофе «Золотой» сегодня. Кофе «Золотой» завтра». Здесь же виден пример анафоры – идентичного начала, создающего акцент на продукте. Прием парцелляции необходим для разделения массивной конструкции предложения и усиления смысла его отдельных частей. Так, «Оформление карты доступно уже сегодня. Хорошие скидки. Высокий кешбэк» звучит лаконичнее и привлекательнее, чем фраза «В настоящее время в личном кабинете появилось еще больше скидочных категорий, которые гарантируют Вам выгодные покупки». Восклицательные предложения и риторические вопросы усиливают эмоциональность рекламного текста, придают ему «живость». Интересный эффект дает прием градации: он увеличивает интерес покупателя к товару по мере развития мысли в тексте. Например: «Наша компания обладает уникальным свойством – нравиться детям и их родителям. Мы создаем хорошие воспоминания. Будем рады организовать детский день рождения на природе. Настоящий пикник с веселыми играми не оставят вашего малыша равнодушным!». Одним из способов обратить на себя внимание является преднамеренная пауза: «Если Вы устали... Ничего не радует... Скорее освежитесь в нашем санатории. Прекрасные ландшафты ждут именно Вас!». Таким образом, производитель заставляет читателя задуматься и заинтересовывает его [6]. С помощью данных средств предприниматели выстраивают положительные впечатления, ассоциируемые с их компаниями и авторитетом.

Менее известными средствами выразительности рекламного текста являются аллитерация и ассонанс. Они редки в употреблении, но при использовании задают определенный ритм и настроение, например, активное для рекламы велотренажеров и спокойное – для курсов йоги. При написании текстов не переходят на личности: если производитель хочет сказать о себе, то использует

«мы», а если о потребителе – «Вы». Отрицательные конструкции нежелательны для избежания отрицательного впечатления о продукте. При этом предпочтительны мотивирующие глаголы в повелительном наклонении, такие как: «подарите», «приобретайте», «переходите», «впечатляйте».

Произведенное с помощью стилистических приемов впечатление на потребителей дополняется психологическими факторами. Производители стремятся вызвать эмоциональный отклик, будь то страх за свое здоровье, желание порадовать близкого человека или отвращение к грязной посуде. Они формируют ассоциации продукта с детством, любимым блюдом, запоминающейся поездкой и другими приятными впечатлениями для высоких продаж. Скидки и ограниченное предложение также играют в рекламе важную роль. Они вызывают ощущение упущенной выгоды и заставляют потребителей принимать решение о приобретении товара быстрее. Таким образом, предприниматели возвращают в покупателях потребность в покупке того или иного продукта.

Рассмотрим вышеперечисленные стилистические приемы и средства выразительности на примере рекламы сети быстрого питания «Вкусно и точка». Она погружает зрителей в истории людей, которые в разных жизненных ситуациях выбирают посетить ресторан. Реклама акцентирует внимание на хороших воспоминаниях, связанных с ним: свежим утренним кофе, обедах с друзьями и первым свиданием. В тексте ярко выражен прием градации. Он заинтересовывает зрителя с первых секунд фразой: «Есть места, которые мы хорошо знаем». Использование местоимения «мы» создает у целевой аудитории чувство принадлежности к единому целому, чем вызывает лояльность к предложению компании. Далее смысл высказывания разворачивается с помощью повторения конструкции «за тем самым»: «Мы приходим за тем самым вкусом, той самой улыбкой, тем самым “Мам, можно картошку?”». Данный прием помогает производителям создать индивидуальный и уникальный образ сети общественного питания. Общее впечатление теплоты и настольгии формируется за счет упоминания времяпровождения с близкими людьми и ассоциации совместных семейных ужинов во «Вкусно и точка» с детством. Во время рассказа о качестве продукции используется метафора: «Качество, за которым десятки поставщиков стоят стеной». По мере развития текста прослеживается прием антитезы: «случилось однажды, а запомнится навсегда», «зашли за кофе, а остались на час», «162 тысячи человек ждут, что-

бы миллионы сказали». С его помощью клиенты понимают масштабность и значимость сети ресторанов «Вкусно и точка» в своей жизни. Присутствует и антитеза, связанная с ее названием. В 2022 году в связи с уходом американской корпорации с российского рынка возникла необходимость в создании запоминающегося наименования. Специалисты по рекламе не только создали запоминающееся и оригинальное «Вкусно и точка», но и обыграли изменение названия в тексте. С помощью фразы: «Название меняется, любовь остается» они решили вопрос о ценностях, которые несет в себе фирма и привлекли дополнительное внимание целевой аудитории.

Выводы

Стилистические приемы имеют большое значение в формировании мотивации потребителей приобрести товар или услугу. С их помощью производитель вызывает разнообразные чувства у аудитории: от радости и энергичности до отвращения. Эта взаимосвязь открывает пространство для дальнейших исследований в сфере стилистики. Полученные знания могут быть усовершенствованы и иметь практическую значимость в разработках рекламного текста производителями, а также в тренировке критического мышления потребителей.

Список источников

1. Базанова А.Е., Кириленко Н. П. Особенности языка рекламы как одной из разновидностей средств массовой коммуникации // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2013. № 2. С. 78 – 82.
2. Вишнякова Е.П. Лингвостилистические особенности англоязычных рекламных слоганов // Интерактивная наука. 2023. № 2 (78). С. 90 – 92.
3. Клушина Н.И. Теория публицистического стиля в российской медиастилистике // Вестник РГГУ. Серия: «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 10 (2). С. 197 – 210.
4. Коньков В.И. Публицистичность, медийность, публицистический стиль // Ежегодный международный научный журнал: актуальные проблемы лингвистики. 2020. № 6. С. 50 – 57.
5. Куликова Е.В. Рекламный текст: Лингвистические приемы выразительности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачева. 2009. № 6 (2). С. 276 – 282.
6. Лукошкова Ю.А. Стилистические особенности оформления англоязычных рекламных слоганов // МНИЖ. 2022. № 7-1 (121). С. 161 – 165.
7. Морозова Е.С. Особенности рекламных малоформатных текстов // Известия Великолукской государственной сельскохозяйственной академии. 2022. № 2 (39). С. 62 – 68.
8. Нагаева А.Э., Ахметьянова Н.А. Конкретизация понятия «публицистический стиль» и его особенности // Colloquium-journal. 2021. № 33 (120). С. 20 – 22.
9. Славкин В.В. Стилистика русского языка: наука в связи с практикой // Медиальманах. 2022. № 5 (112). С. 33 – 41.
10. Стрельникова Е.С. Реклама как объект изучения в современной лингвистической литературе // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2006. № 5. С. 62 – 68.

References

1. Bazanova A.E., Kirilenko N. P. Features of the language of advertising as one of the types of mass communication media. Bulletin of RUDN University. Series: Literary criticism, journalism. 2013. No. 2. P. 78 – 82.
2. Vishnyakova E.P. Lingvostylistic features of English-language advertising slogans. Interactive science. 2023. No. 2 (78). P. 90 – 92.
3. Klushina N.I. Theory of journalistic style in Russian media stylistics. Bulletin of the RSUH. Series “Literary criticism. Linguistics. Cultural studies”. 2023. No. 10 (2). P. 197 – 210.
4. Konkov V.I. Publicism, media coverage, journalistic style. Annual international scientific journal: current issues in linguistics. 2020. No. 6. P. 50 – 57.
5. Kulikova E.V. Advertising text: Linguistic techniques of expressiveness. Bulletin of the Lobachev University of Nizhny Novgorod. 2009. No. 6 (2). P. 276 – 282.
6. Lukoshkova Yu.A. Stylistic features of the design of English-language advertising slogans. MNIZH. 2022. No. 7-1 (121). P. 161 – 165.
7. Morozova E.S. Features of small-format advertising texts. Bulletin of the Velikiye Luki State Agricultural Academy. 2022. No. 2 (39). P. 62 – 68.

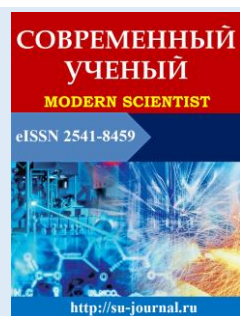
8. Nagaeva A.E., Akhmetyanova N.A. Concretization of the concept of “journalistic style” and its features. Colloquium-journal. 2021. No. 33 (120). P. 20 – 22.
9. Slavkin V.V. Stylistics of the Russian language: science in connection with practice. Medialmanakh. 2022. No. 5 (112). P. 33 – 41.
10. Strelnikova E.S. Advertising as an object of study in modern linguistic literature. Bulletin of VolSU. Series 2, Linguistics. 2006. No. 5. P. 62 – 68.

Информация об авторах

Кабакова С.А., кандидат филологических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-1683-9030>, Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова, филиал Тюменского государственного университета, 627750, Тюменская область, г. Ишим, ул. Ленина, д. 1, svetlana-igpi@mail.ru

Знаменщикова Д.А., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-4674-1563>, Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова, филиал Тюменского государственного университета, znam.darya@mail.ru

© Кабакова С.А., Знаменщикова Д.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81.23

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-171-179

Неологизмы в современной французской прессе

¹ Матюшенко М.С.

¹ *Всероссийская академия внешней торговли Министерства
экономического развития Российской Федерации*

Аннотация: современная Франция активно содействует францизации: популяризации своей культуры, в том числе, языка, как инструмента мягкой силы, а также противодействия глобализационным процессам и негативному влиянию культуры отмены. Коммуникационное воздействие средств массовой информации наиболее мощно оказывается на аудиторию в интернет-среде, где выступает в роли главного катализатора лингвистических процессов, включающих в свой спектр распространение новых галлицизмов, обладающих большей смысловой емкостью и образностью, чем англицизмы, которые становятся в международном общении «фигурами языковой моды». Изучение неологизмов в медийном дискурсе обусловлено их интенсивной интеграцией в семиосферу публичной коммуникации и повседневную речь пользователей. Характерной особенностью данного феномена является то, что сперва новые слова и словосочетания фигурируют на страницах электронной прессы и экранах телевидения, а уже затем фиксируются в официальных источниках, а именно: в толковых словарях и официальных «Ежегодных отчетах Комиссии по обогащению французского языка». В качестве материала для работы послужили французские центральные ежедневные издания: "Le Figaro", "Le Devoir", "Le Parisien", "Nice-Matin", "Le Huffington Post", "Le Point", "Le Monde", вышедшие в печать в 2022-2024 годах.

Ключевые слова: неологизмы, пресса, Франция, средства массовой информации (СМИ), газета, современный французский язык, галлицизм, массовая коммуникация

Для цитирования: Матюшенко М.С. Неологизмы в современной французской прессе // Современный ученый. 2025. № 1. С. 171 – 179. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-171-179

Поступила в редакцию: 4 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 2 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Neologisms in the modern French press

¹ Matyushenko M.S.

¹ *Russian Foreign Trade Academy of the Ministry
of Economic Development of the Russian Federation*

Abstract: modern France actively promotes Francization: popularization of its culture, including language, as an instrument of soft power, as well as countering globalization processes and the negative influence of the culture of abolition. The communication impact of the mass media is most powerful on the audience in the Internet environment, where it acts as the main catalyst for linguistic processes that include in their spectrum the spread of new gal-

licisms with greater semantic capacity and imagery than Anglicisms, which become "figures of linguistic fashion" in international communication. The study of neologisms in media discourse is due to their intensive integration into the semiosphere of public communication and the daily speech of users. A characteristic feature of this phenomenon is that at first new words and phrases appear on the pages of the electronic press and television screens, and only then they are recorded in official sources, namely: in explanatory dictionaries and official "Annual reports of the French Language Enrichment Commission Facility". The French central daily publications served as the material for the work: "Le Figaro", "Le Devoir", "Le Parisien", "Nice-Matin", "Le Huffington Post", "Le Point", "Le Monde", published in 2022-2024.

Keywords: neologisms, press, France, mass media, newspaper, modern French, Gaullism, mass communication

For citation: Matyushenko M.S. Neologisms in the modern French press. Neologisms in the modern french press. Modern Scientist. 2025. 1. P. 171 – 179. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-171-179

The article was submitted: October 4, 2024; Approved after reviewing: December 2, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Во Франции существует два способа возникновения новых слов: неологизация и францизация (галлицизация). Если неологизация отвечает за обогащение словаря путем создания новых слов или словосочетаний, то францизация – это результат работы «Комиссии по обогащению французского языка» ("*Commission d'enrichissement de la langue française*"), целью которой является в сотрудничестве с министерствами, франкофонами, терминологами и экспертами из разных научных областей способствовать развитию, распространению и институционализации французского языка, адаптированного к современным требованиям (научным или техническим, например, к языку инновационных процессов или цифровизации), в том числе, его применению во всех сферах коммуникативной деятельности человека, особенно, в политических или официальных дискурсах исполнительной власти [6].

Французский язык способствует распространению идеологий, культуры и искусства Франции, которая, в свою очередь, «по версии Британского PR-агентства *Portland*, в 2017 г. возглавила рейтинг стран 'мягкой силы'» [3, с. 977].

Целью статьи является исследование тенденций возникновения новых слов и словосочетаний,

используемых в электронной французской прессе, как инструмента францизации.

В данной статье решены следующие **задачи**:

(1) найдены и проанализированы способы интеграции новых слов и словосочетаний в семиосферу французской публичной коммуникации;

(2) определена роль средств массовой информации (СМИ) в создании словаря «Ежегодных отчетов Комиссии по обогащению французского языка»;

(3) рассмотрены и исследованы новые галлицизмы, официально заменившие английские неологизмы во французском языке.

Материалы и методы исследований

В статье использованы такие **методы**, как теоретическое исследование научных разработок в области французской неологии и неографии, контент-анализ СМИ, структуризация и систематизация материала.

Результаты и обсуждения

Согласно ежегодным отчетам «Комиссии по обогащению французского языка» (далее – «Комиссия»), за последние годы в словаре зарегистрировано несколько сотен новых лексических единиц (табл. 1).

Таблица 1

Количество новых галлицизмов, официально зарегистрированных во французском языке с 2018 по 2023 гг. включительно.

Table 1

Number of new Gallicisms officially registered in the French language from 2018 to 2023 inclusive.

Год	Галлицизмы	Кол-во тематических списков
2018	215 терминов [17, р. 44]	16 тематических списков, 3 рекомендации и 1 термин, созданные по ускоренной процедуре [17, р. 44]
2019	278 терминов, в т.ч. 38 топонимов [17, р. 44]	16 тематических списков [17, р. 44].
2020	217 терминов [17, р. 44]	13 тематических списков и 1 рекомендация [17, р. 44].
2021	268 терминов [6]	15 тематических списков, 2 рекомендации и 1 решение [17, р. 44].
2022	235 терминов [17, р. 44]	17 тематических списков [17, р. 44].
2023	300 терминов [18, р. 3]	24 тематических списка и 3 рекомендации [18, р. 3]

Систематическая деятельность «Комиссии» направлена на то, чтобы предлагать релевантные и актуальные неологизмы для соответствующего англицизма, сделав французские аналоги эталонными терминами, тем самым, содействуя борьбе с «культурой отмены» [6]. По состоянию на 31 декабря 2023 г. общее количество терминов, опубликованных в официальных «Ежегодных отчетах Комиссии по обогащению французского языка» (*"Rapport annuel de la Commission d'enrichissement de la langue française"*), составило 9 342 неологизма-галлицизма [18, р. 50].

Основное количество новой лексики аудитория узнает из электронных СМИ и только после публикации в масс-медиа неологизмы официально регистрируются в ежегодных отчетах «Комиссии». Например, из предложения *"Parmi les néologismes proposés et recommandés par la Commission, on retrouve des mots correspondant aux images des termes anglais, par exemple... 'mule financière' pour 'money mule' ou encore 'béticulteur' pour 'birch syrup producer'"* [6] (перев. «Среди неологизмов, предложенных и рекомендованных комиссией, мы находим слова, соответствующие образцам английских терминов, например... "денежный мул" от "money mule" или же "производитель березового сиропа" от "birch syrup producer"») газеты *"Le Figaro"* 2022 года издания галлицизм **'béticulteur'** еще не зафиксирован в Отчетах «Комиссии» и толковых словарях. В том числе, в статье *De Boudemange I. (2022)* упоминается такой французский неологизм, как: *"mule financière"* (f, 2020 г.) с синонимом-галлицизмом *"mule bancaire"* (f, 2024) и англицизмом *"money mule"*, 2007 г.) – при контент-анализе таких изданий, как *"Le Figaro"*, *"Le Devoir"*, *"Le Parisien"*, *"Nice-Matin"*, *"Le Huffington*

Post", *"Le Point"*, упоминания термина *"money mule"* не обнаружено, в то время как в статьях встречаются неологизмы *"mule bancaire"* и *"schtroumpfage"*:

«**"Mules bancaires"**, "spoofing", "Fovi"... Alerte aux nouvelles arnaques bancaires» (*Kovacs S. "Le Figaro", le 23 octobre 2023*) [9]. – Перев. «**"Банковские мулы"**, "спуфинг", "Fovi" ... Предупреждение о новых банковских мошенничествах». *"Le Figaro"*, 23 октября 2023 [9].

"Quand arriva l'étude du terme schtroumpfage, l'étonnement et les sourires gagnèrent les visages sur la mosaïque de la visioconférence" (*"Des schtroumpfs à la banque – Langue sauce piquante"*. *"Le Monde"*, le 19 mai 2021) [11]. – Перев. «Когда дошло до изучения термина "смурфаж" – изумление и улыбки отразились на лицах участников видеоконференцсвязи» («От смурфов до банка – язык под острым соусом». *"Le Monde"*, 19 мая 2021) [11].

Согласно табл. 1, за последние 7 лет «Комиссия» официально зарегистрировала 1513 новых галлицизма. По мнению Р. Гюйге, А. Ломбард (*Huyghe, Lombard 2022*), образование существительных в СМИ может быть обусловлено разными факторами, однако, многие неологизмы создаются в лексическом избытке [7, с. 25], что мы можем наблюдать в ежегодных отчетах с 2018 по 2023 гг., термины из которых, тем не менее, превалируют во французских СМИ, в отличие от англицизмов, выступающих в международном общении в роли «фигуры языковой моды». Данные тенденции подтверждаются контент-анализом французских популярных изданий (табл. 2):

Таблица 2

Новые галлицизмы, официально заменившие английские неологизмы во французском языке.

Table 2

New Gallicisms that have officially replaced English neologisms in the French language.

№	Англицизм, год создания	Галлицизм, год утверждения Комиссией	Перевод и значение	Область применения	Примеры
1	lootbox (f), 2004	coffre-surprise (m) или pochettes-surprises (m), 2022	Лутбокс – ящик или другая емкость для пользователя, при открытии которого игрок получает преимущества в онлайн-видеоигре, позволяющие избежать испытания, быстрее прогрессировать [17, p. 130].	Видеоигры	De Saint Pierre V., " La pochette surprise fait son retour gagnant auprès de la Gen Z " . "Le Figaro", le 18 mars 2024) [9]. – Перев. « Лутбокс возвращается к поколению Z победителем» "Le Figaro", 18 марта 2024).
2	natural farming (m) или синонимы wild farming, organic farming (m), 1975	agriculture naturelle (f) или синонимы agriculture sauvage, agriculture biologique, agriculture durable, agro-écologie, permaculture 2020 [15, p. 24]	Дикое земледелие или природное хозяйство, суть которого заключается только в посеве и сборе урожая без вмешательства в естественный процесс его роста.	Сельское хозяйство	"Il réduit la superficie cultivée de 70 hectares à 10 hectares pour faciliter le travail exigeant de l'agriculture biologique , plante des arbres pour accroître la biodiversité et utilise des extraits de compost pour assurer la santé des sols". – Перев. «Он сокращает посевные площади с 70 до 10 гектаров, чтобы облегчить тяжелую работу органического земледелия , сажает деревья для увеличения биоразнообразия и использует экстракты компоста для улучшения здоровья почвы» ("De la vigne au verre: soutenir les cidres et la piquette d'ici" Le Devoir, le 28 septembre 2024) [8]. – Перев. «От виноградной лозы к бокалу: отсюда поддержка сидра и столового вина».
3	money mule (f), 2007	mule financière (f), 2020 или синоним mule bancaire (f), 2024	Смерфер или «денежный мул» – лицо, осуществляющее за вознаграждение перевод («отмывание») денег, полученных другими лицами незаконным путем.	Финансовое мошенничество; законодательство	"Trois ans après une arnaque dans une société de charcuterie de l'Est, c'est la fin des haricots pour la mule bancaire " [12]. – Перев. «Через три года после мошенничества в Восточной гастрономической компании " денежному мулу " настал конец» (Constant J. « "Arnaque au président": la " mule bancaire " recrutée sur Telegram aurait blanchi 2,5 millions d'euros» [12]. – Перев. «"Мошенничество с президентом": " денежный мул " в Telegram отмыл около 2,5 миллиона евро» (Le Parisien, le 16 juin 2024).
4	drop (m), 2003	vente surprise или vente-capsule surprise (f), 2021 [16, p. 47]	Капсульный гардероб (капсульная коллекция) – продаваемый готовый комплект одежды из нескольких основных предметов внутри одной линейки модного бренда [16, p. 47, p. 102].	Мода; одежда	"On a assisté à la première vente de colis surprise du Var... et les contenus étaient plutôt décevants" [14] – Перев. «Мы были свидетелями первой распродажи капсульных посылок-гардеробов от Вар... и их содержимое было довольно разочаровывающим» (C. Mallek, "Nice-Matin", le 01 mars 2024) [14].

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

5	<i>quantum technology (f)</i> , 1999	<i>technologie quantique (f)</i> , 2020 [15, p. 24]	Квантовая технология – область физики, занимающаяся «изучением квантовой механики и разработкой инноваций на основе кванта – неделимой частицы, атома или фотона» [2].	Информатика / квантовые вычисления	"... <i>contrairement aux communications cryptées qui s'appuient sur les mathématiques et qui peuvent être plus facilement piratées, les technologies quantiques reposent sur la physique, en assurant le transit des informations par fibre optique avec une plus grande sécurité</i> " [8]. – Перев. «... в отличие от зашифрованных коммуникаций, которые основаны на математике и легче взломать, квантовые технологии базируются на физике, обеспечивая передачу информации по оптоволокну с большей безопасностью» (Cocherel M. "La physique quantique au chevet de la biomédecine". – Перев. «Квантовая физика на пороге биомедицины». <i>Le Devoir</i> , le 26 octobre 2024).
6	<i>fishing-tourism (m)</i>	<i>pescatourisme (m)</i> , 2021 или синоним <i>tourisme halieutique</i> [16, p. 164]	Рыболовный туризм – туристическая деятельность, заключающаяся в ознакомлении с морской средой и профессиональными методами рыболовства или аквакультуры на борту рыболовного судна [16, p. 164].	Туристка	" <i>Les pêcheurs et ostréiculteurs locaux peuvent, mieux que personne, nous raconter la mer. C'est ce qu'on appelle le pescatourisme</i> ". – Перев. «Соглашение, подписанное между городом и Прюд'оми (организация), способствует сохранению морских экосистем. В меню также входит рыболовный туризм » (Boyer P. "Bassin d'Arcachon, nos adresses confidentielles". <i>Le Figaro</i> , le 26 juillet 2023) [9] – Перев. «Бассейн Аркашон: наши секретные места».
7	<i>plastic soup (m)</i> , 2009	<i>continent de plastique (m)</i> , 2021	Пластиковый суп – очень обширный массив плавучего мусора, состоящего преимущественно из пластика, накапливающийся в определенных океанических пространствах под действием морских течений [16, p. 193].	Экология; океанография	" Le continent de plastique du Pacifique grouille de vie, et c'est une très mauvaise nouvelle" [10]. – Перев. «Тихоокеанский пластиковый континент кишит жизнью, и это очень плохие новости» (<i>Le Huffington Post</i> , le 19 avril 2023) [10]. "Selon l'étude <i>The Mediterranean Plastic Soup</i> , la zone entre la Corse et l'Italie est quatre fois plus concentrée en micro-plastiques que la gyre océanique du 7e continent (la gigantesque accumulation de déchets qui s'est formée au gré des courants marins), alerte Léa Bourglan." – Перев. «Согласно исследованию, Средиземноморский пластиковый суп – область между Корсикой и Италией – насыщен микропластиком в четыре раза больше, чем океанический круговорот 7-го континента (гигантское скопление мусора, образовавшегося в результате морских течений), предупреждает Леа Бурглан» (Stouvenot M. "Chasse aux plastiques en Méditerranée" <i>Le Parisien</i> , Le 16 juin 2024). – Перев. «Охота за пластиком в Средиземном море».

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

8	<i>cancel culture</i> (f), 2010	<i>culture de l'effacement</i> (f), или сокращенная форма: <i>effacement</i> (m) 2021 [15; 16, p. 62]	Культура отмены или кэнселинг – попытка стран или организаций стереть из коллективной памяти и культурного пространства упоминания об исторических фактах, лицах и произведениях искусства другого народа [16, p. 62].	Политика	" <i>Celui qui incarnait le machiavélique Frank Underwood dans la série 'House of Cards' a été ovationné par le public de l'Université d'Oxford lundi soir, après avoir donné une représentation littéraire dans le cadre d'une conférence sur la 'Cancel culture' (la culture de l'effacement, un mouvement visant notamment à modifier des œuvres jugées offensantes, pour ne pas choquer)</i> " [12]. – Перев. «Тот, кто изобразил макиавеллианца Фрэнка Андервуда в сериале 'Карточный домик', был встречен аплодисментами аудиторией Оксфордского университета в понедельник вечером после того, как он выступил с художественной декламацией в рамках лекции о 'кэнселинге' (культуре отмены – движении, направленном, в частности, на переписывание художественного произведения, считающегося оскорбительным, чтобы оно не шокировало)» (<i>Tésorière R. Le Parisien, le 17 octobre 2023</i>) [12].
9	<i>grey hydrogen</i> (m), 2012	<i>hydrogène naturel</i> (m), <i>hydrogène à faible empreinte carbone</i> (m); <i>hydrogène d'origine fossile</i> (m); <i>hydrogène d'origine renouvelable</i> (m), 2021 [16, p. 169]	Водород природного происхождения, выделяющийся в виде газообразных паров на дне океанов, на поверхности земли, в подземных шахтах или при бурении скважин в земной коре [16, p. 169].	Энергетика; нефтяная промышленность	" <i>L'hydrogène naturel, ce nouvel or blanc (et vert) qui pourrait être présent en abondance dans nos sous-sols</i> " [12]. – Перев. « Природный водород , это новое белое (и зеленое) золото, которое может в изобилии присутствовать в наших подвалах» (<i>Renou A. Le Parisien, le 5 décembre 2023</i>) [12].
10	<i>escape book</i> (m), 1972	<i>livre-jeu d'évasion</i> (m), <i>livre-jeu</i> (m), 2021	Книга-квест (книга-игра, в том числе ролевая книга-игра) – новый вид жанра художественной литературы. При чтении такой книги читателю необходимо «прыгать» между главами, а не читать их по порядку, а чтобы узнать следующую страницу текста, необходимо решить интеллектуальную задачу. Таким образом, читатель становится главным героем сюжета [16, p. 133].	Литература	" <i>Caroline Laloux, de Valbonne, et sa cousine, Clémentine, se sont inspirées de leurs voyages pour créer Voyage voyages, un livre-jeu qui vient de sortir en librairie</i> " [14]. – Перев. «Каролин Лалу из Вальбонны и ее двоюродная сестра Клементина черпали вдохновение в своих путешествиях, чтобы написать книгу-игру 'путешествия', только что поступившую в продажу в книжный магазин» [14]. (" <i>Voyage Voyages, un livre dont vous êtes le héros imaginé par une Azuréenne et sa cousine</i> ". – Перев. «"Путешествие в путешествие", книга, героем которой вы являетесь, придумана жительницей Азурии и ее двоюродной сестрой». <i>Nice-Matin, le 26 avril 2024</i> [14]).

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

11	<i>beauty food</i> (f), 2020	-	Бьюти-продукты – это косметологическое питание, включающее моно- или поливитамины, макро- и микроэлементы, добавляемые в еду для улучшения состояния кожи, волос и ногтей, а также оздоровления организма в целом.	Питание; здоровье	"La 'Beauty Food' prend son envol depuis six ans". [13] – Перев. «"Бьюти-продукты" набирают обороты уже шесть лет» (Chahine V. "Café boosté au collagène, chocolat aux probiotiques...: désormais, la beauté se mange" Le Point, le 09 février 2024) [13]. – Перев. «Кофе с добавлением коллагена, шоколад с пробиотиками ...: теперь красота поглощается».
----	------------------------------	---	--	-------------------	---

Согласно табл. 2, неологизмы-англицизмы присутствуют в речи французов, о чем свидетельствуют «Ежегодные отчеты Комиссии», однако, успешно заменяются на галлицизмы. При этом, согласно годам официального утверждения галлицизмов и некоторым отрывкам из статей французских изданий "Le Figaro", "Le Devoir", "Le Parisien", "Nice-Matin", "Le Huffington Post", "Le Point", "Le Monde", новые галлицизмы сперва появляются в прессе, а затем уже регистрируются в словарях, в отличие от неологизмов, заимствованных из английского языка.

Как подчеркивают Р. Гюйге, А. Ломбард (Huyghe, Lombard 2022), при образовании неологизмов дефинирование процессов, аналогичных тем, которые описываются их основой, происходит преимущественно посредством суффиксирования. При этом наблюдаемые в лексике аспектные сдвиги между глаголами и номинализациями все чаще обусловлены процессом лексикализации, а не морфологическим способом образования неологизмов [7, р. 25]. Согласно с И.В. Скуратовым (2018), «лексикализация рассматривается как трансформация единиц языка или словосочетаний в отдельное значимое слово или в устойчивое выражение (фразеологизм)» [4, с. 108], например, *continent de plastique* (m); *vente surprise* (f) или *vente-capsule surprise* (f); *beauty food* (f) и т.д.

Что касается выбора основ, существующее мнение, будто при создании девербальных глаголов от лексикализованных форм существительных предпочтение отдается переходным глаголам, является ошибочным, так как наиболее широко представленный аспектуальный класс – это класс видов деятельности [7, р. 25], например, *schtroumpfage* (m).

С другой стороны, многозначность неологизмов в основном относится к типу «действие» /

«результат» – Р. Гюйге, А. Ломбард (Huyghe, Lombard 2022) предполагают, что процесс появления новых слов является итогом метонимического переноса как способа образования семантических неологизмов, а не формирования производных значений слов [7, р. 25], например, *mule financière* (f, 2020), *mule bancaire* (f, 2024); *coffre-surprise* (m) или *pochettes-surprises* (m); *technologie quantique* (f) и т.д.

В целом, новые галлицизмы и англицизмы появляются согласно инноватизационным процессам (*hydrogène naturel* (m), *hydrogène à faible empreinte carbone* (m); *technologie quantique* (f) и т.д.) и модным нововведениям (*livre-jeu* (m), *vente-capsule surprise* (f), *beauty food* (f) и т.д.). Согласно исследованиям Н.С. Барымовой и А.А. Ерофеевой, в течение 2021-2022 гг. французские неологизмы «появлялись примерно в одинаковых пропорциях в одних и тех же областях деятельности людей» [1, с. 5]. Исходя из «Ежегодных отчетов Комиссии» [17; 18], данные тенденции не сохраняются, так как в 2022 г. Комиссией было учреждено 17 тематических списков неологизмов, тогда как в 2023 году зафиксировано уже 24 списка (см. таблицу 1).

Выводы

Сравнительно недавние тенденции глобализационных процессов в сферах культуры, в том числе, языковой, уступают «мягкой силе» Франции. «Комиссия по обогащению французского языка» активно способствует созданию неологизмов-галлицизмов в лексическом избытке, однако, их использование в СМИ вместо новых англицизмов позитивно воздействует на политику францизации и помогает противостоять феномену «культуры отмены».

Список источников

1. Барымова Н.С., Ерофеева А.А. Неологизмы французского языка 2021-2022 годов (обзор словарных изданий) // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 5 (41). 6 с. DOI: 10.18454/RULB.2023.41.26.
2. Масленко Д.К. Квантовая технология: зачем человечеству суперкомпьютер. РБК. Статья от 01.06.2023. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/61516cfd9a7947101ca9c3ef?from=copy> (дата обращения: 27.07.2024)
3. Радченко Ю.Ф. Роль «мягкой силы» в российско-французских отношениях // Форум молодых ученых. 2019. № 6 (34). С. 972 – 978.
4. Скуратов И.В. Лексикализация как способ образования неологизмов в современном французском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 1. С. 108 – 111.
5. Commission d'enrichissement de la langue française. URL: <https://lannuaire.service-public.fr/> (date: 24.07.2024)
6. De Boudemange I. (2022) Comment la Commission d'enrichissement de la langue française lutte contre les anglicismes. Le Figaro. Le 30 juin 2022. URL: <https://www.lefigaro.fr/> (date: 24.07.2024)
7. Huyghe R., Lombard A. Les néologismes en -age en français contemporain: héritage verbal et polysémie. Journal of French Language Studies. 2020. № 32. P. 25 – 47. <https://doi.org/10.1017/https://doi.org/10.1017/S0959269520000320>
8. Le Devoir. URL: <https://www.ledevoir.com/>
9. Le Figaro. URL: <https://www.lefigaro.fr/>
10. Le Huffington Post. URL: <https://www.huffingtonpost.fr/> (date: 27.07.2024)
11. Le Monde. URL: <https://www.lemonde.fr/>
12. Le Parisien. URL: <https://www.leparisien.fr/>
13. Le Point. URL: <https://www.lepoint.fr/>
14. Nice-Matin. URL: <https://www.nicematin.com/>
15. Rapport annuel 2020 de la Commission d'enrichissement de la langue française. 163 p.
16. Rapport annuel 2021 de la Commission d'enrichissement de la langue française. 174 p.
17. Rapport annuel 2022 de la Commission d'enrichissement de la langue française. 171 p.
18. Rapport annuel 2023 de la Commission d'enrichissement de la langue française. 107 p.

References

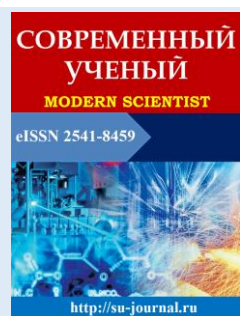
1. Barymova N.S., Erofeeva A.A. Neologisms of the French language 2021-2022 (review of dictionary publications). Russian Linguistic Bulletin. 2023. No. 5 (41). 6 p. DOI: 10.18454/RULB.2023.41.26.
2. Maslenko D.K. Quantum technology: why does humanity need a supercomputer. RBC. Article from 01.06.2023. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/61516cfd9a7947101ca9c3ef?from=copy> (date of access: 27.07.2024)
3. Radchenko Yu.F. The role of "soft power" in Russian-French relations. Forum of young scientists. 2019. No. 6 (34). P. 972 – 978.
4. Skuratov I.V. Lexicalization as a way of forming neologisms in modern French. Upper Volga Philological Bulletin. 2018. No. 1. P. 108 – 111.
5. Commission d'enrichissement de la langue française. URL: <https://lannuaire.service-public.fr/> (date: 24.07.2024)
6. De Boudemange I. (2022) Comment on the Commission d'enrichissement de la langue française lutte contre les anglicismes. Le Figaro. Le 30 juin 2022. URL: <https://www.lefigaro.fr/> (date: 07/24/2024)
7. Huyghe R., Lombard A. Les néologismes en -age en français contemporain: héritage verbal et polysémie. Journal of French Language Studies. 2020. No. 32. P. 25 – 47. <https://doi.org/10.1017/https://doi.org/10.1017/S0959269520000320>
8. Le Devoir. URL: <https://www.ledevoir.com/>
9. Le Figaro. URL: <https://www.lefigaro.fr/>
10. Le Huffington Post. URL: <https://www.huffingtonpost.fr/> (date: 07/27/2024)
11. Le Monde. URL: <https://www.lemonde.fr/>
12. Le Parisien. URL: <https://www.leparisien.fr/>
13. Le Point. URL: <https://www.lepoint.fr/>
14. Nice-Matin. URL: <https://www.nicematin.com/>

15. Rapport annuel 2020 de la Commission d'enrichissement de la langue française. 163 p.
16. Rapport annuel 2021 de la Commission d'enrichissement de la langue française. 174 p.
17. Rapport annuel 2022 de la Commission d'enrichissement de la langue française. 171 p.
18. Rapport annuel 2023 de la Commission d'enrichissement de la langue française. 107 p.

Информация об авторе

Матюшенко М.С., преподаватель, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, tenvetrajulian@mail.ru

© Матюшенко М.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 7.08

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-180-185

Особенности научно-популярной тематики как приоритета медиаполитики российских федеральных университетов

¹ Мухамадуллин С.Р., ¹ Газизов Р.Р., ¹ Спирчагова Т.А.

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: цель представленного исследования заключается в том, чтобы проследить и выявить масштабы присутствия и характер научно-популярной информации в российской вузовской медиаполитике. Приоритетные научные задачи, стоящие перед авторами: определить типы и виды, тематические направления, структурную и содержательную организацию медиатекстов. Обращается внимание на широкий комплекс медиаконтента: текстовая специфика, мультимедийные и визуальные средства. Авторы настоящей статьи ориентируются на научные теоретико-прикладные разработки и исследования ведущих международных и российских ученых. Предложен авторский подход к исследованию контента подобного типа, его влиянию на виртуальное и реальное пространство взаимодействия, коммуникации и консолидацию общественных сил, в первую очередь, – студенческого сообщества. Вузовская информационная политика рассматривается в контексте создания, распространения и влияния на научно-популярные медиапродукты. Представленное медиаисследование охватывает информационные ресурсы крупнейших федеральных университетов – Казанского (Приволжского) и Дальневосточного. Выбор данных вузов продиктован показателями эффективности и результативности их деятельности: обладают значительным научно-образовательным потенциалом, мощной материально-технической базой, имеют солидную международную репутацию, реализуют широкий спектр масштабных исследований и, что наиболее важно для нас, – имеют структуру корпоративных медиаструктур. Авторами выделяются и изучаются ключевые элементы формирования и реализации эффективной информационной политики образовательным учреждением посредством медиапродуктов. Исследуется контент различных разделов сайтов вузов, а также выпускаемых ими средств массовой информации. Представленный материал будет интересен и полезен представителям вузовского сообщества, решающим задачи медийного сопровождения данных процессов, а также всем, кто интересуется спецификой репрезентации научной информации как для корпоративной, так и массовой аудитории.

Ключевые слова: вуз, информационная медиаполитика, медиаконтент, научно-популярная журналистика, пресс-служба, федеральный университет

Для цитирования: Мухамадуллин С.Р., Газизов Р.Р., Спирчагова Т.А. Особенности научно-популярной тематики как приоритета медиаполитики российских федеральных университетов // Современный ученый. 2025. № 1. С. 180 – 185. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-180-185

Поступила в редакцию: 4 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 3 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Features of popular science topics as a priority of the media policy of Russian Federal Universities

¹ Mukhamadullin S.R., ¹ Gazizov R.R., ¹ Spirchagova T.A.

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: the purpose of the presented research is to trace and identify the extent of the presence and nature of popular science information in the Russian university media policy. The priority scientific tasks facing the authors are to determine the types and types, thematic areas, structural and meaningful organization of media texts. Attention is drawn to a wide range of media content: textual specifics, multimedia and visual means. The authors of this article focus on the scientific theoretical and applied developments and research of leading international and Russian scientists. The author's approach to the study of this type of content, its impact on the virtual and real space of interaction, communication and consolidation of social forces, primarily the student community, is proposed. University information policy is considered in the context of the creation, dissemination and influence of popular science media products. The presented media research covers the information resources of the largest federal universities – Kazan (Volga Region) and the Far East ones. The choice of these universities is dictated by the indicators of efficiency and effectiveness of their activities: they have significant scientific and educational potential, a powerful material and technical base, have a solid international reputation, implement a wide range of large-scale research and, most importantly for us, have the structure of corporate media structures. The authors identify and study the key elements of the formation and implementation of an effective information policy by an educational institution through media products. The content of various sections of the websites of universities, as well as the mass media produced by them, is being investigated. The presented material will be interesting and useful for representatives of the university community.

Keywords: university, information media policy, media content, popular science journalism, press service, federal University

For citation: Mukhamadullin S.R., Gazizov R.R., Spirchagova T.A. Features of popular science topics as a priority of the media policy of Russian Federal Universities. Modern Scientist. 2025. 1. P. 180 – 185. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-180-185

The article was submitted: October 4, 2024; Approved after reviewing: December 3, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

В современных условиях, учитывая высокие темпы трансформации медиаландшафта под воздействием цифровизации, информационная политика вузов видоизменяется на уровне форм контекста, активности стейкхолдеров и формирования позитивной имиджевой составляющей университетов. Классическая форма устройства пресс-службы, когда она занимается исключительно информационным сопровождением деятельности университета и взаимодействием со средствами массовой информации потеряла свою актуальность. Как минимум, в поле деятельности информационной службы интегрировались социальные сети, причем не только официальные страницы университетов, но группы структурных подразделений и студенческих сообществ. Это связано с изменением потребления не только развлекатель-

ного контента, но и информационного. Это подтверждают опросы. Так, в июне 2023 года Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет результаты опроса россиян о пользовании интернетом [1]. Согласно ему, 74% россиян ежедневно заходят в глобальную сеть, при этом доля тех, кто в интернете проводит более четырех часов в день составила 35%, это каждый третий. Кроме того, согласно исследованию того же ВЦИОМ [2], интернет – второй по популярности источник получения информации о событиях в стране после телевидения.

В данном контексте информационные службы образовательных учреждений, ориентируясь на предпочтения аудитории, создают медиапродукты, адаптированные под телевизионные форматы и интернет-ресурсы. Формирование информационной политики осуществляется не только посред-

ством создания, обработки и управления информационными потоками, но и с помощью использования развлекательных каналов и инструментов коммуникации с использованием инфотеймента.

Материалы и методы исследований

В ходе анализа научно-популярного медиаконтента, создаваемого и распространяемого вузами, применялись методы содержательного, структурного и сравнительно-сопоставительного анализа. Комплекс указанных приемов позволил выявить существенные особенности медиапродукции.

Материалом исследований выступила научно-популярная медиаинформация ведущих российских федеральных университетов – Казанского (Приволжского) федерального университета (далее – КФУ) и Дальневосточного федерального университета (далее – ДВФУ). Структура исследуемого контента охватывает текстовые и мультимедийные компоненты.

Системные характеристики исследуемого контента дифференцируются по следующим основаниям: 1) текстовая информация на сайтах; 2) визуальная и мультимедийная информация на сайтах; 3) аудио- и видеоконтент вузовских медиа. Изучение данных материалов корпоративной вузовской информации позволило изучить специфику и характер освещения научно-популярной проблематики в информационной политике указанных вузов.

Результаты и обсуждения

В условиях информационного взрыва, экспонентного развития цифровых технологий, медиаменеджеры сталкиваются с новыми вызовами и возможностями в области распространения контента. Алгоритмы социальных сетей заставляют подстраиваться производителей контента под свои условия и форматы. Исключения составляют только уже состоявшиеся авторы с большой аудиторией, которые, впрочем, все равно были сформированы под воздействием алгоритмов и маркетинговых инструментов в сети. В данной работе мы хотели бы рассмотреть подход к проведению информационной политики университета по отражению научно-популярных тем.

Цель исследования: определить структурно-содержательную специфику распространения научно-популярной медиаинформации на базе российских федеральных университетов. В ходе исследования были проанализированы факторы и компоненты процесса по формированию научно-популярной повести в информационном поле образовательного учреждения.

Развитие и проблемы научно-популярной журналистики подробно рассмотрены отечественными

учеными. А. Тертычный относил к проблемам научной популяризации снижение престижа профессии учёного, отсутствие внятной государственной политики в отношении научной популяризации, падение уровня покупательной способности аудитории, снижение уровня образованности массовой аудитории и изменение ценностных представлений о мире, отсутствие рекламы научно-популярных СМИ и отсутствие корпорации научно-популярных СМИ [3]. Функционал рассматриваемого контента был рассмотрен Е. Макаровой [4], а задачи определены С. Суворовой [5]. Согласно представленным данным, научно-популярный контент является полифункциональным, то есть он не только информирует и просвещает, но и формирует общественное мнение, выступает в качестве экспертизы, содействует организации взаимодействия науки и общества. К данному перечню мы бы также отнесли такую категорию как «развитие науки». Такого рода контент должен повышать престиж профессии ученого для привлечения молодых кадров, кроме того, такая деятельность позволяет также привлекать инвестиции в науку. Согласно Л. Поповец, предметом научно-популярной журналистики являются: научные знания, сфера их использования, а также отношения науки и общества, науки и человека [6].

В целом развитие научно-популярной журналистики в условиях кросс-медиа изучены в работе О. Лободенко и Е. Давлетшиной [7]. Вопросы адаптации научно-популярного контента к цифровой среде были рассмотрены и продолжают исследоваться многими учеными. Профессор РУДН И.И. Волкова обращает внимание на такие важнейшие тенденции, как негативный имидж ТВ среди пользователей интернета, формирование рынка нишевых медиа, рост доверия к YouTube-каналам [8]. Научно-популярный контент и его влияния продолжает исследоваться и зарубежными учеными. В. Ма обращает внимание на короткие видеоролики и их роль в просвещении [9]. Особенности применения метода сайнстеймента в научно-популярной журналистики подробно рассмотрены на примере телеканала «Наука» [10].

Содержательный анализ официальных сайтов Казанского и Дальневосточного федерального университетов выявил, что тема науки занимает ведущее место в структуре их медиаконтента. По результатам анализа выявлена медиастатистика, отражающая количественную динамику подачи данной тематики: свыше 200 публикаций по ис-

следуемой предметной области за период с января по ноябрь 2024 г.

Анализ контента показал, что большая часть материалов носит событийный характер. Например, в начале 2024/25 учебного года (сентябрь, октябрь, ноябрь 2024 г.) на сайте ДВФУ освещаются события: форум молодых ученых и инноваторов [11], Музей современных биотехнологий [12], открытие Молодежного туристского конгресса «Наука и туризм» [13] и др. На сайте КФУ ярким примером подачи научно-популярной тематики стала XVIII серия научно-популярного проекта для детей и их родителей «ПРОНаука в КФУ» [14 ВСТАВИТЬ]. Данные материалы содержат информацию о структуре, участниках, преимуществах данных мероприятий. Активно применяется прием цитирования. Отличительная особенность научно-популярных событий – участие высоких гостей (представители политики, бизнес-элиты).

Событийная повестка темы дополняется сообщениями о научных достижениях и открытиях (теориях, законах, гипотезах и т.д.), комментариями экспертов по актуальным поводам, историей явлений и процессов, дискуссиями в среде научного сообщества. Рассматриваются организационные, финансово-экономические, хозяйственно-технические аспекты научной отрасли. Динамичные и разнообразные мероприятия, составляющие основу научно-популярной информации, создают возможности для визуализации событий. Насыщенный фото- и видеоряд разных жанров и аспектов является важным компонентом в структуре медиатекстов данной тематики.

Резюмируя результаты исследования, важно отметить, что репрезентуемый медиаконтент но-

сит преимущественно позитивный и нейтральный характер. Внушительный объем информации посвящен инновационным и перспективным направлениям научной сферы. Вузы уделяют внимание не только собственным открытиям и достижениям, но и стремятся обеспечивать информационное сопровождение глобальных научных трендов.

Выводы

Результаты проведенного исследования заключаются в следующем:

1. Информационная политика вузов видоизменяется на уровне форм контекста, активности стейкхолдеров и формирования позитивной имиджевой составляющей университетов;

2. Значительная часть проанализированных медиаматериалов носит событийный характер. Как правило, акцентируется внимание читательской аудитории на структуре, участниках, преимуществах данных мероприятий. Характерно участие высоких гостей (представители политики, бизнес-элиты), что обусловило активное использование приемов цитирования в текстах.

3. Содержательная составляющая медиатекстов: сообщения о научных достижениях и открытиях (теориях, законах, гипотезах и т.д.), комментарии ученых, история науки, дискуссии представителей научного сообщества.

4. Предметные контуры репрезентации научной медиainформации составляют организационные, финансово-экономические, хозяйственно-технические аспекты деятельности.

5. Тексты, посвященные научно-популярным вопросам, сопровождаются насыщенным фото- и видеорядом.

Список источников

1. Опрос ВЦИОМ от 13.07.2023 г. о пользовании интернетом. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoy-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego?ysclid=lvuz5wt6eb112644751> (дата обращения: 16.08.2024)
2. Опрос ВЦИОМ от 13.08.2023 г. об источниках новостей жителей России. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/onlajn-i-oflajn-otkuda-poluchayut-informacziyu-rossiyane?ysclid=lvuze3qmad975860274> (дата обращения: 18.08.2024)
3. Тертычный А.А. Быть ли научно-популярной журналистике? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2013. № 2. С. 212 – 217
4. Макарова Е.Е. Научно-популярные сайты в Интернете // Современная журналистика: опыт и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции. М.: ИГУМО и ИТ, 2012. С. 90 – 97.
5. Суворова С.П. Предметно-функциональные особенности современных российских научно-популярных журналов // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2013. № 6. С. 127 – 133.
6. Поповец Л.А. Научно-популярная журналистика: развлечение или просвещение // Век информации. 2018. Т. 1. № 2. С. 124 – 125.

7. Лободенко Л.К., Давлетшина Е.В. Развитие научно-популярной журналистики в условиях кросс-медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 262 – 275. DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2-262-275

8. Волкова И.И. Телеканалы на YouTube: причины неэффективности // Журналистика в 2018 году: творчество, профессия, индустрия: сб. мат. Междунар. науч.-практ. конф. М.: Фак. журн. МГУ, 2019. С. 468 – 469.

9. Ma W. Влияние научно-популярного короткого видео на когнитивное конструирование несовершеннолетних в отдаленных горных районах Китая // Международный журнал образования и гуманитарных наук. 2020. № 3 (3). С. 9 – 12. <https://doi.org/10.54097/ijeh.v3i3.1001> (дата обращения: 19.08.2024)

10. Неренц Д.В., Скворцова А.Н. Особенности применения метода сайнстейнмента (sciencetainment) в научно-популярной журналистике (на примере программ телеканала «Наука») // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2021. № 10. С. 69 – 76. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-primeneniya-metoda-saynsteynmenta-sciencetainment-v-nauchno-populyarnoy-zhurnalistike-na-primere-programm-telekanala> (дата обращения: 22.08.2024)

11. Как развить идею в стартап обсудили на форуме молодых ученых и инноваторов в ДВФУ. URL: https://www.dvfu.ru/news/fefu-news/kak_razvit_ideyu_v_startap_obsudili_na_forume_molodykh_uchenykh_i_innovatorov_v_dvfu/?sphrase_id=12153028 (дата обращения: 22.08.2024)

12. В ДВФУ открыли первый на Дальнем Востоке Музей современных биотехнологий. URL: https://www.dvfu.ru/news/fefu-news/v_dvfu_otkryli_pervyy_na_dalnem_vostoke_muzei_sovremennykh_biotekhnologiy/?sphrase_id=12153028 (дата обращения: 23.08.2024)

13. Открытие Молодежного туристского конгресса «Наука и туризм» 2024 состоялось в ДВФУ. URL: https://www.dvfu.ru/news/fefu-news/otkrytie_molodezhnogo_turistskogo_kongressa_nauka_i_turizm_2024_sostoyalos_v_dvfu/?sphrase_id=12153025 (дата обращения: 24.08.2024)

14. «Лекции и сказки»: XVIII серия проекта «ПРОНаука в КФУ» состоится уже в эту пятницу // <https://media.kpfu.ru/news/lekcii-i-skazki-xviii-seriya-proekta-pronauka-v-kfu-sostoitsya-uzhe-v-etu-pyatnicu?ysclid=m47cg3b78746995573> (дата обращения: 02.09.2024)

References

1. VTsIOM poll from July 13, 2023 on internet use. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoy-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego?ysclid=lvuz5wt6eb112644751> (accessed: August 16, 2024)

2. VTsIOM poll from August 13, 2023 on news sources of Russian residents. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/onlajn-i-oflajn-otkuda-poluchayut-informacziyu-rossiyane?ysclid=lvuze3qmad975860274> (date of access: 18.08.2024)

3. Tertychny A.A. Should there be popular science journalism? Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2013. No. 2. P. 212 – 217

4. Makarova E.E. Popular science sites on the Internet. Modern journalism: experience and development prospects: materials of the International scientific and practical conference. Moscow: IGUMO and IT, 2012. P. 90 – 97.

5. Suvorova S.P. Subject and functional features of modern Russian popular science magazines. Bulletin of Moscow University. Series 10, Journalism. 2013. No. 6. P. 127 – 133.

6. Popovets L.A. Popular science journalism: entertainment or education. Information Age. 2018. Vol. 1. No. 2. P. 124 – 125.

7. Lobodenko L.K., Davletshina E.V. Development of popular science journalism in the context of cross-media. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary criticism. Journalism. 2021. Vol. 26. No. 2. P. 262 – 275. DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2-262-275

8. Volkova I.I. TV channels on YouTube: reasons for inefficiency. Journalism in 2018: creativity, profession, industry: collection of materials. Int. scientific and practical. conf. Moscow: Faculty of journals. Moscow State University, 2019. P. 468 – 469.

9. Ma W. The influence of popular science short videos on the cognitive construction of minors in remote mountainous areas of China. *International Journal of Education and Humanities*. 2020. No. 3 (3). P. 9 – 12. <https://doi.org/10.54097/ijeh.v3i3.1001> (date of access: 19.08.2024)

10. Nerents D.V., Skvortsova A.N. Features of the application of the sciencetainment method in popular science journalism (on the example of the programs of the Nauka TV channel). *Bulletin of the RSUH. Series: Literary criticism. Linguistics. Cultural studies*. 2021. No. 10. Pp. 69 – 76. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-primeneniya-metoda-saynsteynmenta-sciencetainment-v-nauchno-populyarnoy-zhurnalistike-na-primere-programm-telekanala> (date of access: 08/22/2024)

11. How to develop an idea into a startup was discussed at the forum of young scientists and innovators at FEFU. URL: https://www.dvfu.ru/news/fefu-news/kak_razvit_ideyu_v_startap_obsudili_na_forume_molodykh_uchenykh_i_innovatorov_v_dvfu/?sphrase_id=12153028 (date of access: 22.08.2024)

12. The first Museum of Modern Biotechnology in the Far East was opened at FEFU. URL: https://www.dvfu.ru/news/fefu-news/v_dvfu_otkryli_pervyy_na_dalnem_vostoke_muzei_sovremennykh_biotekhnologiy/?sphrase_id=12153028 (date of access: 23.08.2024)

13. The opening of the Youth Tourism Congress "Science and Tourism" 2024 took place at FEFU. URL: https://www.dvfu.ru/news/fefu-news/otkrytie_molodezhnogo_turistskogo_kongressa_nauka_i_turizm_2024_sostoyalos_v_dvfu/?sphrase_id=12153025 (date of access: 24.08.2024)

14. "Lectures and Tales": The XVIII series of the project "PROScience in KFU" will take place this Friday. <https://media.kpfu.ru/news/lekcii-i-skazki-xviii-seriya-proekta-pronauka-v-kfu-sostoitsya-uzhe-v-etupyatnicu?ysclid=m47cg3b78746995573> (date of access: 02.09.2024)

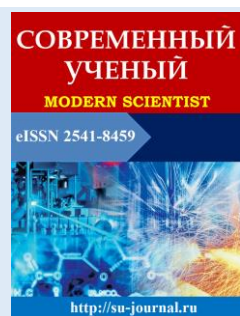
Информация об авторах

Мухамадуллин С.Р., старший преподаватель, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7341-7769>, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420111, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, д. 1/37, salkin10@yandex.ru

Газизов Р.Р., кандидат филологических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1153-6623>, SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=6603719316>, Web of Science (Researcher ID) – S-6976-2016, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420111, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, д. 1/37, gazizov-da@yandex.ru

Спирчагова Т.А., кандидат филологических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1580-4824>, SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57200249502>, Web of Science (Researcher ID) – V-3258-2017, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420111, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, д. 1/37, 1114.69@mail.ru

© Мухамадуллин С.Р., Газизов Р.Р., Спирчагова Т.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 316.77

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-186-192

Влияние социальных медиа на потребительское поведение в дистанционных продажах Китая

¹ Ху Хан

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: в данной статье рассматриваются вопросы, связанные с влиянием социальных медиа на китайских потребителей и совершение ими покупок в Интернет пространстве. Цель исследования – изучить влияние социальных медиа на потребительское поведение в дистанционных продажах Китая, а также разработать рекомендации по повышению эффективности развития социальных медиа в дистанционных продажах с целью стимулирования потребительского спроса и поведения. Основными методами для проведения данного исследования послужили: метод анализа, сравнения, логического рассуждения и многие другие. Определено понятие «социальные медиа». Проведен анализ данных в социальных медиа, который позволил выявить их значительный рост. Автор статьи подчеркивает важность деятельности китайских блогеров и инфлюенсеров в дистанционных продажах, как стратегических партнеров для контакта с целевой аудиторией и успешности дистанционных продаж. Рассмотрены особенности потребительского поведения в дистанционных продажах Китая. Изучены основные проблемы, являющиеся препятствием на пути осуществления деятельности кампаний в интернет пространстве в современных условиях. Разработаны рекомендации по повышению эффективности развития социальных медиа в дистанционных продажах с целью стимулирования потребительского спроса и поведения.

Цель: цель исследования – изучить влияние социальных медиа на потребительское поведение в дистанционных продажах Китая, а также разработать рекомендации по повышению эффективности развития социальных медиа в дистанционных продажах с целью стимулирования потребительского спроса и поведения.

Методы: метод анализа, сравнения, логического рассуждения и многие другие.

Результаты: Изучено влияние социальных медиа на потребительское поведение в дистанционных продажах Китая. Разработаны рекомендации по повышению эффективности развития социальных медиа в дистанционных продажах с целью стимулирования потребительского спроса и поведения.

Выводы: Социальные медиа оказывают большое влияние на потребительское поведение в дистанционных продажах Китая. Они способствуют росту популярности кампаний, производящих продукцию, формируют общественное мнение на рынке продаж, привлекают целевой сегмент и повышают покупательскую способность, позволяют вносить коррективы в стратегическую деятельность фирмы, увеличивают доходы от продаж, повышают конкурентоспособность и финансовую устойчивость кампаний на рынке и т.д.

Ключевые слова: социальные медиа, потребительское поведение, дистанционные продажи, Китай, влияние, покупки, товары, услуги

Для цитирования: Ху Хан Влияние социальных медиа на потребительское поведение в дистанционных продажах Китая // Современный ученый. 2025. № 1. С. 186 – 192. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-186-192

Поступила в редакцию: 5 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 4 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

The impact of Social Media on consumer behavior in China's Remote Sales

¹ Hu Hang

¹ St. Petersburg State University

Abstract: this article discusses issues related to the influence of social media on Chinese consumers and their purchases in the Internet space. The purpose of the study is to study the impact of social media on consumer behavior in remote sales in China, as well as to develop recommendations for improving the effectiveness of social media development in remote sales in order to stimulate consumer demand and behavior. The main methods for conducting this study were: the method of analysis, comparison, logical reasoning and many others. The concept of "social media" is defined. The analysis of data in social media was carried out, which revealed their significant growth. The author of the article emphasizes the importance of the activities of Chinese bloggers and influencers in remote sales, as strategic partners for contacting the target audience and the success of remote sales. The features of consumer behavior in remote sales in China are considered. The main problems that are an obstacle to the implementation of campaigns in the Internet space in modern conditions are studied. Recommendations have been developed to improve the effectiveness of social media development in remote sales in order to stimulate consumer demand and behavior.

Purpose: The purpose of the study is to study the impact of social media on consumer behavior in remote sales in China, as well as to develop recommendations for improving the effectiveness of social media development in remote sales in order to stimulate consumer demand and behavior.

Methods: the method of analysis, comparison, logical reasoning and many others.

Results: The influence of social media on consumer behavior in remote sales in China has been studied. Recommendations have been developed to improve the effectiveness of social media development in remote sales in order to stimulate consumer demand and behavior.

Conclusions: Social media has a great influence on consumer behavior in remote sales in China. They contribute to the growth of popularity of campaigns producing products, form public opinion in the sales market, attract the target segment and increase purchasing power, allow adjustments to the strategic activities of the company, increase sales revenues, increase the competitiveness and financial stability of campaigns in the market, etc.

Keywords: social media; consumer behavior; remote sales; China; influence; purchases; goods; services

For citation: Hu Hang The impact of Social Media on consumer behavior in China's Remote Sales. Modern Scientist. 2025. 1. P. 186 – 192. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-186-192

The article was submitted: October 5, 2024; Approved after reviewing: December 4, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

В эпоху глобализации стремительными темпами происходит развитие Интернета и социальных сетей. Это послужило толчком к формированию новых моделей коммуникации между участниками виртуального пространства, появлению новых форм бизнеса, а также современных инструментов и механизмов управления этой деятельностью. Важно отметить, что социальные медиа полно-

стью изменили потребительское поведение в дистанционных продажах. Так, повысилось внимание потребителей на ассортимент выпускаемой продукции, сформировалось общественное мнение на рынке, увеличился объем продаж и другие показатели. В Китае отмечается значительный рост социальных медиа, которые являются эффективным инструментом проводимой маркетинговой политики кампаний. Огромное количество мар-

кетплейсов позволили за короткий срок сформировать потребительские привычки и поведение покупателей на рынке. Следовательно, развитие социальных медиа в Китае является драйвером развития экономики и рыночных отношений, основой процветания и стремительной трансформации. В данной работе поставлена задача изучения влияния социальных медиа на потребительское поведение в дистанционных продажах Китая [5, с. 301].

Научная новизна исследования заключается в разработке рекомендаций по повышению эффективности развития социальных медиа в дистанционных продажах с целью стимулирования потребительского спроса и поведения.

Материалы и методы исследований

При проведении исследования использовались труды российских и зарубежных ученых. При проведении данного исследования были использованы следующие методы: анализа, сравнения, логического рассуждения и многие другие.

Вопросы, связанные с влиянием социальных медиа на потребительское поведение в дистанционных продажах Китая рассматривали многие ученые такие, как Володин А.А., Дозорова К.Д., Дубровин И.А., Журавлева Е.В., Казаков С.П., Сазанов В.М., Юн А.Б., Пан Жуй, Цзюань Гао, Цан Вен и другие. Считаем, необходимым продолжить исследование в данном направлении и более подробно изучить отдельные вопросы темы.

Результаты и обсуждения

Под социальными медиа следует понимать современные Интернет-ресурсы в рамках которых происходит коммуникации между всеми участниками виртуального пространства на основе использования цифровых технологий и информационных подходов [3, с. 84].

В современных условиях Интернет пространство предоставило большое количество возможностей покупателям для выбора продукции и совершения покупок в глобальной сети. Важно отметить, что Китай лидирует в области продаж товаров и продукции через Интернет. Так, китайские платформы заняли целую нишу рынка и представили на нем огромный ассортимент товарной корзины для совершения покупок потребителями. Всего за один клик можно совершить покупку и приобрести любой понравившийся товар, определенной марки или бренда. Социальные медиа во многом способствуют продвижению продукции на рынок, привлечению внимания к ней со стороны покупателей. В социальных медиа люди постоянно обмениваются информацией, фотографиями, различными сообщениями и комментариями. Поэтому процент аудитории, находящийся в виртуальном пространстве достаточно велик [7, с. 14]. Это открывает большие возможности для кампаний на рынке с целью привлечения новых клиентов для своей продукции, продвижения товаров и услуг. На рис. 1. показан рост объема данных в социальных медиа за 2000-2024 год.

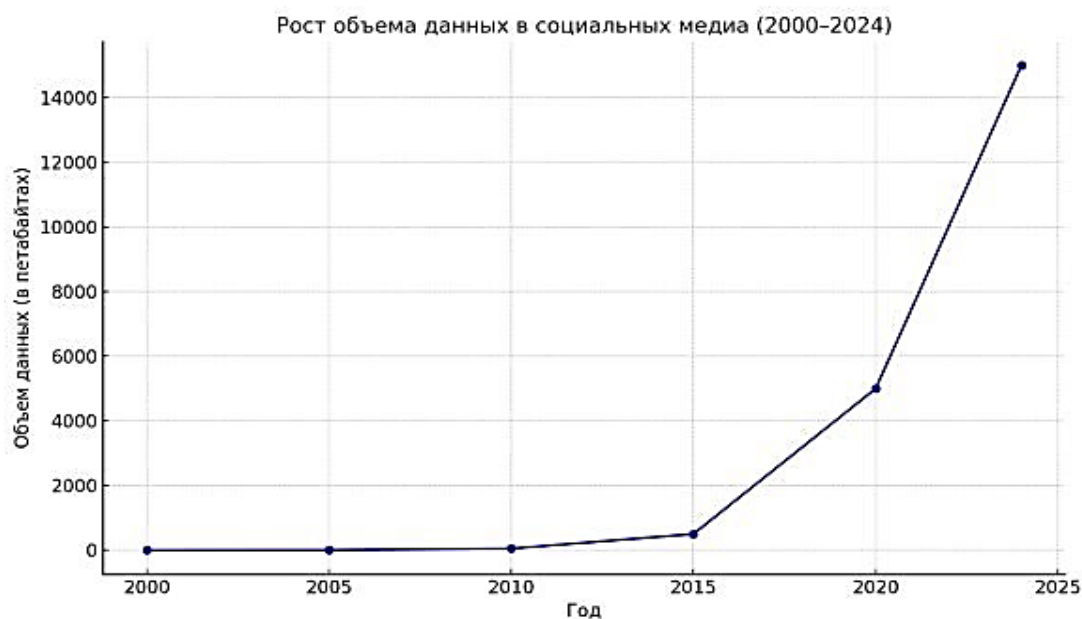

Рис. 1. Рост объема данных в социальных медиа в 2000-2024 гг.

Fig. 1. Growth of data volume in social media in 2000-2024.

Таким образом, можно увидеть, что произошел значительный рост объема данных в социальных медиа, что подтверждает их популярность и значимость на рынке. Прогнозируется дальнейший и рост, а также развитие различных платформ, контентов в социальных сетях, что позволит узнавать мнения потребителей, их вкусы и запросы, рекламировать товар, анализировать поведение покупателей.

Сегодня в Китае насчитывается около 670 миллионов интернет-пользователей, а уровень проникновения Интернета составляет 48,8%. Интересно, что 88,9% этих пользователей получают доступ к Интернету через мобильные устройства [9, с. 2].

Основными факторами, влияющими на потребительское поведение в Китае в дистанционных продажах, оказывают следующие:

- 1) ценовые характеристики товара;
- 2) качество и надежность товара;
- 3) бренд кампании;
- 4) вкусы и предпочтения потребителей;
- 5) уровень дохода покупателей;
- 6) мода, престиж товара;
- 7) сезонность покупки;
- 8) общественное мнение;
- 9) культурные факторы;
- 10) информационное влияние, реклама и т.д.

Важно отметить, что на потребительское поведение китайских покупателей продукции, товаров и услуг оказывают влияние блогеры и инфлюенсеры. Именно они контактируют непосредственно с целевой аудиторией, обладают мощным воздействием на нее в процессе осуществления рекламной деятельности. Потребители располагают доверием к данным лицам, поскольку считают их специалистами на рынке. Блогеры могут информировать покупателей о новинках продукции, показывать ее основные преимущества и выгоды, а также создавать контент в отношении определенных брендов товаров.

Инфлюенсеры активно сотрудничают с различными китайскими кампаниями и продвигают бренд продукции на рынке потребителям. Они наглядно демонстрируют фотографии в социальных сетях, показывают видео предлагаемой продукции, яркие текстовые заголовки, привлекающие широкий круг потенциальных клиентов. Для маркетинговых кампаний инфлюенсеры являются ценным партнером по бизнесу. Однако, прежде чем привлечь их в свою деятельность фирмы тщательно анализируют их возможности и способно-

сти для того, чтобы избежать возможные риски и потери [6, с. 50].

Важным преимуществом социальных медиа является скорость решения вопросов, относительно покупки товаров, между представителями маркетплейсов и целевой аудиторией, а также удобство общения. Экономия времени и сил является главным фактором, определяющим успех на рынке. Просматривая медиа ресурсы, отзывы других клиентов, а также имея возможность задать вопрос представителям бренда, китайский потребитель с большим успехом можно приобрести достойным товар в дистанционных продажах.

Большое влияние на потребительское поведение в Китае оказывает рекламная кампания. Однако, здесь следует учитывать такой момент, что китайский народ особо не доверяет традиционной рекламе, считая ее навязчивой. Зато реклама из уст известных производителей продукции, популярных блогеров и других лиц может привлечь внимание публики [10, с. 60].

С целью привлечения широкого круга пользователей социальных медиа в Китае используются специальные инструменты: компьютерная графика, моделирование в 3D формате, виртуальная примерочная одежды и многое другое. Потребитель вправе выбирать интересующий его продукт или услугу, сравнивая разные товары у различных производителей.

Основной целью потребительского поведения в дистанционных продажах Китая является получение удовольствия от покупок и испытание положительных эмоций. Поэтому их внимание также привлекают подарки, которые идут с покупкой приобретаемого товара. Учитывая этот аспект многие производители продукции могут добиться успеха на рынке и таким образом привлечь большее количество клиентов.

Следующим инструментом привлечения широкого внимания к своей продукции со стороны фирм является красивая упаковка товара [2, с. 4]. Она притягивает к себе внимание и создает полный образ продукта. Яркая, красочная упаковка влияет на психологическое состояние покупателя, улучшает настроение и подталкивает его совершить покупку товара.

Следует также отметить, что на потребительское поведение в Китае оказывает влияние покупки друзей, знакомых, родственников. В процессе общения люди делятся между собой яркими впечатлениями от приобретения товаров и тем самым побуждают друг людей к покупке. В дистанцион-

ных продажах Китая огромное значение играет сформированное общественное мнение и престижность товара или услуги [4, с. 5].

Рассмотрим особенности потребительского поведения в дистанционных продажах Китая, к числу которых можно отнести следующее:

1) изменение потребительских вкусов и предпочтений (для китайских потребителей продукции свойственно переходить от одного вида покупок к другому в зависимости от моды, потребностей, сезонности и т.д.);

2) поиск скидок на продукцию (особенностью потребительского поведения на маркетплейсах является поиск товара по скидке с целью получить наибольшую выгоду и сэкономить денежные средства);

3) поиск качественного товара (китайцы по достоинству ценят качество товаров и услуг, поставляемых на рынке, стремясь найти товар, отвечающий их запросам и ценовым характеристикам);

4) стремление приобрести иностранные бренды продукции (многие потребители предпочитают приобретать товары иностранных брендов в дистанционных продажах, таким образом расширяя ассортимент и выбор покупок);

5) определяющим фактором покупки является

цена (при совершении покупки товара или услуги китайские потребители в первую очередь обращают внимание на ценовые характеристики. Стоимость, которую китайцы готовы заплатить за товар определяется качеством товара, его надежностью и способностью приносить пользу).

Несмотря на то, что социальные медиа стимулируют потребительское поведение они могут оказывать отрицательное влияние на его состояние и здоровье. Так, например, это может вызвать зависимость от Интернета (человек может часами просиживать на разных сайтах, отвлекаясь от нужных дел и тратя много времени), отрицательное влияние на психологическое здоровье (появление раздражительности, стресса), негативное влияние ложной информации на сознание людей [1, с. 11].

Считаем, что в целом социальные медиа способны приносить пользу для покупателей в дистанционных продажах.

В данной работе разработаны рекомендации по повышению эффективности развития социальных медиа в дистанционных продажах с целью стимулирования потребительского спроса и поведения, наглядно представленные на рис. 2.

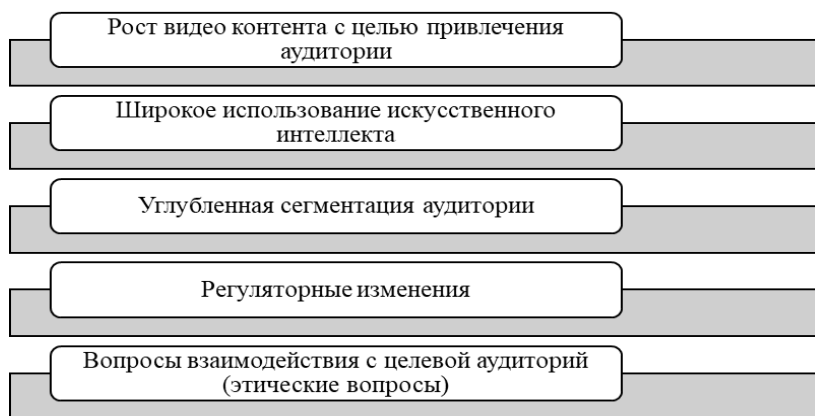

Рис. 2. Рекомендации по повышению эффективности развития социальных медиа в дистанционных продажах с целью стимулирования потребительского спроса и поведения.

Fig. 2. Recommendations for increasing the effectiveness of social media development in distance sales in order to stimulate consumer demand and behavior.

В целом, повышение эффективности развития социальных медиа в дистанционных продажах требует пристального внимания к системе организации и комплексного подхода к осуществлению деятельности, начиная от момента регистрации или создания контента и заканчивая изучением потребительского поведения, оценкой общественного мнения и отзывами. Комплексный

подход к деятельности позволит добиться решения поставленных целей и задач перед кампанией в рамках долгосрочного стратегического планирования и прогнозирования деятельности.

Следует отметить, что продвижение продукции через социальные медиа сопряжено с некоторыми проблемами, которые являются преградами на пути осуществления деятельности. Одной из таких

проблем является наличие языковых и культурных барьеров. Понимание и общение является залогом успешной деятельности и совершения покупок потребителями. Поэтому главным критерием успеха являются гармоничные отношения между продавцами и покупателями, отсутствие разногласий и недопонимания в вопросах ценовой политики и т.д. [8, с. 18]. Следующей проблемой является проблема быстрых технологических изменений на рынке. С одной стороны, цифровизация вносит положительные перемены в деятельность рыночных кампаний, способствует появлению новых технологий и продуктов, а с другой стороны фирме необходимо постоянно подстраиваться под рынок и поведение потребителей. Еще одной важной проблемой, на наш взгляд, является проблема наличия высокого уровня конкуренции. Это влияет на устойчивость кампаний на потребительском рынке, завоевание сегмента и успех деятельности в целом.

Выводы

Можно сделать вывод, что потребительское поведение в дистанционных продажах Китая формируется под влиянием множества факторов. Главными из которых являются: ценовые характеристики товаров и услуг, престиж товара на рынке, бренд кампании, общественное мнение, полезность его для покупателя, упаковка и многие другие характеристики. Потребитель вправе выбирать понравившийся ему товар с нужными потребительскими свойствами. Социальные медиа помогают определить верное решение при совершении покупки потребителями на основе изучения его и анализа в виртуальном пространстве. Считаем, что социальные медиа должны продолжать развиваться и совершенствоваться для того, чтобы помогать покупателям в дистанционных продажах в области маркетинга и продаж.

Список источников

1. Володин А.А. Влияние лидеров мнений на китайское потребительское поведение // Наука и образование. 2024. № 1. С. 11 – 21.
2. Дозорова К.Д. Влияние интернета на пользователей // Наука и образование. 2023. № 5. С. 4 – 12.
3. Дубровин И.А. Поведение потребителей. М.: Дашков и Ко. 2021. 320 с.
4. Журавлева Е.В. Китайский опыт продвижения норм и ценностей путем регулирования социальных медиа // Проблем Дальнего Востока. 2024. № 2. С. 5 – 12.
5. Казаков С. П. Влияние социальных медиа на поведение потребителя. М.: РИОР. 2024. 260 с.
6. Пан Жуй. Социальные медиа Китая и их влияние на общество // Аспект. 2023. № 4. С. 50 – 59.
7. Сазанов В.М. Социальные сети как новая общественная сфера. Системный анализ и прогноз. М.: Лаборатория СВМ. 2010. 180 с.
8. Цзюань Гао. Китайская реклама: опора на традиционное потребительское поведение // Культурология. 2020. № 3. С. 18 – 24.
9. Цан Вен. Поведение китайских потребителей на рынке // Культурология. 2023. № 2. С. 2 – 8.
10. Юн А.Б. Влияние социальных медиа на потребительское поведение: тренды и перспективы // Молодой ученый. 2024. № 43 (542). С. 60 – 63.

References

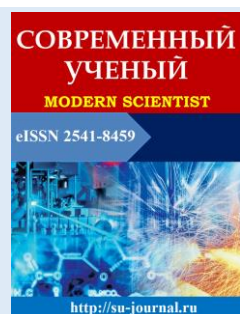
1. Volodin A.A. The influence of opinion leaders on Chinese consumer behavior. Science and education. 2024. No. 1. P. 11 – 21.
2. Dozorova K.D. The influence of the Internet on users. Science and education. 2023. No. 5. P. 4 – 12.
3. Dubrovin I.A. Consumer behavior. Moscow: Dashkov i Co. 2021. 320 p.
4. Zhuravleva E.V. Chinese experience of promoting norms and values by regulating social media. Problemy Dalnego Vostoka. 2024. No. 2. P. 5 – 12.
5. Kazakov S.P. The influence of social media on consumer behavior. Moscow: RIOR. 2024. 260 p.
6. Pan Rui. Social Media in China and Their Impact on Society. Aspect. 2023. No. 4. P. 50 – 59.
7. Sazanov V.M. Social Networks as a New Public Sphere. Systems Analysis and Forecast. Moscow: SVM Laboratory. 2010. 180 p.
8. Juan Gao. Chinese Advertising: Reliance on Traditional Consumer Behavior. Culturology. 2020. No. 3. P. 18 – 24.

9. Tsang Wen. Behavior of Chinese Consumers in the Market. Culturology. 2023. No. 2. P. 2 – 8.
10. Yun A.B. The Impact of Social Media on Consumer Behavior: Trends and Prospects. Young Scientist. 2024. No. 43 (542). P. 60 – 63.

Информация об авторе

Ху Хан, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, hhu664465@gmail.com

© Ху Хан, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'373:81'373.422[811.161.1+811.512.1]

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-193-196

Антонимия во фразеологических единицах крымскотатарского и русского языков

¹ Аблялимова Г.Ш.

¹ Крымский инженерно-педагогический университет имени Ф. Якубова

Аннотация: в данной статье рассматривается явление антонимии во фразеологических единицах крымскотатарского и русского языков. Проводится сопоставительный анализ антонимических отношений исследуемых языков. Данное исследование направлено на выявление сходств и различий антонимической сочетаемости, особенностей и общей структуры противоположности значений на примере фразеологизмов крымскотатарского и русского языков. Отмечается, что антонимические отношения возникают между смысловыми содержаниями фразеологических единиц, значения которых противоположны в исходной грамматической форме, либо контрастными во фразеологизмах являются и дополнительные оттенки значений. Антонимия фразеологических единиц зависит также от их лексико-семантической сочетаемости. Хотя валентность антонимических фразеологизмов может не полностью совпадать, однако антонимические отношения и противоположности между ними сохраняются. Приводятся примеры предложений с антонимичными фразеологизмами от автора статьи и из произведений художественной литературы.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, русский язык, антонимия, антонимы, фразеология, фразеологические единицы, антонимические отношения

Для цитирования: Аблялимова Г.Ш. Антонимия во фразеологических единицах крымскотатарского и русского языков // Современный ученый. 2025. № 1. С. 193 – 196. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-193-196

Поступила в редакцию: 5 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 4 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Antonymy in phraseological units of the Crimean Tatar and Russian languages

¹ Ablyalimova G.Sh.

¹ Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

Abstract: this article examines the phenomenon of antonymy in phraseological units of the Crimean Tatar and Russian languages. A comparative analysis of antonymic relations of the languages under study is carried out. This study is aimed at identifying similarities and differences in antonymic compatibility, features and general structure of the opposition of meanings using phraseological units of the Crimean Tatar and Russian languages as an example. It is noted that antonymic relations arise between the semantic contents of phraseological units whose meanings are opposite in the original grammatical form, or additional shades of meaning in phraseological units are contrasting. The antonymy of phraseological units also depends on their lexical and semantic compatibility. Although the valence of antonymic phraseological units may not completely coincide, antonymic relations and oppositions

between them are preserved. Examples of sentences with antonymous phraseological units from the author of the article and from works of fiction are given.

Keywords: the Crimean Tatar language, the Russian language, antonymy, antonyms, phraseology, phraseological units, antonymic relations

For citation: Ablyalimova G.Sh. Antonymy in phraseological units of the Crimean Tatar and Russian languages. Modern Scientist. 2025. 1. P. 193 – 196. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-193-196

The article was submitted: October 5, 2024; Approved after reviewing: December 4, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Антонимия является неотъемлемым составляющей лексико-семантического уровня языка и основным социокультурным инструментом. Однако фразеологическая антонимия далеко не так распространена, как лексическая. Это обусловлено тем, что противоположность семантики требует соотносительности единиц языка во всех аспектах и образах, ассоциирующихся с ними, тогда как фразеологические выражения имеют индивидуализированное, специфичное для данного языкового общества, значение.

В целом, исследования в области фразеологической антонимии свидетельствуют о её важности и интересе среди лингвистов. Фразеологические обороты играют важную роль в языке, позволяя точно и кратко передать определённый смысл.

Цель статьи – проанализировать явление антонимии во фразеологических единицах крымскотатарского и русского языков, изучить сходство и различие антонимической сочетаемости в исследуемых языках.

Материалы и методы исследований

Методологической основой исследования являются работы таких учёных, как Ю.Д. Апресян [1], У. Куркчи [3], А.И. Молотков [4], М.И. Сидоренко [7], А.М. Эмирова [9, 10] и других. В исследованиях отмечается, что категория противоположности во фразеологической антонимии представляет собой своеобразное явление обратили внимание на уникальный способ выражения противоположности во фразеологических явлениях через использование сочетаний слов с противоположным значением. Фразеологические обороты играют важную роль в языке, позволяя точно и кратко передать определённый смысл.

При написании работы были использованы сравнительно-сопоставительный и описательный методы, как основные методы лингвистического исследования.

Результаты и обсуждения

Для исследования фразеологической антонимии важным пунктом является выявление отличий от лексической антонимии. Два или более лексико-семантических варианта считаются антонимами, если они имеют различные лексемы и противоположные значения.

Однако фразеологизмы могут быть противоположными по семантике, но не быть антонимичными, из-за отсутствия дискурсивно-образных связей между их этимологическими образами [4]. Таким образом, контрастность значений сама по себе, ещё не является свидетельством наличия антонимических отношений.

Антонимичность возникает между смысловыми содержаниями тех фразеологических единиц, значения которых противоположны в исходной грамматической форме фразеологизмов: например, *шейтанлары тутмакъ* (выходить из себя) 'терять самообладание' и *озюни тутмакъ* (держат себя в руках) – 'сохранять самообладание' [10].

Рассмотрим употребление фразеологизмов с противоположной семантикой на примере предложений:

Шейтанлары тутса, не япайым, индемей юреберейимми? (Г.А.) 'Что же мне делать, когда он выходит из себя, молча ходить?'

Бойле вакъытларда озюни тутмакъ керек, чюнки даа да агъыр ола билир (Г.А.) 'В таких случаях надо держать себя в руках, потому что может быть еще сложнее.'

Фразеологические единицы вступают в антонимические отношения, когда их противоположность распространяется на все элементы значения.

Например: *джеби къалын* (куры не клюют) – 'очень много, в избытке' и *джеби индже* (не по карману) – 'не по средствам, слишком дорого кому-либо'

Алининъ джеби эр кеснинъ джебинден къалын (Г.А.) 'У Али денег куры не клюют.'

Меним джебим индже, тюкяндан гъонюль истеген шейимни алып оламам (Г.А.) 'Не могу при-

обрести всё, что душа желает, это мне не по карману'

В вышеупомянутых фразеологизмах возникают контрастные дополнительные оттенки значений, где противоположность отмечается внутри одной сущности.

Хотя валентность антонимических фразеологизмов может не полностью совпадать, однако антонимические отношения и противоположности между ними сохраняются. Например, фразеологизм **баши кокке тиймек (етмек)** (быть на седьмом небе) – 'чувствовать себя безгранично счастливым, быть глубоко удовлетворённым' – **кейфи бозукъ (не в духе)** – 'в плохом, упадническом настроении'.

Рассмотрим примеры использования этих фразеологизмов в предложениях: *Аким ана-бабасы догъулгъан кунюне багъышлагъан бахшышына пек къуванды, **баши кокке етти**. 'Аким был на седьмом небе от подарка родителей, по случаю дня рождения.' Гульназнынъ бугунъ **кейфи бозукъ**, кимсенен лаф этмей. (Г.А.) 'Гульназ сегодня не в настроении, ни с кем не разговаривает.'*

Отметим, что антонимия фразеологизмов зависит также от их лексико-семантической сочетаемости. Фразеологизмы с противоположными значениями считаются антонимичными только в том случае, если они сочетаются либо с одними и теми же словами, либо со словами, уже относящимися к антонимам. Подтверждением первых могут быть фразеологизмы **агъзыны ачтырмакъ** (развязать язык) – 'побуждать кого-либо к разговору, заставлять кого-либо говорить' – **агъыз ачтырмамакъ** (затыкать рот) – 'заставить замолчать кого-либо'; **къысмет олды** (было суждено, довелось) – **къысмет олмады** (не было суждено); **къысмети ачыкъ** (удачлив) – **къысмети япыкъ** (неудачлив).

*Атта оркестр иле англиз тилинде йырлар иджра этмек де **къысмет олды** (Г.А.) 'И даже довелось исполнить песни на английском языке с оркестром.'*

*Эли ачыкъ олгъанынъ **къысмети ачыкъ** ола. 'У кого руки щедры, тому все дороги открыты.'*

*Эр бир шейден марум этилген, гъарип баланынъ **къысмети япыкъ**. 'Лишённый всего, несчастный ребёнок совсем не удачливый.'*

*Сейране мени асыл да динълемеге истемеди, **агъыз ачтырмады**. 'Сейране вообще не захотела меня слушать, затыкала мне рот.'*

Пример вторых: **ер ярылды, ерге кирди** (и поминай как звали) – 'исчез, пропал, сбежал, удрал, погиб' – **ер тюбюнден тепип чыкъкъан киби** (из-под земли вырос) – 'появился внезапно, неожиданно'

*Лейлядан хабер ёкъ, **ер ярылды, ерге кирди** [2]. 'Вестей о Лейли нет, пропала, и поминай как звали.' **Ер тюбюнден тепип чыкъкъан киби**, Юнус мусафирликке кельди, бизни къувандырды. (Г.А.) 'Юнус словно из-под земли вырос, пришёл в гости, обрадовал нас.'*

Выводы

В ходе исследования выявлено, что, антонимические отношения во фразеологизмах имеют свою особенность и зависят от логико-философской категории противоположности, которая должна присутствовать внутри одной и той же сущности. Антонимичность возникает между смысловыми содержаниями фразеологизмов, чьи значения противоположны в исходной грамматической форме единиц, либо контрастными во фразеологизмах являются и дополнительные оттенки значений. Антонимия фразеологизмов зависит также от их лексико-семантической сочетаемости.

Список источников

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика: 2-е и зд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 1995. С. 284 – 315.
2. Ипчи У. Сайлама эсерлер. Симферополь : И. Гаспринский адына Медиамеркез. 2018. 463 с.
3. Куркчи У. Крымскотатарско-русский фразеологический словарь // КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2011. 296 с.
4. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние. 1977. 283 с.
5. Мусин Ж. Антонимы в казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1970.
6. Новиков Л.А. Антонимия и ее соотношение с другими категориями лексики // Русский язык в национальной школе. 1973. № 4. С. 5 – 14.
7. Сидоренко М.И. Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке: учеб. пособие к спецкурсу. Ленинград: ЛГПИ. 1982. 108 с.

8. Талыбов К.А. Антонимы в современном азербайджанском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку. 1971.

9. Эмирова А.М. Основы крымскотатарской фразеологии: учебное пособие для студентов филологических специальностей высших учебных заведений / КРП «Издательство «Крымучпедгиз». 2013. 168 с.

10. Эмирова А.М. Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь. Симферополь: Доля. 2004. 175 с.

References

1. Apresyan Yu.D. Selected Works, Volume I. Lexical Semantics: 2nd and ed., corr. and add. Moscow: School "Languages of Russian Culture", Publishing Company "Eastern Literature" of the Russian Academy of Sciences. 1995. P. 284 – 315.

2. Ipchi U. Saylama Eserler. Simferopol: I. Gasprinsky adyn Mediamerkez. 2018. 463 p.

3. Kurkchi U. Crimean Tatar-Russian Phraseological Dictionary. KRP "Publishing House" Krymuchpedgiz", 2011. 296 p.

4. Molotkov A.I. Fundamentals of Phraseology of the Russian Language. Leningrad: Science. Leningrad Branch. 1977. 283 p.

5. Musin Zh. Antonyms in the Kazakh language: author's abstract. dis. ... candidate of philological sciences. Alma-Ata, 1970.

6. Novikov L.A. Antonymy and its relationship with other categories of vocabulary. Russian language in the national school. 1973. No. 4. P. 5 – 14.

7. Sidorenko M.I. Paradigmatic relations of phraseological units in the modern Russian language: textbook. manual for a special course. Leningrad: LGPI. 1982. 108 p.

8. Talibov K.A. Antonyms in the modern Azerbaijani language: author's abstract. dis. ... candidate of philological sciences. Baku. 1971.

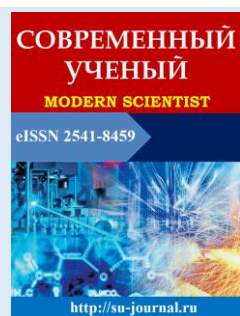
9. Emirova A.M. Fundamentals of Crimean Tatar phraseology: a textbook for students of philological specialties of higher educational institutions. KRP "Publishing House" Krymuchpedgiz ". 2013. 168 p.

10. Emirova A.M. Russian-Crimean Tatar educational phraseological dictionary. Simferopol: Dolya. 2004. 175 p.

Информация об авторе

Абляимова Г.Ш., преподаватель, аспирант, Крымский инженерно-педагогический университет имени Ф. Якубова, gulnaz.ablyalimova.18@mail.ru

© Абляимова Г.Ш., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81-112.4

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-197-204

Сопоставительный анализ на основе лексикографии (на материалах Полного церковнославянского словаря протоиерея Григория Дьяченко и Большого словаря церковнославянского языка нового времени)

¹ Яо Сун

¹ Новосибирский государственный университет

Аннотация: актуальность исследования сопоставления лексических единиц в рамках Полного церковнославянского словаря протоиерея Григория Дьяченко и Большого словаря церковнославянского языка нового времени заключается в том, что оно открывает новые горизонты для более глубокого понимания и анализа церковнославянской лексики, ее эволюции и изменений в контексте времени. Церковнославянский язык имеет важное значение для исторического и культурного наследия славянских народов, поскольку является не только религиозным, но и литературным и научным языком. Вследствие этого, любая попытка сравнить и проанализировать словарные материалы, относящиеся к различным периодам его существования, становится важным инструментом для уточнения значений слов и фраз, а также для выявления изменений, произошедших с течением времени.

Цель данного исследования – провести анализ на основе лексикографии на материалах Полный церковнославянский словарь протоиерея Григория Дьяченко и Большой словарь церковнославянского языка нового времени.

В работе представлено сравнение данных словарей, а также выявлены проблемы употребления лексикографии. Также исследование предоставляет возможность не только уточнить и расширить лексикографические сведения, но и поставить под вопрос устоявшиеся представления о динамике церковнославянского языка.

Ключевые слова: лексикография, словарь, церковнославянский словарь, употребление слов, церковнославянский язык, анализ, сравнение, культурное наследие

Для цитирования: Яо Сун Сопоставительный анализ на основе лексикографии (на материалах Полного церковнославянского словаря протоиерея Григория Дьяченко и Большого словаря церковнославянского языка нового времени) // Современный ученый. 2025. № 1. С. 197 – 204. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-197-204

Поступила в редакцию: 6 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Comparative analysis based on lexicography (based on the materials of the Complete Church Slavonic Dictionary of Archpriest Grigory Dyachenko and the Large Dictionary of the Church Slavonic Language of Modern Times)

¹ Yao Song

¹ Novosibirsk State University

Abstract: the relevance of the study of the comparison of lexical units within the framework of the Complete Church Slavonic Dictionary of Archpriest Grigory Dyachenko and the Large Dictionary of the Church Slavonic Language of Modern Times lies in the fact that it opens up new horizons for a deeper understanding and analysis of Church Slavonic vocabulary, its evolution and changes in the context of time. The Church Slavonic language is important for the historical and cultural heritage of the Slavic peoples, since it is not only a religious, but also a literary and scientific language. As a result, any attempt to compare and analyze dictionary materials related to different periods of its existence becomes an important tool for clarifying the meanings of words and phrases, as well as for identifying changes that have occurred over time. The purpose of this study is to conduct a lexicographic analysis based on the materials of the Complete Church Slavonic Dictionary of Archpriest Grigory Dyachenko and a Large Dictionary of the Church Slavonic language of modern Times. The paper presents a comparison of these dictionaries, as well as the problems of using lexicography. The study also provides an opportunity not only to clarify and expand lexicographic information, but also to question well-established ideas about the dynamics of the Church Slavonic language.

Keywords: lexicography, dictionary, Church Slavonic dictionary, use of words, the Church Slavonic language, analysis, comparison, cultural heritage

For citation: Yao Song Comparative analysis based on lexicography (based on the materials of the Complete Church Slavonic Dictionary of Archpriest Grigory Dyachenko and the Large Dictionary of the Church Slavonic Language of Modern Times). Modern Scientist. 2025. 1. P. 197 – 204. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-197-204

The article was submitted: October 6, 2024; Approved after reviewing: December 5, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Богатство русского языка – не в количестве лексических единиц, зафиксированных в словаре, а в его гибкости, не имеющей границ. Однако огромный словарный фонд нашего языка не может не удивлять. Большую помощь в правильном употреблении такого огромного количества слов и понимании русского языка оказывают словари различных видов.

Раздел языкознания, занимающийся теорией и практикой составления словарей, называется лексикографией.

Практическая лексикография родилась четыре тысячи лет назад в виде различных глоссов, глоссариев и вокабуляриев. Первые переводные словарные произведения появились в Шумерской цивилизации в XXV в. до н.э., в Китае – в XX в. до н.э., в Древнем Египте – в XVIII в. до н.э. Сохранились отрывки двух- и трёхязычных словарей, составленных в Месопотамии две тысячи лет назад.

Первые словари типа толковых были созданы в странах с иероглифической письменностью: в Китае – в III в. до н.э., в Японии – в VIII в. н.э. Столь же древними являются идеографические словари: во II-III вв. н.э. были созданы «Ономастикон» Ю. Поллукса, санскритский словарь «Амаракоша», словарь Аристофана Византийского.

Слово «лексикография» – не древнегреческое, хотя составлено из древнегреческих корней *lexico* (прил. от *lexis* «слово» и *graph* «писать»).

Исследование трансформаций церковнославянского языка приобретает глубину при обращении к фундаментальным лексикографическим источникам. Масштабный труд протоиерея Григория Дьяченко "Полный церковнославянский словарь" в сопоставлении с современным "Большим словарем церковнославянского языка нового времени" раскрывает динамику развития языковой системы. Методичное сравнение лексических единиц двух эпох позволяет проследить семантические сдвиги, выявить утраченные слова и зафиксировать видо-

изменения значений, произошедшие на протяжении столетий.

Методологические принципы составления словарей демонстрируют существенные различия в лексикографических подходах. Фундаментальный труд протоиерея Григория Дьяченко "Полный церковнославянский словарь" представляет масштабное исследование лексического фонда, охватывающее многовековую историю церковнославянского языка. Лексикографический материал включает значительный пласт архаической и диалектной лексики, характерной для раннего периода формирования языковой системы X-XII столетий. Уникальность словаря заключается в фиксации обширного корпуса древних слов и устойчивых выражений, бытовавших как в богослужебных текстах, так и в светской литературе рассматриваемого исторического периода, превращая издание в бесценный источник для лингвистических исследований языковой динамики.

"Большой словарь церковнославянского языка нового времени" раскрывает лингвистические особенности церковных текстов периода семнадцатого-двадцатого столетий. Масштабное лексикографическое издание содержит богатый материал литургической, богословской и религиозно-практической терминологии позднего исторического периода, демонстрируя эволюцию семантики и функционального применения словарных единиц. Составители словаря уделили особое внимание лексемам, закрепившимся в современном богослужебном обиходе, а также архаизмам и трансформировавшимся языковым формам.

Сравнительный анализ лексикографических источников раскрывает эволюционный путь церковнославянской терминологии, демонстрируя сохранившиеся и утраченные смысловые единицы в процессе языковой адаптации. Лексикографический материал позднего периода включает расширенную теологическую и социальную терминологию, отражающую модификацию религиозных практик, тогда как словарь Дьяченко сохраняет первозданную архаическую систему церковнославянского языка без существенных трансформаций.

Материалы и методы исследований

Для проведения сравнительного анализа лексикографических источников используется методика макро и микроструктурного анализа, позволяющая всесторонне изучить и наиболее полно отразить результаты исследования.

Сравнительно-сопоставительный анализ лексикографических источников необходим для выяснения того, какие части словаря позволяют

успешно овладеть справочным материалом, описанной терминологией, осуществить межкультурную профессиональную коммуникацию, а также реализовать цель и назначение словаря.

Результаты и обсуждения

Сравнительное исследование лексикографических источников, включающих фундаментальный труд протоиерея Григория Дьяченко и современный расширенный словарь церковнославянского языка, раскрывает многогранную эволюцию церковнославянской лексики через века. Масштабные лексикографические работы, отражающие разные исторические периоды, демонстрируют глубинные трансформации языковой системы, тесно связанные с культурными и общественными изменениями в жизни славянских народов [6].

Структурный анализ церковнославянских словарей начинается с фундаментального труда Григория Дьяченко "Полный церковнославянский словарь", созданного к середине двадцатого столетия. Масштабное лексикографическое издание включает словарные единицы различных исторических периодов церковнославянского языка, начиная с десятого века. Лексикограф сконцентрировал внимание на документировании древних форм слов и старославянских элементов, собственных начальным этапам становления церковнославянского языка. Особую ценность представляет собранный автором материал по устойчивым выражениям и специфической терминологии, применяемой в литургической практике [3].

Масштабный лексикографический труд по церковнославянскому языку последних столетий охватывает временной период с семнадцатого по двадцатое столетие, уделяя пристальное внимание терминологии богослужебных и духовных произведений. Составители словаря, в отличие от традиционного подхода Дьяченко, включили в издание не только древние языковые формы, но и новообразования, появившиеся в результате эволюции церковной практики и развития богословской мысли, отражающие существенные изменения в религиозном дискурсе позднего периода [8].

Сравнительный анализ семантических трансформаций церковнославянской лексики представлен в сопоставительном исследовании двух фундаментальных лексикографических источников - словаря протоиерея Григория Дьяченко и Большого словаря церковнославянского языка нового времени, результаты которого систематизированы в аналитической матрице семантических изменений (табл. 1).

Таблица 1

Изменения слов.

Table 1

Changes in words.

Слово	Значение в Полном церковнославянском словаре (Дьяченко)	Значение в Большом словаре церковнославянского языка нового времени	Комментарии
Церковь	"Место богослужения", "храм", "общее собрание верующих"	"Общая церковная организация", "институт", "сообщество верующих"	В более позднем словаре добавляются понятия, связанные с организацией и структурой церкви, в отличие от более узкого значения храма в старых источниках.
Князь	"Правитель", "государственный вождь"	"Правитель в определённых исторических контекстах, но также может обозначать духовный титул"	В позднем словаре появляется дополнительное значение, связанное с религиозным титулом, использованным в православной церкви.
Царь	"Монарх, правитель государства"	"Император, монарх, также термин для обозначения властителя в русской православной традиции"	В поздний период слово может обозначать как светского правителя, так и восприниматься в контексте религиозной символики.
Молитва	"Обращение к Богу", "просьба"	"Ритуальное обращение к Богу, обращение с просьбой или благодарением"	Значение остается близким, однако в позднее время подчеркивается именно ритуальный аспект молитвы.
Троица	"Бог в трех лицах, сущность Бога в трех ипостасях"	"Триединство Бога, основной догмат христианства"	Расширение понимания догмата, акцент на теологическую значимость в поздние века.
Дух	"Воздух, дух, дыхание"	"Святой Дух (Третья ипостась Святой Троицы)"	В более поздних словарях слово «Дух» становится почти синонимом Святого Духа, что связано с христианским богословием.
Святой	"Посвящённый Богу, праведник"	"Титул для канонизированных личностей, также используется для обозначения определённых церковных святых"	В современном словаре акцент на использование термина в контексте канонизации и церковной традиции.
Закон	"Заповедь Божия, религиозная норма"	"Божественная или светская норма, законы, регулирующие отношения в обществе"	В позднее время добавляется светская составляющая, значение становится более универсальным и включает гражданские законы.
Ангел	"Божественное существо, посланник"	"Духовное существо, посланник Божий, в некоторых контекстах также используется для обозначения защитника или хранителя"	В позднее время акцент на защитной роли ангела, который становится более близким к понятию «хранителя» или «покровителя».

Семантический анализ представленной таблицы демонстрирует эволюцию лексических значений в темпоральной и контекстуальной перспективе. Лексические единицы, функционирующие в литургической практике и богословской литературе, обогащаются дополнительными семантическими нюансами, подтверждая динамичность развития церковнославянской языковой системы на протяжении различных культурно-исторических периодов [9].

Диахроническое исследование лексикографических источников разных периодов выявляет существенные семантические трансформации словарного состава языка. Многие лексические единицы подверглись значительным смысловым модификациям под влиянием метафоризации и технического прогресса. Архаичная лексика постепенно выходила из активного употребления, уступая место новым языковым формам. Религиозная терминология церковнославянского происхождения, включающая базовые понятия духовной жизни,

приобрела расширенную семантику и дополнительные сферы применения в современном языке [11].

Лексический анализ выявляет существенные трансформации в значениях слов, отражающих политическую и социальную динамику разных исторических периодов. Терминология государственной и церковной власти претерпевала значительные смысловые модификации под влиянием меняющихся общественных условий [9]. Словарные материалы Дьяченко демонстрируют традиционную религиозную трактовку таких понятий как "царь" и "князь", наполненных сакральным и культурным содержанием, что подтверждается работами исследователей [10].

Современная лексикографическая практика, представленная в актуальных церковнославянских словарях, фиксирует конкретизацию семантического наполнения данных терминов применительно к государственному устройству определенного исторического периода (табл. 2).

Таблица 2

Эволюция слов, связанных с политическими и социальными изменениями, на примере Полного церковнославянского словаря Григория Дьяченко и Большого словаря церковнославянского языка нового времени.

Table 2

Evolution of words associated with political and social changes, using the example of the Complete Church Slavonic Dictionary by Grigory Dyachenko and the Large Dictionary of the Church Slavonic Language of Modern Times.

Слово	Значение в Полном церковнославянском словаре (Дьяченко)	Значение в Большом словаре церковнославянского языка нового времени	Эволюция слова в контексте политических и социальных изменений
Царь	"Монарх, правитель, властитель"	"Император, монарх, властитель, также относится к титулу русского царя"	В Древней Руси слово "царь" имело значение монарха, но в позднее время оно связано с титулом, используемым в России после перехода к самодержавию. Употребление слова связано с усилением власти в рамках централизованного государства.
Князь	"Правитель, вождь, лидер государства или племени"	"Правитель в различных контекстах, титул духовного лидера в православной церкви"	В X-XI веках "князь" был связан с правлением в княжествах. В позднее время слово расширяет значение, включая роль князя как духовного и религиозного лидера, что связано с церковной политикой и усилением православной идентичности.

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

Государь	"Правитель, властелин, титул правителя"	"Титул, применяемый в отношении российского монарха, «государь император»"	Эволюция значения связана с укреплением монархической власти в России. Слово "государь" в древности использовалось для обозначения властителей, но в новый период стало обозначать титул, присущий исключительно русскому императору.
Лорд	"Господин, титул аристократа"	"Знатный человек, аристократ, также используется для обозначения духовных лидеров в англоязычных странах"	В ранний период слово обозначало аристократа, землевладельца, но в более поздние века оно стало использоваться в контексте англоязычных политических и церковных структур, что связано с распространением западной культуры.
Владыка	"Властитель, правитель, часто с религиозной коннотацией"	"Духовный титул, титул архиерея, митрополита"	В средневековье слово обозначало светского правителя, но со временем приобрело четко религиозный оттенок, обозначая высших церковных иерархов, что связано с усилением роли церкви в политической жизни.
Республика	"Форма правления, основанная на власти народа"	"Форма правления, в которой народ выбирает своих представителей"	Термин "республика" появляется в поздние века, когда формы правления начинают изменяться. Это отражает социально-политические трансформации, включая рост демократических идей в России и других странах.
Парламент	"Совет, собрание представителей народа или аристократии"	"Представительный орган власти, законодательный орган, особенно в Европе"	В древности это слово означало собрание знатных людей для обсуждения важнейших вопросов, но в поздние века оно стало обозначать официальную законодательную структуру, особенно в контексте европейских политических систем.
Свобода	"Освобождение от угнетения, состояние независимости"	"Права человека, политическая и социальная свобода в современном контексте"	В древности слово носило общий смысл освобождения, но в более поздний период оно связано с концепцией гражданских прав и политической свободы, что отражает социальные и политические изменения в России и других странах.
Народ	"Общее собрание людей, общество, группа людей"	"Граждане государства, группа, обладающая общими правами и обязанностями"	В ранний период слово обозначало группу людей, но в более поздние века оно стало означать гражданское сообщество с юридическим и политическим статусом. Изменение связано с развитием национальных государств.

Представленные лексические трансформации демонстрируют глубинную взаимосвязь между семантическими сдвигами и масштабными общественно-политическими метаморфозами. Многогранная эволюция терминологии, описывающей властные структуры и государственное устройство, неразрывно сплетается с историческими процессами укрепления централизованной власти, становления монархических институтов и постепенного распространения демократических принципов управления [7]. Смысловые модификации политической лексики отражают фундаментальные изменения в социальном сознании и механизмах государственного управления различных исторических периодов.

Лексический состав церковнославянского языка претерпел существенную эволюцию в процессе исторического развития. Западноевропейское языковое влияние способствовало обогащению церковнославянской терминологии новыми научно-техническими понятиями. Латинские и греческие заимствования органично вплетались в религиозные тексты, дополняя традиционный церковнославянский словарь. Словарь Дьяченко, отражающий более ранний период развития языка, демонстрирует меньшее количество иноязычных включений, свидетельствуя о консервативности лексической системы того времени [10].

Анализ церковнославянских словарей разных периодов раскрывает эволюцию языковых норм и стандартов богослужебных текстов. Многовековая история церковнославянского языка демонстрирует постепенное упрощение лексических форм, адаптированных для практического применения в церковном сообществе. Современные словари от-

ражают трансформацию синтаксических конструкций, приближая их структуру к актуальным славянским языковым системам.

Выводы

Итак, подводя итоги данного исследования необходимо констатировать следующее. Полный церковнославянский словарь Григория Дьяченко представляет собой фундаментальную работу, которая в своем контексте детализирует различные аспекты церковнославянской лексики, начиная от старославянских и до поздних форм языка. В отличие от этого, Большой словарь церковнославянского языка нового времени отражает более поздние изменения в языке и, что немаловажно, ориентирован на использование церковнославянского языка в современном контексте.

Сопоставление этих двух ресурсов предоставляет уникальную возможность увидеть, как со временем изменяются значения слов, какие новые лексические единицы появляются, а какие исчезают или трансформируются. Особенно важно провести подобное сопоставление в свете исторических изменений, которые касаются не только языка, но и культурных, религиозных и политических аспектов жизни славянских народов.

Лексические изменения часто отражают более глубокие социокультурные трансформации, и их анализ позволяет лучше понять, как церковнославянский язык адаптировался к меняющимся условиям. Такое сопоставление может стать важным инструментом для дальнейших лексикографических работ, помогая создать более точные и полные словари, которые будут отвечать современным требованиям науки и практики.

Список источников

1. Апресян Ю. и др. (ред.). Языковая картина мира и системная лексикография. Litres, 2022. 479 с.
2. Боброва М.В. Наивная лексикография как источник пополнения диалектных словарей // История, теория и практика академической лексикографии. 2022. С. 254.
3. Городецкий Б.Ю. Лексикография и теория подязыков. Словарные категории. М., 1988. С. 194 – 201.
4. Дубчинский В.В. Лексикография русского языка: учебное пособие. М.: Наука: Флинта, 2008. С. 56 – 60, 72 – 81, 370 – 376.
5. Живов В. и др. (ред.). Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. Litres, 2022. 347 с.
6. Ковтун А.В. Филологические и теологические причины непонимания богослужебных текстов на церковнославянском языке // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2024. № 1 (10). С. 154 – 170.
7. Рябцева Н.К. Современная лексикография, дополненная лингвистическая реальность и проблемы терминологии // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. М.: ИЯз РАН, 2022. № 1. С. 16.

8. Смолина А.Н. Русская христианская лексика духовно-нравственного содержания: краткий словарь (лексикографический проект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 4. С. 1092 – 1100.
9. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. М.: Высшая школа, 2020. 256 с.
10. Хайдарова З., Эрнестовна А. Э. Сравнительно-сопоставительная лексикография // Научный Фокус. 2024. Т. 1. № 11. С. 94 – 97.
11. Шимчук Э.Г. Русская лексикография: учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 2023. 237 с.

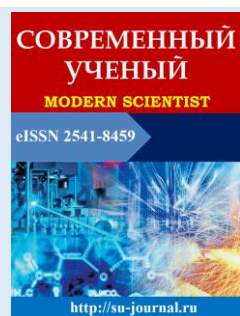
References

1. Apresyan Yu. et al. (eds.). The linguistic picture of the world and systemic lexicography. Litres, 2022. 479 p.
2. Bobrova M.V. Naive lexicography as a source of replenishment of dialect dictionaries. History, theory and practice of academic lexicography. 2022. P. 254.
3. Gorodetsky B.Yu. Lexicography and theory of sublanguages. Vocabulary categories. Moscow, 1988. P. 194 – 201.
4. Dubchinsky V.V. Lexicography of the Russian language: a tutorial. Moscow: Science: Flinta, 2008. P. 56 – 60, 72 – 81, 370 – 376.
5. Zhivov V. et al. (eds.). Essays on the historical semantics of the Russian language of the early modern period. Litres, 2022. 347 p.
6. Kovtun A.V. Philological and theological reasons for misunderstanding liturgical texts in Church Slavonic. Word and image. Issues of studying Christian literary heritage. 2024. No. 1 (10). P. 154 – 170.
7. Ryabtseva N.K. Modern lexicography, augmented linguistic reality and problems of terminography. Linguistics and methods of teaching foreign languages. Moscow: Institute of Languages of the Russian Academy of Sciences, 2022. No. 1. P. 16.
8. Smolina A.N. Russian Christian vocabulary of spiritual and moral content: a brief dictionary (lexicographical project). Philological sciences. Issues of theory and practice. 2022. Vol. 15. No. 4. P. 1092 – 1100.
9. Fomina M.I. Modern Russian language. Lexicology. Moscow: Higher School, 2020. 256 p.
10. Khaidarova Z., Ernestovna A.E. Comparative and contrastive lexicography. Scientific Focus. 2024. Vol. 1. No. 11. P. 94 – 97.
11. Shimchuk E.G. Russian lexicography: study guide. Moscow: Moscow State University Publishing House, 2023. 237 p.

Информация об авторе

Яо Сун, кандидат филологических наук, Новосибирский государственный университет

© Яо Сун, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'367.625.41

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-205-212

Проблемы адаптации в русском языке немецких слов времен Немецкой слободы

¹ Бирюкова Е.В., ¹ Попова Л.Г., ¹ Флеенко Д.А.

¹ Московский городской педагогический университет

Аннотация: целью работы является изучение адаптации иноязычных слов в принимающем их языке. Изучается фонетическая, семантическая и грамматическая адаптация таких иноязычных слов как *фляжка* и *залп* в русском языке и развитие их значений. Обращение к словарям позволило выяснить состав значений, а последующий анализ примеров из текстов создал возможность выяснить сам процесс адаптации немецких слов в принимающем русском языке.

Предложенный алгоритм исследования заимствований, пришедших из других языков в принимающий язык, позволяет установить степень, прежде всего, лексической и семантической адаптации таких слов за счет сопоставления их значений и примеров их употребления в диахроническом аспекте. В результате исследования установлено, что немецкое слово *Flasche* не полностью прошло период лексической адаптации, так как сохранило только часть значений. Что касается семантической адаптации, то слово *фляжка* этот процесс осуществило и стало обозначать небольшую емкость для хранения жидкостей в походных условиях и при транспортировке.

Пришедшее из немецкого языка русское слово *залп* прошло период лексической адаптации, сохранив начальные значения. Будучи военным термином, данное слово получило ряд дополнительных значений. Что касается переносных значений, то оно потеряло свое значение, приняв новое «без передышки» в виде нового слова *залпом*.

Ключевые слова: адаптация, лексическая адаптация, семантическая адаптация, немецкий язык, русский язык, Немецкая слобода, диахронический аспект, художественные тексты, сравнение, словари

Для цитирования: Бирюкова Е.В., Попова Л.Г., Флеенко Д.А. Проблемы адаптации в русском языке немецких слов времен Немецкой слободы // Современный ученый. 2025. № 1. С. 205 – 212. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-205-212

Поступила в редакцию: 6 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Problems of adaptation of German words from the times of the Nemetskaya Sloboda in the Russian language

¹ Biryukova E.V., ¹ Popova L.G., ¹ Fleenko D.A.

¹ Moscow City University

Abstract: the purpose of the work is to study the adaptation of foreign words in the host language. The phonetic, semantic and grammatical adaptation of such foreign words as *flask* and *volley* in Russian and the development of

their meanings are studied. An appeal to dictionaries made it possible to find out the composition of meanings, and the subsequent analysis of examples from the texts made it possible to find out the process of adaptation of German words in the host Russian language.

The proposed algorithm for studying borrowings that came from other languages to the host language allows us to establish the degree of, first of all, lexical and semantic adaptation of such words by comparing their meanings and examples of their use in the diachronic aspect. As a result of the study, it was established that the German word *Flasche* did not completely go through the period of lexical adaptation, since it retained only part of the meanings. As for semantic adaptation, the word flask has completed this process and began to denote a small container for storing liquids in field conditions and during transportation.

The Russian word *volley*, which came from the German language, went through a period of lexical adaptation, retaining its original meanings. Being a military term, this word received a number of additional meanings. As for figurative meanings, it lost its meaning, adopting a new one "without a break" in the form of a new word *volley*.

Keywords: adaptation, lexical adaptation, semantic adaptation, German language, Russian language, German settlement, diachronic aspect, literary texts, comparison, dictionaries

For citation: Biryukova E.V., Popova L.G., Fleenko D.A. Problems of adaptation of German words from the times of the Nemetskaya Sloboda in the Russian language. Modern Scientist. 2025. 1. P. 205 – 212. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-205-212

The article was submitted: October 6, 2024; Approved after reviewing: December 5, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Проблема адаптации иноязычных слов в принимающем их языке остается одной из актуальных тем лингвистического исследования [6, 12]. Следует упомянуть интерес лингвистов к вопросу приспособления иноязычной лексики в русском языке на материале просторечий [11], при рассмотрении тенденций развития терминосистемы, например, спорта в русском языке [1]. Считаем ценным изучение процесса адаптации иностранных слов в русском языке с учетом определенной исторической эпохи [3, 9], в рамках которого исследователи ставят перед собой задачу лексикографического описания подобных слов. Поэтому научный интерес может вызвать выяснение процесса адаптации иноязычных слов в русском языке, заимствованных из немецкого языка времен Немецкой слободы.

Объектом исследования выступают русские слова *фляжка* и *залп*, заимствованные из немецкого языка эпохи Немецкой слободы. Предметом работы является процесс их адаптации в русском языке. Научная новизна исследования обусловлена тем обстоятельством, что в языкознании впервые лексемы времен Немецкой слободы исследовались на основе материала художественной литературы в сравнительном аспекте.

Образование Немецкой слободы в Москве связано с походами царя Ивана IV в Ливонию, в это время в Москве появилось большое количество пленных иностранцев. Для их поселения было вы-

делено место близ устья Яузы, а конкретнее ее правый берег. Позже здесь поселились и иностранные купцы, их расселение поддерживал сам Борис Годунов.

Но не все жители Немецкой слободы хотели принять православие. Поэтому по указу царя Алексея Михайловича от 4 (14) октября 1652 года их заставили разобрать свои дома и переселиться на пустующий участок на этом же берегу Яузы. Так появилась новая Немецкая слобода, где жили не только немцы, но и англичане, шотландцы, то есть выходцы из германоязычных протестантских государств. Но название немецкой получила слобода потому, что на Руси всех иностранцев называли немцами.

В этот период характерно заимствование из немецкого языка слов, относящихся как к бытовой сфере, а так и слов военной тематики. Так, к числу заимствований из немецкого языка того времени относятся слова *фляжка*, *залп*, *салют*. Проанализируем процесс адаптации этих слов с времен Немецкой слободы до наших дней.

В начале хотелось бы упомянуть тот факт, что адаптация иноязычных слов может быть нескольких видов. Это фонологическая адаптация слова, когда отсутствующие в слове звуки заменяются на наиболее близкие. Она может происходить постепенно: иногда иноязычные слова в течение некоторого времени сохраняют в своем произношении звуки, отсутствующие в принимающем языке.

Выделяются также лексическая, грамматическая и семантическая адаптация слова.

Лексическая адаптация связана с тем, что слово называет явление, предмет, понятие, свойственное жизни носителей принимающего языка. Характер грамматической адаптации проявляется в основном в его морфологической характеристике и зависит от его соответствия морфологическим моделям принимающего языка.

При семантической адаптации иноязычное слово может входить в ряд понятий принимающего языка. Но такие слова могут быть экзотизмами, когда они обозначают понятия и предметы, не свойственные жизни и укладу носителей принимающего языка [4].

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили данные немецких и русских толковых, этимологических словарей, художественные тексты 18-21 веков, взятые из Национального корпуса русского языка. В соответствии с поставленной целью в работе применялись метод сравнительного анализа, метод компонентного анализа, структурный метод.

Результаты и обсуждения

Обратимся к слову *фляжка*, сравнив его с немецким эквивалентом *die Flasche*. Наблюдается частичная фонетическая адаптация, замена шипящего звука внутри слова. Грамматическая адаптация слова проявляется в том, что оно оставило женский род. Теперь проанализируем уровень лексической и семантической адаптации слова. Рассмотрим этимологическую характеристику данного слова в немецком языке.

Die Flasche – бутылка, (стеклянный) сосуд с узким горлообразным отверстием, в древневерхне-немецком языке имел вид *flasca* (VIII век), в средневерхне-немецком вид *vlasche*, *vlesche*. По своему происхождению является германским словом, произошло от германской основы *flahskō(n)*. Слово связано с глаголом *flechten*, что обозначало *плести* и первоначально обозначала сосуд из дерева, глины и т.д. [12].

В современном немецком языке это слово обладает следующей характеристикой [6]:

в первом значении – это (высокий, узкий) сосуд (часто стеклянный) для жидкостей, имеющий узкое отверстие сверху и обычно закрывающийся (крышкой, пробкой, крышкой от бутылки или пробкой):

Wenn man zu einem Feste eingeladen ist und nicht weiss, was man schenken soll, bringt man eine Flasche Wein mit. – Если вы приглашены на праздник и не

знаете, что подарить, возьмите с собой бутылку вина [14].

Во втором значении – [метонимически] часто используется для обозначения количества: жидкость, обычно напиток в бутылке:

Und Shakespeare sprach schon bald von der "in Flaschen gefüllten Sonne Andalusiens – И вскоре Шекспир заговорил о «бутилированном солнце Андалусии»

Слово *Flasche* может использоваться также в разговорных шутливых выражениях. В немецком языке используется выражение «Eine Flasche köpfen» = *eine Flasche Wein o. Ä. öffnen oder trinken* – «Разбить бутылку» = открыть или выпить бутылку вина и т.п.:

Das war ein guter Tag, heute köpfte ich eine Flasche Sekt. – Это был хороший день, сегодня я откупорил бутылку шампанского.

Другой вариант применения в разговорной речи: «Zur Flasche greifen» = *(regelmäßig große Mengen) Alkohol trinken oder alkoholsüchtig werden, sein* – «Тянуться к бутылке» = регулярно употреблять большое количество алкоголя или быть зависимым от алкоголя:

Peters griff immer dann zur Flasche, wenn er sich einsam fühlte und ihm die Decke auf den Kopf fiel. – Пётр тянулся к бутылке всякий раз, когда чувствовал себя одиноким и накрывался с головой одеялом [12].

Теперь проанализируем подобным образом русское слово *фляжка*.

Оно обладает следующей этимологической характеристикой: заимствовано в начале XVII в. из немецкого *Flasche*. – также от *flechten* «плести» через польский язык.

Этимологический словарь Н.М. Шанского дает такое определение: «*Фляжка* исходно – «плетенка». Написание *фляжка* вместо этимологически правильного *фляшка* возникло по аналогии *нога* – *ножка* (в произношении [но́шк])» [13]. В современном русском языке [7] слово *фляжка* является уменьшительным к слову *фляга* и имеет значение: плоская бутылка для ношения через плечо на ремне, тесьме. Фляжка рома:

- *Во фляжке фруктовая.*

- *Недурно, матушка, хлебом и фруктовой.* Гоголь [10].

Это слово имеет следующий набор синонимов: фляга, бутыл, баклага, ковшик, бутылочка, стаканчик, термос, сулея.

В Национальном корпусе русского языка встречаются такие варианты использования слова в литературных художественных текстах:

1) Он достал большую фляжку и чарку, выпил сам, потом предложил Галдину и всем парням (Юрий Слѣзкин. Бабье лето (1911).

2) Они отнесли полную фляжку «изабеллы» машинистам, чтобы те не сильно дергали, ибо много емкостей с нею было и вагонах – тазы, ведра, даже свистнутая по дороге детская ванночка была полнехонька и мелкой дрожью тряслась в ней губительная кровавая влага (Владимир Крупин. Как только, так сразу (1992).

3) Они привязывали к ремням фляжки, они пытались дотянуться руками, они держали друг друга за ноги и свешивались по пояс в цистерну, рискуя свалиться туда и утонуть в море спирта, – все было напрасно.

– А во что выжимать-то? – закричал вдруг один из них. – У фляжки горлышко узкое. На землю все льется! (Андрей Геласимов. Степные боги (2008) [8].

В русском языке слово *фляга* также становится частью шутового жаргонного выражения *Фляга брызжет (свистит)*, так говорят «о человеке со странностями, о сумасшедшем», в котором слово *фляга* используется метонимически [7].

Сопоставление представленных выше примеров показало сохранение лишь первого значения данного русского слова.

Для выяснения уровня семантической и лексической адаптации немецкого заимствования обратимся к сводной табл. 1.

Таблица 1

Сводная таблица значений немецкого слова *Flasche* и русского слова *фляжка*.

Table 1

Summary table of the meanings of the German word *Flasche* and the Russian word *flask*.

Значения	<i>Flasche</i>	<i>Фляжка</i>
(высокий, узкий) сосуд (часто стеклянный) для жидкостей, имеющий узкое отверстие сверху и обычно закрывающийся (крышкой, пробкой, крышкой от бутылки или пробкой).	+	+
[метонимически] часто используется для обозначения количества: жидкость, обычно напиток в бутылке	+	-
[сало, ругательство] Синоним 1. Заклепка (б), свисток (4), неудачник (а) .	+	-
Плоская бутылка для ношения через плечо на ремне, тесьме. «Походная фляга»	-	+
Большой сосуд для перевозки жидкостей	-	+
Фляга свистит (брызжет)	-	+

Данные сводной табл. 1 показали, что немецкое слово *Flasche* не полностью прошло период лексической адаптации, так как сохранило только часть значения, а именно значение *небольшой сосуд для хранения жидкостей*. Что касается семантической адаптации, то слово *фляжка* этот процесс осуществило и стало обозначать походную небольшую емкость не из стекла для хранения жидкостей в походных условиях.

Следующим словом, пришедшим из немецкого языка времен Немецкой слободы, выступает слово *залп*. По-немецки оно имеет вид *Salve*. Отсюда можно сделать вывод о состоянии фонетической адаптации немецкого слова, оно приняло на себя частичные изменения звучания. Что касается грамматической адаптации, то слово в немецком языке было женского рода, в русском языке стало мужского рода.

Для выяснения его лексической и семантиче-

ской адаптации проанализируем данные словарей и примеров. Немецкое слово обладает следующей этимологической характеристикой.

Оно пришло в немецкий язык из французского языка и имело значение «одновременные выстрелы из огнестрельного оружия». В среднефранцузский язык слово пришло в XVI в. с указанным выше значением из формулы приветствия латинского *salve* «приветствуй», заимствовано из повелительного наклонения от *salvēre* «быть здоровым, благополучен, спасен». Известное из церковной молитвы *Salve Regina* слово *salve* широко используется как приветствие; оно также сокращенно означает «вечерняя служба» (XVI век) [7].

Обратимся к современным значениям этого слова. К их числу относятся:

1. Одновременный огонь по команде из нескольких винтовок или орудий:

1) *Eine volle Salve krachte in die Kolonne, Men-*

ge– (полный залп взрезался в колонну, толпу) [6].

2) *Maschinenpistolen-Salven über die Köpfe der Kneipen-Besuche* –
(автоматные залпы над головами посетителей бара)

2. В качестве почетного салюта:

Zur Begrüßung des Staatsoberhauptes wurden 21 Salven Salut abgefeuert –
(по приветствию главы государства был произведен 21 залп салюта).

3. Переносное значение:

1) *eine Salve von Gelächter ertönte* –
(раздался залп смеха);

2) *eine Salve des Beifalls brach los* –
(разразился залп аплодисментов) [14].

Целесообразно обратиться к аналогичному анализу русского слова *залп*, обладающего такой этимологической характеристикой. Оно заимствовано в начале XVIII в. из немецкого языка, где *Salve* «залп» < лат. *Salve* «здравствуй, будь здоров». Потом в русском языке появилось слово *салют* [13, 2].

В современном русском языке это слово имеет следующие значения [11, 2]:

1. одновременный выстрел нескольких артиллерийских орудий, РСЗО, торпедных аппаратов, бомбомётов, стрелкового и др. оружия, пуск ракет, сброс бомб ЛА (группой) боевыми выстрелами или холостыми боеприпасами.

2. единица измерения расхода реактивных снарядов на выполнение задачи (поражение цели); расход снарядов может указываться в количестве залпов или долях залпа;

3. условная единица измерения огневой мощи всего вооружения (суммарная масса боеприпасов, расходуемых одним выстрелом).

Обратимся к семантическому анализу примеров из текстов в диахроническом плане, используя Национальный корпус русского языка [8].

1) *При сем случае, когда последний залп с крепостей и со всех кораблей по возвращении его в гавань последовал, то Государь, выходя из него к встречающей Государыне, ко всем министрам и флотским адмиралам, сказал...* (А.А. Нартов. Рассказы о Петре Великом (1785-1786).

2) *Залп ружей грянул, и несколько убитых и раненых полетело с насыпи* (К.П. Масальский. Стрельцы (1832).

3) *Он сорвал второй залп рукоплесканий, раскланялся и заговорил* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940).

4) *И так как люди не выполняли приказа, понимали, что каждое их движение, каждый снятый ботинок, стянутый рукав – шаг к яме, шаг к смерти, и сидели на снегу оцепенев, то опять пошли в ход ругань, хлысты, нагайки, приклады, собаки; поляна пришла в движение, люди выли, кричали: «Палачи! Убийцы!», дети плакали, цеплялись за матерей: «Мамочка, не оставляй меня!», вопли, стоны; и в ответ опять хлысты, нагайки, приклады, брань, собачий лай; кто-то бросился в лес и упал застреленный – отсюда не убежишь; мужчины и женщины кидались на эсэсовцев, пытались вырвать оружие, боролись, кусались; и тогда по приказу Штальбе эсэсовцы отступили в цепь автоматчиков, окружавших поляну, цепь дала залп по толпе, толпа заметалась, с вышек застрочили пулеметы, поляна обагрилась кровью, и люди упали на землю и прижались к земле...* (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)

5) *При подходе к Турину решено было для устрашения дать залп из двух больших серпантин.*

Пушки громкоподобно рявкнули, каменные ядра унеслись в сторону замка, солдаты радостно взревели, а канонир, столь удачно проводивший первый в своей жизни залп, восторженно замахал руками, отшвырнув горящий фитиль. (С. В. Логинов. Драгоценнее многих (медицинские хроники) // «Наука и жизнь», 2007)

6) *Тут товарняк рванул, грохот прошел от головы к хвосту, словно состав был артиллерийским орудием, давшим торжественный залп; должно быть, судьбе не хватало нескольких секунд, хотя по-человечески было совершенно непонятно, почему именно бежская «Лада» ей так приглянулась* (О.А. Славникова 2017)

Анализ примеров диахронического плана показал наличие всех установленных в словарях значений, которые были перечислены выше.

Для выяснения характера лексической и семантической адаптации немецкого слова *Salve* в русском языке обратимся к сводной таблице их значений.

Таблица 2

Сводная таблица значений немецкого слова *Salve* и русского слова *залп* с его производной *залпом*.

Table 2

Summary table of the meanings of the German word *Salve* and the Russian word *salvo* with its derivative *salvom*.

Значения	<i>Salve</i>	<i>Залп (залпом)</i>
одновременный огонь по команде из нескольких винтовок или орудий	+	+
в качестве почетного салюта	+	+
Переносное – подобно выстрелу	+	-
единица измерения расхода реактивных снарядов на выполнение задачи (поражение цели); расход снарядов может указываться в количестве залпов или долях залпа	-	+
условная единица измерения огневой мощности всего вооружения (суммарная масса боеприпасов, расходуемых одним выстрелом).	-	+
<i>перен.</i> сразу, без передышки	-	+

Сводная табл. 2 показала, что пришедшее из немецкого языка русское слово *залп* прошло период лексической адаптации, сохранив начальные значения:

- одновременный огонь по команде из нескольких винтовок или орудий
- в качестве почетного салюта.

Будучи военным термином, данное слово получило ряд дополнительных значений, типа:

- единица измерения расхода реактивных снарядов на выполнение задачи (поражение цели); расход снарядов может указываться в количестве залпов или долях залпа;
- условная единица измерения огневой мощности всего вооружения (суммарная масса боеприпасов, расходуемых одним выстрелом).

Что касается переносных значений, то оно потеряло свое значение, приняв новое «без передышки» в виде слова *залпом*. Что касается семантической адаптации, то можно предположить, что

как раз слово *залпом* и является продуктом подобной адаптации в русском языке.

Выводы

По результатам сравнительно-сопоставительного анализа было выяснено, что пришедшее с времен Немецкой слободы немецкое слово *Flasche* не полностью прошло период лексической адаптации, а процесс семантической адаптации оно прошло полностью. Пришедшее из немецкого языка слово *Salve* прошло период лексической адаптации. Семантическая адаптация слова осуществляется полностью за счет появления новых переносных значений. Предложенный в статье алгоритм исследования заимствований, пришедших из других языков в принимающий язык, позволяет установить степень, прежде всего, лексической и семантической адаптации таких слов за счет сопоставления их значений и примеров их употребления в диахроническом аспекте.

Список источников

1. Богословская В.Р. Структурно-семантическая и функциональная адаптация заимствований: На материале спортивной лексики английского и русского языков.: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 201 с.
2. Военный энциклопедический словарь. URL: <https://1564.com/3710-> (дата обращения: 06.06.2024)
3. Денисова И.Н., Надумович Л.М. Адаптация заимствований в русском языке рубежа XX-XXI вв. // Лингводидактика: материалы VIII респ. науч.-практ. семинара, Минск, 22 окт. 2021 г. Минск: БГУ, 2021. С. 36 – 39.
4. Клементьева Е.В. Адаптация иноязычных заимствований в русском языке // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 5 (27). С. 260 – 263.
5. Крысин Л.П. Толковый словарь иностранных слов. М: Русский язык, 1998. 846 с.
6. Жукоцкая А.В., Черненькая С.В., Кожевников С.Б. и др. Межкультурная коммуникация в современном мире. Москва: Московский городской педагогический университет, 2018. 100 с.

7. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М: Олма Медиа Групп. 2007. 784 с.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 06.06.2024)
9. Пенькова Я.А., Соболева А.Е. Германизмы в русском языке XV-XVII вв.: пути заимствования и пути лексикографического описания // Слово и словарь. Vocabulumetvocabulary. Вып.15. Минск, 2017. С. 158-164.
10. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/> (дата обращения: 06.06.2024)
11. Халевин К.В. Особенности адаптации иноязычных заимствований в русском лексическом просторечии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. С. 82 – 86.
12. Чупрына О.Г. Язык. Культура. Текст: учебное пособие для студентов магистратуры, обучающихся по направлению «Лингвистика». Чупрына. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2020. 104 с.
13. Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н.М. URL: <https://1793.slovaronline.com/5569> (дата обращения: 10.07.2024)(дата обращения: 06.06.2024)
14. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. URL: <https://www.dwds.de/d/wb-etymwb>(date of admission: 06.06.2024)

References

1. Bogoslovskaya V.R. Structural-semantic and functional adaptation of borrowings: Based on sports vocabulary of the English and Russian languages: diss. ... cand. philological sciences. Volgograd, 2003. 201 p.
2. Military encyclopedic dictionary. URL: <https://1564.com/3710->(date of access: 06.06.2024)
3. Denisova I.N., Nadumovich L.M. Adaptation of borrowings in the Russian language at the turn of the 20th-21st centuries. Lingvodidactics: materials of the VIII rep. scientific and practical seminar, Minsk, October 22, 2021 Minsk: BSU, 2021. P. 36 – 39.
4. Klementyeva E.V. Adaptation of foreign language borrowings in the Russian language. Historical and social-educational thought. 2014. No. 5 (27). P. 260 – 263.
5. Krysin L.P. Explanatory dictionary of foreign words. M: Russian language, 1998. 846 p.
6. Zhukotskaya A.V., Chernenkaya S.V., Kozhevnikov S.B. and others. Intercultural communication in the modern world. Moscow: Moscow City Pedagogical University, 2018. 100 p.
7. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Large dictionary of Russian sayings. M: Olma Media Group. 2007. 784 p.
8. National Corpus of the Russian Language [Electronic resource]. Access mode: <https://ruscorpora.ru/> (date of access: 06.06.2024)
9. Penkova Ya.A., Soboleva A.E. Germanisms in the Russian language of the 15th-17th centuries: ways of borrowing and ways of lexicographical description. Word and dictionary. Vocabulumetvocabulary. Issue 15. Minsk, 2017. P. 158 – 164.
10. Ushakov's Explanatory Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/> (date of access: 06.06.2024)
11. Khalevin K.V. Features of adaptation of foreign-language borrowings in Russian lexical vernacular. Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences. 2010. P. 82 – 86.
12. Chupryna O.G. Language. Culture. Text: a textbook for master's students studying in the field of "Linguistics". Chupryna. Moscow: Limited Liability Company "FLINTA", 2020. 104 p.
13. Etymological online dictionary of the Russian language by N.M. Shansky. URL: <https://1793.slovaronline.com/5569> (date of access: 10.07.2024) (date of access: 06.06.2024)
14. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. URL: <https://www.dwds.de/d/wb-etymwb> (date of admission: 06.06.2024)

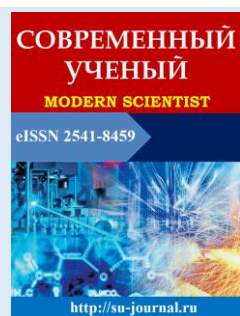
Информация об авторе

Бирюкова Е.В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германистики и лингводидактики, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет, ByrjukovaEV@mgu.ru

Попова Л.Г., доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет

Флеенко Д.А., кандидат культурологических наук, специалист по учебно-методической работе кафедры германистики и лингводидактики, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет

© Бирюкова Е.В., Попова Л.Г., Флеенко Д.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.512.37

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-213-219

Цветобозначения в калмыцких загадках

¹ Омакаева Э.У., ¹ Ургадудова А.И., ¹ Боваева Г.М., ¹ Бураева Т.В., ² Крылов С.А., ³ Корнеев Г.Б.

¹ Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова,

² Институт востоковедения Российской академии наук,

³ БУ РК «Центр развития калмыцкого языка», г. Элиста

Аннотация: статья посвящена актуальным вопросам изучения адъективных цветобозначений (ЦО) в калмыцком языке на материале загадок. Дается описание проблематики работы и степени ее разработанности, формулируются объект, предмет, цель и задачи, обосновываются методология и научная значимость, теоретическая и практическая новизна проведенного исследования. Объектом исследования является адъективная цветовая лексика, функционирующая в калмыцких загадках. Предметом исследования выступает ее лингвокультурная интерпретация сквозь призму теоретического осмысления проблемы взаимосвязи языка и культуры. Свою задачу авторы видят в описании своеобразия семантического функционирования рассматриваемой лексики в калмыцких загадках. Для достижения поставленной цели были выделены следующие задачи: выявить корпус калмыцких загадок с цветовой лексикой; провести семантический анализ цветоименований; определить доминантные ЦО, репрезентирующие картину мира загадки. Актуальность данной работы определяется, с одной стороны, возрастающим интересом к выявлению национально-специфических особенностей ЦО в разных языках, с другой стороны, их недостаточной изученностью в калмыцком языке. В результате анализа материала выявлено доминирование номинаций черного, белого и красного цветов в калмыцких загадках. К релевантным и часто встречающимся ЦО также относятся синий, желтый, зеленый, серый.

Ключевые слова: загадка, калмыцкий язык, цветобозначения, лексика материальной культуры

Для цитирования: Омакаева Э.У., Ургадудова А.И., Боваева Г.М., Бураева Т.В., Крылов С.А., Корнеев Г.Б. Цветобозначения в калмыцких загадках // Современный ученый. 2025. № 1. С. 213 – 219. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-213-219

Поступила в редакцию: 6 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 6 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Color definitions in Kalmyk riddles

¹ Omakaeva E.U., ¹ Urgadulova A.I., ¹ Bovaeva G.M., ¹ Buraeva T.V., ² Krylov S.A., ³ Korneev G.B.

¹ B.B. Gorodovikov Kalmyk State University,

² Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,

³ BU RK "Center for the Development of the Kalmyk Language", Elista

Abstract: the article is devoted to topical issues of studying adjectival color designations (CD) in the Kalmyk language based on riddles. The article describes the scope of the work and the degree of its development, formulates the object, subject, goal and tasks, substantiates the methodology and scientific significance, theoretical and practical novelty of the study. The object of the study is the adjectival color vocabulary functioning in Kalmyk riddles. The subject of the study is its linguocultural interpretation through the prism of theoretical understanding of the problem of the relationship between language and culture. The authors see their task in describing the uniqueness of the semantic functioning of the vocabulary in question in Kalmyk riddles. To achieve this goal, the following tasks were identified: to identify the corpus of Kalmyk riddles with color vocabulary; to conduct a semantic analysis of color designations; to determine the dominant CDs representing the worldview of the riddles. The relevance of this work is determined, on the one hand, by the growing interest in identifying national-specific features of the CD in different languages, on the other hand, by their insufficient study in the Kalmyk language. As a result of the analysis of the material, the dominance of nominations of black, white and red colors in Kalmyk riddles was revealed. Relevant and frequently encountered CD also include blue, yellow, green, gray.

Keywords: riddle, the Kalmyk language, color designations, vocabulary of material culture

For citation: Omakaeva E.U., Urgadulova A.I., Bovaeva G.M., Buraeva T.V., Krylov S.A., Korneev G.B. Color definitions in Kalmyk riddles. Modern Scientist. 2025. 1. P. 213 – 219. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-213-219

The article was submitted: October 6, 2024; Approved after reviewing: December 6, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Системное описание словарного состава любого языка требует изучения отдельных подсистем лексики: кластеров, тематических и лексико-семантических групп с учетом культуры и образа жизни носителей языка.

Современная лингвистика проявляет закономерный интерес к фольклорным текстам, в том числе к загадке, задача которой заключается в идентификации загаданного объекта.

Важное место в калмыцком «загадочном» лексиконе отводится колоративам-цветообозначениям. ЦО активно встречаются и в других монголоязычных текстах загадок (халха-монгольских, бурятских).

Загадки как специфический малый жанр фольклора занимают особое место в монголоязычном паремиологическом фонде. Обоснованность их выбора для нашего исследования определяется рядом причин. Они выполняют миромоделирующую функцию, отражая национально маркированную языковую картину мира носителей монгольских языков, тем самым подтверждая свой когни-

тивный, аксиологический, дидактический потенциал.

Тематика загадок определяется такими факторами, как ландшафт, климат, этническая история, особенности духовной и материальной культуры народа [1]. Возникает вопрос: какие тематические группы наиболее характерны для калмыцких загадок, какие лингвокультурные коды в них используются и какие лексемы являются идентификаторами последних?

Что касается самого термина «загадка», то в разных монгольских языках он разнится: калмыцкое название загадки – тээлвртэ тууль ‘повествование с отгадкой’, бурятское – таабари ‘отгадка’, монгольское – оньсого ‘отгадка’.

Практическая значимость результатов исследования состоит в том, что выявленные особенности ЦО в текстах загадок могут быть использованы при создании словарей различного типа, методических пособий, в разработке программ и спецкурсов в целях оптимизации учебного процесса и повышения качества высшего образования.

Материалы и методы исследований

Изложенные выше задачи по выявлению частотности определенных ЦО в калмыцких загадках определили набор методов исследования: компонентный, доминантный, количественный и контекстуальный анализ, структурно-семантическое описание с элементами классификации, толкования и сопоставления и др. С помощью метода сплошной выборки удалось собрать порядка 175 калмыцких загадок с ЦО. Загадки извлечены из лексикографических источников калмыцкого языка [2-7].

Теоретическую основу исследования составили фундаментальные работы отечественных и зарубежных ученых. Речь идет прежде всего об известном труде американских исследователей Б. Берлина и П. Кея [8]. Выдвинутая ими теория базовых ЦО нашла много своих сторонников, в то же время появились и критические публикации. Тем не менее цветовая лексика и сегодня вызывает большой интерес у лингвистов. Существует немало исследований на материале разных языков мира. Колоративная лексика изучалась исследователями в различных аспектах (В.А. Москович, Р.В. Алимписева, Н.Б. Бахилина, А.П. Василевич, А. Вежбицкая, В.Г. Кульпина, Р.М. Фрумкина, Т.А. Михайлова, Т.И. Вендина и др.).

При всем разнообразии методов исследования данного пласта лексики колоративы нуждаются в системном подходе к их описанию. К тому же следует сказать об отсутствии общепринятого лингвистического термина для номинации лексем, обозначающих как сам цвет, так и все его оттенки.

На основе проведенного краткого обзора современного состояния лингвоколористики можно заключить, что на повестке дня остро стоит вопрос об унифицированной терминологии лингвистики цвета. В настоящей статье нами используются термины «цветообозначение», «цветолексема» и «колоратив». Между тем в работах разных авторов говорится о цветоименованиях, именах цвета, терминах цвета, колоронимах, колоризмах, хроматонимах, цветономинациях и др.

Среди трудов, посвященных лингвистическому изучению ЦО в калмыцком языке, следует отметить прежде всего работы Э.У. Омакаевой [9, 10]. Она пишет: «многогранная цветовая семантика и символика должны быть исследованы на основе изучения всей материальной и духовной культуры, включая буддизм, добуддийские верования, эпос, фольклор, астрологию, медицину и т.д.» [9, с. 85].

Целью данного исследования является выявление семантической специфики прилагательных-цветообозначений в калмыцких загадках. Следует отметить, что цветовой код загадки рассматривался отечественными лингвистами на материале русского, тувинского и других языков [11, 12].

Результаты и обсуждения

Тематическое многообразие загадок связано с кочевым образом жизни калмыков в прошлом, с практическим опытомномада, с его повседневным бытом и хозяйственной деятельностью, его знаниями о мире

Анализ лексической вербализации наивных представлений о мире в тексте загадок позволяет познакомиться с закодированными в них реалиями и явлениями материальной и духовной культуры калмыков.

Чтобы отгадать «искomое» слово, обозначающее закодированный объект действительности (энигмат), необходимо сосредоточиться на образном компоненте загадки. Образ обычно строится на основе выделения характерной черты требующего своей идентификации объекта.

В калмыцком языке содержится немалое количество загадок, содержащих в образной описательной части цветолексемы.

1. Наиболее частотным ЦО является *хар/черный*. Данная лексема встречается прежде всего в загадках, описывающих предметы и продукты кочевой материальной культуры и народного быта (*котел, кибитка, верхний круг и жерди кибитки, ружье, спички, арака, кисточка*), а также субстанции (вода) и животных:

Кə хар үүлд көвкр цасн мелмлзнэ (уснд бээх һалун) ‘В черной, как сажа, туче блестит рыхлый снег’ (гусь на воде). Здесь образ черной тучи символизирует воду.

Хар һолын экнд харада шовун өндглж, хамг амтн эс медсиг эрвэкэ делдң медж (эрк, амсур) ‘У истока черной реки ласточка снесла яйца, то, что не знали все люди, узнала вислоухая бабочка’ (*арака и кисточка*). В отгадке фигурирует калмыцкое название молочной водки *эрк (арака)*.

Что касается функционирования в тексте загадки самой цветолексемы, то она часто встречается вместе с номинациями домашних животных:

Хар үкр деегшэн хэлэж, хамг амтн терүг хэлэж (хээстэ хот) ‘Черная корова посмотрела вверх, все люди посмотрели на нее’ (*котел с кушаньем*). Здесь образ черной коровы символизирует котел с едой.

Зун хар яман зууһач хар тектэ (харач, унь) ‘У ста черных коз один кусачий черный козел’ (верх-

ний круг-харачи и жерди-унины юрты-кибитки). Здесь образ черного козла символизирует верхний круг кибитки, а 100 черных коз – другую деталь традиционного жилища калмыков, а именно – жерди.

Хар мөриг хазарлжэ эс болжэ (усн) ‘Вороную лошадь не получилось взнуздать’ (вода). Здесь конь вороной масти ассоциируется с водой.

В лингвоцветовой картине мира калмыков черный цвет также символизирует оптическое явление. Это нашло отражение в загадке о тени человека: *Хар некэ халжэ болиго* (сүүдр) ‘Черную овчину нельзя проколоть’ (тень).

Лексема *хар* встречается в загадках и в рамках цветовой оппозиции «черное/белое»: *Хашань цаһан, хөнх хар* (цаасн бичг хойр) ‘Ограда белая, овца черная’ (бумага и письмо).

2. ЦО *цаһан*/белый активно употребляется в калмыцких загадках о небесных объектах, природных явлениях, животных и растениях, продуктах питания, артефактах, органах человека. Например:

Һууд һучн хойр цаһан өргэ (шүдн) ‘В ложбине тридцать два белых дворца’ (зубы). Зуб ассоциируется с белым дворцом.

Цаһан үкр цаасн немнэтэ (үстэ өрм) ‘Белая корова имеет бумажную попону’ (сливки). Здесь образ белой коровы кодирует молоко.

Усна көвәһәр цаһан кермд зогсжэ (усна көөсн) ‘У берегов пришвартовались белые пароходы’ (водяная пена). Белые пароходы ассоциируются с пеной воды.

Цаһан буурл өвгн сө өдр хойр халэдг нүдтэ (сар, нарн, теңгр) ‘У седоволосого старика глаза, которые способны видеть и днем, и ночью’ (луна, солнце, небо). Здесь белый цвет несколько неожиданно символизирует небо.

Хотн дунд хо цаһан күүкн сууна (беш) ‘В середине хотона сидит белолицая девушка’ (печь). Поселение (хотон) символизирует жилище, а белолицая девушка – печку.

Һуря цаһан ноха һучн эрг давжэ (нуһрсн) ‘Топчая белая собака преодолела 30 отрогов’ (спинной мозг). С помощью образа белой собаки описывается важнейший орган центральной нервной системы человека, в котором выделяют 31 сегмент (8 шейных, 12 грудных, 5 поясничных, 5 крестцовых и 1 копчиковый), кодируемый как «30 отрогов» (һучн эрг).

Даңхн цаһан ажрһ далн долан тохмта (хусм) ‘На белого костистого жеребца накинута 77 подседельников’ (береза). Здесь березу символизирует образ черного жеребца.

Кроме того, в калмыцкой фитогадке данное ЦО используется совместно с другим колоративом:

Цаһан така ноһан сүүлтэ (жаһамл) ‘У белой курицы зеленый хвост’ (дикий лук).

3. В калмыцкой культуре желтый цвет – один из самых культурно значимых. В калмыцких загадках ЦО *шар* используется для обозначения предметов быта, природных явлений, человека, животных и продуктов питания:

Шарлжн дотр шар алтн (арат) ‘Среди полыни желтое золото’ (лиса). Образ желтого золота символизирует лисицу.

Далһа шар эмгн далн давхр хувцта (мәңгрсн) ‘У широколицей, светлолицей старухи семидесятислойная одежда’ (луковица). Ср. русск. *Семь одежек и все без застежек*. В калмыцкой загадке представлен образ светлолицей старухи в многослойной одежде.

Тавн залу һарн гихлә, тарһн шар күүкн үүд өргжэ (темәнэ хорһсн, сүл) ‘Как только пятеро мужчин собрались выйти, полная светлолицая девушка открыла дверь’ (верблюжий помет и хвост).

Данное ЦО может использоваться с другим колоративом:

Зун шар, зурһан хар (арат) ‘Сто желтых, шесть черных’ (лиса). Доминантный окрас лисиц рыжий, но у них присутствует и черный цвет (черные ушки, лапки). У монголов есть абсолютно идентичная загадка: *Зуун шар. Зургаан хар* (үнэг). Различаются только сами номинации лисы.

4. Что касается красного цвета, то он ассоциируется с органами человека, предметами быта, ягодами, деталями головного убора [13]:

Бийнь өңгәрн торһнла эдл улан, амтарн шикрлә эдл әмтәхн (зедһн) ‘Снаружи по цвету красная, как шелк, по вкусу сладкая, как сахар’ (клубника).

Уулас улан утцн унжжэ (темәнэ бурнтг) ‘С горы свалилась красная нитка’ (верблюжий повод).

Улан туһлыг долав-долав эс хагсжэ (келн) ‘Лизал-лизал красного теленка – не высох’ (язык). Здесь язык ассоциируется с красным теленком.

Образ красного теленка зафиксирован нами и в другой загадке, но здесь он символизирует такую деталь мужского головного убора калмыков, как красная кисточка:

Уул deer улан туһл уйата (махлан зала) ‘На горе привязан красный теленок’ (кисточка на шапке).

5. Синий цвет часто встречается с другими ЦО:

Көк торһн көжлтә, **шар** торһн ширдгтә (тенгр һазр хойр) ‘С одеялом из синего шелка и ширдыком из желтого шелка’ (небо и земля). Здесь небо маркировано синим цветом, а земля – желтым.

Көдәһин көк бор иңхәхлә, йиртмәжин йирн йисн гүн дегц уһлжә ‘Как только заржал степной сивый Серко, одновременно родили жеребят 99 кобылиц Вселенной’ (гром и дождь). Здесь конь сиво-серой масти ассоциируется с громом.

6. Серый цвет встречается в загадках об абстрактных понятиях, предметах быта, природных явлениях:

Бор туулаг мөрн эс күцжә (ухан) ‘Конь не может догнать серого зайца’ (ум).

Бор дааһиғ боса бәәтһль цуцжә (гер цуцх) ‘Разбирали стоячего серого годовика’ (разбирать юр-

ту).

Бор дааһн бортатлан тарһлжә (иигтә утцн) ‘Серый годовик хорошо поправился’ (веретено с пряжей).

7. Цветообозначение **күрң** ‘коричневый’ мы встретили в загадках, описывающих насекомых:

Күүкдин ундг күрң жора (шорһлжн) ‘Бурый иноходец, на котором ездят дети’ (муравей).

Проведенный статистический анализ калмыцких загадок показал, что ЦО имеют разную количественную представленность: **цаһан** (белый) – 23, **хар** (черный) – 43, **бор** (серый) – 7, **көк** (синий) – 27, **шар** (желтый) – 16, **улан** (красный) – 29, **күрң** (коричневый) – 2 и т.д. Результаты выборки представлены в таблице частотности наименований цвета в калмыцких загадках (рис. 1).

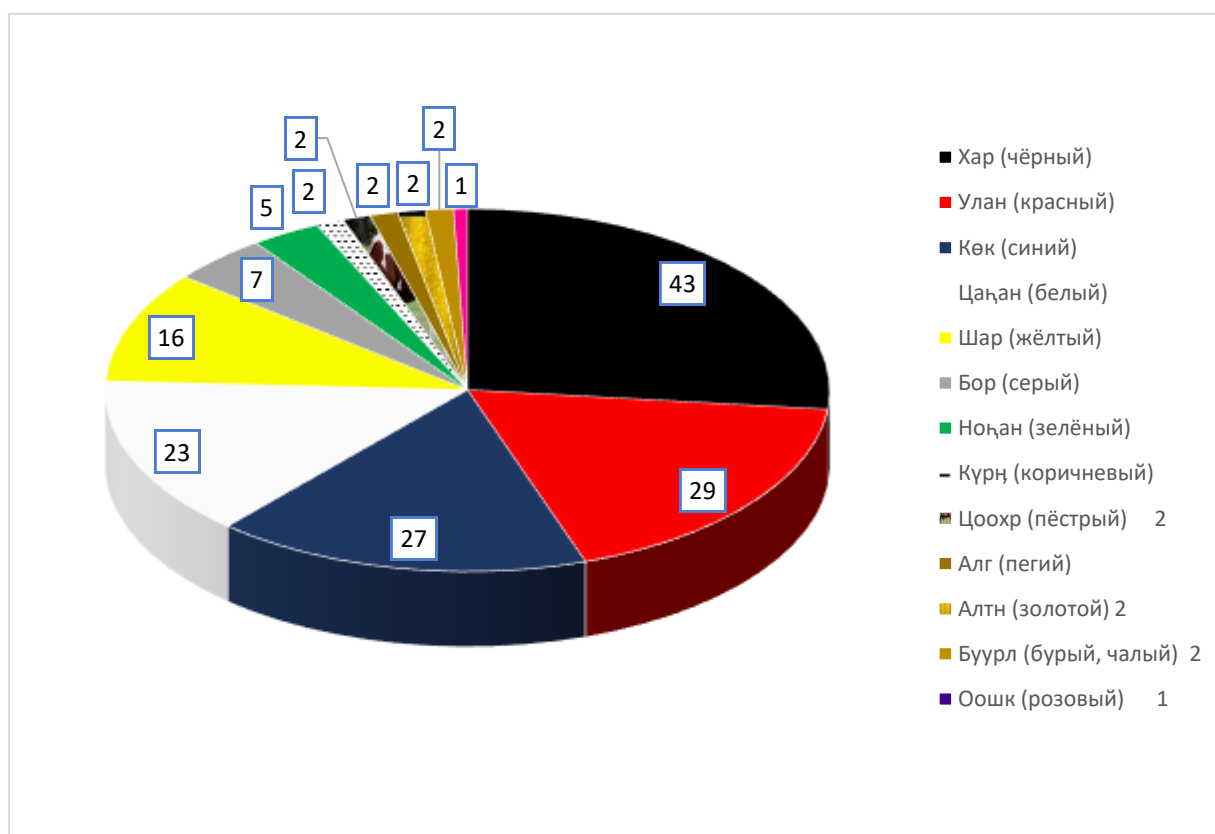

Рис. 1. Доминантные цветообозначения.

Fig. 1. Dominant color designations.

Как видно из таблицы, в количественном отношении наибольшей частотностью отличается лексема **хар**. Квантитативный анализ цветолексем, актуализированных в загадках, показал, что ЦО можно рассматривать как своеобразный ключ к пониманию текста загадки.

Выводы

Таким образом, в результате выявления ЦО, представленных в калмыцких загадках для описания различных объектов живой и неживой природы, самыми высокочастотными являются черный, белый и красный.

Кроме того, часто встречаются наименования синего, желтого, серого и зеленого цвета. Адъективные колоративы в текстах калмыцких загадок имеют как прямое значение, указывая на сам цвет, так и создают интересные образы с помощью таких средств, как метафора и сравнение.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в сравнительно-сопоставительном анализе частотности ЦО в различных жанрах монголоязычных фольклорных текстов.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10061, <https://rscf.ru/project/23-28-10061/>

Список источников

1. Топоров В.Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. М.: Индрик, 1994. С. 10 – 117.
2. Калмыцкие пословицы и загадки / Сост. Б.Д. Букшаев, И.М. Мацаков; Вступ. ст. И. Мацакова. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 253 с.
3. Калмыцкие народные загадки / Сост., авт. вступ. ст. Н.Ц. Биткеев; Худож. К. Куберлинова. Элиста: АПП "Джангар", 1993.
4. Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б.Д. Муниева. М.: Изд-во «Русский язык», 1977. 768 с.
5. Котвич В.Л. Калмыцкие загадки и пословицы / Калм. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории при Совете Министров Калм. АССР. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1972. 91 с.
6. Краткий русско-калмыцкий словарь «Угин эрк» / Жижян Эрдэнибаяр. Элиста: Б. и., 1995. 191 с.
7. Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001.
8. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley: University of California Press, 1969. 210 p.
9. Омакаева Э.У. Колоративный образ этнической культуры: лингвоцветовая картина мира и базовая хроматическая лексика в монгольских языках: к постановке проблемы // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: материалы международной научной конференции, Элиста, 13-18 сентября 2009. Ч. 2. Элиста: Джангар, 2009. С. 269 – 276.
10. Омакаева Э. У. Цветовой код калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Социальные трансформации. 2019. № 30. С. 146 – 153.
11. Доброва С.И., Тюрина А.Е. Система номинаций, репрезентирующих признаковый мир в русской народной загадке // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Сборник научных статей. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2023. С. 363 – 379.
12. Бочина Т.Г. Числовой и цветовой код как компонент тувинских загадок о человеке // Новые исследования Тувы. 2023, № 3. С. 6 – 20.
13. Ургадулова А.И., Омакаева Э.У. Представления о красном цвете в калмыцкой и русской лингвокультурах: семантика и сочетаемость колоратива улан/красный // Nomadic civilization : historical research. 2024. Т. 1. № 4. С. 72 – 85. URL: <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2024-4-1-72-85> (дата обращения: 25.08.2024)

References

1. Toporov V.N. From observations on a riddle. Research in the field of the Baltic-Slavic spiritual culture. Riddle as a text. Moscow: Indrik, 1994. P. 10 – 117.
2. Kalmyk proverbs and riddles. Comp. B.D. Bukshaev, I.M. Matsakov; Introduction by I. Matsakov. 2nd ed. Elista: Kalm. book publishing house, 1982. 253 p.
3. Kalmyk folk riddles. Comp., author of the introduction N.Ts. Bitkeev; Art. K. Kuberlinova. Elista: APP "Dzhangar", 1993.
4. Kalmyk-Russian dictionary. Ed. B.D. Muniev. M.: Russkiy Yazyk Publishing House, 1977. 768 p.
5. Kotvich V.L. Kalmyk Riddles and Proverbs. Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History under the Council of Ministers of the Kalmyk ASSR. Elista: Kalmyk Book Publishing House, 1972. 91 p.
6. Brief Russian-Kalmyk Dictionary "Ugin Erk". Zhizhyan Erdenibayar. Elista: B. I., 1995. 191 p.
7. Todayeva B.Kh. Dictionary of the Oirat Language of Xinjiang. Elista: Kalmyk Book Publishing House, 2001.

8. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley: University of California Press, 1969. 210 p.
9. Oмакаева Е.У. Color image of ethnic culture: linguacolor picture of the world and basic chromatic vocabulary in the Mongolian languages: towards the formulation of the problem. United Kalmykia in a united Russia: through centuries into the future: materials of the international scientific conference, Elista, September 13-18, 2009. Part 2. Elista: Dzhangar, 2009. P. 269 – 276.
10. Oмакаева Е.У. Color code of the Kalmyk heroic epic "Dzhangar". Social transformations. 2019. No. 30. P. 146 – 153.
11. Dobrova S.I., Tyurina A.E. The system of nominations representing the feature world in the Russian folk riddle. Problems of studying the living Russian word at the turn of the millennium: Collection of scientific articles. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 2023. P. 363 – 379.
12. Bochina T.G. Numerical and color code as a component of Tuvan riddles about a person. New studies of Tuva. 2023, No. 3. P. 6 – 20.
13. Urgadulova A.I., Oмакаева Е.У. Ideas about the color red in the Kalmyk and Russian linguocultures: semantics and compatibility of the color ulan/red. Nomadic civilization : historical research. 2024. Vol. 1. No. 4. P. 72 – 85. URL: <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2024-4-1-72-85> (accessed: 25.08.2024)

Информация об авторах

Омакаева Э.У., кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, 358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11, elomakaeva@mail.ru

Ургадулова А.И., педагог допобразования, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, 358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11, urgadulova.aisha@yandex.ru

Боваева Г.М., кандидат филологических наук, доцент, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, 358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11, gaelista@yandex.ru

Бураева Т.В., кандидат филологических наук, доцент, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, 358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11, tatyana_buraeva@mail.ru

Крылов С.А., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки, Институт востоковедения Российской академии наук, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12, krylov-58@mail.ru

Корнеев Г.Б., эксперт БУ РК «Центр развития калмыцкого языка», 358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, проспект Чонкушова, 6, корп. 4, ceserlig88@mail.ru

© Омакаева Э.У., Ургадулова А.И., Боваева Г.М., Бураева Т.В., Крылов С.А., Корнеев Г.Б., 2025

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 373.24

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-220-225

Особенности формирования навыков саморегуляции у детей в период дошкольного возраста

¹ Гордеева В.В., ¹ Бирина Е.Р.

¹ Пензенский государственный университет

Аннотация: в статье рассматриваются особенности формирования навыков саморегуляции у детей дошкольного возраста. Дается описание понятию «саморегуляция», ее специфики и условий формирования в период дошкольного детства, а также влияния на дальнейшее обучение, социализацию и адаптацию в обществе. Описываются ключевые аспекты в развитии саморегуляции, такие, как контроль эмоций, поведения, действий у детей дошкольного возраста. Кроме того, авторы приводят характеристику основных особенностей и направлений работы по становлению навыков саморегуляции в дошкольном возрасте, к которым относятся: развитие произвольности, волевой сферы, эмоционального интеллекта, эмпатии, гибкости мышления, творческих способностей, формирование самооценки, толерантности, ответственности, устойчивости к стрессу, обучение планированию и прогнозированию, техникам релаксации, управлению временем, рефлексии, сотрудничеству и критичности мышления. В работе предлагаются соответствующие средства развития навыков саморегуляции у дошкольников, которые включают в себя учет индивидуальных особенностей, личный пример взрослых, использование игровой деятельности, а также поддержку и разговоры со стороны взрослых. Также в исследовании представлены условия, соблюдение которых будет способствовать эффективному формированию навыков саморегуляции у дошкольников.

Ключевые слова: дошкольный возраст, саморегуляция, навыки, поведение, деятельность, эмоции

Для цитирования: Гордеева В.В., Бирина Е.Р. Особенности формирования навыков саморегуляции у детей в период дошкольного возраста // Современный ученый. 2025. № 1. С. 220 – 225. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-220-225

Поступила в редакцию: 10 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 11 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Features of the formation of self-regulation skills in children during preschool age

¹ Gordeeva V.V., ¹ Birina E.R.

¹ Penza State University

Abstract: the article discusses the features of the formation of self-regulation skills in preschool children. The article describes the concept of "self-regulation", its specifics and conditions of formation during preschool childhood, as well as its impact on further education, socialization and adaptation in society. The key aspects in the develop-

ment of self-regulation, such as the control of emotions, behavior, and actions in preschool children, are described. In addition, the authors describe the main features and areas of work on the formation of self-regulation skills in preschool age, which include: the development of arbitrariness, volitional sphere, emotional intelligence, empathy, flexibility of thinking, creative abilities, formation of self-esteem, tolerance, responsibility, resistance to stress, training in planning and forecasting, relaxation techniques, management time, reflection, cooperation and critical thinking. The paper suggests appropriate means of developing self-regulation skills in preschoolers, which include taking into account individual characteristics, personal example of adults, the use of play activities, as well as support and conversations from adults. The study also presents conditions, compliance with which will contribute to the effective formation of self-regulation skills in preschoolers.

Keywords: preschool age, self-regulation, skills, behavior, activity, emotions

For citation: Gordeeva V.V., Birina E.R. Features of the formation of self-regulation skills in children during preschool age. Modern Scientist. 2025. 1. P. 220 – 225. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-220-225

The article was submitted: September 10, 2024; Approved after reviewing: November 11, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

В современном обществе, где дети сталкиваются с множеством различных стимулов и воздействий, особенно важно уделить внимание формированию навыков саморегуляции. Саморегуляция применительно к детям – это способность ребёнка контролировать свои эмоции, поведение и действия, является основой для успешной социализации и адаптации в обществе [10]. В дошкольном возрасте закладываются основы для дальнейшего развития этих навыков, поэтому изучение особенностей их формирования является актуальной задачей для педагогов и психологов.

Материалы и методы исследований

В рамках исследования были изучены научные источники, посвящённые вопросам формирования навыков саморегуляции у детей в период дошкольного детства. Для более глубокого понимания специфики формирования навыков саморегуляции в дошкольном возрасте и характеристики деятельности взрослых, направленной на их становление и развитие у дошкольников, был проведён обзор литературных источников по данной тематике.

Результаты анализа и систематизации научно-методических материалов позволили выявить закономерности и тенденции формирования навыков саморегуляции у детей в период дошкольного возраста, а также их влияние на различные стороны развития ребенка этой возрастной группы.

Результаты и обсуждения

Саморегуляция – это процесс управления человеком собственными психологическими и физиологическими состояниями, а также поступками [3].

В дошкольном возрасте, а конкретнее – в возрасте от трех до шести лет, начинает формироваться префронтальная кора, которая связана с

регуляторными функциями. В лобных долях мозга формируются способности к саморегуляции [1].

Именно поэтому педагоги ДОО в этот возрастной период особое внимание уделяют развитию саморегуляции у детей, так как в дальнейшем, при обучении в школе, дети должны уметь самостоятельно контролировать себя, свои эмоции и поведение [2]. К поступлению в школу у детей должны быть развиты следующие виды саморегуляции: двигательная, учебная, личностная.

Каждый взрослый понимает, насколько тяжело бывает управлять своими чувствами, эмоциями, а порой – и действиями. Даже эмоционально сильный человек совершает какие-либо действия и лишь потом начинает их осмысливать, понимать, что он мог бы поступить иначе. Именно поэтому ребенку изначально нужно научиться осознавать свои эмоции, и лишь потом он сможет научиться управлять ими.

В. Штерн и К. Бюлер выявили три основных свойства эмоционального процесса:

- 1) реакция организма;
- 2) непродолжительное время реакции;
- 3) эмоциональная неоднозначность [7].

Поведение детей дошкольного возраста по мере их роста становится произвольным, малыш учится ставить перед собой цель, через какое-то время ребенок начинает осмысливать ее, эмоционально воспринимать, цель приобретает для него смысл и дошкольник начинает понемногу осмысливать свое действие.

По данным исследований, волевые действия начинают формироваться уже в дошкольном возрасте следующим образом:

- у дошкольников формируются навыки языковой регуляции;
- начиная с четырех лет, малыши учатся

управлять своим поведением;

– после трех лет проблемное поведение окружающих становится более заметным для детей.

Самооценка формируется уже в дошкольном возрасте, а ее роль в контроле поведения постоянно возрастает. Все эти изменения являются предпосылками и создают условия для развития основ волевого самоконтроля. К концу дошкольного возраста у детей развиваются различные виды самоконтроля: двигательный, учебный и личностный.

Таким образом, к особенностям и, соответственно, направлениям работы по формированию способностей к саморегуляции у детей дошкольного возраста относятся следующие:

– развитие произвольности: дошкольник учится контролировать своё поведение и эмоции, выполнять задания и следовать инструкциям;

– формирование самооценки: ребёнок начинает оценивать свои успехи и неудачи, что способствует развитию саморегуляции;

– развитие волевой сферы: дошкольник учится преодолевать трудности и препятствия, что помогает ему в саморегуляции;

– обучение планированию и прогнозированию: ребёнок учится предвидеть результаты своих действий;

– развитие эмоционального интеллекта: дошкольник учится распознавать и контролировать свои эмоции, а также понимать чувства других людей, что важно для саморегуляции;

– обучение техникам релаксации и снижения стресса: ребёнок осваивает способы расслабления и успокоения, что помогает ему справляться с негативными эмоциями и стрессовыми ситуациями;

– формирование ответственности: дошкольник учится принимать на себя ответственность за свои поступки и их последствия, что способствует развитию саморегуляции;

– развитие эмпатии: ребёнок учится понимать чувства других людей и сопереживать им, что помогает ему лучше адаптироваться к различным ситуациям и регулировать своё поведение;

– обучение управлению временем: дошкольник учится планировать своё время, распределять задачи и приоритеты, что помогает ему эффективно использовать ресурсы и достигать поставленных целей;

– развитие гибкости мышления: ребёнок учится адаптироваться к изменениям, рассматривать

разные точки зрения и находить нестандартные решения проблем, что способствует гибкости его мышления и саморегуляции;

– обучение рефлексии: дошкольник учится анализировать свои действия, оценивать результаты и делать выводы, что помогает ему корректировать своё поведение и развиваться дальше;

– формирование толерантности: ребёнок учится уважать различия между людьми, принимать другие культуры и точки зрения, что способствует развитию терпимости и саморегуляции;

– развитие творческих способностей: дошкольник учится выражать свои мысли и чувства через творчество, что помогает ему лучше понимать свои эмоции и управлять ими;

– обучение сотрудничеству: ребёнок учится работать в команде, договариваться, сотрудничать и разрешать конфликты, что важно для успешного взаимодействия с окружающими и развития навыков саморегуляции;

– развитие самостоятельности: дошкольник учится принимать решения, действовать независимо и нести ответственность за свои поступки, что способствует формированию навыков саморегуляции;

– обучение критическому мышлению: ребёнок учится анализировать информацию, оценивать аргументы и делать обоснованные выводы, что помогает ему принимать правильные решения и контролировать свои действия;

– формирование устойчивости к стрессу: дошкольник учится справляться со стрессовыми ситуациями, используя различные стратегии, такие как релаксация, позитивное мышление и поиск поддержки у окружающих, что помогает ему сохранять эмоциональное равновесие и контролировать своё поведение.

В современном мире существует несколько факторов, которые оказывают существенное влияние на процесс саморегуляции дошкольников: генетика, воспитание, окружающие ребенка в образовательном пространстве люди и предметы, социальное взаимодействие [6].

Не стоит забывать, что если даже взрослым трудно контролировать себя, то детям гораздо сложнее справиться с этой задачей, поэтому взрослые должны поддерживать и с пониманием относиться к малышу и его действиям [8].

Стоит отметить, что для воспитания саморегуляции подходят разные виды деятельности дошкольников. Игра – самый популярный вид дея-

тельности для ребенка дошкольного возраста, благодаря которой малыш учится контролировать свое поведение и деятельность. Разнообразные игры, включая игры-драматизации, подвижные и образные, помогают детям учиться контролировать импульсивное поведение, следовать правилам, ставить цели и планировать свои действия. Во время игр педагог незаметно для самого ребенка создает между ним и малышом доверительные отношения и может оказывать влияние на саморегуляцию ребенка.

Разговоры о том, как выражать эмоции и справляться со стрессовыми ситуациями, поддержка и похвала усилий ребенка также способствуют развитию здоровых стратегий саморегуляции.

Мы можем сколько угодно прививать ребенку правила поведения и те качества, которыми хотим, чтобы он обладал, но самое эффективное средство воспитания – личный пример. Самое главное больше общаться с детьми, понимать их и их эмоциональное состояние.

Важную роль в развитии навыков саморегуляции играет общение с взрослыми и сверстниками. Взрослые могут моделировать поведение, подавать пример саморегуляции и обучать детей соответствующим навыкам. Общение со сверстниками помогает детям научиться договариваться, сотрудничать и разрешать конфликты, что также помогает развивать навыки саморегуляции.

Одним из важных факторов в процессе формирования саморегуляции является взаимодействие малыша с окружающими людьми и факт того, придерживается ли он в общении с ними определенных норм. В группах детского сада существуют специальные ритуалы, которые помогают ребенку понять и соблюдать элементарные правила поведения в обществе.

Такими ритуалами могут являться особое приветствие или прощание, принятое в группе, например, приветственный танец. Также, хорошим ритуалом будет являться определенная подготовка к занятиям, например, угадывание темы занятия по картинкам.

Также полезным будет засекать время по песочным часам при выполнении заданий, сборе на прогулку [5].

Умение сравнивать свою работу с образцом и делать выводы (то есть замечать ошибки и проверять правильность выполнения работы) также является важным компонентом саморегуляции, и этому тоже дошкольников необходимо учить.

В процессе обучения детей дошкольного воз-

раста навыкам саморегуляции необходимо учитывать индивидуальные особенности каждого ребенка. Это позволит создать оптимальные условия для развития и социальной адаптации ребенка.

Перечислим условия, соблюдение которых взрослыми (педагогами и родителями) даст возможность помочь детям развить навыки саморегуляции.

1. Создание структурированной среды: организация дня ребенка с помощью определенного расписания и регулярных ритуалов поможет ему стать более уверенным и предсказуемым.

2. Развитие навыков саморегуляции с помощью игр и физической активности: организация игр, заданий и упражнений, требующих от детей концентрации внимания, планирования и управления своими эмоциями.

3. Визуализация и моделирование: использование визуализации, например, картинок или историй с положительными примерами, может помочь детям представить, как они могут контролировать свои эмоции и поведение.

4. Обсуждение и поддержка. Родители и педагоги играют важную роль в развитии у детей навыков саморегуляции. Существует связь между детско-родительским эмоциональным взаимодействием и уровнем развития саморегуляции ребенка, а также типом субъектной саморегуляции дошкольников [4, 9].

Саморегуляция является главной составляющей любого занятия взрослого человека, если мы перестаем себя контролировать, то это может закончиться тем, что любая деятельность может пойти не по плану из-за вырвавшихся наружу эмоций. Контролируя свои эмоции, люди могут контролировать свое поведение. Успех воспитания в детском саду и обучения в школе зависит в первую очередь от способности к саморегуляции ребенком своего поведения и эмоциональной сферы. Развитие навыков саморегуляции начинается уже в дошкольном возрасте и происходит наиболее естественно и эффективно в разнообразных видах деятельности детей.

Выводы

В заключение следует отметить, что развитие навыков саморегуляции у детей дошкольного возраста является важным аспектом их психологического и эмоционального благополучия. Создание структурированной среды, игры и упражнения, визуализация, моделирование, беседы с взрослыми, их примеры и поддержка способствуют развитию у детей навыков саморегуляции. Развитие навыков саморегуляции у детей дошкольного возраста является важным фактором их успешной социальной адаптации и успехов в учебе в дальнейшем.

Список источников

1. Большакова Н.В. Особенности формирования эмоциональной саморегуляции старших дошкольников посредством использования нейропсихологических упражнений // Трибуна ученого. 2021. № 1. С. 657 – 663.
2. Гуськова О.А., Лопаткина В.В., Рунова В.Д. Использование разных видов деятельности в становлении саморегуляции у дошкольников собственных действий // Вестник научных конференций. 2016. № 12-4 (16). С. 54 – 57.
3. Денисова А.А., Похожаева Ю.А. Формирование саморегуляции старших дошкольников как условие адаптации к школе // Герценовские чтения. Начальное образование. 2020. Т. 11. № 1. С. 26 – 32.
4. Карабанова О.А. Позитивное родительство – путь к развитию // Педагогическое образование в России. 2015. № 11. С. 157 – 161.
5. Макаревич А.М. Ребенок в пространстве позитивного отцовства // Психологическая студия: сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова. Вып. 14. Витебск, 2021. С. 106 – 108.
6. Мызникова Т.С. Развитие саморегуляции произвольной деятельности у дошкольников // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2022. № 3. С. 77 – 82.
7. Репина Т.Н., Сеина С.А. Влияние типа родительских отношений на развитие эмоциональной саморегуляции дошкольников // Проблемы и перспективы дошкольного и начального образования: современный научный поиск: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 35-летию факультета. Курск, 2013. С. 303 – 304.
8. Рыбакова Ю.А. Эмпирическое исследование особенностей взаимосвязи точности восприятия и произвольной саморегуляции у младших дошкольников // МНСК-2020. Психология: материалы 58-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 2020. С. 19 – 20.
9. Садовникова Т.Ю. Компетентность родителей и развитие саморегуляции дошкольников // Психологическое благополучие современной семьи: материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. Ярославль, 2016. С. 133 – 137.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 1994. 907 с.

References

1. Bolshakova N.V. Features of the formation of emotional self-regulation of older preschoolers through the use of neuropsychological exercises. Tribune of the scientist. 2021. No. 1. P. 657 – 663.
2. Guskova O.A., Lopatkina V.V., Runova V.D. The use of different types of activities in the formation of self-regulation of their own actions in preschoolers. Bulletin of scientific conferences. 2016. No. 12-4 (16). P. 54 – 57.
3. Denisova A.A., Pokhozhaeva Yu.A. Formation of self-regulation of older preschoolers as a condition for adaptation to school. Herzen Readings. Primary education. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 26 – 32.
4. Karabanova O.A. Positive Parenting – the Path to Development. Pedagogical Education in Russia. 2015. No. 11. P. 157 – 161.
5. Makarevich AM Child in the Space of Positive Fatherhood. Psychological Studio: Collection of Scientific Articles by Students, Master's Students, and Postgraduates of the Department of Psychology at P.M. Masherov VSU. Issue 14. Vitebsk, 2021. P. 106 – 108.
6. Myznikova TS Development of Self-Regulation of Voluntary Activity in Preschoolers. Bulletin of the Voronezh Institute of Economics and Social Management. 2022. No. 3. P. 77 – 82.
7. Repina TN, Seina S.A. The influence of the type of parental relationships on the development of emotional self-regulation of preschoolers. Problems and prospects of preschool and primary education: modern scientific research: materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 35th anniversary of the faculty. Kursk, 2013. P. 303 – 304.
8. Rybakova Yu.A. Empirical study of the features of the relationship between the accuracy of perception and arbitrary self-regulation in younger preschoolers. MNSK-2020. Psychology: materials of the 58th International Scientific Student Conference. Novosibirsk, 2020. P. 19 – 20.

9. Sadovnikova T.Yu. Competence of parents and the development of self-regulation of preschoolers. Psychological well-being of the modern family: materials of the interregional scientific and practical conference with international participation. Yaroslavl, 2016. P. 133 – 137.

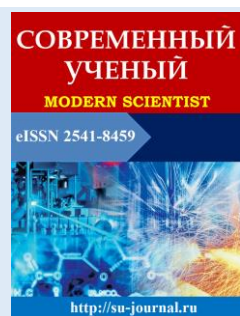
10. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 72,500 Words and 7,500 Phraseological Expressions. Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Language, Russian Cultural Foundation. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow, 1994. 907 p.

Информация об авторе

Гордеева В.В., кандидат педагогических наук, доцент, Пензенский государственный университет

Бирина Е.Р., Пензенский государственный университет

© Гордеева В.В., Бирин Е.Р., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 37.014.3

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-226-232

Педагогические составляющие проектов, направленных на популяризацию биоэтического образа жизни

¹ Кюрегина А.В.

¹ *Национальный исследовательский университет Московский энергетический институт*

Аннотация: противоречие, обуславливающее актуальность настоящего исследования, состоит в том, что, с одной стороны, мировые ученые указывают на необходимость пересмотра практик отношения к животным и на ключевую роль этого шага для решения глобальных проблем, с другой – информация о биоэтически грамотном образе жизни в отечественном образовании представлена в малой мере. Поэтому цель статьи заключается в анализе проектов, знакомящих российское общество, в том числе студентов, с разными аспектами трансформации образа жизни, минимизации жестокости, сохранения здоровья и охраны окружающей среды. Поставленная цель конкретизируется в задачах выявить образовательный и воспитательный потенциал мероприятий, проводящихся в рамках проектов. При выполнении исследования используются методы сравнения, наблюдения, индукции, дедукции. Установлено, что педагоги и студенты, благодаря проектам, получают информацию о вопросах, имеющих практическую значимость и требующих исследования, например, об опыте вегетарианского питания, о расширении ассортимента растительной продукции, о гуманизации естественно-научного образования, о социальной адаптации людей, чьи взгляды опережают время. Также они знакомятся с подходами к благотворительности и волонтерству, подразумевающими решение насущных проблем современности через пересмотр практик отношения к живой природе, с истоками формирования ценностей в обществе и их изменением. Привлекательный праздничный характер проектов, широкие возможности социальных сетей способствуют устранению информационного вакуума, касающегося биоэтической тематики, и, соответственно, постепенной ее интеграции в образование.

Ключевые слова: биоэтические ценности, биоэтическая тематика, трансформация образа жизни, минимизация жестокости, межнаучные данные о человеке, сбор эмпирических сведений, гуманизация общества, подходы к благотворительности

Для цитирования: Кюрегина А.В. Педагогические составляющие проектов, направленных на популяризацию биоэтического образа жизни // Современный ученый. 2025. № 1. С. 226 – 232. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-226-232

Поступила в редакцию: 10 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 11 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Pedagogic components of projects aimed at popularization of bioethical lifestyle

¹ Kyuregina A.V.

¹ National Research University Moscow Power Engineering Institute

Abstract: the contradiction explaining the actuality of the current research consists in the situation that on the one hand, international scientists emphasize the necessity of revising practices of animal treatment, this step playing a key role in solving global problems; on the other hand, information about bioethically consistent lifestyle is represented in Russian education to a small extent. That is why the objective of the article is to analyze projects that inform Russian society including students about different aspects of lifestyle transformation, cruelty minimization, preserving health and environmental protection. The objective is particularized in tasks to reveal the educational and upbringing potential of activities carried out within the projects. Methods of comparison, observation, induction, deduction are used in the process of the research. It has been found out that due to the projects educators and students get information about issues having practical significance and requiring research, for example, about experience of vegetarian nutrition, about expanding the assortment of plant-based products, about social adaptation of people whose views are ahead of time. Also they get to know approaches to charity and volunteering that imply solving crucial problems of nowadays through revising practices of handling living nature. Attractive festive character of the projects, broad possibilities of social networks contribute to eliminating the information vacuum connected with bioethical themes and therefore, to their gradual introduction into the educational process.

Keywords: bioethical values, bioethical themes, lifestyle transformation, cruelty minimization, interscientific data about human, collection of empirical data, humanization of society, approaches to charity

For citation: Kyuregina A.V. Pedagogic components of projects aimed at popularization of bioethical lifestyle. Modern Scientist. 2025. 1. P. 226 – 232. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-226-232

The article was submitted: September 10, 2024; Approved after reviewing: November 11, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

В настоящее время ведущие ученые утверждают, что для решения глобальных проблем человечества требуется пересмотр практик, связанных с обращением с животными. Например, в исследовании, опубликованном в ноябре 2020 года в журнале *Science*, указывается, что даже при полном устранении выбросов от сжигания ископаемых топлив, но сохранении современных систем сельского хозяйства и производства пищи возможности выполнить цель, поставленную Парижским соглашением, и ограничить глобальное потепление до 1,5 и даже 2 градусов не будет [16]. В мае 2020 года, в разгар пандемии COVID-19, 300 ведущих врачей Великобритании призвали широкие массы перейти на растительное питание, чтобы предотвратить распространение зоонозных заболеваний [17]. В январе 2023 года журнал *Lancet* предложил подход единого здоровья. Его суть состоит в избрании стратегии, ориентированной одновременно на благополучие людей, животных и охрану окружающей среды, при этом одним из главных ее условий является веганское питание [18].

Между тем, в современном российском образовании вопросам взаимодействия человека и животного мира уделяется лишь незначительное внимание. Более того, их рассмотрение чаще всего сводится к проблеме животных-компаньонов, то есть, наименьшей по масштабу сфере, связанной с биоэтической тематикой. В этой связи внимания заслуживают просветительские мероприятия, призванные познакомить российское общество с возможностями сохранения здоровья, минимизации жестокости к животным и охраны окружающей среды. Особое место среди них занимают проекты «Вегмарт», «Вег-лайф-экспо» и другие, представляющие собой пространства для практического знакомства с разными аспектами этичного образа жизни.

Цель настоящей работы – провести связь между обозначенными проектами на тему трансформации образа жизни и педагогикой.

Его задачи – определить образовательный и воспитательный потенциал таких мероприятий.

Материалы и методы исследований

Основой для выполнения настоящего исследо-

вания служит фото- и видеоархив проектов и база данных Центра защиты прав животных «Вита». Используются такие методы как сравнение, наблюдение, индукция, дедукция.

Результаты и обсуждения

Проекты «Вегмарт», «Вег-лайф-экспо», «Вегфест» проводятся на различных площадках в городах России, начиная с 2015 года. Поскольку основным аспектом этих мероприятий является знакомство посетителей с инновационными растительными продуктами, они представляют интерес для студентов, получающих образование в области пищевой промышленности, сельского хозяйства, экологии. Ценность данных проектов для будущих специалистов в этих сферах состоит в том, что, во-первых, там представлена продукция из растений, произрастающих в разных регионах России, но традиционно не используемых в пищу; во-вторых, демонстрируются расширенные возможности обработки и использования распространенных и применяемых в пищу растений. Это позволяет сократить углеродный след и дает стимул для развития отечественной экономики.

Кроме того, в ходе проектов демонстрируется техника для обработки растительной продукции и сохранения полезных свойств [15]. То есть, можно говорить, что эти мероприятия представляют интерес для студентов, получающих не только технологическое, но и биологическое, а также техническое образование.

Одновременно ценный материал для исследований получают будущие экономисты и маркетологи: ключевым условием для распространения представленных там инновационных продуктов служит их продвижение в магазинах шаговой доступности. Соответственно, его особенности, имеющийся положительный и отрицательный опыт являют собой объект для изучения студентами соответствующих направлений подготовки.

Не меньшую важность такого рода мероприятия, включающие в себя знакомство с современными межнаучными данными о человеке, представляют для студентов – будущих медиков. Мы неоднократно сталкивались с ситуацией, что многим специалистам, воспитанным в традиционной антропоцентрической парадигме и имеющим большой стаж работы, оказывается психологически тяжело согласиться с необходимостью пересмотра устоявшейся картины мира и, соответственно, с положительным опытом тех, кто долгие годы придерживается безбойного питания. Именно этот фактор оказывается серьезным препятствием к интеграции биоэтических ценностей в

образование и науку и принятие их широкими массами: не получая должной поддержки у медиков, граждане считают невозможным отказаться от жестокости в самой крупной сфере – сельском хозяйстве. К тому же, на фоне уверенности в том, что пути трансформации образа жизни в области питания отсутствуют, они зачастую склонны оправдывать менее крупные, чем животноводство, сферы эксплуатации животных, подчеркивая их незначительность по сравнению с ним. Безусловно, одним из способов изменения такого положения дел является приход в медицинскую науку и практику профессионалов, которые уже в период своего становления знакомятся с медицинскими аспектами вегетарианского и веганского питания, с научными исследованиями в этой сфере и, соответственно, оказываются готовы к восприятию его как легко реализуемой практики, проявляют интерес к дальнейшему исследованию и систематизации полученных ими данных. К важным аспектам мероприятий, таких как «Вегмарт», относится то, что на них выступающие сообщают ряд ценных эмпирических данных, касающихся их личного опыта, и, таким образом, студенты медицинских вузов и молодые ученые получают материал для будущих исследований.

Невзирая на то, что мероприятия концентрируются вокруг темы реформы питания, в их рамках также рассматривались другие аспекты использования животных человеком. Так, на них были представлены книги, раскрывающие неоднозначную роль экспериментов на животных в развитии медицинской науки и практики и подчеркивающие необходимость разработки современных методов исследования, в которых животные не используются [10, 11, 12]. А в выступлениях затрагивалась тема вузов, которые как из практических, так из этических соображений отказались от экспериментирования на животных и заменили их клинической практикой, компьютерными программами и другими современными средствами обучения [9]. Важность рассмотрения данных вопросов связана с тем, что таким образом подростки получают возможность узнать о перспективах и преимуществах естественно-научного образования без причинения вреда животным, о путях построения научной карьеры в соответствии с биоэтическими принципами. Как показывают наблюдения, эта информация транслируется в ходе профориентационных мероприятий крайне редко и преимущественно по инициативе отдельных заинтересованных педагогов, поэтому зачастую старшеклассники с наиболее развитой эмпатией, не желая причи-

нять вред подопытным животным, отказываются от получения медицинского, ветеринарного, биологического образования, либо же подавляют в себе сострадание и участвуют в жестоких опытах, не зная о наличии гуманных альтернатив и уже имеющихся возможностей избежать таких действий. При этом представленность данной темы на просветительских мероприятиях в некоторой мере восполняет обозначенный пробел, особенно ввиду того, что особой популярностью они пользуются среди молодежи, интересующейся биоэтической тематикой.

Кроме того, внимание уделяется вопросам выбора одежды. При этом рассматривались как биоэтические, так и экологические аспекты этой проблемы [14]. Безусловно, освещение данной темы представляет интерес для студентов, получающих образование в сфере легкой промышленности.

Общеизвестно, что важную роль в формировании нравственных ценностей и ориентиров у молодежи, в выборе образа жизни играют медийные лица. В этой связи следует отметить, что на проектах выступали известные личности. Например, в январе 2017 года своим опытом этичного образа жизни делилась певица Ирина Тонева [1]. Также она проводила мастер-класс по приготовлению веганской пищи [5]. А в июне 2018 года лекцию на «Вегфесте» читал бодибилдер, автор нескольких мировых рекордов по пауэрлифтингу Патрик Бабумян. В своем выступлении он обратил внимание на этические, медицинские, экологические аспекты вегетарианства [7]. Кроме того, он представил книгу веганских рецептов. Важность его участия в проекте связана не только с тем, что личным примером продемонстрировал ошибочность мнения о якобы невозможности поддерживать должную физическую форму при веганском питании, но и с тем, что он транслировал молодежи идею об альтруизме и сострадании к слабейшим как неотъемлемой составляющей силы и мужества.

Обращает на себя внимание то, что на мероприятиях выступающие неоднократно делились своим опытом выстраивания взаимоотношений в семье и в социуме в ситуациях, когда выбранный ими образ жизни отличается от стандартного [2, 3]. Данная тема обеспечивает обширный материал для исследования студентам – будущим педагогам и психологам. Эмпирические данные, транслируемые в ходе выступлений, могут стать основой для научного анализа и выработки рекомендаций для педагогов и родителей.

Известно, что в настоящее время большое место в нравственном и гражданском воспитании

молодежи отводится благотворительности. В этой связи отметим, что на таких мероприятиях как «Вегмарт», «Вегфест» и т.д. производится информирование о кампаниях, которые направлены одновременно на благополучие людей, животных и окружающей среды. В частности, это защита окружающей среды и решение гуманитарных проблем через экологически сбалансированные формы организации сельского хозяйства, подразумевающие минимизацию жестокости к животным; улучшение здоровья и благосостояния людей посредством расширения ассортимента растительных продуктов; совершенствование медицины через развитие современных методов научных исследований без опытов на животных, во многих случаях дающих искажение результатов; гуманизация социума через выработку биоэтического отношения к миру. То есть, такие проекты дают возможность педагогам и студентам узнать о путях оказания помощи, которые способствуют кардинальному решению многих актуальных проблем современности. Здесь также следует упомянуть, что на «Вегмарте» производился сбор средств на закупку для отечественных вузов манекена «Джерри» – тренажера, дающего возможность заменить опыты на животных в учебном процессе и, таким образом, способствующего развитию биоэтических ценностей у студентов [4, 8].

Далее отметим важную особенность этих мероприятий, которая состоит в том, что на них целенаправленно ведется раздельный сбор мусора, а для детей проводятся мастер-классы по изготовлению поделок из вторсырья [6, 13]. Таким образом, посетителям транслируется созвучная современному положению дел в мире приоритетность решения экологических проблем: в условиях, когда именно животноводство является основной причиной глобального потепления, загрязнения почв, вод, воздуха, на мероприятии, посвященном путям отхода от этой практики, внимание также уделяется грамотному обращению с отходами и выработке у детей соответствующих навыков. При этом такой шаг оказывается естественным, потому что фокус на этичном отношении к животным и усилиях по сохранению их естественной среды обитания неизбежно подразумевает также стремление сократить объем одноразовой и опасной для природы упаковки и т.д.

Выводы

Исследование материалов, касающихся проектов «Вегмарт», «Вегфест», «Вег-лайф-экспо», показало, что, хотя их базовая тематика связана с продвижением инновационных пищевых продук-

тов, стремление к минимизации жестокости и экологизации всех сторон жизни, возникающее при выборе безубойного питания из этических соображений, естественным образом изначально расширило спектр обсуждаемых вопросов. В результате, задействованы оказались другие сферы, связанные с жестокостью к животным. Преподаватели и студенты получают информацию о вопросах, имеющих практическую значимость и требующих исследования, например, об опыте вегетарианского и веганского питания, о расширении ассортимента растительной продукции, о гуманизации естественно-научного образования, о социальной адаптации людей, чьи взгляды опережают время. Одновременно эти проекты дают возможность педагогам и молодежи познакомиться с подходами к

благотворительности и волонтерству, подразумевающими решение насущных проблем современности через пересмотр практик отношения к живой природе, с истоками формирования ценностей в обществе и их изменением.

Ценность проанализированных проектов в условиях, когда интеграция биоэтических сведений в среднее и высшее образование практически отсутствует, состоит в большой мере в том, что их праздничный характер способствует привлечению посетителей. Одновременно распространение социальных сетей позволяет быстро распространять информацию о затрагиваемых проблемах. Это в перспективе может служить предпосылкой для изменения содержания образовательных программ и придания им биоэтического характера.

Список источников

1. Ирина Тонева – звездный гость VegMart Январь с лекцией о своем опыте [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=i6unQPimBEw> (дата обращения: 20.06.2024)
2. Как на растительном питании не перессориться с близкими и друзьями? Елена Радимира [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=8Kh7i5tRwog&list=PLocIB9mE9IyKiEO8N_8JuBKBxlccLgKGF&index=93 (дата обращения: 10.06.2024)
3. Как эффективно совместить социальную жизнь и саморазвитие? Убеждения и самоанализ. Миша Лабахауа [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=XgQ7V16f0Qo&list=PLocIB9mE9IyKiEO8N_8JuBKBxlccLgKGF&index=205 (дата обращения: 10.06.2024)
4. Манекены собаки Джерри, которые будут заменять опыты на животных в российских вузах, прибыли в Россию! [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vita.org.ru/new/2018/may/25.htm> (дата обращения: 15.06.2024)
5. Мастер-класс от Ирины Тоневой на VegМарте GO RAW! [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall134942346_1452?ysclid=m1wkr7fth4420890606 (дата обращения: 20.05.2024)
6. Международный День вегана прошел в Петербурге [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vita.org.ru/new/2015/nov/02-1.htm> (дата обращения: 12.06.2024)
7. Патрик Бабумян, веган – обладатель нескольких мировых рекордов на МосВегФест 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/video/watch/61b239c30b329452635db16b?ysclid=m1wln8vk6d86793639> (дата обращения: 16.06.2024)
8. Поможем спасти жизни подопытных животных [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vita.org.ru/new/2017/oct/19-1.htm> (дата обращения: 15.06.2024)
9. Проблема экспериментов над животными в мире и в России. О благотворительном проекте по внедрению альтернатив опытам на животных в российских вузах [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/video/watch/61b235c559991970981976e3?ysclid=m1xjjmg82c232861869> (дата обращения: 07.06.2024)
10. Рюш Г. Большой медицинский обман. М.: Издательство Константина Сабина, 2015. 154 с.
11. Рюш Г. Тысяча врачей мира против экспериментов на животных. М.: Издательство Константина Сабина, 2015. 204 с.
12. Рюш Г. Убийство невинных. М.: Издательство Константина Сабина, 2015. 232 с.
13. Экология на Вегмарте: что можно сдать, в чем поучаствовать и чем помочь [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-134942346_18688?ysclid=m1xhv28kr7755669914 (дата обращения: 12.06.2024)

14. Этичная и экологичная мода. Какую одежду покупать? Как выбирать этичную и экологичную одежду? [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/video/watch/61b23ed9e6b9b4616e439605?ysclid=m1wmqpxprt80739205> (дата обращения: 03.06.2024)

15. Южнокорейская техника L'equip на новогоднем ВерМарте № 43 [Электронный ресурс]. URL: <https://vsesoki.ru/blogs/blog/yuzhnokoreyskaya-tehnika-lequip-na-novogodnem-vegmarte-43?ysclid=m1wrgsio97621293998> (дата обращения: 10.06.2024)

16. Clark M.A., Domingo N.G.G. et al. Global food system emissions could preclude achieving the 1.5 and 2 C climate change targets // Science. 06 Nov. 2020. Vol. 370. Issue 6517. P. 705 – 708. DOI: 10.1126/science.aba735

17. Dodhiya M. Vegan diet can help prevent pandemics like COVID-19, 300 UK doctors say (Electronic resource). URL: <https://www.totallyveganbuzz.com/news/vegan-diet-can-help-prevent-pandemics-like-covid-19-300-uk-doctors-say/> (date of appeal: 22.06.2024)

18. One Health A Call for ecological equity. Editorial // Lancet. January 21. 2023. Vol. 401. Issue 10372. P. 169. DOI: 10.1016/S0140-6736(23)00090-9

References

1. Irina Toneva – a star guest of VegMart January with a lecture about her experience [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=i6unQPimBEw> (date of access: 20.06.2024)

2. How to avoid quarreling with family and friends on a plant-based diet? Elena Radimira [Electronic resource]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=8Kh7i5tRwog&list=PLocIB9mE9IyKiEO8N_8JuBKBxlccLgKGF&index=93 (date of access: 10.06.2024)

3. How to effectively combine social life and self-development? Beliefs and self-analysis. Misha Labakhua [Electronic resource]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=XgQ7Vl6f0Qo&list=PLocIB9mE9IyKiEO8N_8JuBKBxlccLgKGF&index=205 (accessed: 10.06.2024)

4. Jerry the Dog Dummies, Which Will Replace Animal Experiments in Russian Universities, Have Arrived in Russia! [Electronic Resource]. URL: <http://www.vita.org.ru/new/2018/may/25.htm> (accessed: 15.06.2024)

5. Master Class by Irina Toneva at VegMart GO RAW! [Electronic Resource]. URL: https://vk.com/wall134942346_1452?ysclid=m1wkr7fth4420890606 (date of access: 20.05.2024)

6. International Vegan Day was held in St. Petersburg [Electronic resource]. URL: <http://www.vita.org.ru/new/2015/nov/02-1.htm> (date of access: 12.06.2024)

7. Patrick Babumyan, vegan - holder of several world records at MosVegFest 2018 [Electronic resource]. URL: <https://dzen.ru/video/watch/61b239c30b329452635db16b?ysclid=m1wln8vk6d86793639> (date of access: 16.06.2024)

8. Let's help save the lives of experimental animals [Electronic resource]. URL: <http://www.vita.org.ru/new/2017/oct/19-1.htm> (date of access: 15.06.2024)

9. The problem of animal experiments in the world and in Russia. About the charity project for the introduction of alternatives to animal experiments in Russian universities [Electronic resource]. URL: <https://dzen.ru/video/watch/61b235c559991970981976e3?ysclid=m1xjjmg82c232861869> (date of access: 07.06.2024)

10. Ryush G. The Great Medical Deception. Moscow: Konstantin Sabinin Publishing House, 2015. 154 p.

11. Ryush G. A Thousand Doctors of the World Against Animal Experiments. Moscow: Konstantin Sabinin Publishing House, 2015. 204 p.

12. Ryush G. Murder of the Innocent. Moscow: Konstantin Sabinin Publishing House, 2015. 232 p.

13. Ecology at Vegmart: What You Can Donate, What You Can Participate in, and How You Can Help [Electronic Resource]. URL: https://vk.com/wall-134942346_18688?ysclid=m1xhv28kr7755669914 (date of access: 12.06.2024)

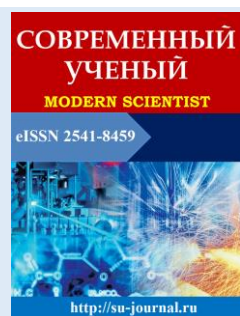
14. Ethical and eco-friendly fashion. What clothes to buy? How to choose ethical and eco-friendly clothes? [Electronic resource]. URL: <https://dzen.ru/video/watch/61b23ed9e6b9b4616e439605?ysclid=m1wmqpxprt80739205> (date of access: 03.06.2024)

15. South Korean equipment L'equip at the New Year's VegMart No. 43 [Electronic resource]. URL: <https://vsoski.ru/blogs/blog/yuzhnokoreyskaya-tehnika-lequip-na-novogodnem-vegmarte-43?ysclid=m1wrgsio97621293998> (date of access: 06/10/2024)
16. Clark M.A., Domingo N.G.G. et al. Global food system emissions could preclude achieving the 1.5 and 2 C climate change targets. *Science*. 06 Nov. 2020. Vol. 370. Issue 6517. P. 705 – 708. DOI: 10.1126/science.aba735
17. Dodhiya M. Vegan diet can help prevent pandemics like COVID-19, 300 UK doctors say (Electronic resource). URL: <https://www.totallyveganbuzz.com/news/vegan-diet-can-help-prevent-pandemics-like-covid-19-300-uk-doctors-say/> (date of appeal: 06/22/2024)
18. One Health A Call for environmental equity. Editorial. *Lancet*. January 21. 2023. Vol. 401. Issue 10372. P. 169. DOI: 10.1016/S0140-6736(23)00090-9

Информация об авторе

Кюрегина А.В., кандидат педагогических наук, доцент, Национальный исследовательский университет Московский энергетический институт

© Кюрегина А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 378

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-233-239

Будущий карьерный рост преподавателей вокальной музыки в китайских педагогических вузах

¹ Со Фан

¹ Российский государственный социальный университет

Аннотация: в статье раскрывается важность будущего профессионального развития преподавателей вокала в педагогических университетах Китая, а также текущие проблемы преподавания вокала, которые требуют решения. Цель исследования - проанализировать проблемы, стоящие сегодня перед профессиональным развитием преподавателей голоса в китайских университетах, и разработать конструктивные и уникальные рекомендации для этой профессиональной области. Методы исследования: метод анализа, сравнения, логического рассуждения и многие другие. В условиях современного диверсифицированного развития мира все университеты Китая сталкиваются с мощными вызовами в области вокального музыкального образования. Музыкальное образование всегда было символом культуры, духа и мысли страны. В университетах вокальное музыкальное образование является важной частью многих музыкальных направлений, и на него приходится больше студентов, чем на другие музыкальные направления. Преподаватели вокала в китайских университетах, особенно молодые, сталкиваются с серьезными проблемами в своем дальнейшем личностном развитии. Особое внимание в статье уделяется современным тенденциям в развитии преподавателей голоса в педагогических университетах Китая и России, а также влиянию традиционных и новых концепций обучения голосу на профессиональное развитие преподавателей голоса в университетах. На основе исследований китайских и российских ученых, а также специалистов в области музыкального образования в университетах предложены рекомендации и планы по дальнейшему личностному развитию преподавателей голоса в китайских университетах.

Цель: Цель исследования – проанализировать проблемы, стоящие сегодня перед профессиональным развитием преподавателей голоса в китайских университетах, и разработать конструктивные и уникальные рекомендации для этой профессиональной области.

Методы: Основные методы исследования: метод анализа, сравнения, логического рассуждения и многие другие.

Результаты: Изучены вопросы будущего карьерного роста преподавателей вокальной музыки в китайских педагогических ВУЗах.

Выводы: В настоящее время в Китае уделяется большое внимание вокальному образованию. Проведенное исследование учитывает уникальную китайскую народную музыку и традиционные концепции вокального образования. На основе анализа сделан вывод о том, что планы личного развития преподавателей вокала в университетах должны быть тесно связаны с основными ценностями Китая. Основными ориентирами будущего развития являются: интеграция современных методик преподавания в учебный процесс и личностное развитие преподавателей, открытие новых горизонтов для преподавателей голоса в китайских университетах, а также для будущих студентов, которые станут преподавателями голоса, чтобы способствовать развитию творчества в преподавании голоса.

Ключевые слова: педагогические университеты, преподаватели вокала, культурное строительство, студенты, голос, методики преподавания

Для цитирования: Со Фан Будущий карьерный рост преподавателей вокальной музыки в китайских педагогических вузах // Современный ученый. 2025. № 1. С. 233 – 239. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-233-239

Поступила в редакцию: 11 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 11 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Future career development of vocal music teachers in Chinese pedagogical universities

¹ Suo Fang

¹ Russian State Social University

Abstract: the article reveals the importance of the future professional development of vocal teachers at pedagogical universities in China, as well as the current problems of vocal teaching that need to be solved. The purpose of the study is to analyze the problems facing the professional development of voice teachers in Chinese universities today and develop constructive and unique recommendations for this professional field. Research methods: the method of analysis, comparison, logical reasoning and many others. In the context of the modern diversified development of the world, all universities in China face powerful challenges in the field of vocal music education. Musical education has always been a symbol of the culture, spirit and thought of the country. At universities, vocal music education is an important part of many musical fields, and it accounts for more students than other musical fields. Vocal teachers at Chinese universities, especially young ones, face serious problems in their further personal development. The article pays special attention to current trends in the development of voice teachers at pedagogical universities in China and Russia, as well as the influence of traditional and new concepts of voice education on the professional development of voice teachers at universities. Based on the research of Chinese and Russian scientists, as well as specialists in the field of music education at universities, recommendations and plans for further personal development of voice teachers at Chinese universities are proposed.

Purpose: The purpose of the study is to analyze the problems facing the professional development of voice teachers in Chinese universities today and to develop constructive and unique recommendations for this professional field.

Methods: The main research methods: the method of analysis, comparison, logical reasoning and many others.

Results: The issues of future career development of vocal music teachers in Chinese pedagogical universities have been studied.

Conclusions: Currently, a lot of attention is paid to vocal education in China. The conducted research takes into account the unique Chinese folk music and traditional concepts of vocal education. Based on the analysis, it is concluded that the personal development plans of vocal teachers at universities should be closely linked to the core values of China. The main guidelines for future development are: the integration of modern teaching methods into the educational process and the personal development of teachers, the opening of new horizons for voice teachers at Chinese universities, as well as for future students who will become voice teachers in order to promote creativity in voice teaching.

Keywords: pedagogical universities, vocal teachers, cultural construction, students, voice, teaching methods

For citation: Suo Fang Future career development of vocal music teachers in Chinese pedagogical universities. Modern Scientist. 2025. 1. P. 233 – 239. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-233-239

The article was submitted: September 11, 2024; Approved after reviewing: November 11, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

В Китае «вступительные экзамены» – это единственный способ для учеников средней школы поступить в университет. Из-за большой численности населения Китая вступительные экзамены в

университетах всегда были известны как «мост из одного дерева для тысячи лошадей». Однако экзамены по искусству дают многим ученикам средней школы более легкий способ поступить в университет. Некоторые ученики с особыми способ-

ностями могут продолжить изучение искусства в университетах, сдавая экзамены по искусству, организованные каждой провинцией. Также предусмотрены экзамены по вокалу. Данные показывают, что только в провинции Хэбэй в 2023 году экзамен по вокалу сдавали более 5 700 учеников [3, с. 29]. В других частях Китая число учеников, изучающих вокальную музыку, также растет. Однако в предыдущие годы онлайн-платформы для просмотра коротких видеороликов, такие как Тик Ток, были не слишком распространены, и студенты могли получать знания только из книг и от преподавателей в университетах. В последние годы, особенно в таких специальных предметах, как вокальная музыка, студенты могли легко получить различные виды знаний о вокальном пении в Интернете. Следует отметить, что эти знания неравномерны, что также формирует чрезвычайно серьезную проблему для преподавателей вокальной музыки в университетах. Вокальная музыка отличается от других музыкальных инструментов или других дисциплин тем, что голос «невидим и неосязаем». Поэтому преподавать вокальную музыку очень сложно. Кроме того, подход каждого преподавателя отличается, в той или иной степени. Многие студенты до поступления в ВУЗ занимаются с преподавателями, не имеющими профессиональных сертификатов, и некоторые из них применяют неверные подходы. Таким студентам приходится вносить коррективы в свои методы пения после поступления в университет. Это очень сложно для преподавателей вокала в университетах. Кроме того, развивающаяся философия вокала и растущее число молодых преподавателей, поступающих в университеты, – это факторы, которые продолжают влиять на качество преподавания вокала. Поэтому для преподавателей вокала в колледжах очень важно планировать свой личный путь развития в будущем. Карьерный рост преподавателей вокала может напрямую повлиять на качество преподавания вокала в колледжах и университетах, а также оказать глубокое влияние на будущее развитие вокальной музыки в Китае [4, 5].

Материалы и методы исследований

В рамках данного исследования проведен анализ проблем и перспектив карьерного роста преподавателей вокальной музыки в педагогических вузах Китая на фоне современного мультикультурного общества и меняющихся образовательных тенденций. Для этого использовались как отечественные, так и зарубежные источники, освещающие вопросы педагогики, вокального образования

и специфики профессионального развития преподавателей вокальной музыки. Были применены следующие методологические подходы:

- Метод анализа и синтеза для изучения современных тенденций и требований к профессиональной подготовке преподавателей вокала в условиях мультикультурализма.

- Сравнительный метод для выявления различий между отечественным и международным опытом обучения вокальной музыке и подготовки педагогов, включая влияние иностранных образовательных подходов на китайскую педагогическую систему.

- Логическое рассуждение – выявления взаимосвязей между карьерным ростом преподавателей и уровнем преподавания вокальной музыки в университетах, а также для обоснования значимости профессионального развития педагогов в контексте китайской музыкальной педагогики.

Основные материалы включают работы известных исследователей, таких как Лао И.О., Линь Пэн, Лю Синьюй, Чжан Хуэйянь, Апраксина О.А., а также исследовательские труды, касающиеся роли культурных и гуманитарных ценностей в педагогике [6, 7, 9].

Результаты и обсуждения

Вопросы, касающиеся изучения будущего карьерного роста преподавателей вокальной музыки в вузах, рассматривали многие ученые такие, как Лао И.О., Линь Пэн, Лю Синьюй, Чжан Хуэйянь, Апраксина О.А. и другие. Считаем, необходимым продолжить исследование в данном направлении и более подробно изучить отдельные вопросы темы.

Мировые музыкальные стили можно условно разделить по континентам, например, страстная африканская племенная музыка, классическая европейская классическая музыка и среднеазиатская музыка с ярко выраженным религиозным стилем. Китай с его уникальной и долгой историей культуры разработал уникальные музыкальные жанры. Будучи преподавателем по постановке голоса в университете, изучение музыкальных стилей разных регионов позволит лучше понять музыку разных частей света, а в процессе обучения сможете лучше сочетать уникальные стили Китая с более индивидуальным образованием обучаемых студентов.

В настоящее время в Китае культура и художественное образование диверсифицированы. Поэтому вокальное образование в университетах на фоне мультикультурализма выдвигает совершенно новые требования к общему качеству и личностному развитию преподавателей вокала в универ-

ситетах. Эта позиция выражена в работе Лао И «О повышении качества преподавателей музыки в колледжах на фоне мультикультурализма» [2, с. 11]. Требования к преподавателям вокала в колледже включают в себя, в частности, качество культурных знаний, качество профессиональных знаний, качество образовательной практики и качество профессиональной этики. Эти требования также являются стандартами, на которые следует ссылаться при дальнейшем профессиональном развитии китайских преподавателей вокала в университетах.

Далее рассмотрим проблемы коллектива преподавателей вокальной музыки в китайских педагогических ВУЗах.

В Китае университеты с музыкальными программами можно разделить на четыре категории: консерватории, колледжи искусств, педагогические университеты и общеобразовательные университеты. Педагогические университеты - самые особенные среди этих четырех категорий. У педагогических университетов более четкая цель обучения, и в то же время студенты педагогических университетов являются резервом для профессии учителя. Особая миссия профессии выдвигает более высокие стандарты и требования к личностным качествам студентов педагогических университетов, которые могут быть квалифицированы для будущей работы только в том случае, если они обладают хорошим моральным обликом профессии учителя, прочной профессиональной основой и разумной структурой знаний. И все эти качества невозможно воспитать без художественного образования. Поэтому к преподавателям педагогических университетов выдвигаются повышенные требования [8].

В рейтинге университетов Китая существует в общей сложности 227 педагогических университетов, включая национальные государственные и частные университеты, и все эти педагогические университеты в основном предлагают специализацию по вокальному музыкальному образованию. В Китае вокальное музыкальное образование также известно, как «музыковедение». В 2019 году Министерство образования КНР выпустило «Мнение об эффективном усилении работы по эстетическому воспитанию в университетах в новую эпоху», в котором говорится: «Мы должны поставить во главу угла повышение идейно-политического качества преподавателей эстетического воспитания и уровня профессиональной этики, а также всесторонне улучшить способности и качество пре-

подавания и обучения преподавателей эстетического воспитания» [10, с. 70].

Я обучалась в педагогических университетах на бакалавриате, а также в магистратуре: бакалавриат в Тяньцзиньском педагогическом университете, а магистратура в Российском государственном педагогическом университете. Во время учебы я также наблюдала за текущими проблемами преподавателей вокальной музыки в китайских педагогических университетах.

Одной из проблем явилось отставание в философии образования и общем качестве.

Реформа высшего образования в Китае достигла своего апогея после реформы и открытости, принятой на Третьем пленуме Одиннадцатого Центрального комитета Коммунистической партии Китая в 1978 г. Хотя с момента реформы и открытости прошло уже более сорока лет, теория и методика преподавания вокальной музыки во многих педагогических колледжах и университетах все еще сильно устарели. Эта точка зрения подтверждается в работе Чжан Хуэйяня «Исследование пути культурного строительства преподавательского состава музыкальных учебных заведений в педагогических колледжах и университетах» [1, с. 130]. Особенно в педагогических колледжах и университетах многие преподаватели вокала все еще следуют этим устаревшим концепциям. В условиях современного диверсифицированного развития подобный тип преподавательского мышления, отстающий от времени, также серьезно препятствует развитию мышления современных студентов университета.

Вокальное пение – это «невидимое и неосоздаемое» искусство. Эти устаревшие представления о вокальном пении будут напрямую влиять на дальнейшее развитие учеников. Например, в ранние годы русская школа вокальной музыки пропагандировала «нисходящее пение», то есть стремление к тому, чтобы голос певца был сильным, мощным. Мы не можем отрицать эту концепцию вокального пения, но в Китае больше народных песен, очень легких, быстрых и живых, что требует очень высокого уровня контроля дыхания для певца. Важно отметить, что многие колледжи и университеты в погоне за краткосрочными результатами, пошли в обход трудностей, игнорируя качество в вокальном пении. В том числе я и многие мои однокурсники, приехавшие в Россию во время обучения в аспирантуре, и познакомившись с русским православным вокальным пением, обнаружили, что многие нынешние российские преподаватели колледжей нашли более удобную и благозвучную ма-

неру пения. Во время учебы в аспирантуре моему наставнику, Карен Акопов Робертовичу, солисту Михайловского театра, было 70 лет, но в процессе постоянной сценической практики он смог обратиться к новой концепции пения в образовании, что дало совершенно новое измерение преподаванию голоса в педагогических колледжах и университетах. Практика – единственный стандарт для проверки истины. Напротив, некоторые преподаватели вокала в педагогических колледжах и университетах Китая, в отличие от колледжей искусств и консерваторий, имеют меньше возможностей для сценической практики в силу своих качеств, поэтому они не могут найти новые концепции преподавания вокала в ходе своей постоянной работы, что приводит к тому, что они по-прежнему используют методы преподавания вокала десятилетней или даже двадцатилетней давности. Это также напрямую влияет на доступ студентов к новым вокальным взглядам и концепциям.

Следующая проблема – отсутствие культурного обогащения.

Музыка, как международный язык, обладает такими знаковыми чертами, как образ, субъективность и эстетика. Вокальное музыкальное образование в колледжах и университетах должно не только научить студентов петь, но и научить их владеть и использовать язык музыки, и на этой основе развивать навыки межрасового и межкультурного общения. В этом также заключается очарование музыки.

Как уже говорилось выше, педагогические колледжи и университеты имеют свою уникальность и актуальность, и в педагогических колледжах и университетах в будущем все больше студентов пойдут на преподавательские должности. Возьмем для примера меня: в 2019 году в музыкальном классе Тяньцзиньского педагогического университета было 29 человек, и, согласно опросу, 25 из них после окончания университета стали учителями музыки в начальных школах, а остальные четверо, включая меня, решили уехать в другие страны, чтобы продолжить изучать музыкальное образование. Поэтому культурный уровень преподавателей вокала в колледже очень важен. Если культурный уровень преподавателя вокала не соответствует стандартам, то у него нет возможности позволить своим студентам получить больше знаний.

В Китае многие недостатки системы образования на самом деле очевидны для всех, но из-за того, что национальные условия Китая слишком специфичны, то тестовое обучение и другие институциональные модели не могут быть реформи-

рованы за короткий период времени. Тем не менее, педагогические колледжи и университеты могут сделать изменения приоритетными. В настоящее время многие педагогические колледжи и университеты не уделяют достаточного внимания культурному становлению преподавателей, что делает гуманистический подтекст процесса преподавания музыки слабым и малокультурным. Квалифицированный преподаватель голоса в колледжах и университетах должен владеть такими базовыми предметами, как теория музыки и история музыки, а не просто уметь петь и преподавать. Разумеется, культурный подтекст учителя голоса не должен ограничиваться только этими профессиональными знаниями, но также должен отражаться в его повседневной речи и поведении. По этой причине китайские педагогические колледжи и университеты должны принимать больше молодых преподавателей и ученых, проводить лекции, конкурсы и другие формы культурного обмена, которые могут не только повысить культурную культуру преподавателей голоса, но и помочь большинству молодых ученых обогатить культурные ресурсы музыки.

Педагогические ВУЗы озвучивают путь формирования культуры учительского коллектива.

В педагогических колледжах и университетах существует множество вопросов, которые необходимо срочно решить для будущего личностного развития преподавателей. В процессе развития личности очень важно культурное строительство. Проанализировав текущие проблемы коллектива преподавателей вокала в педагогических колледжах, мы сможем более целенаправленно планировать культурное становление и развитие личности будущих преподавателей вокала.

По мнению многих ученых и специалистов, методы музыкального воспитания включают в себя следующие пункты

- 1) приобщение к духовным и гуманистическим ценностям, культурным нормам и идеалам;
- 2) воспитание привычки к самовоспитанию и самодисциплине;
- 3) изучение истории музыки в связи с развитием мировой истории культуры.

Таким образом, вокальное образование также неразрывно связано с этими тремя моментами, а труды О.А. Апраксиной, ведущего российского исследователя основ педагогики, указывают на эффективность дополнения прикладных уроков историческими и теоретическими объяснениями. Поэтому педагогам по голосу, в первую очередь, необходимо расширять свои исторические и тео-

ретические знания на дальнейшем пути развития личности. На наш взгляд, преподаватели голоса должны знать и осваивать не только историю музыки, но и историю философии, историю Китая, даже историю Европы и так далее. Благодаря пониманию различных дисциплин и видов истории, они могут расширить свои знания в области истории и теории, а также объединить этот ряд знаний с вокальным пением. Таким образом, они могут получить совершенно новое восприятие в преподавании вокальной музыки и привнести более широкое видение в своих студентов.

И в педагогических колледжах, и в консерваториях, а также в колледжах искусств голосовая специализация делится на две подпрограммы - вокальное образование и вокальное исполнительство. В консерваториях преподаватели по вокалу очень четко разделяются на педагогов по образованию и по исполнительству, однако в педагогических колледжах многие преподаватели по вокалу обучают студентов и по образованию, и по исполнительству. Это также предъявляет повышенные требования к преподавателям вокала в педагогических колледжах в плане пения. Поэтому самый удобный способ улучшить певческие навыки – это постоянная практика. Как студентка, изучающая вокал, я получила совершенно новое представление о своих певческих, актерских и физических навыках, каждый раз, когда я выходила на сцену в течение десяти лет обучения вокалу. Таким образом, непрерывное образование и обучение на рабочем месте – это важная гарантия того, что преподаватели голоса в педагогических колледжах будут только совершенствоваться. Педагогические колледжи и университеты должны разработать концепцию регулярного повышения квалификации преподавателей и совершенствовать программу и содержание обучения в соответствии с конкретной ситуацией. Сами преподаватели голоса должны понимать и осваивать новейшие культурные знания и тенденции вокального исполнения в современном культурно-диверсифицированном мире и всегда быть в команде культурных изменений, возглавляя инновационные концепции преподавания в педагогической работе.

В последние годы многие выдающиеся педагогические университеты Китая начали свои соб-

ственные реформы, и все больше молодых преподавателей голоса имеют четкие представления о своих личных планах на будущее. В том числе Тяньцзиньский нормальный университет, Пекинский нормальный университет, Столичный нормальный университет и другие педагогические вузы разработали программы китайско-инострannого сотрудничества, позволяющие молодым преподавателям вокала направлять своих студентов из Китая в страны с лучшей концепцией музыкального образования, такие как Россия, Италия и Франция, для обмена и обучения. Более того, все больше и больше преподавателей вокала подают заявки на выезд за границу, чтобы повысить свою квалификацию и изучить концепции преподавания вокала и методы пения в европейских странах. Важно отметить, что Китай также предоставляет очень удобные условия для преподавателей вокала.

Выводы

Будучи прогрессирующей страной, Китай стремительно развивается. А стремительное развитие общества приводит к чрезвычайно быстрому обновлению знаний. Колледжи и университеты, как важные носители распространения культуры, играют очень важную роль. Однако, на пути обучения встречается множество проблем и трудностей, которые требуют решения. К числу таких важных проблем можно отнести следующие: отставание в философии образования и общем качестве, использование устаревших методик преподавания, отсутствие достаточного внимания к культурному становлению преподавателей со стороны вузов и т.д.

В современных условиях развития ставится задача не только решения данных проблем, но и повышения качества образования в целом. Преподаватели вокала в колледже, как важная часть педагогического коллектива, должны не только адаптироваться к новой ситуации и новым требованиям, идти в ногу с развитием времени, постоянно осваивать культурные знания, укреплять свои базовые навыки. Кроме того, они должны сформулировать четкий личный маршрут развития карьеры. Только так возможно максимально использовать резерв китайской вокальной музыки, чтобы посвятить ей свои силы.

Список источников

1. Апраксина О.А. К вопросу и системе музыкального воспитания в школе // Музыкальное воспитание в школе. 1974. № 10. 232 с.
2. Департамент базового образования, Министерство образования // Мнения Министерства образования об эффективном усилении работы по эстетическому воспитанию в колледжах и университетах в новую эпоху. 2019. № 4. 11 с.

3. Лао И. О повышении качества подготовки учителей музыки в колледжах и университетах в мультикультурном контексте // Ухань: Форум по педагогическому образованию. Центрально-Южный университет по делам национальностей. 2016. № 9. 29 с.
4. Лукичева О.М., Петрова И.Н. Педагогический университет в поликультурном пространстве региона // Этнопедагогические ориентиры в поликультурной образовательной среде: коллективная монография / Отв. ред.: С.Л. Михеева, О.А. Димитриева. Чебоксары, 2019. С. 66 – 87.
5. Матвеева О.А. Мотивационно-смысловые установки личности преподавателя как фактор личностного развития обучающегося // Мир науки и мысли. The World of Science and Ideas. 2023. № 4. С. 83 – 87.
6. Ни С. Процесс формирования артистизма у студентов-вокалистов в китайских вузах // Международная научно-практическая конференция «Педагогика и психология в практике современного образования». 2023. С. 241.
7. Сяо Ц., Заббарова М.М. Сопоставление педагогических моделей музыкального образования в Китае и России // Современное педагогическое образование. 2023. № 4. С. 198 – 203.
8. Цин Л. Высшее музыкально-педагогическое образование в современном Китае: дис. канд. педаг. наук. 2009. Т. 13. № 02.
9. Чжан Т. Обучение студентов вокальному исполнительству в педагогических университетах Китая // Современные проблемы высшего образования. Теория и практика: Материалы Пятой Межвузовской научно-практической конференции, организованной институтом культуры и искусств Московского городского педагогического университета. Под общей редакцией С.М. Низамутдиновой. 2020. С. 211 – 217.
10. Чжан Х. Исследование пути культурного строительства преподавательского состава музыкальных учебных заведений в педагогических колледжах и университетах // Шэньян: Журнал Байчэнского нормального колледжа. 2021. № 35. 105 с.

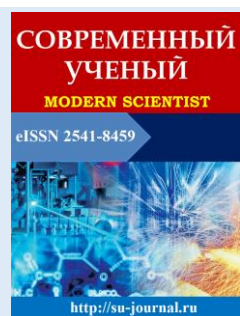
References

1. Apraksina O. A. On the issue and system of music education at school. Musical education at school. 1974. No. 10. 232 p.
2. Department of Basic Education, Ministry of Education. Opinions of the Ministry of Education on effectively strengthening the work on aesthetic education in colleges and universities in the new era. 2019. No. 4. 11 p.
3. Lao Y. On improving the quality of training music teachers in colleges and universities in a multicultural context. Wuhan: Forum on teacher education. Central-South University for Nationalities. 2016. No. 9. 29 p.
4. Lukicheva O. M., Petrova I. N. Pedagogical University in the multicultural space of the region. Ethnopedagogical guidelines in a multicultural educational environment: collective monograph. Responsible for ed.: S.L. Mikhееva, O.A. Dimitrieva. Cheboksary, 2019. P. 66 – 87.
5. Matveeva O.A. Motivational and semantic attitudes of the teacher's personality as a factor in the personal development of the student. The World of Science and Ideas. 2023. No. 4. P. 83 – 87.
6. Ni S. The process of forming artistry in vocal students in Chinese universities. International scientific and practical conference "Pedagogy and Psychology in the Practice of Modern Education". 2023. P. 241.
7. Xiao Q., Zabbarova M.M. Comparison of pedagogical models of music education in China and Russia. Modern pedagogical education. 2023. No. 4. P. 198 – 203.
8. Qing L. Higher music and pedagogical education in modern China: dis. cand. pedagog. sciences. 2009. Vol. 13. No. 02.
9. Zhang T. Teaching students vocal performance in pedagogical universities of China. Modern problems of higher education. Theory and practice: Proceedings of the Fifth Interuniversity scientific and practical conference organized by the Institute of Culture and Arts of Moscow City Pedagogical University. Under the general editorship of S.M. Nizamutdinova. 2020. P. 211 – 217.
10. Zhang H. Research on the path of cultural construction of the teaching staff of music educational institutions in pedagogical colleges and universities. Shenyang: Journal of Baicheng Normal College. 2021. No. 35. 105 p.

Информация об авторе

Со Фан, аспирант, Российский государственный социальный университет, 1421851520@qq.com

© Со Фан, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 371.3

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-240-246

Критерий повышения педагогической компетенции студента-вокалиста колледжа и вуза Китая

¹ Ву Хаодун

¹ *Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена*

Аннотация: статья посвящена изучению критериев повышения педагогической компетенции студентов-вокалистов в колледжах и вузах Китая. Основное внимание уделено роли сценической практики, культурологическим и социокультурным подходам, а также значению индивидуализации учебного процесса. Путем анализа педагогических критериев, таких как технико-операционные, художественно-исполнительские и личностно-деятельностные аспекты, исследование подчеркивает важность комплексного подхода в подготовке педагогов-вокалистов. Доказана эффективность сочетания культурных и педагогических стратегий для формирования высококвалифицированных преподавателей, способных эффективно взаимодействовать со студентами и развивать их профессиональные навыки.

Ключевые слова: вокальное образование, педагогическая компетенция, сценическая практика, культурологический подход, индивидуализация, педагогические критерии, Китай

Для цитирования: Ву Хаодун Критерий повышения педагогической компетенции студента-вокалиста колледжа и вуза Китая // Современный ученый. 2025. № 1. С. 240 – 246. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-240-246

Поступила в редакцию: 12 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 13 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Criteria for enhancing the pedagogical competence of vocal students in colleges and universities in China

¹ Wu Haodong

¹ *Herzen State Pedagogical University of Russia*

Abstract: the article focuses on the criteria for enhancing the pedagogical competence of vocal students in colleges and universities in China. Key attention is given to the role of stage practice, cultural and sociocultural approaches, as well as the significance of individualized learning processes. By analyzing pedagogical criteria such as technical-operational, artistic-performance, and personal-activity aspects, the study emphasizes the importance of a comprehensive approach in training vocal educators. The effectiveness of combining cultural and pedagogical strategies is demonstrated for developing highly qualified teachers capable of engaging with students and advancing their professional skills.

Keywords: vocal education, pedagogical competence, stage practice, cultural approach, individualization, pedagogical criteria, China

For citation: Wu Haodong Criteria for enhancing the pedagogical competence of vocal students in colleges and universities in China. Modern Scientist. 2025. 1. P. 240 – 246. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-240-246

The article was submitted: September 12, 2024; Approved after reviewing: November 13, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Современное музыкальное образование в Китае, особенно в рамках подготовки вокалистов, характеризуется стремительным развитием как в технических аспектах, так и в культурологических подходах. Возрастающие требования к уровню профессионализма будущих вокалистов подчеркивают необходимость систематической сценической практики и индивидуализированного подхода к обучению, которые позволяют раскрыть их личностные и творческие потенциалы. Образовательные учреждения, стремясь конечно же обеспечить всестороннюю подготовку специалистов, создают среду, где интегрированы элементы традиционной китайской музыкальной культуры с современными международными педагогическими подходами. Педагогическая компетенция, являясь основным показателем качества подготовки студентов-вокалистов, требует собственно довольно таки четких критериев ее оценки и методов повышения. Настоящее исследование направлено на выявление критериев педагогической компетенции, их значимости в образовательном процессе и формирование методологической базы для их развития в системе подготовки вокалистов колледжей и вузов Китая.

Материалы и методы исследований

Для исследования критериев повышения педагогической компетенции студентов-вокалистов колледжей и вузов Китая использованы методы теоретического анализа и эмпирического исследования. В теоретическую основу работы легли труды современных китайских и зарубежных ученых, изучающих особенности музыкального и вокального образования, а также педагогические методики подготовки исполнителей. Эмпирическое исследование включало анализ учебных программ и образовательных модулей музыкальных вузов Китая, в том числе подразумевая использование сценической практики, индивидуального подхода и модульного обучения. Методологически работа основывалась на интеграции кросс-культурного, социокультурного и индивидуально-ориентированного подходов, которые были применены для оценки образовательных программ и педагогических компетенций студентов. Применение комплексного анализа позволило выявить

ключевые критерии, среди которых выведены техническая подготовка, художественно-исполнительские и личностно-деятельностные компетенции, которые являются основополагающими для формирования полноценного профессионала в области вокального искусства [1].

Результаты и обсуждения

Сценическая практика занимает ключевое место в профессиональной подготовке студентов-вокалистов, так как она все же не только развивает исполнительские навыки, но и формирует фундаментальные педагогические компетенции, которые необходимы для дальнейшей карьеры. В образовательном процессе сценическая практика выступает не только как средство для приобретения навыков выступления, но и как инструмент формирования эмоциональной выразительности, артикуляции, дикции и навыков взаимодействия с аудиторией, которые важны для воспитания будущих педагогов. В Китае сценическая практика рассматривается не просто как учебный модуль, но как комплексная педагогическая платформа, предоставляющая студентам возможность интегрировать различные аспекты музыкального искусства и педагогики [2].

Сценическая практика развивает у студентов-вокалистов такие базовые элементы их профессиональной компетентности, как сценическое мастерство и артистизм, которые являются неотъемлемой частью педагогического мастерства. Педагог-вокалист, как и исполнитель, должен обладать высокой степенью артистизма и уметь передать свои знания так, чтобы это воздействовало на обучающихся, вдохновляло их и развивало их потенциал. Сценическая практика способствует развитию индивидуального стиля и художественного вкуса, что в дальнейшем позволяет педагогам транслировать эти навыки своим ученикам. Сцена становится площадкой, на которой будущий педагог может практиковать методы управления своим голосом, мимикой, движениями и эмоциональными состояниями, что конечно же крайне важно для преподавательской деятельности, поскольку это помогает ему в будущем объяснять и демонстрировать технику исполнения учащимся [3].

В ходе сценической практики студент учится не только управлять своим голосом и эмоциональ-

ным состоянием, но и взаимодействовать с аудиторией, безусловно данное умение очень важно для будущего педагога, поскольку преподаватель должен уметь «читать» настроения и реакции учеников, понимать, как правильно донести до них информацию, чтобы она была воспринята максимально эффективно. В процессе выступления перед публикой вокалисты развивают навыки обратной связи и осознания, что позволяет в будущем более гибко адаптировать свое преподавание под нужды и особенности студентов. Для преподавателей музыки особенно важно уметь завоевывать внимание аудитории, а сценическая практика предоставляет все условия для развития таких умений, формируя уверенность и умение эффективно управлять учебной аудиторией [4].

Важнейшей задачей сценической практики является помощь студентам в нахождении и развитии своего индивидуального стиля, что безусловно также сильно сочетается с формированием художественного вкуса, что крайне важно для педагогов, обучающих музыкальному искусству. Обладая сформировавшимся стилем и художественным вкусом, преподаватель безусловно может развивать их у своих учеников, помогая им находить собственные творческие пути и способы самовыражения. Вокалист, работающий на сцене, приобретает навыки осознания и воплощения художественного образа, что впоследствии помогает ему передавать свой опыт студентам, развивая у них эстетическое восприятие и способность к творческому анализу. Сценическая практика, конечно очень хорошо служит не только для освоения технических аспектов исполнения, но и для воспитания у студента педагогического вкуса, который он сможет передавать следующим поколениям [5].

Сценическая практика предоставляет студенту возможность не только развивать исполнительские навыки, но и применять разнообразнейшие педагогические методы, и в том числе конечно ролевые игры, мастер-классы и интерактивное обучение, которые способствуют формированию комплексных профессиональных компетенций. Во время сценических выступлений студенты-вокалисты сталкиваются с задачей представить произведение так, чтобы оно было понятно и близко зрителям, а это напрямую связано с задачами педагогики, где необходимо сделать обучение доступным и интересным для учащихся. Существующая сценическая практика в образовательном процессе выступает как универсальный тренажер, который готовит будущих педагогов к их профессиональной деятельности, учит их

управлять процессом обучения, выбирать эффективные методики и подходы для работы со студентами [6].

Культурологические и социокультурные подходы в обучении вокалистов являются важнейшим аспектом педагогической деятельности в колледжах и вузах Китая, поскольку они позволяют интегрировать богатое наследие национальной культуры с современными мировыми тенденциями в музыкальном образовании. В условиях глобализации и роста популярности западных методик обучения китайская система профессиональной подготовки вокалистов стремится сохранять и адаптировать уникальные национальные элементы, одновременно обеспечивая конкурентоспособность своих выпускников на международной сцене, именно такое сочетание традиций и инноваций создает особую культурную среду, в которой формируются не только технические навыки, но и ценностные установки, важные для профессиональной самореализации [7]. Для китайского студента-вокалиста такой подход имеет значительное значение, так как он все же учит осознанно относиться к своим культурным корням, видеть связь музыкального искусства с историей и традициями своей страны, а также интерпретировать музыкальные произведения с опорой на культурные и социокультурные контексты. Интеграция культурологических подходов позволяет в некотором смысле расширить границы традиционной вокальной подготовки и сформировать у студентов глубокое понимание музыки как элемента культуры, который отражает и формирует социальные ценности. В Китае культура вокального искусства тесно связана с национальными жанрами, к примеру такими как всем известная пекинская опера и традиционные народные песни, которые представляют собой уникальное сочетание вокальных и драматических элементов.

Подобные жанры требуют особых навыков отличных от привычных классической оперной культуре, среди навыков виртуозная техника исполнения и выразительное взаимодействие с аудиторией, что значительно отличает их от западной вокальной традиции. Студенты, изучая данные жанры, получают не только вокальные, но и культурные знания, которые безусловно очень сильно способствуют их становлению как исполнителей с национальной идентичностью. Китайские музыкальные вузы активно имплементируют их в учебные программы курсы по национальным жанрам, что позволяет студентам овладеть методами работы с разными музыкальными стилями и понимать

их культурное значение, что конечно не только расширяет кругозор студентов, но и помогает им осознать ценность своей национальной культуры, которая по сути своей становится неотъемлемой частью их профессиональной подготовки. Социокультурные подходы в обучении вокалистов играют важную роль в формировании у студентов способности к культурной адаптации и межкультурной коммуникации. В условиях современной музыкальной индустрии, где взаимодействие с представителями различных культур становится неотъемлемой частью профессиональной деятельности, китайские учебные заведения стремятся развивать у студентов способность понимать и интерпретировать музыкальные произведения с учетом социокультурного контекста, мы непременно должны отметить, что это очень важно для тех студентов, которые планируют работать в международной среде или сотрудничать с зарубежными коллегами. Китайская система образования уделяет особое внимание развитию у студентов навыков, необходимых для взаимодействия в многонациональной среде, что собственно подразумевает не только изучение иностранного репертуара, но и знание различных интерпретационных стилей, характерных для других культур [8].

Благодаря этому китайские вокалисты могут успешно представлять свою культуру на международной сцене, одновременно демонстрируя уважение и понимание музыкальных традиций других народов. Использование культурологических и социокультурных подходов в обучении вокалистов также очень позитивно способствует развитию у студентов навыков интерпретации и анализа музыкальных произведений с учетом их исторического и культурного контекста. Понимание связи музыки с историей и обществом позволяет вокалистам глубже погружаться в образ, создаваемый в процессе исполнения, и передавать его содержание с большей эмоциональной выразительностью. В рамках образовательных программ китайских вузов студенты не только изучают технику исполнения, но и анализируют символику и значения музыкальных произведений, что помогает им раскрывать культурные коды, заложенные в них композиторами [9].

В конечном счете разнообразные культурологические подходы в обучении вокалистов способствуют не только развитию их технических навыков, но и формированию их как культурных медиаторов, способных передавать через музыку важные социальные и культурные идеи. Культуроло-

гические и социокультурные подходы также способствуют развитию у студентов-вокалистов чувства коллективизма и уважения к традициям, что особенно также важно в китайской культуре. Процесс обучения вокалу в китайских вузах направлен на воспитание у студентов чувства причастности к национальному культурному наследию, а также на формирование у них уважения к педагогическим традициям и наставничеству. Многие учебные заведения имплементируют в свои программы групповые выступления и коллективные проекты, которые учат студентов взаимодействовать и сотрудничать, уважать опыт своих старших коллег и преподавателей, что конечно не только помогает развивать вокальные навыки, но и прививает студентам понимание того, что музыкальное искусство является частью культурного пространства, в котором каждый исполнитель несет ответственность за сохранение и передачу традиций [10].

Педагогические критерии оценки профессиональной компетентности студентов-вокалистов являются важнейшим инструментом для анализа и улучшения образовательного процесса в колледжах и вузах Китая, по сути своей данные критерии позволяют не только объективно оценивать достижения студентов, но и формировать у них осознанное отношение к профессиональной деятельности, стимулируя стремление к саморазвитию. В педагогике вокала основные критерии профессиональной компетентности обычно называют технико-операционный, художественно-исполнительский и личностно-деятельностный аспекты, каждый из которых вносит значительный вклад в профессиональный рост и определяет уровень подготовки выпускника, как всеми принято, данные критерии помогают педагогам глубже понять сильные и слабые стороны студентов, создавая условия для их эффективного развития в условиях вокального и педагогического образования. Техничко-операционный критерий является основой для объективной оценки технической стороны вокального мастерства, такой как чистое интонирование, дикция, артикуляция, контроль дыхания и звукообразование. В Китае этот критерий играет центральную роль в педагогическом процессе, так как именно технические навыки определяют способность студента-вокалиста к качественному и уверенному исполнению. Овладение техническими аспектами пения является по сути неотъемлемой частью обучения, поскольку от этого напрямую зависит, сможет ли студент эффективно применять свои знания в условиях сценической и педагогической деятельности. Техничко-операцион-

ный критерий конечно же позволяет выявить уровень владения инструментарием вокала, что крайне важно как для профессионального исполнения, так и для последующего преподавания, где требуется умение демонстрировать технику своим ученикам. Художественно-исполнительский критерий отражает способность студента интерпретировать музыкальные произведения, придавая им индивидуальное звучание и выразительность, по сути данный критерий учитывает такие важные качества, как музыкальность, артистизм, художественный вкус и способность к эмоциональному взаимодействию с произведением и аудиторией. Художественно-исполнительский аспект также является неотъемлемой частью педагогического мастерства, так как преподаватель вокала должен уметь передавать своим ученикам не только технические навыки, но и эстетическое восприятие музыки, способность глубоко чувствовать и интерпретировать произведения. В Китае пристальное внимание уделяется именно этому аспекту, так как национальная вокальная традиция тесно связана с эмоциональной и культурной интерпретацией, что собственно и делает художественно-исполнительский критерий ключевым в оценке профессиональной подготовки. Студенты, обладающие высоким уровнем художественно-исполнительских навыков, могут значительно глубже интерпретировать музыку, передавая зрителям ее эмоциональное содержание, что важно не только для сцены, но и для педагогической практики, где такие качества помогают преподавателю вдохновлять и мотивировать учеников. Личностно-деятельностный критерий охватывает развитие у студента личностных качеств, среди этих качеств мы можем выделить самостоятельность, креативность, познавательная активность и способность к саморазвитию. В китайской системе музыкального образования большое внимание уделяется развитию этих качеств, так как они формируют основу для эффективной педагогической деятельности. Педагог-вокалист должен обладать не только знаниями и умениями, но и высокой степенью самоорганизации, ответственностью и мотивацией к постоянному профессиональному совершенствованию. Личностно-деятельностный критерий также важен, ведь все же он определяет, насколько студент готов к самостоятельной работе и может эффективно справляться с профессиональными задачами, конечно же это незаменимо в условиях педагогической деятельности, где от преподавателя ожидается уме-

ние организовать учебный процесс и стать примером для подражания своим ученикам.

Анализ показал, что культурологические и социокультурные подходы, кроющие в себе национальные и международные музыкальные традиции, способствуют развитию у студентов понимания культурного контекста и формируют их как педагогов, способных к межкультурной коммуникации. Индивидуализация учебного процесса, с акцентом на выбор репертуара и адаптацию методик, повысила у студентов уверенность и мотивацию к саморазвитию, по сути своей именно этот подход позволил создать условия, где каждый студент мог максимально раскрыть свои способности, что особенно важно для вокального и педагогического обучения. В ходе обучения в китайской музыкальной школе автор получил ценный практический опыт, который впоследствии повлиял на личное понимание значимости сценической практики и социокультурных подходов в процессе подготовки вокалистов.

В процессе подготовки к сценическим выступлениям автор не только совершенствовал свои технические навыки, но и конечно же учился выражать эмоциональное содержание произведений, что также собственно стало важной частью подготовки как будущего педагога. Каждое выступление было построено таким образом, чтобы по сути своей поэтапно развивать компетенции – от технических до артистических и педагогических. Так, собственно перед выступлениями мы проходили специализированные мастер-классы, на которых педагоги учили нас интерпретировать произведения, опираясь на культурные контексты. В частности там давали задания анализировать традиционные китайские народные песни и параллельно – произведения западной классической музыки, все это в конечном итоге позволило автору, как студенту, не только научиться адаптировать исполнение в зависимости от жанра и аудитории, но и безусловно сильно глубже понять, как культура и история влияют на музыкальные традиции.

Понимание культурных контекстов стало все же некой основой профессионального подхода. После завершения обучения в музыкальной школе пришло осознание, что именно такие глубокие знания помогают педагогу не просто обучать технике, но и передавать учащимся ценности и эмоциональные оттенки каждого произведения. Более того, сценическая практика как собственно средство педагогической подготовки научила взаимодействовать с аудиторией, что также особенно важно для преподавателя, который в будущем бу-

дет работать с группами студентов с различным культурным фоном и уровнем подготовки.

На основе полученного опыта есть предложения расширить программу подготовки студентов-вокалистов и внедрить обязательные модули по межкультурной коммуникации, ведь в сущности данный модуль может дать понимание различных вокальных традиций, также по сути своей подобный опыт помог бы студентам лучше понимать не только технические аспекты вокала, но и культурную значимость музыки, что как раз таки сделает их более подготовленными к преподавательской практике в многонациональной среде.

Также было бы целесообразно введение системы «сценического наставничества», где опытные студенты или педагоги могли бы давать новичкам обратную связь после выступлений, что уже затем

позволит им быстрее адаптироваться и развивать сценическое мастерство.

Выводы

Установлено, что для повышения педагогической компетенции студентов-вокалистов в китайских вузах наиболее эффективно сочетание культурологических и социокультурных подходов, индивидуализация учебного процесса и использование комплексных педагогических критериев оценки, по сути своей данные методы обеспечивают всестороннюю подготовку, развивают у студентов уверенность, технические и художественные навыки, а также личностные качества, необходимые для преподавания. И именно такая интеграция методов и критериев позволяет готовить высококвалифицированных педагогов, способных эффективно обучать и вдохновлять своих учеников.

Список источников

1. Пшеницын А.Ю. Роль сценической практики в процессе профессионального образования будущих артистов // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2. С. 71 – 73.
2. Го Ивэнь Анализ применения элементов традиционной музыки в преподавании вокальной музыки в колледжах и университетах // Исследования в области искусства. Журнал Художественного колледжа Харбинского педагогического университета. 2017. № 1. С. 136 – 137.
3. Чень Мэнтин, Нижникова А.Б. Национальные вокально-исполнительские традиции в обучении вокалистов в Китае // Проблемы эстетического образования в контексте устойчивого развития общества : материалы Междунар. студенч. науч.-практ. конф., Минск, 21 апр. 2021 г. Минск, 2021. С. 586 – 589.
4. Гуань Юэ, Цинь Чао, Цзя Цифэнь Средства театральной педагогики в приобщении начинающих китайских вокалистов к европейскому оперному искусству // Педагогическое образование. 2021. № 4. С. 84 – 91.
5. Андреева Н.П., Шарафуллина Ж.В. Драматизация как вид творческой деятельности // Известия: Ученый журнал Герценовского университета. 2022. № 204. С. 35 – 43.
6. Zhang Tingting Formation of stage skills of students specializing in "Vocal Music" at pedagogical universities in China: abst. dis. on competition of sci. degree PhD in pedagogy. Ekaterinburg, 2022. 23 p.
7. Yao Wei Training of vocal art specialists in the systems of higher music education in China and Russia: dis. on competition of sci. degree PhD in pedagogy. Astrakhan, 2015. 196 p.
8. Zhu Tianyi Basic content principles of the contextual-cultural approach in vocal training at the university level in China // Human Capital. 2022. № 2 (158). P. 118 – 123.
9. Yang Ning Features of training of vocalist of Jilin Pedagogical University (PRC) // Научные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2022. № 8 (74). P. 72 – 77.
10. Solovyanova O.Yu. Model of professional training based on theater technologies // Pedagogy of Art. 2018. № 1. P. 66 – 73.
11. Григорьева А.И. Средства театральной педагогики в развитии профессиональных качеств будущих вокалистов: дис. ... канд. пед. наук. М., 2018. URL: <https://www.dissercat.com/content/sredstva-teatralnoi-pedagogiki-v-razviti-professionalnykh-kachestv-budushchikh-vokalistov> (дата обращения: 30.05.2024)
12. Зайцева Е.А. Универсализация профессиональности подготовки вокалистов в системе высшего образования // Научный журнал «Музыкальное образование и наука». 2020. № 3. С. 45 – 52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/universalizatsiya-professionalnosti-podgotovki-vokalistov-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 30.05.2024)

13. Козлова В.В. Совершенствование профессиональной подготовки студентов-вокалистов: компетентностный подход // Молодой ученый. 2021. № 3. С. 28 – 33. URL: <https://moluch.ru/archive/223/52622/> (дата обращения: 30.05.2024)

14. Смирнова Н.П. Педагогическая компетентность и профессиональные компетенции в оптимизации процесса обучения и воспитания современных студентов-вокалистов // Образование и воспитание. 2019. № 4. С. 84 – 91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskaya-kompetentnost-i-professionalnye-kompetentsii-v-optimizatsii-protssessa-obucheniya-i-vospitaniya-sovremennyh> (дата обращения: 30.05.2024)

References

1. Pshenitsyn A.Yu. The Role of Stage Practice in the Process of Professional Education of Future Artists. The World of Science, Culture, Education. 2019. No. 2. P. 71 – 73.

2. Guo Yiwen Analysis of the Application of Traditional Music Elements in Teaching Vocal Music in Colleges and Universities. Research in the Field of Art. Journal of the Art College of Harbin Normal University. 2017. No. 1. P. 136 – 137.

3. Chen Mengting, Nizhnikova A.B. National Vocal Performance Traditions in Teaching Vocalists in China. Problems of Aesthetic Education in the Context of Sustainable Development of Society: Proc. of the Int. Student Scientific and Practical Conf., Minsk, April 21. 2021 Minsk, 2021. P. 586 – 589.

4. Guan Yue, Qin Chao, Jia Jifen Means of theatrical pedagogy in introducing novice Chinese vocalists to European opera art. Pedagogical education. 2021. No. 4. P. 84 – 91.

5. Andreeva N.P., Sharafullina Z.V. Dramatization as a type of creative activity. Izvestia: Scientific Journal of Herzen University. 2022. No. 204. P. 35 – 43.

6. Zhang Tingting Formation of stage skills of students specializing in "Vocal Music" at pedagogical universities in China: abst. dis. on competition of sci. degree PhD in pedagogy. Ekaterinburg, 2022. 23 p.

7. Yao Wei Training of vocal art specialists in the systems of higher music education in China and Russia: dis. on competition of sci. degree PhD in pedagogy. Astrakhan, 2015. 196 p.

8. Zhu Tianyi Basic content principles of the contextual-cultural approach in vocal training at the university level in China. Human Capital. 2022. No. 2 (158). P. 118 – 123.

9. Yang Ning Features of training of vocalist of Jilin Pedagogical University (PRC). Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology. 2022. No. 8 (74). P. 72 – 77.

10. Solovyanova O.Yu. Model of professional training based on theater technologies. Pedagogy of Art. 2018. No. 1. P. 66 – 73.

11. Grigorieva A.I. Means of theatrical pedagogy in the development of professional qualities of future vocalists: diss. ... Cand. Ped. Sciences. M., 2018. URL: <https://www.dissercat.com/content/sredstva-teatralnoi-pedagogiki-v-razviti-professionalnykh-kachestv-budushchikh-vokalistov> (date of access: 30.05.2024)

12. Zaitseva E.A. Universalization of the professionalism of training vocalists in the system of higher education. Scientific journal "Musical Education and Science". 2020. No. 3. P. 45 – 52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/universalizatsiya-professionalnosti-podgotovki-vokalistov-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya> (date of access: 30.05.2024)

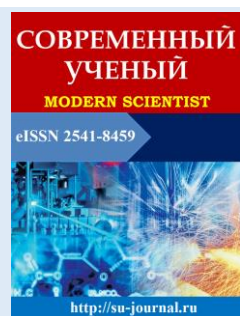
13. Kozlova V.V. Improving the professional training of student vocalists: a competence-based approach. Young scientist. 2021. No. 3. P. 28 – 33. URL: <https://moluch.ru/archive/223/52622/> (date of access: 30.05.2024)

14. Smirnova N.P. Pedagogical competence and professional competencies in optimizing the process of teaching and upbringing modern student vocalists. Education and upbringing. 2019. No. 4. P. 84 – 91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskaya-kompetentnost-i-professionalnye-kompetentsii-v-optimizatsii-protssessa-obucheniya-i-vospitaniya-sovremennyh> (date of access: 30.05.2024)

Информация об авторе

Бу Хаодун, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

© Бу Хаодун, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 378.147

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-247-253

О перспективах применения системы интервального повторения, прямого и косвенного методов в процессе обучения английскому языку студентов юридических специальностей

¹ Малишевская Н.А., ¹ Бессарабова О.Н.

¹ Ростовский государственный университет путей сообщения

Аннотация: в данной работе представлен опыт применения системы интервального повторения, а также прямого и косвенного методов обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Авторы рассмотрели целесообразность и продуктивность вышеперечисленных методов, обратив внимание на их сильные и слабые стороны, продемонстрировав, при изучении каких дидактических единиц тот или иной метод работает лучше. Анализируется инновационный аналитический подход с акцентом на форму, разработанный Лонгом, который предполагает использование различных педагогических процедур, перспективность его демонстрируется авторами на примере обучения студентов юридических специальностей. Полагаем, что настоящее исследование даст некоторое представление о разговорной речи студентов, их способностях и навыках. Несмотря на то, что исследование было коротким, мы попытались изучить речевые манеры учащихся и то, как они проявляются в конкретных обстоятельствах. Данная статья даёт преподавателям иностранных языков представление о том, какие методы и практики помогут нашим учащимся улучшить разговорные навыки.

Ключевые слова: интервальное повторение, прямые и косвенные методы обучения, разговорные навыки, беглость речи, стратегическое планирование студент

Для цитирования: Малишевская Н.А., Бессарабова О.Н. О перспективах применения системы интервального повторения, прямого и косвенного методов в процессе обучения английскому языку студентов юридических специальностей // Современный ученый. 2025. № 1. С. 247 – 253. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-247-253

Поступила в редакцию: 12 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 14 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

On the prospects of using the system of interval repetition, direct and indirect methods in the process of teaching English to law students

¹ Malishevskaya N.A., ¹ Bessarabova O.N.

¹ Rostov State Transport University

Abstract: this paper presents the experience of using the interval repetition system, as well as direct and indirect methods of teaching a foreign language in a non-linguistic university. The authors examined the expediency and

productivity of the above methods, paying attention to their strengths and weaknesses, demonstrating which didactic units one or another method works better when studying. The article analyzes an innovative analytical approach with an emphasis on form, developed by Long, which involves the use of various pedagogical procedures, its prospects are demonstrated by the authors on the example of teaching law students. We believe that this study will provide some insight into students' spoken language, their abilities and skills. Despite the fact that the study was short, we tried to study the speech manners of students and how they manifest themselves in specific circumstances. This article gives foreign language teachers an idea of what methods and practices will help our students improve their conversational skills.

Keywords: interval repetition, direct and indirect teaching methods, conversational skills, fluency of speech, strategic planning student

For citation: Malishevskaya N.A., Bessarabova O.N. On the prospects of using the system of interval repetition, direct and indirect methods in the process of teaching English to law students. Modern Scientist. 2025. 1. P. 247 – 253. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-247-253

The article was submitted: September 12, 2024; Approved after reviewing: November 14, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Цель данной статьи заключается в том, чтобы выяснить, можно ли улучшить разговорные навыки обучающихся за один семестр, включающий 48 часов, используя систему интервального повторения, а также прямого и косвенного методов обучения. В качестве испытуемых были выбраны студенты очной формы обучения юридического факультета Южно-Российского филиала РАНХиГС, обучающиеся по профилю «Государственно-правовой», владеющие английским языком на уровне Upper Intermediate. Основное внимание в исследовании уделялось беглости речи, а также точности и чистоте произношения. Беглость речи была выбрана в качестве основной области совершенствования после проведения предварительного теста. Правильная, непрерывная речь без повторов и длительных пауз оказалась проблематичной для большинства обучающихся, поэтому студенты выразили желание её усовершенствовать. Также у некоторых участников была конкретная цель обучения, которая совпадала с целью исследования, имеется ввиду подготовка к участию в студенческих научных конференциях, симпозиумах и т.д., что подразумевает свободное владение академическим языком.

Материалы и методы исследований

Беседа по разговорным темам, предусмотренным программой, помогает оценить уровень владения разговорной речью обучаемого. Формат собеседования имитирует реальные коммуникативные ситуации, по этой причине были разработаны задания на основе коммуникативного метода обучения языку. Нам импонирует педагогический подход, представленный в исследованиях Т.Е. Ис-

аевой [2], О.Н. Бессарабовой [1], Л.Н. Черкасовой [6], а также Гатбонтон и Сегаловица, (Gatbonton E., & Segalowitz N.) [8], посвященный коммуникативной составляющей и автоматизации беглости речи. Это основанный на задачах коммуникативный подход к обучению, состоящий из предварительного задания, основной задачи, этапа закрепления и фазы свободного общения. Каждое учебное занятие включало в себя обратную связь, за которой следовало повторение основного задания. Мы поставили цель – повысить беглость речи за счет практики устного общения. В рамках предварительного задания были использованы разговорные стратегии, разнообразие точек зрения и четкое обозначение критериев оценки были предварительно изложены студентам. Предварительное планирование в форме стратегического планирования также было частью подготовки к выполнению задания. В рамках данного исследования мы использовали, главным образом, прямой подход к обучению навыкам устной речи, хотя и не обошли своим вниманием и косвенный. Повторение использовалось на каждом занятии в качестве задания.

После каждого задания на беглость давалась четкая обратная связь, чтобы закрепить только что выполненное упражнение. Стратегическое планирование было частью предварительного задания на каждом занятии, так как оно способствует дальнейшей концептуализации и развитию речи. Можно предположить, что учащиеся, не планирующие время, с большей вероятностью будут делать частые и продолжительные паузы и использовать менее сложные формулировки. Кроме того, неуправляемое планирование повышает точность

изложения. Повышение точности и сложности заданий у учащихся является важным фактором. Перед каждым заданием по устной речи студенты имели возможность спланировать содержание, структуру и язык своей речи в течение 2-3 минут, им также рекомендовалось делать заметки, которые помогли бы им систематизировать высказывания. Кроме того, в рамках предварительного задания студенты были ознакомлены со стратегиями и правилами ведения разговора. Это было частью прямого подхода к обучению навыкам разговорной речи, также было изучено правило смены тем, чтобы помочь ребятам плавно переходить от одной темы к другой в своем выступлении. Стратегии перефразирования и введения новых слов использовались для обобщения высказывания, также изученные правила способствовали организации и структурированию речи, повышая эффективность общения.

Как показало предварительное тестирование устной речи у многих обучающихся возникли проблемы с организацией своих рассуждений и приведением примеров, а также длительные паузы в речи. Чтобы помочь им совершенствоваться в этих областях были предварительно изучены правила и стратегии ведения разговора. Так, представление различных точек зрения помогает учащимся чувствовать себя комфортно в длительной беседе и использовать эти точки зрения в качестве опоры и стимула для идей.

Задания включали упражнения на произношение, лексику, разговорную речь. Так, например изучая тему «Политический строй России, Великобритании, США», студентам были предложены следующие задания:

- прочтите однокоренные слова, обращая внимание на изменения в произношении и ударение;
- прочтите текст «Systems of Government», соблюдая правила интонационного оформления;

Задания на лексику включали тематический словарь, состоящий примерно из двадцати слов, а также задания типа:

- найдите в тексте английские эквиваленты следующих словосочетаний;
- переведите словосочетания на русский язык;
- по словообразовательным суффиксам определите, к каким частям речи принадлежат следующие слова и сгруппируйте их по частям речи;
- образуйте слова с противоположным значением при помощи следующих префиксов;

Часть занятия, посвященная устной речи, включала следующие упражнения:

- закончите предложения, переведя на английский следующие фразы;

- расскажите о системе государственного управления в России, используя следующие словосочетания;

- ролевая игра «Конференция» заслуживает особого внимания, задание является повторяющимся и коммуникативным по своей природе. Участники разделились на группы по три человека. Каждая группа должна выбрать одну из предложенных тем для обсуждения (The Russian people need a monarch, not a president, Parliament should have more power than the Cabinet, A federation is always more democratic than a unitary state and so on). Далее следует распределение ролей по группам и рекомендации по использованию разговорных конструкций, выражающих точку зрения, согласие и несогласие, сбалансированную позицию. Были выбраны два конкретных формата: повествовательный и диалогический, для обоих из которых предусмотрено время на планирование перед выполнением задания. Были созданы либо повествование, либо диалог в течение 5-7 минут.

В течении учебного семестра нас интересовали следующие вопросы:

1. Можно ли улучшить беглость речи учащихся за счет выполнения трёх заданий на беглость речи

2. Являются ли своевременное повторение и четкая обратная связь эффективными средствами улучшения беглости речи?

Предварительное тестирование состояло из общих вопросов в стиле интервью о себе, личном досуге, будущей профессии. Симптоматично, что ребятам было трудно приводить доводы и примеры, поэтому им было предложено выписать примерно повторяющиеся фразы и заменить их синонимами. Затем, в контексте диалога мы изучили клише, которые используются для постановки вопросов и объяснения причин. Основное задание на беглость было выполнено в форме диалога между преподавателем и студентами на тему «Профессии в юридической отрасли». У обучающихся было время спланировать речь и сделать заметки. После выполнения задания на беглость преподаватель дал четкую корректирующую обратную связь, сосредоточив внимание на вопросительной структуре предложений и условных предложениях с придаточными *if*, поскольку студенты испытывали трудности при построении предложений с использованием этих грамматических форм.

Поскольку на предыдущем занятии у ребят возникли некоторые трудности с предложениями *if*, мы сосредоточились на этой грамматической

форме. Были даны подробные инструкции по выражению возможностей с помощью предложений с *if*. Выражения изучались в контексте диалога. Контролируемая практика проводилась в форме упражнений на завершение предложения с придаточными предложениями *if*.

Одной из проблем, с которой мы столкнулись, было непрерывное общение в течение определенного периода времени.

Когда речь заходит о том, как студентов следует учить разговорной речи, возникает вопрос, какой метод является наиболее продуктивным. Разделение изучаемого языка на дидактические единицы и их интенсивная практика доведения до совершенства имеет свои плюсы и минусы. Некоторые исследователи считают, что учащихся следует обучать грамматике или лексике непосредственно под руководством преподавателя и что их обучение следует контролировать независимо от того, испытывают они трудности или нет, чтобы у них не возникало проблем, когда они учатся [3,4]. Безусловно, описанный подход имеет свои преимущества, но вместе с тем, мы хотели бы обратить внимание на метод, который может служить хорошим подспорьем для учащихся.

При таком альтернативном подходе учащиеся изучают иностранный язык как бы между прочим, поскольку он не преподается им явно. Разработчики данного метода [9] полагают, что он в большей степени использует языковое поведение и что учащиеся могут использовать его более коммуникативно и спонтанно, таким образом, он больше работает с внутренней программой учащегося, в отличие от работы с искусственной программой учебника или курса. Успешная работа в контекстах, основанных на задачах, в которых основное внимание уделяется использованию аутентичного языка и просьба к учащимся выполнять задания с использованием изучаемого языка часто характеризует продвинутый язык [5]. Могут ли оба эти подхода использоваться взаимодополняющим образом и оказывать положительное влияние на лексическую сложность, точность и беглость речи учащихся? Можно ли использовать эти методы одновременно, а также оказывают ли они положительное влияние на навыки владения языком?

Результаты и обсуждения

За последние несколько десятилетий произошел переход от традиционных методов преподавания языка, ориентированных на преподавателя к альтернативным, ориентированным в большей степени на учащихся и основанным на выполнении коммуникативных заданий, включающих в

себя целенаправленные действия, то есть «деятельность, которая предполагает использование языка, но в которой основное внимание уделяется результату деятельности, а не языку, используемому для достижения этого результата» [10]. Таким образом, основное внимание уделяется улучшению языковых способностей учащихся, а не просто выполнению определенных заданий. Мы использовали данный подход в течении семестра и обратили внимание на развивающуюся креативность учащихся, желание практиковаться как можно больше в контролируемой среде. Здесь мы используем аналитический и синтетический подходы соответственно. Когда мы фокусируемся на точности, беглости и лексике речи учащихся, оба этих подхода имеют свои преимущества. Так, при аналитическом подходе разговорная компетентность рассматривается как вовлечение учащихся в диалоговое взаимодействие, что предполагает ситуационные ролевые игры, задания на решение проблем и упражнения на устранение информационных пробелов. Использование косвенного подхода позволяет учащимся самостоятельно осваивать язык и понимать его, поскольку их не обучают каким-либо дидактическим единицам избирательно. Если во время занятия они сталкиваются, например, с определенными грамматическими трудностями, они могут проконсультироваться с преподавателем. Студенты знакомятся с моделями языка, максимально естественными и аутентичными репрезентациями общения на целевом языке, и постепенно осваивают подлинно коммуникативный язык перевода [7]. Основой для непрямого подхода является имитация способа, с помощью которого учится говорить ребёнок, полагая, что взрослые могут изучать язык аналогичным образом. Другими словами, косвенный подход делает акцент на форме, побуждая учащихся обращать внимание на синтаксические особенности при обработке текста в поисках смысла.

Прямой подход противоположен косвенному, так как он предполагает четкое планирование заданий, посвященных конкретным навыкам, стратегиям и процессам, он более систематичен, чем не прямой и направлен на повышение осведомленности учащихся о правилах ведения беседы, об используемых стратегиях. Прямой подход может быть полезен для учащихся с уровнем подготовки Elementary или Pre-Intermediate, когда преподаватель объясняет какое-то конкретное правило. Прямой подход также фокусируется на языке, который будет преподаваться, разделяя его на лингвистические единицы одного или нескольких ви-

дов - слова, словосочетания и грамматические правила -упорядочивают их в соответствии с одним или несколькими критериями - валентностью, критичностью, частотностью, значимостью и сложностью - и представляют обучающемуся элементы один за другим. Таким образом, прямой подход делает акцент на значении. Лингвист Скехан предположил, что в коммуникативных взаимодействиях интенсивное внимание к значению может помешать учащимся заметить форму высказываний, которые они используют. Оба подхода подвергались критике и вызывали обеспокоенность по поводу того, насколько они результативны [10].

Однако в классе, основанном на коммуникативных задачах, основная идея заключается в том, чтобы сделать процесс усвоения более плавным и легким для учащихся. Лонг допускает, что проблема прямого подхода, а также сосредоточенности на формах заключается в предположении, что обучающиеся могут и будут усваивать то, чему их учат, когда их этому научат, и дальнейшее предположение о том, что если обучающиеся знакомятся с готовыми целевыми версиями структур по одной за занятие, то после достаточно интенсивной практики они будут добавлять новые целевые версии.

Это означает, что студенты могут учиться по принципу пирамиды, поскольку, как только у них будет основа для изучения языка, они смогут просто отталкиваться от этого фундамента, добавляя всё новые «этажи». Студенты уровня Upper Intermediate способны в наибольшей степени контролировать свой языковой прогресс и развивать лингвистические навыки. Симптоматично, что задача преподавателя - научить, а не просто дать информацию. Уделяя особое внимание процессу обучения, мы не должны забывать о конечном результате. Возможность применить свои знания на практике имеет решающее значение для так называемого «внутреннего учебного плана» учащегося, посредством которого осуществляется контроль над использованием иностранного языка. Пытаясь заставить обучающихся изучать язык только с помощью учебника или программы, составленной преподавателем, можно столкнуться с тем, что это не всегда соответствует естественному инстинктивному способу изучения иностранного языка.

Очевидно, что существуют проблемы с выбором только прямого или косвенного метода. Используя только прямой метод, мы сосредотачиваемся на значении и зачастую упускаем возможность дать студентам возможность самостоятельно

изучать язык. При исключительно косвенном подходе без внимания остаётся вопрос формы и могут возникнуть трудности с переводом.

Лонг рассуждает о третьем варианте, который он называет аналитическим подходом с акцентом на форму. Акцент на форме предполагает использование различных педагогических процедур, чтобы привлечь внимание учащегося к лингвистическим проблемам в контексте, по мере того как эти проблемы возникают во время общения, тем самым повышая вероятность того, что внимание к особенностям кода будет синхронизировано со стадией освоения учащимся внутренней программы и их способностями к обработке. Кроме того, фокус на форме использует символическую взаимосвязь между явным и неявным обучением, инструкцией и знаниями. Эта идея заключается в том, что с учащимися уровня Intermediate можно использовать как косвенный, так и прямой подходы одновременно. Оба метода имеют свои преимущества и недостатки. Апробирование аналитического подхода с акцентом на форму, по видимому, имеет преимущества, однако нет гарантии, что это сработает. У каждого учащегося есть определенный способ, с помощью которого он учится лучше всего. В конечном счете, как и в большинстве вопросов, связанных с освоением, эти подходы должны быть реализованы таким образом, чтобы учащиеся могли видеть прогресс, которого они добиваются.

Задания на устную речь были выбраны для того, чтобы помочь учащимся развить способность к перефразированию. Бывают случаи, когда учащийся не может вспомнить конкретное слово и испытывает трудности с перефразированием, чтобы помочь собеседнику понять, что это за слово. В течение семестра было проведено двадцать четыре занятия. Были представлены новые фразы и способы перефразирования слов, с которыми учащиеся не сталкивались ранее.

На протяжении всего этого исследования использовались как прямые, так и косвенные подходы, иногда одновременно во время одного и того же занятия. Основное внимание уделялось использованию полезных структур для перефразирования, поэтому считалось, что явное, а не скрытое обучение этим фразам поможет учащемуся запомнить и использовать их. Однако этого не произошло.

Из-за этого снижения беглости и точности было решено, что оставшиеся новые формы следует изучать косвенным методом на следующем занятии. После того, как они были преподаны на вось-

мом уроке, студенты стали чаще использовать перифразирующие формы в своем описании предметов. Таким образом, их беглость, точность и часть лексической сложности повысились. Однако количество предложений, лексем и типов текста снизилось; это связано с тем фактом, что в задачах личного обмена повышается точность и беглость, но не сложность, что задачи, основанные на конкретной или знакомой информации, имеют преимущество в точности и беглости [10]. Более того, эта идея подтверждает гипотезу компромисса, указывая на то, что одновременное преимущество в областях сложности, точности и беглости речи встречается редко, в то время как лексическая сложность продолжала варьироваться.

Выводы

Мы надеемся, что настоящее исследование даст некоторое представление о разговорной речи студентов, их способностях и навыках. Несмотря на то, что исследование было коротким, было довольно интересно внимательно изучить речевые манеры учащихся и то, как они проявляются в конкретных обстоятельствах. Такого рода исследова-

ния дают преподавателям иностранных языков представление о том, какие методы и практики помогут нашим учащимся улучшить разговорные навыки. После завершения исследования мы смогли проиллюстрировать, когда и как применять прямые и косвенные методы. В ходе исследования применялись оба эти метода; если бы они использовались в разное время, например, при введении перифразирования, косвенный метод был бы более полезным, чем прямой, поскольку прямой метод заставлял бы учащегося слишком сильно концентрироваться на перифразировании. Можно использовать оба метода, используя аналитический подход, чтобы сосредоточиться на форме. Это может оказаться более полезным в определенных ситуациях обучения, поскольку это поможет более широкому спектру стилей обучения, чем выбор прямого или косвенного подхода. Однако в данном исследовании они не показались полезными для обучения способам перифразирования слов. Исследование дало гораздо более широкое представление о том, как учащиеся говорят и что включает в себя разговорная речь.

Список источников

1. Бессарабова О.Н. Особенности обучения иностранному языку с применением информационно-коммуникационных технологий // Преподаватель высшей школы в XXI веке: Труды Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2021. С. 225 – 230.
2. Исаева Т.Е., Малишевская Н.А. Реализация компетентностного подхода в профессиональной подготовке обучающихся технических вузов через использование электронных симуляторов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 2 (101). С. 132 – 146.
3. Малишевская Н.А., Бессарабова О.Н. Современные методы и технологии преподавания иностранного языка // Педагогическое образование. 2023. Т. 4. № 8. С. 31 – 37.
4. Малишевская Н.А. Влияние обучения английскому языку на формирование компетенций специалиста в сфере экономической безопасности // Профессиональное лингвообразование: материалы семнадцатой международной научно-практической конференции. 13 октября 2023 г. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2023. С. 180 – 185.
5. Симонова О.Б., Барашян В.К. Применение симуляторов реальности в техническом вузе: эмпирическое исследование // Казанский педагогический журнал. 2023. № 2. С. 96 – 104. DOI: 10.51379/KPJ.2023.159.2.013
6. Черкасова Л.Н., Гампарцумов А.С. Особенности преподавания иностранного языка в сфере изменения компетентностного подхода // В сб.: Актуальные проблемы лингвистики формирования языковой компетенции юристов в современных условиях. 2019. С. 258 – 261.
7. Черкасова Л.Н. Обучение иностранным языкам в условиях трансформации педагогической парадигмы // Методика преподавания иностранных языков и РКИ: традиции и инновации: сборник научных трудов VIII международной научно-методической онлайн-конференции, посвященной Году педагога и наставника в России и Году русского языка в странах СНГ (11 апреля 2023 г.). Курск: Изд-во КГМУ, 2023. С. 129 – 132.
8. Gattbonton E., Segalowitz N. Rethinking communicative language teaching. A focus on access on fluency // The Canadian Modern Language Review La Revue des langues vivantes, 2005. № 61 (3). P. 325 – 353.
9. Long M.H. Methodological principles for language teaching // In M.H. Long, C.J. Doughty (Eds.) The handbook of language teaching 2009 Oxford: Blackwell. P. 373 – 394.
10. Skehan P. Modelling second language performance: Integrating complexity, accuracy, fluency, and lexis // Applied Linguistics, 2009. № 30 (4). P. 510 – 532.

References

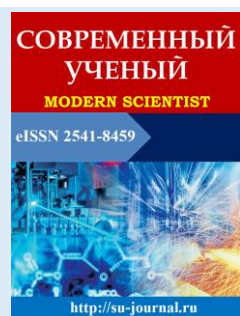
1. Bessarabova O.N. Features of teaching a foreign language using information and communication technologies. Higher education teacher in the 21st century: Proceedings of the International scientific and practical conference. Rostov-on-Don, 2021. P. 225 – 230.
2. Isaeva T.E., Malishevskaya N.A. Implementation of a competency-based approach in the professional training of students of technical universities through the use of electronic simulators. Bulletin of Cherepovets State University. 2021. No. 2 (101). P. 132 – 146.
3. Malishevskaya N.A., Bessarabova O.N. Modern methods and technologies of teaching a foreign language. Pedagogical education. 2023. Vol. 4. No. 8. P. 31 – 37.
4. Malishevskaya N.A. The Impact of English Language Teaching on the Formation of Specialist Competencies in the Field of Economic Security. Professional Linguistic Education: Proceedings of the Seventeenth International Scientific and Practical Conference. October 13, 2023. Nizhny Novgorod: RANEPa, 2023. P. 180 – 185.
5. Simonova O.B., Barashyan V.K. The Use of Reality Simulators in a Technical University: An Empirical Study. Kazan Pedagogical Journal. 2023. No. 2. P. 96 – 104. DOI: 10.51379/KPJ.2023.159.2.013
6. Cherkasova L.N., Gampartsumov A.S. Features of Teaching a Foreign Language in the Sphere of Changing the Competence-Based Approach. In the collection: Actual Problems of Linguistics and the Formation of Linguistic Competence of Lawyers in Modern Conditions. 2019. P. 258 – 261.
7. Cherkasova L.N. Teaching Foreign Languages in the Context of the Transformation of the Pedagogical Paradigm. Methods of Teaching Foreign Languages and Russian Foreign Languages: Traditions and Innovations: Collection of Scientific Papers of the VIII International Scientific and Methodological Online Conference Dedicated to the Year of the Teacher and Mentor in Russia and the Year of the Russian Language in the CIS Countries (April 11, 2023). Kursk: Publishing House of KSMU, 2023. P. 129 – 132.
8. Gatbonton E., Segalowitz N. Rethinking Communicative Language Teaching. A Focus on Access on Fluency. The Canadian Modern Language Review La Revue des langues vivantes, 2005. No. 61 (3). P. 325 – 353.
9. Long M.H. Methodological principles for language teaching. In M.H. Long, C.J. Doughty (Eds.) The handbook of language teaching 2009 Oxford: Blackwell. P. 373 – 394.
10. Skehan P. Modeling second language performance: Integrating complexity, accuracy, fluency, and lexis. Applied Linguistics, 2009. No. 30 (4). P. 510 – 532.

Информация об авторах

Малишевская Н.А., Ростовский государственный университет путей сообщения, namal@inbox.ru

Бессарабова О.Н., Ростовский государственный университет путей сообщения

© Малишевская Н.А., Бессарабова О.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 006.85

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-254-265

Мониторинг развития структур высшего образовательного учреждения с позиции модели устойчивого развития EFQM 2020

¹ Митрофанова И.П., ¹ Алексеева А.С., ² Хурцидзе М.Х.

¹ Московский государственный строительный университет,

² Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)

Аннотация: в условиях постоянных внешних вызовов возникает необходимость в трансформации учебных заведений для воспитания высококвалифицированных специалистов и адаптивности работников на рынке труда. В данной статье проведено исследование проблематики и специфики высшего образования в России. В то же время, на рынке образовательных услуг на примере общепризнанной модели совершенствования деятельности EFQM были показаны ключевые направления «успешной» организации в современных условиях, на основе чего сложилось понимание состояния университета с точки зрения одной из основных в группе заинтересованных сторон, таких как студенты. Результаты опроса позволяют оценить текущее состояние организации и определить направление ее развития с позиции одной из групп стейкхолдеров – студентов, что может стать предпосылкой для дальнейшей постановки целей и задач для улучшения ключевых направлений деятельности высшего учебного заведения.

Ключевые слова: университет 4.0, модель качества, экосистема, EFQM, оценка стейкхолдеров

Для цитирования: Митрофанова И.П., Алексеева А.С., Хурцидзе М.Х. Мониторинг развития структур высшего образовательного учреждения с позиции модели устойчивого развития EFQM 2020 // Современный ученый. 2025. № 1. С. 254 – 265. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-254-265

Поступила в редакцию: 14 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 15 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Monitoring the development of higher education institution structures from the perspective of the EFQM 2020 sustainable development model

¹ Mitrofanova I.P., ¹ Alekseeva A.S., ² Khurtsidze M.H.

¹ Moscow State University of Civil Engineering,

² Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky (PKU)

Abstract: in the context of constant external challenges, there is a need to transform educational institutions to educate highly qualified specialists and adaptability of workers in the labor market. This article examines the problems and specifics of higher education in Russia. At the same time, in the educational services market, using the example of the generally recognized EFQM business improvement model, the key directions of a "successful" organization in modern conditions were shown, on the basis of which an understanding of the state of the university was formed from the point of view of one of the main stakeholders in the group, such as students. The results of the survey al-

low us to assess the current state of the organization and determine the direction of its development from the position of one of the groups of stakeholders – students, which can become a prerequisite for further setting goals and objectives to improve the key areas of activity of the higher educational institution.

Keywords: university 4.0, quality model, ecosystem, model of the European Foundation for Quality Management – EFQM, stakeholder assessment

For citation: Mitrofanova I.P., Alekseeva A.S., Khurtsidze M.H. Monitoring the development of higher education institution structures from the perspective of the EFQM 2020 sustainable development model. Modern Scientist. 2025. 1. P. 254 – 265. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-254-265

The article was submitted: September 14, 2024; Approved after reviewing: November 15, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Высшее образование во всем мире является одним из ключевых факторов для успешной карьеры и социального развития, поэтому качественное образование является предпосылкой любой процветающей экономики страны и лежит в основе Стратегических приоритетов государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» до 2030 года [3]. В основе российской системы высшего образования, как важнейших конкурентных преимуществ, должны лежать национальные интересы и максимальное пространство возможностей для каждого студента с сохранением принципов фундаментальности, системности, междисциплинарности, творческого индивидуального подхода присущему российскому университетскому образованию [2].

Опираясь на ряд исследований компетентных источников, можно выделить следующие объективные проблемы нынешнего положения в высших образовательных учреждениях России [2, 4, 11, 15]:

1) излишняя теоретическая направленность и отсутствие практической базы у студентов;

2) дисбаланс между рынком труда и выпускниками по определённым направлениям – работа не по специальности/дополнительное время на переучивание;

3) низкое финансирование;

4) неэффективное качество обучения – необходимость в обновлении программ и подходов;

5) инверсия качества в науке и в высшем образовании (завышенные баллы, низкая мотивация, отказ от практики отчисления неуспевающих, погоня за баллами, выдача дипломов неквалифицированным специалистам, девальвация качества научных публикаций и пр.);

6) жесткая регламентация профессорско-преподавательского состава;

7) кризис старой системы образования – менеджеристская концепция и традиционные цели

высшего образования оказались рассогласованными;

8) низкая стипендия студентов, вынуждающая их устраиваться на работу, тем самым отвлекая от основного занятия – учебы.

Данный перечень порождает множество других проблем. Основным слабым звеном указывается содержание образовательных программ – обостряется вопрос: «чему учить?», когда есть неуверенность в каком социальном, экономическом и технологическом укладе общества предстоит жить и работать нынешнему человеку [4]. Из Послания Президента РФ В. В. Путина к Федеральному Собранию 21 февраля 2023 года можно выделить речь о необходимости в серьёзных изменениях в системе образования с учетом новых требований к специалистам в экономике, социальных отраслях, во всех сферах жизни и повышении качества образования [18].

Материалы и методы исследований

С учетом сложившейся ситуации образовательные организации должны разрабатывать инновационные подходы к самостоятельному обеспечению качества образования. В настоящее время отмечается, что сектор образования стал более конкурентоспособным, а значит успех зависит от признания заинтересованных сторон, способности организации привлекать финансирование для достижения устойчивости, а также от высокой адаптивности в условия рынка и постоянного изменения технологии во всех сферах жизни общества [4, 21]. В такой ситуации, в университетах развитие понимания «качества» стало схожим с подходами в мире бизнеса [20]. Эти подходы можно реализовать для совершенствования образовательных процессов, используя следующие модели качества:

1. Премия Правительства РФ в области качества;

2. Национальные проекты (Приоритетный

проект «Вузы как центр пространства создания инноваций» (2016-2025 гг.); Приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» (2017-2025 гг.); Национальный проект «Образование» (2019-2024 гг.); Программа «Приоритет 2030» и т.д.) [7, 17];

3. различные системы менеджмента качества (СМК): TQM, модель ISO, модель EFQM (редакция 2020г.), модель CAF и т. д. [6];

4. ориентация на модель Университет 4.0 (миссия – образование, наука и инновации, интеграция различных структур социума для решения проблем устойчивого развития общества) [21].

Ранее управление качеством в высших образовательных учреждениях началось с относительно узкого взгляда на удовлетворенность студентов и практику аккредитации, оно превратилось в комплексную структуру, включающую лидерство и принятие решений, адаптацию/разработку стратегии, планирование человеческих ресурсов, изменение организационной культуры, инфраструктурные/надструктурные инвестиции, финансовая эффективность и т.д. [21]. С течением времени различные модели управления естественным образом повлияли на качество управления в университетах, выбор модели происходит в соответствии с целями самого учреждения, а также влиянием внутренних и внешних факторов.

Проведя анализ ряда зарубежной и русскоязычной литературы по исследованиям проблем касательно управления качеством в высшем образовании, авторы данной статьи пришли к выводу о том, что различные модели совершенствования деятельности организаций высшего образования или системы оптимизации их бизнес-процессов для успешного их применения всегда должны быть индивидуально подстроены с учетом особенностей не только самой организации, но и специфических особенностей отрасли в регионе. Поэтому целесообразно привести специфику организаций высшего образования в России на настоящее время [2, 12]:

1. региональные особенности (многонациональность, различные ценностно-ориентационные видения, организационные, нормативно-регламентирующие, материально-пространственные, информационно-содержательные и перспективно-проективные специфика регионов) [16];

2. влияние нового технологического уклада, индустрии 4.0, низкое техническое оснащение – использование потенциала не на 100%, переход на

дистанционное обучение, вопросы применения искусственного интеллекта, необходимость перехода к модели университета 4.0 (образование, наука и инновации и интеграция различных структур социума для решения проблем устойчивого развития общества) [7];

3. мощная фундаментальная составляющая образования, обеспечивающая специалистам возможность решать и в будущем новые сложные задачи, а также задачи, лежащие в смежных областях знаний и, что важно, на стыках наук, где наиболее вероятно появление научных открытий, прорывных технологий и оригинальных инженерных решений;

4. подготовка специалистов осуществляется на основе интеграции учебного и научного процессов, высокий уровень требований, предъявляемых к студенту в процессе обучения;

5. повышение конкуренции между вузами, также со стороны других структурных элементов образовательной системы;

6. менеджеристская концепция высшего образования;

7. санкционное давление на Россию, выход страны из болонского процесса и ряда других международных соглашений в сфере образования.

Таким образом, структуры высшего образования в стране всегда модифицируются под влиянием внутренних и внешних изменений. Исходя из современных тенденций в образовании выделяются следующие обще-универсальные для выпускников вузов способности и компетенции [12]:

- возможность гибко ориентироваться в меняющихся жизненных ситуациях, адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам;

- наличие критического мышления на возникающие проблемы и поиск путей их решения;

- генерация новых идей, творческое мышление с ориентацией на проектную деятельность;

- рациональная работа с информацией: собирать факты, анализировать и обобщать их, сопоставлять с аналогичными или альтернативными вариантами решения, устанавливать статистические и логические закономерности, делать аргументированные выводы;

- развитие коммуникативности в различных социальных группах, предотвращая или регулируя конфликтные ситуации;

- постоянная работа над развитием нравственности и духовности, интеллекта, эстетического вкуса.

Система управления качеством в университетах, учитывая разнообразие их внутренней и внешней деятельности, в частности, становится сложной оперативной областью для всего учреждения. Несмотря на множественность интерпретаций моделей университетов, одним из наиболее признанных является подход, определяющий траекторию изменения современных университетов в направлении модели Университета 4.0 [7].

Общество, развивающееся в условиях новой реальности и по новым законам, нуждается в самоуправляемых, предприимчивых людях, способных выстраивать вектор своего развития, просчитывая все возможные последствия. С развитием новых технологий сам общественный уклад становится инновационным, требующим от своих членов общества мобильности, динамики, гибкости, конструктивности, способности работать в команде [5]. В России концепция перехода к устойчивому развитию регулируется целым рядом правительственных программ стратегического развития, где приоритетным является вклад университета в комплексное развитие региона, за счет синергии университетов с частными коммерческими компаниями, органами управления и структурами гражданского общества [17]. Данные программы должны побуждать к атмосфере полезной конкуренции, с возможностью брать лучшие практики у «опорных» вузов, стремиться стать лидером развития региона, обретая такие качества как системность, устойчивость и адаптируемость.

Экосистемность и ключевые направления совершенствования деятельности по модели EFQM

Вместе с тем, важно отметить, что понятие экосистемности сейчас пронизывает все сферы деятельности во всем мире, поскольку организации ориентированы на устойчивое развитие, а взгляд на конкуренцию изменяется на позицию взаимовыгодного сотрудничества. В обширном понимании экосистема – это все те компоненты, что окружают организацию и влияют на ее деятельность с внешней стороны, организация должна знать все заинтересованные стороны и ориентироваться на сотрудничество с ними [14]. В университетской же экосистеме важно рассмотреть входные потоки со стороны заинтересованных сторон: инновационные идеи, научные разработки, информация и другие интеллектуальные ресурсы. На выходе системы будут аккумулироваться внедрённые инновации, создаваться продукты, проекты, программы и стратегии [11]. Базовая экосистема заинтересованных сторон образовательной организации с позиции устойчивого развития и стратегии модели университета 4.0 представлена на рис. 1.

Основным преимуществом внедрения экосистемного подхода является передача «ноу-хау». Поскольку создаются новые экологически безопасные технологии. Все крупные организации признали экосистемный подход как один из важных инструментов по устойчивому развитию [1].

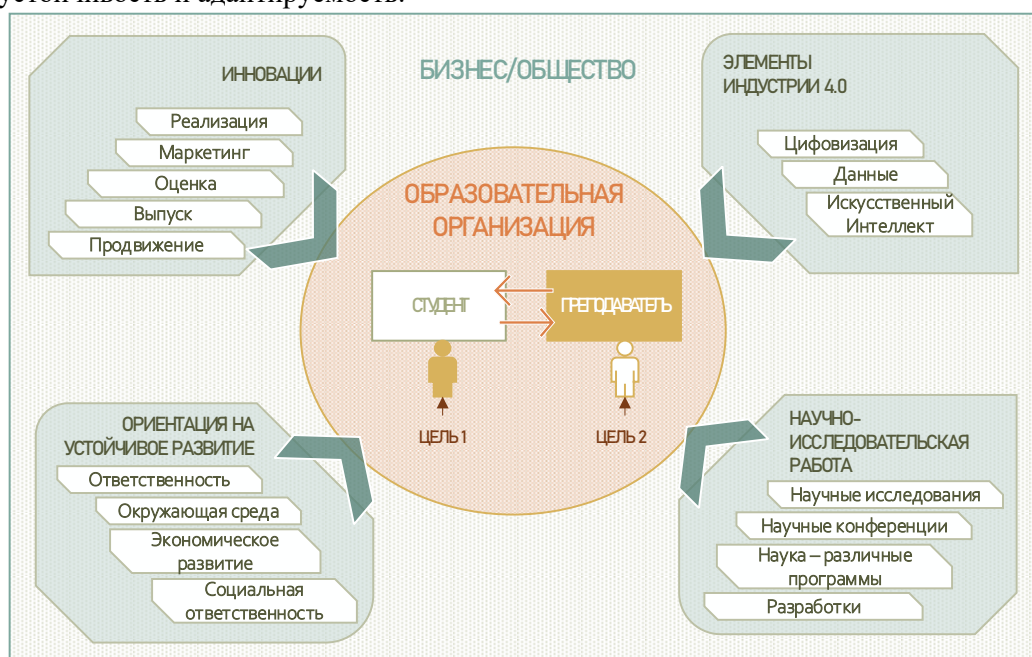

Рис. 1. Экосистема образовательной организации с позиции модели университета 4.0.

Fig. 1. Ecosystem of an educational organization from the perspective of the University 4.0 model.

Экосистемность является основной движущей идеей в совершенствовании деятельности организаций на основе модели EFQM. Модель является инструментом оценки, включающем критерии, и указывает направление к совершенствованию процессов организации любого профиля. Результаты исследования показывают, что модель EFQM может быть легко применена и адаптирована образовательными организациями в качестве мощного инструмента повышения производительности, а восприятие воздействия модели было выше, чем при использовании ISO, также опыт применения модели EFQM в различных высших образовательных организациях подтверждает преимущества его применения с точки зрения улучшения качества и развития [1]. Модель EFQM может помочь организации стратегически сосредоточиться на устойчивом развитии образования и обеспечения устойчивой ценности для экономики страны, для студентов и других заинтересованных сторон, обеспечить основу для определения необходимых улучшений и стимулирования деятельности [21].

В сравнении со старой моделью EFQM 1991 года, которую использует как основу Премия качества РФ, новая модель 2020 года не линейна и не механична (т.е. учитывает сложности и своеоб-

разия явлений), в ней появился новый вектор: направление, включающее цель, видение и стратегию; организационную культуру и лидерство, где организационное лидерство – это не отдельный человек или команда, а организация в целом. В новой модели отмечают важным разработку устойчивых ценностей и для внешних и для внутренних заинтересованных сторон. В изменяющейся среде организация способна остаться устойчивой благодаря наличию определенных ценностей (ценности классифицируются по разным сферам общественной жизни: религиозные, политические и т.д.), ценность – связующее звено между различными процессами в организации, она тесно взаимосвязана с культурой. Руководство может определять ценности в целях, миссии и политике организации или определенных систем [1].

Авторами статьи ранее были определены на основе анализа модели EFQM ключевые направления новой модели совершенствования деятельности для всех видов организаций (рис. 2 [11]), исходя из данных направлений можно утверждать, что самооценка по модели EFQM 2020 года по всем направлениям близка к модели университет 4.0.

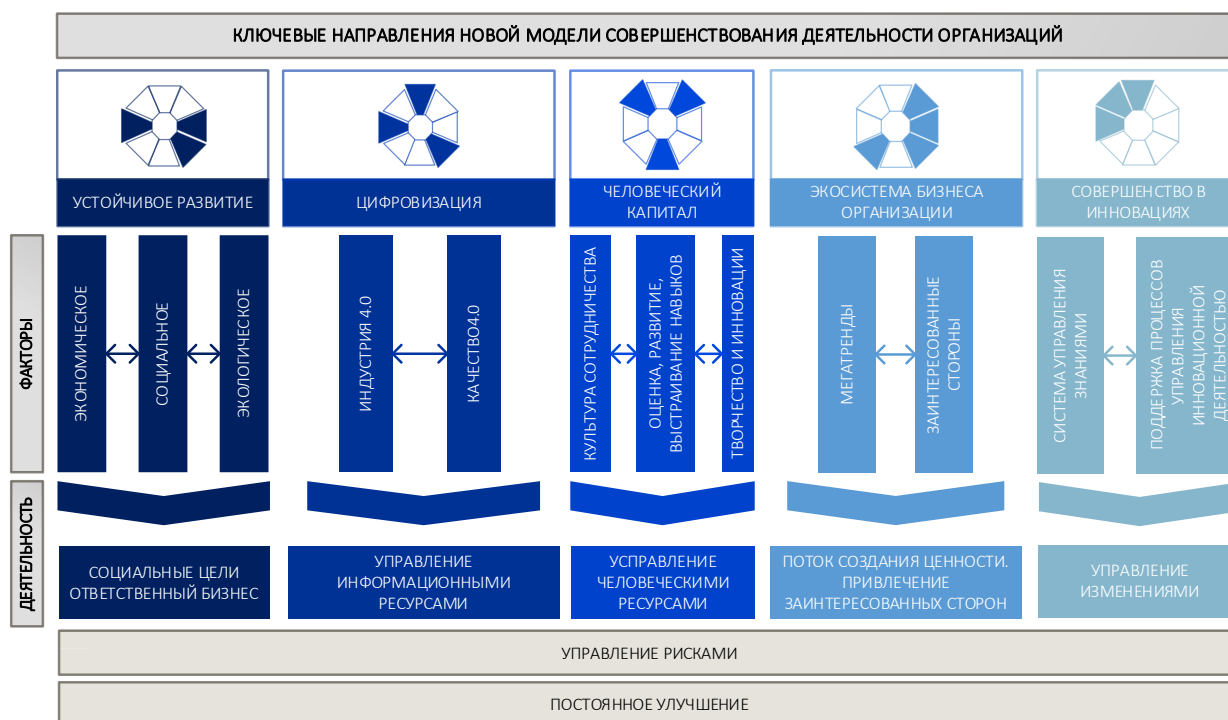

Рис. 2. Ключевые направления модели совершенствования деятельности организаций в современных условиях.

Fig. 2. Key directions of the model for improving the activities of organizations in modern conditions.

Таким образом, учитывая специфику и проблематику высшего образования в России, необходимо пересмотреть устоявшиеся традиционные методы обучения и оценивания, в связи с внедрением в ключевые процессы вуза IT-технологий. Лидерство постепенно интегрируется в новые подходы к работе с людьми, о чем неоднократно акцентируют внимание исследователи в области образования.

Самооценка по модели EFQM в высших образовательных учреждениях имеет широкий опыт применения. Исследования показывают, что в европейских учебных организациях практика применения модели EFQM намного легче в восприятии и адаптации, эффективном воздействии на устойчивое развитие образовательной деятельности, чем системы менеджмента качества на основе международного стандарта серии ISO 9000 [1].

Исследования подтверждают практичность модели EFQM в сфере высшего образования и свою способность задавать направление и предлагать действия по реформе системы образования [21]. Модель EFQM можно применять с некоторыми составляющими элементами, такими как содержание образования, распределение ответственности, стиль управления, распределение ресурсов, результаты научных исследований и т. д. По результатам практического применения зарубежные исследователи указали на необходимость сильной

приверженности руководства при применении модели, без которой она не сможет обеспечить ожидаемые выгоды.

*Проведение анкетирования
для определения состояния университета
по ключевым направлениям*

Оценка одной из групп стейкхолдеров является новым критерием качества по модели EFQM, поскольку концентрируется на определенных результатах из личного опыта работы заинтересованных сторон с организацией и показывает их восприятие, поскольку восприятие формируется репутацией организации и тем, как она влияет на окружающую среду и социальную сферу. Функционирование модели EFQM начинается с диагностики, она включает ряд вопросов, помогающих определить текущее состояние организации и направления ее развития. Диагностика по критериям предполагает исследование системы управления.

Для данной статьи, был разработан шаблон анкетирования с перечнем составленных вопросов (табл. 1), анкетирование может выступать как один из способов оценки одним из конечных потребителей – студентов – текущего состояния организации по ключевым направлениям развития вуза.

Таблица 1

Анкета для студентов по ключевым направлениям модели совершенствования.

Table 1

Questionnaire for students on key areas of the improvement model.

Направление	№	Вопрос	Оценка	
Устойчивое развитие	1	Оцените уровень природно-экологической поддержки со стороны университета (заметна ли поддержка программ, связанных с «зелёным развитием»: ответственное отношение к окружающей среде, обращение с отходами, снижение выбросов загрязняющих веществ, энергоэффективность и устойчивая инфраструктура)?	1	
			2	
			3	
			4	
			5	
	2	Оцените влияние со стороны университета на понимание принципов глобального развития (взаимодействие с региональными и глобальными экономическими структурами, проведение или участие в научно-исследовательских конференциях, ориентированных на поддержание благополучия людей, планеты в целом посредством решения экологических, экономических и социальных проблем, сохранение мира и партнерских отношений)?	1	
			2	
			3	
			4	
			5	
	3	Оцените уровень интеграции аспектов устойчивого развития в образовательные программы университета (экологические, экономические проблемы, корпоративная и социальная ответственность)?	1	
			2	
			3	
			4	
			5	

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

	4	Оцените условия жизни студентов, инфраструктуру университета (в том числе равенство возможностей для всех)	1	
			2	
			3	
			4	
			5	
	5	Оцените социальную поддержку студентов университетом.	1	
			2	
			3	
			4	
			5	
Человеческий капитал	1	Достаточно ли университет создает условия для научной и предпринимательской инициатив студентов?	1	
	2	Оцените применение в деятельности преподавателей творческого и креативного подходов в образовательном процессе, как способа вовлеченности студентов в изучение дисциплин	2	
	3	Оцените уровень поддержки университетом творческих инициатив студентов	3	
	4	Можно ли утверждать, что университет создает условия для развития индивидуальной траектории обучения в плане формирования творческих навыков, а также инновационных идей?	4	
	5	Насколько университет уделяет внимание развитию спортивной культуры студентов?	5	
Цифровизация	1	Достаточно ли развита материально-техническая база университета для поддержки цифровой среды вуза?	1	
	2	Как Вы оцениваете эффективность использования существующих цифровых технологий (ИТ архитектуры университета, учебных онлайн-платформ) во время учебных процессов?	2	
	3	Достаточно ли эффективно используются цифровые технологии, онлайн-ресурсы, тренажеры и пр. технологии во время учебных процессов, там, где это было бы необходимо?	3	
	4	Как вы оцените работу медиа онлайн-пространств университета (ведение социальных сетей, сайта)?	4	
	5	Как вы оцените цифровую коммуникацию в университете?	5	
Экосистема	1	Достаточно ли университет предоставляет доступ в глобальные или местные образовательные платформы?	1	
	2	Достаточно ли университет поддерживает сотрудничество с научно-исследовательскими, проектными, образовательными организациями и участвует в инициативах, программах, проектах?	2	
	3	Оцените коммуникацию между «студент-университет»	3	
	4	Оцените коммуникацию между «студент-преподаватель»	4	
	5	Достаточно ли университет открывает доступ к программам, позволяющим вести проектную деятельность?	5	
Совершенство в инновациях	1	Реализуются ли мероприятия, направленные на создание и поддержку инновационной среды и предпринимательской культуры?	1	
	2	Достаточно ли в образовательных программах дисциплин, изучающих технологии развития процессов?	2	
	3	Создает ли университет среду для инновационного развития студентов?	3	
	4	Имеются ли в образовательных программах дисциплины, ориентирующие студентов на управление процессами в будущей профильной деятельности?	4	
	5	Как Вы можете оценить заинтересованность университета в участии студентов в общероссийских научно-образовательных программах и мероприятиях, бизнес-кейсах и т.д.	5	

Такую оценку рекомендуется проводить для всех процессов деятельности вуза.

Оценка студентами в анкетировании проводилась по пятибалльной шкале Лайкерта (где 1 балл «Очень низко», 2 балла «Ниже среднего», 3 балла «Средняя», 4 балла «Выше среднего», 5 баллов «Очень высоко»).

В качестве инструмента обработки результатов анкетирования студентами вуза по ключевым направлениям модели совершенствования деятельности авторами статьи использовался метод

аттестации процессов или оценка уровня зрелости применяемых процессов (табл. 2). Значение каждого показателя рассчитывалось по среднему арифметическому значению:

$$\bar{x}_{\text{арифм}} = \frac{\sum_{i=1}^n x_i}{n},$$

где: x – значение отдельного измерения,
 n – общее число измерений в группе.

Таблица 2

Шкала оценки уровня зрелости реализации ключевого направления в деятельности вуза.

Table 2

Scale for assessing the level of maturity of the implementation of the key direction in the activities of the university.

Уровень	Сумма баллов	Статус	Описание
6	До 25	Неизвестный	Состояние направления не определено. Студенты очень низко отмечают результативность данного направления в вузе либо не осведомлены.
5	От 25 до 50	Определенный	Направление оценено студентами и в некоторой мере функционирует в соответствии с минимальными условиями (с техническими, нормативными, законодательными документами) на него.
4	От 50 до 75	Результативный	Параметры данного направления изучены и функционируют в соответствии с критериями EFQM. Студенты удовлетворены качеством направления.
3	От 75 до 100	Эффективный	Направление модернизировано в организации и эффективно используется. Студенты вполне довольны уровнем применения и совершенствования направления в деятельности вуза.
2	От 100 до 125	Бездефектный	Направление высокоэффективно в организации. Студенты высоко отмечают или в достаточной степени удовлетворены направлением в деятельности вуза.
1	От 125 до 150	Мировой	Направление находится на уровне лучших известных в мире аналогичных процессов. Его совершенствование продолжается.

Естественно, результаты опроса среди студентов не создают полную картину оценки состояния вуза по данным направлениям, но, ее возможно выбрать за основу проведения исследования и дополнить, ориентируясь на анкетирование среди работодателей, преподавательского состава, а также используя результаты, полученные группой по улучшениям с помощью методов: мо

зговой штурм, бенчмаркинг и рабочее совещание.

Результаты и обсуждения

Для исследования был использован метод статистической выборки. Участие приняли студенты всех факультетов московского вуза разных курсов обучения, большая часть участников опроса были студенты бакалавриата (87,6%), результаты приведены в обобщенном виде (рис. 3). По сумме баллов по каждому направлению были определены уровни зрелости направлений в деятельности вуза (см. табл. 2).

Рис. 3. Обобщенные результаты анкетирования по ключевым направлениям и уровни их зрелости в университете.

Fig. 3. Generalized results of the survey in key areas and their maturity levels at the university.

Полученные результаты, приведенные на рисунке, показывают к какой оценке по большей степени склоняются студенты. Поскольку анкетирование носит сугубо субъективное мнение студентов, вместе с тем нельзя в полной мере оценить уровень мотивированности и интерпретации понимания вопроса студентами, поэтому для дальнейшей оценки можно взять во внимание конкретные вопросы, по которым студенты менее удовлетворены деятельностью вуза.

Мы выделили определенные проблемы по направлениям из результатов опроса, которые более 40% студентов оценили, как среднее или ниже среднего, это – недостаточный уровень: природно-экологической поддержки со стороны университета; развития материально-технической базы; условий для формирования творческих навыков и инновационных идей. А также стоит отметить, что преобладает средняя удовлетворенность студентами условий, в которых создается среда для инициирования инновационного развития, что говорит о нехватке дисциплин и программ для этого, также был отмечен недостаточный уровень партнерских или сотруднических программ или мероприятий.

Выводы

Таким образом, экосистемный подход предполагает в первую очередь описание и определение

всех заинтересованных сторон и формирование их потребностей, для выявления и быстрого реагирования на возможные риски и возможности. Вторых, является важным всесторонняя обратная связь всех участников и компонентов экосистемы [13]. В рамках данной статьи, необходимость обратной связи открывает возможность построить маршрут пользователя «как есть», то есть описать личный опыт взаимодействия с организацией, сформировать их субъективное (основанного на личном опыте) и объективное (сформированное под воздействием окружающей среды и социальной сферы) восприятие.

На основе получаемых в результате анкетирования результатов вузы могут ставить перед собой различные задачи, не исключены и постановки сверхамбициозных задач на пути к становлению университета будущего, ведь именно они, по опыту зарубежных и российских вузов, показывают, что существенно способствуют росту инновационного и интеграционного потенциала вуза, современных цифровых решений, роста социальной ответственности, формирования университета как крупной экосистемы, многофункциональной платформы для сотрудничества, глобального коммуникационного центра, ориентированного на воспроизводство общества нового типа [6].

Список источников

1. Азаров А.А., Бродовская Е.В., Лукушин В.А. Совершенствование системы управления цифровой инфраструктурой университета: практика сетевого анализа // Высшее образование в России. 2023. № 2. С. 61 – 79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-sistemy-upravleniya-tsifrovoy-infrastrukturoy-universiteta-praktika-setevogo-analiza> (дата обращения: 28.02.2024)
2. Алешковский И.А., Гаспаршвили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е. Особенности формирования образовательных траекторий российских студентов: оценка и возможности // Высшее образование в России. 2023. № 4. С. 137 – 155. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-obrazovatelnyh-traektoriy-rossiyskih-studentov-otsenka-i-vozmozhnosti> (дата обращения: 26.02.2024)
3. Бектина Г.Ю. Региональное образовательное пространство и региональная система образования: взаимосвязь понятий // Экономика и социум. 2022. № 3-2 (94). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnoe-obrazovatelnoe-prostranstvo-i-regionalnaya-sistema-obrazovaniya-vzaimosvyaz-ponyatiy> (дата обращения: 05.03.2024)
4. Бордовский Г.А. Проблемы и задачи высшего педагогического образования на современном этапе развития страны // Высшее образование в России. 2023. № 6. С. 9 – 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-i-zadachi-vysshego-pedagogicheskogo-obrazovaniya-na-sovremennom-etape-razvitiya-strany> (дата обращения: 28.02.2024)
5. Государственная программа Российской Федерации "Развитие образования" Стратегические приоритеты в сфере реализации государственной программы Российской Федерации "Развитие образования" до 2030 года (в ред. Постановления Правительства РФ от 07.10.2021 № 1701)
6. Дёрина Н.В., Савва Л.И., Рабина Е.И. Университетская экосистема как экологический вектор высшего образования // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 3. С. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/universitetskaya-ekosistema-kak-ekologicheskii-vektor-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 27.02.2024)
7. Зиневич О.В., Мелёхина Е.А. Высшее образование для глобального и локального устойчивого развития // Высшее образование в России. 2023. № 3. С. 84 – 102. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vysshee-obrazovanie-dlya-globalnogo-i-lokalnogo-ustoychivogo-razvitiya> (дата обращения: 27.02.2024)
8. Изотова А.Г., Гаврилюк Е.С. Экосистемный подход как новый тренд развития высшего образования // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12. № 2. С. 1211 – 1226. DOI 10.18334/vinec.12.2.114869. <https://elibrary.ru/item.asp?id=48939624>
9. Кавелашвили Н.Т. Привлечение средств организаций и граждан в сферу высшего образования // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 11-15 (79). С. 241 – 245. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47571484>
10. Мирошникова Т.К., Шорников Ф.С. Исследование моделей бюджетирования государственных образовательных учреждений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10. № 6. С. 179 – 189. <https://elibrary.ru/item.asp?id=44631075>
11. Митрофанова И.П., Алексеева А.С. Перспективные направления развития менеджмента организации // Вестник университета. 2023. № 10. С. 20 – 28. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-10-20-28>
12. Нагорнова А.Ю., Алексеева И.А., Галушкин А.А. и др. Высшее образование в России: история и современность. Ульяновск: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство "Зебра"), 2017. 453 с. ISBN 978-5-9500837-0-9. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29934925>
13. Паничкина М.В. Паничкина М.В. Подберезный В.В. Зарубина Р.В. Роль образовательных экосистем в развитии территории их локализации / Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВО "Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)". г. Таганрог, кафедра биолого-географического образования и здоровьесберегающих дисциплин. Современные проблемы науки и образования. 2022. № 5. 11.09.2022. <https://science-education.ru/ru/article/view?id=32017>
14. Послания Президента РФ В.В. Путина к Федеральному Собранию 21 февраля 2023 года
15. Тодис Л.М., Виноградова Т.В., Андроничева А.С. Современные проблемы высшего образования в России и возможные пути их решения // Современное педагогическое образование. 2023. № 3. С. 78 – 81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-vysshego-obrazovaniya-v-rossii-i-vozmozhnye-puti-ih-resheniya> (дата обращения: 06.11.2023)

16. Фадеев А.С., Змеев О.А., Газизов Т.Т. Модель университета 4.0 // *Ped.Rev.*. 2020. № 2 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-universiteta-4-0> (дата обращения: 05.03.2024)
17. Штыхно Д.А., Константинова Л.В., Гагиев Н.Н., Смирнова Е.А., Никонова О.Д. Трансформация моделей университетов: анализ стратегий развития вузов мира // *Высшее образование в России*. 2022. № 6. С. 27 – 47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-modeley-universitetov-analiz-strategiy-razvitiya-vuzov-mira> (дата обращения: 27.02.2024)
18. Эралиева А.А. Развитие системы менеджмента качества в вузах на основе модели EFQM // *Научный результат. Педагогика и психология образования*. 2021. № 4. С. 19 – 29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sistemy-menedzhmenta-kachestva-v-vuzah-na-osnove-modeli-efqm> (дата обращения: 11.03.2024)
19. Manarbek G.M. European Foundation for quality management model implementation in higher education system of Kazakhstan // *Central Asian Economic Review*. 2020. No. 5 (134). P. 6 – 20. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44765972>
20. Ozsen T., Uslu B., Aypay A. Strategy adaptation for sustainable quality management in universities: a systematic literature review // *Tert Educ Manag.* 2022. <https://doi.org/10.1007/s11233-022-09098-4> Received 13 October 2021 Accepted 05 October 2022 Published 18 October 2022 <https://link.springer.com/article/10.1007/s11233-022-09098-4#citeas>
21. Sütőová A., Teplická K., Straka M. Application of the EFQM Model in the Education Institution for Driving Improvement of Processes towards Sustainability. *Sustainability*. 2022. № 14 (13). P. 7711. <https://doi.org/10.3390/su14137711>

References

1. Azarov A.A., Brodovskaya E.V., Lukushin V.A. Improving the University Digital Infrastructure Management System: Network Analysis Practice. *Higher Education in Russia*. 2023. No. 2. P. 61 – 79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-sistemy-upravleniya-tsifrovoy-infrastrukturoy-universiteta-praktika-setevogo-analiza> (accessed: 28.02.2024)
2. Aleshkovsky I.A., Gasparishvili A.T., Krukhmaleva O.V., Narbut N.P., Savina N.E. Features of the Formation of Educational Trajectories of Russian Students: Assessment and Possibilities. *Higher Education in Russia*. 2023. No. 4. P. 137 – 155. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-obrazovatelnykh-traektoriy-rossiyskih-studentov-otsenka-i-vozmozhnosti> (date of access: 26.02.2024)
3. Bektina G.Yu. Regional educational space and regional education system: the relationship of concepts. *Economy and Society*. 2022. No. 3-2 (94). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnoe-obrazovatelnoe-prostranstvo-i-regionalnaya-sistema-obrazovaniya-vzaimosvyaz-ponyatiy> (date of access: 05.03.2024)
4. Bordovsky G.A. Problems and tasks of higher pedagogical education at the present stage of the country's development. *Higher education in Russia*. 2023. No. 6. P. 9 – 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-i-zadachi-vysshego-pedagogicheskogo-obrazovaniya-na-sovremennom-etape-razvitiya-strany> (date of access: 02/28/2024)
5. State program of the Russian Federation "Education Development" Strategic priorities in the sphere of implementation of the state program of the Russian Federation "Education Development" until 2030 (as amended by RF Government Resolution of 07.10.2021 No. 1701)
6. Derina N.V., Savva L.I., Rabina E.I. University ecosystem as an ecological vector of higher education. *World of science. Pedagogy and psychology*. 2020. No. 3. P. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/universitetskaya-ekosistema-kak-ekologicheskii-vektor-vysshego-obrazovaniya> (date of access: 02/27/2024)
7. Zinevich O.V., Melekhina E.A. Higher education for global and local sustainable development. *Higher education in Russia*. 2023. No. 3. P. 84 – 102. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vysshee-obrazovanie-dlya-globalnogo-i-lokalnogo-ustoychivogo-razvitiya> (date of access: 02/27/2024)
8. Izotova A.G., Gavriluk E.S. Ecosystem approach as a new trend in the development of higher education. *Issues of innovative economics*. 2022. Vol. 12. No. 2. P. 1211 – 1226. DOI 10.18334/vinec.12.2.114869. <https://elibrary.ru/item.asp?id=48939624>
9. Kavelashvili N.T. Attracting funds from organizations and citizens to higher education. *Current scientific research in the modern world*. 2021. No. 11-15 (79). P. 241 – 245. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47571484>

10. Miroshnikova T.K., Shornikov F.S. Study of budgeting models of state educational institutions. Bulletin of the South-West State University. Series: Economics. Sociology. Management. 2020. Vol. 10. No. 6. P. 179 – 189. <https://elibrary.ru/item.asp?id=44631075>
11. Mitrofanova I.P., Alekseeva A.S. Promising Directions for the Development of Organization Management. Bulletin of the University. 2023. No. 10. P. 20 – 28. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-10-20-28>
12. Nagornova A.Yu., Alekseeva I.A., Galushkin A.A. et al. Higher Education in Russia: History and Modernity. Ulyanovsk: IP Kenschenskaya Victoria Valerievna (Zebra Publishing House), 2017. 453 p. ISBN 978-5-9500837-0-9. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29934925>
13. Panichkina M.V. Panichkina M.V. Podberezny V.V. Zarubina R.V. The role of educational ecosystems in the development of the territory of their localization. Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Rostov State University of Economics (RINH)". Taganrog, Department of Biological and Geographical Education and Health-Saving Disciplines. Modern Problems of Science and Education. 2022. No. 5. 11.09.2022. <https://science-education.ru/ru/article/view?id=32017>
14. Messages of the President of the Russian Federation V.V. Putin to the Federal Assembly on February 21, 2023
15. Todis L.M., Vinogradova T.V., Andronycheva A.S. Modern problems of higher education in Russia and possible ways to solve them. Modern pedagogical education. 2023. No. 3. P. 78 – 81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-vysshego-obrazovaniya-v-rossii-i-vozmozhnye-puti-ih-resheniya> (date of access: 06.11.2023)
16. Fadeev A.S., Zmeev O.A., Gazizov T.T. University Model 4.0. Ped.Rev.. 2020. No. 2 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-universiteta-4-0> (date of access: 05.03.2024)
17. Shtykhno D.A., Konstantinova L.V., Gagiev N.N., Smirnova E.A., Nikonova O.D. Transformation of university models: analysis of development strategies of universities around the world. Higher education in Russia. 2022. No. 6. P. 27 – 47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-modeley-universitetov-analiz-strategiy-razvitiya-vuzov-mira> (date of access: 27.02.2024)
18. Eralieva A.A. Development of the quality management system in universities based on the EFQM model. Scientific result. Pedagogy and psychology of education. 2021. No. 4. P. 19 – 29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sistemy-menedzhmenta-kachestva-v-vuzah-na-osnove-modeli-efqm> (date of access: 11.03.2024)
19. Manarbek G.M. European Foundation for quality management model implementation in higher education system of Kazakhstan. Central Asian Economic Review. 2020. No. 5 (134). P. 6 – 20. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44765972>
20. Ozsen T., Uslu B., Aypay A. Strategy adaptation for sustainable quality management in universities: a systematic literature review. Tert Educ Manag. 2022. <https://doi.org/10.1007/s11233-022-09098-4> Received 13 October 2021 Accepted 05 October 2022 Published 18 October 2022 <https://link.springer.com/article/10.1007/s11233-022-09098-4#citeas>
21. ová A., Teplická K., Straka M. Application of the EFQM Model in the Education Institution for Driving Improvement of Processes towards Sustainability. Sustainability. 2022. No. 14 (13). P. 7711. <https://doi.org/10.3390/su14137711>

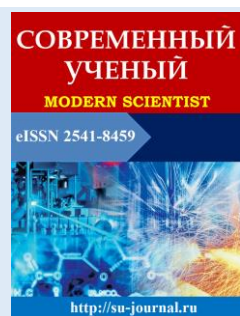
Информация об авторах

Митрофанова И.П., кандидат экономических наук, доцент, Московский государственный строительный университет, i.mitrofanova@mgut.ru

Алексеева А.С., Московский государственный строительный университет, alekstays@mail.ru

Хурцидзе М.Х., Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ), m.khurtsidze@mgut.ru

© Митрофанова И.П., Алексеева А.С., Хурцидзе М.Х., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 378.147.88

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-266-273

Влияние цифровизации на академическую мобильность студентов и развитие высшего образования в России и Китае

¹ Фэн Мэнюань, ¹ Козилова Л.В.

¹ Московский педагогический государственный университет

Аннотация: в статье рассматривается вопрос влияния цифровизации на академическую мобильность студентов и развитие высшего образования в России и Китае. Представлено определение цифровизации с описанием ее компонентов. Описана специфика системы образования России и Китая в русле партнерства. Представлены основные направления развития образования согласно актуальной программе «Цифровая трансформация образования и искусственный интеллект» в сотрудничестве России и Китая. Описаны преимущества внедрения цифровых технологий (экономический эффект в сторону ресурсов, снижение нагрузки на бюрократию, повышение доступности образовательных программ, поощрение самостоятельности у учеников). Описаны совместные программы академической мобильности студентов России и Китая с учетом влияния цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация, Китай, Россия, академическая мобильность, университеты, образование

Для цитирования: Фэн Мэнюань, Козилова Л.В. Влияние цифровизации на академическую мобильность студентов и развитие высшего образования в России и Китае // Современный ученый. 2025. № 1. С. 266 – 273. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-266-273

Поступила в редакцию: 14 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

The impact of digitalization on student academic mobility and the development of higher education in Russia and China

¹ Feng Mengyuan, ¹ Kozilova L.V.

¹ Moscow Pedagogical State University

Abstract: the paper examines the impact of digitalization on academic mobility students and the development of education in Russia and China. The definition of digitalization with a description of its components is presented. The specifics of the education system of Russia and China in line with the partnership are described. The main directions of education development according to the current program "Digital transformation of education and artificial intelligence" in cooperation between Russia and China are presented. The advantages of the introduction of digital technologies are described (the economic effect towards resources, reducing the burden on the bureaucracy, increasing the availability of educational programs, encouraging students' independence). The joint academic mobility programs of Russia and China are described, taking into account the impact of digitalization.

Keywords: digitalization, China, Russia, academic mobility, universities, education

For citation: Feng Mengyuan, Kozilova L.V. The impact of digitalization on student academic mobility and the development of higher education in Russia and China. Modern Scientist. 2025. 1. P. 266 – 273. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-266-273

The article was submitted: September 14, 2024; Approved after reviewing: November 16, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Цифровая революция, которую можно наблюдать в современных условиях первой четверти XXI века, является фактором появления новых секторов экономики. В результате этого требуется проработывать вопрос профессионального становления личности в новых условиях, которые отвечают актуальным вызовам.

Цифровизация в данном контексте рассматривается как определенная возможность академической мобильности студентов и развития высшего образования в России и Китае[1]. Ввиду внедрения цифровизации стала возможна трансформация ряда областей: иной подход к бизнес-процессам из-за разработок новых цифровых моделей, внедрение цифрового управления жизненного цикла услуг и продуктов, создание совершенно новых цифровых товаров и услуг, использование цифровых методов и технологий для автоматизации операций по работе с информацией, автоматизация привычных ручных функций, использование цифрового проектирования и моделирования, изменение подхода к управлению, цифровое административное управление.

Цифровая трансформация привычных форм взаимодействия в образовании позволила расширить границы возможностей сотрудничества и в полной мере реализовать государственную политику по укреплению взаимоотношений между Россией и Китаем. В данной статье обсуждаются совместные проекты обеих стран, которые показывают результат цифровизации и ее взаимное влияние на развитие высшего образования в обеих странах.

Материалы и методы исследований

В статье цитируется ряд документов, в том числе научные статьи и отчеты о ситуации с образованием китайских студентов в России, исследования китайско-российских обменов и сотрудничества в области высшего образования, эволюция образовательных обменов, а также проблемы и потенциал цифрового высшего образования. Формировать понимание влияния цифровизации на академическую мобильность и развитие высшего образования путем анализа и обобщения существующей литературы. Сравните особенности российской и китайской систем образования и цифровой трансформации, а также модели и результаты сотрудничества двух стран. а также качественное описание и обсуждение императивов, преимуществ и последствий цифровой трансформации для академической мобильности.

Результаты и обсуждения

Системы образования России и Китая находятся под воздействием меняющихся технологий. Здесь важно указать на большие данные, облачные решения, виртуальную реальность, метавселенную, искусственный интеллект. Это повышает и качество образование, а также и его доступность. Безусловно, есть определенные ограничения, которые связаны со многими компонентами[2].

Так, в рамках II Российско-китайской конференции исследователей образования «Цифровая трансформация образования и искусственный интеллект», которая прошла в 2019 г., были определены основные направления, которые являются обязательными для развития образования (рис. 1) [2, 3].

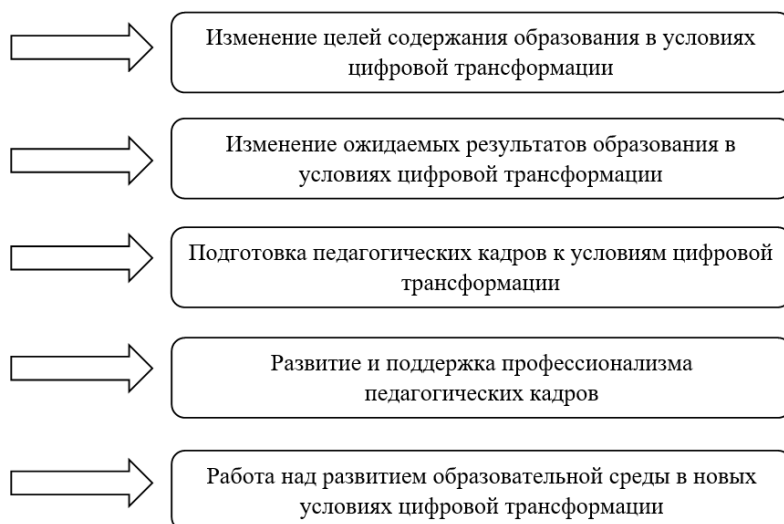

Рис. 1. Условия, необходимые для цифровой трансформации высшего образования.
Fig. 1. Conditions necessary for the digital transformation of higher education.

Выполнение таких условий становится возможным, так как наблюдается рост инфраструктурного обеспечения цифровых технологий. При этом, по словам научного руководителя Института образования НИУ ВШЭ Исака Фрумина, в России такой рост отмечался и ранее, в связи с изменениями в 2000 г. Технологии позволили внедрить

цифровые устройства в систему образования [4, 5]. Но и этот факт был объяснен с позиции наличия доступности цифровых технологий в частном секторе – в семьях (популярность гаджетов и ПК, которая стала возможна из-за постепенного появления техники в домах).

Таблица 1

Преимущества внедрения цифровых технологий.

Table 1

Benefits of implementing digital technologies.

№	Компонент	Характеристика	Недостатки (уязвимые места)
1	Экономический эффект в сторону ресурсов	Уменьшение затратной части на сопроводительный процесс образования (к примеру, замена классических ресурсов на электронные)	Не везде адаптирована инфраструктура (не во всех регионах) под внедрение дистанционных технологий (цифровых технологий); Вероятное появление сниженного интереса к реальным контактам (возможно снижение социализации); Изменение функций педагогов и их влияния непосредственно на весь образовательный процесс; Снижение внимания физического развитию учеников (за счет появления альтернативных форм взаимодействия в классе)
2	Снижение нагрузки на бюрократию	Смещение фокуса с «привычной формы документооборота» на электронный тип	
3	Повышение доступности	Благодаря дистанционному формату становится возможным увеличение площади вовлечения в образовательный процесс	
4	Поощрение самостоятельности у студентов	Вовлечение студентов в образовательный процесс за счет разных форм деятельности (поддержание интереса)	

Рассматривая табл. 1 выше, можно сделать вывод о важности планирования и методического подхода к вопросу цифровизации образования. Необходимо рассмотреть на следующем этапе влияние данного процесса на академическую мобильность студентов [6].

С позиции укрепления межгосударственного взаимодействия, академическая мобильность студентов является мощным инструментом. Становится возможным трансформировать политические стратегии государств и формировать благоприятные условия для сотрудничества. Для реализации программ академической мобильности,

необходимо соблюдение ряда условий: разработка программ и практических форм взаимодействия виртуальной студенческой академической мобильности, унификация системы электронного обучения, создание социально-цифровых платформ взаимодействия учеников между собой, создание возможностей (и дальнейшая их поддержка) для внедрения и использования электронного документооборота. Для выполнения этих условий должно быть взаимодействие ключевых компонентов – субъектов образовательной деятельности (рис. 2) [7].

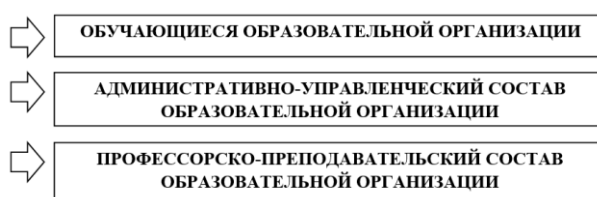

Рис. 2. Субъекты образовательной деятельности.
Fig. 2. Subjects of educational activity.

При взаимодействии компонентов, представленных на рис. 2, возможно достичь высоких показателей академической мобильности в международном аспекте.

В данном контексте цифровизация становится процессом, при котором возможно влияние на академическую мобильность студентов в международном аспекте в сотрудничестве Китая и России, так как повышается доступность актуализации нормативно-правового обеспечения образовательного процесса (оперативная актуализация и взаимное согласование правил взаимодействия китайских и российских партнеров), повышение и развитие компетенций как профессорско-преподавательского состава образовательной организации, так и административно-управленчес-

кого состава образовательной организации, увеличение функций организаторов образовательного процесса, расширение функционала и возможностей информационного обеспечения образовательного процесса, анализ инфраструктуры для обеспечения академической мобильности и выдвижение конкретных требований для ее реализации, создание комфортной и инновационной межкультурной образовательной среды (что повышает продуктивность академической мобильности студентов в образовательной сфере) [8].

Если рассматривать специфику организации образовательного процесса, то важно использовать цифровые технологии как обязательные ресурсы для выполнения следующих требований:

Рис. 3. Специфика организации образовательного процесса.
Fig. 3. Specifics of the organization of the educational process.

Все эти мероприятия позволяют укрепить российско-китайские отношения и в настоящее время продвигать академическую мобильность студентов в образовательной сфере между Россией и Ки-

таем [2, 9]. Это можно увидеть в совместных проектах, образовательных университетах, межгосударственном обмене студентов и педагогическими кадрами и т.д. (табл. 2).

Совместные программы академической мобильности России и Китая.

Таблица 2

Table 2

Joint academic mobility programs of Russia and China.

№	Программа	Характеристика
1	Создание российско-китайской комиссии в области образования (2000 г.)	Проведение регулярных встреч в области академической мобильности и анализ ее продуктивности в целях открытия дополнительных совместных образовательных программ или организации маршрутов взаимодействия
2	«Меморандум о взаимопонимании между Министерством образования КНР и Министерством образования и науки РФ о поддержке создания ассоциации университетов Китая и России» (2014)	<ul style="list-style-type: none"> – Ассоциация вузов искусства (2012; Северо-Восточный Дальневосточный университетский альянс (2012) – Ассоциация экономических университетов (2013) – Ассоциация образовательных университетов (2014) – Коммуникационная ассоциация университетов (2014) – Ассоциация университетов журналистского образования – Ассоциация «Волга-Янцзы» – Ассоциация по сотрудничеству в области создания университетов – Совместные программы по развитию искусственного интеллекта в образовательной среде (с 2019 г. по наст. время)
3	Совместные академические программы	Система получения двойных диплома с частично удаленным доступом к информационным образовательным ресурсом на примере РосНОУ и ШАньдунского университета (программы «Лингвистика», «Юриспруденция» и «Перевод и переводоведение»)

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

4	Развитые системы академической мобильности через обмен студентов	МГУ (например, университет МГУ-ППИ в Шэньжэне реализуется 16 программ[4], совместно с Пекинским политехническим институтами набирают на программы бакалавриата, магистратуры и аспирантуры), доп мотивация – двойные дипломы, углубленное изучение языка и культуры, современная развитая инфраструктура, доступ к передовым информационным ресурсам, стипендиальные программы) РУДН (дополнительные квоты на прием иностранных граждан из Китая с предложением трудоустройства и целевого обучения; стипендиальные программы, современная развитая цифровая инфраструктура, возможность получения двойных дипломов)[4]
---	--	--

Выводы

Представленные программы и сотрудничества в сфере академической мобильности между Россией и Китаем, которые рассмотрены выше – не все. Уже при анализе такой информации можно говорить о возможностях благодаря цифровым технологиям и решениям обучаться российским студентам в Пекинском университете, Тяньцзиньском университете, Национальном тайваньском университете, Сычуаньском университете и др. Благодаря внедрению на государственном уровне в Китае технологий машинного обучения и виртуальной реальности, стало возможным организация виртуальных пространств и виртуальных кампусов, где российские студенты и китайские студенты с помощью дополнительных технических средств могут быть в образовательной среде совместно, без географической привязки и реального присутствия.

Для поддержки академической мобильности в настоящее время существуют гранты и стипендиальные программы. Так, например, «Департамент

международного сотрудничества Министерства науки и высшего образования Российской Федерации организует программу Правительства Китайской Народной Республики «Стипендия Правительства Китая» для обучения, стажировки и повышения квалификации в китайских университетах в 2024/2025 учебном году».

Рассмотрев комплексно вопрос влияния цифровизации на академическую мобильность студентов и развитие высшего образования в России и Китае, можно сделать вывод о расширении сотрудничества в области образования между странами. Это позволяет укрепить российско-китайские отношения. Цифровые технологии позволяют обеспечить этот процесс с инновационной точки зрения и ресурсной. Если рассматривать перспективу, то с учетом цифровизации этот процесс будет только укрепляться и качественно в лучшую сторону наполняться, образовывая целые университетские системы и комплексные образовательные программы.

Список источников

1. Арефьев А.Л. Китайские студенты в России // Интернационализация образования. 2012. № 12. С. 5.
2. Бай С., Ло С. Исследование китайско-российского обмена и сотрудничества в области высшего образования во время правления Путина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5-1 (68). С. 200 – 207. DOI 10.24412/2500-1000-2022-5-1-200-207
3. Ю Цзыся Эволюция образовательного обмена между Китаем и Россией (Советским союзом). М., Цзинань: Шаньдунское образовательное издательство, 2010. 282 с.
4. Министерство образования КНР. Список китайско-иностранных совместных образовательных учреждений и программ (включая совместные образовательные учреждения и программы в регионах материкового Китая, Гонконга и Тайваня) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.crs.jsj.edu.cn/aproval/orglists>
5. Отчет: число китайских студентов, обучающихся в России достигло 24 226 человек, что составляет наибольшее количество иностранных студентов за пределами СНГ // Китайско-российская информационная сеть [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.chinaru.info/huarenhuashang/eluosihuaren/64948.shtml>

6. Глебова Л.Н. Современные формы организации международного сотрудничества в сфере высшего образования // Наука и школа. 2016. № 4. С. 52 – 59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-formy-organizatsii-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-v-sfere-vysshego-obrazovaniya>

7. Бузни В.А., Койкова Э.И. Цифровизация высшего образования: вызовы, тенденции и трансформационный потенциал // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-vysshego-obrazovaniya-vyzovy-tendentsii-i-transformatsionnyy-potentsial>

8. Черняховская Л.Р., Малахова А.И. Интеллектуальная поддержка принятия решений в организационном управлении разработкой программных проектов // Вестник УГАТУ = Vestnik UGATU. 2013. № 5 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intellektualnaya-podderzhka-prinyatiya-resheniy-v-organizatsionnom-upravlenii-razrabotkoy-programmnyh-proektov>

9. Чибисгулева Т.И. Развитие цифровой образовательной среды как элемента международного онлайн-сотрудничества вузов // Вестник МГУКИ. 2022. № 5 (109). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-tsifrovoy-obrazovatelnoy-sredy-kak-elementa-mezhdunarodnogo-onlayn-sotrudnichestva-vuzov>

10. Федосеева Е.В., Хренова М.В., Смирнова Н.А. Инновационное развитие высшего образования в условиях цифровой экономики // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Педагогика, психология, социология. 2019. № 2. С. 47 – 59.

References

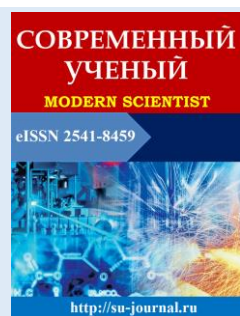
1. Arefyev A.L. Chinese Students in Russia. Internationalization of Education. 2012. No. 12. P. 5.
2. Bai S., Luo S. Research on Sino-Russian Exchange and Cooperation in Higher Education during Putin's Presidency. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. No. 5-1 (68). P. 200 – 207. DOI 10.24412/2500-1000-2022-5-1-200-207
3. Yu Zixia Evolution of Educational Exchange between China and Russia (Soviet Union). M., Jinan: Shandong Educational Publishing House, 2010. 282 p.
4. Ministry of Education of the PRC. List of Chinese-foreign joint educational institutions and programs (including joint educational institutions and programs in the regions of mainland China, Hong Kong and Taiwan) [Electronic resource]. Access mode: <https://www.crs.jsj.edu.cn/aproval/orglists>
5. Report: the number of Chinese students studying in Russia has reached 24,226 people, which is the largest number of foreign students outside the CIS. Chinese-Russian information network [Electronic resource]. Access mode: <http://www.chinaru.info/huarenhuashang/eluosihuaren/64948.shtml>
6. Glebova L.N. Modern forms of organization of international cooperation in the field of higher education. Science and School. 2016. No. 4. P. 52 – 59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-formy-organizatsii-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-v-sfere-vysshego-obrazovaniya>
7. Buzni V.A., Koikova E.I. Digitalization of Higher Education: Challenges, Trends and Transformational Potential. Problems of Modern Pedagogical Education. 2023. No. 79-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-vysshego-obrazovaniya-vyzovy-tendentsii-i-transformatsionnyy-potentsial>
8. Chernyakhovskaya L.R., Malakhova A.I. Intelligent support for decision-making in organizational management of software project development. Vestnik UGATU. 2013. No. 5 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intellektualnaya-podderzhka-prinyatiya-resheniy-v-organizatsionnom-upravlenii-razrabotkoy-programmnyh-proektov>
9. Chibisguleva T.I. Development of a digital educational environment as an element of international online cooperation of universities. Vestnik MGUKI. 2022. No. 5 (109). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-tsifrovoy-obrazovatelnoy-sredy-kak-elementa-mezhdunarodnogo-onlayn-sotrudnichestva-vuzov>
10. Fedoseeva E.V., Khrenova M.V., Smirnova N.A. Innovative development of higher education in the context of the digital economy. Bulletin of Tyumen State University. Series: Pedagogy, psychology, sociology. 2019. No. 2. P. 47 – 59.

Информация об авторах

Фэн Мэнюань, аспирант, Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет, fmyuyf@gmail.com

Козилова Л.В., доктор педагогических наук, профессор, Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет; Покровский филиал Московского педагогического государственного университета, lidiya-mggu@mail.ru

© Фэн Мэнюань, Козилова Л.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 371.3

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-274-279

Персонафицированная образовательная стратегия поддержки педагогов в профессиональном развитии

¹ Цилицкий В.С., ¹ Никитина Е.Ю., ¹ Афанасьева О.Ю., ² Столбова Е.А.

¹ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,

² Российский детско-юношеский центр

Аннотация: в статье рассматривается проблема реализации персонафицированной образовательной стратегии поддержки педагогов в профессиональном развитии. Описываются сущностные характеристики персонификации и ее преимущества при осуществлении поддержки педагогов, способствующие повышению их профессиональной компетентности и адаптации к существующим образовательным вызовам.

На основе исследования (анкетирование и фокус-группы) уровня осведомленности педагогов о возможности использования персонификации для профессионального развития и выявления ее влияния на эффективность профессионального роста и педагогического мастерства представлены выводы о положительном отношении педагогов к персонификации. Авторами охарактеризованы компоненты поддержки педагогов (ресурсный, образовательный, методический, социокультурный) в профессиональном развитии и представленных их ключевые элементы.

Ключевые слова: персонификация, стратегия, персонафицированная образовательная стратегия, профессиональное развитие, непрерывное профессиональное дополнительное педагогическое образование

Для цитирования: Цилицкий В.С., Никитина Е.Ю., Афанасьева О.Ю., Столбова Е.А. Персонафицированная образовательная стратегия поддержки педагогов в профессиональном развитии // Современный ученый. 2025. № 1. С. 274 – 279. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-274-279

Поступила в редакцию: 16 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 17 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Personalized educational strategy to support teachers in professional development

¹ Tsilitsky V.S., ¹ Nikitina E.Yu., ¹ Afanasyeva O.Yu., ² Stolbova E.A.

¹ South Ural State Humanitarian and Pedagogical University,

² Russian Children and Youth Center

Abstract: the article considers the problem of implementing a personalized educational strategy to support teachers in their professional development. It describes the essential characteristics of personification and its advantages in supporting teachers, which contribute to increasing their professional competence and adaptation to existing educational challenges. Based on the study (questionnaires and focus groups) of the level of teachers' awareness of the possibility of using personification for professional development and identifying its impact on the effectiveness of professional growth and pedagogical skills, conclusions are presented about the positive attitude of teachers to per-

sonification. The authors characterize the components of teacher support (resource, educational, methodological, socio-cultural) in professional development and present their key elements.

Keywords: personification, strategy, personalized educational strategy, professional development, continuous professional additional pedagogical education

For citation: Tsilitzky V.S., Nikitina E.Yu., Afanasyeva O.Yu., Stolbova E.A. Personalized educational strategy to support teachers in professional development. Modern Scientist. 2025. 1. P. 274 – 279. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-274-279

The article was submitted: September 16, 2024; Approved after reviewing: November 17, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Стремительное развитие и преобразование образовательной деятельности ведут к изменениям, которые привносят за собой модернизацию как содержания образования, методов обучения так и существенные трансформации в процесс подготовки учителя в пространстве непрерывного профессионального педагогического образования. Так общество и государство предъявляют ряд требований к педагогу среди которых высокая квалификация, умение адаптировать персональные навыки под новые образовательные реалии, глубокое понимание своего предмета, а также владение инновационными педагогическими методиками и умение осуществлять педагогическое взаимодействие в полисубъектной образовательной среде, ориентируясь на индивидуальные способности возможности и потребности каждого участника образовательного процесса.

Одной из существенных потребностей учителей является необходимость в постоянном обновлении знаний, совершенствовании собственного опыта, что обусловлено научно-технологическим развитием нашей страны, обновлением знаний и технологий. Немаловажно отметить еще одну траекторию профессионального развития учителя, которая заключается в обеспечении психолого-педагогической поддержки, связанной с постоянной интенсификацией эмоциональной нагрузки и адаптации к постоянно меняющимся требованиям педагогической деятельности. Следующее направление представлено качественной методической поддержкой, помощью в разработке и адаптации учебно-методических материалов, рабочих программ и собственно внедрение инновационных педагогических технологий в образовательный процесс.

Отметим, что на сегодняшний день общество и государство заинтересованы в непрерывности и преемственности профессионального развития педагогических кадров, что нашло отражение в

Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года и др [7]. Совершенствование подготовки профессионального развития педагогических кадров связано и с оказанием методической помощи, проектировании индивидуальных образовательных маршрутов и организации профессионального роста учителей. В связи с выше обозначенным проблема применения и реализации индивидуальных стратегий поддержки педагогов в профессиональном развитии является достаточно актуальной.

Материалы и методы исследований

Цель данного исследования состоит в изучении, уточнении и обосновании необходимости использования персонифицированных образовательных стратегий поддержки педагогов в профессиональном развитии.

Основными методами, которые использовались для реализации цели нашего исследования стали анализ нормативно-правовой документации, изучение научной психолого-педагогической литературы по проблеме персонифицированного и индивидуально-дифференцированного сопровождения профессионального развития педагогов, понятийно-терминологический анализ. Также были применены методы эмпирического исследования, а именно наблюдение, беседа, анализ продуктов деятельности обучающихся педагогического вуза и педагогов. При подготовке данной научной публикации нами был обобщен и представлен персональный опыт педагогической деятельности в ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет». Отметим, что применение вышеуказанных методов позволило осуществить достижение поставленных целей исследования, а также обозначить следующие направления для дальнейших научных изысканий.

Результаты и обсуждения

Актуальность вышеуказанной проблематики обусловлена поиском эффективных инструментов

и механизмов, способствующих с одной стороны осуществить качественную подготовку квалифицированного педагога в пространстве непрерывного дополнительного профессионального образования [9], с другой стороны внедрить в этот процесс персонифицированные и индивидуально-дифференцированные стратегии сопровождения педагогов с целью их гармоничного и профессионального развития.

Само понятие «персонификация» в научно-педагогических источниках соотносится с ориентацией образовательного процесса на личность обучающегося. В исследованиях И.С. Казакова, А.Ю. Аксеновой, Н.В. Примчук персонификация корреспондируется с олицетворением образования и педагогической деятельности, которая соотносится личностно ориентированной направленностью образовательного процесса, личностью обучающегося, и опорой на его внутренние возможности, ресурсы и способности [1, 4].

Нами было проведено исследование (анкетирование и фокус-группы) среди педагогических работников из разных образовательных организаций (школы, колледжи, университеты) об уровне осведомленности педагогов о возможности использования персонификации для профессионального развития и выявления ее влияния на эффективность профессионального роста и педагогического мастерства.

В исследовании принимали участие 89 педагогических работников образовательных организаций. На вопрос об оценке уровня осведомленности о персонифицированных образовательных стратегиях, практиках 53% опрошенных смогли оценить свой уровень осведомленности, как «хорошо», «очень хорошо» и «превосходно». Однако на вопрос: «Знакомы ли Вы с таким понятием как «персонификация», «персонифицированное сопровождение» 72% респондентов ответили положительно. При этом у большинства опрошенных источниками получения информации о персонифицированных стратегиях в образовании выступали курсы повышения квалификации, педагогические советы, научные конференции и специализированная педагогическая литература. Также более 56% опрошенных в качестве примеров успешно реализованных практик персонификации называли наставничество (индивидуальное и групповое), менторство и коучинг, около 17% привели примеры тьюторских практик, другие педагоги отметили в качестве примеров персонификации реализацию индивидуального образовательного плана, маршрута и программу в непрерывном образовании.

При исследовании отношение и влияние персонификации и персонифицированных образовательных стратегий на профессиональное развитие, подавляющее большинство педагогов (83%) дали положительный ответ и готовы принимать участие в педагогической поддержке с использованием механизмов персонификации. Отвечая на вопрос о влиянии персонификации на эффективность профессионального развития и роста 78% опрошенных ответили, как «повлияет» и «значительно повлияет».

Данные исследования показали положительное отношение педагогических работников к персонификации и реализации персонифицированных образовательных стратегий и их готовность принимать участие в педагогической поддержке с использованием механизмов персонификации с целью дальнейшего профессионального развития.

Само понятие «поддержка» в толковом словаре означает «содействие и помощь кому-либо или чему-либо». В контексте педагогической деятельности и предмета нашего исследования рассмотрим понятие «профессиональная поддержка педагогов» и «поддержка профессионального развития педагогов». В исследовании Н.А. Козырева, А.Б. Юрьева, Н.Н. Шibaевой профессиональная педагогическая поддержка рассматривается как способ, система и технология постановки и решения задач оптимального развития личности в профессионально ориентированных отношениях и т.д. [6]. А.В. Блинова, рассматривая роль наставничества в обеспечении профессионального развития педагога и актуализации аксиологического потенциала к профессиональной деятельности характеризует систему поддержку профессионального развития педагогов давая характеристику следующим компонентам: образование (приобретение и усвоение профессиональных компетенций); самообразовательная деятельность (саморазвитие и самосовершенствование личности); коммуникация и взаимодействие с профессионально-педагогическим сообществом; систематическая научно-методическая деятельность [2].

Применительно к нашему исследованию под дефиницией «поддержка педагогов в профессиональном развитии» будем понимать совокупность мер, направленных на содействие в совершенствовании профессиональных, универсальных навыков и навыков саморазвития для продуктивной педагогической деятельности в меняющихся условиях.

В работе А.В. Кандауровой, Н.Г. Миловановой персонифицированная образовательная стратегия понимается как пролонгированный план или про-

грамма развития профессионально-личностных качеств отдельного педагога, на основе диагностики личностных и профессиональных дефицитов, которые в последствии будут преобразованы в его образовательные потребности [5].

Отметим, преимущества персонифицированной образовательной стратегии поддержки педагогов в профессиональном развитии состоят в специфичности и уникальности подходов к процессу обучения и профессиональному росту [3]; отличии от традиционных моделей профессиональной переподготовки и повышения квалификации в пользу адаптивных и гибких образовательных маршрутов, и программ, которые будут содействовать повышению уровню вовлеченности и мотивации педагогических работников.

Подчеркнем, что поддержка педагогов в профессиональном развитии может представлять собой интеграцию ресурсного, методического, образовательного и социокультурного компонентов. Представим характеристику каждого компонента:

1) Ресурсный компонент ориентирован на поиск и интеграцию ресурсов, представленных во внешней и внутренней среде образовательной организации для профессионального роста педагога;

2) Образовательный компонент представлен деятельностью учителя, направленной на получение новых знаний и инновационного педагогического опыта необходимого для профессионально-педагогической деятельности;

3) Методический компонент характеризуется постоянным совершенствованием профессиональных компетенций учителя, апробацией и применением инновационных педагогических технологий и методик в собственной профессиональной деятельности с получением обратной связи от наставника (повышение квалификации, проведение научных исследований, трансляция педагогического опыта, самообразовательная деятельность);

4) Социокультурный компонент направлен на создание и поддержку профессиональной среды направленной на рост педагога, а именно включает конструктивное педагогическое взаимодействие для обмена опытом, профессиональную поддержку и профилактику эмоционального выгорания, вовлечение педагогических работников в открытую образовательную социокультурную среду (мероприятия, волонтерства, проектная деятельность).

Компоненты поддержки педагогов в профессиональном развитии.

Таблица 1

Table 1

Components of supporting teachers in professional development.

№ п/п	Компоненты поддержки педагогов	Ключевые элементы
1.	Ресурсный	Персонифицированные образовательные онлайн платформы и среды, курсы от ведущих исследователей в сфере образования, блоги, вебинары и др.
2.	Образовательный	Инновационные образовательные технологии, технологии проектирования индивидуального персонифицированного маршрута, симуляционные среды, игрофикация и геймификация и др.
3.	Методический	Тематические семинары, педагогический коучинг, консультации, наставничество, рефлексия инновационных педагогических практик, курсы повышения квалификации, тренинги и др.
4.	Социокультурный	Профессионально-педагогические сообщества, блоги, педагогические форумы, социальные сети и др.

Выводы

Поддержка педагогов в профессиональном развитии является важным направлением в непрерывном образовании. Внедрение персонифицированных образовательных стратегий в контексте заданного вектора способствует побуждению учи-

телей к самообразованию, повышению профессиональной мотивации, совершенствованию компетенций и удовлетворенности педагогической профессией, что в конечном итоге окажет положительное влияние для всей системы образования в целом.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева» в рамках научного проекта «Стратегия персонифицированного сопровождения педагогов в контексте становления траекторий профессионального развития» договор №16-692 от 01.07.2024

Список источников

1. Аксенова А.Ю., Примчук Н.В. Сущностные характеристики персонификации обучения: средовый подход // Человек и образование. 2020. № 4 (65). С. 43 – 49.
2. Блинова А.В. Аксиологические аспекты наставничества в поддержке профессионального развития педагога // Образование: Ресурсы развития. Вестник ЛОИРО. 2023. № 3. С. 41 – 45.
3. Галкина Е.С. Персонификация профессионального развития мастеров производственного обучения: организационно-информационное обеспечение // Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория (ИНСАЙТ). 2021. № 4 (7). С. 29 – 41.
4. Казаков И.С. О проблеме исследования феномена персонификации обучения в отечественной науке // Вестник Сочинского государственного университета. 2011. № 3. С. 127 – 129.
5. Кандаурова А.В., Милованова Н.Г. Персонифицированная образовательная стратегия как механизм непрерывного профессионального развития педагога // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 3 (39). С. 74 – 81.
6. Козырев Н.А., Юрьев А.Б., Шibaева Н.Н. Профессиональная поддержка педагогов в системе непрерывного образования и профессионально-трудовых отношений // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2021. № 1 (58). С. 70 – 78.
7. "Концепция подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года", утверждённая распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 июня 2022 г. № 1688-р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/141781>.
8. Плешивцева Я.С., Лукина Ю.А., Шумова, М.В. Программа профессионального роста педагогов в аспекте персонификации средств педагогической поддержки воспитания и развития обучающихся // Библиотека методиста. 2023. № 9. С. 2 – 9.
9. Омарова З.К., Кычкина А.А. Методическое сопровождение педагога в разработке и реализации индивидуального образовательного маршрута: методическое пособие. Махачкала, 2023. 60 с.

References

1. Aksenova A.Yu., Primchuk N.V. Essential characteristics of the personification of learning: an environmental approach. Man and education. 2020. No. 4 (65). P. 43 – 49.
2. Blinova A.V. Axiological aspects of mentoring in supporting the professional development of a teacher. Education: Development Resources. Bulletin of LOIRO. 2023. No. 3. P. 41 – 45.
3. Galkina E.S. Personification of professional development of industrial training masters: organizational and information support. Innovative scientific modern academic research trajectory (INSIGHT). 2021. No. 4 (7). P. 29 – 41.
4. Kazakov I.S. On the problem of studying the phenomenon of personification of learning in domestic science. Bulletin of Sochi State University. 2011. No. 3. P. 127 – 129.
5. Kandaurova A.V., Milovanova N.G. Personalized educational strategy as a mechanism for continuous professional development of a teacher. Professional education in Russia and abroad. 2020. No. 3 (39). P. 74 – 81.
6. Kozzyrev N.A., Yuryev A.B., Shibaeva N.N. Professional support for teachers in the system of continuous education and professional and labor relations. Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Aknulla. 2021. No. 1 (58). P. 70 – 78.
7. "The concept of training teaching staff for the education system for the period up to 2030", approved by the order of the Government of the Russian Federation of June 24, 2022 No. 1688-r. [Electronic resource]. Access mode: <http://government.ru/docs/all/141781>.

8. Pleshivtseva Ya.S., Lukina Yu.A., Shumova, M.V. The program of professional growth of teachers in the aspect of personalization of means of pedagogical support for the education and development of students. Library of the methodologist. 2023. No. 9. P. 2 – 9.

9. Omarova Z.K., Kychkina A.A. Methodological support of the teacher in the development and implementation of an individual educational route: a methodological manual. Makhachkala, 2023. 60 p.

Информация об авторах

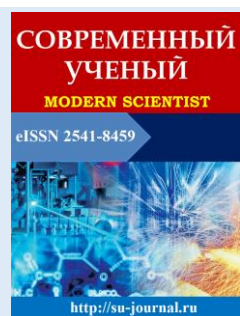
Цилицкий В.С., кандидат педагогических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8113-8145>, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина 69, tsilitskyvs@yandex.ru

Никитина Е.Ю., доктор педагогических наук, профессор, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9550-4700>, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина 69, elenaurlievna@bk.ru

Афанасьева О.Ю., доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9289-1573>, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина 69, afanasevaou@csru.ru

Столбова Е.А., кандидат педагогических наук, главный эксперт отдела реализации проектов и программ в сфере патриотического воспитания граждан, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0235-4190>, Российский детско-юношеский центр, ea_stolbova@mail.ru

© Цилицкий В.С., Никитина Е.Ю., Афанасьева О.Ю., Столбова Е.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 37.013

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-280-287

Педагогическая экосистема в условиях цифровизации

¹ Ларина С.В., ² Гарбузова Т.Г., ^{3,4} Тупицына Е.Г., ⁵ Кузнецова С.Б., ⁶ Калинин А.А.

¹ Санкт-Петербургский государственный аграрный университет,

² Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С.М. Кирова,

³ Волго-Вятский институт, филиал Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

⁴ Вятский государственный университет,

⁵ Набережночелнинский институт, филиал Казанского (Приволжского) федерального университета,

⁶ Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний

Аннотация: качество образования показывает соответствие результатов, достигнутых в ходе обучения, требованиям стандартов образования и критериев работодателей, для которых в приоритете находятся практические навыки будущих работников.

Исследование педагогических экосистем в условиях цифровизации становится особенно актуальным на фоне глобальных технологических изменений, которые затрагивают все аспекты общественной жизни, включая образование. Цифровизация образовательной среды приводит к радикальным изменениям в методах преподавания, обучения и управления образовательными процессами. Это, в свою очередь, требует адаптации и разработки новых педагогических подходов, способных интегрировать цифровые технологии в учебный процесс, делая его более доступным, инклюзивным и эффективным.

Цель данного исследования рассмотреть и проанализировать педагогические экосистемы в условиях цифровизации.

Ключевые слова: обучение, образование, образовательная система, образовательные ресурсы, экосистема, педагогическая экосистема, цифровизация, трансформация

Для цитирования: Ларина С.В., Гарбузова Т.Г., Тупицына Е.Г., Кузнецова С.Б., Калинин А.А. Педагогическая экосистема в условиях цифровизации // Современный ученый. 2025. № 1. С. 280 – 287. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-280-287

Поступила в редакцию: 16 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 18 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Pedagogical ecosystems in the context of digitalization

¹ Larina S.V., ² Garbuzova T.G., ^{3,4} Tupitsyna E.G., ⁵ Kuznetsova S.B., ⁶ Kalin A.A.

¹ St. Petersburg State Agrarian University,

² St. Petersburg State Forestry Engineering University named after S.M. Kirov,

³ Volga-Vyatka Institute (branch) O.E. Kutafin University (MGUA),

⁴ Vyatka State University,

⁵ Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University,

⁶ Perm Institute of the Federal Penitentiary Service

Abstract: the quality of education shows that the results achieved during training meet the requirements of educational standards and criteria of employers, for whom the practical skills of future employees are a priority. The study of pedagogical ecosystems in the context of digitalization is becoming especially relevant against the background of global technological changes that affect all aspects of public life, including education. Digitalization of the educational environment leads to radical changes in the methods of teaching, learning and management of educational processes. This, in turn, requires the adaptation and development of new pedagogical approaches capable of integrating digital technologies into the educational process, making it more accessible, inclusive and effective. The purpose of this study is to consider and analyze pedagogical ecosystems in the context of digitalization.

Keywords: training, education, educational system, educational resources, ecosystem, pedagogical ecosystem, digitalization, transformation

For citation: Larina S.V., Garbuzova T.G., Tupitsyna E.G., Kuznetsova S.B., Kalin A.A. Pedagogical ecosystems in the context of digitalization. Modern Scientist. 2025. 1. P. 280 – 287. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-280-287

The article was submitted: September 16, 2024; Approved after reviewing: November 18, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Цифровизация также поднимает вопросы касательно цифрового разрыва и доступа к образовательным ресурсам, что делает исследование педагогических экосистем важным для выработки политик, направленных на сокращение неравенства в образовании. Понимание того, как технологии могут способствовать или препятствовать достижению образовательной справедливости, критически важно для создания инклюзивной образовательной среды.

Таким образом, актуальность исследования педагогических экосистем в условиях цифровизации определяется не только быстрым развитием технологий, но и необходимостью их интеграции в образовательный процесс таким образом, чтобы они способствовали повышению качества образования, доступности и равенства.

Материалы и методы исследований

Изучение механизмов повышения качества образовательных услуг всегда актуальна и интересна. Это связано с тем, что по мере развития человеческого общества разворачиваются все формы деятельности.

Современная образовательная политика государства ставит в приоритете повышение качества оказываемых услуг, что отображается в различных инновационных проектах, программах развития, нововведениях в нормативную базу.

Результаты и обсуждения

Исследование влияния цифровизации на педагогические экосистемы позволяет осмыслить, как изменения в доступе к информационным ресурсам и технологиям преобразуют образовательное пространство. Это включает в себя не только интеграцию новых инструментов для повышения эффективности обучения, но и переосмысление ролей учителей и учащихся в образовательном процессе. Цифровые ресурсы предоставляют учащимся возможность более активно участвовать в своем обучении, а учителям – более глубоко анализировать успеваемость и индивидуальные потребности учеников [5].

Осуществление управления качеством образования представляет собой сложную, многофункциональную задачу, решаемую одновременно несколькими системами рис. 1.

Рис. 1. Структура Общероссийской системы оценки качества образования.
Fig. 1. Structure of the All-Russian system for assessing the quality of education.

Международный стандарт серии ISO 9000 создает основу для построения эффективной системы контроля качества, обеспечивающей стабильность качества предоставляемых услуг. Система менеджмента качества гарантирует руководству заказчика и организации, что все процессы, происходящие в образовательном учреждении, эффективны и направлены на постоянное улучшение качества предоставляемых услуг [1].

Также для совершенствования качества образовательного процесса необходимо внедрение современных технологий в процесс обучения, которые позволяют [4]:

- повышать уровень мотивации обучающихся при использовании информационных технологий и усилением эмоционального фона образования;
- развитие активной самостоятельной деятельности обучающихся;
- высокой наглядностью представления учебного материала;
- доступностью информационных технологий в любое удобное обучающемуся время;
- возможность удаленного обучения.

Внедрение цифровых технологий также порождает определенные вызовы. Вопросы конфиденциальности, цифрового разрыва и этики становятся все более значимыми, требуя разработки новых

подходов к образовательной политике и практике. Необходимость обеспечения равного доступа к технологиям для всех учеников подчеркивает важность исследований в этой области, направленных на создание инклюзивной и справедливой образовательной среды [2].

Следовательно, цифровизация образования ведет к его коренной, качественной перестройке. Педагог обязан научиться применять новые технологические инструменты и практически неограниченные информационные ресурсы.

Управление качеством образования в условиях цифровой трансформации как процесс предполагает планирование, организацию, руководство, контроль функционирования и развития основных и обеспечивающих процессов [5].

Внедрение современных образовательных технологий в российском образовательном пространстве набирает свою актуальность. В основном, когда речь идет о цифровизации, то в первую очередь имеется в виду программное обеспечение, перечень платформ и предложений Интернета. При внедрении данных технологий необходимо обеспечить процесс управления качеством [7].

На рис. 2 представим модель педагогической экосистемы в условиях цифровизации.

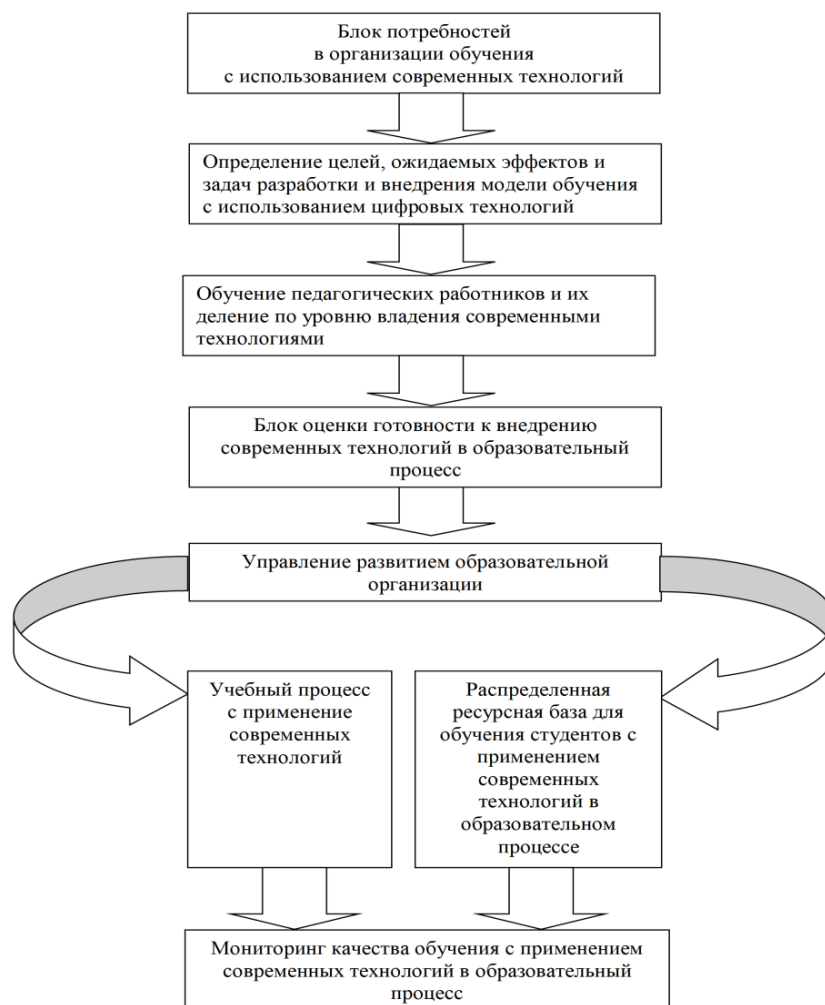

Рис. 2. Модель педагогической экосистемы в условиях цифровизации.

Fig. 2. Model of a pedagogical ecosystem in the context of digitalization.

Блок потребностей включает в себя перечень компонентов, которые необходимо внедрить в образовательную организацию, для успешного внедрения современных технологий в образовательный процесс.

Определим следующие необходимые мероприятия [3]:

- 1) модернизация, обновление и развитие направлений педагогической деятельности или образовательного процесса в целом;
- 2) актуализация средств достижения целей образования на основе нормативной документации;
- 3) интеграция урочной и внеурочной деятельности в рамках осуществления образовательного процесса;
- 4) создание системы мотивации и поощрения для сотрудников;
- 5) удовлетворение запросов обучающихся и их родителей (законных представителей)

- 6) создание условий для комфортного образовательного процесса

Следующий блок разработанной модели включает в себя определение факторов и целей, внедрения и развития современных технологий в образовательный процесс: Факторы разработки [8]:

- 1) Потребность в совершенствовании качества получаемых знаний;
- 2) Постоянная модернизация образования, вовлечение в него новых компонентов;
- 3) Индивидуализация обучения;
- 4) Повышение интенсивности информационного воздействия в обществе.

Обучение педагогических работников и их деление по уровню владения современными технологиями. Успешное функционирование поострѐнной модели невозможно без компетентных сотрудников, которые готовы делиться своими знаниями с коллегами, проходить обучение и нахо-

дить новые платформы для своих студентов. В долгосрочной перспективе следует создать стимулирующие подходы, например, путем создания соответствующей системы тарификации.

Компоненты оценки готовности образовательной организации к внедрению современных технологий:

- 1) возрастание мотивации студентов к обучению;
- 2) повышение компетентности педагогов;
- 3) возрастание универсальности использования и удобства эксплуатации средств обучения;

- 4) выполнение требований ФГОС;
- 5) повышение качества образовательного процесса и подготовки выпускников;
- 6) кадровая подготовка к профессиональному осуществлению инновационной деятельности.

Исследование удовлетворенности субъектов качеством образования можно осуществить с помощью проведения анкетирования.

Изучение качества внедрения современных технологий в образовательную организацию можно осуществить по критериям и с помощью методов, представленных в табл. 1.

Таблица 1

Критерии оценивания качества образовательных услуг в условиях цифровой трансформации.

Table 1

Criteria for assessing the quality of educational services in the context of digital transformation.

Критерий	Методы и критерии оценивания
1	2
1) Развитие мотивации к обучению	Проведение анкетирования с целью выяснения мотивации студентов.
2) Повышение цифровой компетенции обучающихся	Улучшение навыков пользования образовательными ресурсами
3) Повышение качества получаемых знаний	Проведение тестирований по пройденным темам, опросы
4) Обеспечение принципов наглядности и доступности обучения	Все использующие материалы должны сначала проходить апробацию и согласовываться с администрацией колледжа
5) Удобство эксплуатации используемых средств обучения	Проведение опросов, обсуждение и разбор некоторых образовательных платформ на методических семинарах.
6) Степень помощи преподавателя учащимся при организации их самостоятельной деятельности	Оценка самостоятельности студентов в выполнении заданий преподавателя
7) Обеспечение аудиторных занятий информационно-компьютерными технологиями и доступом к Интернет	Процентное соотношение технического обеспечения колледжа с количеством абитуриентов.

Следует отметить, что указанные критерии не охватывают всего разнообразия внедряемых современных технологий, однако, позволяют оценить их эффективность.

Обобщив данный спектр предполагаемых факторов внедрения современных технологий в обра-

зовательный процесс, определим основные цели ц разработки и реализации модели отталкиваясь от основных эффектов внедрения современных технологий рис. 3.

Рис. 3. Ожидаемые эффекты и задачи разработки и внедрения модели педагогической экосистемы в условиях цифровизации.

Fig. 3. Expected effects and objectives of the development and implementation of a model of a pedagogical ecosystem in the context of digitalization.

На основании проанализированной информации можно сделать вывод о том, что достижение высокого уровня качества образовательного процесса невозможно достичь без его модернизации в области цифровых технологий.

Выводы

Образование играет важную роль в нашей жизни. Образование позволяет человеку достигать целей и быть успешным в жизни. В современном обществе нам нужны высококвалифицированные работники, обладающие отличными знаниями, навыками и компетенциями и способные творче-

ски подходить к различным видам работы. Поэтому меняется и спрос на качественное образование.

Основной характеристикой конкурентоспособности учебного заведения является качество предоставляемых им образовательных услуг, которое достигается внедрением экосистемы и постоянном совершенствовании применяемых в образовательном процессе технологий.

На повышение качества образования также влияют изменения в социокультурной среде современного общества, а также изменения в образовательной политике государства. Задача состоит в том, чтобы достичь высокого уровня образова-

ния и развития, отвечающего потребностям различных групп населения и позволяющего людям перейти на новый этап культурного, экономического, производственного развития и качества жизни. Эта глобальная задача будет решена только

при условии разработки основных научных подходов, инструментов и методов для повышения эффективности государственной политики в области образования.

Список источников

1. Богатырева Ю.И., Николаева А.М. Инновационные подходы к обучению в условиях использования цифровых технологий в образовательных организациях Тульской области // Ученичество. 2022. № 2. С. 6 – 18.
2. Богуславский М., Наумова Т., Неборский Е. Менеджмент цифрового университета. Комплексный подход к организации педагогического процесса. Litres, 2023.
3. Моисеева Л.В., Селезнева О.В. Цифровая экосистема образовательнoproфессионального пространства вуза: теоретико-методические аспекты военного образования // Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория. 2024. № 2 (18). С. 165 – 182.
4. Неборский Е.В., Богуславский М.В., Наумова Т.А. подготовка педагогов для профессиональной деятельности в условиях цифровизации образования // Педагог цифрового поколения. 2022. С. 75 – 81.
5. Прокофьева Е.Н. Организационно-педагогические условия преобразования университета в экосистему // Современное педагогическое образование. 2022. № 11. С. 26 – 28.
6. Стародубцев В.А. От цифровизации педагогики к педагогике цифровизации // Общество, образование, наука: современные тренды: Сборник трудов по материалам II Национальной научно-практической конференции / Редколлегия: Е.П. Масюткин и др. Керчь, 2022. С. 573 – 577.
7. Тарануха С.Н., Савельева М.Н. Трансформации электронной информационно-образовательной среды университета в клиентоориентированную цифровую экосистему // Проблемы современного образования. 2024. № 2. С. 228 – 237.
8. Федотова В.С. Учитель как субъект цифровой образовательной экосистемы // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 7. № 10. С. 1082 – 1089.
9. Цзунчан Я., Алгожаева Н.С. Влияние цифровой трансформации на педагогические условия реализации образовательных программ в условиях вуза // Современное педагогическое образование. 2023. № 12. С. 59 – 65.
10. Чванова М.С., Киселева И.А., Скворцов А.А. Цифровая платформа сопровождения организационно-педагогического управления профессиональным самоопределением будущих ученых при инновационной деятельности // Перспективы науки и образования. 2023. № 2 (62). С. 711 – 731.

References

1. Bogatyreva Yu.I., Nikolaeva A.M. Innovative approaches to learning in the context of using digital technologies in educational organizations of the Tula region. Apprenticeship. 2022. No. 2. P. 6 – 18.
2. Boguslavsky M., Naumova T., Neborsky E. Management of a digital university. An integrated approach to organizing the pedagogical process. Litres, 2023.
3. Moiseeva L.V., Selezneva O.V. Digital ecosystem of the educational and professional space of the university: theoretical and methodological aspects of military education. Innovative scientific modern academic research trajectory. 2024. No. 2 (18). P. 165 – 182.
4. Neborsky E.V., Boguslavsky M.V., Naumova T.A. training teachers for professional activities in the context of digitalization of education. Teacher of the digital generation. 2022. P. 75 – 81.
5. Prokofieva E.N. Organizational and pedagogical conditions for transforming the university into an ecosystem. Modern pedagogical education. 2022. No. 11. P. 26 – 28.
6. Starodubtsev V.A. From digitalization of pedagogy to pedagogy of digitalization. Society, education, science: modern trends: Collection of papers based on the materials of the II National scientific and practical conference. Editorial board: E.P. Masyutkin et al. Kerch, 2022. P. 573 – 577.
7. Taranukha S.N., Savelyeva M.N. Transformations of the electronic information and educational environment of the university into a client-oriented digital ecosystem. Problems of modern education. 2024. No. 2. P. 228 – 237.
8. Fedotova V.S. Teacher as a subject of the digital educational ecosystem. Pedagogy. Theoretical and Practical Issues. 2022. Vol. 7. No. 10. P. 1082 – 1089.

9. Zongchang Ya., Algozhaeva N.S. The Impact of Digital Transformation on Pedagogical Conditions for the Implementation of Educational Programs in a University. Modern Pedagogical Education. 2023. No. 12. P. 59 – 65.

10. Chvanova M.S., Kiseleva I.A., Skvortsov A.A. Digital platform for supporting organizational and pedagogical management of professional self-determination of future scientists in innovative activities. Prospects of Science and Education. 2023. No. 2 (62). P. 711 – 731.

Информация об авторах

Ларина С.В., Санкт-Петербургский аграрный университет, g.2608@mail.ru

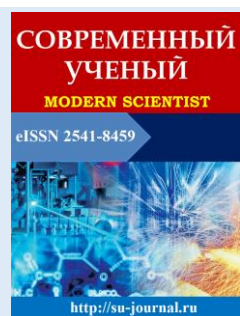
Гарбузова Т.Г., кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С.М. Кирова, tais356@mail.ru

Тупицына Е.Г., кандидат педагогических наук, доцент, Волго-Вятский институт, филиал Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), egtupitsyna@msalkirov.ru; Вятский государственный университет, usr10711@vyatsu.ru

Кузнецова С.Б., кандидат экономических наук, Набережночелнинский институт, филиал Казанского (Приволжского) федерального университета, кафедра Экономика предприятий и организаций, svetla_na66@inbox.ru

Калин А.А., Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 6341701@mail.ru

© Ларина С.В., Гарбузова Т.Г., Тупицына Е.Г., Кузнецова С.Б., Калин А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 37.01

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-288-293

Повышение уровня правовой грамотности родителей как одно из главных условий формирования правовой грамотности студентов

¹ Желнин Э.В.

¹ Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация: в статье рассматривается проблема тесной взаимосвязи уровня правовой грамотности студентов и их родителей. Основная цель данной статьи – рассказать о необходимости повышения уровня правовой грамотности родителей для успешной реализации системы формирования правовой грамотности студентов. Достижение данной цели осуществляется решением следующих задач: провести диагностику уровня правовой грамотности родителей и проанализировать полученные результаты, рассказать об основных этапах работы, направленной на повышения уровня правовой грамотности родителей, представить результаты проведенного исследования. Основные тезисы статьи заключаются в следующем: утверждается, что формирование правовой грамотности студентов возможно только при одновременном повышении уровня правовой грамотности родителей; отмечается, что, чем выше уровень образования родителей, тем выше и их знания в области права. Приводятся результаты диагностического исследования уровня правовой грамотности родителей (начальное и итоговое диагностическое исследование). Рассказывается об организации работы среди родителей, направленной на повышение уровня правовой грамотности: порядок организации данной работы, формы и методы ее осуществления, необходимые условия. Анализируются итоги данной работы, указывающие на положительную динамику и влияние на формирование правовой грамотности студентов, что позволяет сделать выводы о правомерности заявленных утверждений.

Ключевые слова: правовая грамотность, правовой нигилизм, формирование правовой грамотности, студенты, родители, уровень образования, правовые знания, практикоприменительные умения и навыки

Для цитирования: Желнин Э.В. Повышение уровня правовой грамотности родителей как одно из главных условий формирования правовой грамотности студентов // Современный ученый. 2025. № 1. С. 288 – 293. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-288-293

Поступила в редакцию: 18 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Increasing the level of legal literacy of parents as one of the main conditions for the formation of legal literacy of students

¹ Zhelnin E.V.

¹ Chelyabinsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract: the article deals with the problem of the close relationship between the level of legal literacy of students and their parents. The main purpose of this article is to talk about the need to increase the level of legal literacy of parents for the successful implementation of the system of formation of legal literacy of students. The achievement of this goal is carried out by solving the following tasks: to diagnose the level of legal literacy of parents and analyze the results obtained, to tell about the main stages of work aimed at improving the level of legal literacy of parents, to present the results of the study. The main theses of the article are as follows: it is argued that the formation of legal literacy of students is possible only with a simultaneous increase in the level of legal literacy of parents; It is noted that the higher the level of education of parents, the higher their knowledge in the field of law. The results of a diagnostic study of the level of legal literacy of parents (initial and final diagnostic studies) are presented. It tells about the organization of work among parents aimed at improving the level of legal literacy: the order of organization of this work, the forms and methods of its implementation, the necessary conditions. The results of this work are analyzed, indicating positive dynamics and influence on the formation of legal literacy of students, which allows us to draw conclusions about the legality of the stated statements.

Keywords: legal literacy, legal nihilism, formation of legal literacy, students, parents, level of education, legal knowledge, practical skills

For citation: Zhelnin E.V. Increasing the level of legal literacy of parents as one of the main conditions for the formation of legal literacy of students. Modern Scientist. 2025. 1. P. 288 – 293. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-288-293

The article was submitted: September 18, 2024; Approved after reviewing: November 20, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Жизнь современного общества стремительно меняется. Сегодня человек, чтобы быть успешным и конкурентоспособным должен обладать широким кругозором и знаниями в самых различных областях. Право стало неотъемлемой частью нашей жизни, именно поэтому правовая грамотность становится жизненно необходимым условием для каждого человека как в профессиональной сфере, так и повседневной жизни. Иметь базовые знания в различных отраслях права, а также практикоприменительные умения и навыки в области права – сегодня необходимое условие для личностного и профессионального роста. Именно поэтому мы считаем, что формирование правовой грамотности сегодняшних студентов будет способствовать интенсивному развитию нашего государства. Формирование правовой грамотности помогает, в том числе, и воспитанию патриотизма, желанию созидать на благо родной страны [1].

Понимание данной проблемы способствовало

тому, что в 2011 году Президент РФ Д.А. Медведев утвердил «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан». Основными целями государственной политики являются:

«1) формирование в обществе устойчивого уважения к закону и преодоление правового нигилизма;

2) повышение уровня правовой культуры граждан, включая уровень осведомленности и юридической грамотности;

3) создание системы стимулов к законопослушанию как основной модели социального поведения;

4) внедрение в общественное сознание идеи добросовестного исполнения обязанностей и соблюдения правовых норм» [2].

Анализируя данный документ, можно прийти к выводу, что формирование правовой грамотности как общества в целом, так и каждого гражданина в

отдельности становится государственной задачей. Следовательно, формирование правовой грамотности студентов профессиональных образовательных организаций, является одним из элементов решения данной задачи.

Материалы и методы исследований

Занимаясь исследованием заявленной проблемы и созданием системы формирования правовой грамотности студентов, мы пришли к выводу, что необходимым условием при формировании правовой грамотности студентов является повышение уровня правовой грамотности родителей [3, 4, 5, 6, 7]. В качестве основных методов используемых в исследовании можно выделить теоретические: изучение педагогической, юридической, психологической, социологической и методической научной литературы, обобщение собственного педагогического опыта; и эмпирические: педагогическое наблюдение, опрос, тестирование, педагогический эксперимент

Результаты и обсуждения

В соответствии с Конституцией РФ у нас в стране приоритет семейного воспитания, а значит, именно родители закладывают основы отношения человека к праву [8]. Родители современных студентов колледжей – это люди в возрасте от 30 до 50 лет. Их формирование проходило в достаточно непростое время, что способствовало развитию у

многих из них безразличного либо негативного отношения к праву [9]. Это подтверждается, в том числе, рядом исследований, проводимых в стране в последнее время. Большое количество респондентов, участвующих в данных опросах считают, что знания в области права не являются необходимостью, а многие вообще отрицают право и его роль в регулировании общественных отношений, т.е. являются правовыми нигилистами [10, 11]. Преобладают среди них представители указанной возрастной категории.

В рамках нашего научного исследования тоже была проведена диагностика уровня сформированности правовой грамотности родителей.

В опросе участвовало 140 человек. Результаты показали следующее: чем выше уровень образования родителей, тем выше уровень сформированности правовой грамотности. У родителей, имеющих высшее образование (1/3 всех опрошенных), высокий уровень показали 30% респондентов, средний уровень – 60% респондентов и низкий уровень – 10% респондентов, а у родителей со средне-специальным и средним образованием (2/3 всех опрошенных) высокий уровень формирования правовой грамотности вообще не отмечен, а средний и низкий распределились в отношении 40% и 60% (рис. 1) [12].

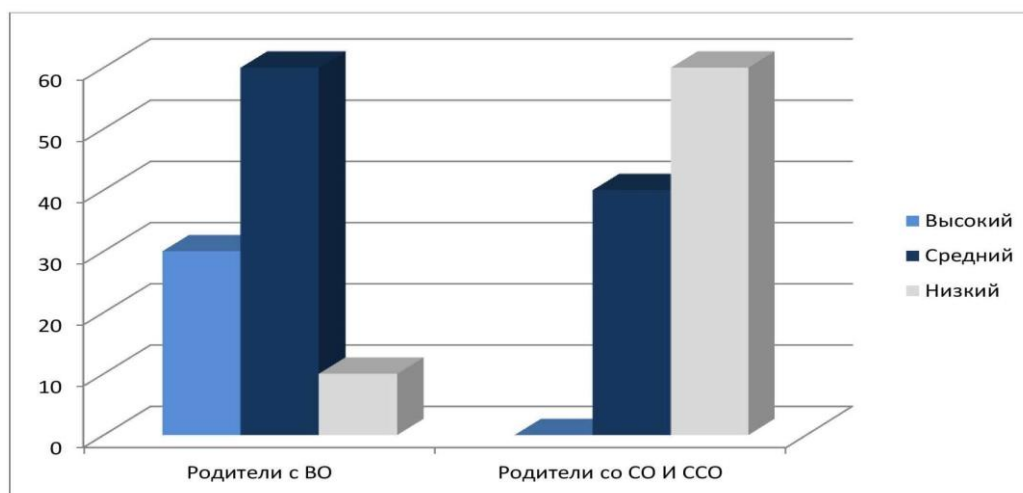

Рис. 1. Анализ сформированности правовой грамотности (начальное исследование).

Fig. 1. Analysis of the development of legal literacy (initial study).

Также следует отметить, что если среди родителей с высшим образованием уровень правового нигилизма составляет всего 10% опрошенных, то среди остальных родителей он составляет уже 30%.

Анализируя полученные результаты, мы пришли к выводу, что вместе с внедрением системы формирования правовой грамотности студентов профессиональных образовательных организаций необходимо разработать и внедрить программу, направленную на повышение уровня правовой

грамотности родителей и профилактику среди них правового нигилизма [13].

Организация данной работы с родителями должна проводиться в три этапа. На первом этапе проводится исследование уровня правовой грамотности родителей, изучается их отношение к праву, определяется круг правовых вопросов, которые вызывают у родителей наибольший интерес. В нашем случае наибольший интерес вызвали вопросы, связанные с трудовым, жилищным, семейным законодательством, а также вовлечением подростков в противоправную деятельность.

На втором этапе родителям даются теоретические знания в области права, а также развиваются практикоприменительные умения и навыки. Для реализации данного этапа была составлена программа «Правовой всеобуч (не для юристов)». Она была рассчитана на три года: время обучения студентов в колледже. В основе данной программы лежал принцип от общих теоретических знаний по праву к умению применять полученные знания различных отраслей права в жизни. Наибольшая трудность при проведении данной работы заключалась в привлечении родителей к посещению занятий. В связи с этим занятия для родителей организовываются в вечернее время, не чаще двух раз в месяц, продолжительность занятия – два академических часа: первый час отводится на получение теоретических знаний, второй – на выработку практических умений и навыков, а также ответов на правовые вопросы, которые интересуют родителей. На первых занятиях, организованных для родителей, присутствовало примерно 20-25% от их общего числа, однако примерно через полгода количество родителей, посещающих занятия стало расти и к концу обучения число родителей, регулярно посещающих данные занятия, выросло до 45-50%. Мы считаем, что в нынешних условиях это достаточно высокий результат.

Данную положительную динамику мы связываем, прежде всего, с тем, что направленность работы носила практический характер. На занятиях объяснялось, как и где можно найти необходимые знания в области права, давались рекомендации по конкретным вопросам. Например, разъяснялось, как должны строиться взаимоотношения с работодателем, каковы права и обязанности работника. В рамках изучения жилищного права говорилось о том, какими правами обладает собственник или наниматель жилья, в каких отношениях он должен находиться с управляющей компанией, как и куда

обращаться при некачественном оказании услуг в области ЖКХ и т.д. Много внимания уделялось вопросам, связанным с административной и уголовной ответственностью несовершеннолетних, и давались практические рекомендации, как уберечь подростков от вовлечения в преступную деятельность, в том числе и через использование сети Интернет [14]. Также родителей учили составлять различные документы, необходимые для защиты своих прав: претензии, жалобы, ходатайства, исковые заявления и т.д. К окончанию обучения часть родителей осознала, что теперь ряд правовых вопросов они могут решать самостоятельно без привлечения юриста, а значит, без дополнительных материальных затрат.

Для проведения данных занятий привлекались специалисты в области юриспруденции (сотрудники полиции, прокуратуры, адвокатуры), психологии, социологии, медицины. Они рассматривали вопросы профилактики правонарушений и употребления ПАВ (психоактивных веществ), воспитания отношений с взрослеющими подростками, формирования здорового образа жизни и т.д.

Для занятий с родителями использовались различные формы работы, в том числе активные и интерактивные: правовые лектории, конференции, круглые столы, тренинги, деловые игры, индивидуальные и групповые консультации, вечера встреч, вечера вопросов и ответов, решение ситуационных и практических задач, осуществлялся просмотр обучающих видеофильмов, видеороликов по правовой грамотности с последующим обсуждением. В ряде случаев проводились совместные занятия с приглашением родителей и детей.

На третьем этапе снова было проведено исследование уровня правовой грамотности и правового нигилизма.

Результаты среди родителей (70 человек), не посещающих занятий правового всеобуча, остались прежними. А вот среди тех, кто регулярно занимался по предложенной программе (70 человек), результаты стали следующими: у родителей, имеющих высшее образование (1/3 всех опрошенных), высокий уровень показали 50% респондентов, средний уровень – 50% респондентов и низкий уровень отсутствует, а у родителей со среднеспециальным и средним образованием (2/3 всех опрошенных) высокий уровень формирования правовой грамотности показали 30% респондентов, а средний и низкий распределились в отношении 60% и 10% (рис. 2).

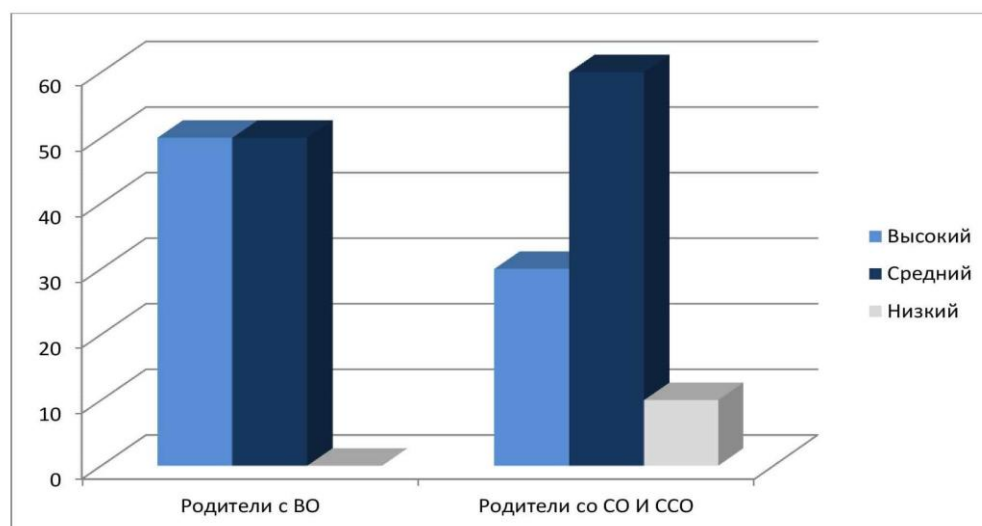

Рис. 2. Анализ сформированности правовой грамотности (итоговое исследование).
Fig. 2. Analysis of the development of legal literacy (final study).

Также следует отметить, что среди родителей с высшим образованием уровень правового нигилизма не выявлен, а среди остальных родителей он составлял уже только 10%.

Выводы

Важным фактором проведенной работы является то, что студенты, чьи родители регулярно посещали занятия правового всеобуча, более ответственно стали подходить ко всем мероприятиям, проводимым в рамках внедрения системы форми-

рования правовой грамотности, они стали осознавать ценность права, у них появилась устойчивая мотивация к получению новых знаний и практических умений и навыков в области права, а, главное, осознание необходимости правомерного поведения.

Анализ полученных результатов свидетельствует, что формирование правовой грамотности студентов невозможно без повышения уровня правовой грамотности их родителей.

Список источников

1. Певцова Е.А., Соколов Н.Я. Правовое просвещение в России. Состояние, проблемы и перспективы развития: монография. М: Изд-во «Проспект», 2019. 412 с.
2. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 N Пр-1168) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113761/
3. Амонашвили Ш.А. Основы гуманной педагогики. Книга 1. М.: Амрита-Русь, 2017. 304 с.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2005. 352 с.
5. Макаренко А.С. Правильно воспитывать детей. Как? М.: АСТ, 2013. 320 с.
6. Сухомлинский В.А. О воспитании. М.: Политическая литература, 1982. 270 с.
7. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.
8. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.09.2024)
9. Фабриков М.С. Педагогические основы формирования правовой культуры студентов. Владимир, 2020. 128 с.
10. Изучение информированности и восприятия населением РФ Конституции Российской Федерации: аналитический обзор ВЦИОМ [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. 2018. 5 дек. URL: https://wciom.ru/database/open_projects/konstitucija_rf/ (дата обращения: 08.05.2023)
11. Васенина А.С., Имаева Г.Р., Макарова Н.С., Никишова Е.Н. Правовая грамотность россиян: на пути к гражданскому обществу / Аналитический центр НАФИ. М.: Издательство НАФИ, 2020. 82 с.
12. Желнин Э.В. Девиантное поведение несовершеннолетних и его профилактика в образовательных организациях // «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Гуманитарные науки». 2022. № 5. С. 97 – 104.

13. Желнин Э.В. Правовая грамотность как одна из форм преодоления правового нигилизма // Интернаука. Москва, 2023. № 18 (288). С. 17 – 20.

14. Желнин Э.В. Деструктивные молодежные субкультуры как один из способов формирования социально опасных видов девиантного поведения // Педагогика в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2022. С. 100 – 104.

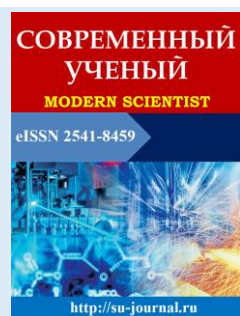
References

1. Pevtsova E.A., Sokolov N.Ya. Legal education in Russia. Status, problems and development prospects: monograph. M.: Prospect Publishing House, 2019. 412 p.
2. Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the field of development of legal literacy and legal awareness of citizens (approved by the President of the Russian Federation on April 28, 2011 N Pr-1168) [Electronic resource]. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113761/
3. Amonashvili Sh.A. Fundamentals of humane pedagogy. Book 1. M.: Amrita-Rus, 2017. 304 p.
4. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. Personality. M.: Smysl, 2005. 352 p.
5. Makarenko A.S. How to Raise Children Correctly. How? Moscow: AST, 2013. 320 p.
6. Sukhomlinsky V.A. On Education. Moscow: Political Literature, 1982. 270 p.
7. Elkonin D.B. Selected Psychological Works. Moscow: Pedagogy, 1989. 560 p.
8. Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 [Electronic resource]. Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date accessed: 09/10/2024)
9. Fabrikov M.S. Pedagogical Foundations for the Formation of Students' Legal Culture. Vladimir, 2020. 128 p.
10. Study of awareness and perception of the population of the Russian Federation of the Constitution of the Russian Federation: analytical review of VTsIOM [Electronic resource]. Official website of VTsIOM. 2018. December 5. URL: https://wciom.ru/database/open_projects/konstitucija_rf/ (date of access: 08.05.2023)
11. Vasenina A.S., Imaeva G.R., Makarova N.S., Nikishova E.N. Legal literacy of Russians: on the way to a civil society. Analytical Center NAFI. Moscow: Publishing house NAFI, 2020. 82 p.
12. Zhelnyn E.V. Deviant behavior of minors and its prevention in educational organizations. "Modern science: current problems of theory and practice". Series "Humanities". 2022. No. 5. P. 97 – 104.
13. Zhelnyn E.V. Legal literacy as one of the forms of overcoming legal nihilism. Internauka. Moscow, 2023. No. 18 (288). P. 17 – 20.
14. Zhelnyn E.V. Destructive youth subcultures as one of the ways of forming socially dangerous types of deviant behavior. Pedagogy in theory and practice: topical issues and modern aspects: collection of materials of the XIV International scientific and practical conference. Penza: MCNS "Science and Education", 2022. P. 100 – 104.

Информация об авторе

Желнин Э.В., Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 454006, г. Челябинск, ул. 3-го Интернационала, д. 62, кв. 35, annabakunova@mail.ru

© Желнин Э.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 378.14

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-294-299

Инновационные технологии обучения в контексте новой философии образования

¹ Петренко А.А.

¹ Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

Аннотация: статья посвящена актуализации проблемы внедрения инновационных технологий в контексте современных научно-философских и образовательных подходов. Особое внимание уделяется компетентностному, деятельностному, информационному подходам как ведущим основаниям для осмысленного внедрения инновационных технологий в реальную педагогическую практику. Цель исследования: выявление сущности (теоретических положений, научных идей) новой философии образования в процессе внедрения инновационных технологий. Методы исследования теоретические: изучение и анализ научно-педагогической литературы, обобщение, сравнение, аналогия, синтез; практические: наблюдение, беседы. В анализе научно-педагогических источников использовались труды современных ученых (Е.А. Другова и А.И. Ваниева, С.Д. Каракозова и Е.А. Самохвалова, М.Л. Курьян и Е.А. Воронина, Е.Н. Патрикова) с опорой на ведущие идеи педагогов классиков (Дж. Равен, К.Д. Ушинский и др.). В результате были выявлены целевые установки исследуемых научных подходов (деятельностного, компетентностного, информационного), их достижения и «точки роста» в области использования технологий в соответствии с основными положениями каждого из них.

Ключевые слова: философско-образовательные концепции, научные идеи, компетентностный подход, информатизация, деятельностный подход, информационный подход, геймификация

Для цитирования: Петренко А.А. Инновационные технологии обучения в контексте новой философии образования // Современный ученый. 2025. № 1. С. 294 – 299. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-294-299

Поступила в редакцию: 21 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 19 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Innovative learning technologies in the context of the new philosophy of education

¹ Petrenko A.A.

¹ Ryazan State University named after S.A. Yesenin

Abstract: the article is devoted to updating the problem of introducing innovative technologies in the context of modern scientific, philosophical and educational approaches. Particular attention is paid to competency, activity, information approaches as the leading grounds for the meaningful introduction of innovative technologies into real pedagogical practice. The purpose of the study: to identify the essence (theoretical provisions, scientific ideas) of the new philosophy of education in the process of introducing innovative technologies. Theoretical research methods: study and analysis of scientific and pedagogical literature, generalization, comparison, analogy, synthesis;

practical: observation, conversations. The analysis of scientific and pedagogical sources used the works of modern scientists (E.A. Drugova and A.I. Vanieva, S.D. Karakozova and E.A. Samokhvalova, M.L. Kuryan and E.A. Voronina, E.N. Patrikova) based on the leading ideas of classical teachers (J. Ravn, K.D. Ushinsky and others). As a result, the target settings of the studied scientific approaches (activity, competence, information), their achievements and "growth points" in the field of technology use in accordance with the main provisions of each of them were identified.

Keywords: philosophical and educational concepts, scientific ideas, competence approach, informatization, activity approach, information approach, gamification

For citation: Petrenko A.A. Innovative learning technologies in the context of the new philosophy of education. Modern Scientist. 2025. 1. P. 294 – 299. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-294-299

The article was submitted: September 21, 2024; Approved after reviewing: November 19, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Внедрение инновационных технологий в системе образования – эффективное средство реализации новых концептуальных подходов образовательной политики, ориентированных на формирование активной и предприимчивой личности выпускника. К новым философско-образовательным педагогическим идеям относятся научные школы, развивающие идеи компетентностного, информационного, системно-деятельностного, конвергентного и других подходов, каждый из которых обращен к развитию таких качеств и свойств личности, которые будут способствовать развитию его самостоятельности, поиску новой информации, критическому мышлению и креативности, обеспечивающих их готовность не только к успешной самореализации, но и к эффективному преобразованию общества, достижению новых высот в науке и технике, экономике и культуре. При этом, анализ исследуемого процесса свидетельствует о существовании противоречия между высокой востребованностью в инновационных технологиях в педагогической деятельности и недостаточной подготовкой педагогических кадров к их внедрению в повседневной массовой практике; между недостаточным уровнем осведомленности педагогов о сущности новых философско-образовательных подходов как основы внедрения инновационных технологий и высокой потребностью в понимании сущности инновационных процессов в контексте новой философии образования. Все это выявляет ведущую *проблему* исследования: какова сущность новой философии образования в процессе внедрения инновационных технологий, способствующих развитию личности обучающихся? Данная проблема определила *цель* исследования: выявление сущности (теоретических положений, подходов) новой философии образова-

ния в процессе внедрения инновационных технологий.

Материалы и методы исследований

Методы исследования проблемы внедрения инновационных технологий в контексте новой философии образования: *теоретические*: изучение и анализ научно-педагогической литературы, обобщение, сравнение, аналогия, синтез; *практические*: наблюдение, беседы.

Процессы преобразования образовательного процесса всегда являлись предметом педагогических исследований. Первым реформатор, несомненно, был «отец» великой дидактики Я.А. Коменский, основатель традиционной педагогики и классно-урочной системы обучения. Поиски совершенствования традиционного подхода в образовании начались уже в конце XVIII – начале XIX веков и были представлены в педагогических воззрениях различных западных и отечественных ученых (Ф.А. Дистервег, Э. Белл, Дж. Ланкастер, Д. Дьюи, К.Д. Ушинский и другие). Всех их не устраивал репродуктивный характер обучения, при котором преподаватель сообщает «готовые» знания, а ученик их воспроизводит. Активно в этот процесс включились ученые XX-XXI веков.

Современные педагоги и исследователи разрабатывают основы системно-деятельностного подхода в обучении (Б.Н. Ананьев, Л.С. Выготский, и др.), компетентностный подход (О.Е. Лебедев, И.А. Зимняя, А.В. Хуторской и др.) и многие другие. Характеризуя сущность новой философии компетентностного подхода, следует понимать, что компетенции и компетентность, как основной результат качественного образования, согласно федеральным государственным стандартам «представляет собой степень профессиональной подготовленности студентов к будущей трудовой деятельности» [10, с. 13], в которой важны не только

совокупность знаний, умений и навыков, осваиваемых в системе непрерывного образования (школа, вуз), но, прежде всего, способность и готовность использовать их в решении профессиональных задач с учетом изменяющихся условий в обществе, различных жизненных ситуациях. Новизна компетентного подхода в современном образовании обусловлена не только востребованностью формирования профессионала, обладающего компетентностями в реализации своих трудовых функций (хотя, именно данный термин («трудовые функции») сегодня выступает ключевым в определении требований к педагогу в соответствии с профессиональным стандартом «Педагог» (2013 г.)), но и возможностью «трансформации круговорота «компетенций» в спираль, каждый виток которой является новым этапом траектории развития образования» [9, с. 15].

Результаты и обсуждения

Результаты научно-теоретического анализа современных источников по проблеме поиска новых ориентиров в процессе обновления подходов к образовательным технологиям выявляют ключевые положения (основания), позволяющие интенсифицировать процесс внедрения инновационных технологий в реальный педагогический процесс. В исследованиях Е.А. Друговой и А.И. Ваниева достаточно четко определяется сущность новой философии образования: оказать «помощь обучающимся в нахождении правильных решений учебных задач с ориентацией на *результат* (как найти *верное* решение); содействие обучающимся в отладке процесса решения учебных задач с ориентацией на *процесс* (как *найти* верное решение)» [2, с. 9]. Данное положение согласуется с деятельностным подходом в образовании, в котором провозглашается доминанта субъект-субъектных взаимоотношений между педагогом и обучающимся, его самостоятельность в освоении и применении способов деятельности. При этом, становится важен и процесс ориентации обучаемых в поиске объективной, научной информации, достоверной и истинной (что особенно актуально в условиях роста потока различной, в том числе, недостоверной, а часто абсурдной информации). Все это актуализирует применение таких инновационных технологий, которые будут формировать у обучающихся умение критически и системно мыслить, ориентироваться в информационных потоках, самоопределяться в ситуациях неопределенности, рефлексировать относительно собственной деятельности, чему будут способствовать активные, интерактивные методы обучения, проектно-

исследовательские технологии, методы кейс-стади. Новая философия оценивания ученика заключается в стремлении ухода от внешнего контроля и обращении к саморефлексии; в выявлении не только типичных затруднений и проблем в знаниях обучающихся, но и «точек роста», тех его способностей и потенциальных возможностей, на основе которых «выращивается» человек, способный к самостоятельному мышлению, принятию решений в учебной, социально-бытовой и личной жизни.

В основе компетентностной образовательной парадигмы современного образования (Дж. Равен, А.А. Вербицкий, И.А. Зимняя, и др.) – развитие способностей и готовности действовать в ситуациях неопределенности, формирование опыта освоения предметного содержания, метапредметных и универсальных компетенций школьников и студентов, нацеленность на результативность и качество образования. Все это требует подготовки современного педагога к пониманию и реализации своей педагогической деятельности с учетом «целевых установок инновационного образовательного пространства, содержания образования; субъектной творческой и преобразующей деятельности» [8, с. 4], что должно проявляться в активном использовании ими инновационных технологий образования, высокой степени мотивации к их освоению и применению. Развитие конкурсного движения в Российском образовании, смена форматов проведения Всероссийского конкурса «Учитель года» (на творческий и деятельностный) свидетельствует о том, что учителя активно осваивают новые технологии, делятся опытом, достигают успеха. Например, в Рязанском регионе только за один учебный год было получено четыре призовых конкурса во Всероссийских конкурсах профессионального мастерства (««За нравственный подвиг учителя» (1 место, С.О. Никулина), «Мои инновации» (2 место, Е.В. Антонов и Н.В. Пугачева, 3 место, С.С. Журавлева)»)) [4, с. 106].

Новая философия образования рождается в эпоху активного наступления информационных технологий, цифровизации во всех сферы жизнедеятельности человека, что должно учитываться системой образования. Современные проекты государственной образовательной политики («Цифровая школа», «Современная школа» национального проекта «Образования», проект Концепции современной школы Министерства Просвещения) активно внедряют идеологию цифровизации в образовательных организациях; технологии, формирующие цифровые компетенции обучающихся.

Кроме того, в качестве инвариантного требования к учителю по профессиональному стандарту выступает требование владения информационными компетенциями. Внедрение он-лайн обучения в период пандемии, дистанционного обучения в массовом открытом образовательном пространстве – свидетельство реализации новой философии образования в информационном аспекте, активизирующего «дополнительные ресурсы и новые возможности для развития и наметить новые точки роста» [6, с. 9]. В качестве таких новых точек роста можно выделить значимые умения педагогов «выстроить собственную методику проведения занятий в цифровой образовательной среде, четко определить используемые технологии, цифровые ресурсы, подобрать адекватные форме обучения методы, а также видеть и предвидеть образовательные потребности, как студентов, так и работодателей на рынке труда и др.» [1, с. 6]. Новые технологии в области геймификации процессов обучения, характерные для компьютерных игр, используются для мотивации обучаемых, педагогов в неигровых ситуациях. Освоение «ключевых динамик, механик и техник геймификации» [7, с. 24], несомненно, будут «оживлять», делать процесс обучения интересным и современным для всех обучающихся. В тоже время, следует отметить, что «достигнутый на данный момент уровень развития цифровизации содержания образования и наработки педагогов в сфере интеграции педагогических и цифровых технологий позволяет говорить о полноценном внедрении в обучение индивидуализированного и персонифицированного подхода к каждому обучающемуся» [3, с. 5].

Обсуждение результатов исследования проблемы внедрения инновационных технологий в контексте новой философии образования осуществлялось в ходе выступлений и публикаций научных статей на различных Международных (гг. Новосибирск, Пенза, Рязань) научно-практических конференциях, в журналах:

1. Петренко А.А. Деятельностный подход в управлении образовательным процессом в вузе // Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (Новосибирск, 24 сентября 2024 г.). Стерлитамак: Сборник статей подготовлен на основе докладов Международной научно-практической конференции «Взгляд и в будущее: наука и практика в эпоху перемен», состоявшейся 24 сентября 2024 г. в г. Новосибирске. С. 30 – 33.

2. Петренко А.А., Кашаев А.А. Методологические подходы и принципы проектирования едино-

го образовательного пространства в региональной системе образования // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 7 (145).

3. Аджиева Е.М. Методология управления качеством образования в вузе // Международный научно-исследовательский конкурс «Достижения в науке и образовании 2024»: Сборник статей по итогам Международного научно-исследовательского конкурса (Пенза, 5 июня 2024). Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2024. С. 36 – 40.

4. Петренко А.А., Аджиева Е.М. Векторы развития профессионализма педагога высшей школы // Образование, обучение и воспитание: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2024. С. 26 – 28.

5. Петренко А.А. Профессиональное развитие студентов в условиях инновационных изменений в высшей школе // Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции XXXI Рязанские педагогические чтения «Традиции и инновации в образовании и семейном воспитании», посвященной Году семьи (г. Рязань, 28-29 марта 2024 г.

Выводы

Таким образом, анализ проблемы внедрения инновационных технологий обучения в контексте новой философии образования в научных трудах современных ученых выявил сущность, ведущие положения, идеи таких методологических подходов как деятельностный, компетентностный, информационный. Объединяющей идеей их внедрения является общий взгляд на целевую установку их использования: формирование деятельностной, функционально грамотной и компетентностной в области научных знаний, профессиональной деятельности и цифровых технологий личности. Специфика внедрения инновационных технологий на основе:

- деятельностного подхода состоит в создании педагогических ситуаций, мотивирующих обучающихся к самостоятельной работе и формированию опыта их познавательной и других видов деятельности;

- компетентностного подхода – в развитии способностей обучающихся по решению различной степени трудности проблем и задач в реальных учебных, профессиональных условиях;

информационного подхода – в освоении навыков работы с информационно-компьютерными технологиями в различных режимах дистанта, он-

лайн обучения; освоение методов геймификации и другое.

Перспективными направлениями исследования данной проблемы являются:

аксиологический подход в образовании, в котором можно выделить актуальную систему наставничества, которую Е.В. Королева характеризует как образовательную технологию [5, с. 95];

конвергентный подход, ориентированный на междисциплинарность и технологичность сферы производства;

синергетический подход, актуализирующий процессы самоорганизации, транспарентность образовательных систем; и другие.

Список источников

1. Андрагогика и педагогика в высшем образовании: монография / отв. ред.: Л.Д. Ерохина, Е.Н. Гринько. Владивосток: ВВГУ, 2023. 134 с.
2. Другова Е.А., Ваниев А.И. Проектирование обучения с применением четырехкомпонентной модели педагогического дизайна (4C/ID) в высшем образовании: обзор исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20. № 4. С. 747 – 771.
3. Каракозов С.Д., Самохвалова Е.А. Концепция информационно-методической поддержки использования информационных систем на основе искусственного интеллекта в подготовке студентов // Преподаватель XXI век. 2024. № 1. Часть 1. С. 19 – 36.
4. Кашаев, А.А., Петренко, А.А. Управленческая модель научно-методического сопровождения развития региональной системы оценки качества образования // Психолого-педагогический поиск. 2021. № 2. С. 90 – 107.
5. Королёва Е.В. Развитие наставничества в сфере современной педагогической деятельности // Профессиональное образование и общество. 2021. № 1 (137). С. 94 – 99.
6. Курьян М.Л., Воронина Е.А. Форсированный переход на онлайн-обучение и новые возможности для участников образовательного процесса: обзор исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Щербак С.С. Расширение дифференциации в трудовом законодательстве Российской Федерации в зависимости от объема предпринимательской деятельности работодателя // Право и экономика. 2017. № 10. С. 63 – 69.
7. Патрикова Е.Н., Патрикова Т.С. Проектная деятельность преподавателей и студентов в условиях цифровой трансформации общества: монография. Тула: ТулГУ, 2024. 98 с.
8. Колесова Д.В., Харитонов А.А. «Игра слов: во что и как играть на уроках русского языка». С-П.: Златоуст, 2011. С. 152.
9. Петренко А.А. Развитие компетентности педагога в условиях дополнительного профессионального образования // Человек и образование. 2021. № 4. С. 211 – 219.
10. Сафонцева Н.Ю. Ранжирование компетенций и его прогностические возможности в профессиональном развитии будущих педагогов // Преподаватель XXI век. 2024. № 1. Часть 1. С. 37 – 53.
11. Чернявская В.С. Метакогнитивная компетентность в проектной деятельности студентов информационно-технологических направлений: монография. Владивосток: ВВГУ, 2023. 134 с.

References

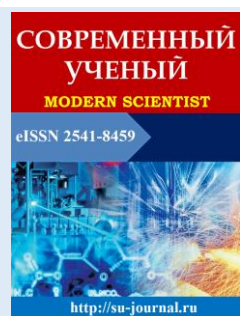
1. Andragogy and pedagogy in higher education: monograph. ed.: L.D. Erokhina, E.N. Grinko. Vladivostok: VVGU, 2023. 134 p.
2. Drugova E.A., Vaniev A.I. Designing learning using the four-component model of pedagogical design (4C/ID) in higher education: a research review. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy. 2023. Vol. 20. No. 4. P. 747 – 771.
3. Karakozov S.D., Samokhvalova E.A. The concept of information and methodological support for the use of information systems based on artificial intelligence in student training. Teacher of the XXI century. 2024. No. 1. Part 1. P. 19 – 36.
4. Kashaev A.A., Petrenko A.A. Management model of scientific and methodological support for the development of a regional system for assessing the quality of education. Psychological and pedagogical search. 2021. No. 2. P. 90 – 107.
5. Koroleva E.V. Development of mentoring in the field of modern pedagogical activity. Professional education and society. 2021. No. 1 (137). P. 94 – 99.

6. Kuryan M.L., Voronina E.A. Forced transition to online learning and new opportunities for participants in the educational process: a research review. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Shcherbak S.S. Expanding differentiation in the labor legislation of the Russian Federation depending on the volume of entrepreneurial activity of the employer. Law and Economics. 2017. No. 10. P. 63 – 69.
7. Patricova E.N., Patricova T.S. Project activities of teachers and students in the context of digital transformation of society: monograph. Tula: Tula State University, 2024. 98 p.
8. Kolesova D.V., Kharitonova A.A. "Wordplay: what and how to play in Russian language lessons". St. Petersburg: Zlatoust, 2011. P. 152.
9. Petrenko A.A. Development of teacher competence in the context of additional professional education. Man and Education. 2021. No. 4. P. 211 – 219.
10. Safontseva N.Yu. Ranking of competencies and its predictive capabilities in the professional development of future teachers. Teacher XXI century. 2024. No. 1. Part 1. P. 37 – 53.
11. Chernyavskaya V.S. Metacognitive competence in the project activities of students of information technology fields: monograph. Vladivostok: VVGU, 2023. 134 p.

Информация об авторе

Петренко А.А., доктор педагогических наук, профессор, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 390048, РФ, Рязанская область, г.Рязань, ул. Тимакова, д.3, кв. 32, petr-antonina1@yandex.ru

© Петренко А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 37.013

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-300-307

Оптимизация ресурсов в образовании, экономические аспекты

¹ Рахимкулова Л.А., ² Гарбузова Т.Г., ³ Кохреидзе М.В., ⁴ Терентьев Д.Е., ⁵ Ермолина Л.В.

¹ Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий,

² Санкт-Петербургский государственный, лесотехнический университет имени С.М. Кирова,

³ Московский государственный строительный университет,

⁴ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,

⁵ Самарский государственный экономический университет

Аннотация: современная экономическая ситуация располагает к совершенствованию образования на всех уровнях и во всех сферах. Изучение основ экономики является объективной необходимостью для обучающихся не только экономических, но и неэкономических специальностей. В контексте рыночных преобразований на макро- и микроуровне повышаются требования к специалистам, прошедшим вузовскую подготовку.

Исследование оптимизации ресурсов в сфере образования, особенно с экономической точки зрения, приобретает актуальность в условиях современных образовательных и экономических вызовов. Экономическая оптимизация в сфере образования направлена на более эффективное использование доступных ресурсов, что необходимо для повышения качества образования.

В условиях глобализации и усиления конкуренции между учебными заведениями важность рационального распределения ресурсов возрастает. Эффективное управление финансами, материальными активами и человеческими ресурсами может значительно повысить эффективность образовательного процесса. Также актуальным становится вопрос об инновациях в учебном процессе, которые могут снизить долгосрочные затраты и повысить результативность обучения.

Ключевые слова: образование, ресурсы, оптимизация, экономические процессы, механизм планирования, моделирование, процесс

Для цитирования: Рахимкулова Л.А., Гарбузова Т.Г., Кохреидзе М.В., Терентьев Д.Е., Ермолина Л.В. Оптимизация ресурсов в образовании, экономические аспекты // Современный ученый. 2025. № 1. С. 300 – 307. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-300-307

Поступила в редакцию: 21 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 19 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Optimization of resources in education, economic aspects

¹ Rahimkulova L.A., ² Garbuzova T.G., ³ Kokhreidze M.V., ⁴ Terentyev D.E., ⁵ Ermolina L.V.

¹ Sterlitamak branch of the Ufa University of Science and Technology,

² St. Petersburg State Forestry Engineering University named after S.M. Kirov,

³ Moscow State University of Civil Engineering,

⁴ Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky,

⁵ Samara State University of Economics

Abstract: the current economic situation encourages the improvement of education at all levels and in all spheres. Studying the basics of economics is an objective necessity for students of not only economic, but also non-economic specialties. In the context of market transformations at the macro and micro levels, the requirements for specialists who have completed university training are increasing.

The study of resource optimization in the field of education, especially from an economic point of view, is becoming relevant in the context of modern educational and economic challenges. Economic optimization in the field of education is aimed at more efficient use of available resources, which is necessary to improve the quality of education.

In the context of globalization and increased competition between educational institutions, the importance of rational resource allocation is increasing. Effective management of finances, tangible assets and human resources can significantly improve the effectiveness of the educational process. The issue of innovations in the educational process, which can reduce long-term costs and increase the effectiveness of training, is also becoming relevant.

Keywords: education, resources, optimization, economic processes, planning mechanism, modeling, process

For citation: Rahimkulova L.A., Garbuzova T.G., Kokhreidze M.V., Terentyev D.E., Ermolina L.V. Optimization of resources in education, economic aspects. Modern Scientist. 2025. 1. P. 300 – 307. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-300-307

The article was submitted: September 21, 2024; Approved after reviewing: November 19, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Рыночная трансформация образовательной системы требует от высших учебных заведений максимального соответствия запросам целевой аудитории. Внедрение программно-целевых методик и экономико-математического моделирования в планирование деятельности университетов создает научно обоснованную базу распределения ресурсов. Грамотное применение данных инструментов позволяет корректировать несоответствия образовательного процесса ожиданиям потребителей, существенно повышая профессиональный уровень выпускаемых специалистов.

Стремительное развитие системы образования требует внедрения передовых методов управления финансовыми ресурсами бюджетных учреждений, направленных на максимизацию результативности государственных расходов. Рациональное распределение материальных средств при реализации образовательных программ экономического профиля позволяет достигать значимых социальных

эффектов, формируя качественно новый уровень подготовки специалистов. Приоритетным направлением совершенствования образовательного процесса становится модернизация инструментов финансового администрирования, обеспечивающих целевое использование бюджетных ассигнований для получения измеримых общественно полезных результатов.

Практическая значимость исследования представлена сформированной экономической составляющей при оценке ресурсного обеспечения процесса реализации дисциплин экономической направленности.

Материалы и методы исследований

Методологическая и теоретическая основа исследования. При написании работы применялись следующие методы исследования: подбор и изучение научной и специальной учебно-методической литературы; сбор и обработка практического материала; оценка сложившегося финансового анализа использования финансового

управления; выявление перспектив, направленных на оптимизацию деятельности финансового управления.

Результаты и обсуждения

Современное общество неразрывно связывает ресурсные возможности с накопленными потенциалами развития. Научно-техническая революция вывела на первый план технологический и научный потенциал государств, формируя комплексную систему действующих и перспективных производственных решений.

Государства с развитым научно-техническим потенциалом демонстрируют существенно более высокие показатели экономического роста по сравнению с обладателями значительных природных ресурсов. Передовые экономики мира активно привлекают ведущих исследователей из других стран, создавая глобальную проблему научной миграции и перераспределения интеллектуального капитала [2].

Дефицитность экономических ресурсов неизбежно порождает борьбу за доступ к их использованию между различными сферами применения. Природные богатства обладают универсальными свойствами, позволяющими задействовать их для удовлетворения многочисленных потребностей общества. Нефтяное сырье *serves* ярким примером многоцелевого ресурса, находящего применение в производстве горючего, синтетических материалов, красящих веществ, бытовой химии и множества других промышленных товаров.

Рациональное распределение дефицитных ресурсов между конкурирующими направлениями развития представляет фундаментальную проблему для социума и индивидуумов. Наука экономика разрабатывает методологический инструментарий по оптимизации данного процесса [10].

Согласно федеральному законодательству Российской Федерации в сфере образования, образовательная организация представляет собой некоммерческую структуру, реализующую образовательные программы при наличии соответствующей лицензии, руководствуясь уставными целями и задачами.

Квалифицированные специалисты в области экономики подчеркивают исключительный характер качественного образования как общественного блага, требующего целенаправленных усилий от будущих получателей знаний. Рациональное распределение образовательных ресурсов между государственными и частными учреждениями позволяет максимально эффективно решать задачу под-

готовки профессиональных кадров при оптимальных затратах.

Высококачественное образование выступает ключевым элементом трансформации российского общества в условиях рыночной экономики. Результативность образовательной системы формирует профессиональные компетенции работников, включая квалификационный уровень, адаптационные возможности, мобильность и функциональную подготовленность, необходимые для развития материальной сферы общества. Параллельно образовательный процесс закладывает фундамент общечеловеческих ценностей, способствующих духовному росту граждан и совершенствованию их мировоззрения [4].

Эффективность принятых управленческих решений в образовательной сфере определяется множеством показателей, среди которых ключевую роль играет качественное измерение образовательных результатов. Грамотное управление образовательными процессами требует внедрения комплексных систем мониторинга и оценки достижений учащихся, позволяющих своевременно корректировать применяемые методики и алгоритмы [3].

Рыночная экономика внесла значительные перемены в образовательную систему, превратив учащихся в осознанных потребителей услуг. Современный студент предъявляет высокие требования к качеству обучения, отказываясь мириться с недостатками прошлого. Командно-административная система вынуждала людей принимать низкокачественные учебные материалы, неисправное оборудование и архаичные методы преподавания. Образовательная сфера, следуя рыночным принципам, адаптируется под запросы учащихся, расширяя спектр форматов и методик обучения.

Современное общество определило образовательные услуги как значимый продукт, наделив учебный процесс характеристиками, способствующими благополучию и профессиональному росту личности, формирующими основу качественного обучения [8].

Образовательная сфера претерпела значительные изменения благодаря формированию нового общественного сознания, где ценность знаний определяется практическим применением полученных навыков. Растущая тенденция к рациональному подходу в выборе образовательного пути способствует повышению качества обучения, делая систему более эффективной и ориентированной на результат.

Учащиеся высших учебных заведений совместно с родителями, а также корпоративные структуры, нацеленные на привлечение профессиональных кадров, осуществляют взвешенный выбор образовательных программ, методик и сроков обучения. Индивидуальные запросы получателей образовательных услуг формируют собственные стандарты качества, при параллельном росте общего уровня требований к образованию благодаря развитию конкурентной среды между учебными заведениями. Активное государственное регулирование образовательной сферы создает определенные препятствия для полноценного функционирования рыночных механизмов [9].

Рыночные механизмы формируют требования к современному образованию, диктуя необходимость соответствия законам макроэкономики. Многогранная связь образовательной системы прослеживается через взаимодействие трудовых ресурсов, информационных потоков, финансовых активов и интеллектуальных прав. Экономические факторы непрерывно влияют на формирование качественных характеристик образовательного продукта. Рыночное регулирование активно внедряется в педагогический процесс, устанавливая минимальные стандарты качества через механизмы спроса и предложения [10].

Финансовая составляющая придает образовательным услугам статус полноценного рыночного товара, неразрывно связанного с экономическими механизмами спроса и предложения.

Экономическое влияние на образовательные процессы требует своевременного определения механизмов управления качеством обучения. Внедрение комплексных решений позволяет выявить ключевые компоненты, формирующие высокий уровень образовательных услуг, и устранить факторы, препятствующие развитию системы. Современная образовательная структура представляет собой сложную социально-экономическую организацию, архитектура которой определяется множеством культурных, идеологических и общественных аспектов. Взаимозависимость всех элементов образовательной системы создает единую целостную структуру, направленную на достижение общественных целей. Каждый компонент системы образования функционирует исключительно во взаимосвязи с остальными элементами, формируя многогранное воздействие на весь образовательный процесс.

Правительство Российской Федерации утвердило масштабный документ, определяющий ключевые направления социально-экономического

развития страны на период до 2030 года распоряжением № 2816-р от 06.10.2021 [1]. Стратегический план предусматривает формирование инновационной модели экономики, ориентированной на социальные приоритеты и развитие человеческого потенциала, взамен существующей экспортно-сырьевой системы.

Высшая школа формирует основу развития человеческого потенциала через комплексную систему подготовки кадров. Актуализация методических подходов к организации образовательной деятельности и рациональному распределению ресурсов становится приоритетным направлением модернизации университетской среды [4].

Производственные процессы любого масштаба требуют привлечения определенных средств, материалов и возможностей, доступность которых всегда находится под влиянием лимитирующих факторов. Конечность запасов материальных благ и производственных мощностей накладывает существенные ограничения на реализацию хозяйственных задач.

Человеческая природа характеризуется множеством ограничений, затрагивающих умственные и физические возможности каждого индивида. Временные рамки накладывают существенные ограничения на реализацию планов, а доступные ресурсы сдерживают достижение намеченных целей. Масштабы ограниченности распространяются далеко за пределы отдельной личности, охватывая все мировое сообщество в стремлении к благополучию. Многовековая история человечества демонстрирует значительное расширение изначальных границ возможного. Тем не менее, строгие рамки продолжают определять темпы роста индивидуального и коллективного благосостояния, оставаясь неизменным фактором развития общества на протяжении всех исторических эпох [9].

Принципиальная невозможность единовременного удовлетворения всех человеческих нужд определяет относительный характер ограниченности ресурсов. Рациональное распределение материальных благ между различными целями требует тщательного планирования для обеспечения базовых потребностей населения. Приоритетное значение приобретают вопросы продовольственного снабжения, жилищного обеспечения, здравоохранения и социального благополучия граждан. Максимальная эффективность использования доступных ресурсов достигается путем внедрения экономных методов хозяйствования и оптимизации производственных процессов [3].

Распределение финансовых потоков между образовательными учреждениями осуществляется региональными ведомствами согласно установленным нормативам и приоритетам развития. Механизм финансирования охватывает множество направлений, включая социальную поддержку учащихся, благоустройство территорий, организацию досуга, развитие научно-исследовательской деятельности. Существующая система распределения средств зачастую приводит к дисбалансу в обеспечении различных образовательных подразделений, усугубляя разрыв между передовыми и отстающими учреждениями.

Социальная организация образовательного процесса непосредственно влияет на механизмы распределения доступных ресурсов, формируя многоуровневую систему финансовой поддержки учащихся. Модификация экономических стимулов через образовательные программы приводит к существенным изменениям социально-экономического положения всех участников учебного процесса [7].

Материально-техническая база образовательной системы включает множество взаимосвязанных компонентов, непосредственно задействованных в процессе обучения. Педагогический состав, методические материалы, программное обеспечение, инновационные разработки, специализированные помещения и современное оборудование формируют целостную инфраструктуру образовательного учреждения. Соответствие технических средств и методического инструментария актуальным стандартам существенно влияет на эффективность учебного процесса. Качественные характеристики образовательной инфраструктуры напрямую определяют успешность подготовки квалифицированных специалистов.

Ресурсы любого учебного заведения можно подразделить: явные (хорошая репутация, давняя история, традиция); неявные (материально-техническая база, педагогические кадры, финансы, нормативно-правовое обеспечение) (рис. 1).

Рис. 1. Ресурсы образовательного учреждения.
Fig. 1. Resources of the educational institution.

Ресурсное обеспечение кафедры представлено в табл. 1.

Таблица 1

Ресурсы кафедры и их показатели оценки.

Table 1

Department resources and their assessment indicators.

	Материал	Оборудование	Персонал	Инвестиции
Ресурсы	Рабочая программа; Конспект лекций; Методические указания к практическим занятиям; Методические указания к выполнению курсовой работы; Учебники и учебные пособия; Экзаменационные билеты.	Оборудование для проведения практических работ (ПК); Аудитория для проведения лекционных и лабораторных занятий	Преподавательский состав кафедры, имеющий документ, подтверждающий квалификацию в области управления качеством и, в частности, метрологии, стандартизации и сертификации; Учебно-вспомогательный персонал, имеющий подготовку к работе и обслуживанию оборудования	Денежные средства, выделенные кафедре на текущее обслуживание и развитие
Показатели	Качество Стоимость Количество Затраты на хранение	Качество Стоимость Количество Затраты на обслуживание	Уровень профессионализма Оплата труда Количество Затраты на доп. обучение	Федеральный бюджет Бюджет вуза

Анализ таблицы, представляющей ресурсы кафедры и показатели их оценки, выявляет несколько ключевых аспектов, важных для понимания эффективности образовательной деятельности. Рассматривая материалы, оборудование, персонал и инвестиции, можно увидеть, как взаимосвязаны ресурсы и их влияние на качество образования.

Материальные ресурсы, включая учебные программы и пособия, представляют собой основу образовательного процесса, где качество и доступность учебного контента напрямую влияют на образовательные результаты. Эти ресурсы требуют не только первоначальных вложений, но и затрат на их обновление и хранение, что важно для поддержания актуальности и доступности материалов для студентов.

Оборудование, необходимое для практических занятий, является еще одним критически важным элементом. Качество и современность оборудования определяют возможности для проведения экспериментов и практических занятий, что существенно влияет на обучение студентов. Обслуживание и амортизация оборудования требуют постоянных инвестиций, что подчеркивает важность адекватного финансирования. Квалификация и профессионализм преподавательского состава и

учебно-вспомогательного персонала являются определяющими для достижения образовательных целей. Инвестиции в дополнительное образование и повышение квалификации персонала способствуют повышению уровня обучения, а также обеспечивают адаптацию к новым образовательным тенденциям и технологиям.

Инвестиционная поддержка как из федерального бюджета, так и из бюджета вуза имеет ключевое значение для всех аспектов деятельности кафедры. Эффективное распределение инвестиций между текущими нуждами и развитием позволяет кафедре не только поддерживать, но и развивать свою инфраструктуру, что напрямую влияет на качество предоставляемого образования.

Выводы

Важнейшим условием реализации образовательного процесса является учебно-методическое, информационное и библиотечное обеспечение программ подготовки. Ресурсное обеспечение по экономическому профилю способствует четкой организации преподавания изучаемых предметов и успешному усвоению образовательного материала студентами.

В условиях ограниченного бюджета и необходимости обеспечения доступности образования

для широких слоёв населения оптимизация ресурсов помогает образовательным учреждениям находить баланс между качеством и стоимостью обучения. Экономические аспекты оптимизации касаются не только прямых затрат на образование, но и вложений в инфраструктуру, технологии и методики обучения.

Оптимизация ресурсов также играет ключевую роль в обеспечении устойчивости образовательных учреждений. Анализ и перераспределение ре-

сурсов в соответствии с меняющимися потребностями и приоритетами могут помочь учебным заведениям адаптироваться к меняющейся экономической среде и образовательным тенденциям.

Таким образом, исследование оптимизации ресурсов в сфере образования имеет решающее значение для разработки стратегий, которые обеспечивают устойчивое и качественное образование, доступное каждому студенту, и способствуют долгосрочному развитию образовательных систем.

Список источников

1. Распоряжение Правительства РФ от 06.10.2021 N 2816-р (ред. от 15.08.2024) Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года
2. Волон В.Т. и др. Развитие системы профессионального образования на основе продуктов цифровой экономики // Вопросы инновационной экономики. 2023. №. 2. С. 987.
3. Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш. Активизация инновационной деятельности образовательных организаций в цифровой экономике // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 96. С. 193 – 211.
4. Жуковская И.Е. Цифровые платформы-важный аспект цифровизации высшего образования // Открытое образование. 2022. Т. 26. № 4. С. 30 – 40.
5. Кациев М.А. Оптимизация системы образования как фактор экономического роста // Управление образованием: теория и практика. 2023. Т. 13. № 3. С. 56 – 65.
6. Назаров А.Д., Плотников В.А. Data Science и обеспечение экономической безопасности в эпоху цифровой экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2023. № 4 (142). С. 151 – 155.
7. Папава П.Л., Хотинова Д.А., Драгуленко В.В. Формирование стратегии развития социальной инфраструктуры: аспекты оптимизации распределения ресурсов // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 12. С. 55 – 58.
8. Система образования в России: особенности, понятие, структура и характеристики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.businessman.ru/new-sistema-obrazovaniya-v-rossii-osobennostiponyatie-struktura-i-harakteristiki.html> (дата обращения: 12.08.2024)
9. Фоменко Н.М., Котелевская Ю.В. Направления государственной политики развития инфраструктуры образовательных организаций // Государственное и муниципальное управление: Ученые записки. 2022. № 3. С. 76 – 83.
10. Цхададзе Н., Ильина А. Инновационная экономика. Роль науки и образования в формировании человеческого капитала. Litres, 2023.

References

1. Order of the Government of the Russian Federation of 06.10.2021 N 2816-r (as amended on 15.08.2024) On approval of the list of initiatives for the socio-economic development of the Russian Federation until 2030
2. Volov V.T. et al. Development of the professional education system based on digital economy products. Issues of innovation economics. 2023. No. 2. P. 987.
3. Gumerova G.I., Shaimieva E.Sh. Activation of innovative activities of educational organizations in the digital economy. Public administration. Electronic Bulletin. 2023. No. 96. P. 193 – 211.
4. Zhukovskaya I.E. Digital platforms are an important aspect of higher education digitalization. Open education. 2022. Vol. 26. No. 4. P. 30 – 40.
5. Katsiev M.A. Optimization of the education system as a factor of economic growth. Education management: theory and practice. 2023. Vol. 13. No. 3. P. 56 – 65.
6. Nazarov A.D., Plotnikov V.A. Data Science and ensuring economic security in the era of the digital economy. Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics. 2023. No. 4 (142). P. 151 – 155.
7. Papava P.L., Khotinova D.A., Dragulenko V.V. Formation of a social infrastructure development strategy: aspects of resource allocation optimization. Social and humanitarian knowledge. 2023. No. 12. P. 55 – 58.

8. The education system in Russia: features, concept, structure and characteristics [Electronic resource]. Access mode: <https://www.businessman.ru/new-sistema-obrazovaniya-v-rossii-osobennostiponyatie-struktura-i-xarakteristiki.html> (date of access: 12.08.2024)

9. Fomenko N.M., Kotelevskaya Yu.V. Directions of state policy for the development of educational organizations' infrastructure. State and municipal administration: Scientific notes. 2022. No. 3. P. 76 – 83.

10. Tskhadadze N., Ilyina A. Innovative economy. The role of science and education in the formation of human

Информация об авторах

Рахимкулова Л.А., Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий, l.a.rakhimkulova@struust.ru

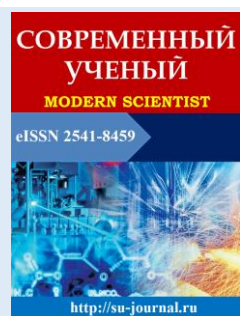
Гарбузова Т.Г., кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный, лесотехнический университет имени С.М. Кирова, tais356@mail.ru

Кохреидзе М.В., кандидат технических наук, Московский государственный строительный университет, kohreidze-murman@mail.ru

Терентьев Д.Е., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, den-teren@ya.ru

Ермолина Л.В., доцент, Самарский государственный экономический университет, Ermolina@mail.ru

© Рахимкулова Л.А., Гарбузова Т.Г., Кохреидзе М.В., Терентьев Д.Е., Ермолина Л.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 378.1

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-308-314

Развитие цифровых компетенций при формировании профессиональных компетенций педагога-предметника

¹ Мирзоева М.М., ¹ Таибова Р.А.

¹ Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова

Аннотация: сегодня в России идет непростой процесс культурно-социальной адаптации к достижениям научно-технического прогресса, который выдвигает на первое место технологии. При этом значимым фактором, формирующим культуру и общество, становятся техника и технологии, определяющие значительные изменения в деятельности людей, вызванные цифровой экономикой. Актуальность развития цифровых компетенций специалистов акцентирована Президентом РФ в Указах и Правительством РФ принятием национальной программы «Цифровая экономика РФ». Цель исследования показать возможность развития цифровых компетенций при формировании профессиональных компетенций педагога-предметника.

Ключевые слова: цифровая грамотность, цифровые компетенции, базовые понятия компетентностного подхода в образовании

Для цитирования: Мирзоева М.М., Таибова Р.А. Развитие цифровых компетенций при формировании профессиональных компетенций педагога-предметника // Современный ученый. 2025. № 1. С. 308 – 314. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-308-314

Поступила в редакцию: 22 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 24 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Development of digital competencies in the formation of professional competencies of a subject teacher

¹ Mirzoeva M.M., ¹ Taibova R.A.

¹ Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov

Abstract: today, Russia is going through a difficult process of cultural and social adaptation to the achievements of scientific and technological progress, which puts technology in the foreground. At the same time, technology and technology are becoming a significant factor shaping culture and society, determining significant changes in people's activities caused by the digital economy. The relevance of developing digital competencies of specialists is emphasized by the President of the Russian Federation in Decrees and the Government of the Russian Federation by adopting the national program "Digital Economy of the Russian Federation". The purpose of the study is to show the possibility of developing digital competencies in the formation of professional competencies of a subject teacher.

Keywords: digital literacy, digital competencies, basic concepts of the competence approach in education

For citation: Mirzoeva M.M., Taibova R.A. Development of digital competencies in the formation of professional competencies of a subject teacher. Modern Scientist. 2025. 1. P. 308 – 314. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-308-314

The article was submitted: September 22, 2024; Approved after reviewing: November 24, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Развитие технологий на стыке XX-XXI веков в России отставало от темпов общественных изменений, но в настоящее время мы наблюдаем неразрывную взаимосвязанность двух направлений модернизации – технологическую и социальную, что еще недостаточно осознанно обществом, переживающим непростой процесс культурно-социальной адаптации к достижениям научно-технического прогресса (НТП). При этом отмечается общая тенденция: страны технологически отсталые попадают к развитым странам в подчинение. Таким образом, влияние технологических преобразований должно осуществляться одновременно с анализом развития общества и образования под воздействием применяемых технологий.

В настоящее время этически значимые объекты Великой Триады: «наука, техника и технологии», где «наука (science) объясняет, что можно сделать с подвластным человеку миром, техника выступает инструментом преобразования, технология – способом преобразования», выдвигают на первое место технологии [9 с. 29-30; 10].

Осмысливая новый этап НТП, и рассматривая признаки четвертой промышленной революции, получившей название «Индустрия 4.0», на 46-м Всемирном экономическом форуме в Давосе (20–23 января 2016 года) выявили, что он является научно-технологическим. При этом, если ранее НТП определялся через формулу «наука – техника – продукт», то в XXI веке цифровые технологии внесли фундаментальные качественные изменения в различные сферы экономики и в эту формулу, как считает З.А. Литова следует включить ещё одного участника – технологию [6]. Следовательно, мы приходим к тому, что переход на новый этап эволюции общества определяется значительными изменениями в деятельности людей, которые вызваны цифровой экономикой.

Итак, наука сегодня не способна обеспечить потребности общества и если она не имеет практического применения в технике и технологиях, то мало влияет на окружающую среду, создавая новое знание только в теоретических концепциях. А значимым фактором, формирующим культуру и общество, становятся техника и технологии.

Но техника и технологии при функционировании оказывают как положительное, так и отрицательное воздействие на человека и окружающую среду, что указывает на противоречивую природу взаимосвязанности техники и технологии в контексте развития цивилизации. Обнадеживает нас только то, что мы пребываем на таком этапе научно-технично-технологического развития, когда неблагоприятные последствия внедрения новой техники и технологий можно и необходимо предвидеть и минимизировать при создании проектов.

Техника, выступая инструментом преобразования «не может существовать сама по себе», имея смысл только во взаимодействии с человеком, реализующим её своим трудом, влияя на цель и на результат его деятельности [14, с. 94]. При этом технология может определять как проектирование и конструирование техники, так и предопределять функционирующую технику.

Человек существует в деятельности, при организации которой использует различные технологии для получения результата, зависящего от последовательности действий. Деятельность как категория изучалась учеными в разных аспектах, но понятие «технологическая деятельность» было раскрыто в докторской диссертации З.А. Литовой, из которого следует, что разработка технологии является целенаправленным процессом, обусловленным особенностями предмета и продуктом труда [6].

Технологическое обучение, по мнению В.Д. Симоненко, это процесс подготовки студентов к практической деятельности на основе формирования в их сознании технологической картины мира как важнейшего элемента мировоззрения и развития таких качеств личности, как преобразующее мышление и творческие способности [15].

Цель исследования провести анализ понятия «цифровая грамотность» и выявить цифровые компетенции, включенные в систему социальных контекстов обучения.

Гипотеза исследования предполагает, что возможно развитие цифровых компетенций при формировании профессиональных компетенций педагога-предметника.

Предметная область исследования – педагоги-

ческое образование.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составили философия науки и социологический подход в педагогике.

В данной работе применялись теоретические методы исследования: анализ научных публикаций и нормативных документов, синтез, систематизация и обобщение.

Результаты и обсуждения

Значимость вышеизложенного была подчеркнута Указом Президента РФ от 25.12.2020 № 812 «О проведении в Российской Федерации Года науки и технологий» в 2021 году, который вылился в 10-летие науки и технологий [19]. Цель Указа дальнейшее развитие науки и технологий в РФ.

Всеобъемлющее применение цифровых технологий обусловило цифровую экономику, что призвало преобразования не только в технологической сфере, но и социальной, т.е. и в образовании.

Актуальность развития цифровых компетенций специалистов акцентирована Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» и принятием Правительством РФ национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [13, 18].

Внедрение цифровых технологий в образование мы воспринимаем как своеобразный инструмент организации цифрового образовательного пространства, требующего развития цифровых компетенций студентов при формировании профессиональной компетентности любого специалиста, а тем более педагога-предметника.

Подготовку педагога-предметника осуществляем на принципах компетентностного подхода, обеспечивающего качество образования. При этом ориентируемся на освоение студентами способов профессиональной деятельности, заданные Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования (ФГОС ВО). В нашем случае, направление подготовки 44.03.05 – Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) направленность – «Технология и Безопасность жизнедеятельности» – бакалавриат, последняя редакция ФГОС ВО 3++ от 15.01.2022 [20].

Определимся с основными понятиями. Общеизвестно, что базовыми категориями компетентностно-ориентированного подхода являются понятия «компетентность» и «компетенция», имеющие множество различных интерпретаций [4, 5, 7, 8, 12].

Но мы опираемся на трактовки Э.Ф. Зеера, где «компетенции – это обобщенные способы действий, обеспечивающих продуктивное выполнение профессиональной деятельности», а «компетентности – это содержательное обобщение теоретических и эмпирических знаний, представленных в форме понятий, принципов, смыслообразующих положений». Или другими словами компетенции «это способность человека реализовывать на практике свою компетентность» [4, с. 47-48].

Так, согласно справочнику по педагогике, «профессиональная компетентность педагога – это совокупность личностных свойств педагога и его умений в профессиональной деятельности, которые используются им для продуктивного выполнения своих профессиональных функций» [17].

Исследовательские работы А.К. Марковой применительно к образованию имеют значимость, так как профессиональная компетентность учителя рассмотрена в контексте психологии труда, где она делает вывод, что «знания и умения – это объективные характеристики труда учителя, а позиции и личностные особенности – субъективные характеристики учителя, необходимые для его соответствия требованиям профессии» [7, с. 7-8]. При этом «вначале необходимо для освоения профессии постигнуть ее предназначение, и лишь на этой основе возможно продуктивное овладение средствами их реализации», что мы считаем немаловажно и на что делаем акцент при профориентации как школьников, так студентов [7, с. 10]. Её изыскания дают нам целостную картину составляющих профессиональной компетентности, которую мы применяем для их развития и в диагностических процедурах.

В России в 80-е годы широко использовалось понятие «компьютерная грамотность», а в 90-е годы XX века с появлением Интернета речь уже идёт об информационной грамотности, которая подразумевала такие умения как поиск необходимой информации в сети Интернет; управление информацией с помощью компьютеров и обеспечение информационной безопасности.

Пол Гилстер в книге «Цифровая грамотность» (1997) ввел термин «цифровая грамотность», используя его для обозначения способности ориентироваться в Интернете для сбора информации. Автор приводит множество фактов и идей об Интернете и способах работы с этим новым в то время средством массовой информации [22].

Сегодня даже старшеклассники, а тем более студенты в таком ракурсе владеют цифровой грамотностью, формирующейся предметом «Инфор-

матика» (ИКТ), который изучается в школе с 7 по 11 класс (в некоторых школах даже с 5 класса), и в процессе использования информационных технологий (ИТ) при изучении других предметов. Однако в научных исследованиях зарубежных и отечественных ученых вводятся понятия связанные с прилагательным цифровая (цифровой), предполагающие развитие цифровых компетенций цифровой грамотности.

Из анализа научно-педагогических исследований последних лет (2020-2024 гг.) мы отметили статью О.М. Горевой, И.В. Толстоуховой, в которой дан литературный обзор и «представлен широкий диапазон трактовок понятия «цифровая грамотность», что подтверждает его ценность в современном цифровом обществе». Согласно проведенному исследованию авторы сделали вывод, что значительная часть студентов владеет цифровыми технологиями (ЦТ) и при этом они уверены в том, что «под цифровой грамотностью следует понимать умение использования цифрового контента в учебе/работе, а также способность безопасного ориентирования в цифровом пространстве», что соответствует и нашим вышеприведенным изысканиям [2].

Интерес представляет и статья Н.И. Юмагуловой и А.А. Бельчусова, в которой показана сопоставимость цифровых компетенций европейской модели и ключевых компетенций проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» с точки зрения их педагогической классификации [13, 21]. А это говорит о значимости «цифры» в экономике и социальной сфере любой страны мира.

Обобщая всё вышеизложенное и опираясь на основные идеи цифровой дидактики, где понятие «цифровые компетенции» выделено условно, подчеркивая, что в основе любых компетенций лежит компьютерная грамотность [3, с. 79]. Причем компьютерная грамотность по П. Гилстеру, это базовый уровень школьной информатики и как утверждают последние исследования молодежь, в основном им владеет, благодаря широкому распространению мобильной связи.

Следующий уровень компьютерной грамотности формируется при развитии профессиональных компетенций на различных уровнях образования в зависимости от специальности.

Как видим, цифровая трансформация образования представляет собой обновление педагогических практик с использованием новейших цифровых технологий, т.е. мы переходим к

вопросу изменения структуры процесса обучения и переосмысления роли педагога, который обязан научить применять новые технологические инструменты в изучаемой предметной области.

Так доступность информации любой формы (текстовой, звуковой, визуальной) в Интернете, высокие скорости её обработки изменяют методическую основу образования. Сегодня педагог любого предмета, а тем более технологии или экономики обязан уметь применять новые ЦТ и информационные ресурсы в профессионально-педагогической деятельности.

С этой точки зрения привлекла статья «Цифровые образовательные ресурсы в работе педагога», где авторы организовали цифровую образовательную среду (ЦОС) и разработали курс по использованию цифровых ресурсов в деятельности педагога, апробировав его на работниках сферы образования Томской области [11]. В статье довольно компактно и «зрительно» понятно представлена ЦОС педагога, отобран удобный ЭОР из многообразия рынка ИТ, а главное даны методические рекомендации по переходу на использование новых ЦТ.

Так, Министерство просвещения информирует всех заинтересованных субъектов общества об общедоступных федеральных и иных образовательных онлайн-платформах в списке электронных образовательных ресурсов [16].

В Интернете много электронных образовательных курсов, построенных на международном стандарте SCORM, который не включает дидактические аспекты, что снижает эффективность и затрудняет их практическое применение. Общеизвестно, что основа каждого дидактического средства – учебный материал изучаемого предмета, не зависящий от назначения, методики применения или технологии реализации. Заметим, что использование ЭОР независимых от технической и программной платформы значительно экономит время при подготовке авторских ЦОР. При этом желательно электронные учебники или курсы своего предмета готовить по спецификации SCORM, чтобы всякая система дистанционного обучения (СДО или LMS) могла их «читать». Наличие ЭОР в образовательном процессе обеспечивают освоение студентами базовых навыков и умений, повышают мотивацию к обучению, что способствует обновлению содержания и совершенствованию методов обучения.

Цифровые технологии в экономике способствуют повышению объемов и эффективности

различных сфер производства, а в образовании позволяют осуществлять индивидуальный подход к учащимся.

Сегодня основа НТТП является информация и знания, к которым неприменимы традиционные понятия и модели, так:

- с помощью виртуальной реальности создаются цифровые тренажеры, использующиеся для расширения изучаемых ИТ;
- технологии мобильного обучения дают возможность учиться независимо от времени и места обучающего.

Профессорско-преподавательский состав кафедры «Технологии и методики её преподавания» (ТиМП) обеспечивает выполнение учебных планов и учебных программ ОПОП, развивая педагогические компетенции предметной области (ПК) и профильные (отраслевые) компетенции (ППК), формирует у студентов основные составляющие технической компетентности, гарантируя успешность профессионально-педагогической деятельности выпускников.

Опираясь на понятие «технологическая деятельность» при разработке технологии трансформированного образовательного процесса, обусловленного особенностями предмета и продуктом труда, помня о педагогической цели - формировании у студента цифровых компетенций, востребованных ЦЭ, пользуемся сочетанием цифровых и педагогических технологий.

В процессе обучения мы используем потенциал ЦОС для обеспечения мотивационной и инструментально-деятельностной готовности студентов, что требует наличие компьютерного класса, обеспеченного как локальной сетью, так и выходом в Интернет для выполнения практических заданий различного типа. При этом обучение осуществляем по смешанной форме, как в очном, так и в дистанционном формате. В очном формате студентам предлагаются семинарские занятия после прослушанных лекций в дистанционном формате и практические занятия, а выполнение самостоятельных и творческих заданий в дистанционном.

Значительное уменьшение сроков освоения рабочих программ дисциплин при возросшем объёме

информации требует вывода наименее значимого содержания в электронные учебники, цифровые двойники и другие ЦТ. Так для тем, базирующихся на отработке алгоритмов, технология виртуальной реальности (VR) подходит лучше технологии традиционного заучивания (например, применение симулятора работы на станках с ЧПУ или 3D-принтерах и тому подобное).

Не забываем, что процесс подготовки бакалавров должен не только соответствовать требованиям уровня развития современных технологий и техники, но и быстро реагировать на возможную их смену.

Выводы

Проведенный историко-педагогический анализ показал, что цифровая грамотность это компьютерная грамотность с точки зрения развития ИТ (КТ-ИКТ-НИТ-ЦТ).

Исследование показало, что развитие цифровых компетенций при формировании профессиональных компетенций педагога-предметника возможно, если:

- организована современная ЦОС в образовательном учреждении;
- подготовка педагога-предметника осуществляется на основе компетентностного подхода, ориентирующего студентов на освоение способов деятельности и методов решения профессиональных задач;
- постоянно осваивать последние ЭОР педагога, используя их для профессионально-педагогической деятельности педагога-предметника.

Следовательно, у преподавателя-предметника (преподавателя профессионального обучения) появляется потребность использование ЭОР на всем этапе обучения, а также сделать модель обучения более гибкой и индивидуальной для каждого студента.

Следующие этапы исследования предполагают поиск и нахождение эффективных методов обучения, и выявление диагностических приемов на основе датацентричного подхода в учебно-образовательном процессе.

Список источников

1. Википедия/ru.wikipedia.org Компетенция.
2. Горева О.М., Толстоухова И.В. Формирование цифровой грамотности студентов вуза/ВЕСТНИК Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 2 (83). С. 105 – 108.
3. Биленко П.Н., Блинов В.И., Дулинов М.В., Есенина Е.Ю., Кондаков А.М., Сергеев И.С. Дидактическая концепция цифрового профессионального образования и обучения / под науч. ред. В.И. Блинова. 2020. 98 с.

4. Зеер Э.Ф. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход // Образование и наука. 2004. № 3 (27). С. 42 – 52.
5. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия. Москва: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 42 с.
6. Литова З.А. Сущность понятия «технология» на современном этапе // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. Т. 1. № 2 (50).
7. Маркова А.К. Психология труда учителя: Кн. для учителя. М.: Просвещение. 1993. 192 с.
8. Мирзоева М.М. Компетентностный подход в подготовке педагога профессионального обучения // Обзор педагогических исследований. Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 4. С. 114 – 117.
9. Миронов А.В. Наука, техника и технологии: техноэтический аспект // Вести Московского Ун-та, серия 7. Философия. 2006. № 1. С. 26 – 41.
10. Миронов А.В. Философия науки, техники и технологий: Монография. М.: МАКС Пресс. 2014. 272 с.
11. Москалев М.Г., Носова А.Д., Газизов Т.Т. Цифровые образовательные ресурсы в работе педагога // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. № 2. С. 77 – 85.
12. Печеркина А.А., Сыманюк Э.Э., Умникова Е.Л. Развитие профессиональной компетентности педагога: теория и практика: монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург: [б.и.]. 2011. 233 с.
13. Правительственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/>
14. Седов Е.И., Седов А.Е. Техника и технология в культуре техногенной цивилизации // Вестник ДГТУ (Донской государственный технический университет) // Гуманитарные науки. 2012. № 5 (66). С. 88 – 94.
15. Симоненко В.Д. Технологическая культура и образование (культурно-технологическая концепция развития общества и образования). Брянск: Изд-во БГПУ. 2001. 231 с.
16. Список электронных образовательных ресурсов/574.spb.ru/images/fgos_eor_2022.pdf
17. Справочник/https://spravochnik.ru/pedagogika/professionalnaya_kompetentnost_uchitelya/
18. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/71670570/>
19. Указом Президента РФ от 25.12.2020 № 812 «О проведении в Российской Федерации Года науки и технологий». <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012250002?ysclid=m0phyvciel814085935>
20. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) № 125 от 22.02.2018.
21. Юмагулова Н.И., Бельчусов А.А. Педагогическая классификация цифровых компетенций/ Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2024. № 1 (122). С. 139 – 148.
22. Gilster P. Digital Literacy. New York: Wiley Computer Publishing, 2017.

References

1. Wikipedia/ru.wikipedia.org>Competence.
2. Goreva O.M., Tolstouhova I.V. Formation of digital literacy of university students. Bulletin of Surgut State Pedagogical University. 2023. No. 2 (83). P. 105 – 108.
3. Bilenko P.N., Blinov V.I., Dulinov M.V., Yesenina E.Yu., Kondakov A.M., Sergeev I.S. Didactic concept of digital professional education and training. edited by V.I. Blinov. 2020. 98 p.
4. Zeer E.F. Modernization of professional education: competence-based approach. Education and Science. 2004. No. 3 (27). P. 42 – 52.
5. Zimnyaya I.A. Key competencies as a result-target basis of the competence-based approach in education. Author's version. Moscow: Research Center for Quality Problems in Training Specialists, 2004. 42 p.
6. Litova Z.A. The essence of the concept of "technology" at the present stage. Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2019. Vol. 1. No. 2 (50).
7. Markova A.K. Psychology of teacher's work: Book for the teacher. Moscow: Education. 1993. 192 p.
8. Mirzoeva M.M. Competence-based approach in the training of a vocational teacher. Review of pedagogical research. International research journal. 2022. No. 4. P. 114 – 117.

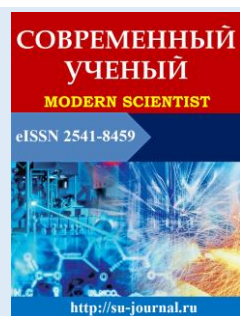
9. Mironov A.V. Science, engineering and technology: technoethical aspect. Vesti of Moscow University, series 7. Philosophy. 2006. No. 1. P. 26 – 41.
10. Mironov AV Philosophy of science, engineering and technology: Monograph. Moscow: MAKS Press. 2014. 272 p.
11. Moskalyev MG, Nosova AD, Gazizov TT Digital educational resources in the work of a teacher. Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2022. No. 2. P. 77 – 85.
12. Pecherkin AA, Symanyuk EE, Umnikova EL Development of professional competence of a teacher: theory and practice: monograph. Ural state ped. university. Ekaterinburg: [b.i.]. 2011. 233 p.
13. Government program "Digital Economy of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/>
14. Sedov E.I., Sedov A.E. Technology and engineering in the culture of technogenic civilization. Bulletin of DSTU (Don State Technical University). Humanities. 2012. No. 5 (66). P. 88 – 94.
15. Simonenko V.D. Technological culture and education (cultural and technological concept of development of society and education). Bryansk: Publishing house of BSPU. 2001. 231 p.
16. List of electronic educational resources/574.spb.ru/images/fgos_eor_2022.pdf
17. Handbook/https://spravochnik.ru/pedagogika/professionalnaya_kompetentnost_uchitelya/
18. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030" [Electronic resource]. Access mode: <https://base.garant.ru/71670570/>
19. Decree of the President of the Russian Federation of December 25, 2020 No. 812 "On holding the Year of Science and Technology in the Russian Federation". <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012250002?ysclid=m0phyvciel814085935>
20. Federal state educational standard of higher education - bachelor's degree in the direction of training 44.03.05 Pedagogical education (with two training profiles) No. 125 dated 02.22.2018.
21. Yumagulova N.I., Belchusov A.A. Pedagogical classification of digital competencies. Bulletin of ChSPU named after I.Ya. Yakovlev. 2024. No. 1 (122). P. 139 – 148.
22. Gilster P. Digital Literacy. New York: Wiley Computer Publishing, 2017.

Информация об авторах

Мирзоева М.М., кандидат педагогических наук, доцент, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Республика Дагестан, 367000, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57, mansurova15@yandex.ru

Таибова Р.А., доцент, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Республика Дагестан, 367000, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57, roza_24@mail.ru

© Мирзоева М.М., Таибова Р.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 371.844

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-315-321

Динамическая модель организации психолого-педагогических классов: создание среды для развития личностного потенциала

^{1, 2} Агарёва Л.А.

¹ Государственный университет просвещения,

² Управление образования администрации г.о. Домодедово

Аннотация: в условиях современных преобразований системы образования, направленных на цифровизацию, внедрение компетентного подхода и усиление профориентации, психолого-педагогические классы становятся эффективной формой ранней профориентации, способствуя развитию личностного потенциала и профессиональной мотивации старшеклассников.

Целью исследования является разработка динамической модели организации психолого-педагогических классов, направленной на создание образовательной среды, способствующей развитию профессионально значимых качеств учащихся, а также их ценностно-смысловых ориентиров. В рамках исследования ставились следующие **задачи**: 1. Провести теоретический анализ существующих подходов к организации психолого-педагогических классов в условиях современных образовательных тенденций. 2. Определить ключевые элементы образовательной среды, влияющие на развитие личностного потенциала учащихся. 3. Разработать рекомендации по внедрению динамической модели психолого-педагогических классов в образовательную практику школ. **Результаты исследования** могут быть использованы для совершенствования системы профориентации школьников, повышения привлекательности педагогической профессии и создания кадрового резерва для системы образования муниципалитета, региона.

Ключевые слова: психолого-педагогический класс, предпрофессиональные классы, личностный потенциал, динамическая модель, образовательная среда

Для цитирования: Агарёва Л.А. Динамическая модель организации психолого-педагогических классов: создание среды для развития личностного потенциала // Современный ученый. 2025. № 1. С. 315 – 321. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-315-321

Поступила в редакцию: 24 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 27 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Dynamic model of organizing psychological and pedagogical classes: creating an environment for developing personal potential

^{1,2} Agareva L.A.

¹ Federal State University of Education,

² Education Department of the Domodedovo City Administration

Abstract: in the conditions of modern transformations of the education system aimed at digitalisation, introduction of competence-based approach and strengthening of career guidance, psycho-pedagogical classes become an effective form of early career guidance, contributing to the development of personal potential and professional motivation of pupils. **The aim** of the study is to develop a dynamic model of the organisation of psychological and pedagogical classes aimed at creating an educational environment that promotes the development of professionally significant qualities of students, as well as their value-sense orientations. Within the framework of the research the following **tasks** were set: 1. To conduct a theoretical analysis of the existing approaches to the organisation of psychological and pedagogical classes in the context of modern educational trends. 2. To determine the key elements of the educational environment influencing the development of students' personal potential. 3. To develop recommendations for the implementation of the dynamic model of psychological and pedagogical classes in the educational practice of schools. **The results** of the study can be used to improve the system of vocational guidance of schoolchildren, increase the attractiveness of the teaching profession and create a personnel reserve for the educational system of the municipality, region.

Keywords: psychological and pedagogical class, pre-professional classes, personal potential, dynamic model, educational environment

For citation: Agareva L.A. Dynamic model of organizing psychological and pedagogical classes: creating an environment for developing personal potential. Modern Scientist. 2025. 1. P. 315 – 321. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-315-321

The article was submitted: September 24, 2024; Approved after reviewing: November 27, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

В XXI веке психолого-педагогические классы помогают готовить педагогов, способных работать в условиях цифровой трансформации, и решать проблему кадрового дефицита. Они ориентированы на привлечение школьников к профессии, подготовку специалистов для поколений Z и W, внедрение инновационных технологий, обеспечение качественного образования и развитие гибких навыков.

Открытие таких классов позволяет дать школьникам возможность осознанно рассмотреть педагогическую профессию как перспективный путь личностного и профессионального развития; повысить престиж педагогической профессии путём практического погружения в её специфику и демонстрации её социальной значимости; создать условия для формирования устойчивой цепочки: школа – ВУЗ – школа, что способствует преодолению кадрового дефицита в образовательной системе.

На сегодняшний день сформирован значительный теоретический и практический фундамент по вопросам профессионального самоопределения школьников (Буров К.С., Гришпун С.С., Нечаева А.С., Томин Н.А., Пасуева С.В., Зеер Э.Ф., Климов Е.А., Митина Л.М., Пряжников Н.С., Чистякова С.Н.) [3, 5, 6, 7, 8], психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения учащихся на этапе предпрофильной подготовки (Ососова М.В., Третьякова Е.В., Карпенко Т.А.), профессионального самоопределения обучающихся психолого-педагогических классов в системе непрерывного образования (Володина Л.О., Скахина П.Н.) [4], концептуальных основ и моделей допрофессиональной педагогической подготовки школьников (Л.В. Байбородова, Белкина В.В.) [2].

Материалы и методы исследований

В Московской области в 2024-2025 учебном году функционируют 300 психолого-педагогических классов, в городском округе До-

моделю – 7 на основании Концепции профильных психолого-педагогических классов, разработанной Министерством Просвещения Российской Федерации совместно с ФГАОУ ДПО «Академия реализации государственной политики и профессионального развития работников образования Министерства просвещения Российской Федерации» и Стандарта предпрофессионального класса, утвержденным на заседании учебно-методического объединения в системе общего образования в Московской области (протокол № 2/24 от 27.06.2024)

Опыт г.о. Домодедово в организации предпрофессиональных классов демонстрирует необходимость внедрения новых подходов для развития педагогической одаренности и личностного потенциала школьников и разработки модели психолого-педагогических классов.

Понятие «модель» в словаре-справочнике по современному общему образованию рассматривается как «теоретическое описание и наглядное

представление (например, в виде схемы) конкретного воспитательного процесса или воспитательной системы».

При проектировании психолого-педагогических классов рассматривались статические и динамические модели. Статические модели фиксируют параметры системы и подходят для стабильных условий, но не адаптируются к изменениям. Современная образовательная среда, напротив, требует гибкости и адаптивности из-за неопределённости, внедрения технологий и важности индивидуального подхода, ориентированного на личностно-профессиональное становление ребенка.

Результаты и обсуждения

Таким образом, выбор динамической модели обусловлен необходимостью не просто отразить существующее состояние психолого-педагогического класса, но и обеспечить его развитие, но и обеспечить его развитие в соответствии с актуальными и будущими вызовами.

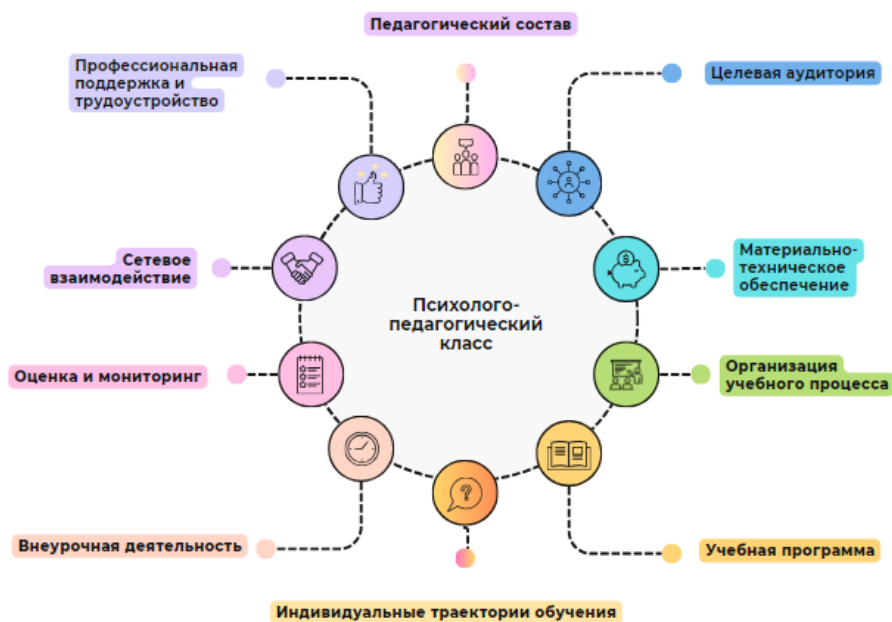

Рис. 1. Динамическая модель организации психолого-педагогического класса.
Fig. 1. Dynamic model of the organization of a psychological and pedagogical class.

Рассмотрим основные компоненты динамической модели:

1. Педагогический состав – ключевой компонент психолого-педагогических классов, обеспечивающий подготовку учащихся и развитие их компетенций. Основные характеристики: высокая квалификация и опыт работы, участие в научных и образовательных мероприятиях, непрерывное по-

вышение квалификации, менторство для будущих специалистов и междисциплинарный подход. Педагоги способствуют формированию профессиональной готовности, критического мышления и социальных навыков у школьников.

2. Целевая аудитория (качественные характеристики будущих 10-классников).

Для успешного обучения в предпрофессиональных психолого-педагогических классах ученикам необходимы: *мотивация, успеваемость, самоорганизация, практическая готовность, ответственность, творческое мышление, этика*. Эти качества способствуют не только успешному обучению, но и профессиональной реализации [5].

3. Материально-техническое обеспечение.

Для реализации программ в психолого-педагогических классах необходимо современное оборудование, включающее: *учебные помещения* – мультимедийное оборудование, зоны для групповой и практической работы; *цифровые ресурсы* – компьютеры с доступом в Интернет, программное обеспечение для интерактивного обучения, доступ к цифровой платформе; *оборудование для практики* – игровые материалы, аудиотехника, камеры, флипчарты; *библиотека* – литература по педагогике и психологии, научные журналы; *учебно-методические материалы* – рабочие тетради, планы занятий, диагностические карты.

Качественное оснащение способствует профессиональному развитию учащихся.

4. Организация учебного процесса. Психолого-педагогический класс обучается в соответствии с региональным апробационным проектом «Цифровой класс», который предполагает гибридное обучение по модели «4+1» и «3+2», где 4 и 3 соответственно обучение проходит в очном формате, 1 и 2 – обучение проходит с применением дистанционных технологий, что позволяет высвободить время для практических занятий.

Предпрофессиональные классы объединяют общие дисциплины с профильными, адаптированными под профессиональное направление. *Основные предметы:* базовые школьные дисциплины (математика, русский язык, литература) изучаются с учетом требований профиля. *Профильные дисциплины* – углубленное изучение ключевых предметов (психология и педагогика). *Проектное обучение* – реализация индивидуальных и групповых проектов для решения профессиональных задач. Темы варьируются от разработки методик до создания образовательных игр. *Практические занятия* – значительное увеличение практической части для применения теоретических знаний. Такой подход формирует у учащихся навыки, востребованные в выбранной сфере.

5. Учебная программа. Интеграция теории и практики – ключевая особенность учебной программы психолого-педагогических классов. Программа сочетает теоретические курсы (психология, педагогика, психодиагностика) с практикой

(стажировки в школах, тренинги, проектная работа). Реальные педагогические кейсы и методики работы с разными возрастными группами формируют профессиональные компетенции: планирование уроков, разработка дидактических материалов, коммуникативные и личностные навыки. В учебную программу необходимо включить такие спецкурсы, как психология образования, общения и творчества; современные образовательные технологии; педагогический и цифровой дизайн; основы самопознания и SMART-образование и другие. Практическая часть охватывает стажировки в школах, участие в проектах и волонтерских инициативах. Программа способствует развитию критического мышления, исследовательских и практических умений, необходимых для работы в образовательной среде [10].

6. Индивидуальная образовательная траектория. Индивидуальные траектории обучения в психолого-педагогических классах помогают развивать самосознание, профессиональную зрелость и уверенность в достижении личных и профессиональных целей.

Ключевые особенности: *диагностика интересов и способностей* – на старте обучения выявляются сильные стороны учащихся, что помогает адаптировать процесс [1]. *Индивидуальный учебный план* – включает профильные курсы, тренинги и проекты, учитывающие темпы обучения и цели ученика. *Гибкие форматы обучения* – используются интерактивные задания, проектная работа, онлайн-курсы и мастер-классы. *Поддержка наставников* – учителя помогают мотивировать, преодолевать трудности, создавая атмосферу доверия. *Выбор проектов* – темы исследований и проектов выбираются по интересам, что развивает творческое и аналитическое мышление. *Обратная связь и корректировка* – регулярное отслеживание прогресса позволяет вносить изменения в траекторию. Программа развивает не только академические знания, но и личностные компетенции – эмоциональный интеллект, лидерство, коммуникацию – помогая ученикам реализовать свой потенциал [9].

7. Внеурочная деятельность в психолого-педагогических классах способствует формированию как профессиональных, так и личностных качеств учащихся, а также их социальной адаптации. Она включает интеграцию теории и практики, развитие навыков взаимодействия, критического мышления и творческого подхода.

8. Оценка и мониторинг в психолого-педагогических классах важны для отслеживания учебных достижений и личностного развития

учащихся. Это позволяет адаптировать учебный процесс и обеспечить более персонализированное обучение.

Основные особенности. *Многоуровневая оценка* – включает академический, личностный и социально-педагогический уровни, используя тесты, портфолио, самооценку и проекты. *Оценка навыков и компетенций* – внимание уделяется критическому мышлению, командной работе и эмоциональной зрелости. *Регулярный мониторинг* – включает тесты, анкеты, интервью и педагогическую практику. *Формативная оценка* – позволяет гибко корректировать процесс обучения через задания и наблюдения. *Обратная связь* – постоянная помощь от преподавателей и наставников для развития учащихся. *Оценка личных целей* – анализ достижений в лидерских качествах и саморазвитии. *Вовлеченность всех участников* – участие учеников, учителей, психологов и родителей. *Цифровые инструменты* – использование платформ для сбора данных и отслеживания прогресса учащихся. Оценка и мониторинг помогают адаптировать процесс обучения и способствуют улучшению результатов как в академической, так и в личностной сфере.

9. Сетевое взаимодействие. Сетевое взаимодействие – важный элемент модели психолого-педагогических классов, объединяющий ресурсы образовательных организаций, социальных институтов и профессионального сообщества для подготовки будущих педагогов.

Основные элементы. *Партнёрство с вузами:* соглашения с университетами для профильных курсов и подготовки к экзаменам. Совместные проекты: лекции, мастер-классы, дни открытых дверей. *Взаимодействие с образовательными учреждениями:* практика в детских садах, школах, лагерях, участие в конкурсах и форумах. *Партнёрство с профессиональным сообществом:* сотрудничество с центрами помощи, консультации и тренинги от специалистов, взаимодействие с «Лабораторией молодых специалистов» и виртуальными сообществами. *Сотрудничество с родителями:* совместные мероприятия и проектная деятельность. *Интеграция с муниципальными структурами:* поддержка проектов администрацией, участие в программах профессиональной ориентации.

10. Профессиональная поддержка и трудоустройство. Психолого-педагогические классы помогают учащимся перейти от обучения к практике.

Основные элементы. *Профессиональная ориентация* – тесты, консультации, помощь в составлении резюме и подготовке к собеседованиям. *Стажировки* – практика в образовательных учреждениях и психологических центрах для развития навыков. *Партнерские отношения* – сотрудничество с учебными заведениями и профессиональными центрами для получения образования, стажировок и трудоустройства. *Содействие в трудоустройстве* – помощь в поиске вакансий и налаживании контактов с работодателями. *Карьерные ресурсы* – информация о поступлении, карьерном росте и рынке труда.

Такая поддержка укрепляет уверенность учащихся в выборе профессии и открывает возможности для профессионального развития.

На основании предложенной динамической модели функционирования психолого-педагогических классов, мы предлагаем учитывать следующие рекомендации.

1. *Педагогический состав.* Важно привлечь высококвалифицированных специалистов с опытом работы в области педагогики и психологии. Преподаватели должны быть готовы использовать инновационные методы обучения, работать в условиях образовательной динамики и поддерживать учеников на каждом этапе их обучения. Также педагоги должны регулярно проходить курсы повышения квалификации и участвовать в профессиональных обменах для поддержания высокого уровня преподавания.

2. *Целевая аудитория.* Психолого-педагогические классы ориентированы на учащихся, которые проявляют интерес к педагогической и психологической деятельности и стремятся к развитию личных качеств, необходимых для работы с детьми и подростками.

3. *Материально-техническое обеспечение.* Классы должны быть оснащены современным оборудованием для проведения уроков, лабораторных и практических занятий. Необходимы интерактивные доски, компьютеры, проекторы, а также специализированные программы для создания мультимедийных уроков и работы с онлайн-платформами. Это также включает создание комфортных условий для занятий, таких как удобные рабочие места и специализированные зоны для групповых и индивидуальных занятий.

4. *Организация учебного процесса.* Учебный процесс должен быть ориентирован на сочетание теоретического и практического обучения. Важно включить занятия, направленные на развитие педагогических и психологических навыков, а также

на использование современных технологий в образовании. Включение практических занятий, стажировок и мастер-классов на базе образовательных учреждений поможет учащимся получать реальный опыт работы с детьми и подростками.

5. *Учебная программа.* Программа должна быть гибкой, сочетать обязательные дисциплины и курсы по выбору, которые помогут учащимся развивать компетенции в области педагогики и психологии. Включение курсов по цифровым технологиям, созданию интерактивных уроков и использованию онлайн-платформ является важным элементом программы, чтобы подготовить учащихся к современным требованиям образования.

6. *Индивидуальная траектория обучения.* Важно учитывать потребности и интересы каждого учащегося, создавая индивидуальные траектории обучения. Это позволит максимально раскрыть потенциал учащихся, предоставив им возможность выбирать дополнительные курсы, участвовать в внешкольных мероприятиях, научных проектах или индивидуальных консультациях с преподавателями.

7. *Внеурочная деятельность* должна быть направлена на развитие личных и профессиональных качеств учащихся. Это могут быть клубы по интересам, тренинги, волонтерские проекты, мастер-классы, работа в творческих и методических группах. Также важно организовать активное участие учащихся в общественной жизни, проектах, конференциях и конкурсах, чтобы стимулировать их развитие и интеграцию в профессиональное сообщество.

8. *Оценка и мониторинг.* Важно разработать систему оценки успеваемости и личностного развития учащихся, которая будет учитывать как традиционные формы тестирования, так и более гиб-

кие методы – проекты, участие в конкурсах, самооценка. Система мониторинга должна отслеживать прогресс учащихся на разных этапах их обучения, выявлять слабые места и своевременно вносить коррективы в учебный процесс.

9. *Сетевое взаимодействие.* Психолого-педагогические классы должны активно взаимодействовать с внешними организациями, такими как университеты, колледжи, педагогические и психологические центры, а также профессиональными ассоциациями. Сетевое взаимодействие открывает дополнительные возможности для стажировок, научных исследований и обмена опытом, а также помогает учащимся интегрироваться в профессиональное сообщество [10].

10. *Профессиональная поддержка и трудоустройство.* Систематическая работа с работодателями и профориентационные мероприятия помогут учащимся после окончания психолого-педагогических классов выбрать вуз и спланировать работу в педагогической и психологической сферах. Важно организовать карьерное консультирование, помощь в составлении резюме, подготовке к собеседованиям, а также поддерживать связи с учреждениями для трудоустройства выпускников.

Выводы

Открытие и эффективное функционирование психолого-педагогических классов требует комплексного подхода, включающего все аспекты – от педагогического состава до сетевого взаимодействия с внешними партнерами. Важно создать динамичную и поддерживающую образовательную среду, которая обеспечит учащихся необходимыми знаниями, навыками и профессиональными компетенциями для успешного трудоустройства и развития в сфере педагогики и психологии.

Список источников

1. Байбородова Л.В. Концептуальные основы и модели допрофессиональной педагогической подготовки школьников // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 93 – 99.
2. Байбородова Л.В., Белкина В.В. Модели допрофессиональной педагогической подготовки обучающихся // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 6 (123). С. 69 – 80.
3. Буров К.С. Профессиональное самоопределение как научное понятие // Вестник ЮУрГУ. Серия: «Образование. Педагогические науки». 2017. Т. 9. № 4. С. 57 – 67.
4. Володина Л.О., Скахина П.Н. Профессиональное самоопределение обучающихся психолого-педагогических классов в системе непрерывного педагогического образования // Отечественная и зарубежная педагогика. 2023. Т. 1. № 5 (95). С. 151 – 169.
5. Груздев М.В., Тарханова И.Ю., Харисова И.Г. Анализ ценностно-смысловых ориентаций обучающихся психолого-педагогических классов // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 5 (122). С. 8 – 17.
6. Нечаева А.С. Проблема понимания профессионального самоопределения в контексте восприятия событий жизненного пути // Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2018. № 10. С. 22 – 25.

7. Организация деятельности психолого-педагогических классов: учебно-методическое пособие. Москва: Академия Минпросвещения России, 2021. 392 с.
8. Томин Н.А. Профессиональное самоопределение школьников: теория, практика, исследование: монография / Челяб. гос. пед. ун-т, Урал. отд-ние Рос. акад. образования. Челябинск: Издательство ЧГПУ, 2001. 324 с. <https://elar.rsvpu.ru/handle/123456789/8770> (дата обращения 17.08.2024)
9. Хорошилова Т.Б. Педагогический класс как средство профессионального самоопределения старшеклассников // Преподаватель XXI век. 2022. № 2. Ч. 1. С. 174 – 184.
10. Шальнова О.Н., Виноградова М.Ю., Скоробогатова С.Г. Организация допрофессиональной педагогической подготовки школьников в условиях сетевого взаимодействия / Под ред. Л.В. Байбородовой. Издательство «Канцлер». 2017. 43 с.

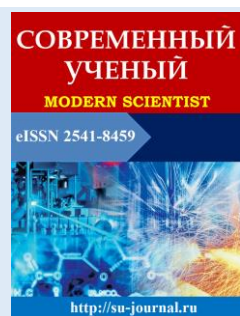
References

1. Baiborodova L.V. Conceptual foundations and models of pre-professional pedagogical training of schoolchildren. Yaroslavl pedagogical bulletin. 2015. No. 5. P. 93 – 99.
2. Baiborodova L.V., Belkina V.V. Models of pre-professional pedagogical training of students. Yaroslavl pedagogical bulletin. 2021. No. 6 (123). P. 69 – 80.
3. Burov K.S. Professional self-determination as a scientific concept. Bulletin of SUSU. Series: "Education. Pedagogical sciences". 2017. Vol. 9. No. 4. P. 57 – 67.
4. Volodina L.O., Skakhina P.N. Professional self-determination of students of psychological and pedagogical classes in the system of continuous pedagogical education. Domestic and foreign pedagogy. 2023. Vol. 1. No. 5 (95). P. 151 – 169.
5. Gruzdev M.V., Tarkhanova I.Yu., Kharisova I.G. Analysis of value-semantic orientations of students of psychological and pedagogical classes. Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2021. No. 5 (122). P. 8 – 17.
6. Nechaeva A.S. The problem of understanding professional self-determination in the context of perception of life events. St. Petersburg Educational Bulletin. 2018. No. 10. P. 22 – 25.
7. Organization of activities of psychological and pedagogical classes: a teaching aid. Moscow: Academy of the Ministry of Education of the Russian Federation, 2021. 392 p.
8. Tomina N.A. Professional self-determination of schoolchildren: theory, practice, research: monograph. Chelyabinsk state ped. university, Ural. branch of the Russian academy of education. Chelyabinsk: Publishing house of ChSPU, 2001. 324 p. <https://elar.rsvpu.ru/handle/123456789/8770> (date of access 08/17/2024)
9. Khoroshilova T.B. Pedagogical class as a means of professional self-determination of high school students. Teacher XXI century. 2022. No. 2. Part 1. P. 174 – 184.
10. Shalnova O.N., Vinogradova M.Yu., Skorobogatova S.G. Organization of pre-professional pedagogical training of schoolchildren in the context of network interaction. Ed. L.V. Bayborodova. Publishing house "Kantsler". 2017. 43 p.

Информация об авторе

Агарёва Л.А., аспирант, Государственный университет просвещения; заместитель начальника управления; начальник отдела общего образования, Управление образования администрации г.о. Домодедово, Московская область, mila.agareva@gmail.com

© Агарёва Л.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 784.92

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-322-328

Аудиовизуальные технологии в музыкальной педагогике как средство эффективности освоения музыки народов мира (на примере освоения народно-песенного творчества Китая)

¹ Лю Ин

¹ *Московский педагогический государственный университет*

Аннотация: на сегодняшней волне глобализации музыкальное образование больше не ограничивается одной культурной или региональной категорией, а демонстрирует новую тенденцию к пересечению национальных границ и интеграции множества культур. Музыка людей со всего мира содержит богатый культурный подтекст, исторические воспоминания и национальные эмоции.

В этом взаимосвязанном мире музыка служит культурным мостом, преодолевающим языковые и географические границы, позволяя людям из разных стран и этнических групп делиться красотой музыки. Поэтому для музыкального образования неизбежным выбором стало включение музыки людей со всего мира в содержание обучения.

Особенно в преподавании народно-песенного творчества Китая аудиовизуальные технологии играют незаменимую роль. Благодаря видеоизображениям высокой четкости и трехмерным звуковым эффектам учащиеся могут почувствовать себя на земле, где зародились народные песни, ощутить их простоту и невинность, оценить глубокое культурное наследие и национальные эмоции, содержащиеся в народных песнях.

Цель данной работы – изучить, как аудиовизуальные технологии могут быть использованы для обучения детей мировой музыке, особенно народно-песенного творчества Китая, на уроках музыки. Таким образом, мы надеемся, что дети не только овладеют музыкальными знаниями в интересной и эффективной учебной среде, но и улучшат свое понимание и восприятие мультикультурализма, закладывая прочную основу для своего всестороннего развития.

Ключевые слова: аудиовизуальные технологии, китайские народные песни, музыкальное образование, музыка народов мира, метод обучения, инновационная технология, китайско-российские культурные обмены, межкультурный

Для цитирования: Лю Ин Аудиовизуальные технологии в музыкальной педагогике как средство эффективности освоения музыки народов мира (на примере освоения народно-песенного творчества Китая) // Современный ученый. 2025. № 1. С. 322 – 328. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-322-328

Поступила в редакцию: 24 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 27 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Audiovisual technologies in music pedagogy as a means of effectively mastering the music of the peoples of the world (using the example of mastering the folk song of China)

¹ Liu Ying

¹ Moscow Pedagogical State University

Abstract: in today's wave of globalization, music education is no longer limited to a single culture or region, but presents a new trend that transcends national boundaries and integrates multiple cultures. The music of people from all over the world contains rich cultural connotations, historical memories and national emotions.

In this interconnected world, music, as a bridge of culture, transcends the boundaries of language and region, allowing people from different countries and nationalities to share the beauty of music. Therefore, for music education, incorporating the music of people from all over the world into the teaching content has become an inevitable choice.

Especially in the teaching of Chinese folk songs, audio-visual technology plays an irreplaceable role. Through high-definition video images and three-dimensional audio effects, students can feel as if they are in the land where folk songs were born, feel the simplicity and innocence, and appreciate the profound cultural heritage and national sentiments contained in folk songs.

This paper aims to explore how to use audio-visual technology to enable children to learn world music, especially Chinese folk songs, in music classes. Through this approach, we hope that children can not only master music knowledge in an interesting and efficient teaching environment, but also enhance their understanding and perception of diverse cultures, laying a solid foundation for their all-round development.

Keywords: audiovisual technologies, Chinese folk songs, musical education, music of the peoples of the world, teaching method, innovative technology, Sino-Russian cultural exchanges, cross-cultural

For citation: Liu Ying Audiovisual technologies in music pedagogy as a means of effectively mastering the music of the peoples of the world (using the example of mastering the folk song of China). Modern Scientist. 2025. 1. P. 322 – 328. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-322-328

The article was submitted: September 24, 2024; Approved after reviewing: November 27, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

В длинной реке музыки народно-песенного творчества Китая, как нить ярких жемчужин, с их уникальными мелодическими линиями и глубоким культурным наследием, продолжают неуываемо цвести на протяжении тысячелетий. Они являются не только кристаллизацией эмоций и мудрости китайской нации, но и мостом, соединяющим прошлое и будущее, душу и мир. На обширной арене музыкального образования аудиовизуальные технологии служат мощным инструментом, позволяющим отправиться в необыкновенное путешествие по изучению народно песенного творчества Китая.

С помощью красочных аудиовизуальных материалов студенты смогут глубже понять суть народного песенного творчества Китая. Они будут блуждать в мелодичных напевах, ощущая глубокие эмоции и культурный смысл, заложенный в

каждой песне; они будут искать между нежными текстами, понимая исторические события и народные обычаи, стоящие за каждой строчкой. Поэтому аудиовизуальная технология, как продукт сочетания мультимедиа и аудиовизуальных материалов, может отображаться перед обучающимися интуитивно, живо, наглядно и играть роль, которую не могут заменить традиционные книжные носители [3, с. 58].

Китайские народные песни имеют долгую историю и очень богатый подтекст, они представляют собой собрание прекрасной музыки и культуры всех этнических групп в процессе исторического развития китайского общества, а также являются важной формой искусства, отражающей музыку и культуру людей разных этнических групп в разных регионах [8, с. 115].

Материалы и методы исследований

Для достижения конкретных целей по

изучению народно песенного творчества Китая и музыки разных стран мира с помощью аудиовизуальных технологий мы разработали следующий план обучения.

Среди огромного количества народных песен Китая выбор народно песенного творчества для обучения детей должен соответствовать принципу сочетания культурного разнообразия и целей обучения.

Во-первых, фокусировка на репрезентативности песен, отбор классических народных песен, которые могут отражать стили различных регионов Китая и музыкальные особенности различных этнических групп; а также отбор народных песен, имеющих историческую ценность и культурное значение. Превосходные китайские народные песни играют очень важную роль в очищении душ людей, развитии чувств и утверждении здоровых и возвышенных идеалов и убеждений [8, с. 116].

В зависимости от возраста, интересов и познавательного уровня учеников, они выберут подходящую форму исполнения народно песенного творчества Китая. Такие как соло, двухголосный, трёхголосный, смешанный припев. Выбранный музыкальный контент также можно соответствующим образом адаптировать или упростить, чтобы учащимся было легче его принять и понять.

Результаты и обсуждения

Учебный процесс проходил в три этапа:

- предварительная подготовка;
- реализация классного обучения;
- репетиторство и обратная связь после занятий.

Предварительная подготовка

1. Учебные материалы и учебные пособия

Выбор учебных материалов. Они должны быть авторитетные, научные и систематизированные. Например, «Избранные примеры народно песенного творчества Китая», изданный Народным музыкальным издательством Китая, который охватывает народные песни со всего Китая и имеет подробное содержание, подходящее для преподавания в классе.

Сбор вспомогательной информации. Для этого нужно использовать онлайн-ресурсы, библиотеки и другие каналы для сбора вспомогательной информации, такой как предыстория написанных музыкантами песен, связанных с китайскими национальными песнями [7, с. 51].

2. Производство и внедрение аудиовизуальных материалов.

Монтаж видео. Используя программы для

редактирования видео, необходимо смонтировать видеоролик с народно песенного творчества Китая в клипы, подходящие для воспроизведения в классе, выделив ключевые моменты.

Настройка аудио. Использование программного обеспечения для редактирования аудио, чтобы настроить громкость и качество звука аудиофайлов, чтобы обеспечить четкое воспроизведение звука без шума.

Интеграция учебных программ. Интегрирование отредактированных видео, аудио, добавленные субтитры, изображения и другие материалы в мультимедийные обучающие программы, чтобы обеспечить ясность и простоту понимания.

Реализация классного обучения

1. Импортрование новых уроков.

Организация общения с учащимися через вопросы о том, насколько много они знают о китайских народных песнях; какие чувства они вызывают у них при прослушивании и какие китайские песни они хотят разучить?

Аудио-визуальная демонстрация песни, выбранной для разучивания с учащимися. Предварительно полезно показать какие-нибудь короткие музыкальные истории или анимационные ролики, связанные с содержанием песни, чтобы стимулировать обучение и любопытство учащихся. Затем следует проиграть на фортепиано мелодию выбранной песни, объяснить характер мелодии, особенности ритма, темпа, динамики, смысла слов и эмоциональное содержание художественного образа песни.

2. Интерактивное обсуждение.

Групповое обсуждение. Для этого надо разделить учащихся на две группы, чтобы обсудить их понимание эмоционального содержания песни. и чувства, которые она вызывает у них. При этом надо поощрять учащихся за вопросы и высказывания своего мнения, чтобы стимулировать интерес и мотивацию учащихся к обучению [10, с. 132].

Каждая группа выбирает представителя, который будет делиться результатами обсуждения, а преподаватель комментирует и обобщает общий контент, чтобы своевременно отвечать на вопросы учащихся.

3. Практический этап работы.

Практические упражнения. Во-первых, следует предложить учащимся попытаться подпевать мелодию и ритм выбранной для разучивания народной песни, используя вокализацию на отдельные гласные.

Затем следует потренироваться в произношении слов песни на китайском языке, предъявляя высокие требования к правильности произношения слов, сначала в речи, а потом и в пении.

Групповая презентация. Студенты будут выступать в группах под аккомпанемент песен или простых музыкальных инструментов, чтобы укрепить свои практические навыки и дух командной работы.

Репетиторство и обратная связь после занятий

1. В конце урока необходимо дать домашнее задание.

Консолидировать знания. Студенты обязаны практиковать знания, полученные в классе после возвращения домой, утвердиться в правильном произношении слов песни на китайском языке, повторить мелодию и ритм песни, предысторию и творческую концепцию песни.

Учителя должны научить учеников больше слушать, больше видеть и больше думать, чтобы они могли эмоционально резонировать с музыкальными произведениями [5, с. 59].

2. Консультирование.

Целевое консультирование. Отдельные студенты нацелены на работу с учетом их успеваемости на занятиях, а также в ходе выполнения заданий после уроков. Другими словами, мы должны не только сосредоточиться на общем развитии каждого учащегося, но и раскрыть индивидуальный потенциал разных учащихся [4, с. 27].

Интернет-вопросы и ответы. С помощью некоторых социальных программ, электронной почты и других онлайн-методов мы можем оперативно отвечать на вопросы студентов и

оказывать поддержку в обучении.

3. Обратная связь и корректировки.

Сбор и анализ отзывов и сводок от учащихся, чтобы понять эффективность преподавания и знать потребности учащихся в обучении. Такая обратная связь необходима для выявления проблем и недостатков в преподавании. Улучшение рефлексивных способностей учителей не происходит в одночасье. Оно требует от учителей настойчивости и практики изо дня в день под руководством научных теорий и методов [9, с. 44].

Регулировка. В результате на основе обратной связи появляется возможность своевременно корректировать стратегию и тактику преподавания и оптимизировать содержание и форматы преподавания, а также улучшать эффективность обучения.

В процессе музыкального образования решающее значение имеет выбор подходящих песен и разработка научных этапов обучения. Это связано не только с овладением учащимися музыкальными знаниями, но и напрямую влияет на повышение музыкальной грамотности и воспитание эстетических способностей. Для примера можно выбрать четыре песни: «Жасмин», «Лебединый гусь», «Поднимите свой хиджаб» и «Река Люян». Эти четыре песни расположены по принципу от простого к сложному.

1. Народная песня провинции Цзянсу «Жасмин».

Эта песня, являющаяся классикой китайских народных песен, имеет красивую мелодию и нежные эмоции. Она хорошо демонстрирует уникальное очарование китайских народных песен, а также ее легко воспринимать и петь ученикам.

好 一朵茉莉花, 好一朵茉莉
hao и ду мо ли хуа hao и ду мо ли

花, 满 园 花 草
хуа Ман июань хуа цао

香 也 香 不 过 她, Прекрасный цветок жасмина,
сян е сян бу гуо та Прекрасный цветок жасмина,
У других цветов и растений в саду
нет такого аромата, как у неё.

2. «Лебединый гусь»

Эта песня известна своей глубокой эмоциональностью и мелодичной мелодией. Она представляет стиль монгольской музыки и

помогает студентам расширить свою музыкальную карьеру и почувствовать очарование музыки разных этнических групп.

鴻 雁 天 空 上。
хун ян тянь кон шан,
對 對 排 成 行。 江 水 長， 秋 草 黃，
дуэй дуэй пай чэн хан. Цзянь шуэй чан, цю цзо хуан,
草 居 上 琴 聲 悅 傷。
Цао юан шан цин шен юэ шан.

Сухонносы, летающие
по небе
выстроятся в пары
река длинная, а осенняя
травы желтая.
грустная песня от
моринхура на лугу.

3. Уйгурская народная песня «Подними свой хиджаб» в Синьцзяне.

Ритм веселый и полный экзотических обычаев, которые могут стимулировать интерес учащихся к обучению, одновременно развивая у учащихся

чувство ритма и танцевальную выразительность, делая класс более оживленным. В преподавании музыки добавление танцевальных движений является распространенным методом обучения [6, с. 150].

掀 起 了 你 的 盖 头 来 让 我 来 看 看
Сянь ци ль ни дэ гай тоу лай Жань во лай кань кань
你 的 眉 你 的 眉 毛 细 又 长 啊
ни дэ мэй Ни дэ мэй мао си юэ чань а
好 像 那 树 梢 的 弯 月 亮
Хао сянь на шу шао дэ вань юэ лян

Подними свою красную фату,
Чтобы я посмотрел на твои
брови, Твои брови такие
тонкие и длинные, Как
полумесяц на верхушках
деревьев.

4. Народная песня провинции Хунань «Река Люян».

В нем ярко выражены местные особенности,

мелодия подобна горам и текущей воде, а песни поэтичны. Мелодия этой песни очень характерна для стиля пения южного Китая.

Благодаря сочетанию видео высокой четкости и высококачественного звука создается всесторонняя, многомерная иммерсивная среда обучения. Студенты могут не только отчетливо услышать очарование каждого текста и скачок каждой ноты, но и стать свидетелями того, как певцы, одетые в традиционные костюмы, исполняют душевные выступления на живописном фоне, словно путешествуя во времени и пространстве, чтобы пережить эти древние и трогательные истории. Аудиовизуальные технологии обучения позволяют сделать видимым то, что невозможно увидеть невооруженным взглядом, имитировать любые ситуации [2, с. 177].

В музыкальном образовании решающее значение имеет интеграция аудиовизуальных технологий. Программное обеспечение для стабильного воспроизведения музыки поддерживает различные форматы, а персонализированные

настройки повышают эффективность обучения; Профессиональный видеомонтаж подчеркивает учебные моменты и улучшает просмотр. Программное обеспечение для анализа аудиозаписей обеспечивает глубокий анализ музыкальных элементов, чтобы помочь студентам понять [1, с. 182].

Выводы

Таким образом, аудиовизуальные технологии играют незаменимую роль в музыкальном образовании, особенно в освоении разнообразной музыки мира. С применением аудиовизуальных технологий в музыкальном образовании откроются больше возможности для повышения эффективности освоения не только народно-песенного творчества Китая, но и других стран, что сделает музыку мостом, соединяющим души людей народов мира.

Список источников

1. Величко Ю.В., Милицина О.В. Аудиовизуальные технологии обучения в практике вузовской подготовки педагогов-музыкантов // Вестник ТГПУ. 2018. № 6 (195).
2. Зарубина Р.В., Лапшина И.В. Использование аудиовизуальных технологий в учебном процессе // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2009. № 2. С. 176 – 179.
3. Ли Юндуо Мультимедийные аудиовизуальные технологии и этническое музыкальное образование // Китайская музыка. 2001. № 2. С. 53, 58.
4. Нан Юна Построение и практические стратегии системы оценивания, способствующие всестороннему и индивидуальному развитию учащихся // Теория и практика образования. 2023. № 2. С. 27 – 30.
5. Пин Си Исследование оценки эффективности преподавания на уроках музыки в начальной школе на основе концепции взаимодействия на примере второго класса начальной школы // Педагогическая наука. 2023. № 8. С. 57 – 60.
6. Фан Хаюэ Интегрируйте народные песни, чтобы обрести очарование – краткий анализ методов преподавания музыки в начальной школе // новая учебная программа. 2022. № 40. С. 149 – 151.
7. Фэн Чжилиан. Краткая дискуссия о методике преподавания на уроках народной песни // Новые голоса Юэфу (Журнал Шэньянской музыкальной консерватории). 1993. № 11. С. 51 – 52.
8. Хуан Вэньжуань О важности популяризации преподавания китайской народной песни в университетском музыкальном образовании // Журнал Хубэйского заочного университета. 2017. № 11. С. 115 – 117.

9. Чан Инхуа Значение, смысл и практический путь размышлений учителя о преподавании // Теория и практика образования. 2023. № 28. С. 41 – 45.

10. Чжао Ян Обсуждение пути интеграции концепции экспериментального обучения в преподавании музыки в начальной школе // База данных экономических новостей науки и техники Китая Образование. 2023. № 7. С. 131 – 134.

References

1. Velichko Yu.V., Militsyna O.V. Audiovisual teaching technologies in the practice of university training of music teachers. Bulletin of TSPU. 2018. No. 6 (195).

2. Zarubina R.V., Lapshina I.V. Use of audiovisual technologies in the educational process. Bulletin of the Taganrog Institute named after A.P. Chekhov. 2009. No. 2. P. 176 – 179.

3. Li Yongduo Multimedia audiovisual technologies and ethnic music education. Chinese music. 2001. No. 2. P. 53, 58.

4. Nan Yuna Construction and practical strategies of the assessment system that contribute to the comprehensive and individual development of students. Theory and practice of education. 2023. No. 2. P. 27 – 30.

5. Ping Xi A Study on the Evaluation of Teaching Efficiency in Primary School Music Lessons Based on the Concept of Interaction Using the Second Grade of Primary School as an Example. Pedagogical Science. 2023. No. 8. P. 57 – 60.

6. Fang Haoyue Integrate Folk Songs to Find Charm – A Brief Analysis of Primary School Music Teaching Methods. New Curriculum. 2022. No. 40. P. 149 – 151.

7. Feng Zhiliang A Brief Discussion on Teaching Methods in Folk Song Lessons. New Voices of Yuefu (Journal of Shenyang Conservatory of Music). 1993. No. 11. P. 51 – 52.

8. Huang Wenzhuan On the Importance of Popularizing the Teaching of Chinese Folk Song in University Music Education. Journal of Hubei Correspondence University. 2017. No. 11. P. 115 – 117.

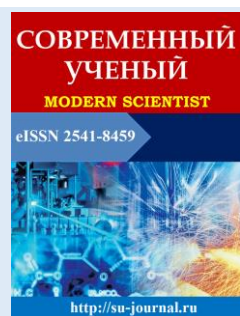
9. Chang Yinghua The Meaning, Significance, and Practical Path of Teacher's Reflections on Teaching. Theory and Practice of Education. 2023. No. 28. P. 41 – 45.

10. Zhao Yang Discussion on the Way to Integrate the Concept of Experiential Learning in Primary School Music Teaching. China Science and Technology Economic News Database Education. 2023. No. 7. P. 131 – 134.

Информация об авторе

Лю Ин, аспирант, Институт изящных искусств, Московский педагогический государственный университет

© Лю Ин, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 373.31

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-329-335

К вопросу о подготовке будущих педагогов к работе по профилактике конфликтногенной среды во временном детском коллективе

¹ Казанцева В.А., ¹ Ус О.А.

¹ Кубанский государственный университет

Аннотация: современная образовательная система нуждается в педагогах, которые владеют не только профессиональными знаниями, но и сформированными нравственными личностными качествами, позволяющими управлять конфликтами во временном детском коллективе. В статье представлен краткий анализ вклада ученых в области педагогики и психологии в развитие педагогической конфликтологии. Раскрыто понятие «конфликтологическая компетенция». Рассмотрены уровни профилактических влияний и признаки временного детского коллектива. Представлены результаты диагностики готовности студентов факультета педагогики, психологии и коммуникативистики ФГБОУ ВО «КубГУ» к работе во временном детском коллективе, которые позволяют сделать вывод об эффективности подготовки будущих педагогов.

Ключевые слова: конфликтологическая компетентность, конфликтологическая среда, детский временный коллектив, будущий педагог, подготовка, ВУЗ

Для цитирования: Казанцева В.А., Ус О.А. К вопросу о подготовке будущих педагогов к работе по профилактике конфликтногенной среды во временном детском коллективе // Современный ученый. 2025. № 1. С. 329 – 335. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-329-335

Поступила в редакцию: 26 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 29 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

On the issue of preparing future teachers for work on prevention of conflict-generic environments during temporary children's team

¹ Kazantseva V.A., ¹ Us O.A.

¹ Kuban State University

Abstract: the modern educational system needs teachers who have not only professional knowledge, but also developed moral and personal qualities that allow them to manage the process of conflicts in a temporary children's team. The authors present an analysis of the contribution to the development of issues of pedagogical conflictology by scientists in the field of pedagogy and psychology. The concept of “conflictological competence” is revealed. The levels of preventive influences are systematized and the characteristics of a temporary children's team are considered. The results of diagnosing the readiness of students from the Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "KubSU" to work in a temporary children's team are presented, which allow us to draw a conclusion about the effectiveness of training future

teachers.

Keywords: conflictological competence, conflictological environment, children's temporary team, future teacher, training, university

For citation: Kazantseva V.A., Us O.A. On the issue of preparing future teachers for work on prevention of conflict-generic environments during temporary children's team. Modern Scientist. 2025. 1. P. 329 – 335. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-329-335

The article was submitted: September 26, 2024; Approved after reviewing: November 29, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Современное общество на сегодняшний день достигло своего пика конфликтности. Возникающие конфликты среди подрастающего поколения, подрастающего поколения и родителей, подрастающего поколения и педагогов постоянно освещаются в СМИ, а также мы нередко слышим о них от своего окружения [12]. К причинам конфликта нередко относят некомпетентность взрослых, в том числе педагогов, а именно отсутствие знаний и умений управлять возникшими конфликтами и как факт – их неготовность к конструктивному поведению в конфликтной ситуации [14]. Это в свою очередь, свидетельствует о первоочередной необходимости целенаправленной конфликтологической подготовки будущих педагогов к работе по профилактике конфликтов в детском коллективе. Особое внимание стоит уделить временным детским коллективам, где конфликтные ситуации могут возникать с особой остротой. В таких группах, сформированных на короткий срок, дети часто оказываются в новых для себя социальных условиях, что создает дополнительную почву для разногласий и недопонимания. Непродолжительность взаимодействия и отсутствие устойчивых межличностных связей усложняют урегулирование конфликтов, делая задачу педагога по их профилактике и разрешению еще более важной и актуальной. В условиях временных коллективов педагог должен быть готов к быстрой и эффективной работе с конфликтами, что требует специальной подготовки и развития профессиональных компетенций в области конфликтологии.

В связи с этим в системе высшего образования в процесс подготовки будущих педагогов должно быть включено обучение диагностике, профилактике и разрешению конфликтов. Т.е., итогом профессиональной подготовки должно стать формирование конфликтологической готовности, которая будет выражаться в способности педагога своевременно реагировать и решать противоречия в детских коллективах, в том числе временных [4,

7].

Исследования конфликтов привлекают внимание ученых в области педагогики и психологии не первое десятилетие. Обсуждению подвергаются содержание и методологический подход подготовки будущих педагогов (Т.А. Морозова, Л.В. Коновалова); понятие «конфликтологическая компетентность» и близкое понятие «конфликтная компетентность» раскрывают работы Б.И. Хасан, Л.Н. Цой, Н.И. Леонов и др.; личностные качества и установки педагога в процессе подготовки (В.А. Сластенин, А.М. Митяев, Н.В. Самсонова и др.). [1, 6]. Также значительный вклад в развитие вопросов педагогической конфликтологии внесли Н.В. Гришина, исследующая психологические аспекты разрешения конфликтов, и И.А. Зимняя, подчеркивающая важность коммуникативных навыков педагога в управлении конфликтными ситуациями. В свою очередь, А.Б. Орлов выделяет роль нравственных установок и эмоциональной устойчивости педагога как ключевых факторов эффективного взаимодействия с учащимися. Вопросы межличностных конфликтов в образовательной среде и способы их профилактики также рассматриваются в работах А.А. Реана и Л.М. Семенов, которые акцентируют внимание на необходимости разработки программ психологической поддержки педагогов.

Педагогическая деятельность всегда подразумевает взаимодействие с разными субъектами, неизбежно включает в себя возникновение различных неоднозначных ситуаций, для решения которых педагогу необходимо обладать конфликтологической компетентностью [2].

Конфликтологическая компетентность – это набор определенных знаний и практических умений (терминология, педагогический инструментарий), сформированных в процессе подготовки, обеспечивающих управление процессом конфликта, а также объединение нравственных профессионально-значимых качеств будущего учителя [6, 7].

Современные ФГОС ВО имеют практикоориентированную направленность, что способствует высококачественной подготовке будущих педагогов.

Однако, учитывая то, что конфликтологическая компетентность включает в себя не только знания и практические умения, а также необходимый набор нравственных профессионально-значимых качеств личности (эмпатия, доброжелательность, коммуникативность и пр.), рабочие учебные планы факультета педагогики, психологии и коммуникативистики ФГБОУ ВО «КубГУ» (далее ФППК ФГБОУ ВО «КубГУ») включают дисциплины, которые содержат активные и интерактивные формы обучения и отражаются в практикоориентированной деятельности, например: «Основы вожатской деятельности», «Методология и методы в психолого-педагогических исследованиях»,

«Производственная практика» и т.д.

Также, студенты ФППК ФГБОУ ВО «КубГУ» со 2 курса проходят обучение в действующей на территории факультета школе вожатых «Лидер», в процессе которого делается упор на отработку навыков и умений в работе с детским временным коллективом, а также формирование конфликтологической компетентности у студентов педагогических специальностей.

Одним из ключевых моментов в подготовке будущих педагогов к работе во временном детском коллективе отводится профилактике конфликтов. С.И. Ожегов рассматривал «профилактику» как систему мероприятий, ориентированных на поддержание и улучшение порядка в коллективе. Содержание мероприятий зависит от уровня профилактических влияний, представленных на рис. 1.

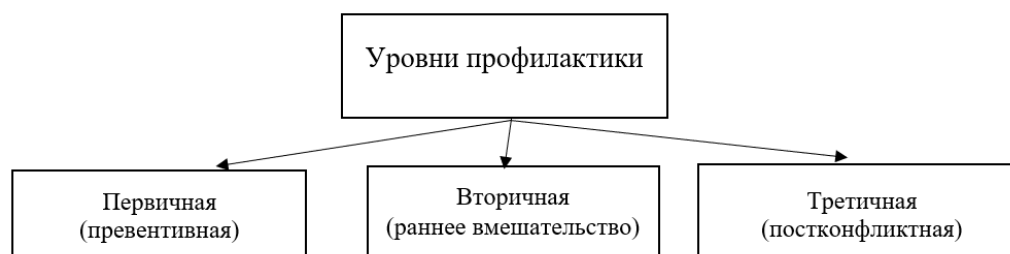

Рис. 1. Уровни профилактических влияний.

Fig. 1. Levels of preventive influences.

Первый уровень профилактики предполагает ориентирование на наступление конфликта, тяжесть его течения и минимизирование последствий конфликта.

Цель: предотвращение возникновения конфликтов на раннем этапе, до того, как они начнутся.

Меры: создание благоприятной атмосферы в коллективе, формирование у детей и педагогов позитивных моделей поведения, обучение эффективным навыкам общения, развитие толерантности и эмпатии.

Примеры: проведение тренингов на развитие социальных и коммуникативных навыков, организация командообразующих мероприятий, выстраивание культуры уважения и сотрудничества в образовательной среде.

Второй уровень профилактики конфликтов включает в себя меры по коррекции поведенческих траекторий.

Цель: предупреждение эскалации конфликта, если он уже начал проявляться.

Меры: выявление ранних признаков назреваю-

щих конфликтов, оперативное вмешательство и принятие мер по их урегулированию.

Примеры: работа педагога по разрешению мелких разногласий, проведение медиации или конфликтных переговоров на ранней стадии, обучение участников навыкам управления конфликтами.

Третий уровень профилактики направлен на поддержание условий, который в последствии исключат повторяющиеся конфликтные ситуации и деструктивные события.

Цель: минимизация последствий уже произошедшего конфликта и предупреждение его повторного возникновения.

Меры: работа с участниками конфликта для восстановления отношений, реабилитация, обучение способам управления эмоциями и анализ причин конфликта с целью извлечения уроков на будущее.

Примеры: постконфликтная терапия, восстановительные программы, работа по восстановлению атмосферы доверия в коллективе, анализ ситуации для предотвращения аналогичных конфликтов.

Эти уровни профилактики конфликтов ориентированы на различные этапы развития конфликта и позволяют педагогам более эффективно предотвращать или урегулировать конфликтные ситуации в образовательной среде.

Всегда легче профилировать конфликты, чем решать существующие. А для этого будущий педагог должен обладать определенным педагогическим инструментарием и иметь собственный высокий уровень психологической защищенности, чтобы уметь контролировать личные амбиции.

Временные детские коллективы (ВДК) представляют собой особую форму взаимодействия, где участники объединяются на ограниченный срок для решения определенных задач. Такие кол-

лективы отличаются нестабильностью и непостоянностью состава, что затрудняет формирование глубоких межличностных связей и увеличивает вероятность возникновения конфликтных ситуаций. Психологическая адаптация детей в новых условиях может быть замедлена, что также усиливает напряженность и снижает эффективность коммуникации. Временные группы не обладают устойчивыми социальными нормами и правилами поведения, что делает их более уязвимыми к конфликтам. В этом контексте педагог, работающий с ВДК, должен проявлять особую чуткость к динамике отношений и быть готовым к быстрому реагированию на конфликтные ситуации [9].

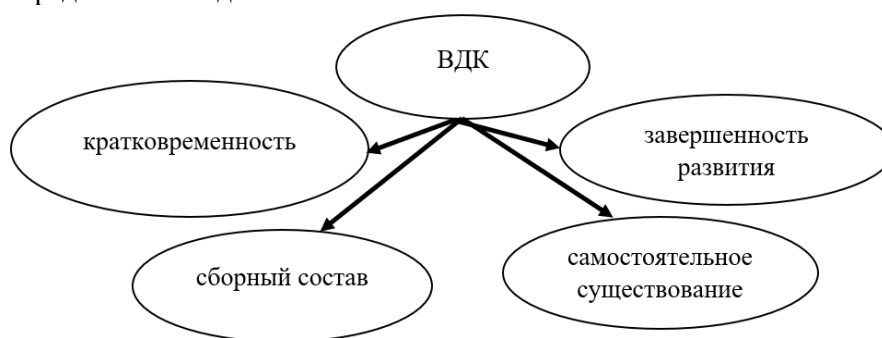

Рис. 2. Признаки временного детского коллектива.

Fig. 2. Signs of a temporary children's group.

Кроме того, в таких коллективах большое значение имеет лидерство, которое часто формируется стихийно и может стать дополнительным источником напряженности. Дети, стремясь к самоутверждению в новой среде, могут проявлять агрессию или сталкиваться с соперничеством, что приводит к возникновению конфликтов на межличностном уровне. Поэтому профилактика конфликтов в ВДК требует не только стандартных мер, но и специфических методов, учитывающих особенности кратковременного взаимодействия и динамику формирования коллектива.

Следовательно, подготовка педагогов к работе в условиях временных детских коллективов должна включать обучение методам диагностики конфликтных тенденций на ранних этапах формирования группы, навыкам быстрого урегулирования разногласий и поддержанию позитивного микроклимата в коллективе. Эффективное управление конфликтами в таких условиях будет способствовать созданию благоприятной атмосферы для продуктивного взаимодействия детей и успешного выполнения коллективных задач.

Материалы и методы исследований

С целью определения уровня готовности будущих педагогов к работе с детским временным коллективом было проведено диагностическое исследование. Выборку составили 60 студентов 3 курсов очной формы обучения направлений подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профиль «Начальное образование. Дошкольное образование» и 44.03.01 Педагогическое образование, профиль «Начальное образование».

Были применены следующие диагностические методики:

- 1) К. Томас «Диагностика предрасположенности личности к конфликтному поведению» адаптированная Н.В. Гришиной;
- 2) В.В. Синявский, В.А. Федорошин (КОС) «Коммуникативные и организаторские склонности»;
- 3) М. Шнайдер «Диагностика коммуникативного контроля».

Результаты и обсуждения

Обобщенные результаты итогов по 3-ем методикам представлены на рис. 3.

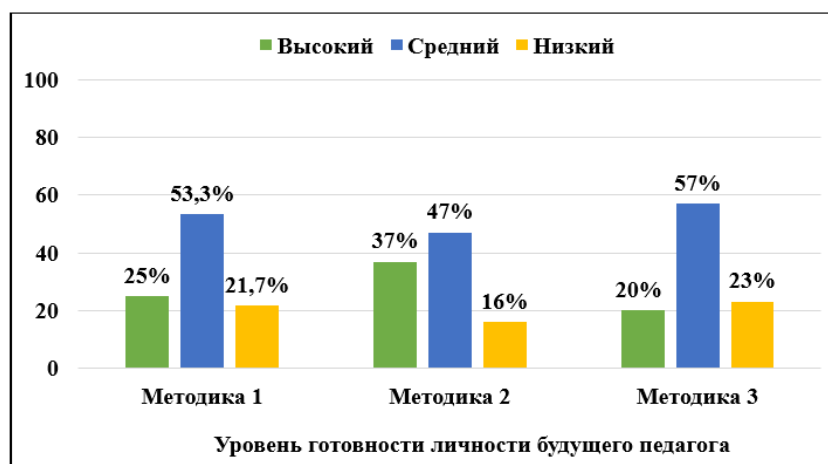

Рис. 3. Обобщенные результаты проведенных диагностик на выявление уровня готовности будущих педагогов к работе с временным детским коллективом.

Fig. 3. Generalized results of diagnostics conducted to identify the level of readiness of future teachers to work with a temporary children's group.

Результаты диагностик позволяют сделать выводы о том, что большая часть экспериментальной выборки имеют средний уровень поведенческого и эмоционального контроля, а также присутствует необходимость развивать навык выстраивания взаимоотношений с новыми знакомыми. Несмотря на неплохие результаты, в экспериментальной выборке по итогам 3х методик достаточно высокие показатели низкого уровня готовности будущих педагогов к работе с временным детским коллективом. Т.е., студенты сторонятся новых знакомств, испытывают трудности в выстраивании контактов с людьми; часто применяют в конфликте стратегию «избегание»; обидчивы и затрудняются заявлять о себе и высказывать свое мнение на публике.

Выводы

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что процесс формирования конфликтологической компетенции, включа-

ющий в себя интеграцию нравственных профессионально-значимых личностных качеств будущих педагогов к работе во временном детском коллективе является удовлетворительным. Важным моментом является предварительная диагностика с целью возможных затруднений при взаимодействии с детьми у студентов педагогических специальностей.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что только целенаправленный и последовательный процесс, включающий в себя активные и интерактивные формы обучения, отражающиеся в практикоориентированной деятельности по подготовке будущих педагогов к работе по профилактике конфликтной среды во временном детском коллективе, является эффективным инструментом профессионально-педагогического становления личности будущего педагога.

Список источников

1. Анисимова Л.С. Система педагогических задач в формировании профессиональных компетентностей учителя начальных классов // Концепт: науч.-метод. электронный журнал. 2015. Т. 8. С. 311 – 315. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2015/65063.htm>
2. Гребенникова В.М., Казанцева В.А., Ус О.А. Обеспечение информационной безопасности в профессиональной подготовке студентов психолого-педагогических направлений // ЦИТИСЭ. 2020. № 4 (26). С. 371 – 380. DOI 10.15350/2409-7616.2020.4.32
3. Гребенникова В.М., Казанцева В.А. Нравственные ценности учителя начальных классов – важнейший фактор урегулирования межличностных конфликтов в гетерогенных ученических группах // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 75 – 79. DOI 10.24412/1991-5500-2020-685-75-79

4. Гребенникова В.М., Ус О.А. Управление комплексной моделью организационно-педагогического сопровождения духовно-нравственного развития обучающихся в условиях деструктивного влияния массовой культуры: учебно-методические рекомендации для руководителей образовательных организаций. Краснодар: Негосударственное образовательное частное учреждение дополнительного профессионального образования "Кубанская многопрофильная академия подготовки, переподготовки, повышения квалификации специалистов", 2019. 139 с. ISBN 978-5-906302-55-7

5. Казанцева В.А. Формирование конфликтологической компетенции будущих учителей начальных классов в учебно-воспитательном процессе вуза посредством медиативно-образовательной социум-терапии (МОСТ) // Современный ученый. 2024. № 6. С. 223 – 231. DOI 10.58224/2541-8459-2024-6-223-231

6. Кенда Л.В. Анализ особенностей конфликтологической компетентности педагогов ДОО // Ежегодник научно-методологического семинара "Проблемы психолого-педагогической антропологии": Сборник научных статей / Отв. ред. Егоров И.В., Мартынова Г.Ю. Том Вып. 9. Санкт-Петербург: ООО "НИЦ АРТ", 2019. С. 84 – 92.

7. Ковалевская Е.В. Конфликтологическая компетентность как профессионально важное личностное образование специалистов "помогающих" профессий // Актуальные проблемы развития личности в современном обществе: Материалы Международной научно-практической конференции. Посвящается 115-летию со дня рождения А.Н. Леонтьева, Псков, 19-20 апреля 2018 года / Под ред. Д.Я. Грибановой. Псков: Псковский государственный университет, 2018. С. 315 – 318.

8. Кропачева Т.Б. Система подготовки будущего учителя к активизации образовательного процесса в начальной школе: дис. ...д-ра пед.наук. М., 2010. 344 с.

9. Моисеева А.Ю. Конфликтологическая компетентность педагога как инструмент воспитания обучающихся // Учитель нового века: взгляд молодого исследователя: Материалы XI Всероссийской студенческой научно-практической конференции: в 2-х ч. Саранск, 30 ноября 2023 года. Саранск: Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева, 2023. С. 365 – 369.

10. Морозова Н.Н., Камаева Ж.М. Развитие эмпатии в процессе профессионального становления студентов // Подготовка педагогических кадров технологического профиля в условиях реиндустриализации региона: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 18-20 апреля 2018 года / Под ред. Е.Е. Ступиной. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2018. С. 165 – 168.

11. Панасюк Н.А. Подготовка будущих учителей начальных классов к воспитательной работе // Начальная школа плюс До и После. 2012. № 8. С. 1 – 2.

12. Гребенникова В.М., Курилина Ю.В., Мальков А.А. и др. Психолого-педагогическое обеспечение информационно-личностной безопасности подрастающего поколения: теоретический и практический аспекты: учебное пособие. Краснодар: ООО «Экоинвест», 2023. 356 с. ISBN 978-5-94215-667-1

13. Разливинских И.Н., Жданова Н.М. Подготовка будущих учителей начальных классов к организации внеурочной деятельности в условиях образовательных стандартов нового поколения [Электронный ресурс] // Мир науки. 2016. Т. 4. № 3. Режим доступа: <http://mir-nauki.com/PDF/16PDMN316.pdf>

14. Хазова С.А., Гребенникова В.М., Ус О.А. и др. Интегративный подход в образовании: частные вопросы теории и методики. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. 253 с. ISBN 978-5-906302-66-3. DOI 10.17748/978-5-906302-66-3.2023.1-254

References

1. Anisimov L.S. The system of pedagogical tasks in the formation of professional competencies of a primary school teacher. Concept: scientific and methodological electronic journal. 2015. Vol. 8. P. 311 – 315. Access mode: <http://e-koncept.ru/2015/65063.htm>

2. Grebennikova V.M., Kazantseva V.A., Us O.A. Ensuring information security in the professional training of students of psychological and pedagogical directions. CITISE. 2020. No. 4 (26). P. 371 – 380. DOI 10.15350/2409-7616.2020.4.32

3. Grebennikova V.M., Kazantseva V.A. Moral Values of Primary School Teachers as the Most Important Factor in Resolving Interpersonal Conflicts in Heterogeneous Student Groups. World of Science, Culture, Education. 2020. No. 6 (85). P. 75 – 79. DOI 10.24412/1991-5500-2020-685-75-79

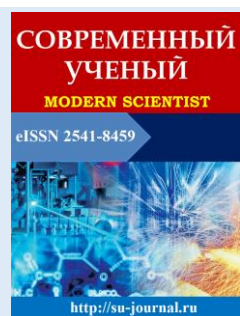
4. Grebennikova V.M., Us O.A. Management of a Comprehensive Model of Organizational and Pedagogical Support for the Spiritual and Moral Development of Students in the Context of the Destructive Influence of Mass Culture: Teaching and Methodological Recommendations for Heads of Educational Organizations. Krasnodar: Non-State Educational Private Institution of Continuing Professional Education "Kuban Multidisciplinary Academy of Training, Retraining, Advanced Training of Specialists", 2019. 139 p. ISBN 978-5-906302-55-7
5. Kazantseva V.A. Formation of conflictological competence of future primary school teachers in the educational process of the university through mediative and educational social therapy (MOST). *Sovremennyy Scientist*. 2024. No. 6. P. 223 – 231. DOI 10.58224/2541-8459-2024-6-223-231
6. Kenda L.V. Analysis of the features of conflictological competence of preschool teachers. Yearbook of the scientific and methodological seminar "Problems of psychological and pedagogical anthropology": Collection of scientific articles. Ed. Egorov I.V., Martyanova G.Yu. Volume Issue. 9. St. Petersburg: OOO "NITs ART", 2019. P. 84 – 92.
7. Kovalevskaya E.V. Conflictological competence as a professionally important personal education of specialists in "helping" professions. Actual problems of personality development in modern society: Proceedings of the International scientific and practical conference. Dedicated to the 115th anniversary of the birth of A.N. Leontiev, Pskov, April 19-20, 2018. Ed. D.Ya. Gribanova. Pskov: Pskov State University, 2018. P. 315 – 318.
8. Kropocheva T.B. The system of preparing future teachers for the activation of the educational process in primary school: dis. ... Doctor of Pedagogical Sciences. Moscow, 2010. 344 p.
9. Moiseeva A.Yu. Conflictological competence of a teacher as a tool for educating students. A teacher of the new century: a view of a young researcher: Proceedings of the XI All-Russian student scientific and practical conference: in 2 parts. Saransk, November 30, 2023. Saransk: Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseev, 2023. P. 365 – 369.
10. Morozova N.N., Kamaeva Zh.M. Development of empathy in the process of professional development of students. Training of pedagogical personnel of a technological profile in the context of reindustrialization of a region: Collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference, Novosibirsk, April 18-20, 2018. Ed. E.E. Stupina. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, 2018. P. 165 – 168.
11. Panasyuk N.A. Preparation of future primary school teachers for educational work. Primary school plus Before and After. 2012. No. 8. P. 1 – 2.
12. Grebennikova V.M., Kurilina Yu.V., Malkov A.A. et al. Psychological and pedagogical support for information and personal security of the younger generation: theoretical and practical aspects: textbook. Krasnodar: OOO Ecoinvest, 2023. 356 p. ISBN 978-5-94215-667-1
13. Razlivinskikh I.N., Zhdanova N.M. Preparation of future primary school teachers for organizing extracurricular activities in the context of new generation educational standards [Electronic resource]. World of Science. 2016. Vol. 4. No. 3. Access mode: <http://mir-nauki.com/PDF/16PDMN316.pdf>
14. Khazova S.A., Grebennikova V.M., Us O.A. et al. Integrative approach in education: particular issues of theory and methodology. Krasnodar: Kuban State University, 2023. 253 p. ISBN 978-5-906302-66-3. DOI 10.17748/978-5-906302-66-3.2023.1-254

Информация об авторах

Казанцева В.А., кандидат педагогических наук, Кубанский государственный университет, cerg.vika@mail.ru

Ус О.А., кандидат педагогических наук, Кубанский государственный университет

© Казанцева В.А., Ус О.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 378.881.1:316.773

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-336-341

Кросс-культурная коммуникация в технической сфере: формирование межкультурной грамотности инженеров и IT-специалистов, работающих в международной среде

¹ Муллахметова Г.Р., ¹ Молостова Е.П., ¹ Ибрагимова Э.Р.,

¹ Рахматуллина Д.Э., ¹ Сидорова Д.Г., ¹ Филиппова Г.Ф.

¹ Казанский государственный энергетический университет

Аннотация: статья посвящена языковому обучению в технических вузах как средству понимания межкультурных различий и пути формирования специалистов, способных эффективно работать в многонациональной команде. В работе рассматриваются основные подходы в трактовке понятия «кросскультурная коммуникация». Описаны составляющие понятия «межкультурная грамотность» и обоснована ее важная роль в формировании современного специалиста. В статье приведена система методико-дидактических практик, применяемых педагогами на занятиях по иностранным языкам в Казанском энергетическом университете. Сделан вывод о том, что дисциплины, связанные с иностранным языком, представляют собой важнейшее средство формирования межкультурной грамотности инженеров и IT-специалистов.

Ключевые слова: кросс-культурная коммуникация, межкультурная грамотность, высшее образование, обучение иностранным языкам, английский язык, методика преподавания иностранного языка

Для цитирования: Муллахметова Г.Р., Молостова Е.П., Ибрагимова Э.Р., Рахматуллина Д.Э., Сидорова Д.Г., Филиппова Г.Ф. Кросс-культурная коммуникация в технической сфере: формирование межкультурной грамотности инженеров и IT-специалистов, работающих в международной среде // Современный ученый. 2025. № 1. С. 336 – 341. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-336-341

Поступила в редакцию: 27 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 29 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Cross-cultural communication in the technical field: the development of cultural literacy for engineers and IT specialists working internationally

¹ Mullakhmetova G.R., ¹ Molostova E.P., ¹ Ibragimova E.R.,

¹ Rakhmatullina D.E., ¹ Sidorova D.G., ¹ Filippova G.F.

¹ Kazan State Power Engineering University

Abstract: the article is devoted to language teaching in technical universities as a means of understanding intercultural differences and the way to form specialists who are able to work effectively in a multinational team. The paper considers the main approaches in the interpretation of the concept of “cross-cultural communication”. The components of the concept of “intercultural literacy” are described and its important role in the formation of a

modern specialist is substantiated. The article presents the system of methodological and didactic practices used by teachers in foreign language classes at Kazan Power Engineering University. It is concluded that foreign language disciplines are the most important means of formation of intercultural literacy of engineers and IT specialists.

Keywords: cross-cultural communication, intercultural literacy, higher education, foreign language teaching, English language, foreign language teaching methodology

For citation: Mullakhmetova G.R., Molostova E.P., Ibragimova E.R., Rakhmatullina D.E., Sidorova D.G., Filipova G.F. Cross-cultural communication in the technical field: the development of cultural literacy for engineers and IT specialists working internationally. Modern Scientist. 2025. 1. P. 336 – 341. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-336-341

The article was submitted: September 27, 2024; Approved after reviewing: November 29, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Межкультурная коммуникация представляет собой явление, при описании которого современные авторы рассматривают различные аспекты взаимодействия культур, этносов и рас [16; 4]. Определение «кросс-культурный» применительно к коммуникации имеет синонимические ряды с более узким значением компонентов, такие как «межэтнический», «межэтносовый», «трансрасовый». Кросс-культурная коммуникация трактуется также как эффективное взаимодействие, или «диалог культур» [11]. Кросс-культурная коммуникация в начале XXI века – это неизбежный процесс активного контакта культур, обусловленный развитием информационной цивилизации.

В целях предпринятого нами практически ориентированного исследования кросс-культурная коммуникация рассматривается как совокупность многообразных форм отношений между отдельными представителями и группами, принадлежащими к разным культурам [1]. Актуальность обращения к вопросам кросс-культурной коммуникации в профессиональной среде возрастает в связи с расширением экономических контактов между странами, а также возможностями дистанционной работы и, как следствие, формированием многонациональных профессиональных групп. Вопросы кросс-культурной коммуникации в образовательном пространстве освещены в работах в Е.Л. Головлевой [1], Т.В. Юрьевой [12], Н.Г. Новиковой, А.А. Поляковой [6], Д.А. Обориной, А.Э. Кривошекова [8], Д.Я. Зак, Л.И. Забара [3] и др.

Материалы и методы исследований

Предметом рассмотрения в данной статье являются, во-первых, значение кросс-культурного разнообразия в профессиональной сфере, во-вторых, структура понятия «кросс-культурная грамотность» применительно к инженерам и IT специалистам, а также соискателям вакансий в

международных компаниях, в-третьих, методико-дидактические способы формирования готовности технического специалиста к межкультурному взаимодействию в рамках изучения иностранного языка в соответствии с вузовской программой. Целью исследования является изучение и описание практических педагогических разработок, дающих возможность эффективного формирования межкультурной грамотности при изучении студентами иностранного языка.

Методическая база исследования представляет собой комплексный подход, включающий анализ теоретических положений, анализ и сопоставление методик, применяемых педагогами на занятиях по иностранным языкам.

Результаты и обсуждения

Цели и средства педагогических и методических разработок по иностранным языкам определяются исходя из теоретических выводов психологов и социологов, сделанных в процессе исследований неоднородных профессиональных команд. При обзоре литературы были сформулированы следующие положения:

1. Присутствие в группе специалистов из стран, отличающихся по экономическим и политическим параметрам, является основой так называемого контекстуального разнообразия и ведет к более успешному решению коллективных профессиональных задач. Широкий спектр знаний и опыта специалистов дает возможность для поиска нетривиальных решений. Наиболее ярко это проявляется в реализации проектов, предусматривающих творческий подход [15].

2. Существуют исследования, показывающие, что принадлежность коллег к разным культурам, возрастным стратам, а также неодинаковая степень владения рабочим языком команды снижают степень доверия внутри группы. Личностные ха-

раактеристики также становятся причиной непонимания и конфликтов [5, 7].

3. Специалисты различных сфер, в том числе IT, ведущие бизнес с зарубежными партнерами, осознают значение навыка межкультурной коммуникации и связывают успешность установления контактов со знаниями об особенностях национальной культуры партнеров [5].

4. Формирование навыка эффективной межкультурной коммуникации включает ряд параметров, подразумевающих фоновые знания о стране партнера, изучение аксиологических характеристик, психологических и социальных аспектов идентичности, характерных для данной культуры [14].

5. Культурная грамотность подразумевает наличие знаний, позволяющих носителю культуры воспринимать эксплицитную и имплицитную информацию, получаемую от окружающих его феноменов, с учетом широкого контекста и многочисленных смыслов, определяемых местом и временем. По выражению Э.Хирша, культурная грамотность «делает нас хозяевами стандартного инструмента познания и коммуникации, таким образом позволяя нам передавать и получать сложную информацию устно и письменно, во времени и пространстве» [14].

6. Компетентность в сфере кросс-культурной коммуникации может быть представлена по уровням, как навык по степени сформированности [13]. С точки зрения методики преподавания иностранного языка, эти уровни соответствуют уровням владения языком от B1 до C2. В методических целях мы выделяем четыре уровня: 1) необходимый для выживания; 2) обеспечивающий начало контактов с чужой культурой; 3) гарантирующий полноценное взаимодействие с другой культурой; 4) позволяющий реализовать свою языковую идентичность при контактах с представителями другой культуры.

7. Непосредственные коммуникативные ситуации, складывающиеся в профессиональном взаимодействии, являются средой, в которой выявляется уровень культурной компетенции инженеров и IT специалистов.

8. Кросс-культурная компетентность представляет собой комплекс из нескольких компетенции (языковая, культурная, коммуникативная).

Применительно к целям данного практически ориентированного исследования мы выделяем в структуре понятия «кросс-культурная грамотность» следующие аспекты: 1) владение одним из языков международного общения; 2) осознание

межкультурных различий представителей разных стран и наций; 3) способность перестраивать поведение с учетом культурного разнообразия в профессиональной среде.

В современном мире, объединенном процессами глобализации, знание английского языка становится не просто необходимым навыком, но и ключом к пониманию культурных различий. Знание языка – это необходимость во время устных и письменных переговоров и интервью, для показа презентаций, участия в международных конференциях, докладов, обсуждений проектов и программного обеспечения. Трейдинг, всевозможные маркетинговые исследования, способы познания страны и культуры также не представляются возможными без языковых навыков. В деловой сфере английский язык – это универсальный инструмент. Китайский и испанский замыкают тройку лидеров самых популярных языков мира [2].

В технических вузах Российской Федерации обучение иностранным языкам играет ключевую роль в подготовке студентов к деятельности в международной профессиональной среде [10].

Далее мы рассмотрим различные методические инструменты, используемые на занятиях по иностранным языкам в Казанском государственном энергетическом университете.

1. Английский как *lingua franca* (это тот язык, который используется для коммуникации людьми, чей родной язык не английский, а любой другой). В группах занимаются студенты из Камеруна, Конго, Сенегала, Китая, Армении, Дагестана, Азербайджана, России. Коммуникация осуществляется на английском языке. Английский язык стал основным средством общения в научной и технической среде. Студенты, изучая английский, получают доступ к международной литературе, исследованиям и конференциям, что способствует лучшему пониманию различных культур и подходов.

2. Кросс-культурные коммуникации.

Изучение языка включает не только грамматику и лексику, но и культурные аспекты. Знание идиом, традиций и обычаев англоговорящих стран помогает студентам лучше понимать контекст общения, что важно для успешного взаимодействия с международными коллегами. Одна из тем, обсуждаемых на занятиях – «Cultural differences between nations». Студенты готовят доклады, выступления, презентации, обмениваются мнениями, обнаруживая сходства и различия в своих культурных кодах.

3. Проектная работа и командные задачи.

Совместные проекты с иностранными студентами или участие в международных конкурсах развивают навыки командной работы и межкультурной коммуникации [9]. Студенты учатся учитывать различные точки зрения и подходы к решению задач, что формирует уважение к культурным различиям. Групповые проекты могут касаться работы по сбору и синтезу информации на заданную тему, к примеру, «Перспективы использования возобновляемых источников энергии».

4. Обсуждение актуальных тем.

На занятиях по английскому языку обсуждаются актуальные социальные, экономические и культурные вопросы. Это помогает студентам осознать разнообразие мнений и подходов, а также развивает критическое мышление.

5. Обмен опытом и стажировки.

Программы обмена и стажировки в международных компаниях позволяют студентам не только улучшить языковые навыки, но и погрузиться в другую культуру. Это уникальная возможность увидеть, как культурные различия влияют на рабочие процессы и взаимодействие в команде.

6. Развитие эмоционального интеллекта.

Понимание культурных различий способствует развитию эмоционального интеллекта. Студенты учатся быть более чуткими к чувствам и ожиданиям других людей, что важно для успешной карьеры в многонациональной среде. Развиваются взаимопомощь, выручка, эмоциональный отклик на проблемы коллег.

Выводы

В технических вузах обучение иностранному языку не ограничивается изучением языковых яв-

лений. Приобретаемые в процессе обучения социально-психологические навыки (soft skills) подразумевают взаимовыгодную коммуникацию, в ходе которой понимание новых культур и их различий выходит на первый план. Студенты уважают и ценят специалистов из разных стран. Целью дисциплины «Иностранный язык» является формирование компетенции осуществлять коммуникацию на иностранном языке в современном мире, где ценится не только квалификация специалиста, но и культура личности, а также готовность работать в современном открытом мире. Все большую популярность получают программы международного образования. Ежегодные туристические поездки – это реалии наших дней, развивается международная торговля, увеличиваются миграционные потоки. Каждый год проводится множество международных конференций с участием представителей различных культурных групп, разных национальностей. Среди составляющих успеха любого вида коммуникации – толерантность и уважение к культуре других народов, преодоление неприязни к их непохожести. Межкультурная грамотность, а также развитие каналов связи и изменение самих форм коммуникации наделяет ее совершенно новыми функциями, изучение и понимание которых становится необходимым для деятельности инженеров и IT специалистов в современных условиях. Среда, эмоциональный интеллект, культурное и коммуникационное пространство формируют человека XXI века. Все вышеперечисленное делает межкультурную коммуникацию одной из важных и интересных тем для изучения и развития.

Список источников

1. Головлева Е.Л. Основы межкультурной коммуникации. М.: Феникс. 2014. 224 с.
2. Десять самых распространенных языков на планете [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/348446/> (дата обращения 14.07.2024)
3. Зак Д.Я., Забара Л.И. Феномен кросс-культурной коммуникации в современном образовательном пространстве // Педагогическое образование в России. 2018. №1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-kross-kulturnoy-kommunikatsii-v-sovremennom-obrazovatelnom-prostranstve> (дата обращения: 30.06.2024)
4. Ильин В.А., Салмина Н.Г., Звонова Е.В. Проблема кросс-культурной коммуникации в зарубежных исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 2022. № 4. С. 92 – 112.
5. Колобкова Н.Н. Кросс-культурные коммуникации в бизнесе // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. № 5-6 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kross-kulturnye-kommunikatsii-v-biznese> (дата обращения: 30.06.2024)
6. Новикова Н.Г., Картунов В.В., Зорина Н.М., Киреевская З.А. К вопросу об обучении студентов вузов межкультурным коммуникациям: методический аспект // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2016. № 1 С. 60 – 65. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-obuchenii-studentov-vuzov-mezhkulturnym-kommunikatsiyam-metodicheskiy-aspekt> (дата обращения: 03.07.2024)

7. Пирогова А.Е., Боташева А.К. Организационные конфликты: кросс-культурные аспекты // International scientific review. 2015. № 8 (9) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnye-konflikty-kross-kulturnye-aspekty> (дата обращения: 02.07.2024)
8. Полякова А.А., Оборина Д.А., Кривошеков А.Э. Формирование кросс-культурных компетенций у студентов как условие социальной и профессиональной адаптации на мировых рынках // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5-3 (80). С. 213 – 217.
9. Рахматуллина, Д.Э. Проектный метод в преподавании иностранного языка в техническом вузе // Внедрение научных исследований в образовательный процесс вуза: материалы II Международного Круглого стола, посвященного Дню преподавателя высшей школы, Казань, 18 ноября 2022 года. Казань: Казанский государственный энергетический университет, 2023. С. 57 – 62.
10. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fgosvpo.ru> (дата обращения 23.06.2024)
11. Чернобровкина И.В. Лингвистическое понимание терминов межкультурная коммуникация и кросс-культурная коммуникация // Science Time. 2023. № 11 (118) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskoe-ponimanie-terminov-mezhkulturnaya-kommunikatsiya-i-kross-kulturnaya-kommunikatsiya> (дата обращения: 30.06.2024)
12. Юрьева Т.В. Проблема кросс-культурных коммуникаций в аспекте практико-ориентированных педагогических технологий // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 104 – 107. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-kross-kulturnyh-kommunikatsiy-v-aspekte-praktiko-orientirovannyh-pedagogicheskikh-tehnologiy> (дата обращения: 01.08.2024)
13. Hirsch E.D. A first dictionary of cultural literacy What our children need to know. Boston: Houghton, Mifflin, 1989. 370 p.
14. Hirsch E.D., Kett J.F., Trefil J. The dictionary of cultural literacy. Boston: Houghton Mifflin co. 1988. [Electronic resource]. URL: https://books.google.ru/books/about/The_Dictionary_of_Cultural_Literacy.html?hl=ru&id=cFEYAAAAIAAJ&redir_esc=y (date of treatment: 10.08.2024)
15. Taras V., Dan Baack, Dan Caprar, Alfredo Jiménez, Fabian Froese Research: How Cultural Differences Can Impact Global Teams [Electronic resource]. URL: <https://hbr.org/2021/06/research-how-cultural-differences-can-impact-global-teams> (date of treatment: 10.08.2024)
16. Trager G., Hall E. Culture as Communication: A Model and Analysis. New York: Explorations: Studies in Culture and Communication. 1954. № 3. P. 137 – 149 [Electronic resource]. URL: https://books.google.ru/books?id=e4oiAQAAIAAJ&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (date of treatment: 14.08.2024)

References

1. Golovleva E.L. Fundamentals of Intercultural Communication. Moscow: Phoenix. 2014. 224 p.
2. The Ten Most Common Languages on the Planet [Electronic resource]. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/348446/> (accessed 14.07.2024)
3. Zak D.Ya., Zabara L.I. The Phenomenon of Cross-Cultural Communication in the Modern Educational Space. Pedagogical Education in Russia. 2018. No. 1 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-kross-kulturnoy-kommunikatsii-v-sovremennom-obrazovatelnom-prostranstve> (date accessed: 30.06.2024)
4. Ilyin V.A., Salmina N.G., Zvonova E.V. The problem of cross-cultural communication in foreign studies. Bulletin of Moscow University. Series 14, Psychology. 2022. No. 4. P. 92 – 112.
5. Kolobkova N.N. Cross-cultural communications in business. Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. No. 5-6 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kross-kulturnye-kommunikatsii-v-biznese> (date of access: 30.06.2024)
6. Novikova N.G., Kortunov V.V., Zorina N.M., Kireenkova Z.A. On the issue of teaching university students intercultural communications: a methodological aspect. Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service. 2016. No. 1. P. 60 – 65. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-obuchenii-studentov-vuzov-mezhkulturnym-kommunikatsiyam-metodicheskii-aspekt> (date of access: 03.07.2024)

7. Pirogova A.E., Botasheva A.K. Organizational conflicts: cross-cultural aspects. International scientific review. 2015. No. 8 (9) [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnye-konflikty-kross-kulturnye-aspekty> (date of access: 02.07.2024)
8. Polyakova A.A., Oborina D.A., Krivoshekov A.E. Formation of cross-cultural competencies in students as a condition for social and professional adaptation in world markets. International journal of humanitarian and natural sciences. 2023. No. 5-3 (80). P. 213 – 217.
9. Rakhmatullina, D.E. Project Method in Teaching a Foreign Language in a Technical University. Implementation of Scientific Research in the Educational Process of the University: Proceedings of the II International Round Table Dedicated to the Day of Higher Education Teachers, Kazan, November 18, 2022. Kazan: Kazan State Power Engineering University, 2023. P. 57 – 62.
10. Federal State Educational Standards of Higher Education [Electronic resource]. URL: <http://www.fgosvpo.ru> (accessed June 23, 2024)
11. Chernobrovkina I.V. Linguistic Understanding of the Terms Intercultural Communication and Cross-Cultural Communication. Science Time. 2023. No. 11 (118) [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskoe-ponimanie-terminov-mezhkulturnaya-kommunikatsiya-i-kross-kulturnaya-kommunikatsiya> (date of access: 30.06.2024)
12. Yuryeva T.V. The problem of cross-cultural communications in the aspect of practice-oriented pedagogical technologies. Yaroslavl pedagogical bulletin. 2015. No. 5. P. 104 – 107. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-kross-kulturnyh-kommunikatsiy-v-aspekte-praktiko-orientirovannyh-pedagogicheskikh-tehnologiy> (date of access: 01.08.2024)
13. Hirsch E.D. A first dictionary of cultural literacy What our children need to know. Boston: Houghton, Mifflin, 1989. RUR 370.
14. Hirsch E.D., Kett J.F., Trefil J. The dictionary of cultural literacy. Boston: Houghton Mifflin co. 1988. [Electronic resource]. URL: https://books.google.ru/books/about/The_Dictionary_of_Cultural_Literacy.html?hl=ru&id=cFEYAAAAIAAJ&redir_esc=y (date of treatment: 10.08.2024)
15. Taras V., Dan Baack, Dan Caprar, Alfredo Jiménez, Fabian Froese Research: How Cultural Differences Can Impact Global Teams [Electronic resource]. URL: <https://hbr.org/2021/06/research-how-cultural-differences-can-impact-global-teams> (date of treatment: 08/10/2024)
16. Trager G., Hall E. Culture as Communication: A Model and Analysis. New York: Explorations: Studies in Culture and Communication. 1954. No. 3. P. 137 – 149 [Electronic resource]. URL: https://books.google.ru/books?id=e4oiAQAAMAAJ&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (date of treatment: 08/14/2024)

Информация об авторах

Муллахметова Г.Р., кандидат филологических наук, доцент, Казанский государственный энергетический университет, gulya032@yandex.ru

Молостова Е.П., кандидат филологических наук, доцент, Казанский государственный энергетический университет, m-helen@yandex.ru

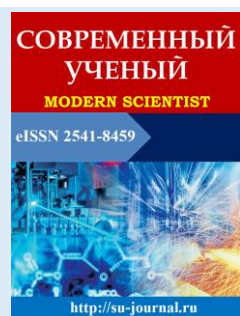
Ибрагимова Э.Р., доктор филологических наук, профессор, Казанский государственный энергетический университет, zamelma@list.ru

Рахматуллина Д.Э., кандидат филологических наук, доцент, Казанский государственный энергетический университет, dinush77@mail.ru

Сидорова Д.Г., кандидат политических наук, доцент, Казанский государственный энергетический университет, dina.g.sidorova@yandex.ru

Филиппова Г.Ф., кандидат политических наук, доцент, Казанский государственный энергетический университет, gulnphil@yandex.ru

© Муллахметова Г.Р., Молостова Е.П., Ибрагимова Э.Р., Рахматуллина Д.Э., Сидорова Д.Г., Филиппова Г.Ф., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 378.147

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-342-349

Модель разработки дистанционной педагогической технологии профессиональной подготовки будущих учителей физической культуры

¹ Сандаков В.Е.

¹ *Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета*

Аннотация: в статье представлена структурно-функциональная модель разработки дистанционной педагогической технологии подготовки будущих учителей физической культуры. Модель состоит из целевого, теоретико-методологического, дидактико-технологического, результативно-оценочного блоков. Целевой блок играет ключевую роль в оценке влияния работы учителя по физической культуре, формируя четкую структуру взаимодействия и конкретизацию элементов педагогической модели. Теоретико-методологический который включает в себя личностно-ориентированного, компетентностного, практико-ориентированного подходов. Основываясь на данных подходах, выявлены ключевые принципы модели дистанционных образовательных технологий в подготовке будущих учителей по физической культуре. Эти принципы нацелены на улучшение качественных показателей и академической успешности студентов в рамках онлайн-обучения. Они не только расширяют и дополняют рамки традиционной образовательной парадигмы, но и обеспечивают непрерывную связь и взаимодополнение между стационарным и онлайн форматами, подчеркивая уникальность и специфику обучения на расстоянии. Дидактико-технологический блок модели представлен дистанционной педагогической технологией в профессиональной подготовке будущих учителей физической культуры, включающей педагогические условия: образовательные среды и дидактические средства. Результативно-оценочный блок направлен на реализацию проверочных механизмов, целью которых является определение эффективности реализуемых инициатив в рамках взаимодействия участников образовательного процесса. Для анализа степени заинтересованности в образовательном процессе и уровня развития необходимых навыков у будущих преподавателей физкультуры были выделены критерии: мотивационный, операциональный и когнитивный. Данная модель реализуется в рамках учебной дисциплины «Легкая атлетика с методикой преподавания», где осуществляется оценка четырех степеней формирования профессионально значимых навыков и знаний.

Ключевые слова: физическая культура, структурно-функциональная модель, дистанционная технология, профессиональная подготовка

Для цитирования: Сандаков В.Е. Модель разработки дистанционной педагогической технологии профессиональной подготовки будущих учителей физической культуры // Современный ученый. 2025. № 1. С. 342 – 349. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-342-349

Поступила в редакцию: 3 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 1 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Model for the development of distance pedagogical technology for professional training of future physical education teachers

¹ Sandakov V.E.

¹ *Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Professional Pedagogical University*

Abstract: the article presents a structural and functional model for developing a distance pedagogical technology for training future physical education teachers. The model consists of target, theoretical and methodological, didactic and technological, and result-evaluation blocks. The target block plays a key role in assessing the impact of a physical education teacher's work, forming a clear structure of interaction and specifying the elements of the pedagogical model. Theoretical and methodological block includes personality-oriented, competence-based, and practice-oriented approaches. Based on these approaches, the key principles of the model of distance educational technologies in training future physical education teachers are identified. These principles are aimed at improving the quality indicators and academic success of students in online learning. They not only expand and complement the framework of the traditional educational paradigm, but also ensure continuous communication and complementarity between the stationary and online formats, emphasizing the uniqueness and specificity of distance learning. The didactic and technological block of the model is presented by distance pedagogical technology in the professional training of future physical education teachers, including pedagogical conditions: educational environments and didactic tools. The result-evaluation block is aimed at implementing verification mechanisms, the purpose of which is to determine the effectiveness of the initiatives being implemented within the framework of interaction between participants in the educational process. To analyze the degree of interest in the educational process and the level of development of the necessary skills among future physical education teachers, the following criteria were identified: motivational, operational and cognitive. This model is implemented within the framework of the academic discipline "Athletics with Teaching Methods", where an assessment of four degrees of formation of professionally significant skills and knowledge is carried out.

Keywords: physical education, structural and functional model, distance learning technology, professional training

For citation Sandakov V.E. Model of development of distance pedagogical technology of professional training of future physical education teachers. Modern Scientist. 2025. 1. P. 342 – 349. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-342-349

The article was submitted: October 3, 2024; Approved after reviewing: December 1, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Применение цифровых технологий на расстоянии в контексте традиционного образования позволяет разрабатывать инновационные учебные подходы. Однако, обучение определённых предметов исключительно через дистанционные средства не представляется возможным. Как пример, курсам по физической подготовке требуется прямое присутствие и взаимодействие.[1].

Студенты, готовящиеся к профессии преподавателей физической культуры, в ходе их образовательного процесса должны освоить ключевые теоретические и практические компетенции в данной области, чтобы эффективно передавать свои навыки и знания ученикам. В современном обучении однако, классические методики уже не могут

обеспечить полноценное усвоение всего необходимого спектра знаний. Интеграция последних разработок в области образовательных технологий в процесс подготовки кадров по физической культуре способствует:

- стимулировать интерес учащихся к учебным занятиям;
- стимулировать заинтересованность и привлекательность образовательных предметов;
- минимизировать временные затраты на освоение учебного предмета.

Материалы и методы исследований

Создание дистанционных обучающих технологий в области подготовки будущих специалистов по физической культуре обеспечило нас возможностью логически структурировать учебный про-

цесс. Применение метода моделирования дало возможность глубоко анализировать и визуализировать разработанную модель.

Модель разработки дистанционной педагогической технологии в рамках обучения будущих специалистов по физической культуре включает структурированную образовательную систему, основанную на применении информационных технологий. Это направлено на обеспечение студентов необходимыми знаниями, развитие практических навыков, укрепление профессиональных и ключевых компетентностей, а также стимуляцию к активному участию в образовательном процессе.

Результаты и обсуждения

В исследовании представлена модель разработки дистанционной педагогической технологии профессиональной подготовки будущих учителей физической культуры, которая представлена совокупностью взаимосвязанных блоков (табл. 1).

Целевой блок играет ключевую роль в оценке влияния работы преподавателя по физической культуре, формируя четкую структуру взаимодействия и конкретизации элементов педагогической модели. Главная задача исследования – создание онлайн-методики для эффективной подготовки к будущей профессиональной деятельности преподавателей физкультуры.

Теоретико-методологический блок, раздел включает в себя обзор методологических подхо-

дов. Особое внимание уделено личностно-ориентированному, компетентностному и практико-ориентированному подходам.

Личностно-ориентированный подход ориентирован на создание оптимальных условий для индивидуального роста, объединяя ряд инструментов, стратегий и структур для адаптивного образовательного процесса. Включает в себя интеграцию образовательных стратегий, нацеленных на индивидуализацию учебного процесса для развития моторных навыков, улучшения физической подготовки, а также наращивание необходимого теоретического и практического багажа в рамках онлайн-формата обучения.

Компетентностный подход ориентирован на создание условий в рамках дистанционного обучения, которые способствуют достижению образовательных принципов, целей и содержания, направленных на развитие успешных педагогов по физической культуре. Этот подход предусматривает формирование и передачу профессиональных умений, знаний и навыков учителем своим ученикам.

Практико-ориентированный подход фокусируется на использовании техник, стратегий, процессов и инструментов, целью которых является культивирование у студентов навыков и умений, необходимых для практической работы, в контексте дистанционного образования.

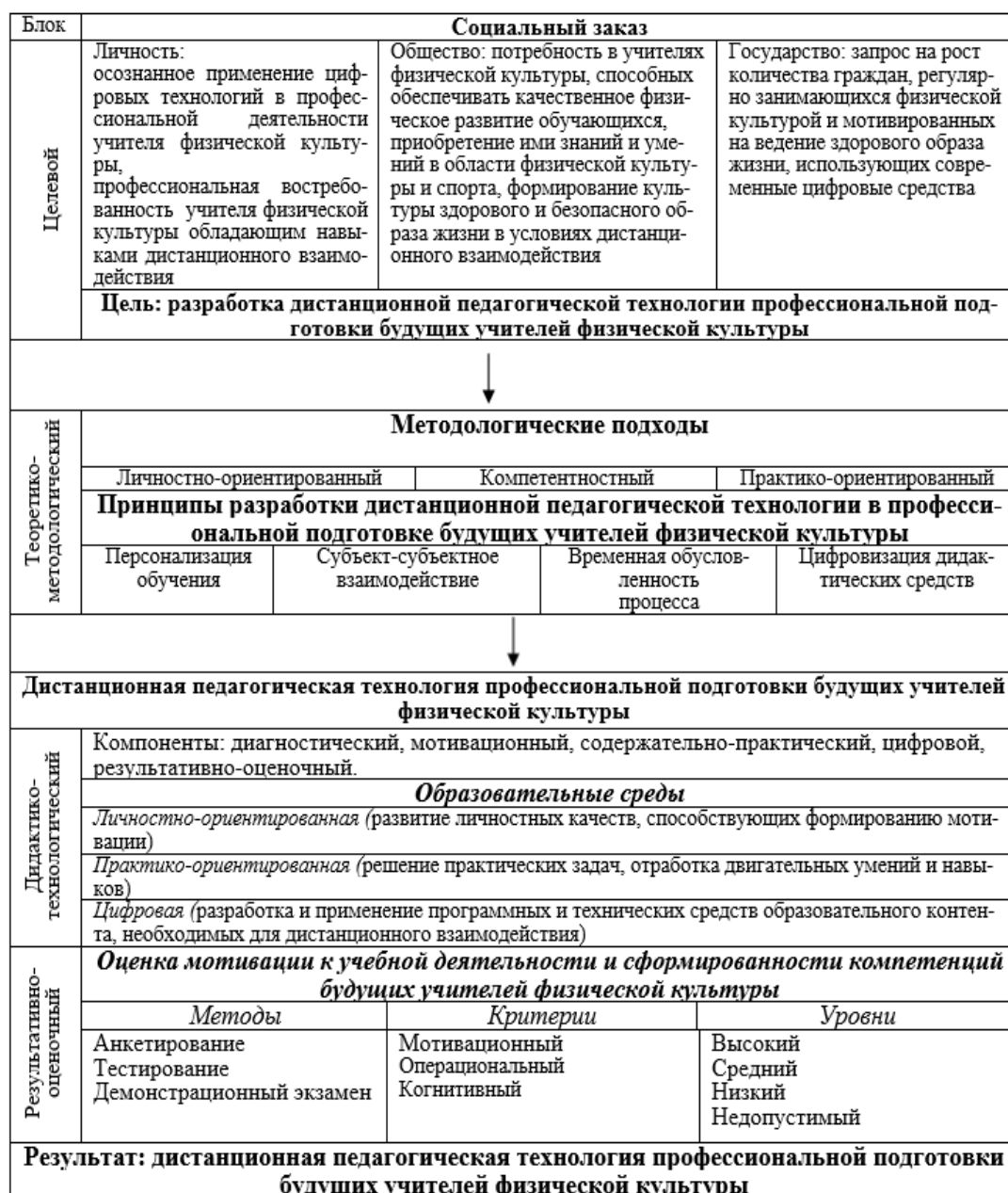

Рис. 1. Структурно-функциональная модель разработки дистанционной педагогической технологии профессиональной подготовки будущих учителей физической культуры.

Fig. 1. Structural and functional model for the development of distance pedagogical technology for the professional training of future physical education teachers.

Основываясь на данных подходах, выявили ключевые принципы модели дистанционных образовательных технологий в подготовке будущих учителей по физической культуре.

– *принцип персонализации обучения (индивидуализация)* основан на психологии и педагогике, согласно которой мозг каждого человека уникален [6]. Роль преподавателя состоит в том, чтобы всемерно поддерживать своеобразие учебно-познавательной деятельности каждого студента,

его рассуждений, выражения мыслей, способов взгляда на проблемы и т.д.

Индивидуальное обучение – это образовательный метод, который фокусируется на обучении в соответствии с сильными сторонами, потребностями, навыками и интересами каждого учащегося. Для каждого студента разрабатывается индивидуальная траектория – учебный план, основанный на том, что он знает и при каких условиях может полностью реализовать свой потенциал.

Персонализация помогает учащимся контролировать себя ответственность за свое обучение. Адаптивные, поддерживающие и доступные стратегии обучения должны быть важной частью персонализированного обучения. В этом смысле продуктивную роль играет учебная аналитика (Learning Analytics), которая в настоящее время «встроена» в ведущую систему управления дистанционным обучением (Learning Management System – LMS) [8]. Аналитика обучения помогает отслеживать и корректировать цифровые следы, адаптировать индивидуальные пути обучения на основе успеваемости, стремлений и целей учащихся. Персонализация с помощью учебной аналитики позволяет отображать «модальность» личного пути учащегося, которая может сочетаться с разными методами и формами обучения, например, проектным обучением в малых группах и самостоятельной работой, конкретные навыки и умения, а также обсуждать сложные вопросы предмета синхронно с преподавателем [2].

Принцип персонализации включает в себя систему сбора электронных следов и отслеживания успеваемости учащихся. Здесь могут быть использованы разные модели мониторинга: на основе основных идей и концепций курса, на основе приоритетных компетенций профессионального обучения студента, комбинированное отслеживание.

– *принцип субъект-субъектного взаимодействия*, который строится на идее равенства восприятия истин между участниками общения, представляет собой диалогичную форму обмена мнениями. Этот подход акцентирует внимание на партнере по диалогу, проявляется через динамично меняющуюся, труднопредсказуемую манеру взаимодействия и отклика, где механизм обратной связи играет ключевую роль: человек внимательно слушает, откликается и корректирует свое поведение в зависимости от реакции собеседника [4]. Этот способ общения, основанный на принципах гуманистической парадигмы, способствует процессу самооткрытия и самореализации личности [5]. Понимание себя как субъекта деятельности и восприятие окружающих таким же образом, позволяют каждому педагогу придерживаться стратегии продуктивного взаимодействия, что способствует созданию условий для всестороннего развития всех участников образовательного процесса [7].

– *принцип временной обусловленности процесса* подразумевает способность к обратимому перемещению в рамках учебного материала, что дает возможность ретроспективного или прогрессивно-

го осмысления изучаемых событий. Это подразумевает признание времени как измерения, обладающего свойством направленности, или векторности, в контексте образовательной динамики. Данное движение по времени может принимать различные формы, включая не только прямую и обратную последовательность, но и расходящееся от центра распределение. Субъективные восприятия времени, позволяющие ментальные возвраты в прошлое, контрастируют с абсолютной необратимостью физического времени. В контексте педагогики, такая особенность времени используется для реализации стратегий переобучения и коррекции поведения.

– *принцип цифровизации дидактических средств* основан на психолого-педагогических законах, согласно которым использование различных моделей подачи информации, гипертекста, мультимедийных средств и динамических изображений способствует активизации индивидуальной и коллективной учебно-познавательной деятельности учащихся [3]. Данный принцип является своеобразным водоразделом между традиционным и дистанционным обучением. Если одним из ведущих принципов традиционного образования был принцип учебной деятельности, то, похоже, в дистанционном обучении он превратился в «интерактивный» принцип. Разработка новых методов обучения на основе современных информационно-коммуникационных технологий позволяет осуществлять общение преподавателей и студентов в виртуальных классах, форумах и конференциях на различных платформах теле- и видеокommunikации (Google Meet, Zoom, Microsoft Teams).

Принцип цифровизации дидактических средств оказывает непосредственное влияние на учебные материалы. Новые информационные и коммуникационные технологии позволяют использовать средства визуализации образовательной информации, как никогда ранее. Виртуальная визуализация дополняет традиционные принципы визуализации и основывается на психолого-педагогических принципах, согласно которым, если визуализация в обучении выполняет не только зрительные, но и когнитивные функции с помощью динамической визуализации, эффективность усвоения повышается.

Использование новых информационных и коммуникационных технологий в образовательном процессе естественно рассматривать как постоянный поиск путей повышения *мобильности* и адаптивности процесса обучения к особенностям и потребностям конечного пользователя – студента.

Таким образом, единство личностно-ориентированного, компетентностного и практико-ориентированного подходов в развитии профессиональной подготовки будущих учителей физической культуры позволяет моделировать элементы будущей профессиональной деятельности учителя физической культуры.

Дидактико-технологический блок модели представлен дистанционной педагогической технологии в профессиональной подготовке будущих учителей физической культуры, включающей педагогические условия: образовательные среды и дидактические средства.

Дидактико-технологический блок включает в себя основные компоненты дистанционной технологии: используемые средства в профессиональной подготовке будущих учителей физической культуры, представленные диагностическими, мотивационными, содержательно-практическими средствами, с возможностью передачи в «цифре» для дистанционного взаимодействия, описание содержания субъект-субъектного взаимодействия преподавателя и студента и совокупность личностно-ориентированной, практико-ориентированной, цифровой образовательных сред.

Личностно-ориентированная образовательная среда способствует самоопределению студента как уникальной личности, способствуя его индивидуальному развитию, формированию сознательности и взаимопонимания собственного потенциала. Эта среда направлена на раскрытие персональных качеств учащегося, его стремление к самореализации, утверждению в социальной среде через выбор жизненного пути, соответствующего личностным устремлениям и общественным ожиданиям. Параллельно, он укрепляет стремление студента к непрерывному развитию в профессиональной сфере, к творческому самовыражению и к активному обогащению своих знаний и умений в рамках выбранной специализации.

Практико-ориентированная образовательная среда ориентированна на применение теории на практике, обеспечивает развитие прикладного опыта студентов через взаимодействие с кураторами профессиональных стажировок и преподавателями, способствуя при этом освоению важных практических умений и компетенций.

Цифровая образовательная среда выступает ключевым элементом в формировании интерактивной учебной атмосферы, позволяя участникам образовательного процесса мгновенно обмениваться обратной связью, адаптироваться под актуальные потребности учащихся, учитывая их физи-

ческое и психоэмоциональное состояние. Технологии дают возможность для более целенаправленной мотивационной поддержки, стремления к достижению высоких результатов в учебе и спорте, а также предоставляют инструменты для детализированного анализа и корректировки выполненной работы.

Результативно-оценочный блок направлен на реализацию проверочных механизмов, целью которых является определение эффективности реализуемых инициатив в рамках взаимодействия участников образовательного процесса. Этот сегмент интегрирует в себя критерии для оценивания и различные уровни развития компетенций будущих специалистов в области физической культуры. Для оценки мотивации к учебной деятельности рекомендуется использование методики диагностики учебной мотивации студентов (А.А. Реан и В.А. Якунин, модификация Н.Ц. Бадмаевой); для оценки уровней сформированности компетенций будущих учителей физической культуры – элементы демонстрационного экзамена.

Для анализа степени заинтересованности в образовательном процессе и уровня развития необходимых навыков у будущих преподавателей физкультуры были выделены критерии: мотивационный, который касается влечения и стремлений к обучению; операциональный, относящийся к практическому применению знаний; и когнитивный, связанный с умственными способностями и знанием предмета.

Определяющим фактором развитости мотивационного аспекта в профессиональных компетенциях учителя по физической культуре служит уровень его мотивированности к осуществлению своих профессиональных обязанностей.

Операциональная составляющая включает в себя арсенал двигательных умений и навыков, способствующих достижению высокой степени физического развития, готовности и мастерства педагога по физической культуре.

Когнитивная составляющая отражает уровень усвоения теоретических знаний и практических навыков в области физкультуры, вместе с интеграцией индивида в комплексный подход к здоровому образу жизни, его компоненты, готовность к осуществлению и продвижению данного образа жизни.

Студенты представляют ключевой сегмент занятия по физическому воспитанию, специализирующегося на атлетических дисциплинах, в рамках курса «Легкая атлетика с методикой преподавания». Осуществляется оценка четырех степеней

формирования профессионально значимых навыков и знаний, необходимых для будущих специалистов в области физической культуры.

Высокий уровень – компетенции развиты (критерии компетентности определены). Проявляется глубокое осознание теоретических принципов прикладной работы.

Средний уровень – навыки развиты до уровня, когда основные элементы компетенции четко определены. Хорошее овладение теорией, необходимой для выполнения практических задач.

Низкий уровень – компетенция развита (формулировки компетенции определены). Выражается осознание теоретического фундамента прикладных задач.

Недопустимый уровень – отсутствует развитие компетенции (дефицит дескрипторов компетенции).

Выводы

Моделирование процесса разработки дистанционной педагогической технологии профессиональной подготовки будущих учителей физиче-

ской культуры выявило взаимосвязи между компонентами процесса на различных уровнях: целевом, теоретическом и методологическом, дидактическом и технологическом, а также на уровне оценки результатов. В рамках теоретико-методологического раздела изучалась интеграция методологических подходов (личностно-ориентированного, компетентностного, практико-ориентированного) и основополагающих принципов, ставших фундаментом для создания дистанционной образовательной программы для предстоящих преподавателей физкультуры. Эта связь делает возможным реализацию физкультурного образования в дистанционном формате. В дидактико-технологической части освещаются образовательные стратегии и медиа, используемые в программе. Блок результирующих оценок внедряет структурированные методы оценки учебной мотивации и уровня компетенций будущих преподавателей физкультуры, что обеспечивает обратную связь по эффективности дистанционного педагогического курса.

Список источников

1. Бордовский П.Г. Создание дистанционного обучения в образовательном учреждении сферы физической культуры и спорта // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2018. № 1. С. 61 – 63.
2. Кувшинов С. M-learning – новая реальность образования // Высшее образование в России. 2007. № 8. С. 75 – 78.
3. Кулешова Г.М. Содержание и организация индивидуальной деятельности учащихся в дистанционном обучении: дис. ... канд. пед. наук. М., 2009. 240 с.
4. Нартова-Бочавер С. Психология личности и межличностных отношений. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001
5. Рассказова А.Л. Проблема «субъект-субъектных» и «субъект-объектных» отношений в педагогической деятельности // Вестник экономической интеграции / под ред. Л.Ф. Колесникова. М., 2014. № 2. С. 153 – 156
6. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии: учебное пособие. М.: Народное образование, 1998. 256 с.
7. Сергеева А.Д. Особенности субъект-субъектного взаимодействия членов педагогического коллектива // Молодой ученый. 2016. № 1 (105). С. 756 – 758.
8. Koole M., Janice L., McQuilkin and Mohamed Ally Mobile Learning in Distance Education: Utility or Futility? // International Journal of E-Learning & Distance Education. 2010. Vol. 24. № 2. P. 59 – 82.

References

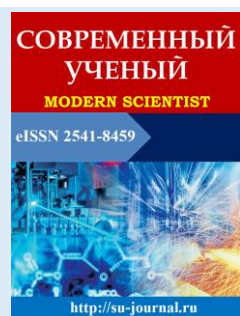
1. Bordovsky P.G. Creation of distance learning in an educational institution in the field of physical education and sports. Physical education: upbringing, education, training. 2018. No. 1. P. 61 – 63.
2. Kuvshinov S. M-learning - a new reality of education. Higher education in Russia. 2007. No. 8. P. 75 – 78.
3. Kuleshova G.M. Content and organization of individual activities of students in distance learning: dis. ... Cand. Ped. Sciences. Moscow, 2009. 240 p.
4. Nartova-Bochaver S. Psychology of personality and interpersonal relationships. Moscow: EKSMO-Publishing House, 2001
5. Rasskazova A.L. The Problem of "Subject-Subject" and "Subject-Object" Relations in Pedagogical Activity. Bulletin of Economic Integration. edited by L.F. Kolesnikov. Moscow, 2014. No. 2. P. 153 – 156

6. Selevko G.K. Modern Educational Technologies: Study Guide. Moscow: Narodnoe Obrazovanie, 1998. 256 p.
7. Sergeeva A.D. Features of Subject-Subject Interaction of Members of the Teaching Staff. Young Scientist. 2016. No. 1 (105). Pp. 756 – 758.
8. Koole M., Janice L., McQuilkin and Mohamed Ally Mobile Learning in Distance Education: Utility or Futility? International Journal of E-Learning & Distance Education. 2010. Vol. 24. No. 2. P. 59 – 82.

Информация об авторе

Сандаков В.Е., старший преподаватель, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1084-4851>, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета, 622031, Свердловская область, город Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57, v.sandakoff@yandex.ru

© Сандаков В.Е., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 373.24

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-350-356

Развитие творческого воображения у детей старшего дошкольного возраста в условиях современного образовательного пространства

¹ Гордеева В.В., ¹ Лисина А.Д., ¹ Целовальникова О.С.

¹ Пензенский государственный университет

Аннотация: в статье говорится о том, что творческое воображение играет важную роль в развитии детей старшего дошкольного возраста. Его развитие способствует формированию креативных навыков, которые жизненно важны в современном мире: дети учатся находить нестандартные решения, генерировать идеи и мыслить в альтернативных направлениях, что помогает им стать более гибкими и адаптированными в различных ситуациях. В данной статье авторы рассматривают понятие творческого воображения и дают характеристику инструментам его развития у детей старшего дошкольного возраста в современных условиях образовательной системы детского сада. Современные условия образования оказывают значительное влияние на выбор методов и форм организации работы по развитию творческого воображения у старших дошкольников. Также в статье обозначены наиболее эффективные технологии, которые могут быть использованы педагогами детского сада в работе над развитием творческого воображения старших дошкольников. Более подробно авторы останавливаются на характеристике такого инструмента развития творческого воображения у детей старшего дошкольного возраста, используемого в современном образовательном пространстве, как занятия в мультстудии. Также в работе приводятся аргументы относительно ценности использования мультипликации в образовательной деятельности по выбранному направлению исследования. Кроме того, авторы останавливаются на описании условий, которые следует соблюдать педагогам, чтобы создать мультстудию в детском саду и применять детскую деятельность в ней с целью развития творческого воображения у старших дошкольников.

Ключевые слова: творческое воображение, дети старшего дошкольного возраста, детский сад, мультимедийные технологии, мультстудия, дошкольная образовательная организация

Для цитирования: Гордеева В.В., Лисина А.Д., Целовальникова О.С. Развитие творческого воображения у детей старшего дошкольного возраста в условиях современного образовательного пространства // Современный ученый. 2025. № 1. С. 350 – 356. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-350-356

Поступила в редакцию: 3 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 3 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

The development of creative imagination in older preschool children in the conditions of modern educational space

¹ Gordeeva V.V., ¹ Lisina A.D., ¹ Tselovalnikova O.S.

¹ Penza State University

Abstract: the article says that creative imagination plays an important role in the development of older preschool children. Its development contributes to the formation of creative skills that are vital in the modern world: children learn to find non-standard solutions, generate ideas and think in alternative directions, which helps them become more flexible and adapted to various situations. In this article, the authors consider the concept of creative imagination and characterize the tools of its development in older preschool children in modern conditions of the kindergarten educational system. Modern educational conditions have a significant impact on the choice of methods and forms of organization of work on the development of creative imagination in older preschoolers. The article also identifies the most effective technologies that can be used by kindergarten teachers in working on the development of the creative imagination of older preschoolers. In more detail, the authors focus on the characteristics of such a tool for the development of creative imagination in older preschool children, used in the modern educational space, as classes in a cartoon studio. The paper also provides arguments regarding the value of using animation in educational activities in the chosen field of research. In addition, the authors focus on describing the conditions that teachers should follow in order to create a cartoon studio in kindergarten and apply children's activities in it in order to develop creative imagination in older preschoolers.

Keywords: creative imagination, older preschool children, kindergarten, multimedia technologies, cartoon studio, preschool educational organization

For citation: Gordeeva V.V., Lisina A.D., Tselovalnikova O.S. The development of creative imagination in older preschool children in the conditions of modern educational space. Modern Scientist. 2025. 1. P. 350 – 356. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-350-356

The article was submitted: October 3, 2024; Approved after reviewing: December 3, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Дошкольное образование направлено на формирование у детей предпосылок учебной деятельности [1]. Современный первоклассник, в идеале, должен владеть хорошо развитым творческим воображением. Это связано с тем, что творческое воображение помогает детям не просто запоминать информацию, но и анализировать ее. Оно позволяет им задавать вопросы, находить разные подходы к решению задач и рассматривать проблемы с разных точек зрения.

В связи с этим развитие творческого воображения у детей старшего дошкольного возраста является одной из важнейших задач современных образовательных учреждений. Актуальность изучения воображения и креативности обусловлена также снижением, по имеющимся данным, творческой активности у современных детей [9]. В условиях стремительных изменений в образовательной среде, вызванных инновациями в применяемых технологиях, возникает необходимость

поиска эффективных подходов к формированию и развитию творческих способностей у детей в период дошкольного детства.

Творческое воображение – это не только важный компонент креативности, но и основа для формирования личностного потенциала ребенка, который будет определять его способность к самовыражению, решению нестандартных задач и к адаптации в быстро меняющемся мире. В дошкольном возрасте, когда дети активно познают окружающий мир, имеют возможность экспериментировать и высказывать свои идеи, необходимо создать условия, способствующие раскрытию их внутреннего творческого потенциала [3].

Современное образовательное пространство детского сада предлагает новые методы и технологии, направленные на поддержку и развитие творческого начала у детей. Использование проектного обучения, активных игровых технологий, работа в группах и интеграция различных образовательных областей способствуют созданию атмос-

сферы, в которой дети могут свободно проявлять свои идеи, фантазию и творчество.

В данном контексте важно учитывать индивидуальные особенности каждого ребенка, его эмоциональное состояние и потребности, что позволяет лучше организовать образовательный процесс с дошкольниками и добиться более значительных результатов в развитии творческого воображения. Следовательно, исследование методов и приемов, направленных на развитие творческих способностей у детей старшего дошкольного возраста, является не только необходимым, но и актуальным в условиях изменяющегося образовательного пространства.

Материалы и методы исследований

С целью осуществления исследования по обозначенной тематике были применены такие методы, как анализ, обобщение и систематизация имеющихся психолого-педагогических трудов, посвященных проблеме творческого воображения и специфики его становления и развития у детей в период старшего дошкольного возраста, а также методы интерпретации полученной из теоретических источников информации. Для получения целостного представления о методических приемах, используемых в работе над развитием творческого воображения у детей старшего дошкольного возраста в образовательном пространстве детского сада и роли данной психической функции в формировании личности, способной нормально функционировать в современном мире, был также проведен обзор методических разработок по данной тематике. Это позволило выявить основные технологии, которые могут использовать педагоги дошкольного образования в работе по данному направлению. Также на основе конкретизации проанализированной информации было относительно инновационных технологий образовательного процесса в детском саду, было сделано обоснование возможности и эффективности занятий в мультстудии, служащих одним из современных инструментов развития творческого воображения у старших дошкольников.

Результаты и обсуждения

В целом воображение можно рассматривать как способность к перекомбинированию образов. Дж. Гилфорд под творческим воображением понимает систему различных факторов, расположенных внутри общей схемы интеллекта [7]. Главным направлением в развитии воображения является формирование его продуктивности. Особенность этого процесса заключается в том, что содержание одного объекта выражается через содержание дру-

гого, что приводит к изменению формы представления реальности.

Воображение дошкольников можно охарактеризовать как очень мощное, так как образы, возникающие в нем в этот возрастной период и передаваемые через игры, рассказы и сказки, отличаются яркостью и динамичностью. Эти образы могут быть близки к реальности [6].

Существует множество форм, методов и приемов работы с детьми по данному направлению. К инновационным педагогическим методикам творческого развития воспитанников, которые возможно эффективно применять в педагогическом процессе дошкольной образовательной организации (ДОО), можно отнести:

- 1) проектную технологию;
- 2) технологию развития изобразительной и художественно-творческой деятельности;
- 3) арт-технологию;
- 4) технологию детского дизайна;
- 5) мультимедийные технологии;
- 6) игровые технологии;
- 7) STEM-технологию [4].

Особый интерес для нас представляют мультимедийные технологии, используемые в работе с дошкольниками. Предоставляя разнообразные возможности для обучения и самовыражения, они способствуют:

- интерактивности и визуализации;
- разнообразию форматов и медиа;
- стимулированию командной работы.

С помощью мультимедийных технологий дети могут создавать собственные мультимедийные проекты, например, простые анимации, слайд-шоу или видеоролики. Это требует от них не только творческого подхода, но и навыков планирования, организации и реализации своих идей. Процесс создания подобных проектов дает детям возможность экспериментировать с формами, цветом и звуком, совершенствуя тем самым их креативные способности. В качестве одного из инструментов мультимедийных технологий, который можно использовать в работе над развитием творческого воображения у детей старшего дошкольного возраста, мы предлагаем рассмотреть создание мультфильмов дошкольниками.

Мультипликация – это не только увлекательное занятие для детей, но и естественный способ стимулировать их творческую активность и развивать мышление. Мультипликация позволяет детям реализовать свою потребность творить и создает возможности для создания собственных произведений искусства с помощью компьютера – инстру-

мента, который в современном мире знаком и доступен каждому [8].

Мультфильмы – это не только развлечение, но и мощный образовательный инструмент с широкими педагогическими возможностями. Они способствуют гармоничному развитию детей в дошкольном возрасте, охватывая множество сфер. Во-первых, они расширяют представления об окружающем мире, знакомя юных зрителей с новыми понятиями, явлениями и различными социальными ситуациями. Это обогащает их словарный запас, а также помогает научиться лучше ориентироваться в окружающей действительности.

Во-вторых, мультфильмы служат прекрасным образцом поведения, способствуя социализации детей. Они учат малышей посредством подражания, поскольку герои мультфильмов часто демонстрируют как положительные, так и отрицательные модели поведения, что позволяет детям осознать результаты различных действий и научиться делать правильные выборы в жизни.

В-третьих, мультфильмы способствуют формированию у дошкольников оценочного отношения к окружающему миру. Они развивают критическое мышление и помогают лучше понимать причинно-следственные связи. Сюжетные повороты и конфликты, представленные в мультфильмах, позволяют детям анализировать происходящие события, выстраивать логические цепочки и делать выводы.

Кроме того, мультфильмы играют важную роль в развитии эстетического вкуса и чувства юмора. Яркие образы, креативные решения и комические ситуации вносят разнообразие в мировосприятие детей, помогая формировать их чувства и эмоции.

Наконец, мультфильмы удовлетворяют эмоциональные потребности детей, предоставляя им возможность переживаний и идентификации с персонажами. Они могут вызвать широкий спектр эмоций – от радости до грусти, что позволяет дошкольникам научиться понимать и выражать свои чувства более глубоко. Таким образом, мультфильмы не только развлекают, но и обогащают внутренний мир детей, поддерживая их всестороннее развитие [5].

Создание мультстудии в ДОО открывает широкие возможности для творчества не только детей, но и педагогов, а также родителей, еще на этапе ее организации. Для реализации такого проекта необходимо приложить немало усилий. В одиночку воспитателям будет сложно создать мультстудию в ДОО, поэтому разумно будет привлечь к этому процессу родителей, как активных участников проекта [2].

По своей сути мультстудия – это передовая технология, в которой применяются мультимедийные и технические средства. Она основана на идее совместной творческой работы ребенка и взрослого над созданием уникального продукта – «мультфильма» [10].

Для создания мультстудии в ДОО необходимо:

1) освободить уголок или помещение, где будет размещена мультстудия и необходимые для работы в ней материалы и оборудование;

2) оборудование:

– компьютеры или планшеты с необходимыми программами для создания анимации;

– если планируется создание стоп-моушн анимации, потребуется камера или веб-камера;

– для распечатки материалов и вспомогательных материалов;

– микрофоны и наушники для записи звуковых эффектов и озвучивания;

3) материалы:

– художественные материалы (бумага, краски, фломастеры, карандаши, глина для создания персонажей и декораций);

– картинки и фоны (наборы для построения сцен или фоны для анимации);

4) программное обеспечение:

– программы для анимации (например, Toontastic, Stop Motion Studio или аналогичные);

– графические редакторы (Paint или GIMP, которые помогут для создания или корректировки персонажей и фонов).

Работа в мультстудии, как правило, осуществляется в групповом формате. Группы могут быть как разновозрастными, так и смешанными. В разновозрастных группах дети учатся и помогают друг другу. Старшие дошкольники делятся своими навыками и опытом, а младшие – своей непосредственностью и творческими идеями. Одновозрастные группы создают атмосферу единства и сотрудничества между родителями и детьми, позволяя создать настоящую творческую команду [8].

Работа в мультстудии играет важную роль в развитии творческого воображения у детей 5-7 лет, поскольку способствует:

– свободе самовыражения;

– развитию фантазии;

– формированию навыков командного взаимодействия;

– становлению понимания мультимедиа;

– стимулированию любопытства;

– личностному развитию.

В мультстудии дети имеют возможность реализовать свои идеи через различные творческие

формы, такие, как рисование, лепка, создание анимации и написание сценариев. Это позволяет им выражать свои мысли и чувства свободно и естественно.

Педагогическая ценность мультипликации заключается в универсальности её языка. Он позволяет создать полноценную систему комплексного развивающего обучения для детей всех возрастов. Занимаясь мультипликацией, ребенок приобретает разносторонний опыт в различных видах деятельности. Процесс создания мультфильмов вызывает интерес к окружающему миру, что побуждает детей задавать вопросы, исследовать и экспериментировать, открывая новые горизонты знаний и навыков.

Работа в мультстудии для детей 5-7 лет может быть увлекательной и полезной, но важно соблюдать определенные правила для обеспечения безопасности и эффективности обучения. Перечислим некоторые из них:

- 1) обеспечение безопасного рабочего пространства без острых предметов;
- 2) использование простых технических устройств и программ для легкости освоения;
- 3) объяснение инструкций простым языком, чтобы дети могли легко их понять;
- 4) внедрение игрового подхода на основе использования сказочных сюжетов и персонажей;
- 5) поощрение креативности и самостоятельного развития сюжетов;
- 6) стимулирование групповой работы для общения и развития социальных навыков;
- 7) поддержка всех детей в их творческом проявлении;
- 8) чередование разных видов деятельности, таких, как рисование, анимация, лепка и пр., для удержания внимания;
- 9) поощрение детей за достижения, даже если результат не идеален;
- 10) стимуляция обсуждения завершенных проектов и их результатов;
- 11) учет мнения каждого ребенка и их уникальности при разработке проектов;
- 12) установка разумных временных лимитов, чтобы предотвратить усталость.

Итак, являясь современным инструментом в работе педагогов с детьми старшего дошкольного возраста, мультстудию можно поистине считать многофункциональным пространством для творческого самовыражения каждого ребенка, которое служит эффективным средством активизации и обогащения творческого воображения дошкольников. Однако ее значение не ограничивается

только этим аспектом: создание мультфильмов также играет ключевую роль в формировании таких важнейших навыков, как сотрудничество, критическое мышление и эмоциональная грамотность у детей в период старшего дошкольного возраста. Кроме того, благодаря занятиям в мультстудии старшие дошкольники учатся эффективно взаимодействовать друг с другом, что развивает их командный дух и умение работать в группе. Они становятся более отзывчивыми к мнениям других, учатся уважать их разнообразие и осознают ценность совместных усилий в достижении общей цели. Это немаловажно в формировании современной личности.

Выводы

Обобщение представленных материалов позволяет выделить следующие ключевые моменты успешного развития творческого воображения у детей старшего дошкольного возраста, как:

- стимулирование детского любопытства (важно поддерживать естественную любознательность ребенка, задавая открытые вопросы и предлагая сложные задачи, которые требуют вдумчивого подхода);
- разнообразие подходов (педагоги должны быть готовы к гибкости в своих методах работы, применению различных подходов в зависимости от интересов и потребностей детей);
- обратная связь (постоянная обратная связь помогает детям понять, что их идеи важны, а также позволяет им корректировать свои подходы к решению поставленных задач).

Работа педагогов детского сада над развитием творческого воображения у детей старшего дошкольного возраста играет важную роль в подготовке будущих школьников. Существует множество современных технологий, эффективных форм и методов, которыми педагоги могут овладеть и успешно применять в своей работе по данному направлению. Конечно, многие воспитатели по-прежнему применяют в своей работе лишь традиционные методы, но мы полагаем, что в будущем большее предпочтение будет отдаваться инновационным и современным технологиям, поскольку эффективность их применения в работе с дошкольниками постоянно растет. Так, например, занятия в мультстудии являются отличным инструментом в работе по развитию творческого воображения у современных дошкольников.

Работа над развитием и обогащением творческого воображения детей старшего дошкольного возраста в условиях современного образовательного пространства ДОО представляет собой мно-

гокомпонентный процесс, требующий активности и вовлеченности со стороны педагогов, родителей и, конечно, самих детей. Создание разнообразной и поддерживающей среды, где каждый ребенок может свободно исследовать и выражать свои идеи, является ключом к формированию креатив-

ного и успешного человека. Современные методы и подходы не только помогают развить навыки воображения, но и готовят детей к многообразным вызовам, которые ожидают их на пути к взрослой жизни.

Список источников

1. Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ (ред. от 22.06.2024) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.06.2024). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/?ysclid=m3p4ii11sq50675086
2. Анофриков П.И. Принципы работы детской студии мультипликации. Учебное пособие для тех, кто хочет создать детскую студию мультипликации / Авт.-сост. П.И. Анофриков. Новосибирск: детская киностудия «Поиск», 2011. 43 с.
3. Вязова А.В., Смирнова Н.Б. Развитие воображения у дошкольников в процессе художественно-творческой деятельности // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2019. №5. С. 123 – 129.
4. Инновационные технологии творческого развития воспитанников ДОО: методические рекомендации / Авт.-сост. Ю.Н. Зимина. Мурманск: ГАУДПО МО «Институт развития образования», 2020. 38 с.
5. Киреева Т.Ю., Мезенцева Н.А. Организация работы детской мультстудии для позитивной социализации детей старшего дошкольного возраста // LIII международная научная конференция «Педагогическое мастерство». 2023. С. 1 – 6.
6. Кокорина Е.А. Развитие творческого воображения детей старшего дошкольного возраста // Вопросы студенческой науки. 2022. №1 (65). С. 223 – 227.
7. Питенко С.В., Пономарева О.А. Развитие творческого воображения у детей старшего дошкольного возраста в процессе работы с природным материалом // Научное обозрение. 2021. № 2. С. 32 – 36.
8. Рекомендации по работе с детьми в студии мультипликации / Авт.-сост. Е.Р. Тихонова. Новосибирск: детская киностудия «Поиск», 2011. 59 с.
9. Чурбанова С.М., Леонтьева А.А. Развитие воображения и креативности у дошкольников: теоретический анализ современных исследований // Современное дошкольное образование. 2019. № 6 (96). С. 70 – 78.
10. Ширяева О.В. Мультстудия как инновационный метод развития дошкольников в ДОУ // Вопросы дошкольной педагогики. 2021. № 11 (48). С. 36 – 40.

References

1. Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ (as amended on 22.06.2024) "On Education in the Russian Federation" (as amended and supplemented, entered into force on 23.06.2024). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/?ysclid=m3p4ii11sq50675086
2. Anofrikov P.I. Principles of operation of a children's animation studio. A tutorial for those who want to create a children's animation studio. Auth.-compiler P.I. Anofrikov. Novosibirsk: children's film studio "Poisk", 2011. 43 p.
3. Vyazova A.V., Smirnova N.B. Development of imagination in preschoolers in the process of artistic and creative activity. Bulletin of the ChSPU named after I. Ya. Yakovlev. 2019. No. 5. P. 123 – 129.
4. Innovative technologies for the creative development of preschoolers: methodological recommendations. Auth.-compiler Yu.N. Zimina. Murmansk: GAUDPO MO "Institute for the Development of Education", 2020. 38 p.
5. Kireeva T.Yu., Mezentsseva N.A. Organization of the work of a children's animation studio for the positive socialization of senior preschool children. LIII international scientific conference "Pedagogical mastery". 2023. P. 1 – 6.
6. Kokorina E.A. Development of creative imagination of senior preschool children. Issues of student science. 2022. No. 1 (65). P. 223 – 227.
7. Pitenko S.V., Ponomareva O.A. Development of creative imagination in senior preschool children in the process of working with natural material. Scientific review. 2021. No. 2. P. 32 – 36.

8. Recommendations for working with children in an animation studio. Auth.-compiler E.R. Tikhonova. Novosibirsk: children's film studio "Poisk", 2011. 59 p.

9. Churbanova S.M., Leontyeva A.A. Development of imagination and creativity in preschoolers: a theoretical analysis of modern research. Modern preschool education. 2019. No. 6 (96). P. 70 – 78.

10. Shiryayeva O.V. Cartoon Studio as an Innovative Method of Preschoolers Development in Preschool Educational Institutions. Issues of Preschool Pedagogy. 2021. No. 11 (48). P. 36 – 40.

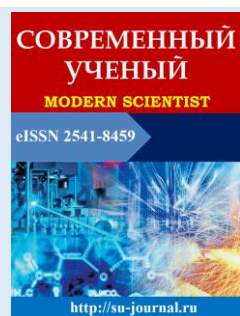
Информация об авторах

Гордеева В.В., кандидат педагогических наук, доцент, Пензенский государственный университет

Лисина А.Д., Пензенский государственный университет

Целовальникова О.С., Пензенский государственный университет

© Гордеева В.В., Лисина А.Д., Целовальникова О.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 373.23

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-357-363

Развитие познавательных и интеллектуальных способностей детей дошкольного возраста посредством использования развивающей предметно-пространственной среды «Фиолетовый лес»

¹ Куликова А.С., ¹ Сычёва М.В.

¹ Пензенский государственный университет

Аннотация: в статье обобщён опыт использования развивающей технологии В.В. Воскобовича с применением игр и пособий серии «Сказки Фиолетового леса» в образовательном процессе с детьми дошкольного возраста.

Статья посвящена вопросам развития познавательных и интеллектуальных способностей детей дошкольного возраста через использование развивающей предметно-пространственной среды «Фиолетовый лес». В исследовании рассматриваются педагогические подходы, которые способствуют оптимизации образовательного процесса, а также методы создания предметно-пространственной среды, стимулирующей интерес и мотивацию детей к обучению. Особое внимание уделено значимости игровой деятельности как основного средства познания окружающего мира и развития креативности у детей.

Основная цель статьи состоит в анализе влияния развивающей среды на формирование познавательных навыков у детей. В рамках этой цели определены следующие задачи: 1) определить особенности и компоненты предметно-пространственной среды «Фиолетовый лес»; 2) изучить педагогические подходы, способствующие развитию познавательных способностей через игру и исследование; 3) оценить эффективность использования данной среды для формирования креативности и инициативы у детей дошкольного возраста.

Особое внимание уделено значимости игровой деятельности как основного средства познания окружающего мира и развития креативности у детей.

Ключевые слова: дети дошкольного возраста, предметно-развивающая среда «Фиолетовый лес», познавательные способности, интеллектуальные способности

Для цитирования: Куликова А.С., Сычёва М.В. Развитие познавательных и интеллектуальных способностей детей дошкольного возраста посредством использования развивающей предметно-пространственной среды «Фиолетовый лес» // Современный ученый. 2025. № 1. С. 357 – 363. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-357-363

Поступила в редакцию: 4 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Development of cognitive and intellectual abilities of preschool children through the use of the developing subject-spatial environment "Purple forest"

¹ Kulikova A.S., ¹ Sycheva M.V.

¹ Penza State University

Abstract: the article summarizes the experience of using V.V. Voskobovich's developing technology with the use of games and manuals of the series "Tales of the Purple Forest" in the educational process with preschool children. The article is devoted to the development of cognitive and intellectual abilities of preschool children through the use of the developing object-spatial environment "Purple Forest". The study examines pedagogical approaches that contribute to the optimization of the educational process, as well as methods for creating a subject-spatial environment that stimulates the interest and motivation of children to learn. Special attention is paid to the importance of play activity as the main means of learning about the world and developing creativity in children.

The main purpose of the article is to analyze the influence of the developing environment on the formation of cognitive skills in children. Within the framework of this goal, the following tasks are defined: 1) to identify the features and components of the subject-spatial environment "Purple Forest"; 2) to study pedagogical approaches that promote the development of cognitive abilities through play and research; 3) to evaluate the effectiveness of using this environment to form creativity and initiative in preschool children.

Special attention is paid to the importance of play activity as the main means of learning about the world and developing creativity in children.

Keywords: preschool children, the subject-developing environment "Purple forest", cognitive abilities, intellectual abilities

For citation: Kulikova A.S., Sycheva M.V. Development of cognitive and intellectual abilities of preschool children through the use of the developing subject-spatial environment "Purple forest". Modern Scientist. 2025. 1. P. 357 – 363. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-357-363

The article was submitted: October 4, 2024; Approved after reviewing: December 5, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Дошкольный возраст представляет собой ключевой этап в развитии человека, когда закладываются основы познавательной активности, социальной адаптации и эмоционального интеллекта [9]. В это время дети активно воспринимают окружающий мир, формируют первые представления о нем и развивают способности, которые будут существенно влиять на их дальнейшее обучение и жизнь. В свете этого, задача формирования познавательных и интеллектуальных способностей становится одним из приоритетных направлений в дошкольном образовании.

В современных условиях, когда образовательные программы ориентированы на развитие креативности и инициативности у детей, возникает необходимость создания таких сред, которые смогли бы максимально поддерживать и стимулировать детскую активность, любознательность и стремление к познанию. Одним из таких подходов является создание развивающей предметно-пространственной

среды, которая приводит к созданию условий для активного обучения через игру и исследовательскую деятельность [6].

Развивающая предметно-пространственная среда «Фиолетовый лес» представляет собой уникальную технологию, направленную на создание пространства, способствующего многообразию взаимодействий между детьми, педагогами и окружающей природой. Название «Фиолетовый лес» символизирует яркость, уникальность и атмосферу волшебства, которая должна вызывать интерес и вдохновение у детей. Эта среда организована таким образом, чтобы каждый элемент – будь то предметы для игры, природные материалы, цветовые акценты или различные зоны деятельности – максимально привлекал внимание детей и становился объектом для исследования и экспериментов [7].

В рамках данной статьи мы ставим перед собой цель проанализировать «события и активности», происходящие в «Фиолетовом лесу», и их влияние на развитие познавательных способностей детей

дошкольного возраста. Для достижения этой цели мы планируем изучить ключевые компоненты этой среды, рассмотреть применяемые педагогические подходы и методы, а также оценить, каким образом такая среда способствует формированию у детей критического мышления, творческих способностей и социальной активности.

Особое внимание в процессе исследования будет уделено игровым методам, которые обеспечивают детям возможность не только усваивать знания, но и применять их на практике в рамках дружеского и доверительного общения друг с другом. Игра является естественным способом познания для детей и через нее они учатся не только взаимодействовать с предметами, но и осваивать социальные роли, формировать моральные качества и развивать эмоциональный интеллект [1].

Таким образом, наше исследование направлено на демонстрацию значимости создания развивающей предметно-пространственной среды для успешного формирования познавательных и интеллектуальных способностей детей, а также на выявление наиболее эффективных подходов к организации образовательного процесса в дошкольных образовательных организациях. Это может послужить основой для дальнейших исследований и разработки рекомендаций для педагогов и воспитателей, стремящихся создать оптимальные условия для развития ребенка в его первые годы жизни.

Материалы и методы исследований

В рамках статьи, посвященной развитию познавательных и интеллектуальных способностей детей дошкольного возраста посредством использования развивающей предметно-пространственной среды «Фиолетовый лес», были применены различные методы и материалы, позволяющие глубже изучить влияние данной среды на обучаемость и развитие детей.

Для проведения исследования применялись теоретические методы – анализ педагогической, учебно-методической литературы, статей исследователей и практиков системы образования, специализированные интернет-ресурсы по проблеме исследования.

В исследовании использовались разнообразные материалы, отражающие философию и концепцию развивающей предметно-пространственной среды:

1. Природные материалы: деревья, камни, листья и другие элементы природы, которые способствуют сенсорному восприятию и развитию воображения.

2. Игровые персонажи и игрушки: разнообразные фигурки и игрушки, представляющие собой

животных, сказочных персонажей, способствующие свободной игре и ролевым взаимодействиям.

3. Творческие материалы: музыкальные инструменты, художественные принадлежности (краски, пластилин), конструкторы, используемые для создания различных проектов и художественных работ.

4. Документация: педагогические планы, инструкции и методические рекомендации, разработанные для обучения педагогов внедрению данной среды в образовательный процесс.

Таким образом, сочетание различных методов исследования и богатый выбор материалов обеспечили комплексный подход к анализу влияния развивающей предметно-пространственной среды «Фиолетовый лес» на развитие познавательных и интеллектуальных способностей детей дошкольного возраста. Данные подходы позволили получить достоверные результаты и рекомендации для дальнейшего применения в практике дошкольного образования.

Результаты и обсуждения

Развивающая предметно-пространственная среда «Фиолетовый лес» представляет собой уникальную концепцию, направленную на создание образовательного пространства, в котором дети могут активно участвовать в процессе обучения через игру и исследование [4]. Название «Фиолетовый лес» символизирует атмосферу волшебства и вдохновения, где каждый элемент среды способствует развитию познавательной активности. Эта среда объединяет в себе природные компоненты, яркие цветовые решения и игровые элементы, создавая пространство для многогранного взаимодействия детей [2].

В обсуждении результатов выделяются несколько ключевых аспектов. Во-первых, среда «Фиолетовый лес» продемонстрировала свою эффективность как инструмент для интеграции различных способов обучения, включая игру, экспериментирование и творческую деятельность. Во-вторых, следует подчеркнуть значимость роли педагога, который создает условия для активного познания и направляет детей, способствуя нахождению ответов на возникающие вопросы. Подготовка воспитателей, ознакомление их с концепцией развивающей среды и методами ее реализации являются критически важными для успешного внедрения данных практик [5].

Кроме того, важным аспектом является вовлечение родителей в образовательный процесс. Родители, активно участвующие в создании среды и образовательных активностях, могут существенно по-

влиять на мотивацию и заинтересованность детей. Обмен опытом между педагогами и родителями способствует формированию единой образовательной среды, в которой детям легче адаптироваться и развиваться.

Одним из ключевых аспектов «Фиолетового леса» является его многообразие. В этом пространстве могут быть представлены различные зоны: экологическая, сенсорная, творческая, ролевых игр и многое другое. Каждая из этих зон наполнена специальными предметами и материалами, которые стимулируют детей исследовать, экспериментировать и взаимодействовать друг с другом. Например, в экологической зоне дети могут учиться через работу с растениями и природными материалами, в то время как в творческой зоне они могут создавать искусство с помощью красок, бумаги и других художественных материалов [10].

В рамках данной среды могут быть применены различные педагогические подходы. Во-первых, игровой метод занимает особое место, так как игра является естественным способом, через который дети познают мир [3]. В «Фиолетовом лесу» игры могут принимать разные формы: от ролевых игр, развивающих воображение и эмоциональные навыки, до настольных игр, стимулирующих логическое мышление [8]. Вместе с тем, проектный метод поощряет детей к совместной работе над различными проектами, что учит их работать в команде, обсуждать идеи и выстраивать выводы на основе совместного опыта.

Кроме того, исследовательский подход позволяет помещать детей в центр образовательного процесса, где они могут задавать вопросы, формулировать гипотезы и находить ответы на них через практическую активную деятельность. Важно, чтобы педагог создавал атмосферу свободы и доверия, позволяя детям исследовать и экспериментировать с материалами, не боясь ошибок.

Влияние развивающей среды «Фиолетовый лес» на интеллектуальное развитие детей является многогранным. В первую очередь, такая среда способствует развитию познавательных процессов: внимания, памяти, мышления и восприятия. Каждый элемент игрового процесса направлен на то, чтобы дети могли успешно управлять своими навыками, развивая их через практические задания и творчество. Например, работа с природными материалами развивает сенсорное восприятие, а решение логических задач в игре способствует формированию аналитических навыков.

Кроме того, наличие различных игровых элементов в среде «Фиолетовый лес» может значи-

тельно повысить мотивацию детей к обучению. Увлеченные игрой, дети меньше сосредотачиваются на постоянных оценках и страхе неудачи, вместо этого они учатся принимать вызовы, преодолевать трудности и находить радость в процессе обучения. В конечном счете, это формирует у них уверенность в своих способностях и желание учиться.

Поддержка со стороны родителей также играет ключевую роль в формировании этой взаимосвязи. Родители, вовлеченные в процесс обучения и создания развивающей среды, могут значительно повлиять на мотивацию и интерес детей. Таким образом, обмен опытом между педагогами и родителями способствует формированию единой образовательной среды, в которой ребенку легче адаптироваться и одновременно развивать все сферы своей личности.

Создание развивающей предметно-пространственной среды «Фиолетовый лес» имеет множество преимуществ для формирования взаимосвязи между интеллектуальной, эмоциональной и социальной сферой. Это подчеркивает необходимость интеграции игровых элементов в обучение и важность целостного подхода к образованию, что в свою очередь поможет подготовить детей к успешной социализации и обучению в будущем.

Не менее важно отметить, что такая предметно-пространственная среда способствует социальной адаптации. Дети учатся взаимодействовать друг с другом, устанавливать дружеские связи и работать в коллективе. Это становится особенно актуальным в контексте формирования эмоционального интеллекта, который помогает детям понимать и выражать свои чувства, а также распознавать эмоции других людей.

Стоит отметить, воспитатели играют ключевую роль в успешной реализации концепции развивающей предметно-пространственной среды «Фиолетовый лес». Их задача заключается не только в создании и поддержании этой среды, но и в активном вовлечении детей в образовательный процесс. Воспитатели могут использовать различные подходы и стратегии для максимального эффекта от работы в данной среде.

Во-первых, важно, чтобы воспитатели были хорошо подготовлены и осведомлены о принципах работы с развивающей средой. Это включает в себя знание особенностей возрастного развития детей, а также умений и навыков, которые они должны развивать. Профессиональное обучение и семинары могут помочь педагогам освоить методы организации игрового и исследовательского процесса, что

позволит более эффективно использовать потенциал «Фиолетового леса».

Во-вторых, воспитателям необходимо быть гибкими и адаптивными, готовыми подстраиваться под интересы и запросы детей. Важно наблюдать за детьми, отмечать их увлечения и на основе этого планировать занятия, которые будут интересны и актуальны для них. Например, если группа детей проявляет интерес к теме природы, воспитатель может организовать проекты, связанные с наблюдением за растениями или животными в «Фиолетовом лесу», что углубит их знания и понимание окружающего мира.

Кроме того, воспитатели должны активно использовать элементы игры в образовательном процессе. Игровая деятельность способствует развитию не только познавательных, но и социальных навыков. Воспитатели могут организовывать ролевые игры и командные задания, которые подразумевают сотрудничество, общение и решение проблем. Это поможет детям развивать как критическое мышление, так и эмоциональный интеллект [3].

Также важно стимулировать совместную деятельность детей в группе. Воспитатели могут создавать условия для обмена опытом и совместного решения задач, что формирует у детей навыки общения и взаимодействия. При этом воспитатель должен активно поддерживать инициативы детей, поощрять их идеи и находить способы их реализации. Создание пространства, где каждое мнение и идея имеют значение, способствует развитию уверенности у детей и готовности к сотрудничеству.

Наконец, воспитатели могут активно взаимодействовать с родителями и вовлекать их в образовательный процесс, как было изложено ранее. Семейные мероприятия, где родители и дети могут совместно участвовать в играх и проектах, не только укрепляют связь между домом и детским садом, но и способствуют созданию единой образовательной среды. Воспитатели могут делиться с родителями методами и подходами, которые они используют в «Фиолетовом лесу», чтобы родители могли продолжать развивать познавательные способности ребенка и дома.

В целом результаты исследования, проведенного в среде «Фиолетовый лес», подтверждают, что создание развивающей предметно-пространственной среды обладает множеством преимуществ с точки зрения развития познавательных и интеллектуальных способностей детей. Данные результаты открывают новые горизонты для дальнейших исследований в области дошкольного образования и

подчеркивают необходимость интеграции игровых элементов в обучающий процесс, что, в свою очередь, способствует более полной подготовке детей к успешной социализации и обучению в будущем.

Таким образом, развивающая предметно-пространственная среда «Фиолетовый лес» представляет собой мощный инструмент для формирования познавательных и интеллектуальных способностей детей дошкольного возраста. Эта среда, основанная на игровом подходе и взаимодействии, создает оптимальные условия для активного обучения, где каждый ребенок может раскрыть свой потенциал, развивая креативность, инициативность и критическое мышление. В дальнейшем, формирование таких навыков в раннем возрасте положительно скажется на учебной деятельности и социальной адаптации детей в будущем.

Выводы

В результате проведенного исследования можно сделать несколько ключевых выводов, касающихся влияния развивающей предметно-пространственной среды «Фиолетовый лес» на развитие познавательной сферы детей дошкольного возраста.

Во-первых, использование такой среды значительно повышает уровень познавательной активности у детей. Повышение мотивации к обучению и исследованию окружающего мира стало заметно благодаря тому, что среда предлагает разнообразные возможности для игры и экспериментирования. Внедрение элементов природы и уникальных игровых зон стимулирует детское мышление и привлекает внимание к новым знаниям.

Во-вторых, среда «Фиолетовый лес» способствует развитию критического мышления и способности самостоятельной добычи знаний. Дети активно участвуют в поиске ответов на свои вопросы, исследуя окружающее пространство. Экспериментальные задания, проводимые в такой среде, побуждают малышей анализировать, обобщать и делать выводы, что является основополагающим для формирования познавательной активности.

В-третьих, важным аспектом является то, что развивающая среда положительно влияет на развитие социальных навыков, которые также имеют значительное отношение к познавательной сфере. Взаимодействие в групповых играх и проектах способствует умению детей работать в команде, обсуждать идеи и принимать решения вместе. Это создает условия для совместного решения проблем, что является важной частью познавательной деятельности.

Кроме того, активно организованная предметно-пространственная среда облегчает процесс усвое-

ния знаний через множественные каналы восприятия – зрительный, слуховой и тактильный. Это позволяет детям не только получать информацию, но и осмысливать ее, связывать с личным опытом, что, в свою очередь, способствует более глубокому и осознанному пониманию изучаемого материала.

В заключение, создание развивающей предметно-пространственной среды, подобной «Фиолетовому лесу», является эффективным инструментом для массового внедрения в систему дошкольного

образования, направленным на развитие познавательной сферы детей. Такой подход не только формирует у детей основы знаний об окружающем мире, но и развивает важные навыки, необходимые для их дальнейшего обучения и социализации. Интеграция игрового элемента в образовательный процесс позволяет создать оптимальные условия для гармоничного развития каждого ребенка и своевременного формирования его познавательных способностей.

Список источников

1. Адрова Т.Н., Радина И.И. Использование игровой технологии В. Воскобовича в детском саду // Педагогическая наука и практика. 2018. № 1 (19). С. 83 – 85.
2. Алпатова Н.С., Марченко Е.С., Фролова С.В. Предметно-развивающая среда как средство познавательного развития ребёнка дошкольного возраста // Социальная педагогика в России. Научно-методический журнал. 2024. № 4. С. 53 – 64.
3. Беляева Е.А. Развивающая предметно-пространственная среда как условие развития игровой деятельности детей старшего дошкольного возраста // *Cognitio Rerum*. 2024. № 4. С. 47 – 50.
4. Бобылева Т.В. «Фиолетовый лес» как необходимый элемент предметно-пространственной развивающей среды // Дошкольная педагогика. 2016. № 1 (116). С. 50 – 53.
5. Варибрус А.О. Из опыта работы с развивающей предметно-пространственной средой «Фиолетовый лес» // Системная трансформация – основа устойчивого инновационного развития. сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 2021. С. 272 – 274.
6. Василенко Н.М., Стативко Е.А., Брусенская Н.Н. Инновационная развивающая предметно-пространственная среда «Фиолетовый лес» в интеллектуально-творческом развитии младших дошкольников в соответствии с ФГОС ДО // Инновационные педагогические технологии: материалы X Междунар. науч. конф. Казань: Молодой ученый, 2020. С. 10 – 17.
7. Завьялова М.В., Морозова Г.В., Часовская Е.Ю. Развитие познавательного интереса у детей дошкольного возраста средствами развивающей предметно-пространственной среды // VII Всероссийский съезд работников дошкольного образования. Сборник статей съезда. Под редакцией И.М. Логвиновой. М., 2022. С. 112 – 118.
8. Развивающие игры Воскобовича: сборник методических материалов / под ред. В.В. Воскобовича, Л.С. Вакуленко. М.: ТЦ Сфера, 2015. 127 с.
9. Федеральная образовательная программа дошкольного образования: приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 25 ноября 2022 г. № 1028 «Об утверждении федеральной образовательной программы дошкольного образования». М.: Мозаика-Синтез, 2023. 253 с.
10. Фиолетовый лес. Развивающая предметно-пространственная среда: методическое пособие / под редакцией В.В. Воскобовича и др. СПб.: Развивающие игры Воскобовича, 2017. 173 с.

References

1. Adrova T.N., Radina I.I. Using V. Voskobovich's gaming technology in kindergarten. Pedagogical science and practice. 2018. No. 1 (19). P. 83 – 85.
2. Alpatova N.S., Marchenko E.S., Frolova S.V. Subject-developing environment as a means of cognitive development of a preschool child. Social pedagogy in Russia. Scientific and methodological journal. 2024. No. 4. P. 53 – 64.
3. Belyaeva E.A. Developing subject-spatial environment as a condition for the development of play activities of older preschool children. *Cognitio Rerum*. 2024. No. 4. P. 47 – 50.
4. Bobyleva T.V. "Purple Forest" as a Necessary Element of the Subject-Spatial Developing Environment. *Preschool Pedagogy*. 2016. No. 1 (116). P. 50 – 53.
5. Varibrus A.O. From the Experience of Working with the Developing Subject-Spatial Environment "Purple Forest". *Systemic Transformation – the Basis of Sustainable Innovative Development. Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference*. Ufa, 2021. P. 272 – 274.

6. Vasilenko N.M., Stativko E.A., Brusenskaya N.N. Innovative Developing Subject-Spatial Environment "Purple Forest" in the Intellectual and Creative Development of Junior Preschoolers in Accordance with the Federal State Educational Standard of Preschool Education. Innovative Pedagogical Technologies: Proc. of the X Int. scientific conf. Kazan: Young scientist, 2020. P. 10 – 17.

7. Zavyalova M.V., Morozova G.V., Chasovskaya E.Yu. Development of cognitive interest in preschool children by means of a developing subject-spatial environment. VII All-Russian Congress of Preschool Education Workers. Collection of articles from the congress. Edited by I.M. Logvinova. Moscow, 2022. P. 112 – 118.

8. Voskobovich's educational games: a collection of methodological materials. edited by V.V. Voskobovich, L.S. Vakulenko. Moscow: TC Sfera, 2015. 127 p.

9. Federal educational program of preschool education: order of the Ministry of Education of the Russian Federation of November 25, 2022 No. 1028 "On approval of the federal educational program of preschool education". Moscow: Mosaic-Synthesis, 2023. 253 p.

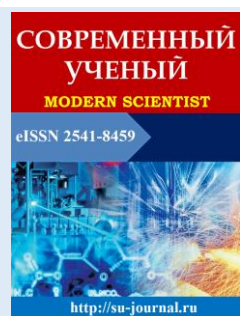
10. Purple forest. Developing subject-spatial environment: a methodological manual. edited by V.V. Voskobovich et al. St. Petersburg: Developing games of Voskobovich, 2017. 173 p.

Информация об авторах

Куликова А.С., Пензенский государственный университет

Сычёва М.В., кандидат педагогических наук, доцент, Пензенский государственный университет, marina_sycheva2010@mail.ru

© Куликова А.С., Сычёва М.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 37.013

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-364-368

Цифровые ресурсы в профессиональной подготовке китайскому языку

¹ Ананьина Л.Н.

¹ Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с цифровой трансформацией в системе в образования, в том числе современные технологии в преподавании китайского языка.

Цифровая трансформация в сфере образования направлена на изменение процесса преподавания путем внедрения современных технологий. Изменения касаются не только использования цифровых инструментов на занятиях, но и способов передачи и получения знаний.

В современном обществе цифровые технологии становятся неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, проникая в различные сферы деятельности, включая образование. Технологии не только изменяют способы получения и передачи знаний, но и значительно влияют на организацию учебного процесса, открывая новые возможности. В статье акцентируется внимание на особенностях китайского языка. Вышеизложенное свидетельствует, что цифровые ресурсы способствуют повышению эффективности в преподавании китайского языка.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровые ресурсы, китайский язык, методика преподавания

Для цитирования: Ананьина Л.Н. Цифровые ресурсы в профессиональной подготовке китайскому языку // Современный ученый. 2025. № 1. С. 364 – 368. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-364-368

Поступила в редакцию: 5 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Digital resources in professional Chinese language training

¹ Ananyina L.N.

¹ Pushkin Leningrad State University

Abstract: the article discusses issues related to digital transformation in education, including modern technology in Chinese language teaching.

Digital transformation in education aims to change the teaching process by introducing modern technologies. The changes are not only about the use of digital tools in the classroom, but also about the ways of transmitting and receiving knowledge.

In today's society, digital technologies are becoming an integral part of our daily lives, penetrating into various fields of endeavour, including education. Technologies not only change the ways of obtaining and transferring knowledge, but also significantly affect the organisation of the learning process, opening up new opportunities. The article focuses on the peculiarities of the Chinese language. The foregoing shows that digital resources contribute to the effectiveness of Chinese language teaching.

Keywords: digital transformation, digital resources, digital resources, the Chinese language, teaching methodology, teaching methodology

For citation: Ananyina L.N. Digital resources in professional Chinese language training. Modern Scientist. 2025. 1. P. 364 – 368. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-364-368

The article was submitted: October 5, 2024; Approved after reviewing: December 5, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Традиционная методика обучения китайскому языку предусматривает одновременное освоение лексики, грамматических структур, стилистики и фонетики. Однако данный подход, как правило, демонстрирует низкую эффективность, что обусловлено спецификой иероглифической письменности и уникальными фонетическими особенностями, значительно отличающимися от характеристик европейских языков. Эти факторы обуславливают необходимость использования цифровых ресурсов в профессиональной подготовке учителей китайского языка.

Материалы и методы исследований

В процессе подготовки исследования был проведён анализ значительного массива научной литературы, относящейся к рассматриваемой тематике. В качестве методологической основы применялись сравнительно-сопоставительный и аналитический подходы.

Теоретические основы исследования составили труды: О.А. Абдуллиной, В.В. Адольфа, С.И. Архангельского, М.Н. Ахметова, В.П. Беспалько, П.И. Пидкасистого, В.А. Сластенина, Н.Ф. Талызиной и др.

Некоторые работы посвящены содержанию профессиональной подготовки в высшей школе (А.Л. Гавриков, С.Д. Смирнов, В.А. Сластенин, В.В. Тимофеев И.А. Зимняя, и др.).

Другим важным аспектом стала цифровизация в процессе и в системе образования. С учетом цифровой трансформации в системе образования, спрос на квалифицированных преподавателей иностранных языков постоянно растёт (М.М. Абдуразаков, Е.А. Александрова, Л.М. Андрюхина, А.М. Бозиева, Е.Н. Быковская, В.И. Блинов, Н.М. Врублевская, М.А. Демьяненко, Е.Ю. Есенина, В.В. Зубова, А.С. Зуфарова др.).

Результаты и обсуждения

Цифровые технологии используются в качестве инструмента профессиональной подготовки учи-

телей китайского языка. Цель профессиональной подготовки учителя – получить, углубить и расширить знания и понимание китайского языка посредством цифровых ресурсов. Необходимо отметить, что профессиональная подготовка – это не только глубокие знания предмета, методики преподавания, владение педагогическими технологиями, но и понимание особенностей китайской культуры.

Профессиональную подготовку можно разделить на следующие компоненты: **языковой** (владение китайским языком и знание особенностей китайской культуры, владение фонетикой, грамматикой, лексикой, иероглификой, умение оперативно использовать полученные знания на практике), **методический** (знания и умения, технологии, учебный процесс), **педагогический** (владение методами и принципами обучения, умение адаптировать учебный процесс к потребностям учеников и создавать обучающую среду), **межкультурный** (знание культурных особенностей страны изучаемого языка, умение общаться с людьми различных культур). Знание культурного кода страны позволит всесторонне оценивать свое поведение, что в свою очередь поможет достигнуть положительного результата в процессе коммуникации. Кроме того, полученные в процессе профессиональной подготовки знания и умения позволят сделать быстрый переход от теоретических знаний к практической деятельности [2].

Необходимо отметить, что китайский язык имеет ряд особенностей, сталкиваясь с которыми, носители русского языка испытывают определенные трудности. Китайский язык – это изолирующий язык (корневой), в котором особый способ словообразования и крайне важен порядок слов в предложении. В китайском языке – это порядок слов в предложении (подлежащее + сказуемое + дополнение). В русском языке средством синтаксической связи в предложении выступает согласование, управление, примыкание.

Таблица 1

Цифровые ресурсы для работы над лексикой и грамматикой.

Table 1

Digital resources for working on vocabulary and grammar.

Образовательные сайты	StudyChinese	https://studychinese.ru/	используются для расширения словарного запаса, работы с лексикой и грамматикой
	ChinesePod	https://www.chinesepod.com/	
видеоматериалы	Youku	https://www.youku.com/	улучшить навыки аудирования, расширить словарный запас и познакомиться с новой грамматикой
приложение с газетными статьями	The Chairman's Bao	https://www.thechairmansbao.com/	Все статьи озвучены, дан список новых слов и объяснены грамматические структуры. Большая часть контента доступна по подписке

Гласные и согласные звуки китайского языка не образуют алфавит, а сочетаясь друг с другом образуют слоги. Всего насчитывается 414 слогов. Структура слога в китайском и русском языке отличается. Так, в русском языке слог может состоять из разного количества букв, в китайском языке их количество не превышает четырех. Кроме того, в китайском слоге невозможно представить себе сочетание согласных, однако сочетание гласных вполне возможно (tian, mian, saο). В китайском языке выделяют четыре тона (первый, второй, третий и четвертый). Тон – это мелодика и интенсивность голоса. Первый тон – высокий и ровный, второй тон – восходящий, третий тон или – нисходяще – восходящий, четвертый тон – нисходящий. Для каждого тона существует отдельный символ, который ставится над гласным. Слоги, которые имеют в своем составе одинаковой звуковой состав, однако произносятся разными тонами, имеют разные значения при переводе. В русском языке не важно с какой интонацией произносится слово от этого

значение слова останется неизменным. Однако, в китайском языке тон – это ключ к пониманию и коммуникации с носителями китайского языка. Тон выполняет смысловоразличительную функцию. Постановка тонов – это долгая и трудоёмкая часть в работе. Необходимо отметить, что не все учащиеся с первого раза могут правильно и верно повторить тоновый рисунок слога для этого необходимо постоянная практика. Для развития фонетического слуха и навыков необходимо использовать аудио и видео файлы, записанные носителями языка, выполнять упражнения на онлайн платформах. Многократное повторение материала обязательно приведет к положительному результату. В процессе обучения фонетике учащиеся должны овладеть основами произношения всех слогов. Для этого требуется использовать средства цифровизации: электронные платформы, видео с носителями языка и интерактивные задания для проверки результата.

Таблица 2

Цифровые ресурсы для работы над фонетикой.

Table 2

Digital resources for working on phonetics.

Видеоматериалы	Mandarinblue-print	https://www.mandarinblueprint.com/	используются для расширения словарного запаса, работы над фонетикой, поскольку все аудиоматериалы озвучены носителями китайского языка.
	Yoyochinese	https://yoyochinese.com/	
приложение	Глоссас	glossas-learn-words.com.	используются для расширения словарного запаса и тренировки тонов

Китайский один из самых сложных и древних языков, в котором сохранилась иероглифическая письменность. Всего насчитывается восемьдесят тысяч иероглифов, но для понимания и коммуникации необходимо владеть пятью тысячами иероглифов. Каждый иероглиф состоит из набора черт, которые необходимо записывать в правильной последовательности. Обучение

иероглифике невозможно представить себе без средств цифровизации. В любое время с использованием мобильных приложений можно посмотреть порядок черт, название этих черт, написание иероглифа, значение ключей и радикалов. Кроме того, с помощью приложений можно создать карточки и интервально повторять новые иероглифы.

Таблица 3

Цифровые ресурсы для работы с иероглификой.

Table 3

Digital resources for working with hieroglyphics.

Электрон- ный словарь	Pleco	https://www.pleco.com/	помогают визуализировать написание иероглифа по чертам и изучить его этимологию
	Zhonga	https://www.zhonga.ru/	
	Trainchinese	https://www.trainchinese.com	
	БКРС	https://bkrs.info/	
Мобильные приложения	Laoshi	https://laoshi.ru/	повторить лексику и грамматику, изучить новые слова
	HelloChinese	https://www.hellochinese.cc/	

Таким образом китайский язык имеет ряд особенностей, которые отличают его от других языков. В силу своих особенностей: наличие иероглифической письменности, наличие тонов, слоговый характер, китайский язык относят к одному из самых сложных. Цифровые ресурсы – это возможности для использования виртуальной реальности, создания интерактивных заданий, искусственного интеллекта, которые позволяют обучать китайскому языку и найти индивидуальный подход к каждому ученику.

Средства цифровизации открывают новые возможности, так, онлайн платформы, электронные пособия и т.д. помогают ученикам учиться из любой точки мира и в любое время, а учителям отслеживать прогресс. Образовательные программы в которых используются цифровые ресурсы создают индивидуальную образовательную среду, которая учитывает потребности каждого ученика, что делает учебный процесс увлекательным и интересным. Индивидуализированный подход к обучению является ключевым фактором в повышении эффективности профессиональной подготовки будущих преподавателей иностранных языков. Он

позволяет учитывать индивидуальные потребности и особенности студентов, создавая условия для максимального раскрытия их потенциала [1].

Выводы

Итак, цифровизация играет ключевую роль в современном образовании. Однако, для полной реализации необходимо учитывать и преодолевать различные проблемы, а также активно развивать перспективные направления использования технологий в образовании. Следует специально отметить, что использование цифровых ресурсов в образовательном процессе требует от преподавателей определенных навыков, что становится определённым препятствием к широкому применению таковых. Хотелось бы остановиться на том, что китайский язык в силу своей специфичности и сложности эффективнее изучать именно с использованием цифровых ресурсов, которые позволяют удерживать внимание учеников. Таким образом, цифровые ресурсы, способствуют совершенствованию процесса профессиональной подготовки учителя китайского языка.

Список источников

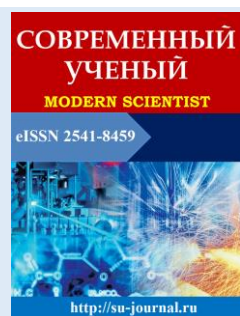
1. Ананьина Л.Н. Понятие «профессиональная подготовка преподавателя иностранного языка» в современной педагогической науке // Вестник педагогических наук. 2024. № 3. С. 203 – 207.
2. Ананьина Л.Н. Формирование общепедагогических знаний учителя в процессе профессиональной подготовки // Непрерывное образование: проблемы, решения, перспективы: Материалы III Всероссийской научной конференции (с международным участием), Санкт-Петербург, 22 ноября 2023 года. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2024. С. 64 – 67.
3. Барышников Н.В. Методика обучения второму иностранному языку в школе. М.: Просвещение, 2003. 159 с.
4. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М., 2004. 192 с.
5. Демина Н.А. Методика преподавания практического китайского языка. Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2006. 87 с.
6. Леонтьев А.А. Память в усвоении иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2014. № 5. С. 70 – 76.
7. Масловец О.А. Интенциональность и диалог культур в обучении китайскому языку // Китайская лингвистика и синология: Тезисы докладов международной конференции, Москва, 03-05 октября 2019 года. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2019. С. 282 – 285.
8. Масловец О.А. Система обучения иероглифическому письму в учебниках китайского языка: критериальный анализ // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 7. С. 220 – 228.
9. Шамов А.Н. Методика преподавания иностранных языков: общий курс: учебное пособие. Москва: АСТ, 2008. 253 с.
10. Щукин А.Н. Методика обучения иностранным языкам: Курс лекций. М.: УРАО, 2002. 288 с.

References

1. Ananyina L.N. The concept of "professional training of a foreign language teacher" in modern pedagogical science. Bulletin of pedagogical sciences. 2024. No. 3. P. 203 – 207.
2. Ananyina L.N. Formation of general pedagogical knowledge of a teacher in the process of professional training. Continuous education: problems, solutions, prospects: Proceedings of the III All-Russian scientific conference (with international participation), St. Petersburg, November 22, 2023. St. Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 2024. P. 64 – 67.
3. Baryshnikov N.V. Methods of teaching a second foreign language at school. Moscow: Education, 2003. 159 p.
4. Gal'skova N.D. Modern methods of teaching foreign languages. M., 2004. 192 p.
5. Demina N.A. Methods of Teaching Practical Chinese. Moscow: Moscow State Linguistic University, 2006. 87 p.
6. Leontiev A.A. Memory in Learning a Foreign Language. Foreign Languages at School. 2014. No. 5. P. 70 – 76.
7. Maslovets O.A. Intentionality and Dialogue of Cultures in Teaching the Chinese Language. Chinese Linguistics and Sinology: Abstracts of the International Conference, Moscow, October 3-5, 2019. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2019. P. 282 – 285.
8. Maslovets O.A. The System of Teaching Hieroglyphic Writing in Chinese Language Textbooks: Criterial Analysis. Bulletin of the Buryat State University. 2017. No. 7. P. 220 – 228.
9. Shamov A.N. Methods of Teaching Foreign Languages: General Course: Study Guide. Moscow: AST, 2008. 253 p.
10. Shchukin A.N. Methods of Teaching Foreign Languages: Lecture Course. Moscow: URAO, 2002. 288 p.

Информация об авторе

Ананьина Л.Н., аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10, anananalyly@gmail.com

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.3. Коррекционная педагогика (сурдопедагогика и тифлопедагогика, олигофренопедагогика и логопедия) (педагогические науки)

УДК 376.3

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-369-374

Использование компьютерных и мобильных приложений, виртуальной реальности в работе с детьми с расстройствами аутистического спектра (по материалам исследований)

¹ Шиповская А.В.

¹ Московский городской педагогический университет (ГАОУ ВО МГПУ)

Аннотация: в статье обсуждается вопрос использования информационных технологий в работе с детьми с расстройствами аутистического спектра. Раскрывается понятие «информационные технологии», описываются виды информационных технологий. На основе анализа опыта исследователей данного направления, рассматриваются два возможных направления использования информационных технологий в работе с детьми с расстройствами аутистического спектра: использование мобильных и компьютерных приложений, применение виртуальной реальности.

В первом направлении – использовании мобильных и компьютерных приложений – представлен обзор разработок для компьютеров и портативных устройств. Отмечается, что использование специализированных приложений может улучшить навыки общения у детей с расстройствами аутистического спектра. Во втором направлении – использовании виртуальной реальности в работе с детьми с РАС описывается возможность создания безопасной и контролируемой среды, которая помогает детям адаптироваться в реальной жизни. Опыт исследователей, работающих в данном направлении, подтвердил эффективность такой технологии.

Анализ данного научного исследования не вызывает противоречий. Необходимо отметить, что проблема использования компьютерных и мобильных приложений, технологий виртуальной реальности в работе с детьми с РАС вызывает высокий интерес ученых последние несколько лет.

В заключении сделаны выводы о целесообразности и необходимости использования информационных технологий, а именно мобильных и компьютерных приложений, виртуальной реальности в образовательном процессе с детьми с расстройствами аутистического спектра. Тем не менее специалистам необходимо правильно подбирать такие программы, контролировать время их использования, чтобы обучение способствовало развитию ребенка и учитывало индивидуальные особенности.

Ключевые слова: расстройства аутистического спектра, мобильные приложения, компьютерные игры, виртуальная реальность

Для цитирования: Шиповская А.В. Использование компьютерных и мобильных приложений, виртуальной реальности в работе с детьми с расстройствами аутистического спектра (по материалам исследований) // Современный ученый. 2025. № 1. С. 369 – 374. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-369-374

Поступила в редакцию: 5 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 6 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

The use of computer and mobile applications, virtual reality in working with children with autism spectrum disorders (based on research materials)

¹ Shipovskaya A.V.

¹ Moscow City University (MCU)

Abstract: the article discusses the issue of using information technology in working with children with autism spectrum disorders. The concept of "information technology" is disclosed, and the types of information technology are described. Based on the analysis of the experience of researchers in this area, two possible areas of using information technology in working with children with autism spectrum disorders are considered: the use of mobile and computer applications, the use of virtual reality.

In the first area – the use of mobile and computer applications – an overview of developments for computers and portable devices is presented. It is noted that the use of specialized applications can improve the communication skills of children with autism spectrum disorders. In the second area – the use of virtual reality in working with children with ASD, the possibility of creating a safe and controlled environment that helps children adapt to real life is described. The experience of researchers working in this area has confirmed the effectiveness of this technology.

The analysis of this scientific study does not cause controversy. It should be noted that the problem of using computer and mobile applications, virtual reality technologies in working with children with ASD has attracted great interest from scientists in the past few years.

In conclusion, conclusions are made about the feasibility and necessity of using information technologies, namely mobile and computer applications, virtual reality in the educational process with children with autism spectrum disorders. Nevertheless, specialists need to correctly select such programs, control the time of their use, so that training contributes to the development of the child and takes into account individual characteristics.

Keywords: autism spectrum disorders, mobile applications, computer games, virtual reality

For citation: Shipovskaya A.V. The use of computer and mobile applications, virtual reality in working with children with autism spectrum disorders (based on research materials). Modern Scientist. 2025. 1. P. 369 – 374. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-369-374

The article was submitted: October 5, 2024; Approved after reviewing: December 6, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Современный мир невозможно представить без информационных технологий. Мы используем различные приложения, программы в повседневной жизни, на работе, в магазинах, банках и в образовательном процессе. Информационные технологии включают в себя: персональные компьютеры (ПК), приборы ввода и вывода информации (клавиатуры, колонки, наушники и др.), средства манипулирования текстовой и графической информацией, способы архивного хранения больших объемов информации; устройства для преобразования данных из графической или звуковой формы представления данных в цифровую и обратно; средства и устройства манипулирования аудиовизуальной информацией; современные средства связи; системы искусственного интеллекта; программные комплексы (компьютерные и мобиль-

ные приложения и другое программное обеспечение для устройств).

Данный перечень информационных технологий позволяет автоматизировать множество процессов, сделать более доступными предоставление услуг вне зависимости от местоположения и возможностей человека. Так, интернет позволяет быстро находить необходимую информацию практически из любой точки Земли. Компьютерные и мобильные приложения предоставляют возможность создавать и воспроизводить медиа, учиться, создавать онлайн конференции и многое другое. Именно поэтому информационные технологии активно применяются в образовательном процессе, в том числе в образовании лиц с ОВЗ (ограниченными возможностями здоровья).

Средства обучения, применяемые в работе с лицами с ограниченными возможностями здоро-

вья, должны учитывать закономерности развития, специфические особенности обучающихся, возможности компенсаторных механизмов. В данном направлении работают ряд исследователей, таких как (Е.Н. Горина, О.Г. Кукушкина, И.А. Никольская, Е.С. и др.)

Использование информационных технологий в образовательном процессе с лицами с ОВЗ имеет целый ряд преимуществ: предоставление наглядной информации с помощью компьютеров или планшетов, возможность самостоятельного обучения, возможность дистанционного обучения, визуализация сложных для понимания процессов и явлений при помощи визуального моделирования и др. В зависимости от типа отклоняющегося развития детей, создаются специальные технологии, оборудование, обучающие программы. Именно оборудование и программное обеспечение во многом автоматизирует деятельность специалистов на диагностических и коррекционных этапах работы. Вариативность и многообразие применения информационных технологий позволяют подобрать необходимую игру, программу или устройство в зависимости от типа нарушенного развития ребенка с ОВЗ, вида деятельности и поставленных задач. Далее рассмотрим возможности использования информационных технологий в образовательном процессе с детьми с расстройствами аутистического спектра (РАС).

Материалы и методы исследований

Компьютерные и мобильные приложения. Игры, разработанные специально для детей с РАС, могут быть эффективными инструментами для обучения и социальной интеграции. Игровые технологии позволяют создать увлекательную и интерактивную среду, в которой дети могут развивать свои навыки. В настоящий момент существует несколько устройств для использования игр и приложений: компьютеры, приставки, мобильные устройства.

Использование компьютерных игр в работе с детьми с РАС началось с появлением сети интернет и с активной разработкой компьютерных игр. Исследователи отмечают, что, предоставляя пользователям различные сенсорные ощущения (преимущественно визуальные), игры являются мотивирующими средствами обучения при правильном использовании.

В одном из исследований для обучения детей с РАС применяли ряд видеоигр, направленных на адаптацию к изменяющимся условиям внешней среды и к своему окружению, на уменьшение проявлений негативного поведения:

- Видеоигра «Ron Gets Dressed» предназначена для того, чтобы помочь детям с РАС адаптироваться к различным условиям, связанным с изменением климатических условий. Дети знакомятся с видами одежды и обучаются одеваться в соответствии с погодными условиями.

- Игра «Rufus Goes to School» помогает людям с расстройствами аутистического спектра адаптироваться к своему окружению. В игре необходимо ездить на машине, общаться с другими детьми, сталкиваться с непредвиденными обстоятельствами (поломка машины). В сюжете заложено, чтобы ребенок обучался приспосабливаться к изменениям в расписании и отклоняться от привычных дел.

- Игра «A day spent shopping» используется для обучения общению с другими людьми и совершения покупок в магазине. Играя в игру, ребенок использует слова «спасибо», «здравствуйте», «до свидания», «помогите» и др.

- Игра «Robbie the Robot» помогает детям с РАС распознавать эмоции. В игре используются трехмерные изображения лица реального человека. Ребенок учится распознавать такие эмоции как «радость», «грусть», «гнев» и «удивление».

Результаты и обсуждения

Результаты исследования заключались в следующем: дети научились принимать перемены; больше понимать эмоции других людей и проявлять собственные; зрительный контакт стал продолжительнее [9].

Одной из отечественных разработок, используемых для развития речи является Логопедический тренажер «Дэльфа-142». Он показал свою эффективность в работе с детьми с РАС по следующим направлениям: развитие плавности ротового выдоха, запоминание графического образа букв, формирование навыка глобального чтения открытых слогов, установление смысловых и грамматических связей между словами, развитие связной речи [3].

Еще одним вариантом использования информационных технологий является *применение мобильных приложений*. Мобильное приложение – программное изделие, разновидность прикладного программного обеспечения, предназначенная для работы на смартфонах, планшетах и других мобильных (портативных, переносных, карманных) устройствах [5]. Мобильные приложения становятся одним из самых распространенных инструментов в работе с детьми с РАС. Они предлагают разнообразные функции, такие как визуальные

подсказки, игры на развитие социальных навыков и системы для улучшения коммуникации. Например, приложения, использующие методику визуального расписания, помогают детям лучше понимать распорядок дня и предстоящие события, что снижает уровень тревожности.

Центр реабилитации инвалидов детства «Наш Солнечный Мир», выпустил бесплатное приложение-коммуникатор «Аутизм: Общение». Главной задачей коммуникатора является помощь в общении людям, которые не могут говорить сами. Первая версия мобильного приложения вышла еще в 2012 году. В настоящий момент приложение содержит целую галерею карточек, которые ребенок учится различать, именовать и соотносить с различными категориями. Также в приложении есть функция составления простых предложений-просьб при помощи карточек.

Мобильное приложение «Autism BASICS» было разработано для вовлечения детей с аутизмом в совместную деятельность с родителями. Выполняя различные задания, ребенок и родитель учатся сотрудничать друг с другом. Приложение включает в себя ежедневные занятия, библиотеку занятий по разным темам «алфавит», «математика», «первые слова» и т.д. Также в «Autism BASICS» представлен отдельный родительский блок с видеороликами и материалами об аутизме, особенностях развития аутичных детей, о методах обучения и др.

«Говори молча» – приложение, предназначенное для облегчения общения как с неговорящими детьми, имеющих диагнозы аутизм, умственная отсталость, алалия и т.д., так и со взрослыми, которым поставлен диагноз афазия. Приложение достаточно простое в использовании: родители или педагоги могут сами загружать необходимые фото или картинки.

Мобильное приложение «Logostick», направлено на развитие связной речи детей с расстройствами аутистического спектра младшего школьного возраста. Мобильное приложение включает в себя библиотеку фоновых изображений и изображений-стикеров по направлениям: развитие импрессивной, диалогической и монологической устной речи [1].

Исследования показывают, что использование таких приложений может улучшить навыки общения у детей с РАС. В частности, приложения, которые позволяют детям практиковать разговорные навыки в интерактивной форме, могут быть особенно эффективными. В некоторых случаях создаются разные режимы приложения, например: режим тестирования, режим развлечения и режим

обучения. В разделе тестирования можно определить текущий уровень развития отдельных навыков ребенка, а режим обучения позволяет развивать навыки. Режим развлечения позволяет детям самостоятельно играть в игры и выполнять задания [10].

Виртуальная реальность также находит свое применение в обучении детей с РАС. VR-технологии позволяют создать безопасную и контролируемую среду, в которой дети могут практиковать социальные навыки и взаимодействие с окружающими. Например, в виртуальной среде можно моделировать различные социальные ситуации, что помогает детям с РАС научиться реагировать на них адекватно [9].

Исследования показывают, что использование VR может значительно повысить уровень вовлеченности детей в процесс обучения. В одной из работ был проведен опрос родителей детей с РАС об оценке эффективности использования VR. Родители отмечали положительные результаты в развитии социальных навыков и навыков сенсорной обработки [8].

Современные возможности позволяют создать не только визуальную среду в виртуальной реальности, но и звуковую. Так, существует модель виртуальной обучающей системы, где предполагается создание симулятора собеседника с целью формирования коммуникативных навыков. Параметры тренировки в таких симуляторах могут быть различными: «индивидуальная тренировка», «вместе с другом», «вместе с психологом». Такая тренажерно-обучающая система виртуальной и дополненной реальности позволяет создать специальные условия для обучающихся [7].

Проанализировав несколько мобильных и компьютерных приложений, а также способов использования виртуальной реальности, следует отметить:

- Средства, применяемые в работе с детьми с РАС, должны учитывать закономерности развития, специфические особенности обучающихся, возможности компенсаторных механизмов;
- Игры являются мотивирующими средствами обучения при правильном использовании;
- Мобильные и компьютерные приложения улучшают навыки общения у детей с РАС;
- Использование виртуальной реальности повышает уровень вовлеченности детей в процесс обучения.

Выводы

Быстрое развитие современного образования

вносит свои коррективы в содержание коррекционно-развивающего обучения детей с ограниченными возможностями здоровья. Использование информационных технологий в работе с детьми с расстройствами аутистического спектра открывает новые горизонты для их обучения и социальной интеграции. Компьютерные игры, мобильные приложения, виртуальная реальность, помогают значительно улучшить качество жизни детей с РАС, способствуя развитию их социальных навы-

ков и коммуникации. Однако важно помнить, что каждая технология должна использоваться в сочетании с традиционными методами работы и под контролем специалистов, чтобы достичь наилучших результатов.

Таким образом, интеграция информационных технологий в практику работы с детьми с РАС является многообещающим направлением, которое требует дальнейших исследований и разработки эффективных программ и инструментов.

Список источников

1. Богданова Т.Г., Шиповская А.В. Развитие связной речи у детей с расстройствами аутистического спектра младшего школьного возраста с использованием мобильного приложения // Дефектология. 2024. № 3. С. 26 – 35.
2. Кувшинова И.А., Новожилова Д.А., Пушкарева А.А. и др. Комплексная коррекционно-педагогическая работа с детьми с расстройством аутистического спектра: монография / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова. Магнитогорск: ИЦ ФГБОУ ВО "МГТУ им. Г.И. Носова", 2023. 141 с.
3. Косова Е.В. Особенности использования логопедического тренажера "Дэльфа" в коррекции и развитии речи детей с РАС // Альманах Казанского федерального университета : Материалы XII Международной научно-образовательной конференции «Актуальные проблемы дефектологии и клинической психологии: теория и практика», Казань, 24 апреля 2018 года / Под ред. А.И. Ахметзяновой. Казань: Издательство Казанского университета, 2018. С. 93 – 97.
4. Нагель О.П., Возняк И.В. Организационно-методическое обеспечение образования детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях смешанного обучения учебно-методическое пособие / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Белгородский государственный национальный исследовательский университет". Белгород: Издательский дом "БелГУ", НИУ "БелГУ", 2020. С 135.
5. ПНСТ 277-2018 Российская система качества. Сравнительные испытания мобильных приложений для смартфонов, ПНСТ от 26 июня 2018 года №277-2018
6. Никольская И.А., Подвальная Е.В. Применение информационных технологий в процессе обучения детей с ограниченными возможностями здоровья // Современный ребенок и образовательное пространство: проблемы и пути реализации: материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2010. С. 66 – 74.
7. Федосеева А.М., Кошечкина Т.В. Развитие коммуникативных навыков подростков с ОВЗ в тренажерно-обучающей системе виртуальной и дополненной реальности: модель и функциональные возможности // Дефектология. 2024. № 3. С. 36 – 49.
8. Abdeen F.H., Albiladi W.S. Factors influencing the adoption of virtual reality (VR) technology among parents of individuals with ASD. Interactive Learning Environments, 2022. P. 1 – 18.
9. Prabavathy M., Rasu, Sivaranjani, Alex, Mr. Improving the Social-Behavioral Attributes of Children with Autism through Computer-Based Interactive Video Games. 2023. P. 602 – 613.
10. Mohammed J. Yousif Blended Learning Through an Interactive Mobile Application for Teaching Autistic Kindergarten Students // Artificial Intelligence & Robotics Development Journal. 2021. P. 132 – 146.

References

1. Bogdanova T.G., Shipovskaya A.V. Development of coherent speech in children with autism spectrum disorders of primary school age using a mobile application. Defectology. 2024. No. 3. P. 26 – 35.
2. Kuvshinova I.A., Novozhilova D.A., Pushkareva A.A. et al. Comprehensive correctional and pedagogical work with children with autism spectrum disorder: monograph. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Magnitogorsk: IC FSBEI HE "MSTU named after G.I. Nosov", 2023. 141 p.

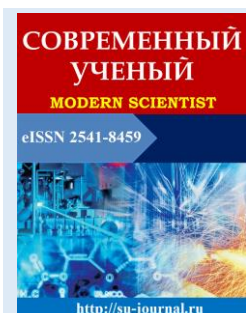
3. Kosova E.V. Features of the use of the speech therapy simulator "Delfa" in the correction and development of speech of children with ASD. Almanac of Kazan Federal University: Proceedings of the XII International Scientific and Educational Conference "Actual Problems of Defectology and Clinical Psychology: Theory and Practice", Kazan, April 24, 2018. Ed. A.I. Akhmetzyanova. Kazan: Kazan University Publishing House, 2018. P. 93 – 97.
4. Nagel O.P., Voznyak I.V. Organizational and methodological support for the education of children with disabilities in the context of blended learning, a teaching aid. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University". Belgorod: BelSU Publishing House, BelSU National Research University, 2020. P. 135.
5. PNST 277-2018 Russian quality system. Comparative tests of mobile applications for smartphones, PNST of June 26, 2018 No. 277-2018
6. Nikolskaya I.A., Podvalnaya E.V. Application of information technologies in the process of teaching children with disabilities. Modern child and educational space: problems and ways of implementation: materials of the All-Russian scientific and practical conference. Moscow, 2010. P. 66 – 74.
7. Fedoseeva A.M., Koshechkina T.V. Development of communication skills of adolescents with disabilities in the training and educational system of virtual and augmented reality: model and functionality. Defectology. 2024. No. 3. P. 36 – 49.
8. Abdeen F.H., Albiladi W.S. Factors influencing the adoption of virtual reality (VR) technology among parents of individuals with ASD. Interactive Learning Environments, 2022. P. 1 – 18.
9. Prabavathy M., Rasu, Sivaranjani, Alex, Mr. Improving the Social-Behavioral Attributes of Children with Autism through Computer-Based Interactive Video Games. 2023. P. 602 – 613.
10. Mohammed J. Yousif Blended Learning Through an Interactive Mobile Application for Teaching Autistic Kindergarten Students. Artificial Intelligence & Robotics Development Journal. 2021. P. 132 – 146.

Информация об авторе

Шиповская А.В., аспирант, Московский городской педагогический университет,
Shipovskayaav439@mgpu.ru

© Шиповская А.В., 2025

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

УДК 343.1

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-375-382

К вопросу о проблемах заключения специалиста в уголовном судопроизводстве

¹ Лукьянчикова Е.Ф., ¹ Ляхова А.И., ¹ Алейникова В.А.

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация: целью исследования является поиск решения проблем, касающихся заключения специалиста в российском уголовном процессе. Анализ юридической доктрины, а также правоприменительной практики демонстрирует наличие существенных проблем, не позволяющих эффективно использовать заключение специалиста в качестве доказательства в уголовном процессе. На основе проведенного исследования авторы приходят к выводу о критичном отношении суда к такому доказательству в виду отсутствия должной процессуальной регламентации. Фактически законодатель только называет, однако не раскрывает сущность данного доказательства. Исследуются вопросы соотношения заключения и рецензии специалиста. Рецензия специалиста – активно используемый в правоприменительной практике инструмент, который не имеет никакого специального нормативного регулирования в уголовно-процессуальном законе. Рассматривается проблема отождествления рецензии и заключения специалиста. Авторы обращают внимание на отсутствие для специалиста юридических последствий при вынесении заведомо ложного заключения. Проведенное исследование позволяет автором сформировать предложение по устранению выявленных проблем в виде внесения изменений в УПК РФ. Предложенные изменения позволят разрешить проблемы, связанные с регламентацией заключения специалиста, что позволит впоследствии правоприменителю наиболее эффективно применять заключение специалиста в практической деятельности.

Ключевые слова: специалист, заключение специалиста, заведомо ложное заключение специалиста, рецензия специалиста, эксперт, заключение эксперта, доказательства

Для цитирования: Лукьянчикова Е.Ф., Ляхова А.И., Алейникова В.А. К вопросу о проблемах заключения специалиста в уголовном судопроизводстве // Современный ученый. 2025. № 1. С. 375 – 382. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-375-382

Поступила в редакцию: 12 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 14 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

On the issue of the problems of expert opinion in criminal proceedings

¹ Lukyanchikova E.F., ¹ Lyakhova A.I., ¹ Aleynikova V.A.

¹ *Belgorod State National Research University*

Abstract: the purpose of the study is to find solutions to problems related to the conclusion of a specialist in the Russian criminal process. The analysis of legal doctrine, as well as law enforcement practice, demonstrates the existence of significant problems that do not allow the expert's opinion to be effectively used as evidence in criminal proceedings. Based on the conducted research, the authors conclude that the court is critical of such evidence due to the lack of proper procedural regulation. In fact, the legislator only names, but does not disclose the essence of this evidence. The issues of correlation between the conclusion and the review of a specialist are investigated. A specialist's review is an instrument actively used in law enforcement practice, which does not have any special regulatory regulation in the criminal procedure law. The problem of identifying the review and the conclusion of a specialist is considered. The authors draw attention to the absence of legal consequences for the specialist when making a deliberately false conclusion. The conducted research allows the author to form a proposal to eliminate the identified problems in the form of amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The proposed changes will resolve the problems associated with the regulation of the expert's opinion, which will subsequently allow the law enforcement officer to most effectively apply the expert's opinion in practice.

Keywords: specialist, expert's conclusion, deliberately false expert's conclusion, expert's review, expert, expert's conclusion, evidence

For citation: Lukyanchikova E.F., Lyakhova A.I., Aleynikova V.A. On the issue of the problems of expert opinion in criminal proceedings. Modern Scientist. 2025. 1. P. 375 – 382. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-375-382

The article was submitted: September 12, 2024; Approved after reviewing: November 14, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Специалист – вспомогательный участник уголовного судопроизводства, отнесенный УПК РФ к категории «иных участников». Роль специалиста весьма трудно переоценить. В необходимости данной процессуальной фигуры для уголовного судопроизводства нет никаких сомнений. В уголовном процессе одной из форм познавательной деятельности специалиста служит представление заключения. Заключение специалиста зачастую является доказательством, позволяющим установить признаки преступления, например, в области хищения имущества в случаях идентификации личности по изъятым на месте происшествия следам. Вместе с тем правовая регламентация заключения специалиста вызывает неутрачивающие споры. Основой данных споров выступают правотворческие пробелы, которые влекут за собой проблемы правоприменительного характера. Существование таких проблем снижает эффективность заключения специалиста как доказательства, что фактически сводит к минимуму его доказательственный потенциал.

Материалы и методы исследований

Анализ специфики заключения специалиста основан на материалах судебной практики. В ходе исследования авторами было также изучено мнение практикующих юристов по заявленной проблеме. В качестве методов исследования были использованы анализ, синтез, а также формально-юридический метод.

Результаты и обсуждения

Заключение специалиста приобрело значение доказательства только лишь в 2003 году. До этого момента результат познавательной деятельности специалиста мог быть оформлен в виде справки об исследовании, которая не имела доказательственного значения и, как следствие, не играла никакой процессуальной роли для судопроизводства. Очевидно, что по определенным категориям дел проведение предварительного исследования специалистом необходимо для установления наличия или отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела. Так, к числу таких категорий следует отнести, например, преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств.

До введения в УПК РФ следователю фактически приходилось ставить те же самые вопросы перед экспертом, которые уже ранее были поставлены перед специалистом. Это значительно усложняло расследование уголовного дела ввиду необоснованного повторения по существу одинаковых процессуальных действий. Закрепление заключения специалиста как доказательства позволило разрешить многие насущные проблемы. Работа правоприменителя в данной области была несколько облегчена, поскольку сводилось к минимуму совершение сущностно одинаковых действий. Это в целом соответствует тенденции процессуальной экономии.

Итак, заключение специалиста признается доказательством в силу положений п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Однако уголовно-процессуальное законодательство фактически не регламентирует особенности заключения специалиста как доказательства. Примечательно, что заключение специалиста признается в качестве самостоятельного доказательства только лишь в уголовном процессе, тогда как иным видам российского судопроизводства такой вид доказательств вовсе не знаком. Это отражает самобытность уголовного процесса. Вместе с тем это и приводит к ряду существенных проблем, с которыми сталкиваются юристы в практической деятельности.

Вице-президент Адвокатской палаты Ставропольского края Трубецкой Н.А. раскрывает существующую проблематику, складывающуюся в сфере попыток использования заключения специалиста в качестве доказательства, следующим образом. Он пишет о реальной судебной практике отказа в приобщении заключения специалиста в качестве доказательства к материалам уголовного дела [7]. Зачастую мотив отказа – отсутствие предупреждения специалиста об ответственности по ст. 307 УК РФ [6, с. 129]. Однако закон не предусматривает на сегодняшний день такой необходимости. В данном случае практика отказа в приобщении к уголовному делу заключения специалиста кажется весьма неправомерной. Это может повлечь неблагоприятные последствия в виде нарушения процессуальных прав.

На формирование подобной практики повлиял ряд решений Конституционного Суда РФ, в части которых отмечалось, что специалист не обладает правомочиями по проведению исследований, входящих в компетенцию эксперта. Данный тезис является неоспоримым. Но это не означает, что заключение специалиста не должно быть приобщено к материалам уголовного дела. Хотя сегодняшняя

правоприменительная практика зачастую идет именно по такому пути. Это является весьма негативной тенденцией, умаляющей роль заключения специалиста в уголовном процессе.

Заключение специалиста и заключение эксперта должны восприниматься правоприменителем, в частности судьей, как равнозначные доказательства. Вместе с тем описанная выше практика явно демонстрирует, что де-факто заключение эксперта воспринимается как доказательство, имеющее большую силу. В речевом обороте юристов на этот случай имеется крылатое выражение «судебная экспертиза – есть царица доказательств». Очевидно, что это противоречит УПК РФ. Вместе с тем анализ особенностей правоприменения выявляет специфику отечественного судопроизводства: реальная юридическая практика иногда не соответствует или лишь внешне соответствует букве уголовно-процессуального закона.

Заключение специалиста воспринимается как факультативное доказательство, имеющее второстепенное значение [5, с. 117]. Правоприменителем роль заключения специалиста недооценивается, поскольку не оценивается как доказательство равноценное заключению эксперта. Скептицизм по отношению к реальному доказательственному значению заключения специалиста – демонстрация важной правоприменительной проблемы в виде неравенства доказательств в процессе доказывания по уголовным делам. И все это, несомненно, требует законодательных изменений. А впоследствии и модернизации механизма правоприменения и формирования иных установок в правосознании правоприменителей в области восприятия заключения специалиста как реально эффективного доказательства.

Предлагается несколько путей решения назревшей проблемы. В качестве одного из возможных вариантов практикующие юристы видят следующее: допрос специалиста в судебном заседании в случае отказа суда в приобщении заключения специалиста к материалам уголовного дела. Данный способ «обхода» нормативного упущения был описан адвокатом Гаспарян Нвером [4]. В сложившихся условиях правоприменения он является действительно эффективным, поскольку позволяет перевести категорию доказательств «заключения специалиста» в категорию «показаний специалиста», что уже предопределяет необходимость их приобщения к уголовному делу. Именно таким образом доказательственная информация может быть доведена до суда и принята к вниманию при вынесении итогового судебного решения.

Вместе с тем юридической практике известна и кардинально противоположная ситуация, когда следователи подменяют понятия «заключение специалиста» и «заключение эксперта». Заключение специалиста иногда используется в качестве средства нейтрализации заключения эксперта. Ввиду длительности производства судебных экспертиз следователи, стремясь соблюсти сроки производства по делу, привлекают специалистов для дачи ими заключения и в тех случаях, когда производство экспертизы объективно необходимо. Это заключение фактически заменяет заключение эксперта, подменяя одно доказательство на другое. Указанная ситуация демонстрирует другую крайность, связанную с проблемами использования заключения специалиста. Преодоление данной проблемы возможно только посредством активизации пристальной внимательности защитника, который четко сможет определить необходимость проведения судебной экспертизы при конкретных обстоятельствах или достаточность заключения специалиста для справедливого разрешения правовой ситуации.

Однако поиск законных «лазеек» на постоянной основе, пожалуй, не должен становиться нормой для юридической практики. Здесь очевидно напрашиваются существенные изменения в УПК РФ. Примечательно, что законодатель закрепил требования, предъявляемые к заключению эксперта, в ст. 204 УПК РФ. Однако подобной регламентации для заключения специалиста нет. Не вносят ясности в вопросах регламентации деятельности специалиста по даче заключения и подзаконные нормативные правовые акты. В них также отсутствуют положения, раскрывающие особенности заключения специалиста как доказательства в уголовном процессе.

В целом, включение в число доказательств заключений специалиста в 2003 году было принято юридическим сообществом неопределенно. Обратимся к позиции известного российского процессуалиста С.А. Шейфера, который указывал на нерациональность включения заключения специалиста в систему доказательств [8, с. 211]. И сейчас многие исследователи отрицают реальное доказательственное значение заключения специалиста вследствие противоречия данного процесса принципам относимости и допустимости [2, с. 28].

Но вместе с тем преобладающей является точка зрения о важности и необходимости рассмотрения заключения специалиста как доказательства. Включение заключения специалиста в ст. 74 УПК РФ расширило процессуальные возможности ор-

ганов предварительного расследования. Это способствовало исключению повторения фактически одних и тех же по своему существу процессуальных действий, выражающихся в деятельности разных субъектов – специалиста и эксперта. На сегодняшний день уголовно-процессуальный закон предопределяет возможность не назначать производство судебной экспертизы в том случае, если ответы на необходимые вопросы уже были получены в ходе проведения предварительного исследования специалистом.

Заключение специалиста вызывает споры не только в области его доказательственного значения. Не менее оживленные дискуссии ведутся по вопросу корректности использования понятия «заключение» относительно оформления результатов познавательной деятельности специалиста. В доктрине высказывают различные точки зрения, согласно которым наиболее корректными являются понятия «справка об исследовании», «консультация» и другие. Вдаваться в подробности данной дискуссии мы не будем, поскольку это не является целью нашего исследования. Однако считаем необходимым обозначить наличие подобных разногласий, что обусловлено, в частности, несформированностью целостного представления законодателя о сущности заключения специалиста как доказательства.

Отсутствие законодательной регламентации ведет к существенным проблемам. В судебной практике нередко встречается такое понятие как рецензия специалиста на заключение эксперта. И в ряде источников сущность рецензии специалиста раскрывается через призму заключения специалиста. Фактически рецензия специалиста некоторыми юристами воспринимается как заключение специалиста [10, с. 134]. Однако нормативного понятия рецензии специалиста нет. Данный термин был неофициально введен в юридический речевой оборот. Подготовка рецензий фактически не имеет своей нормативно-правовой базы. Это влияет на неопределенность правовой природы рецензии специалиста и порождает дилемму о возможности ее отнесения к разновидности заключений.

Ранее специалист в силу положения п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.10.2010 №28 мог быть привлечен для оказания помощи в оценке заключения эксперта. В силу изменений, внесенных в июне 2021 года, данное положение было исключено. Иными словами, разрешение на совершение таких действий было дано не законодателем, а Верховным Судом РФ.

На сегодняшний день это положение, как уже было указано, исключено, хотя составление данного документа все еще весьма распространено на практике в настоящее время. Исключенное разъяснение не повлекло за собой исключения совершения данного действия из правоприменительной практики. Например, рецензия специалиста упоминается в Апелляционном постановлении № 22-355/2024 22-9360/2023 от 7 февраля 2024 г. по делу № 1-115/2023 [1]. Потапов С.А. осужден по ч. 1 ст. 264 УК РФ. В ходе апелляционного производства была рассмотрена рецензия специалиста. Суд отметил, что рецензия специалиста по факту ДТП не имеет доказательственного значения и вследствие этого не может быть принята во внимание. Приводя в пример данное постановление, мы подтверждаем тезис о попытках продолжения использования рецензий в правоприменительной практике.

Здесь возникает существенная вероятность отказа суда в ее приобщении к уголовному делу. Обоснование этому видится следующее: отсутствие данного института в УПК РФ, что, в частности, подтверждается и упомянутым выше апелляционным постановлением. Составление рецензии – действие непроцессуальное. Но даже если рассматривать рецензию специалиста как вид заключения специалиста, такая вероятность отказа уменьшается ненамного, поскольку само заключение специалиста мало урегулировано в уголовно-процессуальном законодательстве. Возникает вопрос: относится ли в действительности рецензия к числу заключений специалиста? Рассмотрим существующие позиции. Адвокат В.Ю. Бондарчук пишет: «многие организации, предлагающие составить заключение специалиста, почему-то именуют его рецензией на заключение судебной экспертизы» [3]. Здесь прослеживается позиция отождествления рецензии и заключении специалиста.

Хотя есть и другая позиция. На сайте Северо-Западного Регионального центра Экспертиз опубликована статья, раскрывающая сущность рецензии кардинально иным образом. Отмечается, что рецензию зачастую путают с заключением специалиста, тем самым четко разграничивая данные понятия и предопределяя их разную правовую природу [9].

Вышеуказанное демонстрирует, что даже среди практиков нет единства мнений о правильности отождествления заключения и рецензии специалиста. От законодателя, в свою очередь, также нет никаких разъяснений. Очевидно, что такое сло-

жившееся положение неблагоприятно влияет на практику применения заключений специалиста.

Все это приводит лишь к неясности в установлении доказательственной роли заключения специалиста. Для решения данной проблемы нам видится два возможных варианта. Первый – нормативно закрепить институт рецензирования заключений эксперта. Второй – более детально регламентировать заключение специалиста как доказательство, полностью минимизировав роль рецензии специалиста.

Применение первого способа, на наш взгляд, не является рациональным решением. Суды явно демонстрируют непринятие рецензий. Это может лишь свидетельствовать о наличии технических, сущностных и содержательных проблем такого документа как рецензия. Рецензия сейчас – мало исследованный документ. Его институционализация в УПК РФ повлечет лишь новые сложности, которые будут связаны с процессом его внедрения и апробации. Помимо этого, по нашему мнению, рецензия в действительности не имеет существенного значения для процесса доказывания. Рецензия может выступать только лишь как вспомогательный материал. В доктрине такой вид документального оформления познавательной деятельности специалиста недостаточно изучен. Это предопределяет нашу склонность к позиции о недопустимости институционализации рецензий в уголовном процессе.

Реализация второго способа решения выявленной проблемы представляется более целесообразной. Включение новых норм, регламентирующих заключение специалиста, позволит дать четкое разграничение между понятиями рецензия и заключение специалиста и решить иные проблемы, которые связаны с недостаточным регулированием заключения специалиста. Такие изменения позволят внести ясность в практику отказа судов в приобщении заключения к уголовному делу.

Итак, мы предлагаем ввести ст. 80.1 в УПК РФ, раскрывающие требования, предъявляемые к заключению специалиста. Данная норма должна содержать положения, отражающие требования к структуре заключения специалиста, роль и место материалов, его иллюстрирующих, а также разъяснения о порядке действий в случае установления обстоятельств, в связи с которыми специалисту не были поставлены вопросы, однако они имеют отношение к уголовному делу.

Поскольку заключение специалиста является доказательством на специалиста возлагается моральная и профессиональная ответственность за

его достоверность. Необходимо обратить внимание, его ответственность затрагивает только этико-профессиональную сторону, фактически игнорируя сторону правовую. Это выражается в исключении специалиста за дачу заведомо ложного заключения из числа субъектов преступления по ст. 307 УК РФ.

Необходимость предупреждения специалиста об ответственности по ст. 307 УК РФ – предмет дискуссий среди процессуалистов. Сейчас вынесение заведомо ложного заключения фактически не влечет для специалиста никаких юридических последствий. Уголовный закон не содержит мер ответственности в указанной ситуации. Отражая авторское видение на данный аспект, считаем существующее положение недопустимым. Юридическая ответственность специалиста – гарантия качества. А пренебрежение качеством в уголовном процессе непозволительно.

Заключение специалиста – важный документ, требующий от специалиста специальных профессиональных навыков и зачастую особой подготовки. Заключение специалиста оценивается судом наряду с иными доказательствами. Заключение специалиста не должно находиться в иерархии доказательств ниже чем, например, заключение эксперта. Они должны оцениваться одинаково ввиду закрепления положения о непредустановленности доказательственной силы.

Однако учитывая все ранее нами указанное, отмечаем, что в настоящее время велика вероятность формирования заведомо ложных заключений, так как таких санкций, предусмотренных как, например, для эксперта в отношении специалиста не предусмотрено. Заключение – есть суждение специалиста. Правоведы в своих исследованиях часто поднимают вопрос о возможности восприятия суждения в качестве доказательства. Не вдаваясь в детали обсуждения, отметим, что если заключение специалиста через призму его суждения признано законодателем доказательством, то и требования к нему должны быть соответствующие. Отсутствие юридических последствий за ложное заключение формирует почву для фальсификации доказательств. Представляется необходимым введение уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ, а также предупреждение специалиста о такой ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

Имеет пробелы и порядок инициирования данного процесса. Необходимо предусмотреть, что заключение специалиста может быть получено как по инициативе стороны обвинения, так и по иници-

иативе стороны защиты. Такие условия следует отразить в норме, регламентирующей требования, предъявляемые к заключению специалиста, введение которой предлагалось нами ранее. Наделение таким правом, а также нормативное закрепление данного права в УПК РФ позволят наметить пути разрешения одной из наиболее животрепещущих проблем как проблема обеспечения равноправия и состязательности сторон в уголовном процессе. Обращаясь к вышеизложенному, обратим внимание на то, что состязательность и равноправие в случае необоснованного отказа в приобщении заключения специалиста к материалам уголовного дела стороне защиты ставятся под угрозу нарушения.

Очевидно, что это является недопустимой ситуаций. Представляется, что это приобретает особую важность в условиях повсеместного обсуждения практиками и учеными проблемы обвинительного уклона российского уголовного судопроизводства. Не вдаваясь в суть и подробности данной дискуссии, отметим, что отсутствие четкой регламентации механизма получения заключения специалиста служит катализатором для укрепления тенденции обвинительного уклона отечественного уголовного судопроизводства.

Выводы

Заключение специалиста – категория весьма спорная, порождающая уже два десятилетия активные обсуждения среди процессуалистов. По-прежнему дискуссионным остается правовая природа и вопрос соотношения рецензии и заключения специалиста. В том числе, нет определенности в отношении рецензии к разновидности заключения. Форма заключения специалиста и требования к нему – положения, вовсе лишенные внимания законодателя.

Ответственность специалиста за заведомо ложное заключение – тема, активно обсуждаемая, однако на сегодняшний день не получившая своего разрешения. Заключение специалиста в качестве доказательства требует дополнительного сосредоточения со стороны федерального законодателя, поскольку имеет существенное количество пробелов в правовой регламентации. На сегодняшний день качество нормативного регулирования заключения специалиста весьма низкое. Неопределенность отмечается и в правопонимании различных юридических категорий, касающихся заключения специалиста. Ввиду этого решение назревших проблем очевидно необходимо, в связи с чем, в частности, нами была предпринята попытка из-

ложения собственного видения на разрешение выявленных проблем.

Внесение подобных изменений в уголовно-процессуальное законодательство позволит сделать существенный шаг в судебной и следствен-

ной практике, когда заключение специалиста будет оценено по достоинству. Только более четкая нормативная регламентация позволит правильно оценивать соответствие заключения специалиста принципам относимости и допустимости.

Список источников

1. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда № 22-355/2024 22-9360/2023 от 7 февраля 2024 г. по делу № 1-115/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nVDQXbImYaQn/> (дата обращения: 03.07.2024)
2. Вдовцев П.В., Чарыков А.В. Заключение специалиста как иной документ // Российский следователь. 2020. № 7. С. 23 – 28.
3. Заключение специалиста – доказательство или фикция? // Праворуб. URL: <https://pravorub.ru/articles/103571.html> (дата обращения: 04.10.2024).
4. «Закон обратного действия» в действии? // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/zakon-obratnogo-deystviya-v-deystvii/> (дата обращения 01.07.2024)
5. Каландаришвили Х.А. Теоретические и правовые аспекты использования показаний и заключения специалиста в уголовно-процессуальном доказывании // Пролог: журнал о праве. 2024. № 2. С. 114 – 121.
6. Надоненко О.Н. Привлечение специалиста к уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 11. С. 127 – 134.
7. Непропорциональные ограничения // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/neproportionalnye-ogranicheniya/> (дата обращения 30.06.2024)
8. Саакова С.А. Заключение специалиста-почерковеда в уголовном судопроизводстве: правовая природа и тенденции дальнейшего развития // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 210 – 217.
9. Чем рецензия экспертизы отличается от заключения специалиста // Северо-Западный Региональный Центр Экспертиз. URL: <https://szrce.ru/chem-recenzija-jekspertizy-otlichaetsja-ot-zakljucheniya-specialista> (дата обращения: 05.07.2024)
10. Шипшин С.С., Кружкова С.А. К вопросу о заключении специалиста в уголовном процессе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 1 (128). С. 132 – 135.

References

1. Appellate ruling of the Krasnodar Regional Court No. 22-355/2024 22-9360/2023 dated February 7, 2024 in case No. 1-115/2023. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nVDQXbImYaQn/> (date of access: 07/03/2024)
2. Vdovtsev P.V., Charykov A.V. Expert opinion as another document. Russian investigator. 2020. No. 7. P. 23 – 28.
3. Expert opinion – evidence or fiction? Pravorub. URL: <https://pravorub.ru/articles/103571.html> (date of access: 10/04/2024).
4. "The Law of Retroactive Action" in Action? Advocate Newspaper. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/zakon-obratnogo-deystviya-v-deystvii/> (date of access 01.07.2024)
5. Kalandarishvili H.A. Theoretical and Legal Aspects of Using Testimony and Expert Opinions in Criminal Procedure Proving. Prologue: Journal of Law. 2024. No. 2. P. 114 – 121.
6. Nadonenko O.N. Bringing a Specialist to Criminal Liability under Art. 307 of the Criminal Code of the Russian Federation. Actual Problems of Russian Law. 2023. No. 11. P. 127 – 134.
7. Disproportionate Restrictions. Advocate Newspaper. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/neproportionalnye-ogranicheniya/> (date of access 30.06.2024)
8. Saakova S.A. Conclusion of a handwriting expert in criminal proceedings: legal nature and trends of further development. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 6. P. 210 – 217.

9. How does an expert review differ from a specialist's opinion. North-West Regional Center for Expertise. URL: <https://sizrce.ru/chem-recenzija-jekspertizy-otlichaetsja-ot-zakljuchenija-specialista> (date of access: 05.07.2024)

10. Shipshin S.S., Kruzhkova S.A. On the issue of a specialist's opinion in criminal proceedings. Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2021. No. 1 (128). P. 132 – 135.

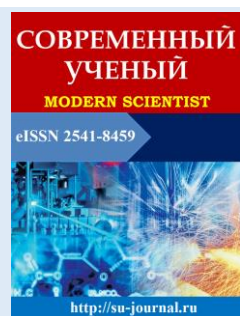
Информация об авторах

Лукиянчикова Е.Ф., кандидат юридических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Ляхова А.И., кандидат юридических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Алейникова В.А., ассистент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, aleynikova0907@yandex.ru

© Лукьянчикова Е.Ф., Ляхова А.И., Алейникова В.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки
(юридические науки)

УДК 347.77.01

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-383-388

Дискуссия о результатах деятельности искусственного интеллекта: проблема права на результат

¹ Джаниев В.Б.

¹ *Российский новый университет*

Аннотация: данная статья посвящена такой актуальной в последние годы теме, как права на результат деятельности искусственного интеллекта. Все большая доступность искусственного интеллекта для решения разного рода задач, в том числе для творчества, неизбежно приводит к тому, что возникает потребность в правовом регулировании данной сферы. За рубежом вопрос о правовой регламентации, об определении статуса искусственного интеллекта и тех результатов, которые могут быть получены при его использовании, разрешается различным образом. В России в этой части дискуссии еще не завершены даже на теоретическом уровне, а вопрос о том, кого надлежит рассматривать в качестве правообладателей в отношении выдаваемых искусственным интеллектом результатов не проработан, но явная необходимость в этом присутствует. Причина – повышение доступности для населения искусственного интеллекта как для личных целей, решения профессиональных задач, так и для творчества. Статус подобных результатов деятельности искусственного интеллекта не определен. Сохраняется проблема его функционирования в аспекте возможности заимствования им чужих идей и наработок, любой, находящейся в открытом доступе информации для выполнения поставленной перед ним человеком задачи. Разрешать вопрос о правах на результатах функционирования искусственного интеллекта на уровне норм права необходимо уже в современных условиях во избежание проблем и массовых споров в будущем, в том числе в силу того, что применение аналогии закона, исходя из специфики самого инструмента – искусственного интеллекта, может стать невозможным. Результатом комплексного анализа существующих воззрений в отношении права на результаты, полученные с использованием искусственного интеллекта, выступает авторское видение правового статуса искусственного интеллекта и характера его результатов, излагаемых в настоящей статье.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, объекты интеллектуальной собственности, правовое регулирование, международное право, международный договор, право интеллектуальной собственности, защита права

Для цитирования: Джаниев В.Б. Дискуссия о результатах деятельности искусственного интеллекта: проблема права на результат // Современный ученый. 2025. № 1. С. 383 – 388. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-383-388

Поступила в редакцию: 13 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 14 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

The debate on artificial intelligence outputs: the problem of the right to the result

¹ Dzhaniev V.B.

¹ Russian New University

Abstract: this article is devoted to such an urgent topic in recent years as the rights to the result of artificial intelligence activity. The increasing availability of artificial intelligence for solving various kinds of tasks, including creativity, inevitably leads to the fact that there is a need for legal regulation of this area. Abroad, the question of legal regulation, the definition of the status of artificial intelligence and the results. Which can be obtained by its use, is solved in various ways. In Russia, the discussions in this part have not yet been finalized even at the theoretical level, and the question of who should be considered as right holders in relation to the results produced by artificial intelligence has not been elaborated, but there is a clear need for it. The reason is to increase accessibility of artificial intelligence for the population both for personal purposes, solution of professional tasks and for creativity. The status of such results of artificial intelligence activity is not defined. The problem of its functioning in the aspect of possibility of borrowing other people's ideas and developments, any publicly available information to fulfill the task set before it by a human remains. It is necessary to resolve the issue of rights to the results of artificial intelligence functioning at the level of law norms already in modern conditions in order to avoid problems and mass disputes in the future, including due to the fact that the application of analogy of law, based on the specifics of the tool itself – artificial intelligence, may become impossible. The result of a comprehensive analysis of existing views regarding the right to the results obtained with the use of artificial intelligence is the author's vision of the legal status of artificial intelligence and the nature of its results presented in this article.

Keywords: intellectual property, intellectual property objects, legal regulation, international law, international treaty, intellectual property right, legal protection

For citation: Dzhaniev V.B. The debate on artificial intelligence outputs: the problem of the right to the result. Modern Scientist. 2025. 1. P. 383 – 388. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-383-388

The article was submitted: September 13, 2024; Approved after reviewing: November 14, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Искусственный интеллект (далее по тексту – ИИ) в последние годы становится все более доступным. Появляются различные версии ИИ, которые могут быть использованы как в отсутствие платы, так и за плату неограниченно большим количеством людей. При этом разработчики и правообладатели не ограничивают пользователей платформ в праве использования ресурсов ИИ, что позволяет решать разного рода задачи, как прикладного характера, так и профессионального, для целей развлечения и творчества. Существуют не только российские, но и зарубежные платформы. Результат, который может быть получен при применении возможностей ИИ, используется для разных целей. При этом законодательство нашего государства не содержит глубоко проработанных норм, касающихся определения статуса ИИ, его результатов.

Основная проблема, которая уже проявилась на

практике, – это произвольное заимствование ИИ информации, находящейся в свободном доступе, но предполагающей сохранение авторства, для создания нового результата. При установлении факта неправомерного, то есть в отсутствие согласия либо в отсутствие платы использования той или иной информации неизбежно возникает спор для целей защиты интересов правообладателей, а также присутствует правовая неопределенность, следует ли рассматривать результат, выданный ИИ, как самостоятельный, кого надлежит рассматривать в качестве правообладателя, каков статус самого результата, отвечает ли он требованиям новизны, уникальности, является ли продуктом творчества, то есть предполагается ли в отношении правовая охрана.

В совокупности наличие проблемы и недостаточная проработанность законодательства в части результатов, которые можно получить, используя ИИ, свидетельствуют о необходимости разработки

темы для целей создания основы правового регулирования.

Цель исследования – проведение анализа законодательства России и теоретических воззрений в отношении определения правового статуса результатов использования ИИ, как способа определения возможности признания за ИИ правосубъектности, а за результатами его использования – статуса объектов, которым придается правовая охрана, что предполагает потребность решить следующие задачи:

- проанализировать понятие ИИ с позиции теории права и законодательного регулирования;
- исследовать теоретические воззрения в отношении результатов использования ИИ;
- сформулировать авторское видение сущности ИИ, перспектив определения правового статуса результатов его использования, как основы для последующего совершенствования правового регулирования в данной сфере.

Востребованность и постепенно распространение, доступность искусственного интеллекта являются причиной, в силу которых возникает потребность проработки теоретических основ его использования, что в итоге приводит к появлению научных исследований в данной сфере.

Научных работ, в том числе диссертаций, а также статей, в рамках которых анализируется вопрос о правовом статусе ИИ и результатах его использования, в настоящее время достаточно много. При этом присутствуют как общие исследования, так и узкоспециальные, работы правового характера и иного.

Среди авторов, в исследованиях которых анализируется статус искусственного интеллекта с позиции права, можно отметить П.М. Морхата, Р.Х. Рахматуллину, Е.П. Русакову.

Разработке направлений изменений законодательства, регламентирующего правоотношения, связанные с созданием и использованием результатов, которые могут быть получены при применении ИИ, посвящены работы И.Р. Бегишева, Е.П. Сесицкого, А.А. Щитовой.

Несмотря на наличие определенного количества научных работ, вопрос как о статусе искусственного интеллекта, так и о результатах его использования, как представляется, еще не до конца разрешен в законодательстве, в силу чего потребность в исследовании сферы использования ИИ сохраняется.

Материалы и методы исследований

При проведении исследования за основу было

принято законодательство России, регулирующее правоотношения в связи с использованием ИИ, теоретические воззрения, излагаемые в научных статьях. В рамках настоящего исследования использовались формально-правовой, сравнительно-правовой методы, а также методы анализа и синтеза.

Результаты и обсуждения

Общественные отношения, определяемые государством, как предполагающие правовое регулирование для целей их упорядочения, выстраиваются на основе признания наличия правосубъектности их участников. Российское законодательство признает наличие таковой у физических лиц, юридических, публичных образований, вследствие чего их права, обязанности и ответственность определены, а основы правового статуса регламентированы нормами Гражданского кодекса РФ.

ИИ в качестве субъекта правоотношений в нормах права не выделен, что следует толковать как признание отсутствия у него правосубъектности. Рассматривается, с позиции правового регулирования, ИИ в качестве комплекса технологических решений, который может имитировать функции человека и получать определенные результаты, либо как искусственно воспроизводимая интеллектуальная мыслительная человеческая деятельность. Оба приведенных нормативных определения основываются на понимании ИИ, как программного обеспечения и периферии, благодаря которой данное программное обеспечение может функционировать, получая определенные результаты. Важной характеристикой, на которой сделан акцент в законодательстве, является определение получаемых ИИ результатов с теми, которые могут быть получены в результате мыслительной деятельности человека, но не в полной мере тождественных им. На это указывает использование таких оборотов, как «имитация», «искусственное воспроизведение».

В зарубежной литературе по данному поводу присутствуют различные точки зрения, близкой и правильно отражающей сущность ИИ представляется та, согласно которой ИИ не самостоятелен, а признание за ним возможности мыслить и творить по аналогии с человеком – это стремление реализовать идею антропоморфизма, то есть попытка очеловечить, оживить то, что в принципе не является живым созданием [1, с. 86].

Дифференциация ИИ, в зависимости от того, для каких целей он создан и какие функции может выполнять, в законодательстве России отсутствует, в то время как за рубежом уже, как указывают

исследователи, уже есть классификация, в рамках которой выделяет узкоспециальный ИИ, например, предназначенный для выполнения определенной функции, а также неспециализированный, предполагающий наличие способности к самообучению, что предопределяет различия подходов к правовому регулированию [2, с. 466].

С позиции теории, как отмечается в научной литературе, понятие искусственного интеллекта формируется на продолжении длительного периода времени и единого подхода к пониманию его сущности нет. В зависимости от того, с какой позиции рассматривается сущность ИИ, он рассматривается либо как создание, способное мыслить, практически как человек, либо как некая вычислительная машина, лишенная мышления и опыта [3, с. 58], не способная к самообучению [4, с. 190]. Интересно утверждение, что ИИ – это не объективированный результат, а процесс интеллектуальной деятельности, имеющей сходство с человеческой [5, 100], а также иное: что ИИ – это способность компьютеров к поведению, сходному с поведением разумных существ [6, с. 583].

Столь противоположные точки зрения сформированы в разное время и при различном уровне развития техники, в том числе искусственного интеллекта. Представляется, что ни одну из них не следует рассматривать, как безусловно правильную. ИИ, согласно иным воззрениям, способен лишь имитировать когнитивные функции человека, но при этом самостоятельным он не является, в том числе вследствие наличия у него заданных алгоритмов действия [7, с. 286], существуя в материальной либо нематериальной форме (во втором случае речь идет исключительно о цифровой форме, когда носитель во внимание не принимается [8, с. 422]).

Именно такое понимание сущности ИИ в настоящее время представляется более близким к истине. Даже если принять во внимание создание ИИ, способного к обучению за счет наличия у него доступа к информации, то все же ИИ всегда действует по тем алгоритмам, которые были созданы человеком, у него отсутствует творческое начало, то есть самостоятельно, без команды со стороны человека ИИ не может создавать что-либо. Как минимум, на первоначальной стадии должна последовать команда от человека с указанием на необходимость совершить определенное действие, деятельность и получить тот или иной результат. После этого степень вовлеченности человека в процесс может существенно отличаться – от полного постоянного контроля до ожидания результа-

та, когда процесс осуществляет ИИ уже в отсутствие прямого контроля и дальнейших указаний.

Поэтому можно поспорить с определением ИИ, как способного к саморазвитию, которое также встречается в научной литературе [9, с. 32]. Более правильным будет утверждение о выполнении ИИ заданной функции сбора и анализа информации в соответствии с заданным человеком способом выполнения данных действий. Иными словами, увеличение объема сведений, которыми располагает ИИ, обусловлено выполнением определенного алгоритма. Тут отсутствует стремление к познанию и собственная инициатива. Проводимый ИИ сбор и анализ информации не тождественен процессу мыслительной деятельности человека, не ограничиваемой определенными алгоритмами и отчасти обусловленной наличием эмоциональной составляющей, личностными качествами. Вместе с тем, системное осуществление указанных действий ИИ, как отмечают некоторые исследователи, действительно позволяет получить ему сведений, которые не были заложены разработчиками [10, с. 32].

Вследствие этого возникает и продолжается дискуссия относительно того, каков статус результатов функционирования ИИ. Чтобы сформировать позицию по данному поводу, необходимо проанализировать сам процесс создания определенного результата вне зависимости от его характера, будь то, например, рисунок, график, эссе, видео или что-то еще. Во-первых, необходимо определенное комплексное решение, то есть создание программного обеспечения, инфраструктуры, обеспечивающей возможность использования программного обеспечения, в том числе, в частности определенного ресурса в сети «Интернет». При этом права возникают на программное обеспечение, на его носителей и систему, обеспечивающую возможность доступа, на ресурсы в сети «Интернет». Программное обеспечение при этом – самостоятельный объект авторского права, которому придается правовая защита не только в России, но и за рубежом, а также на уровне норм международного права. Возможность использования программного обеспечения, в силу норм российского законодательства предполагает необходимость получения права на его использование (за плату или в отсутствие таковой, в зависимости от усмотрения автора). Результат использования программного обеспечения, как и обращения к ресурсу в сети «Интернет» не предполагает, что возникают правомерные правопритязания со стороны их правообладатель.

Следовательно, на результат, полученные при использовании подобного программного обеспечения и ресурсов, каким бы сложными они не были, права возникают непосредственно у лица, их использующего правомерно. Подобное толкование права позволяет утверждать, что создатели и правообладатели ИИ, предоставляя возможность его использования третьим лицам не получают права на результат.

Следующий спорный аспект - это кого надлежит рассматривать, как создателя результата как такового. По мере развития ИИ, появления его новых модификаций степень участия человека в процессе неизбежно снижается. Самостоятельные, по заданному алгоритму, сбор, обработка и преобразование сведений, получение того или иного заданного результата в некоторых случаях рассматривается, как функционирование только ИИ и исключение возникновения права на результат у человека. Однако ИИ не может обладать правосубъектностью. Его самостоятельность условна, поскольку речь идет о самостоятельности программы, сколь сложной она бы ни была.

Сложным является вопрос о том, насколько правомерно использовании ИИ информации, которую он может собрать из ресурсов, находящимся в свободном доступе. Достаточно большое количество подобной информации либо правомерно, то есть с согласия и по желанию автора или правообладателя, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для целей, которые не связаны с осуществлением предпринимательства, преимущественно для личных целей. ИИ, осуществляя сбор информации, может ее использовать для получения результата, использование которого возможно в рамках коммерческой деятельности. Выявить сам факт заимствования чужих идей образов и тому подобного на стадии получения от ИИ конечного результата либо крайне сложно, либо затратно, либо невозможно, потому что специфика предоставления правовой охраны объектам интеллектуальной собственности проявляется в отсутствии обязательного требования о регистрации отдельных ее видов, что может затруднить проверку авторства.

В этом случае, как представляется, возникает ряд рисков. К примеру, риск невозможности использования результата, полученного от ИИ, вследствие значимого заимствования; риск воз-

никновения обязанности принять меры к восстановлению прав автора или правообладателя (преимущественно возникновение обязанности по осуществлению платежей). Однако, как представляется, даже в ситуации заимствования автор или правообладатель не получает прав в отношении нового результата, потому что отсутствует его прямое или косвенное участие в его создании. Речь будет идти исключительно о нарушении права.

Выводы

Резюмируя, можно сделать вывод, что искусственный интеллект, даже в свете его активного развития и появления новых возможностей использования, не должен наделяться самостоятельной правосубъектностью, ИИ не самостоятелен. Даже при системном выполнении определенной задачи, выполнении совокупности задач, они должны быть заданы человеком. Способность расширения данных, получения новых, их сбора, обработки и преобразования не делают ИИ тождественным человеку. В любом случае, для выполнения определенной задачи она должна быть поставлена человеком.

Полученный результат может обладать индивидуальностью. Не исключено, что может присутствовать новизна, уникальность. Однако это не творчество, а сбор и обработка существующих данных по заданному формату, на основе идеи человека.

Исходя из подобного определения результата функционирования ИИ, можно утверждать, что он не может принадлежать ему, так как ИИ, будучи системой обработки данных, не в состоянии распоряжаться результатом, не может нести ответственность, в том числе в случае неправомерного заимствования результатов чужого творчества. Право на результат предлагается признавать за человеком, по инициативе и при участии которого он создан. Проблемный в данном случае остается один аспект – это права и законные интересы не только оператора ИИ, но и разработчиков, а также лиц, предоставляющих возможность использовать его для целей оператора. В этом случае целесообразно рассматривать отказ от признания за ними права на результат, а обеспечивать интересы следует на основе платности использования, по аналогии с арендой имущества.

Список источников

1. Paksi D. The coherent emergentist concept of machines; or why the popular concept of artificial intelligence is a materialist anthropomorphism // *Információs Társadalom*. 2024. No. 24 (2). P. 85 – 100.
2. Tataru S.R., Cretu C. Decoding the EU artificial intelligence act: an analysis of key concept and provisions // *Journal of Public Administration Finance and Law*. 2024. No. 31 (31). P. 463 – 474.
3. Лукьяненко А.А. Истоки и перспективы диалектической концептуализации понятий «механизм» и «организм» при описании феномена искусственного интеллекта // *Общество: философия, история, культура*. 2022. № 11 (103). С. 55 – 59.
4. Алехина А.О. Понятие «искусственный интеллект» и возможности применения его в сфере уголовного судопроизводства // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2024. № 1 (156). С. 186 – 192.
5. Демидов А.В. Искусственный интеллект: понятие и пути его создания // *Тенденции развития науки и образования*. 2022. № 92-3. С. 98 – 107.
6. Шияев Д.С. Понятие искусственного интеллекта в британском и российском праве // *Вопросы российской юстиции*. 2024. № 32. С. 582 – 587.
7. Мансуров Г.З. Понятие и признаки искусственного интеллекта // *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 11 (227). С. 286 – 287.
8. Мурашкин И.С. Правовой режим искусственного интеллекта и определение его понятия // *правление социально-экономическим развитием: инновационный и стратегический подходы*. Материалы Национальной научно-практической конференции. Гатчина, 2024. С. 420 – 424.
9. Ларчев Д.В. Искусственный интеллект: понятие, признаки, классификация // *Правовой альманах*. 2024. № 1 (32). С. 29 – 34.
10. Шарапова Е.В. К вопросу об определении понятия искусственного интеллекта в научных источниках // *Трибуна ученого*. 2023. № 3. С. 31 – 35.

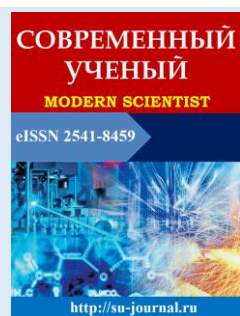
References

1. Paksi D. The coherent emergentist concept of machines; or why the popular concept of artificial intelligence is a materialist anthropomorphism. *Information Társadalom*. 2024. No. 24 (2). P. 85 – 100.
2. Tataru S.R., Cretu C. Decoding the EU artificial intelligence act: an analysis of key concept and provisions. *Journal of Public Administration Finance and Law*. 2024. No. 31 (31). P. 463 – 474.
3. Lukyanenko A.A. Origins and prospects of dialectical conceptualization of the concepts of “mechanism” and “organism” in describing the phenomenon of artificial intelligence. *Society: philosophy, history, culture*. 2022. No. 11 (103). P. 55 – 59.
4. Alekhina A.O. The concept of "artificial intelligence" and the possibilities of its application in the field of criminal proceedings. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2024. No. 1 (156). P. 186 – 192.
5. Demidov A.V. Artificial intelligence: concept and ways of its creation. *Trends in the development of science and education*. 2022. No. 92-3. P. 98 – 107.
6. Shilyaev D.S. The concept of artificial intelligence in British and Russian law. *Issues of Russian justice*. 2024. No. 32. P. 582 – 587.
7. Mansurov G.Z. Concept and features of artificial intelligence. *Law and state: theory and practice*. 2023. No. 11 (227). P. 286 – 287.
8. Murashkin I.S. Legal regime of artificial intelligence and definition of its concept. management of socio-economic development: innovative and strategic approaches. *Proceedings of the National scientific and practical conference*. Gatchina, 2024. P. 420 – 424.
9. Larchev D.V. Artificial intelligence: concept, features, classification. *Legal almanac*. 2024. No. 1 (32). P. 29 – 34.
10. Sharapova E.V. On the issue of defining the concept of artificial intelligence in scientific sources. *Tribune of the scientist*. 2023. No. 3. P. 31 – 35.

Информация об авторе

Джаниев В.Б., аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-7341-6683>, Российский новый университет, 89261375360@bk.ru

© Джаниев В.Б., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

УДК 343.01

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-389-395

Профилактические и оперативные меры борьбы с преступностью в годы Великой Отечественной войны: нормативно-правовой аспект

¹ Первых Т.А.

¹ Пензенский государственный университет

Аннотация: статья посвящена актуальной проблеме применения профилактической и оперативной борьбе с преступностью в непростой для страны период Великой Отечественной войны.

Цель исследования заключается в том, чтобы обобщить нормативно-правовой опыт борьбы с преступностью в данный исторический период. Задачи исследования состоят в фактографическом анализе научной литературы и исторических источников по изучаемой теме; рассмотрении основных нормативных актов, регулировавших борьбу с преступностью в период Великой Отечественной войны, а также в обобщении полученных результатов.

Методология исследования базируется на историко-правовом подходе. В рамках исследования были применены такие методы, как: формально-логический анализ; историко-правовой анализ исторических документов и нормативных актов; историографический анализ научно-исследовательской литературы по изучаемой теме.

По итогу проведенного исследования были сделаны следующие выводы: систематизация нормативной правовой базы, в том числе введение высшей меры и военного трибунала «без суда и следствия» для наказания преступников без бюрократических процедур позволяла оперативно выявлять и пресекать преступные деяния в период военного положения.

Ключевые слова: история государства и права, нормативная правовая база, профилактика преступных деяний, борьба с преступностью, Великая Отечественная война

Для цитирования: Первых Т.А. Профилактические и оперативные меры борьбы с преступностью в годы Великой Отечественной войны: нормативно-правовой аспект // Современный ученый. 2025. № 1. С. 389 – 395. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-389-395

Поступила в редакцию: 14 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 15 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Preventive and operational measures to combat crime during the Great Patriotic War: regulatory and legal aspect

¹ Pervyh T.A.

¹ Penza State University

Abstract: the article reveals an actual problem of the use of preventive and operational combat against crime in the difficult period of the Great Patriotic War for the country.

The study goal is to summarize the legal experience of combating crime in this historical period. The research objectives include the factual analysis of scientific literature and historical sources on the topic under study; consideration of the main normative acts regulating the fight against crime during the Great Patriotic War, as well as in the generalization of the results obtained.

The research methodology is based on the historical and legal approach. Within the framework of the study, the following methods were used: formal logical analysis; legal analysis of historical documents and regulations; historiographical analysis of research literature on the topic under study.

Based on the research results, the following conclusions were made: the systematization of the regulatory legal framework, including the introduction of capital punishment and a military tribunal «without trial and investigation» to punish criminals without bureaucratic procedures, made it possible to quickly identify and suppress criminal acts during martial law.

Keywords: history of state and law, regulatory framework, prevention of criminal acts, fight against crime, Great Patriotic War

For citation: Pervyh T.A. Preventive and operational measures to combat crime during the Great Patriotic War: regulatory and legal aspect. Modern Scientist. 2025. 1. P. 389 – 395. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-389-395

The article was submitted: September 14, 2024; Approved after reviewing: November 15, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в современных условиях в процессе нормотворчества возникает необходимость обращения к историческому опыту военного времени в области законодательного регулирования деятельности по профилактике и оперативному пресечению преступных деяний. В период Великой Отечественной войны (1941-1945) тщательная разработка нормативной правовой базы стала важнейшим фактором защиты общества от такого асоциально-го явления, как преступность.

Главный орган управления военной сферой стал Государственный комитет обороны (ГКО), который фактически стал центральным органом чрезвычайного управления в военной ситуации [18]. ГКО также стал центром межведомственной координации для всех силовых структур страны, начиная от органов государственной безопасности и заканчивая добровольными дружинами местной милиции. На Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) были возложены основные полномочия в сфере борьбы с преступностью, который,

начиная с момента создания 10 июля 1934 года по постановлению Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР, фактически проводит операции по профилактической работе, поимке и транспортировке преступников в места отбывания наказания [13].

В условиях военного времени, когда в стране господствовали хаос и бедствия, данная структура стала центральным органом, который смог эффективно мобилизовать усилия государства в области мер для предотвращения преступлений и обеспечения общественного порядка. Кроме НКВД, были также созданы в 1941 году военные трибуналы, которые занимались расстрелами на месте тех нарушителей, которые осуществляли особо опасную для государства преступную деятельность: дезертирство, саботаж, диверсионная работа и т.п.

В то же время, несмотря на крайнюю нехватку ресурсов, милиции удавалось поддерживать определенный уровень законности в тылу, особенно в сфере борьбы с мародерством и спекуляциями.

По мнению историков, немаловажную роль сыграло и создание народных дружин из числа

простых граждан, которые вели дежурство на улицах городов и пресекали мелкие правонарушения []. Самоотверженная и слаженная работа стали основой для соблюдения той нормативной правовой базы, которая была заложена в годы Великой Отечественной войны для противоборства преступности.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования были использованы историко-философские и правоведческие работы таких авторов, как Я.А. Антонов [1], Н.В. Голубых, В.А. Чашников [4], Л.Н. Гусев [7], А.В. Жадан [8], Л.М. Карпова [10], А.А. Климов [11], Р.С. Мулукаев [12], А.В. Сучилкин, Е.В. Сучилкина [17] и др.

Теоретические правовые аспекты противоборства преступности в тылу и на фронте в периоды военного времени были исследованы на основе работ таких авторов, как М. Адеми, В. Вула [19], А. Хайдер, А. Али, Б. Зеб [20], М. Исах, Д. Хаджара [21], Э. Салем, М. Омар [22], Дж. Салливан [23] и др.

Методы исследования применялись в рамках историко-правового подхода, в их числе можно перечислить методы общенаучной группы (анализ, синтез, обобщение, сопоставление) и некоторые специальные методы. В исследовании были про-

ведены историографический анализ научной литературы; историко-правовой анализ исторических документов и нормативных актов периода Великой Отечественной войны.

Результаты и обсуждения

Поскольку одной из важнейших задач государства в современных условиях является повышение эффективности обеспечения региональной безопасности в сфере противоборства преступности, возникает необходимость проведения исторического анализа документов компетентных органов периода Великой Отечественной войны. Для успешного выполнения этой задачи необходимо учитывать исторически сформированные нормативные основания как определенный опыт нормотворчества, поэтому нормативные правовые документы, регулирующие борьбу с преступностью и обеспечивавшие общественный порядок в период Великой Отечественной войны, актуальны как для фундаментальных исследований правового характера, так и для современной нормотворческой деятельности.

Историографический анализ исторических правовых источников позволил систематизировать правовую базу периода Великой Отечественной войны в хронологическом порядке следующим образом (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

№ п/п	Наименование документа	Хронология	Краткое содержание документа
1	Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О разделении наркомата внутренних дел СССР на два наркомата»	3 февраля 1941 г.	Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) был разделен на два наркомата: - народный комиссариат внутренних дел СССР; - народный комиссариат государственной безопасности СССР.
2	Указ Президиума Верховного Совета СССР «О разделении народного комиссариата Внутренних дел СССР».		
3	Указ Президиума ВС СССР «О военном положении»	22 июня 1941 г.	Было введено военное положение во всем СССР и в отдельных регионах.
4	Постановление СНК СССР «О сдаче населением радиоприемных и передающих устройств»	25 июня 1941 г.	Документ был направлен на ликвидацию возможного риска радиопередач для врага со сторон внутренних диверсионных групп. Для этого были изъяты все радиоустройства у населения.
5	Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 624 «О решительной перестройке всей работы на военный лад»	29 июня 1941 г.	Согласно документу, борьба с уголовной преступностью рассматривалась не просто как угроза внутреннему порядку, но как потенциальное средство дестабилизации, используемое фашистской пропагандой.
6	Постановление Главного управления милиции «Об усилении проверки и укрепления паспортного режима»	16 сентября 1942 г.	В документе закреплялся чрезвычайный порядок проверки паспортов на всех видах транспорта для того, чтобы прекратить миграцию уголовного элемента из города в город.

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

7	Директива НКВД СССР № 148	29 июня 1941 г.	В документе устанавливалось круглосуточное патрулирование городских территорий, поимка уголовников «изъятие и, помимо их, всех лиц, которые не имели работы и определенного места жительства. По большому счету, в документе выдвигалась мера комендантского часа военного положения с тем, чтобы всех праздношатающихся граждан выявляли и доставляли в милицию, чтобы не позволить распространение различного рода диверсионной работы врага в тылу страны. Вылавливали также и дезертиров, согласно этому документу.
8	Постановление Государственного комитета обороны (ГКО) «О порядке передвижения военнообязанных и ответственности за уклонение от воинского учета»	16 января 1942 г.	Документ был специально нацелен на пресечение и борьбу с дезертирами и уклонистами в городах и селах СССР, причем таких лиц отслеживали и вылавливали на всех просторах страны. Всех пойманных и задержанных дезертиров и уклонистов передавали прокуратуре с последующим привлечением к ответственности. Борьбой с дезертирством, бандитизмом и уклонизмом занимались военные комиссариаты (ВК) и комендатуры.
9	«О мерах наказания дезертиров, занимающихся бандитизмом, вооруженными грабежами и контрреволюционной повстанческой работой»	11 октября 1942 г.	
10	Постановление ГКО «Об усилении борьбы с хищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров»	22 января 1943 г.	Нормы, содержащиеся в документе, позволили мобилизовывать усилия всех сотрудников силовых структур по обеспечению порядка в условиях военной экономики. Согласно документу, все преступления экономического характера должны были раскрываться за месяц, но при обязательном судебном разбирательстве. В отличие от норм по уголовным преступлениям, расстрел на месте был применим только к особо крупным размерам хищений и довольно избирательно. Как правило, хищения происходили в отраслях пищевой и легкой промышленности.
11	Постановление Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП (б) «Об уборке урожая и зерновых сельскохозяйственных продуктов в 1944 году»	7 апреля 1944 г.	Согласно данному документу, были введены дополнительные меры для того, чтобы пресечь воровство на полях в тылу, когда за кражу нескольких колосьев хлеба можно было отправиться в исправительную колонию.

Насколько можно судить по приведенным выше данным, за период с 1939 по 1941 год осуществились большие перемены в работе советских силовых структур. Интересным фактом на фоне всеобщего ужесточения мер в области пресечения преступности, на период военного положения были прекращены массовые репрессии, прекратились необоснованные аресты потенциальных политических врагов. Также в отношении процедуры задержания были введены меры, запрещавшие органам правопорядка применять меры физического воздействия на подозреваемых и задержанных. Было также проведено обновление кадров в самих

органах госбезопасности, правда традиционными методами так называемых «чисток» рядов [14]. То есть, в период Великой Отечественной войны были проведены такие мероприятия и приняты такие меры, которые позволяли, по мысли советского руководства, укрепить правопорядок в тылу и на фронте с помощью правовых инструментов, а не силового произвола.

В 1941 году была проведена ключевая для данного исторического периода реструктуризация органов внутренних дел и структур национальной безопасности страны. Судя по мерам «военного положения», была введена строжайшая система

охраны общественного порядка, профилактики и пресечения преступности. Как отмечают историки, в советской системе тщательно изучалась криминогенная обстановка и меры борьбы с преступностью [15].

Все принятые нормативные правовые акты были обоснованы доводами и статистическими данными оперативно-розыскной деятельности. В частности, по итогу Постановления Главного управления милиции «Об усилении проверки и укрепления паспортного режима» буквально за 2 месяца с сентября 1942 года удалось существенно снизить уровень уголовной преступности с помощью профилактических мер [16].

Несмотря на все принятые нормативные правовые документы в военных условиях криминогенная обстановка в стране неизбежно обострилась: к 1942 году преступность выросла на 22 % по сравнению с 1941 годом [9]. В 1943 году рост был на 20,9 %, в 1944 году – на 8,6 %. И только к 1945 году уровень преступности снизился на 9,9 % (то есть, еще достиг довоенного уровня) [6].

В практике военных лет наиболее тяжкими считались преступления против Родины (государственная измена, казнокрадство, пособничество врагу и диверсионно-подрывная деятельность). Ярким примером такого рода норм стали меры, изложенные в Постановлении СНК СССР «О сдаче населением радиоприемных и передающих устройств» от 25 июня 1941 г. [5].

Метод обнаружения диверсионных или разведывательных групп заключался в перехвате их переговоров на радиочастотах. В военный период вся борьба с диверсионными группами велась органами государственной безопасности, военной контрразведкой, истребительными батальонами и спецподразделениями НКВД. Тем не менее, милиция

также активно подключалась к работе силовых структур по ликвидации диверсантов. Важную роль в правоохранительной деятельности сыграли рядовые и участковые милиционеры, вошедшие, согласно постановлениям НКВД, в единую силовую структуру [3].

Еще одним важным направлением деятельности по борьбе с преступностью была работа по пресечению различного рода хищений: от продовольственных товаров до кражи промышленных товаров. Постановления ГКО от 22 января 1943 г. «Об усилении борьбы с хищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров» содержало нормы по пресечению хищений продовольственных и промышленных товаров [2]. Основные нормативные правовые акты военного периода были нацелены на противодействие уголовной преступности, борьбе с неконтролируемым перемещением граждан, соблюдением постановления на военный учет, борьбе с дезертирством и уклонизмом, а также с хищениями товаров продовольственного и промышленного назначения.

Выводы

Проведенное исследование позволяет констатировать, что в военный период произошла переориентация институтов уголовного права, поскольку действовали и довоенные, и военные правовые нормы. Органы милиции были подчинены напрямую органам государственной безопасности. Борьба велась в основном с дезертирством, хищениями и «гастролирующими криминальными элементами». Можно также утверждать, что основные нормативные документы, в которых определялись меры борьбы с преступностью, стали основой для долгосрочной государственной политики, нацеленной на обеспечение общественного порядка и снижение числа преступных деяний.

Список источников

1. Антонов Я.А. Нормативно-правовое регулирование особых правовых режимов в советский период // Вестник БелЮИ МВД России. 2018. № 1. С. 56 – 69.
2. Архив Информационного центра Управления внутренних дел Пензенской области (Архив ИЦ УВД ПО). Ф. 1. Д. 17. Л. 311-314.
3. ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 3. Д. 21. Л. 74.
4. Голубых Н.В., Чашников В.А. Деятельность органов милиции на Урале в период Великой Отечественной войны // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015. № 2. С. 6 – 12.
5. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5527. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9415. Оп. 4. Д. 214. Л. 24.
7. Гусев Л.Н. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917-1954 гг.: Сб. документов. М., 1956. 268 с.
8. Жадан А.В. Историко-криминологический анализ условий деятельности милиции Приморского края в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 36 – 45.

9. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 174. 28.07.1934.
10. Карпова Л.М. Некоторые вопросы деятельности милиции УАССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) по борьбе с экономическими преступлениями // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (9). С. 88 – 93.
11. Климов А.А. Обеспечение общественной безопасности личным составом органов НКВД СССР в период Великой Отечественной войны // Наука. Общество. Оборона. 2020. № 3 (24). С. 112 – 124.
12. Мулукаев Р.С. На страже порядка (к столетию советской милиции) // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3 (43). С. 56 – 62.
13. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне // Сборник документов. М.: Изд-во Русь, 2000. Т. 2. 244 с.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 59. Д. 401. Л. 8-11.
15. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. М., 1953. 344 с.
16. Следствие в годы Великой Отечественной войны: материалы Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 15-16 октября 2020 г.). СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2021. 156 с.
17. Сучилкин А.В., Сучилкина Е.В. Нормативно-правовое регулирование борьбы с преступностью в годы второй мировой войны // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2021. № 28. С. 25 – 38.
18. Хрестоматия по истории государства и права России: учебное пособие / сост. Ю.П. Титов. М., 2010. – С. 16 – 23.
19. Ademi M., Vula V. The Role of Civil Society for Prevention and Combat of Violent Extremism and Radicalization Leading to Terrorism-war // Access to Justice in Eastern Europe. 2023. № 6 (3). P. 192 – 203.
20. Haider A., Ali A., Zeb B. Broken Laws Broken Lives: When Organized Crime Shreds Human Rights // Al-Nasr. 2024. № 4. P. 12 – 28.
21. Isah M., Hajara D. Application of Modern Technology in Aggressive Crime Deterrence and Control // International Journal of Advanced Research in Tourism, Environment and Social Sciences. 2024. № 3. P. 67 – 89.
22. Salem E., Omar M. International criminal responsibility of commanders for war crimes during conflicts armed forces of a non-international nature // Rimak International Journal of Humanities and Social Sciences. 2021. № 4. P. 769 – 792.
23. Sullivan J. The Police in War: Fighting Insurgency, Terrorism, and Violent Crime // International Journal of Police Science. 2023. № 3 (1). P. 123 – 145.

References

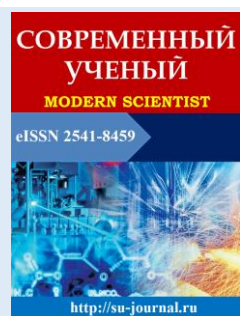
1. Antonov Ya.A. Normative-legal regulation of special legal regimes in the Soviet period. Bulletin of the BeIYuI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1. P. 56 – 69.
2. Archive of the Information Center of the Penza Region Internal Affairs Directorate (Archive of the IC UVD PO). F. 1. D. 17. L. 311-314.
3. GARF. F. 9478. Op. 3. D. 21. L. 74.
4. Golubykh N.V., Chashnikov V.A. Activities of the police in the Urals during the Great Patriotic War. Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 2. P. 6 – 12.
5. State Archives of the Penza Region (GAPO). F. 5527. Op. 1. D. 4. L. 5.
6. State Archives of the Russian Federation (GARF). F. 9415. Op. 4. D. 214. L. 24.
7. Gusev L.N. History of the legislation of the USSR and the RSFSR on criminal procedure and the organization of the court and prosecutor's office. 1917-1954: Collection of documents. Moscow, 1956. 268 p.
8. Zhadan A.V. Historical and criminological analysis of the conditions of the militia activities of Primorsky Krai during the Great Patriotic War (1941-1945). Theory and practice of social development. 2015. No. 18. P. 36 – 45.
9. News of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee. No. 174. July 28, 1934.
10. Karpova L.M. Some issues of the activities of the militia of the UASSR during the Great Patriotic War (1941-1945) in the fight against economic crimes. Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 2 (9). P. 88 – 93.

11. Klimov A.A. Ensuring public safety by the personnel of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War. Science. Society. Defense. 2020. No. 3 (24). P. 112 – 124.
12. Mulukaev R.S. On guard of order (on the centenary of the Soviet militia). Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 3 (43). P. 56 – 62.
13. USSR State Security Agencies in the Great Patriotic War. Collection of documents. Moscow: Rus Publishing House, 2000. Vol. 2. 244 p.
14. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 17. Op. 59. D. 401. L. 8-11.
15. Collection of documents on the history of criminal legislation of the USSR and the RSFSR 1917-1952. Moscow, 1953. 344 p.
16. Investigation during the Great Patriotic War: materials of the International scientific and practical conference (St. Petersburg, October 15-16, 2020). SPb.: St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, 2021. 156 p.
17. Suchilkin A.V., Suchilkina E.V. Normative-legal regulation of the fight against crime during the Second World War. Bulletin of PSU im. V.G. Belinsky. 2021. No. 28. P. 25 – 38.
18. Reader on the history of the state and law of Russia: a textbook. compiled by Yu.P. Titov. Moscow, 2010. P. 16 – 23.
19. Ademi M., Vula V. The Role of Civil Society for Prevention and Combat of Violent Extremism and Radicalization Leading to Terrorism-war. Access to Justice in Eastern Europe. 2023. No. 6 (3). P. 192 – 203.
20. Haider A., Ali A., Zeb B. Broken Laws Broken Lives: When Organized Crime Shreds Human Rights. Al-Nasr. 2024. No. 4. P. 12 – 28.
21. Isah M., Hajara D. Application of Modern Technology in Aggressive Crime Deterrence and Control. International Journal of Advanced Research in Tourism, Environment and Social Sciences. 2024. No. 3. P. 67 – 89.
22. Salem E., Omar M. International criminal responsibility of commanders for war crimes during conflicts armed forces of a non-international nature. Rimak International Journal of Humanities and Social Sciences. 2021. No. 4. P. 769 – 792.
23. Sullivan J. The Police in War: Fighting Insurgency, Terrorism, and Violent Crime. International Journal of Police Science. 2023. No. 3 (1). P. 123 – 145.

Информация об авторе

Первых Т.А., аспирант, Пензенский государственный университет, Gromanchukova@yandex.ru

© Первых Т.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 349.6

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-396-401

Актуальные вопросы судебной практики по статье 358 Уголовного кодекса РФ «Экоцид»

¹ Проскуряков А.И.

¹ *Российский государственный университет правосудия*

Аннотация: автором проведен анализ действующей судебной практики, так или иначе касающейся статьи 358 Уголовного кодекса РФ «Экоцид». По результатам такого исследования сформулирован ряд выводов, который должен быть положен в основу реформирования действующего уголовного состава. Сделан вывод: как показал анализ судебной практики, правовое сознание в рамках рассмотрения проблемы экоцида в России находится на должном уровне. Почва для принятия решений о реформировании рассматриваемого уголовного состава имеется.

Ключевые слова: экоцид, уголовная ответственность за экоцид, охрана окружающей среды, экологические преступления, окружающая среда, экологическая катастрофа, судебная практика по экоциду, практика по статье 358 УК РФ, судебная практика по статье 358 УК РФ

Для цитирования: Проскуряков А.И. Актуальные вопросы судебной практики по статье 358 Уголовного кодекса РФ «Экоцид» // Современный ученый. 2025. № 1. С. 396 – 401. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-396-401

Поступила в редакцию: 17 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 18 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Current issues of judicial practice under Article 358 of the Criminal Code of the Russian Federation "Ecocide"

¹ Proskuryakov A.I.

¹ *Russian State University of Justice*

Abstract: the author analyzed the current judicial practice, one way or another related to Article 358 of the Criminal Code of the Russian Federation "Ecocide". Based on the results of this study, a number of conclusions were formulated, which should form the basis for reforming the current criminal composition. The conclusion was made: as the analysis of judicial practice showed, legal consciousness in the context of considering the problem of ecocide in Russia is at the proper level. There is a basis for making decisions on reforming the criminal composition in question.

Keywords: ecocide, criminal liability for ecocide, environmental protection, environmental crimes, environment, environmental disaster, judicial practice on ecocide, practice under Article 358 of the Criminal Code of the Russian Federation, judicial practice under Article 358 of the Criminal Code of the Russian Federation

For citation: Proskuryakov A.I. Current issues of judicial practice under Article 358 of the Criminal Code of the Russian Federation "Ecocide". Modern Scientist. 2025. 1. P. 396 – 401. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-396-401

The article was submitted: September 17, 2024; Approved after reviewing: November 18, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

На сегодняшний день в России фактически отсутствует сложившаяся судебная практика по статье 358 Уголовного кодекса России «Экоцид». Тем не менее, существуют единичные прецеденты возбуждения уголовных дел в рамках рассматриваемого состава. Так в России возбудили уголовное дело об экоциде в связи с перекрытием на территории Украины Северо-Крымского канала в 2014 году и прекращением подачи по нему днепровской воды, сообщается на сайте Следственного комитета (СК). Информация о возбуждении уголовного дела была распространена значительным количеством информационных агентств, в частности, каналом RT: «Установлено, что после вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации неустановленные лица, находящиеся на территории Украины и выступающие против воссоединения Крыма с Россией, в нарушение положений Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду решили причинить ущерб экономической, социальной и экологической обстановке Крымского полуострова путем перекрытия Северо-Крымского канала», – заявили в СК.

«В результате строительства дамбы на территории Херсонской области с 26 апреля 2014 года подача днепровской воды по каналу прекратилась. Отсутствие должного водоснабжения региона вызывает истощение сельскохозяйственных земель, влечет изменение экосистем залива Сиваш и его мелководных заливов, а также состояния популяций животного мира», – отметили в СК.

Такого рода оценка следственными органами подобных деяний одно время подогревала надежду на то, что статья УК РФ, предусматривающая ответственность за экоцид, будет приобретать практическое применение [9].

Тем не менее, согласно публичным источникам, борьба за признание рассматриваемых деяний в качестве экоцида на территории Крыма продолжается до сих пор. А новая судебная практика, несмотря на продолжающиеся ежегодно экологические происшествия, не формируется. Вместе с тем автору представляется интересным и полез-

ным, с точки зрения возможного реформирования действующего уголовного состава об экоциде, тот факт, что в практике встречается немалое количество судебных дел, связанных с защитой чести и достоинства, деловой репутации в связи с распространением в отношении истцов сведений о совершении экоцида; действий, влекущих за собой экологическую катастрофу.

Материалы и методы исследований

При написании настоящей статьи, автором использовался комплекс материалов и методов исследования, способный обеспечить надлежащее исследование выбранной проблематики. Среди применяемых автором методов, можно выделить следующие: историко-правовой, сравнительно-правовой методы, метод правового анализа и синтеза, анализ судебной практики, системный, формально-логический, эмпирический и другие методы.

Результаты и обсуждения

Экоцид, как концепция, набирает популярность в последние годы, вызывая опасения, как среди ученых, так и среди широких слоев населения. Юридическое понятие «экоцид» в обобщенном виде можно истолковать, как деятельность, которая приводит к серьезному ущербу существующим экосистемам, исчезновению видов и загрязнению окружающей среды.

Экоцид определяется как действия, которые наносят серьезный вред окружающей среде, нарушают экосистемы и угрожают существованию живых существ, включая людей. Этот термин впервые появился в 1970-х годах, когда группа экологов и юристов попыталась обозначить серьезные экологические преступления, которые не могли быть квалифицированы как военные или экономические преступления [2, с. 12].

Согласно отчету Международной комиссии по экологической преступности (International Criminal Court) окончательной инкриминацией экоцида является разрушение природных ресурсов с серьезными последствиями для здоровья и жизни людей. К таким действиям могут относиться массовые вырубki лесов, загрязнение рек и океанов, а также использование ядовитых веществ в производстве.

Основные признаки экоцида

Экоцид имеет несколько ключевых признаков, которые помогают определить серьезность экологического ущерба. Первый признак - это масштаб ущерба. Если экологические изменения имеют глобальные или региональные последствия, такие действия могут рассматриваться как экоцид. Вторым признаком - это преднамеренность действий. Если компании или государства сознательно нарушают экологические нормы, понимая последствия, это также может быть квалифицировано как экоцид. Третьим признаком является сравнение: действия, которые привели к ущербу, должны быть соотнесены с нормами, установленными экологическим правом [6, с. 145].

Примеры экоцида

Мир сталкивается с различными примерами экоцида, которые затрагивают тысячи жизней и порой остаются безнаказанными. Одним из самых наглядных примеров является вырубка тропических лесов в Амазонии, где огромные территории леса уничтожаются для получения сельскохозяйственных угодий и пастбищ. По данным WWF, каждый год от 7 до 8 миллионов гектаров леса теряются в результате этой деятельности. Вырубка лесов не только уменьшает биологическое разнообразие, но и влияет на климат, повышая уровень углекислого газа в атмосфере.

Другим примером является загрязнение морей и океанов пластиком. По данным ООН, более 8 миллионов тонн пластика попадает в океан каждый год, что приводит к массовой гибели морских животных и разрушению экосистем. Пластиковые отходы негативно влияют на морскую фауну, в частности, на рыбы и морских птиц, которые принимают их за пищу [7, с. 65].

Дополнительным ярким примером является экологическое преступление, связанное с добычей полезных ископаемых, например, нефти. Нефтяные разливы, как на берегу, так и в открытом море, приводят к разрушению экосистем и негативно сказываются на здоровье местных сообществ. Разлив нефти в Мексиканском заливе в 2010 году стал одним из наиболее разрушительных экологических инцидентов в истории, нанеся ущерб региона на миллиарды долларов.

Последствия экоцида

Последствия экоцида многогранны и вызывают тревогу. Во-первых, они влияют на здоровье людей. Загрязнение воздуха, воды и почвы приводит к росту заболеваний, включая рак и респираторные болезни. Во-вторых, экоцид способствует исчезновению видов. По данным Международного

союза охраны природы, каждые 20 минут на планете исчезает один вид. Это имеет негативные последствия для экосистем и человеческой жизни, поскольку утрата биологического разнообразия может повлиять на источники пищи, лекарства и землю.

С экономической точки зрения экоцид также представляет собой серьезную угрозу. Уничтожение природных ресурсов ведет к росту конкуренции за остаточные запасы. В некоторых случаях последствия могут стать катастрофическими не только для отдельных регионов, но и для глобальной экономики. Например, нарушение рыбных запасов может затронуть не только рыбацкие сообщества, но и связанные секторы экономики, такие как переработка и распределение [8, с. 70].

Законодательные инициативы против экоцида

С учетом угроз, связанных с экоцидом, мировое сообщество начинает принимать меры для устранения этой проблемы. Некоторые страны и международные организации стремятся создать законодательные рамки, которые позволят легально классифицировать и преследовать за экологические преступления.

Одним из ярких примеров является предложение Совета Европы о включении экоцида в международное уголовное право. Это позволит привлекать к ответственности тех, кто совершает действия, наносящие вред окружающей среде. Существуют также инициативы на уровне отдельных государств. Например, Франция в 2021 году приняла закон, который вводит наказания за серьезные экологические преступления, включая большие штрафы и тюремные сроки. [10, с. 207]

Однако несмотря на эти инициативы, добиться единства в международных рамках по экоциду очень сложно. Многие страны сталкиваются с интересами бизнеса, а также с недостатком политической воли для принятия необходимых мер. Важно, чтобы общества всего мира осознали серьезность угроз, связанных с экоцидом и выразили свою намеренность в защите окружающей среды.

Анализ отечественной судебной практики по статье 358 Уголовного кодекса РФ «Экоцид»

Так, например, в рамках рассмотрения дела № 33-12620/2011 Центральным районным судом г. Волгограда 27.07.2011 г. было принято решение о взыскании с АО «Приволжские магистральные нефтепроводы» в пользу физических лиц компенсации морального вреда [3].

Такое решение было принято судом в силу того, что в результате распространения порочащих честь и достоинство сведений о шантаже филиала

ОАО «Приволжские магистральные нефтепроводы» – нефтепроводного управления, и саботаже мероприятий по ремонту нефтепровода таким физическим лицам причинены нравственные страдания, которые усугубляются тем, что распространяемые сведения содержат обвинения в адрес истцов в совершении **особо тяжкого преступления (экоцида)**, а также тем, что указанные выше недостоверные сведения передавались должностным лицам в целях оказания административного давления на истцов при согласовании цены сделки, связанной с установлением сервитута между такими физическими лицами и ОАО «Приволжские магистральные нефтепроводы». Волгоградским областным судом в рамках кассационного определения от 28.09.2011 г. решение Центрального районного суда г. Волгограда 27.07.2011 г. оставлено без изменения, кассационная жалоба без удовлетворения.

На практике встречается еще одно судебное дело № 33-2211/2014. В рамках такого дела Дудинским районным судом Красноярского края 17.12.2013 г. были частично удовлетворены искивые требования одного физического лица к другому физическому лицу о защите чести, достоинства, деловой репутации, взыскании денежной компенсации морального вреда ввиду того, что ответчиком на протяжении длительного времени рассылает в различные государственные органы обращения и заявления, не соответствующие действительности, содержащие сведения, порочащие его (истца) честь, достоинство и деловую репутацию [4].

В своих текстах ответчик обвиняет его в совершении преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких (геноцид, **экоцид**, подрыв авторитета федеральных органов власти, нанесение социально-экономического вреда «историческому образу жизни сына ненецкого народа»); в злоупотреблении служебным положением, в сокрытии преступлений, нарушении и ущемлении конституционных прав и свобод... по национальности ответчика и так далее. Красноярский краевой суд в рамках апелляционного определения от 12 марта 2014 г. решение Дудинского районного суда Красноярского края от 17.12.2013 г. оставил без изменения, а апелляционную жалобу ответчика без удовлетворения.

Подобный прецедент, связанный с защитой деловой репутации имел место в рамках рассмотрения судебного дела № А60-50621/2019 Арбитражным судом Свердловской области [5].

ООО «Форэс» обратилось в Арбитражный суд Свердловской области с иском к Крыловой Н.В. (далее также – «ответчик») о защите деловой репутации. ООО «Форэс» просило признать не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию ООО «Форэс» сведения, распространенные Крыловой Н.В. в сети Интернет в социальной сети «Одноклассники» на своей персональной странице [1, с. 13].

В частности, Крылова Н.В. опубликовала на своей странице следующую запись: «Ситуация с **экоцидом** и вырубкой леса вписывается в общий тренд, когда олигархи в купе с чиновниками пытаются максимально скрыть вредность того или иного производства для трудящихся и местных жителей».

Например, на предприятии «Форэс», находящегося в черте города и скрывающего от Роспотребнадзора факт наличия в сырье минерала первого класса опасности (асбеста)».

Решением суда от 04.02.2020 г. иск удовлетворен, признаны не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию истца сведения, распространенные ответчиком в сети Интернет в социальной сети «Одноклассники» на своей персональной странице. На ответчика наложена обязанность в течение 10 дней с момента вступления в законную силу решения суда опровергнуть указанные выше сведения путем размещения резолютивной части решения суда в сети Интернет на персональной странице сети «Одноклассники», удалить указанные сведения из сети «Интернет», а также осуществить иные платежи в пользу истца. Указанное решение Арбитражного суда Свердловской области оставлено без изменения, апелляционная жалоба оставлена без удовлетворения Постановлением 17 ААС от 04.06.2020 г.

Выводы

Анализ подобной судебной практики позволяет сделать два основных вывода. Первое, автор полагает, что субъектами правоотношений осознается опасность и масштаб такого преступления как «экоцид». Второе, как физические, так и юридические лица не желают, чтобы в отношении их деяний кем-либо где бы то ни было был использован термин экоцид. Будь то обращения в органы власти, средства массовой информации и так далее.

Представляется, что такое положение дел как минимум подтверждает правильность ранее предложенного автором метода борьбы с экоцидом, совершаемым юридическими лицами. В рамках указанной статьи автором было предложено введение в российскую правовую действительность

института корпоративной ответственности юридических лиц (далее также – «ЮЛ»). Но в результате введения в уголовное право уголовной ответственности (далее также – «УО») в отношении ЮЛ, потребуется внести и соответствующие изменения в ряд иных законов, например, изменения в УПК РФ, а кроме того и изменение санкций, которые сформулированы и определены УК РФ, поскольку существующие санкции не применимы и не адаптированы к ЮЛ. В качестве санкций за совершение корпоративных преступлений (далее также – «КП») автором ранее были предложены следующие:

1. Лишение права ЮЛ заниматься определенными видами деятельности.
2. Принудительная ликвидация ЮЛ в судебном порядке.
3. Внесение ЮЛ в публичный реестр ЮЛ, которые совершили корпоративные преступления, который также предлагается разработать.
4. Взыскание штрафов с ЮЛ.
5. Конфискация с ЮЛ доходов, полученных преступным путем.

Кроме этого, ввиду того, что определенные виды КП, в том числе экоцид, способны нанести ущерб окружающей среде, в качестве дополнительной санкции предлагается обязывать ЮЛ воз-

мещать ущерб, причиненный окружающей среде, а также организовывать за счет соответствующей виновной организации проведение восстановительных экологических мероприятий. Анализ судебной практики показал, что санкция под номером 3 – **«Внесение ЮЛ в публичный реестр ЮЛ, которые совершили корпоративные преступления»**, который также предлагается разработать» является актуальной, так как «клеймо» в виде отметки о совершении экоцида является совсем нежелательным. И, как показала судебная практика, за «честное имя» борются не только физические, но и юридические лица.

Таким образом, как показал анализ судебной практики, правовое сознание в рамках рассмотрения проблемы экоцида в России находится на должном уровне. Почва для принятия решений о реформировании рассматриваемого уголовного состава имеется. Автор выражает надежду, что изложенные выводы помогут совершить определенные шаги к преобразованию уголовного состава об экоциде, что, в свою очередь, должно способствовать формированию соответствующей судебной практики в части привлечения виновных лиц к ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 358 Уголовного кодекса РФ.

Список источников

1. Базака В.В. проблемы правовой квалификации экоцида // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО "Донецкий национальный университет". 2024. Т. 4. № 16. С. 10 – 16.
2. Востриков А.Н. Проблемы квалификации объективной стороны экоцида // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2024. № 2 (63). С. 107 – 115.
3. Дело № 33-12620/2011 Центрального районного суда г. Волгограда 27.07.2011 г.
4. Дело № 33-2211/2014 Дудинского районного суда Красноярского края 17.12.2013 г.
5. Дело № А60-50621/2019 Арбитражного суда Свердловской области.
6. Джоробекова А.М., Нуриев Д.Ш. Экоцид в системе преступлений против мира и безопасности человечества: понятие и сущность // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2021. № 2. С. 144 – 147.
7. Проскуряков А.И. Экоцид как социальный феномен. Основания криминализации экоцида как особого вида посягательства на экологию // Право и управление. 2024. № 3. С. 62 – 68.
8. Романов Н.А., Баранников М.М. Экоцид в системе преступлений против мира и безопасности человечества, угроза военного экоцида // Столыпинский вестник. 2024. Т. 6. № 4. С. 67 – 74.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп. на 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
10. Шикула И.Р., Проскуряков А.И. Уголовно-правовой анализ экоцида: объективные и субъективные признаки, вопросы квалификации // Право: история и современность. 2024. Т. 8. № 2. С. 200 – 212.

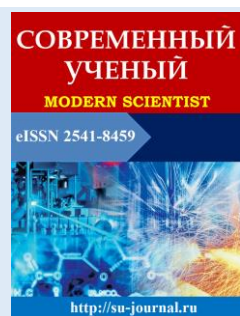
References

1. Bazaka V.V. Problems of legal qualification of ecocide. Bulletin of the student scientific society of the State Educational Institution of Higher Professional Education "Donetsk National University". 2024. Vol. 4. No. 16. P. 10 – 16.
2. Vostrikov A.N. Problems of qualification of the objective side of ecocide. Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. 2024. No. 2 (63). P. 107 – 115.
3. Case No. 33-12620/2011 of the Central District Court of Volgograd, July 27, 2011.
4. Case No. 33-2211/2014 of the Dudinsky District Court of Krasnoyarsk Krai, December 17, 2013.
5. Case No. A60-50621/2019 of the Arbitration Court of the Sverdlovsk Region.
6. Dzhorobekova A.M., Nuriyev D.Sh. Ecocide in the system of crimes against the peace and security of mankind: concept and essence. Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan. 2021. No. 2. P. 144 – 147.
7. Proskuryakov A.I. Ecocide as a social phenomenon. Grounds for criminalization of ecocide as a special type of encroachment on the environment. Law and management. 2024. No. 3. P. 62 – 68.
8. Romanov N.A., Barannikov M.M. Ecocide in the system of crimes against the peace and security of mankind, the threat of military ecocide. Stolypin Bulletin. 2024. Vol. 6. No. 4. P. 67 – 74.
9. Criminal Code of the Russian Federation: federal law of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended and supplemented on April 28, 2023). Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
10. Shikula I.R., Proskuryakov A.I. Criminal-legal analysis of ecocide: objective and subjective features, qualification issues. Law: history and modernity. 2024. Vol. 8. No. 2. P. 200 – 212.

Информация об авторе

Проскуряков А.И., соискатель ученой степени кандидата юридических наук кафедры уголовного права, Российский государственный университет правосудия, mr.aproskuriakov@mail.ru

© Проскуряков А.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

УДК 343.9.01

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-402-409

Виктимологическая характеристика жертвы краж и хищений, совершаемых бесконтактным способом

¹ Рязанова Е.Н.

¹ сотрудник Управления по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий Главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области

Аннотация: абсолютно все граждане Российской Федерации рассматриваются преступниками в качестве потенциальных жертв бесконтактных краж и мошенничеств, пострадать может каждый, а некоторые не один раз. Воздействие осуществляется в совокупности использования технологических возможностей информационно-коммуникационных технологий с психологическим манипулированием людьми путем социальной инженерии. Массовое совершение в отношении граждан Российской Федерации такого вида преступлений, является одним из методов гибридной войны, ведущейся в настоящее время в отношении нашей страны, с территории Украины. Киберпространство уже давно рассматривается властями Украины в качестве отдельного операционного домена военных действий, такого же как суша, море или воздух. Последствия рассматриваемого вида преступности для пострадавших могут быть весьма негативными, включающими в себя не только нанесенный финансовый вред, но и психологический и репутационный ущерб. На основе статистических показателей автором составлен усредненный портрет жертвы данного вида преступлений, определены виктимологические предпосылки совершения бесконтактных краж и мошенничеств.

Ключевые слова: жертва, кражи, мошенничества, бесконтактный способ, социальная инженерия

Для цитирования: Рязанова Е.Н. Виктимологическая характеристика жертвы краж и хищений, совершаемых бесконтактным способом // Современный ученый. 2025. № 1. С. 402 – 409. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-402-409

Поступила в редакцию: 17 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 19 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

Victimological characteristics of the victim of theft and embezzlement committed in a contactless manner

¹ Ryazanova E.N.

¹ employee of the Department for Combating the Illegal Use of Information and Communication Technologies of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for St. Petersburg and the Leningrad Region

Abstract: absolutely all citizens of the Russian Federation are considered by criminals as potential victims of contactless theft and fraud, everyone can suffer, and some more than once. The impact is carried out in combination with the

use of technological capabilities of information and communication technologies with psychological manipulation of people through social engineering. The mass commission of this type of crime against citizens of the Russian Federation is one of the methods of hybrid warfare currently being waged against our country, from the territory of Ukraine. Cyberspace has long been considered by the Ukrainian authorities as a separate operational domain of military operations, the same as land, sea or air. The consequences of this type of crime for victims can be very negative, including not only financial harm, but also psychological and reputational damage. Based on statistical indicators, the author has compiled an average portrait of the victim of this type of crime, and identified victimological prerequisites for the commission of contactless theft and fraud.

Keywords: victim, theft, fraud, contactless method, social engineering

For citation: Ryazanova E.N. Victimological characteristics of the victim of theft and embezzlement committed in a contactless manner. Modern Scientist. 2025. 1. P. 402 – 409. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-402-409

The article was submitted: September 17, 2024; Approved after reviewing: November 19, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

В 2023 г. каждый четвертый потерпевший от преступных посягательств становился жертвой деяний, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ). Рост количества потенциальных жертв бесконтактных хищений находится в пропорциональной взаимосвязи с увеличением количества лиц, использующих ИКТ в повседневной деятельности. Активное времяпрепровождение лиц в информационно-коммуникационных сетях, пользование мобильной связью, наличие стационарного телефона, смартфона делают их потенциальными жертвами рассматриваемого вида преступлений.

Согласно проведенному Росстатом мониторингу развития информационного общества, доля населения, использующего средства защиты информации, в общей численности населения, использующего сеть «Интернет», составляла по итогам 2022 г. 73,1% [3]. По официальной статистике, в 2023 г. от преступлений, совершенных с использованием ИКТ, пострадало около полумиллиона человек (494 619), что на 33,9% выше, чем годом ранее.

Материалы и методы исследований

При подготовке исследования использовался спектр общенаучных методов, среди которых стоит выделить: формально-логический, обобщение, системный анализ, и научно-исследовательские методы, такие как эмпирический, системный подход, сравнительный, статистический методы. Исследование основано на сведениях, содержащихся в материалах государственной статистической отчетности (форма федерального статистического наблюдения № 5-ЕГС (утв. приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 1 июня 2021 г. № 295 «Сведения о потерпевших и совершенных в отношении их преступлениях»), обобщаемых статисти-

ческих данных и результатов социологических опросов Банка России, сведениях, размещенных на информационных порталах в сети Интернет, в том числе информационного агентства «ТАСС», Национального института старения и неврологических расстройств и инсульта США, а также материалов уголовных дел, возбужденных в 2021 – 2024 гг. следственными подразделениями ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Результаты и обсуждения

Практически одну четвертую от всех пострадавших составляют пенсионеры по старости (113 104), количество которых в сравнении с прошлым годом увеличилось на 66,9%. Увеличилось и количество пострадавших-несовершеннолетних на 27,7% (6 803). В двух третях случаях лица стали жертвами мошенничеств (66,6%; 328 119), а одна четверть пострадала от краж безналичных денежных средств (116 580) (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ). При этом их количество увеличилось на 42,2% и 3,9% соответственно. Каждая восьмая атака осуществлялась в социальных сетях и интернет-мессенджерах.

В то же время при формировании статистических показателей можно наблюдать лишь небольшую часть от общего количества лиц, подвергшихся преступному воздействию. Это связано с формированием официальных данных о потерпевших на основании предоставленных реквизитов в статистической карточке на выявленное преступление, где учитываются только лица, признанные потерпевшими по возбужденным уголовным делам. При этом криминалистическое понятие «жертва» шире, чем понятие «потерпевший», поскольку к жертвам относятся не только лица, которые реально пострадали от преступлений, но и те, которые могут потенциально пострадать [2, с. 96-99].

На наш взгляд, ключевыми характеристиками, повышающими вероятность, что человек станет жертвой данного вида имущественных преступлений, является уязвимость, выраженная в активности в ИКТ и невысоком уровне технологической грамотности, обладанием безналичных денежных средств.

Безналичные денежные средства постепенно вытесняют наличные из оборота. Согласно социологическому опросу (репрезентативная выборка 2500 человек в возрасте до 18 лет), ежегодно проводимому Банком России, в 2023 году только 24% граждан предпочитали наличные деньги для повседневных расчетов (2017 г.: 59%; 2018 г.: 37%; 2019 г.: 36%; 2020 г.: 30%; 2021 г.: 33%; 2022 г.: 27%), при этом у 95% респондентов имелись банковские карты, из которых 85% использовали их для оплаты (2022 г.: – 81%). И если в 2019 году 52% респондентов отметили, что им сложно обойтись без безналичных расчетов, то в 2023 году так ответили уже 84% респондентов. Предпочтение наличным денежным средствам при расчетах в 2019 году отдали 62% респондентов, в 2023 году их количество снизилось до 46%. Безналичные розничные расчеты в 75% случаев осуществляются посредством пластиковой карты, 48% – переводы через мобильный и онлайн-банки, 28% – переводы через систему быстрых платежей (QR-код), 24% – с помощью платежных сервисов для смартфона [6].

Наблюдается дальнейший рост вовлеченности граждан в использование ИКТ в повседневной деятельности. Так, на 4,7% увеличилось количество интернет-пользователей, что составило практически 130 млн. Россия по данному показателю занимает шестое место в мире [1]. На 7,1% возросло число пользователей социальных сетей (106 млн). Произошло увеличение на 2% сотовых мобильных подключений (227,3 млн) [7].

При использовании ИКТ граждане сталкиваются с необходимостью предоставления своих персональных данных для регистрации на разнообразных сайтах, оформлении покупок, их оплаты. В сеть «Интернет» попадают не только сведения о фамилии, имени, отчестве потенциальной жертвы, но и данные их банковских карт. Общаясь в социальных сетях и комментируя посты на всевозможные темы, лица, сами о том не задумываясь, распространяют о себе дополнительную информацию. Совокупность всех сведений, которые находятся в сети «Интернет», составляет обширные данные о каждом человеке, вплоть до его фото- и видеоизображений.

Злоумышленники могут приобрести базы персональной информации или самостоятельно собрать ее

по сведениям, размещенным самим лицом на сайтах. Это свидетельствует о том, что размещение сведений о себе в информационно-коммуникационных сетях, а также предоставление их всевозможным сервисам, собирающим персональные данные в том числе для оформления разнообразных карт (бонусных, скидочных, накопительных, постоянных клиентов) является предпосылкой (предикатом) к совершению в отношении лица преступлений с использованием ИКТ.

За 9 месяцев 2024 года в сеть Интернет попало порядка 280 млн уникальных телефонных номеров и 96 млн адресов электронной почты. Лидером по количеству «утечек» является сектор электронной коммерции, допустивший 39% от всех попавших в открытый доступ данных. Второе место занимают аптеки и медицинские сервисы, на которые приходится 10% «утечек», далее идут сервисы предоставления финансовых услуг (9%) и ретейлеры (8%) [10].

Персональные данные можно приобрести в Даркнете на специальных сайтах и хакерских форумах, а также в чатах кроссплатформенной системы мгновенного обмена сообщениями Telegram. Преступники заранее приобретают базы персональных данных потенциальных жертв, чтобы в процессе общения сообщать им достоверную информацию (паспортные данные, номер банковской карты, фамилия, имя, отчества родственников), располагая их тем самым к продолжению контакта и притупляя бдительность. В большинстве случаев пострадавшие не осознают, каким образом преступник завладел их персональными данными. Жертва не связывает распространение сведений о себе и совершение в последствии в отношении нее противоправных деяний. Из базы персональных данных, которыми располагают злоумышленники, жертва выбираются случайно, потенциальный интерес выявляется у преступника в процессе общения с ней. Известны случаи, когда преступники поддерживали контакт с жертвой в течение продолжительного времени, добиваясь от них неоднократных переводов денежных средств.

Любое лицо, обладающее безналичными денежными средствами, может впоследствии стать жертвой бесконтактных краж и мошенничеств [4]. Данный риск ежегодно возрастает. В 2022 г. в расчете на одного жителя России было открыто 7,2 банковских счета. Всего учреждениями банковской системы открыто 1 056 878,9 счетов, из которых большинство приходится на физических лиц – 1 040 840,7 и 15 822,9 на юридических лиц. С дистанционным доступом в финансово-кредитных организациях открыто 358 556,2 счетов, в том числе 336 244,1 счетов с доступом через сеть «Интернет», 261 341,6 счетов с

доступом посредством сообщений с использованием абонентских устройств мобильной связи [8].

Уязвимость потенциальных жертв зависит в том числе от их социально-демографических характеристик. По признаку пола в 2023 году женщины незначительно преобладали, они пострадали в 52% случаев. Практически в 99% случаев жертвами становились граждане Российской Федерации.

По возрастному критерию бесконтактные кражи и мошенничества чаще совершались в отношении лиц 30-49 лет. Данная категория становится жертвами практически каждого второго преступного посягательства (43%). Следующей возрастной категорией являются лица 60 лет и старше, в отношении которых совершалось каждое пятое деяние (20%). Немногим меньше становились мишенью злоумышленников лица в возрасте 50-59 лет (14%), 18-24 лет (10%) и 25-29 лет (8%). Самую небольшую группу составляют несовершеннолетние лица в возрасте 16-17 лет (менее 1%). Уровень образования и отношение к профессиональной (служебной) деятельности мы рассмотрим по отчету Банка России, в котором отражена статистика о потерпевших, в отношении которых были осуществлены хищения безналичных денежных средств путем проведения транзакций без их согласия. Так, две трети жертв (75%) проживает в городских поселениях и одна треть (25%) – в сельских. По уровню образования жертвы распределились следующим образом: 48,0% имеют средний уровень образования; 28,9% – высший и 23,1% имеют общий уровень образования. Помимо этого, 46,5% жертв имеют средний уровень достатка; 27,7% – высокий и 25,8% – низкий уровень достатка. По отношению к социальному статусу более половины жертв являются работающими – 59,4%; учащимися 17,2%; работающими пенсионерами – 7,3%; пенсионерами 4,8%; неработающими – 3,2%; самозанятыми – 3,1% и индивидуальными предпринимателями – 2,2%. Таким образом, усредненный портрет жертвы выглядит следующим образом: женщина, являющаяся гражданкой Российской Федерации, в возрастном промежутке от 30 до 49 лет, работающая, имеющая средний уровень образования и средний уровень достатка.

Виктимологическая характеристика личности жертвы формируется из личностных качеств индивида и факторов внешней среды. Совокупность данных компонентов способствует превращению конкретного лица в жертву преступного посягательства.

Ежегодно Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России совместно с Управлением информационных систем Службы

специальной связи и информации ФСО России проводит исследование общественного мнения по показателям оценки деятельности полиции. В 2023 году опрос проводился в 85 субъектах Российской Федерации с объемом выборочной совокупности 45 115 человек. В опросе участвовали взрослые жители как городского, так и сельского населения страны. Показатель виктимности населения в целом по стране в 2023 г. увеличился на 1,2% и составил 9,2% (2019 г. – 8,5%; 2020 г. – 8,8%; 2021 г. – 8,8%; 2022 г. – 8,0%). С практической точки зрения понимание виктимности важно для разработки мер реагирования правоохранительных органов в работе с потерпевшими от преступных посягательств лицами.

Под виктимностью индивида понимается его способность оказаться в роли жертвы преступления в результате отрицательного взаимодействия его личностных качеств с внешней средой. Злоумышленники оказывают влияние на человеческие качества потенциальных жертв (доверчивость, отзывчивость, любопытность, невнимательность), их психоэмоциональное состояние, связанное со страхом, влюбленностью, азартом, стремлением к легкому заработку и т.п.

Исходя из этого разделим потенциальных жертв по предшествующему совершению преступления поведению:

Активное поведение жертвы, когда лицо своими непосредственными действиями способствует своему попаданию в поле зрения злоумышленников. Такая особенность связана с тем, что рискованные люди редко задумываются о последствиях своих действий, совершая чаще всего импульсивные поступки. Склонность к риску делает индивидов более подверженными возможности попасть на уловку злоумышленников. Примером может служить поиск потенциальной жертвой возможности для инвестиций денежных средств, когда лицо оставляет свои контактные данные в формах обратной связи на сайтах, специально, созданных злоумышленниками с целью завладения денежных средств граждан.

Пассивное поведение жертвы, когда лицо не оказывает какого-либо сопротивления при первых признаках совершения в отношении него противоправного деяния (не вешает трубку при звонках злоумышленников, продолжает дальнейшее общение, не обращается сразу в полицию, а лишь спустя некоторое время после совершения в отношении него противоправного деяния).

Оба вида поведения относятся к факторам, способствующим достижению цели бесконтактных хищений. Потенциальная жертва, взаимодействуя с преступником, способствует выработке у последнего

волевого акта совершить преступление. При этом в своем поведении потенциальная жертва взаимодействует не только с будущим преступником, но и с другими элементами ситуации.

Таким образом бесконтактные хищения – это ситуативные преступления, зависящие от активного или пассивного поведения потенциальной жертвы и складывающихся отношений при общении со злоумышленником.

В отличие от традиционных преступлений, жертвы рассматриваемого вида преступных деяний при контакте со злоумышленником чаще всего изначально не осознают сущность навязываемого им поведения, понимая, что в отношении них совершено противоправное деяние только со временем. Например, в июне 2024 г. в полицию обратился гражданин 1951 г. р., которому в период с января по март 2024 г. неоднократно на мобильный телефон звонили неизвестные, представлялись сотрудниками Центрального банка и под предлогом обеспечения безопасности денежных средств убедили перевести 4,5 млн рублей на указанные ими счета. В полицию данный гражданин не обращался в связи с отсутствием уверенности о совершенном в отношении него преступлении [12].

Некоторые жертвы могут не осознать факта преступления и вообще остаются в неведении относительно того, что с ними происходит. Так, гражданку 1953 г. р. телефонные мошенники, представляясь сотрудниками органов внутренних дел, под предлогом обеспечения финансовой безопасности и оказания содействия в задержании мошенников убедили продать принадлежащую ей квартиру, а полученные от продажи 9 млн рублей перевести на указанный ими счет. До момента объявления нового собственника квартиры пострадавшая не осознавала факта совершенного в отношении нее преступного деяния [13].

Воздействие злоумышленников, совершающих бесконтактные хищения, может быть довольно длительным. В феврале 2024 г. в полицию обратилась гражданка 1952 г. р., которая сообщила, что в декабре 2023 г. еженедельно передавала мошенникам, представившимся сотрудниками Центробанка, денежные средства под предлогом обеспечения их безопасности. Общая сумма ущерба составила 7 млн рублей [14].

Последствия общения с преступниками могут оказать отрицательное воздействие на психическое здоровье и общее качество жизни жертвы.

В июне 2024 г. выпала из окна бывшая судья Таганского суда г. Москвы, которая незадолго до гибели перевела мошенникам на «безопасный» счет

практически 2 млн рублей, из которых 1 млн она оформила в кредит в банке. По словам ее близких, к трагедии привело сильное психоэмоциональное потрясение женщины после совершенного в отношении нее преступления [10].

В июне в полицию обратилась гражданка 1948 г. р., которая сообщила, что в начале 2024 г. ей звонила неизвестная женщина, представившаяся сотрудником безопасности Центрального банка, и под предлогом сохранности денежных средств убедила пострадавшую перевести 4,2 млн рублей на ранее неизвестный ей счет через банкомат ПАО «ВТБ», а также под предлогом сохранения в собственности продать принадлежащую ей квартиру, а вырученные деньги также перевести на указанный злоумышленницей счет. Общий ущерб составил 8,6 млн рублей. Кроме того, лишившаяся квартиры женщина вынуждена временно проживать в гостинице и искать возможное в дальнейшем место проживания [15].

Люди, которые привыкли выстраивать доверительные отношения, определенно более уязвимы к противоправным действиям, чем те, кто привык скептически воспринимать окружающих лиц. На доверии, выраженном в уверенности в порядочности другого человека, основано мошенничество [5; с. 200-203]. В ноябре 2023 г. в полицию обратился внук пенсионерки 1942 г. р., сообщивший, что его бабушке на мобильный телефон на протяжении длительного времени звонили мошенники, которые представлялись сотрудниками полиции, и убедили ее снять имеющиеся денежные средства и перевести на «безопасный счет». Потерпевшая на протяжении трех месяцев осуществила четыре денежных перевода на указанные преступниками счета. После этого ей позвонили снова и убедили для обеспечения безопасности квартиры, находящейся в собственности у пенсионерки, ее продать, а вырученные деньги перевести на «безопасный счет». Общая сумма материального ущерба составила более 12,3 млн рублей. Внук пенсионерки характеризовал ее как легковерного, порядочного человека, привыкшего доверять представителям органов власти [16].

Если возрастные характеристики пожилых потерпевших виктимологически проявляются в рассеянности и замедленной реакции, то у лиц среднего возраста они выражены в большей степени в легкомыслии. При этом и у первой, и у второй группы притуплено чувство опасности.

Однако уязвимым может оказаться и человек, который обладает противоположными качествами – внимательностью, осторожностью. В отношении него также может быть осуществлен преступный замысел. Например, ставший жертвой мошенников

гражданин 1955 г. р., которого злоумышленники, представившиеся сотрудниками ФСБ, убедили, что от его имени происходят транзакции в счет финансирования ВСУ, и чтобы прекратить данные операции необходимо перевести деньги на другой счет. Ущерб составил 2,8 млн рублей [17]. Или гражданка 1967 г. р., являющаяся помощником вице-президента одного из крупнейших финансово-кредитных организаций, которая перевела злоумышленникам, представившимся сотрудниками ФСБ, денежные средства в размере 11,7 млн рублей, которые она взяла в кредит в различных банках под залог движимого и недвижимого имущества [18].

В тоже время рассмотренные нами личностные качества, сопряженные с виктимностью, не делают из человека потенциальную жертву. Для этого необходимо наличие благоприятных условий, а именно использование ИКТ в повседневной деятельности, что при недостаточной технологической грамотности будет выступать триггером для совершения в отношении него преступного деяния. Учитывая данные особенности, преступники разрабатывают комбинированные схемы, при которых в конечном итоге вынуждают потенциальную жертву совершать переводы денежных средств через платежные карты без их согласия, в том числе с применением метода социальной инженерии, с которым по данным МВД России, столкнулась каждая пятая жертва бесконтактных хищений.

Выводы

Подводя итог, отметим, что жертвой бесконтактных краж и мошенничеств может стать каждый. С позиции виктимологического аспекта, бесконтактные хищения, – это ситуативные преступления, напрямую зависящие от активного или пассивного поведения потенциальной жертвы, и складывающихся отношений при общении со злоумышленником.

Виктимологически некоторые люди более уязвимы к совершению в отношении них бесконтактных хищений, что связано с индивидуально-личностными характеристиками потенциальной жертвы, в том числе пожилым возрастом жертвы, способствующим снижению критичности восприятия происходящих событий, осмотристельности и правильной оценки складывающихся ситуаций и когнитивными характеристиками жертвы, выраженными в невнимательности и легкомыслии, доверительном отношении к людям.

Предпосылкой (предикатом) к совершению в отношении лица бесконтактных краж и мошенничеств является: размещение сведений о себе в информационно-коммуникационных сетях, а также предоставление их всевозможным сервисам, собирающим персональные данные в том числе для оформления разнообразных карт (бонусных, скидочных, накопительных, постоянных клиентов). Триггером выступает невысокий уровень технологической грамотности.

Список источников

1. Интернетом в России пользуются 80% населения старше 12 лет // Сайт Mediascope. URL: <https://mediascope.net/news/> (дата обращения: 02.08.2024)
2. Клещина Е.Н. Жертва преступления как объект криминологического учения о жертве преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 2. С. 96 – 99.
3. Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации // Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 11.08.2024)
4. Опрос Банка России, в котором приняли участие более 288 тыс. человек, о степени удовлетворенности населения уровнем безопасности финансовых услуг, оказываемых организациями финансово-кредитной сферы, проведенный в ноябре 2022 г. URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения: 02.08.2024)
5. Осыко И.В. Ташкенбаев А.А. Злоупотребление доверием как способ совершения мошенничества // Наука и реальность/Science & Reality. 2021. № 1 (5). С. 200 – 203.
6. Отношение населения Российской Федерации к различным средствам платежа. Результаты социологического исследования за 2023 год, проведенного Банком России URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 21.08.2024)
7. Отчет, подготовленный порталом Global Digital Reports. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-global-overview-report> (дата обращения: 02.08.2024)
8. Отчет формы «Количество счетов, открытых учреждениями банковской системы» // Статистика национальной платежной системы (по сост. на 1 января 2023 г.). URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения: 02.08.2024)

9. Отчет формы «Количество счетов с дистанционным доступом, открытых в кредитных организациях» // Статистика национальной платежной системы (по сост. на 1 января 2023 г.). URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения: 02.08.2024)
10. Официальный сайт информационного агентства «ТАСС». URL: <https://www.tass.ru> (дата обращения: 21.09.2024).
11. Сайт «О странах и городах». URL: <https://www.statdata.ru> (дата обращения: 02.04.2023).
12. Уголовное дело № 12401400008001672 от 7 июня 2024 г., возбужденное по ч. 4 ст. 159 УК РФ СУ УМВД России по Московскому району г. Санкт-Петербурга.
13. Уголовное дело № 12301400011004660 от 17 ноября 2023 г., возбужденное по ч. 4 ст. 159 УК РФ СУ УМВД России по Приморскому району г. Санкт-Петербурга.
14. Уголовное дело № 12401400004000488 от 5 февраля 2024 г., возбужденное по ч. 4 ст. 159 УК РФ СУ УМВД России по Калининскому району г. Санкт-Петербурга.
15. Уголовное дело № 12401400004002112 от 5 июня 2024 г., возбужденное по ч. 4 ст. 159 УК РФ СУ УМВД России по Калининскому району г. Санкт-Петербурга.
16. Уголовное дело № 12301400018001659 от 19 ноября 2023 г., возбужденное по ч. 4 ст. 159 УК РФ СО ОМВД России по Пушкинскому району г. Санкт-Петербурга.
17. Уголовное дело № 12401400011000369 от 5 февраля 2024 г., возбужденное по ч. 4 ст. 159 УК РФ СУ УМВД России по Приморскому району г. Санкт-Петербурга.
18. Уголовное дело № 12401400012003265 от 9 ноября 2023 г., возбужденное по ч. 4 ст. 159 УК РФ СУ УМВД России по Фрунзенскому району г. Санкт-Петербурга.

References

1. 80% of the population over 12 years old use the Internet in Russia. Mediascope website. URL: <https://mediascope.net/news/> (date accessed: 02.08.2024)
2. Kleshchina E.N. Crime victim as an object of criminological doctrine on the crime victim. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 2. P. 96 – 99.
3. Monitoring the development of the information society in the Russian Federation. Official website of Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (date of access: 11.08.2024)
4. The Bank of Russia survey, in which more than 288 thousand people took part, on the degree of satisfaction of the population with the level of security of financial services provided by organizations of the financial and credit sector, conducted in November 2022. URL: <https://www.cbr.ru> (date of access: 02.08.2024)
5. Osiko I.V. Tashkenbaev A.A. Abuse of trust as a way to commit fraud. Science and Reality / Science & Reality. 2021. No. 1 (5). P. 200 – 203.
6. Attitude of the population of the Russian Federation to various means of payment. Results of the sociological survey for 2023 conducted by the Bank of Russia URL: <https://cbr.ru> (accessed on 21.08.2024)
7. Report prepared by the Global Digital Reports portal. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-global-overview-report> (accessed on 02.08.2024)
8. Report form "Number of accounts opened by banking system institutions". Statistics of the national payment system (as of 1 January 2023). URL: <https://www.cbr.ru> (accessed on 02.08.2024)
9. Report form "Number of accounts with remote access opened in credit institutions". Statistics of the national payment system (as of 1 January 2023). URL: <https://www.cbr.ru> (date of access: 02.08.2024)
10. Official website of the TASS news agency. URL: <https://www.tass.ru> (date of access: 21.09.2024).
11. Website "On countries and cities". URL: <https://www.statdata.ru> (date of access: 02.04.2023).
12. Criminal case No. 12401400008001672 dated June 7, 2024, initiated under Part 4 of Art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, Investigative Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Moskovsky District of St. Petersburg.
13. Criminal case No. 12301400011004660 dated November 17, 2023, initiated under Part 4 of Art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Primorsky District of St. Petersburg.
14. Criminal Case No. 12401400004000488 dated February 5, 2024, initiated under Part 4 of Art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kalininsky District of St. Petersburg.

15. Criminal Case No. 12401400004002112 dated June 5, 2024, initiated under Part 4 of Art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kalininsky District of St. Petersburg.

16. Criminal Case No. 12301400018001659 dated November 19, 2023, initiated under Part 4 of Art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Pushkinsky District of St. Petersburg.

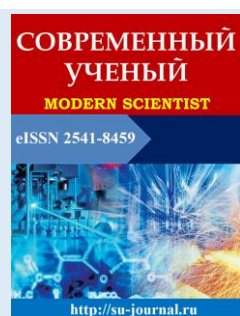
17. Criminal Case No. 12401400011000369 of February 5, 2024, initiated under Part 4 of Art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Primorsky District of St. Petersburg.

18. Criminal Case No. 12401400012003265 of November 9, 2023, initiated under Part 4 of Art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Frunzensky District of St. Petersburg.

Информация об авторе

Рязанова Е.Н., сотрудник Управления по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий Главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1666-1968>, 191015, Санкт-Петербург, Суворовский пр., дом 50/52, spbryazanova@mail.ru

© Рязанова Е.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

УДК 346.5:332.1

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-410-414

Понятие территории опережающего развития

¹ Кужеков А.Ю., ¹ Шестаков А.Г.

¹ *Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых*

Аннотация: в статье анализируется понятие территории опережающего развития в Российской Федерации. Авторы выделяют несколько признаков данного института: формализованности при создании, территориальности, способа управления, наличие резидентов и целевого признака. Особое внимание уделяется территориальному признаку, который раскрывает существенные особенности данной преференциальной зоны. Авторы предлагают свое определение дефиниции ТОР, которое полнее раскрывает сущность исследуемого понятия.

Ключевые слова: территория опережающего развития, ТОР, преференциальные режимы, инвестиционная активность, предпринимательская деятельность, формализованность, территориальный признак, способ управления, резиденты, целевой признак

Для цитирования: Кужеков А.Ю., Шестаков А.Г. Понятие территории опережающего развития // Современный ученый. 2025. № 1. С. 410 – 414. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-410-414

Поступила в редакцию: 20 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 22 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

The concept of the territory of advanced development

¹ Kuzhekov A.Yu., ¹ Shestakov A.G.

¹ *Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov*

Abstract: the article analyzes the concept of the territory of advanced development in the Russian Federation. The authors identify several signs of this institution: formalization at creation, territoriality, method of management, the presence of residents and a target feature. Special attention is paid to the territorial feature, which reveals the essential features of this potential zone. The authors propose their own definition of the definition of TAD, which more fully reveals the essence of the concept under study.

Keywords: territory of advanced development, TAD, preferential regimes, investment activity, entrepreneurial activity, formalization, territorial feature, management method, residents, target feature

For citation: Kuzhekov A.Yu., Shestakov A.G. The concept of the territory of advanced development. Modern Scientist. 2025. 1. P. 410 – 414. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-410-414

The article was submitted: September 20, 2024; Approved after reviewing: November 22, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

В рамках действующего законодательства Российской Федерации предусмотрены различные преференциальные режимы ведения предпринимательской деятельности.

Один из таких режимов – территория опережающего развития (далее – ТОР), являющаяся инструментом стимулирования инвестиционной и предпринимательской активности в регионах.

В настоящее время на территории нашей страны существует более 100 ТОР [8], что свидетельствует о распространенности исследуемого института.

Материалы и методы исследований

В исследовании авторами используются разнообразные методы исследования, направленные на глубокое понимание понятия ТОР в Российской Федерации. Прежде всего, применены методы анализа, который позволяет детально изучить ключевые признаки ТОР и действующее законодательство в данной области, а также провести обзор научной литературы. Был применен метод синтеза, который способствует объединению различных характеристик и признаков ТОР, что в свою очередь помогает более полно раскрыть сущность рассматриваемого института.

Дедуктивный метод позволяет авторам вывести общие заключения о ТОР на основе конкретных норм законодательства и существующих определений, что служит основой для обоснования их собственной формулировки понятия. В то же время индуктивный подход используется для формирования нового определения ТОР, опираясь на анализ существующих определений и выявление их недостатков. Сравнительный анализ различных подходов к определению ТОР, предложенных другими исследователями, помогает авторам выявить как сходства, так и различия в понимании данного института.

Кроме того, историко-правовой метод позволяет проследить эволюцию законодательства о ТОР, что способствует более глубокому пониманию современного правового регулирования в этой сфере.

Результаты и обсуждения

Согласно федеральному закону от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон) – ТОР является частью территории субъекта Российской Федерации, включая закрытое административно-территориальное образование, и (или) акватории водных объектов, на кото-

рых в соответствии с решением Правительства Российской Федерации установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения [1].

Наряду с указанной дефиницией современные исследователи предлагают свои формулировки относительно понятия ТОР.

Так по мнению С.П. Балашовой и М.В. Сиротенко – ТОР является инструментом и стимулятором регионального развития Дальнего Востока, основанное на существовании специальных экономических зон с закрепленными принципами, такими как уменьшение государственных регламентаций и наличие налоговых льгот [5].

Вместе с тем, А.А. Туктаева, Ф. Хасанова и С.В. Пирогова [7], приравнивают ТОР к территории со специальными условиями для ведения бизнеса, обеспеченной необходимой инфраструктурой.

Однако, Камынина А.А. [6] утверждает, что рассматриваемый институт является разновидностью зоны территориального развития, являющейся не чем иным, как инструментом стимулирования малого и среднего предпринимательства.

Исследовав положения Федерального закона, мы предлагаем свое понятие ТОР, основанное на особенностях данной преференциальной зоны.

На основании анализа легального понятия ТОР, а также норм Федерального закона, следует выделить признаки, характерные для данного института.

Первый признак, который следует выделить – формализованность при создании.

Из Федерального закона следует, что ТОР могут быть созданы по решению Правительства Российской Федерации на территории или в границах лишь определенных муниципальных образований по результатам рассмотрения заявок, поступивших от субъектов Российской Федерации.

Следовательно, не каждое муниципальное образование может претендовать на статус ТОР.

Следующим признаком ТОР, является территориальный.

Согласно Федеральному закону, ТОР могут быть созданы:

- в монопрофильных муниципальных образованиях (далее – Моногорода), не являющихся закры-

тыми административно-территориальными образованиями (далее – ЗАТО) или не располагающимися на территории Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО), при условии их включения в перечень [2] (далее – ТОР, созданные в моногородах);

- в ЗАТО, в том числе являющихся моногородами (далее – ТОР, созданные в ЗАТО);

- в моногородах, включенных в перечень [2] и находящихся на территории ДФО (далее – ТОР, созданные в моногородах на территории ДФО).

Действующим законодательством предусмотрены особенности создание ТОР в ЗАТО и моногородах на территории ДФО.

Так, указанные территории могут быть созданы на определенных земельных участках, а также в нескольких муниципалитетах, расположенных в границах одного субъекта.

Федеральным законом предусмотрено, что создание ТОР в ЗАТО и моногородах на территории ДФО, возможно на территории муниципального образования или территориях нескольких муниципальных образований в границах одного субъекта РФ и предусматривает определение перечня земельных участков, включаемых в состав указанных ТОР.

Кроме того, ТОР, созданные в ЗАТО и моногородах на территории ДФО могут включать акватории водных объектов.

Однако, законодателем определено [4], что ТОР, создаваемые в моногородах, располагаются в их границах, т.е. вся территория моногорода является ТОР.

Таким образом, территориальный признак раскрывает существенные особенности данной преференциальной зоны.

Следующим по счету признаком является способ управления.

Согласно действующему законодательству [1], управляющая компания наделяется Правительством Российской Федерации функциями по управлению ТОР, созданных в ЗАТО и моногородах на территории ДФО, ей также передано право распоряжения [3] государственным и муниципальным недвижимым имуществом на указанных территориях.

Следует обратить внимание, что Федеральный закон не содержит норм, предусматривающих порядок управления ТОР, созданных в моногородах.

В настоящее время сложилась практика, что функциями управления такими территориями наделяются органы местного самоуправления.

Еще одним признаком ТОР являются резиден-

ты.

Согласно Федеральному закону, резидентом является зарегистрированные на ТОР индивидуальный предприниматель или юридическое лицо в форме коммерческой организации, либо резидент другой ТОР при условии создания филиала или представительства, заключившие в соответствии с требованиями законодательства, соглашение об осуществлении деятельности и включенные в реестр резидентов ТОР.

Резиденты являются субъектами, которые пользуются преференциями на ТОР, что является пятым признаком ТОР.

Так, ст. 17 Федерального закона содержит особенности применения правового режима предпринимательской деятельности для указанных резидентов.

Отмечу, что вышеуказанный режим может включать налоговые, таможенные, административные и другие льготы.

Однако, ст. 34 данного закона определяет, что не все особенности, предусмотренные вышеуказанной нормой, могут быть применены для резидентов ТОР, созданных в моногородах.

Вышеуказанной нормой предусмотрено, что в отношении резидентов указанных ТОР подлежат применению:

- налоговые льготы, предусмотренные для резидентов в соответствии с налоговым законодательством, а также местными и региональными нормативными правовыми актами, устанавливающими ставки налогов;

- особенности осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля;

- иные, предусмотренные законодательством особые условия осуществления деятельности на ТОР.

Из чего следует, что рассматриваемый признак неоднороден и содержит особенности применения в отношении резидентов с учетом ранее выделенного территориального признака.

Последним признаком, который следует выделить, является целевой. То есть решение поставленных задач при помощи института ТОР, для достижения цели.

Рассматриваемый признак выражается в стимулировании социально-экономического развития, в том числе через создание новых рабочих мест и повышения качества жизни местного населения.

Из содержания легального определения ТОР следует сделать вывод, что целью является обеспечение социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения

жизнедеятельности населения, а задачей привлечения инвестиций на ТОР.

В свою очередь, целевой признак выражается в достижении минимальных значений следующих количественных показателей:

- объем капиталовложений резидентов на ТОР, созданных в ЗАТО и моногородах на территории ДФО [1];

- объем капиталовложений резидентов ТОР, а также количество новых постоянных рабочих мест, создаваемых в результате реализации резидентами инвестиционных проектов на ТОР, созданных в моногородах [4].

Таким образом, рассматриваемый признак неоднороден, так как в первом случае он выражается в экономическом эффекте-объеме капиталовложений, а во втором в социально-экономическом – объеме капиталовложений и количестве созданных рабочих мест.

Из чего следует, что для резидентов ТОР, созданных в моногородах, предъявляются более высокие требования.

Выводы

Подводя итог, отметим, что не все рассмотренные в настоящей статье признаки учитывались законодателем при формулировании легального

понятия ТОР, а также авторами изученных нами научных работ.

Так, в полной мере не были отражены территориальный признак, отсутствовали отсылки к способу управления, резидентам и особенностям применения к ним специального правового режима ведения предпринимательской и иной деятельности.

На основании изложенного, в целях более полного раскрытия сущности понятия ТОР, считаем необходимым определить ТОР, как часть территории субъекта Российской Федерации, находящаяся в распоряжении управляющей компании или без такового, расположенная в границах муниципального образования (в отдельных случаях нескольких муниципальных образований), признанного монопрофильным муниципальным образованием или закрытым административно-территориальным образованием, в том числе являющимся монопрофильным муниципальным образованием, допускающая в своем составе акватории водных объектов, созданная по решению Правительства Российской Федерации в целях социально-экономического развития, на которой к резидентам частично или полностью применяется особый режим ведения предпринимательской и иной деятельности, установленный законодательством.

Список источников

1. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ. URL: Справочно-правовая система «Консультант плюс» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения 24.08.2024)

2. Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов): Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р. URL: Справочно-правовая система «Консультант плюс»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_141068/#dst101269. (дата обращения 24.08.2024)

3. О порядке передачи управляющей компании, осуществляющей функции по управлению территорией опережающего развития, на праве собственности или аренды недвижимого имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности и расположенного на территории опережающего развития, и (или) находящегося в государственной или муниципальной собственности иного имущества, необходимого для обеспечения функционирования территории опережающего развития и (или) обеспечения осуществления деятельности резидентов территории опережающего развития, и порядке распоряжения таким имуществом и иным имуществом, принадлежащим управляющей компании и являющимся инфраструктурой территории опережающего развития: Постановление Правительства РФ от 24.04.2015 г. № 390. URL: Справочно-правовая система «Консультант плюс»: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178660/ (дата обращения 24.08.2024)

4. Об особенностях создания территорий опережающего развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов): Постановление Правительства РФ от 22.06.2015 № 614. URL: Справочно-правовая система «Консультант плюс»: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181759/ (дата обращения 24.08.2024)

5. Балашова С.П., Сиротенко М.В. Территория опережающего социально-экономического развития как пространственная трансформация социально-экономической системы региона // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2016. № 10 (144). С. 179 – 182.

6. Камынина А.А. Территория опережающего социально-экономического развития как инструмент поддержки монопрофильных муниципальных образований // Современная экономика: проблемы, пути решения, перспективы. 2021. С. 200 – 202.

7. Туктаров А.А., Хасанов Ф., Пирогова С.В. Территории опережающего социально-экономического развития – преимущества для экономики региона // Инновационная наука. 2016. № 9. С. 198 – 200.

8. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/tor (дата обращения 25.08.2024)

References

1. On the territories of advanced socio-economic development in the Russian Federation: Federal Law of 29.12.2014 No. 473-FZ. URL: Reference and legal system "Consultant Plus" http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (date of access 24.08.2024)

2. On approval of the list of single-industry municipalities of the Russian Federation (single-industry towns): Order of the Government of the Russian Federation of 29.07.2014 No. 1398-р. URL: Reference and legal system "Consultant Plus": http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_141068/#dst101269. (date of access 24.08.2024)

3. On the procedure for transferring to the management company performing functions on managing the territory of advanced development, on the right of ownership or lease of real estate in state or municipal ownership and located in the territory of advanced development, and (or) other property in state or municipal ownership necessary to ensure the functioning of the territory of advanced development and (or) to ensure the implementation of activities of residents of the territory of advanced development, and the procedure for disposing of such property and other property owned by the management company and constituting the infrastructure of the territory of advanced development: Resolution of the Government of the Russian Federation of 24.04.2015 No. 390. URL: Reference and legal system "Consultant Plus": https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178660/ (date of access 24.08.2024)

4. On the specifics of creating priority development territories in single-industry municipal formations of the Russian Federation (single-industry towns): RF Government Resolution No. 614 of 22.06.2015. URL: Consultant Plus Reference and Legal System: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181759/ (accessed on 24.08.2024)

5. Balashova S.P., Sirotenko M.V. Priority socio-economic development territory as a spatial transformation of the region's socio-economic system. Bulletin of the Altai State Agrarian University. 2016. No. 10 (144). P. 179–182.

6. Kamynina A.A. Priority socio-economic development territory as a tool for supporting single-industry municipal formations. Modern Economy: Problems, Solutions, Prospects. 2021. P. 200 – 202.

7. Tuktarov A.A., Khasanov F., Pirogova S.V. Territories of advanced socio-economic development – advantages for the regional economy. Innovative science. 2016. No. 9. P. 198 – 200.

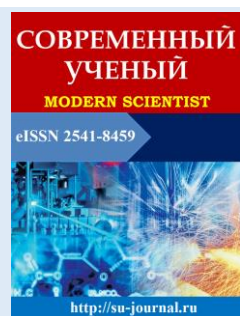
8. Official website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/tor (date of access 08/25/2024)

Информация об авторах

Кужеков А.Ю., кандидат юридических наук, доцент, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, 600005, Владимирская область, г. Владимир, ул. Студенческая, д. 8, kuzhekovay@yandex.ru

Шестаков А.Г., Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, 600005, Владимирская область, г. Владимир, ул. Студенческая, д. 8, alex-mw@yandex.ru

© Кужеков А.Ю., Шестаков А.Г., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки
(юридические науки)

УДК 342

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-415-419

К вопросу о повышении государственной пошлины при обращении в суд и защиты прав владельцев земельных участков

¹ Мухин Е.А.

¹ Ростовский государственный экономический университет

Аннотация: в данной статье рассматривается вопрос об увеличении размера государственной пошлины при обращении в суд. Автор анализирует возможные последствия такого решения и его влияние на доступ к правосудию и нагрузку на суды. Увеличение размера государственной пошлины вызывает споры. Для снижения нагрузки на судебную систему рассматриваются такие альтернативы, как досудебное урегулирование споров и упрощение судебных процедур. Автор приходит к выводу, что вопрос об увеличении государственной пошлины требует тщательного анализа и оценки возможных последствий для граждан и организаций, занимающихся сельскохозяйственной деятельностью на частной территории.

Ключевые слова: государственная пошлина, Земельный кодекс, сельское хозяйство, увеличение, защита прав

Для цитирования: Мухин Е.А. К вопросу о повышении государственной пошлины при обращении в суд и защиты прав владельцев земельных участков // Современный ученый. 2025. № 1. С. 415 – 419. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-415-419

Поступила в редакцию: 24 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 22 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 8 января 2025 г.

On the issue of increasing the state fee when applying to the court and protecting the rights of land owners

¹ Mukhin E.A.

¹ Rostov State University of Economics

Abstract: this article examines the issue of increasing the amount of state fees when applying to the court. The author analyzes the possible consequences of such a decision and its impact on access to justice and the workload of the courts. Increasing the amount of state fees causes controversy. In order to reduce the workload of the judicial system, alternatives such as pre-trial dispute resolution and simplification of judicial procedures are considered. The author concludes that the issue of increasing the state fee requires careful analysis and assessment of the possible consequences for citizens and organizations engaged in agricultural activities on private property.

Keywords: state duty, Land Code, agriculture, increase, protection of rights

For citation: Mukhin E.A. On the issue of increasing the state fee when applying to the court and protecting the rights of land owners. Modern Scientist. 2025. 1. P. 415 – 419. DOI: 10.58224/2541-8459-2025-1-415-419

The article was submitted: September 24, 2024; Approved after reviewing: November 22, 2024; Accepted for publication: January 8, 2025.

Введение

Верховный суд утвердил новые пошлины, заставив, что увеличение суммы побуждает стороны добровольно выполнять свои обязательства, а в случае возникновения споров – разрешать юридические споры мирным путем, используя другие способы.

В Госдуме объявили, что текущий размер госпошлины не повышался уже 15 лет. В результате экономическое и регулятивное значение судебных пошлин было утрачено. Верховный суд также поддержал закон. В своем пресс-релизе Верховный суд заявил, что решение о корректировке пошлин было уместным и своевременным: «Мы считаем, что принятые поправки повысят эффективность и качество судопроизводства, а также обеспечат соблюдение обязательств государства в условиях меняющихся экономических реалий и сохранение полного доступа к правосудию».

И это действительно так, дискуссии о повышении суммы уплаты государственных пошлин ведутся не один год. Ещё в июле 2012 г., при оценке Правительством РФ предложения об освобождении от судебной пошлины было официально заявлено, что установленные размеры государственной пошлины за рассматриваемые действия «являются соразмерными» относительно совершаемых в отношении заявителей юридически значимых действий[1].

Материалы и методы исследований

Судебная практика, официальные комментарии органов государственной власти, а также статистические данные, касающиеся размера государственной пошлины, судебных сборов и их влияния на экономику и доступность правосудия. Основу анализа составили следующие нормативные документы: Земельный кодекс Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации.

Методологическую базу исследования составили сравнительно-правовой анализ изменений в законодательстве, оценка экономических данных, правовой мониторинг, а также анализ судебной практики, связанной с разрешением земельных споров. Особое внимание уделено статистике су-

дебных разбирательств по земельным вопросам, а также финансовым данным о расходах на содержание судебной системы и доходах от уплаты пошлин.

При разработке выводов учитывались как теоретические аспекты правоприменения, так и практические затруднения, возникающие при защите прав владельцев земельных участков. Использовались методы логического анализа, систематизации правовых норм и моделирования возможных последствий изменения размера государственной пошлины.

Результаты и обсуждения

Итак, действующие до этого ставки государственной пошлины вряд ли можно назвать сбалансированными (соразмерными выполняемым институтом судебной пошлины функциям). Думается, что о сбалансированном размере судебных пошлин имеет весьма приблизительное представление и российское правительство.

Трудно понять, сколько всего пошлин взимается. Пошлина взимается отдельно за рассмотрение дел в Конституционном суде, Верховном суде, суде общей юрисдикции и Арбитражном суде. При этом сборы Конституционного, Верховного и Арбитражного судов зачисляются в федеральный бюджет, а сборы судов общей юрисдикции – в бюджет муниципального образования или городского округа, на территории которого находится суд. При этом размер сборов определяется федеральным законом.

Однако, по статистике Министерства юстиции, в 2023 году судебные сборы по делам в судах общей юрисдикции принесли около 31 млрд рублей, а согласно законопроекту об исполнении бюджета, еще 14 млрд рублей поступят от арбитражных судов. Ранее государство ежегодно направляло в бюджеты разных уровней 50 млрд рублей от судебных сборов.

В то же время, как следует из закона о бюджете и комментариев Министерства юстиции, содержание судебной системы обходится федеральному бюджету примерно в 300 млрд. рублей в год. Как видно, на содержание судебной системы федеральный бюджет тратит менее 1 процента от общих расходов, а судебные издержки «компенсируют» примерно шестую часть.

Годовой сбор судебных пошлин на душу населения в России был самым низким в мире: в Турции и Польше – 11 евро, в Греции – 10 евро, в Италии – 8 евро, в Финляндии – 6 евро. Этот показатель рассчитан на основе данных о судебных сборах, собранных в 2016 году [2].

Однако все вышесказанное о том, почему государство пришло к выводу о необходимости повышения судебных расходов, является лишь предположением. Пояснительный текст и финансово-экономические обоснования, приложенные к тексту законопроекта, не содержат никакого обоснования вводимых мер.

Именно владельцам сельскохозяйственных земель будет сложно защитить свои законные права, и для них обращение в суд является единственным выходом.

Согласно п.1 ст. 64 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ), земельные споры рассматриваются в судебном порядке [3].

Следует отметить, что перечень способов защиты прав, содержащийся в статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), не является исчерпывающим, поскольку в нем указано, что права могут быть защищены и иными способами, предусмотренными законом [3].

К конкретным способам защиты, не перечисленным в статье 12 ГК РФ и главе 9 ЗК РФ, относятся обоснование и негативные иски, иски о создании сервитутов, иски о признании отсутствия прав, иски о признании бездействия государственных органов незаконным и др.

При использовании земли могут возникнуть ситуации, когда действия или бездействие участников экономических отношений нарушают права или интересы других лиц. В качестве примера можно привести самовольное занятие земли, нарушение условий аренды или не приведение земельного участка в надлежащее состояние. Возникающие в таких случаях споры составляют содержание земельных споров, которые должны решаться посредством обращения в суд, если не удаётся достигнуть результатов путём мирных переговоров.

Земельные споры могут возникать не только между землевладельцами, землепользователями, арендаторами и арендодателями, но и между ними, с одной стороны, и государственными органами - с другой.

В соответствии со статьей 64 Земельного кодекса Российской Федерации при разрешении земельных споров в судах и государственных

органах рассмотрение земельных споров осуществляется в судебном порядке.

При этом применяются общие нормы Земельного кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации о возмещении вреда, а также нормы Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Помимо вышеперечисленных, существуют нормативные акты, которые необходимо соблюдать при разрешении некоторых земельных споров.

Тоточенко Д.А. в своём исследовании считает, что сложность земельных конфликтов объясняется следующими факторами:

- разнообразие земельных споров;
- в результате земельной реформы коренным образом изменилось законодательство, и судебная практика по земельным спорам не устоялась;
- многочисленными нормативными правовыми актами, регулирующими земельные отношения, зачастую противоречащими друг другу;
- Земельные участки являются частной недвижимостью, и их правовое регулирование осуществляется как земельным, так и гражданским законодательством [4].

Таким образом, на данный момент можно говорить о неуклонном росте числа земельных споров.

Так, согласно данным сайта Судебной статистики. рф, за период 2023 года, суда было рассмотрено 155 557 дел связанных с вопросами земельных участков [5]. При этом полагаем, что данная статистика далеко не полная, так как затрагивает непосредственно земельные правоотношения, а не отношения между владельцами данных земель.

По заявлению заместителя министра сельского хозяйства РФ Елены Фастовой: «В 2023 году выручка сельхозорганизаций составила почти 5 трлн рублей, это на 6,6% выше уровня предыдущего года» [6].

Да, сумма весьма внушительна, однако она не означает, что у обладателей прав на землю имеются средства для уплаты столь больших пошлин для защиты своих прав. При этом, существует так же вероятность оспаривания актов и заключений государственных органов, вынесенных в отношении земли. Законодатель, не освободил данную категорию споров от уплаты судебных пошлин, что ставит владельцев земли и муниципалитеты в не равное положение не в

пользу первых.

Обжаловать в суде незаконные акты или решения государственных органов становится практически невозможно.

В настоящее время государственная пошлина за обращение организации с заявлением об отмене ненормативного правового акта, решения или действия (бездействия) государственного органа, органа местного самоуправления, иного органа или учреждения составляет 3 000 рублей. Предлагается увеличить этот размер до 50 000 рублей.

Также в данном случае не будет работать ссылка на право суда освободить или отсрочить уплату пошлины по материальным обстоятельствам, поскольку это право суда, а не обязанность, и невозможно будет оспорить отказ суда в предоставлении отсрочки, рассрочки или освобождения от уплаты пошлины в связи с наличием фактических препятствий.

В случае же представления права отсрочки на уплату государственной пошлины, это не отменяет того, что пошлину всё равно придётся уплатить после разбирательства дела по существу одной из сторон.

Таким образом, владельцы сельскохозяйственных земель будут находиться в положении, когда их права на частую собственность будет в теории ущемляться, а денег на защиту своих прав посредством обращения в суд, останется только у крупных владельцев сельскохозяйственной земли. Данный подход приведёт не только к увеличению монополий на рынке, а также отпугнёт потенциальных желающих, приватизировать земли для дальнейшей обработки. Так как лица и организации, занимающиеся обработки земли

несут важную функцию в обеспечении продовольственной безопасности страны, хотелось бы, чтобы государство сделало исключения для данной категории лиц в защите своих прав, хотя бы в пункте обжалования постановлений государственных органов, касающихся земли.

Также в уязвимо положении оказывается та группа, которая имеет претензии к владельцу земли, у таких лиц тоже не всегда имеются средства для оплаты государственной пошлины.

Выводы

Невозможность отстаивать свои права в суде приведёт к тому, что владельцы земельных участков не смогут вести свою деятельность, что в свою очередь приведёт к невозможности со стороны собственников заниматься сельским хозяйством, а в дальнейшем к процедуре банкротства, что создаст невозможность для использования и возделывания земельного участка, а значит и приносить пользу для экономики.

В теории данную проблему способна решить мера по отнесению категории споров по земельным правам в группу, где оплата государственных пошлин не является столь значительной. Данное исключение объясняется тем, что зачастую споры, связанные с земельными правами напрямую связаны с интересами государства в области землепользования и обработки земли. Однако, на данный момент законодатель не заинтересован в данном изменении, а все действия направлены на разгрузку перегруженной на сегодняшнее время судебной системы.

Список источников

1. О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса РФ: проект заключения Правительства Российской Федерации на проект федерального закона // Министерство финансов России. 2012. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=16738&page_id=2104&popup=Y&area_id=4 (дата обращения: 17.08.2024)
2. Бочаров Т.Ю., Волков В.В., Воскобитова Л.А. Предложения по совершенствованию судебной системы в Российской Федерации и изменения нормативных актов в целях их реализации: науч. доклад. М.: Центр стратегических разработок, 2018. 112 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51—ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
4. Тоточенко Д. А. Понятие и классификация споров о правах на земельный участок // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 4. С. 63 – 68.
5. Портал сайта Судебная практика. РФ. <https://stat.xn7sbqk8achja.xnp1ai/stats/gr/t/22/s/27> (дата обращения: 19.08.2024)
6. Export.Link / International Trade & Investment Digital Platform (дата обращения: 19.08.2024)

References

1. On Amendments to Part Two of the Tax Code of the Russian Federation: draft opinion of the Government of the Russian Federation on the draft federal law. Ministry of Finance of Russia. 2012. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=16738&page_id=2104&popup=Y&area_id=4 (accessed: 17.08.2024)
2. Bocharov T.Yu., Volkov V.V., Voskobitova L.A. Proposals for Improving the Judicial System in the Russian Federation and Amending Regulatory Acts for the Purpose of Their Implementation: scientific report. Moscow: Center for Strategic Research, 2018. 112 p.
3. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 14.04.2023). Collected Legislation of the Russian Federation. 05.12.1994. No. 32. Art. 3301.
4. Totochneko D. A. Concept and classification of disputes over rights to a land plot. Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 4. P. 63 – 68.
5. Portal of the site Judicial practice. RF. <https://stat.xn7sbqk8achja.xnp1ai/stats/gr/t/22/s/27> (date of access: 19.08.2024)
6. Export.Link. International Trade & Investment Digital Platform (date of access: 19.08.2024)

Информация об авторе

Мухин Е.А., аспирант, Ростовский государственный экономический университет, mea19993@yandex.ru

© Мухин Е.А., 2025